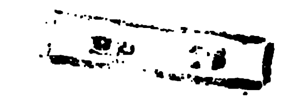
Shchebal'skii, Petr Karlovich.



ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. ЩЕБАЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено цензурою. 31 Іюля 1863 г. С.-Петербургъ.

Печатано въ типографіи Рюмина и ко.

Знать исторію своего отечества со всею полнотою и подробностію есть обязанность каждаго образованнаго человѣка; но есть много и другихъ знаній, настоятельно необходимыхъ; поэтому курсъ отечественной исторіи приходится сокращать, ограничивая его указаніемъ и объясненіемъ только важнѣшихъ явленій народной жизни. Сообразно съ этимъ составляются программы преподаваній и пишутся учебники, при чемъ тѣ и другіе неизбѣжно грѣшатъ или сухостію, происходящею отъ желанія коснуться какъ можно большаго числа фактовъ, или неполнотою, если имѣлось въ виду оживить имена, числа и происшествія драматическимъ разсказомъ и исторической мыслію.

Мнѣ кажется, что благоразумнѣе будетъ не гнаться за двумя, одна другую исключающими, цѣлями, и что въ помощь существующимъ учебникамъ полезно было бы написать такую книгу, которая, соотвѣтствуя современному состоянію исторической науки, обнимала бы подробности предмета, изображала бы съ возможною выпуклостію личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія

съ драматическою занимательностію; представляла бы духъ времени и колоригъ мѣстности.

Такое сочиненіе по объему своему, разумѣется, можетъ предназначаться только для чтенія, но не для изученія; тѣмъ не менѣе оно можетъ глубоко врѣзаться въ молодую память, если изложеніе его будетъ столько занимательно. что его станутъ читать не во исполненіе лишь обязанности, а ради внутренняго его интереса.

Такъ означалъ я свой взглядъ на предпринятую мною задачу, приступая къ ней. Критика обратила нѣкоторое вниманіе на мою книгу, еще болѣе на мою мысль. «Современникъ» напечаталъ о ней рецензію, въ которой говорилось, что нѣтъ причины не употреблять книгу мою даже въ видѣ учебника, или вмѣсто его. Г. Соловьевъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», напротивъ, замѣчалъ, что я напрасно старался соображать ее съ существующими учебниками, что она можетъ и должна существовать самостоятельнымъ образомъ: «Мы думаемъ, говоритъ онъ, что книга, подобная книгѣ г. Щебальскаго, должна имѣть самостоятельное значеніе, не связываться такъ неразрывно съ учебникомъ и не ограничиваться возрастомъ отъ отъ 13 до 15 лѣтъ». Противъ мысли моей о томъ, что въ учебникъ не можетъ войти яркое изображеніе историческихъ личностей, драматическое изложеніе происшествій, характеристика времени и мѣстности и развитіе исторической мысли, московскій профессоръ возражалъ, что все это должно войти въ хорошій учебникъ и что кромѣ учебника надо имѣть въ виду еще «живаго человѣка — учителя».

Въ подробную оцѣнку этихъ замѣчаній входить я считаю излишнимъ, предоставляя воспитателямъ и преподавателямъ дѣлать изъ моей книги то употребленіе, которое они считаютъ полезнѣйшимъ; но основной своей мысли не измѣняю и нынѣ, при второмъ изданіи. Однакожъ я воспользовался нѣкоторыми сдѣланными мнѣ замѣчаніями относительно частностей и однимъ, имѣющимъ характеръ общій. Это послѣднее принадлежитъ профессору Соловьеву. Въ предисловіи къ первому изданію я писалъ: «Я старался держаться въ ровномъ разстояніи отъ чисто ученаго изслѣдованія и отъ романа; не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты которыя не позволялъ бы себѣ помѣстить въ чисто серьезномъ трудѣ». Г. Соловьевъ не безъ основанія порицалъ такой неопредѣленный характеръ книги; при второмъ и слѣдующихъ выпускахъ я и самъ замѣтилъ, что романъ и исторію уровновѣсить невозможно: что нибудь одно должно взять верхъ. Я рѣшился дать перевѣсъ исторіи и, благодаря усиливающемуся драматическому интересу въ эпохахъ ближайшихъ къ нашей, нашелъ, что это можно сдѣлать, не впадая въ сухость.

П. Щебальскій.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Взгляните на карту Россіи: проведите черту отъ Бѣлаго моря мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ къ Чудскому; оттуда по границѣ нынѣшнихъ псковской и витебской губерній на Днѣпръ, у Смоленска; потомъ внизъ по Днѣпру до устья Самары; отъ этой рѣки чрезъ низовья Дона на Терекъ: такова была граница европейской Россіи 200 лѣтъ тому назадъ. — Что касается до Сибири, то тамъ не было опредѣленныхъ границъ; мѣста были *вольныя;* наши промышленники и звѣроловы доходили до Амура и на его берегахъ строили свои *острожки* (укрѣпленьица).

Это было государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку, вдоль пустынныхъ, печальныхъ сѣверныхъ морей и только мѣстами выдвигавшееся на югъ отдѣльными выступами; на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ обитало едва ли болѣе

какихъ нибудь пяти — шести мил. жителей, да и то главнѣйше въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ; отъ Курска, Ельца, Тамбова уже начиналась безлѣсная и частію безводная степь, которая неизмѣримою и все меньше и меньше населенною полосою развертывалась между Днѣпромъ и Волгою, сливаясь съ одной стороны съ степями Буджакскихъ татаръ, за Днѣпромъ, съ другой — съ пустынями средней Азіи — кочевьями Киргизовъ, Кайсаковъ, Башкиръ и др. Отъ Москвы къ сѣверу и сѣверо-востоку, за Костромою и Казанью, опять лежала пустыня, только покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ хозяйничали на просторѣ медвѣди, волки и отчасти соболи; лѣса эти непрерывною чащею простирались къ сѣверу до Ледовитаго моря, а отъ запада къ востоку—отъ Кореліи до Перми.

Собственно русское племя занимало не все это огромное пространство. Оно групировалось отъ Новгорода и Пскова между Западною Двиною и Днѣпромъ съ одной стороны, и Волгою съ другой, разсыпаясь оттуда во всѣ стороны въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ и древнихъ поселеній. Такимъ образомъ лѣтъ за 200 передъ настоящимъ временемъ были русскія деревни на берегу Финскаго залива и Невы, были онѣ на дальнемъ сѣверѣ, въ глубинѣ Архангельской губерніи, на верховьяхъ Камы; шла длинной полосою вдоль южной части Сибири до самаго Амура и даже Охотскаго моря; были на Терекѣ, на Дону и низовьяхъ Днѣпра, — такъ что, еслибъ на картѣ означить особою краскою, — напримѣръ зеленою — славяно-русское племя, то оно представило бы огромную неправильную

игуру, которая тонкими линіями, какъ будто лапка-
и, цѣпляется за Черное, Каспій, ское и Охотское мо-
я, — моря, къ которымъ Россія впослѣдствіи плот-
о придвинулась (*). — Большая часть пространства
оссіи, которое затѣмъ осталось бы на картѣ бѣлымъ,
ыло населено финскими племенами: они занимали весь
я сѣверо-востокъ, отъ Ладожскаго озера до устья
)ки и оттуда по Волгѣ до Камы; эти племена на[illegible]а-
ись Корелами, Мордвою, Черемисами, Вотяками, Са-
юѣдами, и двѣсти лѣтъ тому назадъ были большею
астію язычники. Въ Сибири жили разные мелкіе на-
юдцы, тоже идолопоклонники, а по сѣвернымъ и за-
адныимъ берегамъ Каспійскаго моря, до Терека и Ку-
ани кочевали Башкиры, Ногайцы и Калмыки, большею
астію, магометане.

Сосѣдями нашими, — такими, съ которыми мы на-
олѣе имѣли сношеній, — были, во первыхъ, крым-
іе татары, подвластные турецкому султану; во вто-
хъ, владѣнія турецкія, которыя подходили къ нашимъ
низовью Днѣпра; потомъ польское королевство, то
ь русскія и литовскія ея земли, съ которыми
сія граничила Днѣпромъ и Западною Двиной, и на-
цъ королевство шведское, начинавшееся за Чуд-
ъ озеромъ и Новгородомъ. Со всѣми этими сосѣ-

Іеобходимо замѣтить, здѣсь что кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ
племя жило и въ другихъ мѣстностяхъ, а именно въ предѣ-
'ольскаго государства, гдѣ оно занимало нынѣшнія губерніи:
о, Подольскую, Волынскую, Минскую, Гродненскую, (частію)
скую и Витебскую съ восточною половиною Виленской. Нако-
секое же племя обитало и обитаетъ въ нѣнышней Галиціи,
сточной половинѣ.

дями у насъ были безпрестанныя войны и едва ли проходило нѣсколько лѣтъ сряду, чтобъ на которой нибудь нашей границѣ не пылали города и не лилась кровь; мы безпрестанно то воевали, то мирились съ ними, а торговыхъ сношеній, дружелюбныхъ взаимныхъ посѣщеній, какъ это теперь дѣлается, не было почти никакихъ. Да не только съ иноземными государствами,— одна область съ другою имѣла мало сношеній; дороги были не безопасны и непроѣздны; промышленость была самая ничтожная, земледѣліемъ занимался каждый на столько лишь, чтобы прокормиться съ семействомъ своимъ; простой народъ жилъ не иначе, какъ въ курныхъ избахъ; города были крыты соломою; не существовало, можетъ быть, бѣдности, — то есть люди не умирали съ голоду и милостыни подавались щедро, — но удовлетвореніе однѣмъ матеріальнымъ нуждамъ есть только первая степень гражданскаго развитія: наши же предки, какъ и всѣ народы еще не просвѣщенные, трудиться не любили, учиться не видѣли надобности и поэтому болѣе просвѣщенные иностранцы называли не безъ основанія Россію *дикою Московіею.*

Многія государства западной Европы были въ это время въ совершенно иномъ положеніи; голландская и венеціанская республики покрывали всѣ моря своими кораблями; во Франціи начинался такъ называемый золотой вѣкъ Людовика XIV-го; эти и нѣкоторыя другія западныя государства имѣли хорошія арміи и флоты, университеты, типографіи, литературу, театры, академіи, художества. — Германія была нѣсколько позади въ отношеніи просвѣщенія; Польша и Венгрія еще болѣе; вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ гуще

былъ мракъ невѣжества. — Западная Европа была въ это время тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ Римъ, а еще прежде Греція и Египетъ, то-есть страною, откуда свѣтъ просвѣщенія разливался окрестъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ, разумѣется, слабѣе; это очень похоже на то, какъ еслибы въ огромномъ какомъ нибудь зданіи мы ярко освѣтили одну залу и оставили изъ нея двери отпертыми: ближайшія комнаты имѣли бы достаточно свѣта, слѣдующія менѣе, и наконецъ въ какомъ нибудь отдаленномъ углу едва мерцалъ бы какой нибудь скользящій лучъ. Этимъ темнымъ угломъ была въ теченіи долгаго времени Россія; она даже затворила дверь отъ этого свѣта, который представляли ей опаснымъ и вреднымъ; но наконецъ очередь и до нея дошла; въ XVII вѣкѣ замѣтны проблески какого-то отдаленнаго свѣта; замѣтны начатки чего-то новаго и, еще болѣе, замѣтно недовольство старымъ. Церковь и отчасти правительство недовѣрчиво смотрѣли на это движеніе и старались его сдерживать; но вотъ, явился государь, который не только далъ ему ходъ, но и двинулъ его съ необыкновенной силой. Это былъ Петръ I-й.

Поэтому исторія петрова времени есть чрезвычайно важная эпоха въ судьбѣ русскаго народа; онъ долго жилъ, чуждаясь другихъ народовъ, встрѣчая и съ ихъ стороны равнодушіе и невниманіе; народы эти между тѣмъ, обращаясь между собою, развивались, крѣпчали, богатѣли, просвѣщались, — Россія, напротивъ того, въ своемъ одиночествѣ, или въ отношеніяхъ по большей части враждебныхъ съ своими сосѣдями, росла тупо и медленно; и вотъ переворотъ совершается въ ея политикѣ: Петръ вводитъ Россію въ кругъ европейскихъ госу-

вославной святыни. Съ которой бы стороны не подходилъ или не подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ — завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. *Святая*, *бѣлокаменная и златоглавая*, были названія, которыя народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: *живописная*, потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее, Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большой части разсѣянныхъ по городу церквей,—весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя усадьбы, — хоромы какого нибудь знатнаго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ са-

довъ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ въ послѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то Сущево, Хомовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ), посреди этого муравейника домовъ, глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченныхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвырѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были эти старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, — глава греко-россійской Церкви, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана-великаго, Царь-пушка и большой колоколъ (*),—предметы, которыми наши предки гордились также, какъ древніе Греки своимъ колоссомъ-родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ.

Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка. Съ подробностями ея мы познакомимся, когда коснемся въ разсказѣ своемъ той или другой мѣстности, или того или другого зданія, а теперь приступимъ къ этому разсказу.

Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола; это была вѣсть народу о преставленіи царицы Марьи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закры-

(*) Нынѣшній большой колоколъ, находящійся возлѣ колокольни Ивана-великаго, отлитъ позже, при Императрицѣ Аннѣ.

тыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше Царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и славѣ главнѣйше по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, — честь ли боярскую, воеводство ли доходное, придворную ли должность приближенную, тотчасъ, къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ дочери, а она Царю, — и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ и во второй бракъ вступить, а съ новою царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней еще царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ. Началъ онъ съ небольшого, былъ сыномъ небогатаго человѣка, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Николы-въ-Столбахъ, ни кому не на-

вязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой нибудь важный бояринъ, Долгоруковъ, или Ромадоновскій, или Черкаскій, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ — и добился такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался: коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ Царя, какъ бывалъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. И государь самъ безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей,—былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человѣкъ, такъ что, когда его сынъ внезапно умеръ, Царь утѣшалъ старика и сокрушался съ нимъ, какъ близкій родственникъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечерень, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ въ это время построилъ уже себѣ домъ побольше и сталъ жить пошире. Онъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго

приказа, слѣдовательно, не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей — цесаря римскаго, польскаго короля, свейскаго (шведскаго) и другіе пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ; въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ, какъ какой нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что, заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся добрые люди, заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей, — а это такая вина, которая показалась бы имъ хуже самой корысти. По этому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. — Я человѣкъ маленькій, не знатный, говорилъ онъ Царю: — не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ!

Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ, и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій, и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы этихъ добрыхъ людей, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный и, по тогдашнему, большой и красивый; въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла.

Не надобно однакожъ думать, чтобъ это было что

нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу зимняго или новаго кремлевскаго дворца. Рисунковъ дома Матвѣева, какъ и самаго дома, не сохранилось, къ сожалѣнію; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновляются въ старинномъ видѣ, напримѣръ домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, принадлежавшій фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, росписанныя *травами* или обитыя тисненною съ узорами кожею; вдоль стѣнъ лавки; вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ, длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и тоже, едва ли не ежедневно, садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же въ особомъ шкафѣ или на полкахъ стояли тяжелыя серебрянныя блюда, кубки, ковши, драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ; это были такъ называемые *терема*, убѣжище недоступное для постороннихъ; тамъ жила сама хозяйка, и дѣти; онѣ тамъ проводили цѣлый день; хозяинъ же, напротивъ, только приходилъ туда ночевать; женщины жили однѣ и кромѣ своего хозяйства

да разныхъ вышиваній ни во что не вмѣшивались, ни до чего не касались.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши),—хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замкàми и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, хотя и ихъ берегли, какъ зеницу ока, однако частенько ихъ тревожили; это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и виноградныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ,—ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову; откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили Русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать. Матвѣевъ этого не терпѣлъ; любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія; онъ и самъ писалъ; его собственною рукою было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества, по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, распрашивать какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ,

что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ, и нерѣдко забавлялъ Царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами; эти пьесы были большею частію духовнаго содержанія; изъ нихъ нѣкоторыя были писаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же: давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи и еслибъ прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти Царя Θеодора Алексѣевича.

Дочерей у него не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева покрайней мѣрѣ не была отдѣлена отъ всего свѣта, какъ обыкновенно бывали въ то время дѣвицы знатныхъ домовъ; онъ ее не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ и ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Наталіей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ съ темно-русою

косою, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и Царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. «Я не зналъ, Сергѣичъ, сказалъ онъ; что у тебя есть дочь?»—Это не дочь моя, а пріемышъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, и назвалъ ее. Тѣмъ на первый разъ и кончилось, но черезъ нѣсколько времени Царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ... Сказываютъ, что Матвѣевъ повалился ему въ ноги, говоря, что эта новая къ нему милость погубитъ его.—Трудно этому повѣрить; до царской родни рѣдко достигали придворныя интриги; съ воспитателемъ и благодѣтелемъ, почти отцемъ царицы, мудрено было кому бы то ни было бороться! Поэтому такому смиренію Матвѣева мало кто вѣрилъ, многіе разсказывали объ этомъ совсѣмъ другое: говорили, что Матвѣевъ самъ подготовилъ это сватовство; и этого тоже за вѣрное выдать нельзя, но, конечно, Матвѣевъ былъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ иные простаки изъ его друзей это думали, и во всякомъ случаѣ, валяться въ ногахъ, чтобъ не попасть въ родство съ царскимъ семействомъ, ему не было никакого повода.

Государь сочетался бракомъ съ Наталіей Кириловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея,— Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатыя волости, братья взяты ко двору; Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярскій.

30-го мая 1672 года у Царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій Императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко дво-

ру стали ходить слухи, что между мачихою и падчерицами не стало согласія; какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ ли кто нибудь могъ достовѣрно сказать; царевны ли, дочери Алексѣя Михайловича, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, не дружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ,—дѣло темное; но между царевнами и царицей не было дружества; Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ; глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталію Кириловну; на нихъ ласково смотрѣлъ и Царь; другіе,—родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ замѣчали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось, какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра *объявленъ* былъ старшій сынъ Государя, Θеодоръ Алексѣевичъ. *Объявленіе* было тоже, что признаніе наслѣдникомъ престола. Въ самый новый годъ, который начинался тогда перваго сентября, происходила эта церемонія. Въ передней палатѣ Кремлевскаго дворца были собраны бояре, думные люди, духовенство. Царь вышелъ къ нимъ съ молодымъ царевичемъ, которому тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, и сказалъ, что настало время отдать его Господу Богу въ послуженіе и ввести его въ святую соборную и апостольскую Церковь. — Θеодоръ

Алексѣевичъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Өеодоръ считался какъ бы наслѣдникъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи, и дѣйствительно, когда, въ январѣ 1676 года, Алексѣй Михайловичъ тяжко занемогъ и скончался, онъ вступилъ на престолъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича не было счастливо; не то, чтобъ онъ велъ несчастныя войны; нѣкоторыя изъ нихъ были и удачны; съ Польшею онъ заключилъ перемиріе, по которому къ Россіи отходила часть нынѣшнихъ смоленской, витебской и черниговской губерній, а главное—колыбель Россіи, Кіевъ; еще болѣе важнымъ дѣломъ было присоединеніе Малороссіи: это было дѣло славное и выгодное. Но съ другой стороны, въ это царствованіе Россію посѣщали разныя несчастія, голодъ, пожары, моровыя повѣтрія; какое-то темное неудовольствіе жило въ народѣ, который безпрестанно волновался; то тутъ, то тамъ вспыхивали мятежи, и если власти не успѣвали принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, то эти мятежи сильно и жестоко разгорались, какъ напримѣръ бунтъ извѣстнаго Стеньки Разина. Даже въ дѣлахъ церковныхъ произошло въ это царствованіе такое замѣшательство, которому подобнаго передъ тѣмъ никогда не бывало. Объ этомъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Въ тѣ времена духовенство наше было очень мало образовано и даже, прямо сказать, мало грамотно; книги церковныя переписывались полуграмотными людьми

и потому въ нихъ вкрались мало по малу большія ошибки; это замѣчали уже и прежде нѣкоторые просвѣщенные люди между духовенствомъ и принимались было дѣлать исправленія; но либо на людей этихъ смотрѣли какъ на еретиковъ, посягающихъ на святыню, либо они напутывали хуже прежняго. Наконецъ патріархъ Никонъ принялся цѣлымъ соборомъ за исправленіе священныхъ книгъ, собралъ множество древнихъ греческихъ рукописей и довелъ дѣло до конца; но нашлось не мало людей, которымъ это дѣло показалось богохульствомъ. *Новыя* книги казались имъ подозрительными и они ихъ отвергли; когда же имъ старались доказать, что именно эти новыя книги только и правильны, потому что онѣ повѣрены по *самымъ старымъ* книгамъ, то они говорили: если наши прежнія книги не суть святыя книги, то какъ же по нимъ могли спастись святые Филиппъ, Петръ, Алексѣй и другіе святители русской Церкви? Имъ говорили, что крестное знаменіе установлено совершать тремя перстами, а не двумя ,какъ велось у насъ обычаемъ: они возражали, что крестясь двумя перстами однакожь спаслись многіе отцы Православной Церкви? На это имъ опять возражали исторіей и толкованіями, но они ихъ не хотѣли знать. Досада и ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ; противъ людей *старой вѣры* начались гоненія; они принимали эти гоненія, какъ вѣнецъ мученическій, а народъ, видя ихъ непоколебимую стойкость, вѣрилъ имъ, слушалъ ихъ и цѣлыя массы отступили отъ Православія, оставляли города и селенія, уходили въ глухіе лѣса, въ безлюдныя степи, въ отдаленные концы государства, даже вовсе оставляли отечество! Рас-

2*

колъ проникъ въ кругъ людей знатныхъ и богатыхъ, даже въ среду самаго духовенства; множество священниковъ оставляло свои церкви и уходило въ раскольничьи скиты; одинъ епископъ отложился отъ Православія, царскій духовникъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ раскольниками; они наполнили знаменитую Соловецкую обитель, и за ея стѣнами подняли оружіе противъ Царя, который, говорили они, покровительствуетъ *Никоніанцамъ*. Раскольники предсказывали близкій конецъ міру, говорили о пришествіи антихриста и все сильнѣе ожесточались противъ церковной и свѣтской влас ти, а число ихъ умножалось, и къ концу царствованія Алексѣя Михайловича ихъ считали десятками и сотнями тысячъ. И не нашлось тогда ни одного человѣка, который бы, оставляя споръ о буквахъ и словахъ, объяснилъ бы, что ученіе Христа требуетъ прежде всего братской любви, добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти!

РОССІЯ ПРИ ЦАРѢ ѲЕОДОРѢ.

Наружность Царя Ѳеодора. — Одежда нашихъ предковъ. — Вступленіе на престолъ Ѳеодора. — Слухи о проискахъ Матвѣева и Нарышкиныхъ устранить его отъ наслѣдства.—Царица удаляется отъ двора. — Матвѣевъ отправляется въ ссылку. — Новые любимцы. — Царевна Софія; она сближается съ Милославскими, Хованскимъ, Голицынымъ.—Значеніе Голицына при Царѣ Ѳеодорѣ; уничтоженіе мѣстничества.—Второй бракъ Царя.—Апраксины и Языковъ. — Царь сближается съ своею мачихой.—Болѣзнь Царя. — Заботы о престолонаслѣдіи; дворъ раздѣляется на двѣ партіи: за Іоанна и за Петра; интриги той и другой.— Смерть Царя. — Царедворцы съѣзжаются во дворецъ, народъ собирается къ Красному крыльцу.—Патріархъ предлагаетъ разрѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи сперва царедворцамъ, а потомъ народу. — Избраніе Петра. — Протестъ Софіи противъ него.

До насъ дошло нѣсколько портретовъ Ѳеодора Алексѣевича; къ сожалѣнію они не похожи между собою и очень мало соотвѣтствуютъ описанію, оставленному современниками о наружности этого государя. На портретахъ онъ изображенъ молодымъ человѣкомъ цвѣтущей наружности, между тѣмъ какъ описанія очевидцевъ представляютъ его слабымъ, болѣзненнымъ юношей. Портреты эти, слѣдовательно, какъ *портреты*,— цѣны для

насъ не имѣютъ; но они любопытны тѣмъ, что даютъ вѣрное понятіе объ одеждѣ того времени.

Предки наши вообще носили длинную одежду; короткая казалась имъ неприличною и слишкомъ отступающею отъ изображенія святыхъ отцевъ и отъ обычаевъ старины. Цари являлись народу неиначе, какъ осыпанные самоцвѣтными камнями и жемчугами; Алексѣй Михайловичъ изображенъ, напримѣръ, на старыхъ портретахъ, въ длинной парчевой одеждѣ, выложенной камнями, вышитой жемчугами, формою своею напоминающей діаконскую ризу и называемой *становымъ кафтаномъ;* сверхъ кафтана надѣто у него такъ называемое *ожерелье* — родъ пелерины, спускающейся почти до половины груди,—которое также все унизано драгоцѣнностями. Почти въ такой же одеждѣ изображена большая часть Царей нашихъ, одеждѣ великолѣпной,— но надо признаться,—чрезвычайно неудобной.

Одежда партикулярныхъ людей была и удобнѣе и, кажется, даже красивѣе; удобнѣе уже по одному тому, что она не была обременена драгоцѣнностями, очень тяжеловѣсными. Она, эта одежда, состояла изъ кафтана атласнаго, или менѣе дорогого шелковаго, спускавшагося до колѣнъ или немного ниже, подпоясаннаго кушакомъ или ремнемъ съ восточнымъ серебрянным ъ наборомъ; но это была только нижняя одежда, соотвѣтствующая нынѣшнему жилету; человѣкъ, который не хотѣлъ прослыть невѣжею, не могъ ни явиться куда нибудь, ни даже принять почетнаго госта, не надѣвъ сверхъ кафтана —*ферязи*, длинной широкой одежды изъ шелковой матеріи, атласа или парчи. Выходя на улицу, надо было еще надѣть въ лѣтнее время широкій *оха-*

бень или *одноряку*, а въ зимнее — шубу; мѣха этихъ шубъ были нерѣдко собольи или черные лисьи, а верхи бархатные и даже парчевые. Головной уборъ составляла шапка, почти всегда опушенная мѣхомъ, а у богатыхъ людей украшавшаяся еще перомъ изъ какихъ нибудь драгоцѣнныхъ камней, или нарядным бѣлымъ султанчикомъ, какъ у Поляковъ. Что касается до обуви, то она состояла изъ высокихъ, до колѣнъ, сафьянныхъ, цвѣтныхъ сапоговъ, съ каблуками и иногда съ острыми носками, загнутыми кверху.

Такъ одѣвались наши предки; все то, что здѣсь описано, а также домашняя утварь, вооруженіе конское, сбруя и т. п., изображены въ превосходномъ изданіи, подъ названіемъ: «Древности россійскаго государства», и въ «Историческомъ описаніи одежды и вооруженія россійскихъ войскъ.»

Теперь возвратимся къ тому, что происходило въ Москвѣ послѣ смерти Царя Алексѣя.

Москва и Россія цѣловали крестъ Ѳеодору Алексѣевичу, котораго привыкли уже считать и прежде наслѣдникомъ отцовскаго престола. По этому, необыкновенно страннымъ показался слухъ, который въ это время началъ распространяться, — отомъ, что будто бы покойный Царь, въ послѣдніе дни своей жизни, думалъ передать престолъ, помимо старшаго своего сына, младшему, четырехлѣтнему Петру. Иные говорили, что Алексѣй Михайловичъ, видя болѣзненность старшаго сына своего, боялся что онъ будетъ недолговѣченъ и скончается, не оставивъ прямаго наслѣдника престола, который такимъ образомъ все-таки перейдетъ къ меньшему брату. Но это казалось невѣроятнымъ; Ѳеодоръ точно

былъ юноша очень слабаго здоровья, но въ жизни и смерти воленъ одинъ Богъ, а Петръ, хотя былъ здоровое, прекрасное дитя, но лѣта его были таковы, что за жизнь его было еще едва ли не труднѣе ручаться: извѣстно, что всего чаще дѣти умираютъ до пятилѣтняго возраста. При томъ, перемѣнять порядокъ престолонаслѣдія, старинный обычай первородства, казалось несообразнымъ, безъ особенно важныхъ причинъ, а причинъ этихъ никто не видѣлъ. Наконецъ между Өеодоромъ и Петромъ былъ еще царевичъ Іоаннъ, отрокъ еще болѣе болѣзненный, правда, чѣмъ его старшій братъ, почти слѣпой и слабый духомъ, но казалось, что и ему могло бы быть обидно, еслибы государство было отдано младшему царевичу; Петру оставалось лѣтъ 12 до совершеннаго возраста, слѣдовательно лѣтъ 12 пришлось бы Россіи оставаться подъ опекою бояръ, временщиковъ, *семибоярщины*, которой народъ не отвыкъ еще пугаться!

Такъ разсуждали между собою купцы, гости московскіе, небогатые дворяне, вообще всѣ тѣ, которые знали дворскія дѣла по отдаленнымъ слухамъ. Но тѣ, которые ближе ихъ знали все, что въ по-слѣднее время при дворѣ дѣлалось, разсказывали дѣло это иначе; они говорили, что Наталья Кириловна и Матвѣевъ совершенно овладѣли умомъ Царя, ослабѣвшаго отъ болѣзни, и что они-то именно настаивали, и вѣроятно, настояли бы, на назначеніи Царемъ Петра, еслибъ нѣкоторые другіе царедворцы не успѣли удалить царицу въ самую послѣднюю минуту жизни Алексѣя Михайловича. Называли даже одного изъ тѣхъ, которые сильно противились исключенію отъ престола Өеодора Алексѣевича,

именно — князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человѣка очень уважаемаго покойнымъ государемъ. Которое изъ этихъ извѣстій было справедливѣе, или было ли справедливо которое нибудь изъ нихъ, могли знать только очень немногіе изъ приближеннѣйшихъ къ Царю людей. Когда же, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Ѳеодора, вдовствующая царица немедленно удалилась въ подмосковское село, Преображенское, Нарышкины потеряли всякое значеніе, подверглись явной немилости, и одинъ изъ нихъ чуть не лишился головы; а Матвѣевъ тоже отправился въ ссылку не больше, какъ черезъ полгода по вступленіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, — то многіе стали думать, что правду говорили тѣ, которые подозрѣвали Матвѣева и Нарышкиныхъ въ намѣреніи устранить царевича Ѳеодора отъ престола. Матвѣева обвиняли въ чернокнижіи, покушеніи извести государя и въ лихоимствѣ; одного изъ братьевъ царицы въ томъ, что онъ замышлялъ умертвить Царя и говорилъ объ этомъ. Всему этому не совсѣмъ тогда вѣрили: Матвѣевъ изъ своей ссылки писалъ нѣсколько разъ къ государю и къ своимъ друзьямъ при дворѣ, оправдываясь въ томъ, что на него взводили; преданные ему люди говорили, что все это больше ничего, какъ черная клевета, злоба и зависть Милославскихъ, Куракиныхъ, Хитрово, приближенныхъ новаго государя... До истины мудрено было добраться, потому что всѣ обвиненія шли неизвѣстно отъ кого, розыски дѣлались тайно, а кто и зналъ, можетъ быть, подробно всѣ эти дѣла, тотъ отмалчивался, чтобъ за излишнія рѣчи не урѣзали языка.

Въ это же время начали въ первый разъ произносить

имя одной изъ сестеръ государя, старшей его нѣсколькими годами, царевны Софіи Алексѣевны.

Царевенъ и царицъ зналъ народъ только по именамъ, которыя вычитывались на эктеньяхъ, но никто ни одной изъ нихъ не видалъ и не могъ видѣть; если онѣ и выѣзжали когда изъ своихъ палатъ, то только въ монастыри, на богомолье, и то въ закрытыхъ каретахъ и колымагахъ, окруженныя стражею, которая не дозволяла народу приближаться. За исключеніемъ этого, онѣ проводили всю жизнь въ своихъ теремахъ, между сѣнными дѣвушками, приживалками, которыя забавляли ихъ городскими сплетнями, да между юродивыми и *блаженными*, которыхъ тогда чествовали, какъ угодныхъ Богу людей. Кромѣ этого онѣ могли принимать только очень немногихъ старыхъ боярынь, а изъ мужчинъ— своихъ родственниковь, и то самыхъ близкихъ и пожилыхъ.

Такъ велось искони и почти также было еще при послѣднемъ царѣ. Но Софья Алексѣевна съ ранней молодости повела себя совершенно особливымъ образомъ. Ее не занимали вышиванья шелками и золотомъ, пустыя бредни полоумныхъ старухъ и писклвыя пѣсни комнатныхъ мастерицъ; она полюбила книги, въ которыхъ разсказывались исторіи о возвышеніи и паденіи царствъ, о громкихъ побѣдахъ, о людяхъ, отличавшихся умомъ и славными дѣлами. Наставникъ царскихъ дѣтей, Симеонъ Полоцкій, давалъ ей такія книги, читалъ ей и свои стихи, свои драмы, и говорятъ, что она сама кое-что сочиняла. При такомъ складѣ своего ума, царевна не очень стѣснялась строгими теремными обычаями и умѣла устроить такъ, что къ ней были допус-

каемы нѣкоторыя лица, которыя, по настоящему, не должны бы были имѣть доступъ къ царевнамъ. Свойственникъ ея по матери, Иванъ Богдановичъ Милославскій, человѣкъ умный, и его родственникъ Иванъ Михайловичъ, князь Иванъ Хованскій навѣщали ее и разсказывали ей о дѣлахъ государственныхъ, о своей службѣ на отдаленныхъ украинахъ (*), о битвахъ своихъ съ Поляками и Татарами, о народахъ, населяющихъ Россію, и о томъ, какъ живутъ и управляются эти народы, а также народы, состоящіе подъ державою другихъгосударей. Сѣдые бояре дивились что эта молодая дѣвица всѣмъ интересовалась, многое знала, и нерѣдко останавливались въ недоумѣніи передъ ея вопросами, не находясь какъ и что на нихъ отвѣчать.

Въ это время находился во всей Россіи можетъ быть одинъ только человѣкъ, котораго просвѣщенный умъ могъ стать въ уровень съ любознательностію царевны: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Человѣкъ этотъ игралъ въ свое время важную роль, а потому надо познакомиться съ нимъ покороче. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, подобно Матвѣеву, Симеону Полоцкому и нѣкоторымъ другимъ, не только безъ отвращенія смотрѣлъ на иноземцевъ, но замѣчая, что западные народы далеко опередили насъ и въ благосостояніи и въ просвѣщеніи, старался ближе съ ними познакомиться и научиться отъ нихъ. Зная нѣсколько иностранныхъ языковъ, онъ имѣлъ къ этому всѣ средства. Ближе другихъ странъ онъ

(*) Украинами вообще назывались пограничныя области.

познакомился съ Польшею, въ которой хоть и начинались уже тогда неустройства, бывшія причиною ея паденія, но которая однакожь блистала прежнею своею славою и между всъми государствами Европы отличалась свободою, предоставленною ея дворянству. Но въ глазахъ Русскихъ того времени не было выше добродѣтели, какъ поклоненіе старинѣ и все новое, иноземное казалось чуть не еретичествомъ; поэтому Голицыну ставили въ укоръ его вниманіе къ иноземному, порицали польской покрой его платья, любовь его къ чтенію латинскихъ книгъ и частыя его бесѣды съ Нѣмцами и Поляками. Но молодой Царь ученикъ Полоцкаго, былъ самъ человѣкомъ новаго времени, онъ отличилъ Голицына въ толпѣ своихъ царедворцевъ, приблизилъ его къ себѣ и скоро увидѣлъ, что это человѣкъ съ большимъ государственнымъ умомъ. Такой помощникъ былъ находкою для умнаго, образованнаго, но болѣзненнаго Ѳеодора. Видя, что большая часть войнъ, веденныхъ отцомъ его и имъ самимъ, были неуспѣшны, онъ сталъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, обдумывать, какія бы тому могли быть причины, и отъискивая ихъ, эти причины, они дошли до вопроса о мѣстничествѣ.

Мѣстничество состояло въ томъ, что люди, выходя на военную, гражданскую или придворную службу, считались между собою мѣстами, которыя занимали ихъ отцы и предки. Такимъ образомъ человѣку, котораго отецъ былъ бояриномъ, «не доводилось» становиться подъ команду человѣка, котораго отецъ былъ только окольничимъ, или идти позади его въ какой нибудь процессіи, или садиться ниже его за столомъ царскимъ. Это соблюдалось съ необыкновенною строгостію; изъ за мѣ-

стъ происходили драки даже въ царскихъ палатахъ, изъ за мѣстъ воеводы покидали рать въ виду непріятеля. Цари наши, при всемъ ихъ самовластіи, не могли истребить мѣстничества, которое держалось за самыя глубокія понятія нашихъ предковъ,—за понятія о старшинствѣ и объ этикетѣ. И вотъ этотъто старинный обычай задумали уничтожить Θеодоръ Алексѣевичъ и его молодой любимецъ.

Не желая сдѣлать этого посредствомъ простого указа, который могъ бы вызвать большое неудовольствіе въ народѣ,—потому что мѣстничались не только знатные, но и простые люди, — Царь собралъ въ 1682 году *соборъ*, какъ это дѣлалось въ самыхъ важныхъ случаяхъ, и предоставилъ ему рѣшить, можетъ ли долѣе существовать мѣстничество? Соборъ этотъ, состоявшій изъ высшаго духовенства и бояръ, произнесъ его уничтоженіе, открывая такимъ образомъ широкую дверь будущимъ, еще болѣе важнымъ преобразованіямъ, которымъ скоро послѣ того предстояло совершиться.

Но роль преобразователя была суждена не Θеодору: тѣло этого умнаго молодого государя изнемогало. Всѣ видѣли, что онъ не долговѣченъ и съ безпокойствомъ замѣчали, что у него нѣтъ дѣтей. Супруга его, изъ дома Грушецкихъ, скончалась; казалось, что онъ за нею скоро послѣдуетъ; однакожь одинъ изъ его самыхъ приближенныхъ любимцевъ, Языковъ, убѣдилъ его жениться во второй разъ, и выборъ Царя палъ на дочь дворянина Апраксина, Марθу Матвѣевну; но онъ, кажется, чувствовалъ себя слабымъ и недолговѣчнымъ и не надѣялся имѣть прямыхъ наслѣдниковъ. Всѣ замѣтили, что около этого времени опала Нарышкиныхъ

начала смягчаться и что Царь, въ первый еще разъ по вступленіи на престолъ, посѣтилъ свою мачиху; Матвѣеву позволено было оставить Пустозерскій острогъ, въ мрачномъ печерскомъ краю, гдѣ онъ умиралъ съ голоду и холоду, и поселиться въ нынѣшней костромской губерніи.

Все это было дѣломъ Языкова; друзья Матвѣева говорили, что этотъ любимецъ открылъ Царю глаза на невинность изгнанника, но многіе, и кажется справедливѣе, догадывались, что Языковъ не надѣялся, чтобъ Царь имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ, и старался угождать царевичу Петру, къ которому, по мнѣнію многихъ, могъ со временемъ перейти престолъ.

Царь, въ самомъ дѣлѣ, слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Въ первые годы своего царствованія онъ дѣлалъ такъ называемые *походы* по ближайшимъ монастырямъ верхомъ, любя верховую ѣзду и лошадей; это были великолѣпные поѣзды, гдѣ сотни всадниковъ блестѣли парчевыми и бархатными шубами и ферязями, гдѣ конская сбруя и оружіе сверкали золотомъ и каменьями. Съ нѣкотораго же времени онъ вовсе не оставлялъ дворца и едва передвигался изъ одной палаты въ другую: уже обрядъ вторичнаго брака былъ совершенъ не въ соборѣ, съ торжествомъ и пышностію, какъ заведено было обычаемъ, а въ одной изъ внутреннихъ дворцовыхъ церквей. Жаль было этого добраго, умнаго юноши, который въ короткое свое царствованіе успѣлъ сдѣлать довольно много для блага Россіи! Всѣ, кому дорого было спокойствіе и благоденствіе отечества, сокрушались, видя приближающуюся смерть государя, и не видя прямого его наслѣдника.

Отъ этого вопроса сильно кипѣли умы нашихъ сановниковъ и царедворцевъ.

Благодаря расчетамъ или расположенію Языкова и Апраксиныхъ, Нарышкины опять собрались, сосчитались и увидѣли, что ихъ и ихъ друзей не мало Дорога отъ Москвы къ Преображенскому, забытая и заглохшая въ первые годы Ѳеодорова царствованія, теперь оживилась. Царица, дядьки молодого царевича, Стрѣшневы,— ея родственники и друзья, которыхъ число въ это время вдругъ увеличилось, стали вспоминать и выдавали за вѣрное, что еще покойный Царь думалъ сдѣлать своимъ преемникомъ Петра; что Іоаннъ Алексѣевичъ и здоровьемъ, и зрѣніемъ, и духомъ слабъ, что если онъ будетъ государемъ, то опять первыя мѣста займутъ Милославскіе да Соковнины, и что все пойдетъ тогда дурно, — по крайней мѣрѣ для нихъ, Нарышкиныхъ и ихъ друзей. Одинъ только тотъ, кто былъ причиною или предлогомъ всѣхъ этихъ заботъ, девятилѣтній Петръ не принималъ участія въ этихъ толкахъ и пересудахъ, рѣзвился и бѣгалъ подъ старыми соснами Преображенскаго, или катался въ маленькой каретѣ, которую можно и теперь видѣть въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

Съ другой стороны, подобныя же рѣчи велись между родственниками (по матери) царевича Іоанна; они доказывали, что первородство есть естественный законъ и стародавній обычай; что если онъ будетъ нарушенъ, то вся власть попадетъ въ руки вдовствующей царицы и Матвѣева съ Нарышкиными, и что тогда все пойдетъ изъ рукъ вонъ дурно... по крайней мѣрѣ для нихъ, Милославскихъ и ихъ друзей. И здѣсь, точно также, не принималъ въ этихъ толкахъ участія именно тотъ,

чье имя выставлялось впередъ: царевичъ Іоаннъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ, печально опустя къ землѣ свои мутные, слабые глаза и не заботился нисколько о всемъ томъ, что вокругъ него происходило.

А Царь Өеодоръ? онъ скоро послѣ свадьбы слегъ въ постель, и около этой-то постели сильнѣе всего кипѣли толки, происки. Молодая царица и царевна Софія не отходили отъ больного; но первая вся предана была горести своей: передъ нею раскрывалась унылая будущность нескончаемаго вдовства, печальнаго уединенія въ пышномъ теремѣ; царевна Софія, напротивъ старалась воспользоваться короткими минутами, остававшимися еще ея брату, чтобъ открыть для себя дорогу къ значенію и власти, о которыхъ она давно мечтала. Для этого ей было нужно, чтобъ Царь назначилъ по себѣ преемникомъ Іоанна; она вполнѣ была увѣрена, что будетъ управлять его именемъ.

Но было еще и третье лицо, не отходившее отъ изголовья умирающаго Государя, а именно — любимецъ его, Языковъ. Начавши дѣйствовать въ пользу Петра, онъ употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобъ меньшой царевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола: при немъ онъ могъ надѣяться быть если не первымъ лицомъ, то хоть изъ первыхъ.

Өеодоръ Алексѣевичъ колебался между этими двумя вліяніями и не дѣлалъ никакого распоряженія. И вотъ 27-го апрѣля, часа въ 4 по полудни, когда весеннее солнце играло на золоченыхъ главахъ кремлевскихъ соборовъ и молодая зелень одѣвала сады, которыми Москва богата, опять раздался протяжный, печальный звонъ колокола:

это значило, что Царь закрылъ глаза на вѣки. Народъ повалилъ къ Кремлю; царедворцы, бояре, служилые люди, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ тяжелой колымагѣ, спѣшили туда же. Площадь передъ Грановитою палатою была какъ залитая народомъ; по Красному крыльцу (*) торопливо, съ озабоченнымъ видомъ, всходили сановные люди. Скоро потомъ дьякъ объявилъ народу, что всѣ, кто желаетъ, могутъ дать усопшему послѣднее цѣлованіе. Народъ хлынулъ во дворецъ, но безъ шума, съ тѣмъ серьезнымъ почтеніемъ, которое невольно ощущается при видѣ свѣже—похищенной смертію жервы.

Сожалѣніе о молодомъ, добромъ и умномъ государѣ смѣшивалось съ безпокойствомъ: кто же будетъ править царствомъ? спрашивали одни у другихъ. Многіе, знавшіе колебанія покойнаго Царя относительно назначенія себѣ преемника, боялись, чтобъ не произошло безпорядковъ, такъ что иные надѣли панцыри и кольчуги подъ кафтаны, отправляясь во дворецъ.

Большая часть знатныхъ людей, Одоевскіе, Черкасскіе, Долгоруковы, Ромодановскіе, Троекуровы, Репнины, желали видѣть Царемъ Петра; патріархъ,—имъ былъ въ то время престарѣлый Іоакимъ, — тоже склонялся на его сторону, любя набожную, щедрую къ монастырямъ Наталію Кирилловну. Сторонниковъ Іоанна было гораздо меньше. Тѣ и другіе, собравшись въ передней палатѣ,

---

(*) Краснымъ крыльцомъ называлось и называется теперь то крыльцо, которое съ площади передъ Грановитою палатой ведетъ въ Святыя сѣни, и оттуда въ Грановитую палату и во внутренность дворца; верхняя площадка этого крыльца соединяетъ Святыя сѣни съ Благовѣщенскимъ соборомъ.

шопотомъ, но горячо разговаривали между собою, когда дверь распахнулась и въ тѣсно наполненную палату вступилъ патріархъ съ духовенствомъ. Благословивъ присутствовавшихъ, онъ сказалъ: «Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство. Чадъ по немъ не осталось, но остались братія его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбію (болѣзнію) и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола россійскаго? Единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божіимъ; кто же изрѣчетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!»

Выслушавъ эти слова въ глубокомъ молчаніи, собраніе заговорило все вдругъ: голоса сливались и покрывались одинъ другимъ; но наконецъ, поверхъ смутнаго говора послышался благоразумный совѣтъ отдать это важное дѣло на рѣшеніе всему православному народу.

Совѣтъ въ самомъ дѣлѣ былъ благоразумный; только гдѣ было взять *весь* православный народъ? У Краснаго крыльца толпилась только Москва, а не вся Россія. Однако это не пришло ни кому въ голову, и патріархъ, съ крестомъ въ рукѣ, духовенство съ хоругвями, и царедворцы, бояре и другіе чиновные люди выступили на верхнюю площадку Краснаго крыльца. При видѣ ихъ, смутный говоръ многочисленной толпы смолкнулъ, головы обнажились и посреди глубокаго безмолвія первосвятитель произнесъ торжественный вопросъ: «Кому изъ двухъ царевичей быть Царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе.»

И тысяча голосовъ отвѣтила на это именемъ Петра.

Патріархъ благословилъ народъ и, возвратясь въ палаты, объявилъ народное рѣшеніе, а діаконъ возгласилъ многолѣтіе новому государю.

Это было великимъ торжествомъ для Нарышкинской партіи и жестокимъ ударомъ для Милославскихъ! Царевны, по тогдашнему обычаю, при всемъ этомъ не присутствовали; Софія Алексѣевна, окруженная своими сестрами и тетками, съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ окончится избраніе: явился патріархъ и объявилъ о немъ.

«Избраніе это не право! воскликнула пылкая царевна:— Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть Царемъ!»

Кровь ея кипѣла; она требовала, чтобъ незаконное избраніе было уничтожено, или чтобъ оба брата царствовали.

«Многоначаліе пагубно, возразилъ святитель: — да будетъ единъ Царь: такъ угодно Богу.»

Скоро однакоже Софія Алексѣевна овладѣла собою и вмѣстѣ съ прочими царевнами поспѣшила поздравить государя.

[redacted]

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА.

I.

Нарышкины призываютъ Матвѣева. — Они захватываютъ важнѣйшія должности.—Стрѣльцы; ихъ неудовольствіе противъ своихъ полковниковъ, ихъ челобитная.—Опрометчивое рѣшеніе по ней.— Царевна Софія и ея приближенные.— Они искусно возбуждаютъ между стрѣльцами неудовольствіе. — Начало волненій въ стрѣлецкихъ слободахъ.—Возвращеніе Матвѣева въ Москву.—15 мая (1682). А. Милославскій и Толстой увѣряютъ стрѣльцовъ, что царевичъ Іоаннъ лишенъ жизни Нарышкиными. — Стрѣльцы врываются въ Кремль, Матвѣевъ ихъ успокоиваетъ. — Долгоруковъ снова раздражаетъ ихъ. — Убійства. — Смерть князя Ю. Долгорукова. — 16 мая; случай съ Датскимъ резидентомъ. — 17 мая; умерщвленіе И. Нарышкина и Гадена. — Стрѣльцы успокоиваются.— Арабъ Матвѣева. — Царевна пріобрѣтаетъ значеніе. — Стрѣльцы требуютъ, чтобъ царевичъ Іоаннъ соцарствовалъ Петру, а царевна была правительницею. — Вѣнчаніе Царей.

Велика была досада царевны Софіи и ея злоба противъ Языкова, Нарышкиныхъ и царицы, ея мачихи, съ которою, какъ сказано, она и прежде никогда не была въ добрыхъ отношеніяхъ. Ея родственники, друзья, со-

вѣтники собрались къ ней подумать: что и какъ дѣлать? Всѣ они были того мнѣнія, что одна Москва не имѣла права рѣшить дѣла, касавшагося всей Россіи, и что, слѣдовательно, избраніе было неправильно; они говорили, что имя Петра было произнесено во-все не такъ единогласно, какъ увѣряли ихъ противники, и что много было голосовъ за Іоанна. Но какъ теперь перевершить избраніе? Вотъ вопросъ. Рѣшились ждать благопріятнаго случая, а между тѣмъ распространять, сколько можно, мысль о томъ, что царевичъ Іоаннъ неправильно устраненъ отъ престола.

Между тѣмъ, какъ только Петръ былъ избранъ, Нарышкины послали нарочнаго гонца къ Матвѣеву, чтобъ онъ спѣшилъ въ Москву; онъ былъ первый человѣкъ между ними: умный, осторожный, опытный въ дѣлахъ правительственныхъ. Матвѣевъ поднялся въ путь, но ѣхалъ довольно медленно; останавливался по дорогѣ въ монастыряхъ, отдыхалъ, выслушивалъ привѣтственныя рѣчи, служилъ молебствія. Правда, что поѣздка его имѣла видъ торжественнаго шествія и что этимъ тріумфомъ онъ себя вознаграждалъ за печальные годы изгнанія, но за то онъ потерялъ много времени и прибылъ въ Москву только 12-го мая, а въ эти какіе нибудь 20 дней со смерти покойнаго Царя, въ Москвѣ очень многое измѣнилось и неудовольствіе противъ новаго правительства имѣло время сильно распространиться. Нарышкины захватили себѣ почетнѣйшія должности при дворѣ; высокомѣріе ихъ раздражило уже многихъ изъ значительнѣйшихъ людей и, главное, они успѣли показать совершенную свою неспособность къ правленію.

Это было именно по поводу стрѣлецкихъ жалобъ. Въ

другое время можно будетъ подробнѣе разсказать, какъ образовались и управлялись стрѣльцы, теперь довольно знать, что они составляли самую сильную часть нашего войска и управлялись очень худо, что ихъ полковники и другіе начальные люди ихъ притѣсняли, дурно съ ними обращались, заставляли на себя работать, не отпускали слѣдующихъ имъ денегъ и жестоко мучили ихъ, когда они жаловались. При Өеодорѣ стрѣлецкимъ приказомъ управляли князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ и Языковъ. Первый былъ слишкомъ старъ, чтобъ хорошенько заниматься своимъ дѣломъ; онъ былъ восьмидесяти-лѣтній старецъ и лежалъ въ параличѣ; что же касается до Языкова, то онъ почти не отходилъ отъ Царя, слѣдовательно и ему не было времени взглянуть, какъ управляются стрѣлецкіе полки. Случайно до него дошла одна жалоба стрѣльцовъ на свое начальство; но это было за нѣсколько дней до смерти Өеодора Алексѣевича: до того ли было его любимцу, чтобъ разбирать, кто правъ, кто виноватъ? Онъ приказалъ жестоко наказать жалобщиковъ и поспѣшилъ къ постели умирающаго государя.

Однако его распоряженіе причинило чуть не мятежъ между стрѣльцами; они избили дьяка, которому было поручено учинить наказаніе, и сердито волновались въ своихъ слободахъ, жалуясь, что не могутъ найти ни суда, ни расправы. Когда же вступилъ на престолъ Петръ, *выборные* (*) почти отъ всѣхъ полковъ явились къ нему съ жалобами на притѣсненія своихъ полковниковъ. Совѣтники

(*) Выборными назывались тѣ, которыхъ полки, а также города или земскія общества выбирали, чтобы ихъ именемъ говорить объ общихъ дѣлахъ.

молодаго Царя понимали, что раздражать войско въ то время, какъ ихъ власть еще не прочно утвердилась, опасно, и, не задумываясь долго, приказали *выдать головою* (*) этихъ полковниковъ стрѣльцамъ. Они не разочли только одного: что лишь правый судъ, а не потворство, могъ успокоить стрѣльцовъ. Стрѣльцы, получивъ царскій указъ, схватили своихъ полковниковъ и начали ихъ истязать самымъ мучительнымъ образомъ и это продолжалось нѣсколько дней; продолжалось бы конечно и болѣе, еслибъ патріархъ не прислалъ священниковъ уговорить и усовѣстить ихъ.

Это показало царевнѣ Софіи и ея друзьямъ, что ихъ противники люди посредственные, даже меньше чѣмъ посредственные, и что съ ними можно бороться. Это доказало также, что немного нужно было усилій, чтобъ раздуть мятежъ въ Москвѣ, и они рѣшились воспользоваться волненіемъ стрѣлецкаго войска.

Но кто же были эти друзья царевны, которые помогали ей въ этомъ случаѣ? Вѣроятно, первымъ ея совѣтникомъ былъ Голицынъ; но онъ былъ человѣкъ очень осторожный и нѣсколько нерѣшительный, такъ что объ его участіи можно только догадываться; во всемъ, что до этого касалось, онъ держался совершенно въ сторонѣ, въ тѣни. Другой повѣренный царевны былъ князь Иванъ Хованскій; но онъ былъ человѣкъ пустой и чрезмѣрно тщеславный, который никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ видѣть затрудненій, и воображалъ, что все должно само собою сдѣлаться, лишь только онъ того пожелаетъ. По этому, въ дѣлѣ, гдѣ

(*) Выдать головою значило отдать жалобщику виноватаго для наказанія по его усмотрѣнію.

нужна была осторожность, онъ не могъ быть полезенъ. По счастію для царевны, у нея былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, а онъ въ настоящемъ случаѣ одинъ стоилъ многихъ. Рысьими своими глазками онъ все видѣлъ, слышалъ все, вѣдалъ все; не зналъ ни отдыха, ни покоя, не гнушался ничьей услуги, лишь бы она была полезна, не останавливался ни предъ какою мѣрою, лишь бы она вела къ цѣли. Въ нѣсколько дней онъ сблизился съ вліятельнѣйшими людьми въ стрѣлецкомъ войскѣ и чрезъ нихъ успѣлъ распространить между стрѣльцами сомнѣніе въ справедливости Петрова избранія и подозрѣніе въ замыслахъ Нарышкиныхъ на самую жизнь Іоанна. Эти злодѣи, внушалъ онъ имъ, устранивъ беззаконнымъ образомъ старшаго царевича отъ престола, и боясь, чтобъ его мщеніе когда нибудь не постигло ихъ, теперь думаютъ только, какъ бы его извести!

Сказки эти имѣли видъ правдоподобія и быстро распространялись между стрѣльцами; онѣ распространялись тѣмъ сильнѣе, что почти никто не зналъ откуда онѣ вышли. Милославскій притворялся больнымъ, сидѣлъ дома, и только по ночамъ принималъ своихъ повѣренныхъ изъ числа стрѣлецкихъ начальниковъ, между которыми достаточно назвать одного Цыклера, игравшаго роль и впослѣдствіи. Ему помогали еще родственники его, Александръ Милославскій и Толстые, Иванъ и Петръ, тогда еще молодые люди, незначительные, но расторопные, ловкіе и умные, особенно послѣдній. Ему удалось не только увернуться отъ наказанія, когда Петрова сторона одолѣла, нѣсколько лѣтъ спустя, но сдѣлаться даже однимъ изъ любимцевъ Петра І-го.

Всѣ эти рѣчи сильно смущали стрѣльцовъ. Они собирались въ *круги* (*) по казачьему обычаю, совѣщались между собою, ругали Нарышкиныхъ, печалились за царевича Іоанна. Если кто нибудь изъ ихъ начальниковъ пробовалъ ихъ урезонивать или запрещать имъ собираться, тѣхъ они не только били, но и убивали: втаскивали на высокія каланчи своихъ *съѣзжихъ избъ* (**), и съ размаху оттуда сбрасывали... Нарышкины все это терпѣли, боясь раздражать стрѣльцовъ! А между тѣмъ вся Москва была въ страхѣ и безпокойствѣ отъ этихъ стрѣльцовъ; они бродили по городу пьяными ватагами, съ пѣснями, криками и угрозами; ночью никто не смѣлъ выходить на улицу; ставни и ворота, какъ только они показывались, поспѣшно запирались. Въ слободахъ, гдѣ они жили, лилось вино, безъ всякаго приказа и повода гремѣли барабаны и раздавался набатный колоколъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву Матвѣевъ. Дворъ его поросъ травою во время его долгаго отсутствія, но скоро колымаги и рыдваны, верховые кони и толпы слугъ наполнили этотъ дворъ; покои едва могли вмѣщать посѣтителей, спѣшившихъ привѣтствовать знаменитаго изгнанника, который теперь дѣлался первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Царица встрѣтила его со слезами, и онъ плакалъ, цѣлуя руки ея и ея сына.

Матвѣевъ пріѣхалъ въ трудное время; происки ца-

(*) *Круги* у донскихъ казаковъ, *рады* у малороссійскихъ, *міры* у великороссійскихъ крестьянъ, все это разныя названія поголовной сходки для рѣшенія общихъ дѣлъ: обычай старинный въ Россіи.

(**) Тоже самое, что полковые дворы въ нынѣшнихъ полкахъ.

ревнивой партіи не были ни для кого тайною; всѣ ожидали большихъ безпорядковъ; надо было немедленно сдѣлать быстрыя распоряженія: увезти царскую фамилію изъ Москвы, собрать вокругъ нея надежныхъ защитниковъ и унять буйство стрѣльцовъ. Къ сожалѣнію, Матвѣевъ не былъ такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ это время, то есть, энергическимъ, смѣлымъ и быстрымъ. Два дня прошло со времени его прибытія, и никакихъ мѣръ не предпринималось; на третій же день было уже поздно!

15-го мая, рано утромъ, въ стрѣлецкія слободы прискакали Толстые и Александръ Милославскій, крича, что Нарышкины удушили царевича Іоанна. Грянули барабаны, загудѣли набатные колокола; стрѣльцы сбѣгались со всѣхъ сторонъ къ полковымъ своимъ дворамъ. Тамъ на бойкихъ *аргамакахъ* извивались коварные вѣстники и разжигали стрѣльцовъ.—«Злодѣи Нарышкины» говорили они «выбрали тотъ самый день, когда была такими же злодѣями пролита кровь святаго царевича Дмитрія.»

И въ самомъ дѣлѣ, 15-го мая празднуется память этого святаго страдальца.

Не разсуждая долго и уже издавна подготовленные, стрѣльцы кинулись къ Кремлю, крича: «изведемъ всѣхъ измѣнниковъ царскаго рода!»

Въ это время во дворцѣ было много сановниковъ, собравшихся для засѣданія въ думѣ (*); былъ тамъ и

(*) Дума — совѣтъ государя, въ которомъ обсуждались важнѣйшія дѣла.

Матвѣевъ; ничего не подозрѣвая, онъ сбирался ѣхать домой, когда одинъ изъ царедворцевъ, князь Урусовъ, блѣдный и разстроенный, прибѣжалъ, крича, что стрѣльцы съ оружіемъ и угрозами приближаются къ Кремлю. Все разомъ всполошилось. Приказали поскорѣе запереть кремлевскіе ворота, но уже было поздно: толпы стрѣльцовъ, какъ волны, хлынули въ Спасскія, Никольскія, Боровицкія ворота; въ одну минуту они наполнили весь Кремль, и бердыши и копья ихъ сверкали подъ самыми окнами Грановитой палаты. Они требовали, чтобъ имъ выдали убійцъ царевича Іоанна: «если не выдадутъ ихъ, кричали они, всѣхъ перебьемъ!»

Матвѣевъ тотчасъ сообразилъ, что самое лучшее средство унять стрѣльцовъ, это показать имъ царевича Іоанна. Послушались его; Царь Петръ, царевичъ Іоаннъ, царица Наталія Кирилловна, нѣкоторыя изъ царевенъ и за ними множество царедворцевъ и бояръ вышли на верхнюю площадку Краснаго крыльца. Царица робко прижимала къ себѣ маленькаго Царя, но онъ бойко озирался своими большими, умными, чорными глазами; Іоаннъ, напротивъ того, надвинувъ шапку на брови, стоялъ, потупивъ взоры и опустивъ голову. Стрѣльцы примолкли, видя обоихъ ихъ здравствующими; но не на долго. Насъ обманываютъ, стали поговаривать нѣкоторые; это не царевичъ Іоаннъ; кого нибудь другаго вмѣсто него подставили! И взбѣгая на крыльцо, они подходили къ нему, вглядывались въ него и спрашивали: — «Ты ли царевичъ Іоаннъ, и кто изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ тебя?»

Разумѣется, царевичъ отвѣчалъ такъ, что и подозрѣвать было нечего и некого. Стрѣльцы немножко успо-

копились. Тогда спустился съ крыльца Матвѣевъ: этотъ умный и всегда осторожный старикъ сталъ говорить стрѣльцамъ тихимъ голосомъ, съ кроткимъ видомъ, что ихъ обманули, что они сами видятъ, что царевичъ Іоаннъ здравствуетъ, что обоихъ братьевъ соблюдаютъ приставленные къ нимъ бояре, какъ зѣницу ока, и убѣждалъ разойтись по домамъ, оставивъ мятежное дѣло. Эти разсудительныя, кроткія слова, почтенная наружность Матвѣева, нѣсколько похудѣвшее отъ лѣтъ и страданій лицо, съ длинною, сѣдою бородою и серебряными волосами, память о прежней къ нему любви и о его ратной службѣ подѣйствовали на стрѣльцовъ; они стали переглядываться, пятиться и, кажется, готовы были расходиться. На бѣду, когда Матвѣевъ взошелъ опять на верхъ, вздумалъ ему помочь князь Долгоруковъ, недавно назначенный въ стрѣлецкій приказъ; онъ тоже обратился къ стрѣльцамъ, но заговорилъ грознымъ голосомъ, прикрикнулъ, сталъ грозить, и испортилъ все дѣло: стрѣльцы вспыхнули, кинулись наверхъ, схватили Долгорукова и сбросили на копья своихъ товарищей...

Первая капля крови была пролита: полились ея и потоки! За Долгоруковымъ полетѣлъ внизъ и Матвѣевъ. Царица кинулись было къ нему, чтобъ его защитить; одинъ изъ старыхъ друзей, князь Черкасскій, прикрылъ его собою: ничто не помогло, въ одну минуту онъ былъ исколотъ копьями, изрубленъ бердышами (*). Царица съ сыномъ, царевна, царевичъ съ ужа-

(*) Родъ топора на длинномъ древкѣ.

сомъ бросились во дворецъ; стрѣльцы за ними, наклонивъ свои копья; они бѣгали изъ одного покоя въ другой, требуя Нарышкиныхъ, искали ихъ вездѣ: въ тайныхъ теремахъ царевнъ, въ молельняхъ и храмахъ дворцовыхъ, въ кладовыхъ, въ погребахъ. Въ слѣпомъ своемъ изступленіи, они убивали одного вмѣсто другаго: такъ изрубили они Солтыкова, принявъ его за брата царицы. Но это не спасло Нарышкина: онъ былъ отысканъ и изрубленъ въ куски.

Пока однѣ толпы неистовствовали во дворцѣ, другія разсыпались по всему городу, избивали бояръ, противъ которыхъ они были ожесточены, и своихъ начальниковъ, на которыхъ давно злобились. Такъ былъ убитъ старый воевода Ѳеодора Алексѣевича, князь Ромодановскій, нѣсколько стрѣлецкихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣлецкаго приказа. Въ замоскворѣчьи убили они одного изъ Нарышкиныхъ, дальняго родственника царицы, стольника, слѣдовательно человѣка незначительнаго и который едва ли могъ сдѣлать имъ какое нибудь зло. Тогда же погибъ и Языковъ, любимецъ покойнаго Царя, бывшій начальникъ стрѣлецкаго приказа, и еще нѣкоторые другіе.

День сталъ клониться къ вечеру; стрѣльцы начинали расходиться по своимъ слободамъ. Одна толпа проходила мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, отца того, чья кровь была пролита первою въ этотъ день. Это былъ нѣкогда бодрый воевода, одинъ изъ любимцевъ Алексѣя Михайловича, тотъ самый, который, какъ говорили, отстоялъ право Ѳеодора на престолъ; стрѣльцы вошли къ нему и стали извиняться въ смерти его сына. Старикъ скрылъ и свое горе, и свое негодованіе, и отпу-

стилъ ихъ съ миромъ, даже приказалъ выкатить имъ бочку вина; но оставшись одинъ, онъ воскликнулъ съ злобою: «добро, щуку они съѣли, но зубы ея остались!»— намекая на то, что найдутся мстители за смерть его сына. Слова эти были переданы стрѣльцамъ. Они вспыхнули, вломились въ спальню стараго князя, вытащили его на дворъ и изрубили въ куски.

Этимъ окончился кровавый день 15 мая. Всю ночь въ стрѣлецкихъ слободахъ гремѣли пѣсни, горѣли веселые огни; за то городъ былъ теменъ и тихъ, какъ могила; окна были на-глухо заперты, улицы безлюдны; только раздавалось завываніе собакъ да изрѣдка оклики карауловъ, разставленныхъ стрѣльцами въ Кремлѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобъ кто нибудь изъ обреченныхъ на смерть не могъ пробраться за городъ.

На слѣдующій день опять загремѣли у стрѣльцовъ барабаны, раздался звонъ набата и буйныя толпы явились въ Кремль, требуя выдачи Нарышкиныхъ; стрѣльцы были увѣрены, что они спрятаны гдѣ нибудь во дворцѣ, и опять принялись вездѣ шарить и все перерывать. Въ самомъ дѣлѣ, оставшіеся въ живыхъ братья царицы, отецъ ея и молодой Матвѣевъ скрывались все это время то въ покояхъ у вдовы Царя Ѳеодора, то у маленькой царевны Наталіи Алексѣевны, то въ какомъ нибудь темномъ чуланѣ, между перинами и прочимъ хламомъ: они слышали шаги своихъ враговъ, ихъ голоса, слышали свои имена, произносимыя съ страшными угрозами, и ежеминутно ожидали смерти.

Въ тотъ день однакожь совершилось меньше убійствъ, чѣмъ въ предшествующій. Замѣчателенъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Стрѣльцы были необыкновенно оже-

точены противъ лекаря покойнаго государя, перекрещеннаго еврея фонъ-Гадена, про котораго распустили молву, что онъ отравилъ Царя; не миновать бы ему смерти, еслибъ онъ не успѣлъ уйти изъ Москвы; его вездѣ искали, перерыли весь его домъ, допрашивали сосѣдей, и наконецъ ворвались къ резиденту датскаго короля, про котораго думали, что онъ знаетъ куда скрылся Гаденъ. Резидентъ, какъ и посланникъ, представляетъ лицо своего государя, слѣдовательно, онъ самъ и его домъ считаются неприкосновенными; но стрѣльцы на это не посмотрѣли, схватили его и повели въ Кремль, чтобъ тамъ допытать отъ него истину. Резидентъ, видно, былъ находчивый и умный человѣкъ; онъ не сопротивлялся, не толковалъ имъ о своей неприкосновенности, — чего они, конечно, не могли понять, — но сѣлъ на лошадь очень спокойно, ѣхалъ съ стрѣльцами, разговорился съ ними и просилъ только защитить его отъ другихъ шаекъ, которыя, не зная его, могли бы его оскорбить или даже убить. Стрѣльцы взялись его охранять; и въ самомъ дѣлѣ, когда съ ними встрѣчались другія толпы и, видя иностранца и принимая его за Гадена, готовы были на него броситься, стрѣльцы, сопровождавшіе резидента, говорили: «не трогайте, это посолъ ѣдетъ къ Царю съ грамотой», и такимъ образомъ благополучно доставили его въ Кремль, откуда онъ былъ, разумѣется, немедленно отпущенъ домой.

Стрѣльцы наконецъ разошлись по домамъ, довольно рано, объявивъ, что возвратятся на завтра, и если тогда не будетъ имъ выданъ Иванъ Нарышкинъ, то достанется и правымъ и виноватымъ. На прочихъ Нарышкиныхъ они не такъ злобились, какъ на Ивана, и соглашались удовольствоваться ихъ удаленіемъ отъ двора: пользуясь этимъ,

братья царицы и молодой Матвѣевъ пробрались ночью изъ дворца, переодѣтые впрочемъ и дрожа, чтобъ не встрѣтиться съ какою нибудь пьяною ватагою стрѣльцовъ.

17 мая, рано утромъ, они снова явились въ Кремль, и видъ ихъ не предвѣщалъ добраго. Они объявили, что не выйдутъ, пока не получатъ головы Ивана Нарышкина. Что было дѣлать? Всѣ бояре, царедворцы совершенно потеряли головы отъ двухдневнаго безпрерырнаго страха и тревоги. Они боялись и за семейство царское, и за себя собственно, переглядывались, и у одного изъ нихъ, князя Якова Никитича Одоевскаго, любимца Алексѣя Михайловича, поворотился языкъ сказать царицѣ, чтобъ она выдала брата своего.—«Сколько вамъ, государыня, сказалъ онъ, брата ни жалѣть, отдать его нужно будетъ; а тебѣ, Ивану, скорѣе отсюда идти надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть!»

Видя, что и старые друзья ея супруга оставляютъ ее, царица зарыдала и, по совѣту Софіи Алексѣевны, отвела брата въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, надѣясь, что въ этой священной обители злодѣи не рѣшатся его тронуть. Однако это не спасло его: стрѣльцы вломились туда, какъ львы готовые на ловъ, говоритъ Матвѣевъ—сынъ въ своихъ запискахъ, схватили его и поволокли въ *застѣнокъ* (*).

Туда же привели несчастнаго доктора Гадена, который два дня бродилъ по окрестностямъ Москвы, но наконецъ принужденъ былъ голодомъ возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ и былъ схваченъ. Его и Ивана Нарыш-

---

(*) Мѣсто, гдѣ производились пытки.

зина жестоко мучили и потомъ вытащили на Красную площадь и изсѣкли бердышами. Это были послѣднія двѣ жертвы: замучивъ ихъ, стрѣльцы говорили: «Дай Богъ здоровья Царю-государю! Теперь мы довольны!» Всего погибло въ эти несчастные дни 65 человѣкъ; страданія и смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ будто веселили ихъ мучителей. Таща ихъ на убіеніе, они кричали: «Се князь Долгорукой ѣдетъ! Се бояринъ Матвѣевъ!» Особеннымъ мученіямъ они предавали нѣкоторыхъ изъ своихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣлецкаго приказа; при этомъ они пьянствовали, неистовствовали. Но надобно замѣтить и то, что грабить, и особенно воровать, они не позволяли: нѣсколькимъ человѣкамъ, пойманнымъ въ кражѣ, они отрубили головы.

Между тѣмъ, тѣла всѣхъ убитыхъ въ эти дни валялись въ разныхъ мѣстахъ, и въ особенности на Красной площади, распространяя вокругъ себя нестерпимый смрадъ; караулъ стрѣлецкій стоялъ на этой площади и не позволялъ родственникамъ несчастныхъ подходить къ нимъ и убирать трупы. Да, правду сказать, рѣдко кто и рѣшался выразить свое участіе къ тѣмъ, которыхъ постигла ненависть стрѣльцовъ, и братья, жены, дочери убитыхъ оплакивали ихъ въ домахъ своихъ, крѣпко затворивши двери, чтобъ кто нибудь не увидѣлъ ихъ слезъ.

Но чего не смѣли сдѣлать жены и дочери для своихъ мужей и отцовъ, то сдѣлалъ черный рабъ для своего господина. Выкрещенный арабъ Матвѣева, по имени Иванъ, прошелъ между стрѣлецкими караулами, отъискалъ трупъ бѣднаго Артамона Сергѣевича, отнесъ его на своихъ плечахъ и предалъ землѣ въ оградѣ Никольской (на Столбахъ) церкви. Въ послѣдствіи надъ

этимъ мѣстомъ поставлена была часовня, существующая и до сего времени, и вѣрный рабъ покоится въ ней рядомъ съ своимъ господиномъ.

Еще до начала всѣхъ этихъ смутъ, во время приготовленія къ нимъ, говорили, что все это дѣло царевны Софіи. Между тѣмъ во всѣ три дня мятежа участія ея въ немъ не было замѣтно; она оставалась безвыходно во дворцѣ и никто не видалъ, чтобъ она вступала въ какія нибудь сношенія съ главами мятежниковъ. Да и кто были эти главы, эти начальники? Никто не могъ ихъ указать; они ловко умѣли отойти въ сторону въ рѣшительную минуту. Однако самыя послѣдствія объяснили, зачѣмъ былъ онъ состряпанъ. Видя, что воспользовалась ими одна царевна, всѣ заключили, что она и приготовила все дѣло.

Стрѣльцы между тѣмъ перестали убивать и угрожать, но не перестали бродить по городу; они являлись съ ранняго утра на Красную площадь, къ окнамъ Грановитой палаты, бродили, толкались; одна толпа уходила, другая являлась на ея мѣсто. Все это поддерживало безпокойство въ городѣ, да и правительство держало въ страхѣ, потому что стрѣльцы то жаловались, что имъ жалованье за прежніе годы не додано, то просили себѣ наградъ за свою вѣрную службу. Въ этихъ случаяхъ Софья Алексѣевна требовала къ себѣ выборныхъ, умно и спокойно съ ними разговаривала, по большей части обнадеживала, что ихъ желанія будутъ исполнены, и этимъ удерживала ихъ отъ новыхъ покушеній. Стрѣльцы и народъ привыкали ее видѣть, слышать отъ нея умныя рѣчи, отъ нея ожидать и ласки и справедливости, а между тѣмъ ея агенты безпрестанно тру

били въ уши по стрѣлецкимъ слободамъ, что только тогда русское царство процвѣтетъ и успокоится, когда она, царевна, будетъ имъ править; но для этого нужно, говорили они, чтобъ царствовалъ ея единоутробный братъ Іоаннъ Алексѣевичъ, несправедливо устраненный отъ престола. Въ это же время назначенъ былъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, одинъ изъ друзей царевны, — и дѣло пошло гладко и скоро.

Черезъ нѣсколько дней по прекращеніи мятежа, явились выборные отъ стрѣлецкаго войска и объявили, то это войско и народъ Московскій желаютъ видѣть на Мономаховомъ престолѣ обоихъ братьевъ, Іоанна вмѣстѣ съ Петромъ. Собрали думу, выборныхъ отъ разныхъ сословій, и постановили: царствовать въ Россіи двумъ Царямъ. Прошло еще нѣсколько дней, опять явились во дворецъ выборные отъ стрѣльцовъ и сказали, что народъ московскій и стрѣлецкое войско желаютъ, чтобъ, за малолѣтствомъ Царей, управляла государствомъ Софія Алексѣевна. Согласились и на это.

Скоро послѣ этого происходило вѣнчаніе на царство обоихъ Царей вмѣстѣ; для младшаго изъ нихъ были сдѣланы корона и другія регаліи, совершенно такія же, какъ и древнія, которыми вѣнчались Цари наши со временъ Іоанна IV; сдѣланъ былъ также и двойной тронъ съ закрытымъ позади его мѣстомъ для царевны Софіи, откуда она могла подсказывать своимъ братьямъ, что имъ дѣлать и что говорить. Этотъ любопытный тронъ можно видѣть и теперь въ московской Оружейной палатѣ.

II.

Князь Хованскій. — Надежды, возбужденныя между старообрядцами его возвышеніемъ. — Они стараются войти въ публичное состязаніе съ Православною Церковью чрезъ его посредство. — Патріархъ отъ этого уклоняется. — Самонадѣянность раскольниковъ чрезъ это увеличивается; они публично проповѣдуютъ. — 5 іюля толпы ихъ вступаютъ въ Кремль и требуютъ публичнаго пренія съ православнымъ Духовенствомъ. — Царевна назначаетъ это преніе въ Грановитой Палатѣ.—Буйство Никиты Пустосвята.— Царевна находитъ опору въ стрѣльцахъ. — Никиту казнятъ, другихъ ссылаютъ, остальные притихаютъ. — Разрывъ Хованскаго съ партіею царевны. — Слухъ о замышляемомъ имъ избіеніи Царскаго дома во время крестнаго хода. — Удаленіе двора изъ Москвы — Призывъ ратныхъ людей. — Приглашеніе Хованскаго на церемоніалъ въ Троицкую лавру. — Дорогою князь Лыковъ его арестуетъ. — Казнь его и его старшаго сына, безъ суда. —

Мы уже знаемъ немножко, что такое былъ церковный расколъ; знаемъ и то, что онъ сильно распространился и очень усилился въ короткое время. Правительство начало его преслѣдовать; раскольниковъ хватали, ссылали на покаяніе, заставляли обращаться въ православіе, а

когда они не соглашались, то подвергали жестокимъ мученіямъ и даже смерти. И что же? расколъ продолжалъ усиливаться. Идя на казнь, перенося тяжкія истязанія, эти несчастные продолжали пѣть священныя пѣснопѣнія, читать молитвы и проповѣдывать о преимуществахъ *старой вѣры*; эти зрѣлища, которыми думали устрашить сектаторовъ, производили совершенно противное дѣйствіе: оно поражало умы самихъ православныхъ, которые, говорили: видно ихъ вѣра и впрямъ хороша, когда они идутъ за нее на мученія и на смерть!

Что же касается до самихъ раскольниковъ, то послѣ каждой обрушившейся на нихъ грозы, они разбѣгались въ глухіе лѣса, въ отдаленныя пустыни, въ пограничныя мѣста, гдѣ уже не боялись преслѣдованій, вписывали новыхъ мучениковъ въ число чтимыхъ ими святыхъ, и въ ихъ примѣрахъ почерпали новыя силы, новую непріязнь къ правительству, терпѣливо ожидая конца, какъ они говорили, царствованію антихриста!

Это блаженное время, казалось наступило для нихъ съ возвышеніемъ одного отъ ихъ братіи, князя Хованскаго, попавшаго въ число приближеннѣйшихъ людей новаго правительства. Теперь намъ какъ-то странно вообразить себѣ старообрядца между знатными людьми; всякій образованный человѣкъ понимаетъ, что не двуперстнымъ знаменіемъ а добрыми дѣлами можно угодить Богу; но въ то время, когда непросвѣщеніе было обще всей Россіи, старобрядцы часто встрѣчались въ числѣ знатныхъ и именитыхъ людей. Князь Иванъ Хованскій былъ человѣкъ очень знат-

ный и богатый; его любилъ покойный Царь Алексѣй Михайловичъ, но впрочемъ не давалъ ему особенно важныхъ порученій, не имѣя слишкомъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ. За то самъ князь считалъ себя первымъ человѣкомъ въ государствѣ и никого не признавалъ себѣ равнымъ. Его страсть была тщеславіе: онъ только тогда и былъ счастливъ, когда ему кланялись, льстили ему, удивлялись; выѣзжая изъ дому онъ бралъ съ собою множество мелкихъ денегъ, которыя разбрасывалъ народу и радовался, видя, какъ за нимъ бѣгутъ толпы всякаго сброду. Между новыми своими подчиненными, стрѣльцами, онъ былъ очень популяренъ; они его называли не иначе, какъ «батюшкою» и, указывая на шумъ и давку, которыя поднимались, когда онъ появлялся на улицѣ, говорили: «большій ѣдетъ!»

Впрочемъ серьёзнымъ уваженіемъ онъ не пользовался, и народъ припечаталъ его насмѣшливымъ прозвищемъ *Тараруя*. Хованскій, какъ сказано, принадлежалъ къ расколу. Увидя его въ милости и силѣ, единовѣрцы его заволновались; приходитъ конецъ, говорили они, царству антихристову и начинается торжество истинной, *старой* вѣры! Они нахлынули въ Москву, явились въ стрѣлецкихъ слободахъ, гдѣ было много раскольниковъ, стали поучать народъ на улицахъ, на площадяхъ, предсказывая близкую гибель *Никоніанцевъ* и называя священниковъ хищными волками, а церкви анбарами... Народъ слушалъ ихъ и смущался.

Но раскольникамъ уже недостаточно казалось, что онѣ въ самой Москвѣ свободно проповѣдуютъ; имъ захотѣлось полнаго и гласнаго торжества, котораго они

надѣялись достигнуть публичнымъ, всенароднымъ преніемъ съ патріархомъ и епископами. Нашелся грамотѣй, который написалъ объ этомъ челобитную; нѣсколько раскольничьихъ поповъ и проповѣдниковъ да нѣсколько выборныхъ стрѣльцовъ прослушали ее, и положили довести свое желаніе до Царей черезъ Хованскаго «Только смотрите же», говорили попы стрѣльцамъ: «стойте крѣпко за святую вѣру!»

Съ этимъ отправились къ Хованскому. Тотъ никакъ не ожидалъ, чтобъ нѣсколько малоизвѣстныхъ постниковъ затѣяло состязаться съ нашимъ высшимъ духовенствомъ, между которымъ были и ученые люди. «Ты инокъ смиренный, тихій и немногословный, сказалъ онъ тому, который сочинялъ челобитную:—не станетъ тебя на такое великое дѣло!» Но тотъ и не думалъ робѣть; онъ отвѣтилъ Хованскому текстомъ: «Не пецытеся, како или что возглаголите: не вы убо будете глаголющіе, но духъ Отца вашего, глаголяй вами.» Хованскій ничего не нашелъ возражать противъ этого, и обѣщалъ постараться

Черезъ нѣсколько времени онъ ввелъ нѣсколькихъ раскольничьихъ учителей къ патріарху; но тотъ отказался разсуждать съ ними о церковныхъ дѣлахъ, говоря, что это не ихъ дѣло. Разумѣется, они приняли это за неувѣренность патріарха въ себѣ или своемъ дѣлѣ, и проповѣди ихъ сдѣлались еще настойчивѣе; огромныя толпы народа собирались ихъ слушать. Это былъ совершенный соблазнъ. Уступить раскольникамъ, войти съ ними въ публичное преніе считали не безопаснымъ; разгонять ихъ силою тоже боялись, потому что между ними было много стрѣльцовъ, да и Хованскій горячо за

нихъ стоялъ. Злобилась на него и царевна и ея ближайшіе совѣтники, но ничего не могли сдѣлать, и не знали что придумать.

5-го іюля густыя толпы раскольниковъ нахлынули въ Кремль: впереди шли ихъ учители съ книгами, образами, налоями, зажжеными свѣчами, распѣвая гнусливыми голосами духовные гимны, между тѣмъ какъ у многихъ были за пазухою каменья. Они наполнили площадку передъ Грановитою палатой; разложили свои налои, развернули книги, разставили образа, объявили, что не уйдутъ, пока не будетъ имъ дозволено преніе съ патріархомъ. Нечего было дѣлать, надо было согласиться; только царевна не рѣшилась отпустить патріарха на площадь, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ подвергнуться опасности, а приказала ввести раскольничьихъ грамотѣевъ въ Грановитую палату. Хованскій вышелъ объявить это; ересіархи были озадачены: они чувствовали себя сильными только на народѣ, и боялись, что во дворцѣ ихъ схватятъ и безъ долгихъ справокъ отрубятъ головы, либо сошлютъ въ дальніе монастыри. Но Хованскій увѣрилъ ихъ, что имъ нечего бояться. «Идемъ» воскликнулъ самый рѣшительный изъ нихъ, попъ-разстрига, Никита, и смѣло пошелъ на Красное крыльцо. За нимъ пошли и другіе грамотѣи и выборные отъ стрѣльцовъ и наконецъ многіе изъ числа пришедшаго съ нимъ народа.

Царевна Софія съ нѣсколькими особами изъ царскаго дома вступила въ палату и преніе открылось. Патріархъ приказалъ принести множество старинныхъ греческихъ и другихъ книгъ, началъ было объяснять, доказывать, подбирать тексты; но раскольники вовсе не затѣмъ

пришли и нисколько не были расположены слушать поученія. «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобой толковать! воскликнулъ ярый Никита: — ты отвѣчай на мои вопросы!» Іоакимъ былъ старикъ не очень ученый; архіепископъ холмогорскій, Аѳонасій, хотѣлъ поддерживать его и началъ было говорить; но Никита кинулся на него, схватилъ за бороду и вырвалъ изъ нея клокъ волосъ. Выборные стрѣльцы едва могли оттащить отъ него этого бѣшенаго фанатика. Вотъ каково было это ученое преніе! Царевна тотчасъ же хотѣла его прекратить, но ее упросили еще потерпѣть нѣсколько. Это оказалось совершенно безполезнымъ. Архіереи приводили одни тексты, раскольники—другіе и никто не вымолвилъ того слова, на которомъ сходятся всѣ вѣроисповѣданія и секты христіанскія,—слова любви и примиренія!

Звонъ къ вечернѣ прекратилъ это безполезное «словъ претыканье»; царевна вышла изъ Грановитой палаты; за нею духовенство прошло въ покои патріарха, а Никонъ и его братія, выдя на Красное крыльцо, закричали народу: «побѣдили, побѣдили! По нашему молитесь, по нашему вѣруйте!» Слыша эти крики, народъ, который съ безпокойствомъ ожидалъ чѣмъ кончатся разсужденія патріарха съ раскольниками, разумѣется, смутился, а раскольники громкими криками выражали свое торжество.

Однакожь царевна рѣшилась положить этому конецъ; она потребовала къ себѣ стрѣлецкихъ выборныхъ и сказала, чтобъ они выбирали между ею и нѣсколькими безпокойными лжеучителями; они отвѣчали, что за нее готовы положить головы и обнадежили, что и прочіе стрѣльцы ее не выдадутъ. Царевна поблагодарила ихъ и

приказала переловить главнѣйшихъ изъ учителей раскола, что и было немедленно сдѣлано Никитѣ отсѣкли голову, а прочихъ разослали по отдаленнымъ монастырямъ.

Царевну вообще похваляли за это; и точно, она избавила Москву отъ безпрестанныхъ безпокойствъ и страховъ, да Никита и въ самомъ дѣлѣ былъ отчаянный изувѣръ. Можно прибавить и то, что въ прежнія времена подобныя расправы были не рѣдкость, и едва ли кому изъ современниковъ царевны пришло на мысль, что топоромъ не научишь ни правильно разсуждать, ни вѣровать, и что если бы священники научали свои паствы словомъ и дѣломъ, то старовѣрство и само лопнуло бы, какъ мыльный пузырь.

Раскольники либо разбѣжались изъ Москвы, либо попритихнули; только Хованскій одинъ не унимался. Онъ поссорился съ своими бывшими друзьями, съ Голицынымъ, съ Милославскимъ; не скрывалъ своей досады и на самую царевну: такъ сильно онъ надѣялся на поддержку стрѣльцовъ. За то же онъ ничего и не щадилъ, чтобъ пріобрѣсть ихъ расположеніе. Для нихъ, особенно для московскихъ стрѣльцовъ, ни въ чемъ не было у него отказа. Нѣкоторымъ изъ московскихъ полковъ слѣдовало отправляться на службу, на украинскую границу; но имъ этого не хотѣлось, и полки эти продолжали оставаться въ Москвѣ. Стоило только стрѣльцу пожаловаться на своего начальника, его выдавали на истязаніе, на *правежъ* (*). Стоило объявить претензію въ

(*) Правежемъ называлось усиленное добываніе, *выправленіе* долаг

недоданномъ жалованьѣ за какіе нибудь прежніе годы, Хованскій черпалъ изъ казны, не справляясь долго, справедлива ли эта претензія, и если въ царской думѣ встрѣчалъ хоть малѣйшее сопротивленіе, то грозилъ новымъ возмущеніемъ, и выходя къ стрѣльцамъ, говорилъ: «дѣти, я ничего не могу для васъ сдѣлать; бояре угрожаютъ и мнѣ самому; дѣлайте сами какъ знаете.»

Можно вообразить себѣ, что при такомъ управленіи, стрѣльцы сдѣлались для Москвы сущею бѣдою, Божіимъ наказаніемъ; завидя ихъ издали, всякій сторонился; женщины не осмѣливались выглянуть за ворота; это было совершенно, какъ татарское нашествіе. Можно вообразить также, что царевна жестоко раскаивалась въ томъ, что допустила такъ усилиться Хованскому, и искала только случая, чтобъ отъ него отдѣлаться; а между тѣмъ она его боялась, и не было человѣка сильнѣе его во всемъ государствѣ.

19 го августа храмовой праздникъ въ Донскомъ монастырѣ. Цари наши всегда строго соблюдали всѣ церковныя празднества, являлись на крестные ходы и т. п.; царевна же пользовалась подобными случаями, чтобъ показаться во всемъ величіи правительственной власти. И вдругъ распространился слухъ, что Хованскій замышляетъ истребить во время крестнаго хода въ этотъ день весь царскій домъ... Это былъ, конечно, пустой слухъ, потому что, какъ ни былъ силенъ Хованскій, очень сомнительно, чтобъ стрѣльцы рѣшились, даже и

съ неисправнаго платильщика: кредиторъ выводилъ его на площадь и билъ батогами, повторяя это ежедневно до уплаты.

по его приказанію, на такое дѣло: даже во время майскаго мятежа, когда страсти очень были взволнованы, ими не было сдѣлано никакого оскорбленія ни одному лицу царскаго семейства; они хвалились, напротивъ, что истребляютъ злодѣевъ царскихъ. Какъ бы то ни было, дворъ обнаружилъ большую тревогу: *походъ* въ Донской монастырь былъ отложенъ и все царское семейство поспѣшило оставить Москву, переѣзжая изъ одного подмосковнаго села въ другое.

2-го сентября, на другой день новаго (1683) года, на воротахъ Коломенскаго села, гдѣ находился тогда дворъ, было найдено письмо съ надписью: «вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.» Царевнѣ подали это письмо; она его распечатала и приказала немедленно укладываться и готовиться въ путь: куда? никто не зналъ. Стали узнавать, развѣдывать, что это было за письмо такое: оказалось, что оно заключало извѣтъ объ огромномъ замыслѣ Хованскаго, который намѣревался будто бы истребить весь царскій домъ, кромѣ одной царевны Екатерины Алексѣевны, выдать ее за своего сына, Андрея, самъ хотѣлъ сдѣлаться царемъ, поставить въ патріархи кого нибудь «чтобъ старыя книги любилъ», перебить Черкасскихъ, Шереметевыхъ, Одоевскихъ, Милославскихъ и проч. Слушая это извѣстіе, люди здравомыслящіе протирали глаза и спрашивали себя, не во снѣ ли имъ грезится такая путаница?.. Что за Самсонъ такой этотъ Хованскій, чтобъ перевернуть все государство вверхъ дномъ, передѣлать правительство, перемѣнить Церковь?.. Или онъ съ ума сошелъ, или это письмо нелѣпая выдумка. Такъ думали люди здравомыслящіе; люди попроще били трево-

гу и кричали, что насталъ ихъ послѣдній часъ, а такихъ всегда бываетъ очень много; самые же тонкіе политики молчали, разумѣя, что это ничто иное, какъ интриги противъ Хованскаго.

Дворъ переѣхалъ въ Звенигородскій, а потомъ въ Троицкій монастырь. Оттуда царевна, отъ имени Царей, разослала грамоты по всѣмъ городамъ, чтобъ дворяне и всячихъ чиновъ ратные люди спѣшили къ Москвѣ на защиту царскаго дома и православной вѣры противъ замысловъ Хованскаго... Глубокая интрига противъ Хованскаго начинала какъ видно раскрываться! Одинъ только онъ самъ не замѣчалъ и не видѣлъ ничего: такіе люди, какъ онъ, занятые однимъ собою, ничего кромѣ себя никогда не видятъ!... И слѣпота Хованскаго была такъ велика, что онъ самъ отдался въ руки своихъ враговъ, которымъ бы иначе, можетъ быть, и трудно было его взять посреди преданныхъ стрѣлковъ.

Вотъ какъ это случилось. Въ это время ѣхалъ въ Москву сынъ малороссійскаго гетмана съ большою свитою; Малороссія была тогда вновь присоединенная страна. Поэтому гетманскому сыну приготовляли парадный пріемъ. Пригласили и Хованскаго, какъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, участвовать въ этомъ церемоніалѣ, и что же? онъ такъ былъ простъ, что не колеблясь выѣхалъ изъ Москвы, когда со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ уже собиралось войско противъ него! Эта довѣрчивость доказываетъ однакоже съ другой стороны, что онъ вовсе не имѣлъ тѣхъ фантастическихъ замысловъ, которые ему приписывали: теперь уже дѣлалось очевиднымъ всякому, что всѣ эти подметныя

письмами история о всеобщемъ избіеніи—больше ничего, какъ сѣти, раскинутыя для погубленія Хованскаго.

И такъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ пышностію, которою всегда любилъ себя окружать; нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ сопровождало его. Проѣхавъ верстъ двадцать по троицкой дорогѣ, онъ велѣлъ разбить шатры и расположился на ночлегъ. Между тѣмъ о выѣздѣ его изъ Москвы немедленно дали знать царевнѣ. Она никакъ не могла ожидать такого легкаго успѣха. Тотчасъ призвала она къ себѣ князя Лыкова, приказала ему взять съ собою нужное число людей, безъ шума идти на встрѣчу Хованскому, развѣдывая о немъ на каждомъ шагу, окружить его и взять добромъ или силою. Лыковъ исполнилъ все это въ точности: незамѣтно приблизился къ *табору* князя и объявилъ ему плѣнъ именемъ царевны, къ которой немедленно подъ крѣпкимъ карауломъ и отправилъ его. Точно также былъ взятъ и старшій его сынъ, Андрей, ѣхавшій другою дорогою.

17-го сентября, въ самый день имянинъ царевны, Хованскіе и захваченные вмѣстѣ съ ними ихъ приверженцы были привезены въ село Воздвиженское, гдѣ тогда находился дворъ. Старый князь былъ приговоренъ къ отсѣченію головы, исполненіемъ этого такъ торопились, что нехотѣли дожидаться прибытія палача изъ Москвы, и обязанность эту заставили исполнить какого-то стрѣльца Стремяннаго полка. Хованскихъ вывели, прочли имъ приговоръ; сначала князь Иванъ долженъ былъ положить голову на плаху; потомъ подошелъ Андрей, поцѣловалъ трупъ отца своего и тоже склонилъ голову; послѣ нихъ казнены взятые съ ними

преданные имъ стрѣльцы... Это былъ второй уже при правительницѣ случай казни безъ суда, безъ разбирательства. Намъ еще много встрѣтится подобныхъ случаевъ: понятіе о правѣ и законности вырабатывается медленно, особенно въ такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ и только въ весьма недавнее время стали понимать, что всякому безъ исключенія обвиняемому слѣдуетъ дать всевозможные способы къ оправданію.— Объ этомъ никто еще не думалъ 200 лѣтъ тому назадъ. большею частію одобряли правительницу, хвалили ея энергію, справедливо порицали Хованскаго и безъ сомнѣнія еслибы онъ побѣдилъ, Милославскому пришлось бы класть голову на плаху!

III.

Мятежъ стрѣльцовъ. — Патріархъ дѣлается посредникомъ между дворомъ и ими. — Стрѣльцы приносятъ повинную. — Рѣчь къ нимъ царевны. — Въ стрѣлецкій приказъ назначается Шакловитый. — Москва успокоивается. — Польша предлагаетъ намъ союзъ противъ Турокъ. — Какія выгоды обѣщалъ этотъ союзъ и овладѣніе Черноморскимъ берегомъ. — Старинные споры наши съ Польшею за Малороссію, за Смоленскую и Сѣверскую земли и проч. — Днѣпръ установляется границею нашей съ Польшею; но другіе споры продолжаются. — Голицынъ прекращаетъ споръ къ выгодѣ Россіи. — Договоръ 1686 г. — Царевна именуетъ себя Самодержицею.

Второй сынъ князя Хованскаго былъ стольникомъ при Царѣ Петрѣ и находился съ нимъ *въ походѣ* по мона-

стырямъ; въ ночь, послѣдовавшую за казнію его отца и брата, онъ тайно ускакалъ въ Москву, къ стрѣльцамъ, и объявилъ имъ, какая участь постигла ихъ «батюшку». «Убили его, говорилъ онъ, бояре безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго. Переведутъ они и васъ. Посмотрите, со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ ратные люди въ несмѣтномъ числѣ!» Стрѣльцы остервенились; ударили въ набатъ, схватили оружіе, кинулись къ пушечному двору, достали тамъ пушки и пороху. Одни хотѣли защищаться въ Москвѣ; другіе кричали: «пойдемъ на бояръ!» И всѣ они толпились на площадяхъ, бѣгали по улицамъ, гремѣли оружіемъ! Въ это время въѣзжалъ въ Москву царскій гонецъ съ грамотою о казни Хованскаго; стрѣльцы его схватили, съ толчками и угрозами привели къ патріарху, гдѣ грамота и была имъ прочитана.

Если бы въ это время къ Москвѣ приблизилось царское войско, не мудрено, что произошло бы кровопролитіе; по счастію, царевна этого умѣла избѣгнуть; отряды земской рати со всѣхъ сторонъ остановлены были въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, такъ, что до боя дойти дѣло не могло, а между тѣмъ стрѣльцы должны были видѣть, что защищаться имъ, а тѣмъ болѣе «идти на бояръ» не возможно. По этому волненіе стрѣльцовъ нѣсколько успокоилось; между тѣмъ отъ Царей прислана была грамота, которою имъ обѣщалось полное прощеніе, если они положатъ оружіе и пришлютъ выборныхъ съ повинною. Люди, которые были поспокойнѣе и поразсудительнѣе, совѣтывали покориться; но много еще было горячихъ головъ, которыя не хотѣли о томъ и слышать. Патріархъ принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе; онъ успокоивалъ тѣхъ, которые боялись жестокаго наказанія, уго-

варивалъ тѣхъ, которые сопротивлялись, указывалъ на сильную рать, которая окружала Москву, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, добился того, что стрѣльцы рѣшились послать своихъ выборныхъ въ Троицкую лавру, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ.

25-го сентября, стало быть черезъ недѣлю послѣ казни Хованскаго, эти выборные отправились. Очень многіе изъ нихъ еще боялись, что обѣщанное имъ прощеніе—ловушка, и думали, что имъ не воротиться живыми; съ горькими слезами прощались они съ своими семействами, жены и дѣти ихъ громко рыдали; они пошли съ веревками на шеѣ, волоча съ собою плахи, въ знакъ смиренія. Боязнь ихъ была однакоже совершенно напрасная; ихъ впустили на монастырскій дворъ; царевна вышла къ нимъ и сказала: «Люди Божіи, какъ не боялись вы Бога, поднимаясь противъ государей, противъ царскаго дома и синклита? Развѣ забыли вы ваше крестное цѣлованіе?» Потомъ она сказала имъ, что, ради ихъ раскаянія, она прощаетъ и отпускаетъ ихъ съ миромъ, приказывая только возвратить забранныя ими пушки и порохъ. Тогда только стрѣльцы повѣрили, что головы ихъ останутся у нихъ на плечахъ.

Царевна при этомъ случаѣ въ первый еще разъ говорила публично и показывалась народу одна, безъ братьевъ, окруженная царскою пышностію, сопровождаемая толпою царедворцевъ; одежда ея блестѣла золотомъ, жемчугомъ, разноцвѣтными камнями, на плечи ея была наброшена алая бархатная шуба, подбитая горностаемъ; молодое, прекрасное ея лицо сіяло величіемъ и разумомъ; свѣтлорусые волосы были подобраны подъ золотую шапочку, похожую на корону: видъ ея

напоминалъ изображенія греческихъ императрицъ. Такою изображена она на одномъ изъ сохранившихся ея портретовъ, который находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Москва успокоилась; стрѣльцы въ точности исполнили приказаніе царевны; желая еще болѣе очиститься въ ея глазахъ, они сваливали всю вину на молодаго Хованскаго и отправили его въ лавру; тамъ объявлена ему была смертная казнь, но правительница не хотѣла и каплею крови запятнать свое торжество; онъ былъ прощенъ; довольно казней! Кровь гражданина должна проливаться какъ можно рѣже. Въ то время впрочемъ рѣдко разсуждали такимъ образомъ и не долго задумывались отрубить человѣческую голову. Не обошлось безъ нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ и послѣ настоящаго случая, потому что стрѣльцы отъ времени до времени пробовали волноваться; но начальникомъ имъ былъ поставленъ Шакловитый, человѣкъ рѣшительный и преданный царевнѣ, который умѣлъ мало по малу завести порядокъ. Впрочемъ вообще замѣтить надобно, что казни были не часты во время правленія Софіи Алексѣевны; она не щадила только тѣхъ, кто угрожалъ ея власти.

Цари и все царское семейство возвратились въ Москву въ ноябрѣ; вслѣдъ затѣмъ была распущена земская рать.

Меньшой Царь, по прежнему отправился въ Преображенское съ вдовствующею царицей, своими дядьками и приближенными, и рѣдко, только по большимъ праздникамъ, пріѣзжалъ въ Москву, чтобъ участвовать въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ; въ управленіе же государствомъ онъ, разумѣется, имѣя десять лѣтъ отъ роду, не могъ входить. Не болѣе его входилъ въ него и Іоаннъ,

такъ что все правленіе, вся власть была въ рукахъ царевны. Москва мало по малу успокоилась и забыла недавнія волненія; въ государствѣ по прежнему было тихо.

Но въ сосѣднихъ земляхъ въ это время собиралась военная гроза. Турки, которые полтораста лѣтъ тому назадъ, были еще народомъ воинственнымъ и страшнымъ всей восточной Европѣ, вторгнулись въ Венгрію, проникли до Вѣны и осадили ее. Императоръ германскій поспѣшно оставилъ свою столицу и потребовалъ помощи у германскихъ князей и другихъ своихъ союзниковъ. Храбрый король польскій, Янъ Собіесскій, первымъ явился на помощь Вѣны, смѣло кинулся съ своими Поляками на турокъ и заставилъ ихъ снять осаду; между тѣмъ собрались германскія войска, прибылъ императоръ, и Турки, уже не въ состояніи будучи держаться противъ всѣхъ этихъ соединенныхъ силъ, побѣжали къ своимъ границамъ; побѣдители, воспламененные успѣхами, не только рѣшились ихъ преслѣдовать, хотя бы до самаго Константинополя, но и задумали вовсе изгнать ихъ изъ Европы.

Они понимали однакоже, что для этого имъ нужно соединить какъ можно болѣе войскъ, и потому они обратились ко многимъ сосѣднимъ государямъ, прося ихъ принять участіе въ дѣлѣ, священномъ для всего христіанства. Папа благословилъ ихъ на это дѣло; Венеціанская республика вызывалась помогать имъ своимъ флотомъ. Король Янъ пригласилъ и насъ принять участіе въ этой войнѣ.

Это было въ началѣ 1683 года; стрѣлецкое волненіе только что тогда затихло, и безразсудно было бы, не имѣя полной безопасности дома, пуститься въ отдаленные походы. Но предложеніе было заманчиво. Поляки, Нѣм

цы, Венеціанцы тѣснили Турцію со всѣхъ сторонъ; Крымскіе Татары, которые были данниками Султана, не могли слѣдовательно надѣяться на его помощь, и если бы мы начали съ ними въ это время войну, то казалось, что на успѣхъ можно было надѣяться; одолѣть же этихъ стародавнихъ нашихъ враговъ, потомковъ Батыя и Чингиса, выгнать ихъ изъ Крымскаго полуострова, было бы дѣломъ славнымъ и истинно полезнымъ, потому что лучшая часть Россіи, области курская, орловская, нынѣшняя воронежская губернія, постоянно тревожимы были Татарами; города въ нихъ не успѣвали отстраиваться, поля почти ежегодно были притаптываемы татарскими конями, жители уводимы въ плѣнъ. При томъ достигнуть до Чернаго моря, утвердиться на его берегахъ, значило открыть Россіи возможность начать торговлю, завести корабли, безъ чего ни одно государство никогда не благоденствовало. Русскіе цари начиная съ Іоанна Грознаго, въ разное время старались пробиться къ Балтійскому морю и вели съ этою цѣлью долгія войны съ Ливонскими рыцарями, Поляками и Шведами. Теперь открывался случай добыть море, хотя, правда и не такое торговое и оживленное, какъ Балтійское, но все же море; какъ было не призадуматься слѣдовательно надъ предложеніемъ польскаго короля!

Между тѣмъ онъ продолжалъ объ этомъ переписку, и даже съ большою настойчивостью; ему хотѣлось, во чтобы ни стало, разрушить Турецкое государство, и для этого онъ былъ готовъ на многія жертвы, ласкался къ нашимъ Царямъ, избѣгалъ всякихъ пограничныхъ споровъ, которые не рѣдки между сосѣдями. Императоръ германскій, считавшійся старѣйшимъ между европейскими госу-

дарями, преемникъ римскихъ кесарей, заискивалъ въ насъ, прислалъ въ Москву пословъ; турецкій султанъ съ своей стороны всячески старался намъ угождать, и, въ слѣдствіе нашей жалобы на крымскаго хана, поспѣшилъ его смѣнить. Такъ важнымъ считали обѣ воюющія стороны участіе Россіи въ этой войнѣ.

Сношеніями съ иноземными государствами завѣдывалъ въ это время любимецъ царевны, Голицынъ, съ которымъ мы уже нѣсколько знакомы; онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался такимъ положеніемъ Россіи; дѣлалъ видъ, что предложенія польскаго короля не представляютъ намъ никакихъ выгодъ, и давалъ чувствовать, что начать съ нимъ за одно войну мы не можемъ иначе, какъ окончивши тѣ споры, которые начались еще въ прежнія царствованія.

Надо знать, что еще со времени Царя Михаила у насъ не было прочнаго мира съ Польшею, а только перемирія. По условіямъ этихъ перемирій пограничныя области, то есть нынѣшнія губерніи смоленская, витебская, частію черниговская и могилевская переходили изъ рукъ въ руки, отъ Россіи къ Польшѣ и обратно; были постоянные споры и за Малороссію: съ того времени, какъ Богданъ Хмельницкій отдался Россіи, мы считали, что имѣемъ право на всю землю, которая населена южно-русскимъ народомъ, то есть какъ на три теперешнія малороссійскія губерніи, лежащія по лѣвую сторону Днѣпра, такъ и на Волынь и Подолію; Поляки съ своей стороны не хотѣли уступать этихъ земель. Мало по малу теченіе Днѣпра и Западной Двины обозначилось границами обоихъ государствъ, но споръ еще не прекращался, во первыхъ, за города, лежащіе на переволокѣ между этими

двумя рѣками и на ихъ верховьяхъ—за Невель, Себежъ и Велижъ, — и за Кіевъ, который Россія очень желала пріобрѣсть, какъ старинную столицу нашего государства и колыбель ея христіанства. По послѣднему перемирію, заключенному при Царѣ Ѳеодорѣ, города двинско-днѣпровскаго переволока оставлены были за Польшею, а Кіевъ за Россією, послѣдній только на два года; однако, хотя эти два года давно уже прошли, но мы все еще удерживали Кіевъ подъ разными предлогами.

Теперь представлялся благопріятный случай рѣшить этотъ давній споръ выгоднымъ для Россіи образомъ.

Въ 1686 году король польскій прислалъ въ Москву большое посольство для заключенія окончательнаго мира и союза противъ Турціи. Голицынъ началъ съ того, что предъявилъ требованія на всѣ названные города и земли. Поляки заспорили; грозили прекратить переговоры и оставить Москву; но мало по малу стали уступать и, наконецъ, послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ почти ежедневныхъ споровъ, миръ былъ заключенъ; Велижъ, Полоцкъ, Себежъ навсегда отходили къ Россіи, Кіевъ утверждался за нею на вѣчныя времена вмѣстѣ съ Малороссіею лѣваго берега Днѣпра,—наконецъ Запорожью (*) положено было состоять подъ державою обоихъ государей. Россія съ своей стороны обязывалась уплатить Польшѣ 146000 руб., объявить войну Турціи и начать ее нападеніемъ на Крымъ; заключая этотъ трактатъ, Рос-

(*) Запорожье, страна лежащая за порогами днѣпровскими; тамъ жили выходцы изъ числа украинскихъ жителей, самые отчаянные головорѣзы, опасные Турціи, Крыму, Польшѣ и иногда Россіи. Мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ подробнѣе.

сія вступила въ союзъ съ римскою (германскою) или цесарскою имперіею и венеціанскою республикой, причемъ всѣ союзныя государства уговорились мира не заключать отдѣльно, безъ союзниковъ.

Тяжело было польскимъ посламъ согласиться на всѣ эти уступки, не выговоривши для своего отечества ни малѣйшихъ выгодъ. Король Янъ со слезами подписалъ этотъ трактатъ; за то царевна съ гордостью и веселіемъ поспѣшила повѣстить о немъ всей Россіи. «Никогда еще, писала она, при предкахъ нашихъ, Россія не заключала такого выгоднаго и славнаго договора... Преименитая держава россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра.» Дѣйствительно въ такія обширныя дипломатическія связи никогда еще Россія передъ тѣмъ не вступала, а кромѣ того она пріобрѣтала трактатомъ 1686 года возможность имѣть огромное вліяніе на Польшу. Можетъ быть сами подписывавшіе этотъ трактатъ не предвидѣли всего значенія, которое можно было придать одной статьѣ этого трактата, — именно той, которою Россія выговорила для своихъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ польскаго королевства свободу богослуженія и зависимость тамошняго православнаго духовенства отъ митрополита жившаго въ Кіевѣ, который теперь отходилъ на вѣки къ Россіи. Духовенство православныхъ церквей, при всякомъ насиліи, наносимомъ Поляками, доносило своему верховному пастырю, кіевскому митрополиту, а тотъ—Московскому правительству и дипломатическая переписка начиналась по поводу такихъ происшествій, которыя прежде не вызывали ничего кромѣ безмолвныхъ слезъ со стороны пострадавшихъ. Послѣ 1686 года, напротивъ иногда случалось, что представленія Русскаго двора доставляли удовлетво-

реніе обиженнымъ, а это разумѣется увеличивало расположеніе западнорусскаго народа къ Москвѣ, пріучало ихъ смотрѣть на нее какъ на единственную свою заступницу и ожидать отъ нея своего освобожденія.

Мы увидимъ какъ эти послѣдствія Московскаго договора съ теченіемъ времени развивались, а между тѣмъ замѣтимъ здѣсь, что такъ какъ всѣ переговоры съ польскими послами были ведены любимцемъ царевны, то она щедро наградила и его, и всѣхъ другихъ участниковъ этого славнаго дѣла; сама же въ указѣ, возвѣщавшемъ о мирѣ, впервые назвала себя «благовѣрною Государынею, Царевною и *Самодержицею*».

IV.

Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ? Церкви и монастыри, господскія усадьбы и крестьянскія деревни. — Рѣдкость народонаселенія; слабость промышленности и торговли; плохое состояніе дорогъ и вообще сообщеній; небезопасность ихъ. — Образъ жизни нашихъ предковъ: ихъ домосѣдство; нелюбовь къ войнѣ сравнительно съ войнолюбіемъ западныхъ европейцевъ. — Военная сила Россіи: земская рать, стрѣлецкіе, солдатскіе и другіе полки. — Приготовленія къ походу въ Крымъ. — Сборъ рати на южной Украйнѣ. — Походъ (1687). — Пожаръ степи. — Обратное движеніе. — Слухъ объ измѣнѣ гетмана Самойловича.

До сихъ поръ мы не оставляли Москвы; пора намъ оставить ея высокій Кремль, кривыя улицы и грязные переулки, и посмотрѣть, что дѣлается въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Вездѣ просторъ; вездѣ раздолье полей, — мѣстами засѣянныя нивы; но пустырей, луговъ и лѣсовъ гораздо болѣе. Вдоль большихъ дорогъ, разбѣгающихся отъ Москвы въ разныя стороны,—Можайки, Каширки, Владимирки и другихъ, — по берегамъ Москвы—рѣки и Оки разбросаны монастыри, одинокія церкви, деревушки, большія и малыя усадьбы. Многія изъ нихъ существуютъ и теперь; большая часть церквей уцѣлѣли и устояли и до сихъ поръ; но всѣ эти прекрасные дома, эти готическіе зàмки, эти итальянскія виллы, эти просторные хоромы съ высокими крышами, колоннами и львами на крыльцѣ, которыя мы такъ часто можемъ видѣть въ окрестностяхъ Москвы, эти зеленѣющіе парки, эти темныя аллеи и узорчатые цвѣтники, — все это уже создалось въ ближайшія къ намъ времена. Предки наши, даже богатые и знатные, до половины прошедшаго вѣка, довольствовались небольшими деревянными хоромами, держась пословицы: «не красна изба углами, а красна пирогами»; въ одномъ изъ царскихъ подмосковныхъ селъ, Измайловскомъ, гдѣ провелъ Петръ часть своего дѣтства, домъ былъ маленькій, деревянный, одноэтажный, и отъ времени почти вросшій въ землю. Садами тоже наши предки не занимались; разводить цвѣты началъ только Царь Өеодоръ, а за нимъ, разумѣется, и нѣкоторые изъ его придворныхъ. Не заботясь о томъ, чтобъ украшать жизнь, русскіе XVII вѣка сажали только фруктовыя деревья, да разводили огороды; понятіе о садѣ и огородѣ сливàлось въ понятіяхъ нашихъ предковъ, такъ что для того и другаго понятія существовало одно только названіе — огородъ.

Такимъ образомъ старинная господская усадьба пред-

ставляла слѣдующій видъ: небольшой бревенчатый домъ на возвышенномъ мѣстѣ; если владѣлецъ усадьбы былъ человѣкъ зажиточный, то въ двухъ шагахъ отъ его хоромъ была непремѣнно церковь; кругомъ дома, въ безпорядкѣ, были жилья челядинцевъ, клети и клетушки, анбары, конные и скотные дворы, гумна и *огороды* съ яблонями, грушами, вишнякомъ, малиною, капустою, горохомъ, свеклою и пр.; далѣе избы заоворныхъ крестьянъ. Что касается до небогатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, до дѣтей боярскихъ и мелкихъ дворянъ, то они жили въ бѣдныхъ хуторкахъ, въ домахъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ, такъже какъ онѣ, соломою и даже едва ли иногда не курныхъ,— такъ по крайней мѣрѣ можно думать по коротенькому извѣстію, сообщаемому однимъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Наконецъ, жилья крестьянъ, общій видъ деревни былъ тотъ же самый, какъ и теперь.

Каждая изъ этихъ усадебъ, даже самая незначительная, могла бы, повидимому, доставлять ея владѣльцу безбѣдное существованіе, потому что вездѣ было земли, воды и лѣсу въ изобиліи; да и въ самомъ дѣлѣ, недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни у владѣльцевъ, даже самыхъ небогатыхъ, не было; анбары, даже въ самыхъ маленькихъ имѣніяхъ, были наполнены хлѣбомъ, скотные и птичные дворы могли доставлять изобильную и разнообразную пищу: лѣса были наполнены дичью; во многихъ мѣстахъ были пасѣки; изъ домашней шерсти ткалось сукно, изъ домашняго льна — холстъ. Но это-то самое обстоятельство, — что почти у всѣхъ было все свое домашнее,—и налагало на всю старинную Русь

ту печать мертвенности и неподвижности, которая поражала писавшихъ о ней иностранцевъ.

Человѣку свойственно жить въ обществѣ людей; ему нужно видѣть себѣ подобныхъ, говорить съ ними, обмѣниваться взаимными услугами, совокуплять свои силы, чтобъ достигать общаго благосостоянія. Образованные народы къ этому стремятся, потому что понимаютъ свою пользу, но народы необразованные болѣе всего побуждаются нуждою,—а нашихъ предковъ нужда не побуждала покидать свои усадьбы. И они сидѣли въ нихъ безвыходно, сколько было возможно. Что же отъ этого происходило? То, что у насъ почти никакой промышлености не было, а слѣдовательно не было никакой торговли: всякій старался производить лишь столько, сколько было ему нужно для себя и своего семейства, и не думалъ что-нибудь продать или обмѣнять. Отъ этого, въ свою очередь, никто не заботился, чтобъ дороги содержались въ какой нибудь исправности; онѣ были наполнены рытвинами и ухабами; колеса то вязли въ пескѣ, то тонули въ грязи; по самымъ только проѣзжимъ изъ дорогъ топи были вымощены накатникомъ; но эти мостовыя, которыя еще существуютъ кое-гдѣ, приводятъ теперь въ ужасъ проѣзжающихъ, принужденныхъ по нимъ трястись; даже рѣки, — эти пути, созданные самою природою,—и при томъ самыя значительныя, каковы Ока и Волга, представляли для сообщенія весьма мало удобствъ: Олеарій, иностранецъ, посѣтившій Россію въ половинѣ XVII вѣка, пишетъ, что судно, на которомъ онъ плылъ по Волгѣ, безпрестанно натыкалось то на мели, то на карчи, или деревья, свалившіяся съ берега въ рѣку. Но все еще плаванье по рѣкамъ считалось са-

мымъ удобнымъ способомъ путешествія; что касается до сухопутныхъ дорогъ, то хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ и были *ямы* (*) и движеніе слѣдовательно могло производиться безостановочно, но зато не существовало никакихъ пріютовъ, въ которыхъ измученный путешественникъ могъ бы дать отдыхъ своимъ разбитымъ бокамъ.

Впрочемъ предки наши были не изнѣженны и безъ особыхъ жалобъ переносили бы неудобство старинныхъ дорогъ; но дороги эти были, сверхъ того, и не безопасны: лѣса новгородской и псковской губерній, муромскіе, брянскіе и другіе, пріобрѣли грозную, и доселѣ еще не забытую извѣстность въ этомъ отношеніи; по Волгѣ, начиная съ Казани и до Астрахани, разъѣзжали удальцы и грабили плывшія суда. Одинъ іезуитъ, посѣтившій Россію въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ свое странствованіе отъ Астрахани до Москвы: какихъ бѣдствій онъ не натерпѣлся! Судно, на которомъ онъ плылъ, загорѣлось по неосторожности судовщиковъ; добравшись кой-какъ до берега, онъ едва не былъ захваченъ кочевыми Калмыками; потомъ принужденъ былъ странствовать пѣшкомъ по слякоти и морозу, ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь кореньями... Что же, когда въ этихъ пустыняхъ путника застигала мятель?... При такихъ неудобстяахъ сообщеній, удивительно ли, что движенія, не вызываемаго при томъ нуждою, почти вовсе не было по нашимъ дорогамъ, сухопутнымъ и рѣчнымъ. Олеарій, плывя отъ Москвы до Нижняго, встрѣтилъ ровно одну барку!

(*) Поселенія людей, занимающихся извозомъ.

И замѣтимъ, все, что выше говорено, относится къ самой населенной части тогдашней Руси. Что же надо сказать про мѣстности болѣе отдаленныя! Тамъ была почти пустыня: по дорогѣ въ Саратовъ, за Пензою начиналась голая степь не только безъ жилья, но на которой глазъ не находилъ даже дерева. Такая же степь разстилалась вдоль по всему сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря, до нижнихъ частей Дона и Днѣпра, гдѣ бродили дикія орды кочевниковъ, а по другую сторону Волги и Камы до Уральскихъ горъ и Ледовитаго моря стояли непроходимые лѣса, убѣжище дикихъ звѣрей да раскольниковъ. Мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ, по какимъ причинамъ эти послѣдніе уходили въ глухіе лѣса сѣверной Россіи, а теперь возвратимся къ наиболѣе люднымъ мѣстамъ Россіи.

И тамъ, какъ уже сказано, было довольно пустынно; одинъ путешественникъ разсказываетъ, напримѣръ, что отъ Москвы до Вязьмы, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ, онъ проѣзжалъ только чрезъ одно селеніе. Эти дальнія разстоянія между жильями, эти дурныя, а нерѣдко и небезопасныя дороги были, какъ сказано, причиною того, что наши предки, безъ особой надобности, не охотно покидали свои жилища. Что же дѣлали они, сидя безвыходно дома? Довольно трудно разсказать, чѣмъ былъ наполненъ ихъ день; объ этомъ сохранилось мало извѣстій; но вотъ описаніе образа жизни Царя Θеодора Іоанновича, сдѣланное однимъ изъ самыхъ умныхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, Англичаниномъ Флетчеромъ: Царь обыкновенно встаетъ въ 4 часа утра, пишетъ Флетчеръ: — и тотчасъ послѣ этого къ нему входитъ его духовникъ, благословляетъ его и вноситъ образъ

того святаго, который чествуется въ тотъ день. Царь молится съ четверть часа, по окончаніи чего опять входитъ духовникъ, и кропитъ святой водою какъ его, такъ и иконы, которыми уставлены стѣны и передъ которыми теплятся свѣчи и лампады. Послѣ того Царь идетъ въ покои царицы и вмѣстѣ съ нею слушаетъ заутреню; потомъ принимаетъ царедворцевъ и разговариваетъ съ ними. Часовъ въ 9 утра онъ слушаетъ обѣдню, потомъ обѣдаетъ, (и вѣроятно долго, потому что къ столу его подавали ежедневно до 70 блюдъ); послѣ обѣда отдыхаетъ часа три; вставши, идетъ къ вечернѣ, и наконецъ остальную часть дня, до ужина, проводитъ съ царицею, слушая пѣсни, глядя на кувырканья карловъ и потѣшаясь остротами шутовъ.

Таковъ былъ образъ жизни Царя Θеодора; конечно, онъ жилъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ временемъ, о которомъ здѣсь говорится; но въ домашнемъ быту нашихъ предковъ чувствительной перемѣны въ это время не произошло; правда и то, что образъ жизни Царя и образъ жизни частнаго человѣка — не одно и тоже; но все-таки по тому описанію, который здѣсь приведено, можно себѣ представуть приблизительно, какъ проводилъ время старинный бояринъ и вообще зажиточный человѣкъ. Люди бѣдные, а тѣмъ болѣе крестьяне, должны были отдавать труду гороздо большую часть своего времени, но конечно каждый изъ нихъ, разбогатѣй онъ или сдѣлайся важнымъ человѣкомъ, сталъ бы жить точно также.

Неповоротливы были наши дѣды, сонливы, безпечны; въ этомъ надо сознаться. Иностранцы упрекали сверхъ того ихъ въ томъ, что они были невоинственны: это менѣе справедливо. Дѣло въ томъ, что они не понимали

этой страсти западныхъ европейцевъ — биться съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было, страсти, которая вовсе не въ природѣ человѣка и которая на западѣ была остаткомъ странствующаго рыцарства. Рыцарскихъ обычаевъ у насъ никогда не существовало, а потому наши предки не любили рѣзаться изъ одного удовольствія рѣзаться. Они переходили по льдинкамъ Волгу въ осеннюю пору, шли въ одиночку на медвѣдя, но не считали безчестнымъ, когда видѣли, что побѣда не можетъ быть на ихъ сторонѣ, — дать тылъ передъ непріятелемъ, точно также, какъ уходили отъ медвѣдя, если у нихъ не было въ рукахъ рогатины. Но это было несогласно съ понятіями, господствовавшими на западѣ, а потому западные европейцы безъ церемоніи надъ нами подсмѣивались и говорили, что мы «бѣгаемъ отъ непріятеля какъ зайцы».

Справедливо то, что Русскіе не любили войны (да и за что же ее любить?) и что войско наше было плохо. Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о старинномъ нашемъ войскѣ, тѣмъ болѣе, что намъ скоро надо будетъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ походъ противъ крымскихъ Татаръ.

Главная, т. е. многочисленнѣйшая военная сила наша состояла изъ *земской рати* или милиціи; по приказанію Царя и по объявленіи войны, каждый *помѣщикъ*, т. е. владѣтель даннаго ему правительствомъ имѣнія, *помѣстья*, долженъ былъ вооружаться и садиться на коня; кромѣ того съ имѣній, принадлежавшихъ церквамъ, монастырямъ и собственно Царю, набирались *даточные люди*. Тѣ и другіе были вовсе не воины по ремеслу, а, напротивъ, земледѣльцы, домосѣды; никому изъ нихъ не хотѣлось покидать своего дома, своего хозяйства, своей семьи, а по-

тому они кланялись воеводамъ, давали имъ подарки и слезно молили показать ихъ больными, калѣками или подъ какимъ нибудь предлогомъ уволить отъ ратной службы. Инымъ это удавалось, большей части, конечно, нѣтъ; а потому они хотя и являлись на сборное мѣсто, но ужь, разумѣется, хорошими воинами они не могли быть: они и шли неохотно, и владѣть оружіемъ не имѣли привычки и познаній военныхъ никакихъ не имѣли; ихъ душа и сердце были далеко — посреди кровной семьи да родимыхъ полей; до насъ дошли письма, которыя писали нѣкоторые изъ такихъ воиновъ-поневолѣ въ дома свои: о военныхъ дѣйствіяхъ, — ни слова, какъ о дѣлѣ для нихъ мало интересномъ, а только распоряженія по хозяйству, да поклоны роднымъ и сосѣдямъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: личной злобы противъ людей, съ которыми шли сражаться, они не могли натурально, имѣть, а какія у правительствъ между собой расчеты — они не вѣдали; имъ было ясно только одно: что надо бросать семью и хозяйство, терпѣть нужду и голодъ, — не говоря уже объ опасности, — да платить лишнія подати на военныя издержки. Когда же непріятель вступалъ на родную землю, истреблялъ жатвы, жегъ города и селенія, осквернялъ храмы, бралъ въ неволю людъ православный,— тогда вскякому становились ясно, что нужно прогнать незванныхъ гостей, и старый и малый вооружался, какъ это было въ 1612 году, во время нашествія Поляковъ, и въ 1812, во время нашествія Французовъ.

Кромѣ земской рати у насъ были стрѣльцы, уже знакомые намъ. Это были люди, которыхъ главное значеніе было — военная служба; всякій стрѣлецкій сынъ, достигнувъ совершеннолѣтія, дѣлался ратникомъ и оставался

нихъ до глубокой старости. Стрѣльцы жили особыми слободами въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, занимая караулы, исправляя «всякую государеву службу» и постоянно занимаясь «воинскимъ артикуломъ». Конечно, и ихъ ничто не могло особенно привлекать изъ слободъ, гдѣ они жили семьями и занимались промыслами либо мелкою торговлею, на войну, цѣль и причины которой для нихъ, какъ и для всѣхъ, были неизвѣстны; но будучи вооружены не чѣмъ попало, какъ земскіе ратники, а саблями, бердышами и ружьями, будучи притомъ пріучены обращаться съ оружіемъ и сохранять нѣкоторый порядокъ въ строю, — они представляли лучшую часть русскаго стариннаго войска; про дворянъ и дѣтей боярскихъ одинъ современникъ говоритъ: «только у нихъ строю, что сабли остры да аргамаки рѣзвы, а бьются кто лучнымъ, кто огненнымъ боемъ»; про стрѣльцовъ же и иностранцы пишутъ, что, не имѣя особой пылкости при аттакѣ, они съ твердостью выдерживали нападеніе и съ ожесточеніемъ защищали городки и «острожки» Тоже самое въ отношеніи военныхъ качествъ можно сказать про полки солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе и гусарскіе, которые отъ стрѣлецкихъ отличались только одеждою да тѣмъ, что ими командовали по большей части полковники изъ иноземцевъ.

И такъ, вотъ какова была старинная русская военная сила.

Вслѣдствіе заключеннаго съ Польшею договора слѣдовало немедленно двинуть рать противъ Крыма; но это не такъ легко было сдѣлать: надо было прежде собрать ее, а на это требовалось много времени. Въ приказѣ «розряд-

[redacted]

номъ» (*), завѣдывавшемъ военными силами, закипѣла работа: стали разбирать. кого изъ числа всѣхъ «верстаныхъ окладомъ» (**), слѣдуетъ требовать на сборъ, кого можно оставить въ покоѣ; потомъ нужно было время, чтобъ разослать объ этомъ указы во всѣ отдаленные уголки Россіи; наконецъ надо было дать ратнымъ людямъ время изготовиться къ походу и прибыть на сборное мѣсто. На все это потребовалось почти годъ времени: сборъ былъ назначенъ къ 1 марта (1687) на украинской границѣ.

И вотъ во всѣхъ городахъ, наконецъ, получены царскіе указы; въ воеводскихъ канцеляріяхъ списываютъ съ нихъ копіи и разсылаютъ по селамъ и деревнямъ; на городскихъ площадяхъ приказные люди громко прочитываютъ ихъ по базарнымъ днямъ. Вѣсть о близкомъ походѣ проникла наконецъ во всѣ захолустья; вездѣ суета, вездѣ хлопоты; старыя фузеи и пистоли осматриваютъ и приводятъ въ исправность, коней ставятъ на зерно; дворяне назначаютъ, кому изъ челядинцовъ съ ними отправляться на государеву службу; въ дворцовыхъ и церковныхъ имѣніяхъ берутъ даточныхъ. Передніл избы воеводскихъ домовъ наполнены охотниками «остаться въ нѣтяхъ» (***), а по заднимъ крыльцамъ тащутъ «посулы» и «поклоны»: кто золотую цѣпь, кто кусокъ сукна или парчи, а кто является и съ домашними издѣліями, — медомъ, наливками или зерновымъ хлѣбомъ: воеводѣ, человѣку пріѣзже-

---

(*) Приказы въ старину были почти тоже, что теперь министерсства.

(**) Кто былъ верстанъ окладомъ, т. е. кому было дано помѣстье, или вообще „царское жалованье", тотъ обязывался за это нести службу, какую и когда указано будетъ.

(***) Такъ говорили про людей, которые *отнѣкивались* отъ службы и оставались дома.

му, въ хозяйствѣ все пригодится, и не попусту же изъ Москвы отпускали людей на воеводство: чтобъ «покормиться».

И вотъ, зима на исходѣ; срокъ отправляться въ походъ приближается; у людей зажиточныхъ сѣдлаютъ коней, нагружаютъ подводы сушеною и соленою рыбою и мясомъ, толокномъ, крупами, виномъ: путь дальній, гостинницъ нѣтъ и не вездѣ же есть знакомцы, у которыхъ можно и отдохнуть и сытно угоститься. Сборы бѣдняковъ короче: котомка за плечи и съ Богомъ, отъ селенія до селенія, въ надеждѣ на подачу «христа-ради».

Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ, дорогами и тропинками собираются ратные люди въ окрестности Ахтырки, на границѣ нынѣшней харьковской губерніи; по прибытіи на мѣсто, подъячіе записываютъ ихъ имена, составляютъ списки; воеводы распредѣляютъ ихъ по полкамъ и ротамъ или сотнямъ, назначаютъ головъ, пятисотенныхъ и другихъ начальниковъ; прибываютъ и стрѣлецкіе и другіе *регулярные* полки; тяжело тащится «снарядъ» или артиллерія. Между земскими ратниками оказывается много «нѣтей»; въ стрѣлецкихъ и другихъ полкахъ много оставлено по городамъ больными; не взирая однакожъ на все это, всего на сборномъ мѣстѣ набирается 100 т. человѣкъ. Время уходитъ, надо пускаться въ путь; казаки, правда, еще не прибыли, но они догонятъ дальше, на дорогѣ.

И точно, пора выступить; почти три мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ къ походу. За эту медленность иные обвиняютъ главнаго воеводу, Голицына; но, кажется, болѣе всѣхъ виновато здѣсь дурное устройство старинной нашей рати. Кромѣ того, если дворяне и дѣти бояр-

скіе принесли съ собою немного воинственнаго жару, то московскіе царедворцы явились въ армію съ придворными своими интригами и духомъ партій; надѣясь на поддержку у двора, они не только плохо повиновались распоряженіямъ главнокомандующаго, но своими происками возбуждали противъ него неудовольствіе въ войскѣ. Голицынъ съ горечью жаловался на это, но до него доходили слухи, что и въ Москвѣ есть цѣлая партія, которая втайнѣ противъ него работаетъ, что во главѣ ея находится патріархъ и что она находитъ сочувствіе въ младшемъ Царѣ, Петрѣ.

Широкою, открытою степью, но степью плодоносною, двинулось наконецъ во второй половинѣ мая наше войско. Переходы были очень не велики и могли походить на прогулку посреди этихъ прекрасныхъ, изобильныхъ, хотя и весьма малолюдныхъ тогда мѣстъ, которыя орошаютъ рѣки Ворскла и Орель. На р. Самарѣ присоединились казаки, въ числѣ 50 тысячъ, подъ начальствомъ самаго гетмана, Ивана Самойловича; наконецъ около половины іюня многочисленная наша рать достигла рѣки, Конскія-воды.

Уже во время нѣсколькихъ послѣднихъ переходовъ можно было замѣтить на южной сторонѣ небосклона днемъ какія-то темныя, тяжелыя облака а ночью отдаленное блѣдное зарево; вѣтеръ приносилъ иногда оттуда горькій запахъ гáри... Что это могло значить? Это — *горѣла степь...*

Въ степныхъ мѣстахъ Россіи и до сего еще времени нерѣдко крестьяне запаливаютъ осенью траву, которую не успѣли выкосить, вѣруя, что отъ этого на слѣдующій го дътрава лучше уродится. Этотъ предразсудокъ

бываетъ причиною большихъ несчастій; вѣтеръ раздуваетъ пламя на необъятное пространство и иногда направляетъ его не только на стоги съ сѣномъ или хлѣбомъ, но на жилья, и цѣлыя деревни выгораютъ. Пожаръ степи истребляетъ все, что ему попадается на встрѣчу, изсушаетъ болотца и ручейки; стаи степныхъ птицъ съ крикомъ отъ него несутся, четвероногія бѣгутъ съ ужасомъ; отъ него нѣтъ пощады никому и ничему.

Какъ же было отваживаться на борьбу съ нимъ нашей арміи? Выжидать пока онъ прекратится? можно было опасаться, что окажется не достатокъ въ провіантѣ; идти впередъ? лошади погибнутъ отъ безкормицы, степные ручьи, и безъ того обыкновенно скудные, могутъ вовсе пересохнуть; пороховымъ ящикамъ угрожаютъ ежеминутные взрывы. Голицынъ собралъ военный совѣтъ. Спорили долго, но наконецъ рѣшили идти далѣе. Смущенная, угрюмая рать двинулась; но раскаленная почва жгла обувь, дымъ ѣлъ глаза; отощалыя лошади едва волочили обозъ и орудія, «отъ пыли пожарной людямъ и конямъ, говоритъ одинъ современникъ, чинилась великая тягота». Такъ шли однакожъ нѣсколько дней; прошелъ сильный дождь; онъ охладилъ землю, но не возбудилъ растительности, не далъ корму, а между тѣмъ затруднилъ переправы черезъ ручьи и болота. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ оказалось, что провіанту недостаточно. Голицынъ опять собралъ совѣтъ и здѣсь уже положено было возвратится за Конскія-воды и ожидать новыхъ приказаній изъ Москвы.

Неудача была явная. Потери наши были, это правда, ничтожны: хорошіе кормы по сю сторону Конскихъ

водъ скоро поправили лошадей, люди тоже оправились и собрались съ силами, но воротиться безъ всякаго «промыслу», вовсе не видавъ непріятеля, — если бы даже и не было непростительной ошибки касательно провіанта, — было все-таки такою неудачей, отъ которой Голицыну мудрено было бы очиститься. Онъ очень хорошо это зналъ и былъ увѣренъ, что враги его въ Москвѣ употребятъ всѣ мѣры, чтобъ его очернить... И вотъ, въ то самое время, когда его грызло безпокойство и преслѣдовали печальныя мысли, ему говорятъ, что неудача это есть дѣло измѣны, что степь подожжена, по приказанію Самойловича, казаками...

V.

Югозападная Русь. — Дворяне католики и хлопы-православные. — Казачество. — Запорожская Сѣчь. — Малороссійское казачье войско. — Возстаніе Русскихъ-православныхъ противъ Поляковъ-католиковъ. — Богданъ Хмельницкій. — Малороссія присоединяется къ Россіи. — Подтвержденіе Царемъ Алексѣемъ вольностей казачьихъ. — Взаимныя недоразумѣнія между нашимъ Правительствомъ и казаками. — Самойловичъ. — Мазепа. — Послѣдній интригуетъ противъ перваго, и возбуждаютъ противъ него подозрѣніе въ измѣнѣ. — Доносъ казаковъ. — Низложеніе Самойловича. — Избраніе Мазепы въ Гетманы.

Мы уже знаемъ, что сѣверная и южная украины или оконечности московскаго государства были почти безплодныя пустынныя мѣста. Къ сѣверу заонежье и заволжье, съ рѣдко разсѣянными финскими племенами; по

нижней Волгѣ и каспійскому прибрежью, и потомъ дальше на югъ, вдоль сѣвернаго берега Азовскаго и Чернаго морей, — открытыя, безводныя, безлѣсныя, хотя мѣстами и плодоносныя степи, по которымъ бродили кочевые Калмыки, Ногайцы, дикіе, но не очень опасные народцы и отважныя шайки крымскихъ Татаръ.

Во времена тяжелыя для Россіи, во времена ига монгольскаго и страшной неурядицы удѣльныхъ князей, народъ бросалъ свои домы и расходился во всѣ стороны, — и вотъ мрачные лѣса заонежскаго и печерскаго края, берега отдаленнаго Терека, низовья Дона и Днѣпра стали заселяться русскими бѣглецами: тамъ они могли считать себя безопасными и отъ татарскихъ баскаковъ (сборщиковъ податей) и отъ утѣсненія князей. Поселенія, осѣвшія въ лѣсахъ, прилегавшихъ къ Ледовитому морю, не представляютъ никакого особаго интереса, кромѣ впрочемъ того, что они безъ насилія распространили на дальній сѣверъ русское племя; но судьба выходцевъ, направившихся на югъ и образовавшихъ *казачество*, чрезвычайно интересна: это самая оживленная и, можно сказать, поэтическая страница всероссійской исторіи. Не даромъ о судьбахъ казачества написано такъ много лѣтописей и сохранилось въ народной памяти столько преданій, пѣсенъ и разсказовъ. Люди съ большимъ талантомъ, каковы Гоголь, Шевченко и Костомаровъ, посвящали свои дарованія литературѣ и исторіи украинскаго казачества.

Что за разнообразіе представляетъ Русская земля и русскій народъ! Тогда какъ на отдаленномъ сѣверѣ русскія колоніи живутъ посреди угрюмой полярной природы, — другія, на Терекѣ, напримѣръ, почти не зна-

ютъ зимы, воздѣлываютъ виноградъ и шелковицу. Не менѣе разнообразія замѣчается и въ отношеніи быта различныхъ частей русскаго народонаселенія. Въ Москвѣ родилось и широко развилось самодержавіе; въ такъ Западной, заднѣпровской Руси образовалась аристократія; Новгородъ, Псковъ и южныя поселенія, гдѣ взросло казачество, и всѣ тѣ мѣста, куда оно бросило отпрыски, — на Дону, на Терекѣ, на Уралѣ, приняли формы республикъ Россія — это цѣлый міръ! И тѣмъ болѣе интересно ея изученіе.

Теперь насъ займетъ казачество и именно малороссійскіе казаки, такъ какъ въ прошедшей главѣ мы начали-было говорить о нихъ.

Извѣсно, что во время татарскаго владычества нынѣшняя Малороссія, губерніи кіевская, волынская и подольская, а также восточная часть австрійской Галиціи мало-по малу отдѣлились отъ Руси и перешли въ составъ польско - литовскаго государства. Князья и бояре этихъ странъ въ теченіе времени приняли католическую вѣру, польскіе нравы и языкъ; но простонародье упорно держалось и своей вѣры и своего языка, за что оно подверглось большимъ притѣсненіямъ со стороны какъ своихъ ополячившихся единоземцевъ, такъ и со стороны польскаго правительства. Туда проникло латинское духовенство, всегда чрезвычайно ревностное къ обращенію иновѣрцевъ, много польскихъ пановъ получило тамъ помѣстья, и тогда положеніе страны сдѣлалось совершенно бѣдственнымъ. Одинъ французъ, Бопланъ, бывшій въ польской службѣ въ половинѣ XVII вѣка (человѣкъ, болѣе расположенный къ Полякамъ, чѣмъ къ Русскимъ), — говоритъ, что «паны тамъ жили какъ въ

царствѣ небесномъ, а крестьяне какъ въ чистилищѣ». За то, прибавляетъ онъ, и не проходитъ тамъ нѣсколькихъ лѣтъ безъ возмущенія.

Вѣроятно впрочемъ, что эти возмущенія не повторялись бы такъ часто, еслибъ для недовольныхъ крестьянъ или *хлоповъ*, какъ ихъ называли тамъ, не было вблизи безопаснаго и всегда открытаго пріюта въ такъ называемой *Сѣчи Запорожской*. Эта-то Сѣчь и была колыбелью и центромъ малороссійскаго казачества. Пониже днѣпровскихъ пороговъ, на островкахъ и берегахъ Днѣпра, поросшихъ камышемъ, въ мѣстахъ безлюдныхъ и удаленныхъ отъ всякаго жилья, съ давнихъ лѣтъ жили бѣглецы изъ польской Руси и изъ собственно Московскаго государства, люди убѣгавшіе татарскаго насилія или католическаго притѣсненія, покидавшіе родной кровъ и семейства и уносившіе съ собою только православную вѣру да родной языкъ.

Это была шайка удальцевъ бездомныхъ, бѣдныхъ, отважныхъ, которая не признавала надъ собою власти ни великихъ князей московскихъ, ни королей польскихъ, ни хановъ татарскихъ, шайка безопасная посреди своихъ степей, которая или отстрѣливалась отъ враговъ, скрываясь въ своихъ родныхъ камышахъ, или разбѣгалась, когда противъ нея шла большая сила, — но разбѣгалась съ тѣмъ, чтобы опять собраться немедленно по удаленіи враговъ, и потомъ съ неслыханною дерзостью сама на нихъ нападала, когда представлялся къ тому благопріятный случай.

Слухъ объ удалой жизни Запорожцевъ скоро распространился по всей польской Руси, и отвсюду къ нимъ стекались новые выходцы. Хлопы, утѣсняемые поль-

скими панами и латинскими монахами, польскіе дворяне, преслѣдуемые кредиторами, Русскіе, даже Татары, — всякій, кто бы ни явился въ *Сѣчь*, то-есть мѣсто жительства Запорожцевъ, находилъ тамъ пріютъ и безопасность, лишь бы онъ былъ или сдѣлался православнымъ, да не боялся при случаѣ положить удалую свою голову. Вся жизнь ихъ состояла изъ отважныхъ набѣговъ, да изъ кутежа на счетъ награбленной добычи. Во время похода не было людей болѣе воздержныхъ; они довольствовались какою нибудь горстью толокна; за то, по возвращеніи въ Сѣчь, вино лилось у нихъ рѣкою, червонцы бросали они пригоршнями, кусокъ парчи давали за ведро горѣлки. На неутомимыхъ своихъ коняхъ они проскакивали страшныя пространства, переплывали широкія рѣки, налетали какъ вихрь и уносились назадъ; пускались въ открытое море на небольшихъ открытыхъ лодкахъ, нападали на военные турецкіе корабли, дѣлали высадки на берега Малой Азіи. Ни законовъ, ни начальства не было между Запорожцами; всѣ были «паны-братья» между собою. Изъ среды себя, вольными голосами, они избрали себѣ атамана, называемаго кошевымъ, который долженъ былъ водить ихъ, когда они поднимались «добывать себѣ зипуновъ» у Поляковъ, Татаръ или Турокъ; но постоянной власти этотъ атаманъ не имѣлъ, а его слушались только потому, что ему довѣряли, и только до тѣхъ поръ, пока довѣряли: въ противномъ случаѣ ставили на его мѣсто другаго.

Таково было коренное казачество. Запорожцы были всѣ холосты, или жили въ Сѣчи безъ семействъ своихъ, — какъ нѣкогда Римляне на капитолійскомъ холмѣ.

Жилища ихъ были не избы, а огромные сараи, называемые *куренями*, въ которыхъ помѣщалось по нѣскольк сотъ человѣкъ имѣвшихъ общимъ все — столъ, имущество, и гдѣ каждый долженъ повиноваться волѣ всѣхъ. Кромѣ, такихъ куреней въ Сѣчи были церкви, щедро обогащаемыя награбленнымъ золотомъ и серебромъ, — и все это было обнесено рвомъ и валомъ съ башенками.

Независимо отъ казаковъ, живущихъ въ Сѣчи, жили другіе, по обоимъ берегамъ Днѣпра, въ нынѣшнихъ губерніяхъ херсонской и екатеринославской; всѣ они считались запорожцами и признавали власть кошеваго атамана, хотя были по большей части семейные люди и жили особыми хуторами. Независимо еще и отъ этихъ казаковъ, казачество распространилось впослѣдствіи почти на всю и юго-западную Русь, отошедшую къ Польшѣ. Страны эти были подвержены безпрестаннымъ набѣгамъ Татаръ, и потому Польскіе короли сначала покровительствовали казакамъ, какъ запорожскимъ такъ и вообще малороссійскимъ; эти послѣдніе также, какъ и первые, считались «войскомъ» и управлялись гетманомъ, который выбирался вольными голосами; полковники и вообще «войсковая старшина», была изъ малороссіянъ же, и этотъ гетманъ, эта старшина правили нѣсколькими десятками тысячъ людей воинственныхъ, сильныхъ отважныхъ, гордившихся своею независимостью передъ всѣми жителями польскихъ областей, помнившихъ, что земли, которыя они заселяли, никогда не были завоеваны поляками, а добровольно къ нимъ примкнули, «какъ вольные къ вольнымъ, какъ равные къ равнымъ». Они съ негодованіемъ видѣли, что ихъ земляки и ед

вѣрцы, крестьяне польскихъ и ополячившихся русскихъ помѣщиковъ, угнетены, что ихъ родной языкъ, старинные обычаи и прародительская вѣра подвергаются гоненіямъ. Крестьяне въ свою очередь съ любовію и завистью смотрѣли на казаковъ — и между тѣми и другими установилось горячее сочувствіе, которое наконецъ показалось опаснымъ польскому правительству. Оно вздумало отнимать права у казаковъ, уменьшать ихъ число, вводить между ними Унію (*) и католичество, отдавать православныя церкви въ аренду евреямъ, которые требовали платы за каждое богослуженіе.

Все это привело къ печальнымъ для Польши послѣдствіямъ: общее неудовольствіе гораздо тѣснѣе прежняго сблизило все православное народонаселеніе польской Руси,—казаковъ и хлоповъ, и однажды оно все, всею своею массою, отъ Стародуба и Изюма до Карпатовъ, возстало противъ Польши. Предводителемъ его въ это время былъ славный Богданъ Хмельницкій, выбранный казаками въ гетманы вопреки польскому правительству. Онъ страшно опустошалъ мѣстности, принадлежавшія королю и панамъ, пожегъ множество костеловъ, погубилъ множество народа и наконецъ ударилъ челомъ Малороссіею русскому Царю.

Алексѣй Михайловичъ, который въ то время царствовалъ, принялъ казаковъ «подъ свою руку», обѣщая сохранить старинныя ихъ права и вольности, а именно: избирать себѣ гетмана и всю войсковую старшину, су-

(*) Уніей называлось исповѣданіе, сохранившее обряды православной Церкви, но послѣдователи котораго признавали господство папы: это была переходная ступень къ католицизму.

диться и вѣдаться по своимъ обычаямъ и не знать надъ собою никакой власти, кромѣ выбранныхъ войскомъ лицъ.

Но такое управленіе, очень мало похожее на то, которое существовало въ Россіи, не нравилось Царю и его преемникамъ, даже боярамъ московскимъ; съ другой стороны казаки, привыкшіе во время послѣднихъ войнъ съ Польшею къ своеволію, а ихъ гетманы къ полной независимости, неохотно подчинялись даже и справедливымъ требованіямъ порядка. Гетманы, по старинному, безпрестанно обсылались съ варшавскимъ, крымскимъ и турецкимъ дворами: это было не согласно съ государственнымъ порядкомъ. Предупреждая неустройства на Украйнѣ, Царь держалъ тамъ русское войско: это, съ своей стороны, не нравилось казакамъ. Поэтому въ Малороссіи и послѣ присоединенія ея къ Россіи происходили частыя волненія, и между казаками было много такихъ, которые сожалѣли о рѣшеніи, принятомъ Хмельницкимъ, и готовы были передаться опять Польшѣ или даже Крыму и Турціи; и дѣйствительно заднѣпровская Малороссія, т. е. нынѣшнія кіевская, волынская и подольская губерніи не удержались за нами: Польша отбила ихъ у Россіи. Московскій договоръ 1686 года, какъ мы видѣли, опредѣлялъ границею между этими государствами Днѣпръ.

Во время Крымскихъ походовъ гетманомъ украинскихъ казаковъ праваго берега Днѣпра былъ Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ, преданный Россіи болѣе, нежели многіе изъ казаковъ, но еще болѣе не любившій Польшу, нежели любившій Россію. Поэтому ему очень не нравился союзъ, заключенный нами съ

Варшавою. Онъ писалъ въ Москву, старясь помѣшать этому союзу, и былъ весьма не доволенъ, когда по условію этого союза, былъ объявленъ походъ въ Крымъ. «Купила себѣ Москва лиха за свои гроши!» говорилъ онъ, намекая на сумму, выговоренную Польшею при заключеніи договора, и пророча намъ неудачу въ войнѣ съ Татарами. Самойловичу не нравилось и назначеніе главнымъ воеводою Голицына, съ которымъ онъ еще прежде былъ въ нехорошихъ отношеніяхъ; быть подъ его начальствомъ, казалось оскорбительнымъ гетману, который справедливо могъ по своимъ стариннымъ правамъ и преимуществамъ, по независимости своего положенія, считать себя первымъ и вовсе исключительнымъ человѣкомъ въ Россіи.

Самойловичъ былъ человѣкъ неглупый; самая вѣрность его Россіи доказывала, что онъ умѣлъ расчитать, чье покровительство ему полезнѣе; но онъ былъ не любимъ казаками за свою скупость и высокомѣріе. Забывая примѣръ Хмельницкаго, который, не взирая на то, что былъ главою почти независимаго народа и носилъ почетное, названіе «батька», забывая, говорю, что славный Хмельницкій былъ для всѣхъ доступенъ, охотно выпивалъ чарку горѣлки съ послѣднимъ казакомъ, низко кланялся міру, когда являлся на казачій кругъ, не рѣдко униженно просилъ у него прощенія, когда онъ замѣчалъ что казаки имъ недовольны, — забывая такой примѣръ, Самойловичъ, далеко не имѣвшій правъ своего предшественника на любовь и уваженіе народа, держалъ себя гордо, допускалъ къ себѣ только старшину и требовалъ, чтобъ народъ ломалъ передъ нимъ шапку, какъ предъ Царемъ московскимъ. Кромѣ того онъ былъ скупъ, не

любилъ, по обычаю, дорогому для казака, поставить ребромъ послѣднюю копѣйку, потѣшиться и потѣшить пановъ-братьевъ; напротивъ, онъ любилъ откладывать рубль къ рублю и съ этою цѣлію установилъ откупа на вино, медъ и пиво, то-есть, за право курить или варить и продавать ихъ, всякій долженъ былъ платить нѣкоторую сумму, которая поступала хотя и въ казну, принадлежавшую всему войску, но казаки были вполнѣ увѣрены, что гетманъ распоряжается всѣми этими суммами, какъ собственными.

По всему этому казаки не любили Самойловича; не любили его полковники и вообще войсковая старшина; не любили его даже тѣ, которые выражали ему всевозможную преданность. Между такими былъ одинъ изъ главныхъ лицъ украинскаго казачества, войсковой эсаулъ, Иванъ Мазепа. О человѣкѣ этомъ придется много говорить впослѣдствіи, а потому познакомимся съ нимъ теперь. Мазепа былъ заднѣпровскій казакъ; въ молодости онъ служилъ пажемъ при польскомъ королевскомъ дворѣ, пріобрѣлъ тамъ порядочное образованіе и при большомъ своемъ умѣ, чрезвычайно искательномъ и пронырливомъ, могъ бы безъ сомнѣнія достигнуть значительныхъ степеней въ польской службѣ. Но одинъ случай далъ его жизни совершенно новое направленіе. Онъ оскорбилъ какого-то польскаго пана, который однажды съ нѣсколькими слугами, подкарауливъ его одного, ночью, схватилъ его, велѣлъ раздѣть до-нога и привязать навзничь на спину дикой степной лошади, головою къ хвосту; потомъ велѣлъ бить бичами эту лошадь и окончательно взбѣсивши ее выстрѣлами, пустить на всѣ четыре вѣтра. Бѣшеный конь, доводенный до изступленія бичеваніемъ и выстрѣ-

лами, кинулся куда глаза глядѣли и постоянно подстрекаемый непривычнымъ щекотаніемъ веревокъ, которыми былъ привязанъ Мазепа, — мчался безъ остановки чрезъ поля и овраги, чрезъ ручьи, лѣса и колючій кустарникъ. Эта дикая, бѣшеная скачка обезсмертена прекрасною поэмою англійскаго поэта, Байрона, и картиною французскаго живописца, Верне, съ котораго существуетъ множество литографій: на ней изображено, что дикій конь мчится лѣсомъ, прыгаетъ черезъ сваленныя бурею деревья; стая волковъ гонится за нимъ, а несчастный всадникъ, ободранный колючими сучьями, растянутъ на спинѣ его, недвижимый и почти мертвый.

Но наконецъ силы оставили неугомоннаго бѣгуна: онъ рухнулся, оскалилъ зубы и издохъ; это было недалеко отъ береговъ Днѣпра. Какая-то женщина, проходя мимо, увидала издохшаго коня и издыхающаго всадника, отвязала послѣдняго и возвратила его къ жизни. Мазепа поселился между заднѣпровскими казаками, записался въ войсковой списокъ, скоро далъ себя замѣтить своею расторопностію, но во время войнъ правобережскихъ казаковъ съ лѣвобережскими, попался въ плѣнъ и былъ представленъ гетману. Самойловичъ поручилъ ему учить своихъ сыновей, а между тѣмъ записалъ его въ казаки, повышалъ его и наконецъ довелъ до званія войсковаго эсаула, одного изъ самыхъ важныхъ званій въ войскѣ.

Мазепа лисилъ передъ Самойловичемъ, но втайнѣ интриговалъ противъ него: горевалъ о казачей вольности съ тѣми, которые ее оплакивали, говорилъ имъ, что гетманъ продаетъ ее, эту вольность «Москалямъ (*)» за царское

(*) Такъ обыкновенно называли Русскихъ Поляки и Малороссіяне.

жалованье, а между тѣмъ не пропускалъ случая съѣздить въ Москву и свести тамъ полезныя для себя связи. Между прочимъ ему удалось сблизиться съ В. В. Голицынымъ, который не замедлилъ оцѣнить его умъ и повѣрилъ его преданности Россіи.

Весьма вѣроятно, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что Мазепа и шепнулъ Голицыну, что крымскія степи выжжены по приказанію Самойловича. Это могло показаться и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ невѣроятнымъ. Старый гетманъ постоянно ворчалъ съ самаго начала похода, жаловался, что безразсудная прихоть царевнина фаворита лишаетъ его зрѣнія, потому что его глаза, и безъ того слабые, страдали отъ зноя и пыли; а когда пожаръ принудилъ нашу рать возвратиться, то онъ съ какимъ-то злорадствомъ твердилъ, что предвидѣлъ неуспѣхъ. «Не сказывалъ ли я, повторялъ онъ, что Москва Крыму ничего не сдѣлаетъ?» Все это, конечно, никакъ нельзя принять за доказательство измѣны со стороны Самойловича; но Голицынъ былъ радъ случаю свалить на кого нибудь вину своей неудачи. Замѣтивъ же этотъ тайный и, конечно, весьма не похвальный изгибъ души Голицына, враги Самойловича стали дѣйствовать смѣлѣе, и собравшись между собою, написали доносъ, въ которомъ формально обвиняли его въ злонамѣренномъ поджогѣ степи, въ замыслѣ отложиться отъ Россіи, въ лихоимствѣ и самовластіи.

Весьма вѣроятно, что, при другихъ обстотельствахъ и въ отношеніи другаго лица, Голицынъ не повѣрилъ бы бездоказательному обвиненію въ предательствѣ, и едва ли далъ бы большое значеніе жалобамъ на лихоимство и самовластіе, — слишкомъ въ то время обыкновенныя; но

теперь, надѣясь облегчить свою личную отвѣтственность, онъ принялъ казачій доносъ и послалъ его въ Москву. Отвѣтъ оттуда не замедлилъ прійти. Царевна, ни слова не упоминая о мнимой измѣнѣ Самойловича, приказывала смѣнить его «буде онъ казакамъ не годенъ», и сослать «куда пристойно», на его же мѣсто выбрать гетмана вольными голосами, по обыкновенію. Въ дѣйствительности Самойловичъ перестадъ быть гетманомъ, какъ только былъ принятъ Голицынымъ доносъ на него. Ловко распущенный слухъ о его измѣнѣ быстро распространился между казаками, которые заволновались и такъ энергически выразили свою нелюбовь къ гетману, что онъ принужденъ былъ самъ просить у Голицына убѣжища въ русскомъ станѣ и охраннаго караула изъ стрѣльцовъ. Желаніе это было немедленно исполнено и Самойловичъ очутился настоящимъ плѣнникомъ. Когда же получился указъ о его низложеніи, предосторожности были удвоены; всю ночь стража не смыкала глазъ вокругъ его шатра, а рано утромъ онъ былъ потребованъ къ главному воеводѣ. Самойловичъ только-что выходилъ отъ заутрени, которую слушалъ въ походной церкви; онъ былъ одѣтъ по домашнему; голова его была повязана платкомъ: въ такомъ видѣ, не давъ ему времени переодѣться, привели его въ розрядный шатеръ (*). Тамъ ждала его казачья старшина, русскіе воеводы и Голицынъ: ему былъ прочтенъ доносъ; онъ хотѣлъ было возражать, но тѣ, которые на него доно-

(*) Палатка, въ которой находилась, сказали бы теперь, походная канцелярія главнокомандующаго.

сили, не дали говорить ему, а Голицынъ не заставилъ ихъ молчать и не выслушалъ оправданій обвиняемаго. Впрочемъ обвинялся онъ московскимъ дворомъ собственно только въ дурномъ управленіи Украйною, въ чемъ, разумѣется, лучшими судьями были сами управляемые. Поэтому, не входя ни въ какія пренія, ему прочли царскій указъ и Голицынъ отобралъ у него серебряную булаву, — знакъ его гетманскаго достоинства, и объявилъ присутствующей старшинѣ, что черезъ два дня будетъ избраніе новаго гетмана.

Сильно кипѣли и волновались казачьи головы въ эти два дня! Избраніе міромъ, всѣмъ «кругомъ» казачьимъ гетмана было чѣмъ-то напоминавшимъ старинную вольность, дорогія казакамъ права. Весь станъ казачій шумѣлъ и волновался; кучки собирались то здѣсь, то тамъ; вездѣ горячились, кричали и не разъ обнажались кривыя, острыя сабли. Всякій произносилъ имя человѣка, котораго особенно любилъ или кому наиболѣе довѣрялъ; но чаще всѣхъ повторялись имена Мазепы и войскового обознаго Барковскаго. Наконецъ наступилъ день, назначенный для торжественнаго избранія.

Съ ранняго утра на равнинѣ, раздѣлявшей русскій станъ отъ казачьяго, толпились казаки, всѣ пятьдесятъ тысячъ, бывшіе въ походѣ, — и говоръ ихъ голосовъ шумѣлъ, какъ морской прибой. Часу въ десятомъ стали выѣзжать съ одной стороны казачьи полковники и другая старшина, а съ другой бояре и воеводы: первые, на своихъ сухихъ, быстрыхъ небольшихъ лошадкахъ, въ простыхъ жупанахъ (*), но съ воинственнымъ видомъ, съ

(*) Одежда казаковъ, по крайней мѣрѣ парадная ихъ одежда, была болѣе польская, нежели русская.

закрученными усами, съ бойко набекрененными на ухо бараньими шапками, съ лихо заброшенными за спину откидными рукавами, другіе — въ высокихъ «горлатныхъ» шапкахъ, въ шубахъ, подбитыхъ соболемъ или черною лисицею, на видныхъ аргамакахъ, которыхъ сбруя, увѣшанная бляхами и бубенчиками, и серебряныя цѣпочки, вмѣсто поводьевъ, звенѣли и сверкали на солнцѣ.

Пріѣхалъ наконецъ и Голицынъ и направился къ церковному шатру, гдѣ отслушалъ обѣдню, а по окончаніи ея, выйдя и поклонясь казачьей «громадѣ» (*), объявилъ, что Цари и царевна соизволяютъ на избраніе новаго гетмана вольными голосами, по стародавнему обычаю. Смолкнувшія—было тысячи голосовъ опять зашумѣли. Въ одномъ концѣ громче раздавалось имя Василья Барковскаго, въ другомъ Ивана Мазепы, но наконецъ этотъ послѣдній кличъ сталъ покрывать всю равнину.—Кого же вы желаета имѣть своимъ гетманомъ? спросилъ Голицынъ у казаковъ «Ивана Мазепу» загремѣла толпа, покрывая всѣ прочія имена. Тогда Голицынъ обратился къ Мазепѣ, передалъ ему гетманскую булаву и знамя, и утвердилъ отъ имени Царей старинныя вольности казачьи, признанныя Царемъ Алексѣемъ, а именно: судъ и управленіе казачьимъ войскомъ вѣдать выборнымъ изъ среды казачества, царскимъ полкамъ быть только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пунктахъ; съ другой стороны казаки обѣщались не принимать русскихъ бѣглецовъ, не провозить въ Россію вина и табаку — что̀ было бы вредно, думали тогда, для русской торговли, — и доносить на затѣвающихъ мятежи и

(*) Толпѣ, міру.

злоумышленія, что̀, по тогдашнимъ понятіямъ, казалось лучшимъ средствомъ къ предохраненію края отъ безпокойствъ.

Вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ царскій указъ о распущеніи рати впредь до новаго сбора. Голицынъ отправился въ Москву, новый гетманъ въ свою резиденцію, Батуринъ, — а Самойловичъ — въ ссылку.

VI.

Царевна награждаетъ Голицына и ратныхъ людей за крымскій походъ. — Это производитъ неудовольствіе въ Москвѣ; недовольные групируются около Петра. — Петръ. — На его воспитаніе не обращчно было должнаго вниманія; Зотовъ. — Дѣтскія игры Петра; потѣшные. — Астролябія. — Тиммерманъ. — Старинный ботикъ. — Карштенъ Брантъ. — Иноземцы болѣе знающи, чѣмъ Русскіе. — Связи Петра съ Нѣмецкою слободою. — Петръ начинаетъ получать болѣе значенія въ глазахъ царевны. — Неудовольстія между нею и вдовствующею царицею усиливаются. — Бракъ Петра.—Мысли царевны о престолѣ. — Шакловитый. — Второй крымскій походъ. — Какъ жили Татары въ Крыму? — Перекопъ — Отступленіе.

Теперь намъ пора возвратиться въ Москву и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Хотя походъ противъ Крыма былъ вполнѣ безуспѣшенъ, царевна рѣшилась прославить его, какъ громкій подвигъ, и раздала множество наградъ воеводамъ и простымъ ратникамъ; но, разумѣется, щедрѣе всѣхъ былъ на-

гражденъ Голицынъ. Зачѣмъ такъ поступала царевна? Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, быть до такой степени ослѣпленною, чтобъ быть довольною совершеннымъ походомъ. Безъ сомнѣнія, она очень хорошо видѣла истину, хотя и велико было ея пристрастіе къ Голицыну, и хотя онъ старался сколько зозможно отклонить отъ себя вину своей неудачи, царевна не обманывалась; но она хотѣла обмануть всю Россію и исторію; она надѣялась, что видя, какъ она рѣшительно одобряетъ всѣ дѣйствія своего фаворита, никто не осмѣлится ихъ порицать. Она очень ошибалась; ничто такъ не усиливаетъ порицанія, какъ незаслуженная награда, и Голицынъ, а съ нимъ и она сама, подверглись обвиненіямъ гораздо болѣе, нежели онъ того заслуживалъ, потому что съ тогдашнею ратью и при всеобщемъ у насъ въ то время незнаніи военнаго искусства, рѣшительно ни одинъ воевода не довелъ бы Крымской войны до благополучнаго окончанія.

Патріархъ, Долгоруковы, Щербатовы, всѣ друзья Нарышкиныхъ, всѣ приверженцы младшаго Царя сдѣлались теперь рѣшительными противниками Голицына и царевны; они могли быть тѣмъ смѣлѣе, что главной ихъ опорѣ и надеждѣ, Петру, былъ въ это время шестнадцатый годъ.

Этому необыкновенному человѣку назначено было играть такую огромную роль въ судьбахъ Россіи, что о немъ надо поговорить съ особою подробностію. Академикъ Устряловъ собралъ въ послѣднее время о его молодости много драгоцѣнныхъ извѣстій, — мы ими воспользуемся.

Петру былъ четвертый годъ, когда скончался Царь Алексѣй; непріятныя отношенія вдовствующей царицы къ своему пасынку, Θеодору Алексѣевичу, принудили ее, какъ мы уже знаемъ, остовить Москву и удалиться въ

Преображенское, съ весьма небольшимъ числомъ друзей, оставшихся ей вѣрными. Съ рукъ *мамы* и *верховной барыни*, которымъ было поручено, по тогдашнему обычаю, попеченіе надъ царевичемъ, онъ перешелъ подъ надзоръ дядьки, дьяка Никиты Зотова; человѣкъ этотъ, не глупый и не безъ свѣдѣній, но большой пьяница, мало занимался своимъ питомцемъ и ничему не училъ его; недавно отысканы учебныя тетради Петра: изъ нихъ видно, что въ шестнадцать лѣтъ онъ только учился четыремъ правиламъ ариѳметики и писалъ очень не твердо. Можетъ быть, и царица сама, — женщина очень обыкновенная, — любя горячо, но неразумно, своего сына, не желала, чтобъ его утомляли науками: еще недавно множество было такихъ маменекъ.

Но природа щедро одарила нашего царевича и здоровьемъ, и красотою. и живостью, и умомъ, и памятью. Теперь дѣти рано получаютъ возможность проводить время одни, не нуждаясь въ товарищахъ, находя развлеченіе въ книгахъ и въ бесѣдахъ съ образованными родителями или наставниками; въ старину было не то, а потому большою заботою для родителей было окружить ребенка сверстниками, пріискать ему товарищей для игръ. Дѣтей небогатыхъ дворянъ окружали для этой цѣли толпы дворовыхъ мальчишекъ, дѣтей знатныхъ дворянъ — дѣти не богатыхъ ихъ родственниковъ или сосѣдей, наконецъ царскихъ дѣтей — дѣти приближеннѣйшихъ царедворцевъ. Такъ было и съ Петромъ. Только въ первое время царствованія Ѳеодора Алексѣевича при опальномъ царевичѣ не могло быть много товарищей; число ихъ конечно увеличилось, когда возвысились Языковъ и Апраксины, успѣвшіе примирить Ѳеодора съ его мачи-

хо́ю, и увеличилось еще болѣе, когда десятилѣтній Петръ сдѣлался Царемъ.

Но этотъ живой и пылкій ребенокъ игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что ему хотѣлось имѣть все больше и больше товарищей. Голиковъ, собравшій около ста лѣтъ тому назадъ множество извѣстій о Петрѣ, не всегда впрочемъ вѣрныхъ, разсказываетъ, что еще при Царѣ Ѳеодорѣ онъ выпросилъ себѣ товарищей изъ молодыхъ конюшенныхъ служителей. Но ранѣе или позднѣе, все равно, — вѣрно то, что у Петра была цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся шумными играми и, между прочимъ, игрою въ *солдатики.* Эти дѣти, между которыми были и рослые парни, строились фронтомъ, занимались «метаніемъ артикула», по образцу солдатскихъ полковъ, а какъ эти игры очень забавляли молодого царевича, какъ и вообще нравятся дѣтямъ, не привыкшимъ къ другаго рода занятіямъ, то охотниковъ поступать въ «потѣшные» нашлось много, такъ много, что въ 1687 году, — въ годъ перваго крымскаго похода, — они уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ и часть ихъ переведена въ другое дворцовое подмосковное село, — Семеновское.

Эти потѣшные, размѣщенные такимъ образомъ, были началомъ двухъ полковъ петровой *гвардіи*, учрежденія совершенно новаго въ Россіи, которое имѣло впослѣдствіи большое значеніе: Петръ, начавши управлять царствомъ, нашелъ въ прежнихъ товарищахъ своихъ игръ надежныхъ помощниковъ, а способнѣйшіе изъ нихъ были имъ выдвинуты на важнѣйшія должности въ государствѣ; таковы были: кн. Мих. Мих. Голицынъ, Бутурлинъ, Меньшиковъ и нѣкоторые другіе.

Но это случилось гораздо позднѣе, а покамѣсть Петръ продолжалъ заниматься въ окрестностяхъ Москвы «потѣхами», которыя однакожь мало-по-малу начинають принимать характеръ настоящихъ военныхъ упражненій; при потѣшныхъ уже заводится артиллерія, они строютъ укрѣпленія. Но скоро у молодого Царя является новая забава, которая еще болѣе, чѣмъ его игра въ *солдатики*, должна была имѣть важное значеніе для Россіи.

Вскорѣ послѣ заключенія союза съ Польшею, царевна отправила въ Испанію и Францію посольство; посломъ былъ назначенъ весьма впослѣдствіи извѣстный князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ въ Преображенскомъ и, разговорясь съ Петромъ, сказалъ ему, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія и высоту строеній, не сходя съ мѣста. Вещь показалась любознательнному Петру затѣйливою, интересною; онъ просилъ Долгорукова прислать ему такой инструментъ изъ-за границы. Но когда онъ былъ присланъ, никто изъ окружавшихъ государя не умѣлъ ему указать его употребленіе. По счастію, придворный лекарь изъ Нѣмцевъ, сказалъ, что между его земляками въ Москвѣ есть человѣкъ, который вѣроятно будетъ въ состояніи помочь Царю, и прислалъ къ нему Франца Тиммермана.

Тиммерманъ былъ мудрецъ не первой руки, однако безъ труда узналъ, что иноземный инструментъ есть простая астролябія, и показалъ какъ ее употреблять; но для этого надобно знать геометрію, а Петръ не очень отчетливо еще справлялся съ «мультопликаціею». Что было дѣлать? Учиться. И Петръ сталъ учиться и геометріи, и

фортификаціи, — всему, чему могъ его научить Тимманъ.

Такимъ образомъ любознательность молодаго Царя была возбуждена, но мало было людей около него, которые могли бы удовлетворить ей. Однажды онъ былъ въ Измайловѣ, одномъ изъ подмосковныхъ дворцевыхъ селъ, гдѣ давно уже ни кто не жилъ. Тамъ между старымъ хламомъ, валявшимся въ амбарахъ, онъ увидѣлъ небольшое судно, конструкція котораго остановила его вниманіе; онъ спросилъ откуда оно; но его дядьки, Стрѣшневы, знали не болѣе Якова Долгорукова; не знаемъ, отвѣчали они. На счастье тутъ же случился Тиммерманъ; онъ объяснилъ, что это англійскій ботъ. Этого однакожъ было недостаточно для Петра: онъ сталъ разспрашивать отчего оно построено не такъ, какъ строятъ суда въ Россіи, въ чемъ его преимущество предъ нашими, какъ имъ управляютъ? Тиммерманъ могъ ему только сказать, что такое судно можетъ ходить на парусахъ противъ вѣтра, но больше ничего объяснить не могъ, а обѣщалъ прислать другого своего земляка, который кораблестроительное дѣло знаетъ, и дѣйствительно прислалъ стараго Голландца, Карштенъ-Бранта, корабельнаго плотника, который былъ выписанъ при Царѣ Алексѣѣ, работалъ при постройкѣ корабля «Орелъ», единственнаго военнаго корабля, бывшаго передъ тѣмъ въ Россіи и сожженнаго Стенькою Разинымъ. Старикъ Брантъ давно пересталъ заниматься корабельнымъ плотничествомъ и добывалъ въ Москвѣ хлѣбъ столярною работою, но былъ однакожь въ состояніи объяснить Царю управленіе парусами; онъ вычинилъ ботъ, придѣлалъ къ нему мачту, справилъ паруса и, перетащивши его на Яузу, вызвался все имъ разсказан-

ное показать на дѣлѣ. И точно, въ назначенный день, Брантъ поднялъ паруса, шевельнулъ рулемъ, и ботъ, какъ выѣзженный конь, пошелъ впередъ, назадъ, вправо и влѣво, по вѣтру и противъ вѣтра, правда, нерѣдко упираясь носомъ въ извилистые берега маленькой рѣчонки, но очевидно повинуясь рулю и парусамъ. Петръ былъ въ восхищеніи, и плаванье на старомъ ботикѣ сдѣлалось любимою его забавою. Яуза скоро показалась ему уже тѣсною; онъ перетащилъ его на прудъ; но и тамъ было мало простору; тогда онъ отправился съ своимъ ботомъ на Переяславское озеро, гдѣ въ свою очередь судно оказалось слишкомъ малымъ, и потому Карштенъ Брантъ принялся за свой старый топоръ и циркуль, и сталъ строить два небольшіе фрегата.

Все это очень живо рисуетъ Петра. Весьма мало развитой, но чрезвычайно любознательный, онъ все замѣчаетъ, всѣмъ интересуется, все хочетъ узнать до основанія; предается со страстію каждому занятію, не боится труда, не знаетъ препятствій и простую забаву обращаетъ въ серьезное дѣло. Здѣсь же, кстати, надо замѣтить одно обстоятельство, которое во всю жизнь Петра будетъ имѣть на него и на Россію вліяніе: знакомство съ иноземцами. Когда Долгоруковъ прислалъ ему астролябію,—употребленіе ея объяснилъ ему Нѣмецъ; за первыми уроками въ навигаціи онъ долженъ былъ обратиться къ Голландцу; чтобъ пополнить познанія, которыя сообщалъ ему Зотовъ, опять таки онъ долженъ призвать Нѣмца. Что изъ этого долженъ былъ натурально заключить Петръ? что иноземцы гораздо просвѣщеннѣе Русскихъ, что Русскимъ надо многому учиться у Нѣмцевъ.

Между тѣмъ на эти, совершенно новыя въ Россіи за-

нятія Петра, не очень дружелюбно смотрѣли весьма многіе. Уваженіе къ старинѣ, ко всему дѣдовскому было не только чрезвычайно сильно въ Россіи, — что впрочемъ весьма похвально, — но это уваженіе доходило до обожанія; иностранное и бусурманское — значило почти одно и тоже: новизна въ чемъ бы то ни было, — въ одеждѣ ли, въ образѣ ли жизни, — казалось чуть ли не ересью; а потому весьма многіе неодобрительно покачивали головами, слушая разсказы о томъ, что дѣлалось въ Преображенскомъ. Тѣмъ не менѣе, даже тѣ самые, которые находили, что эти занятія неприличны царскому сыну, должны были признаться, что царственный юноша обѣщаетъ быть энергическимъ правителемъ, что онъ не долго оставитъ въ чужихъ рукахъ власть, принадлежащую ему по нраву,—и всѣ недовольные царевною пристроивались къ нему, — а такихъ было много, и при томъ между людьми вліятельными, сильными и родовитыми, каковы напримѣръ Долгоруковы, Рамодановскіе, нѣкоторые изъ Шереметевыхъ и Голицыныхъ.

Одно только смущало ихъ: это чрезвычайное расположеніе молодаго государя къ иноземцамъ. Онъ не только призывалъ ихъ къ себѣ, чтобъ потребовать отъ нихъ объясненія того или другого, неизвѣстнаго Русскимъ, но проводилъ долгіе часы въ бесѣдахъ съ ними, разспрашивалъ о чужихъ земляхъ, о чужихъ обычаяхъ, и съ похвалою объ нихъ отзывался. Мало того, онъ не гнушался отправляться самъ въ Нѣмецкую слободу, заходилъ то къ тому то къ другому иноземцу, выпивалъ у нихъ рюмку водки или кружку пива, а какъ они были по большей части ремесленники, то бралъ изъ ихъ рукъ или топоръ, или долото, и работалъ, разговаривалъ съ ихъ женами и до-

черьми. Одна изъ этихъ послѣднихъ, дочь золотыхъ дѣлъ мастера Монса, даже очень ему нравилась.

Петру уже былъ семнадцатый годъ, — и царица-мать серьезно обезпокоилась этими частыми его поѣздками къ Монсу. Въ старину былъ обычай: если молодой человѣкъ начинаетъ вести немножко безпорядочную жизнь — поскорѣе женить его. По этому Наталья Кириловна стала искать для Петра невѣсты, найти же невѣсту было дѣломъ не труднымъ, потому что отъ нея требовалось только молодости, красоты да скромности, — а по этикету того времени всякая благовоспитанная дѣвица, при людяхъ, покрайней мѣрѣ, сидѣла не иначе, какъ смиренно опустивъ рѣсницы: всякая изъ нихъ слѣдовательно казалась скромною. — И такъ выборъ царицы скоро остановился, а именно на дочери дворянина Лопухина, Авдотьѣ Ѳедоровнѣ. Не въ обычаѣ также было спрашивать и согласія жениха, предоставлять же ему самому выбирать себѣ невѣсту по сердцу — никто и не думалъ. Но какъ несчастливы бываютъ браки, заключаемые подобнымъ образомъ, — поразительнымъ примѣромъ можетъ служить тотъ, о которомъ мы теперь говоримъ и о которомъ еще будемъ говорить не разъ.

Свадьба Петра была отпразднована 27 января 1689 года, — а черезъ нѣсколько недѣль, съ первымъ вѣяніемъ весны, онъ уже летѣлъ отъ молодой своей жены на Переяславское озеро, гдѣ старикъ Брантъ работалъ надъ фрегатами. Прошло еще нѣсколько недѣль, и фрегаты эти были спущены на воду и выстрѣлами своихъ небольшихъ пушекъ огласили окрестность.

Этотъ маленькій флотъ, это маленькое войско тревожили царевну, и хотя она и ея приближенные еще старались

придать всему этому видъ дѣтской и неприличной шалости, а потѣшныхъ презрительно называли «конюхами», но въ душѣ она была не спокойна и съ горечью отзывалось о молодомъ Царѣ и его матери; между тѣмъ приживалки, юродивыя, которыя, по всеобщему обычаю, наполняли хоромы царевнъ, — и Софіи въ томъ числѣ, — прослышавъ что нибудь отъ ея сѣнныхъ и постельныхъ дѣвушекъ, немедленно бѣжали къ вдовствующей царицѣ и передавали, конечно не безъ прикрасъ, «непригожія рѣчи», которыя про нея говорятся, потомъ запасшись такими же извѣстіями отъ ея прислуги, спѣшили съ вѣстями въ терема царевнъ. Все это, разумѣется, усиливало взаимное неудовольствіе; съ обѣихъ сторонъ стали подсылать шпіоновъ, стали слѣдить за друзьями и домашними той и другой стороны; кто часто бывалъ, напримѣръ, у Нарышкиныхъ, подвергался подозрѣнію царевны, а иногда и пыткѣ.

Царевна съ безпокойствомъ считала годы Петра и предвидѣла, что онъ скоро сброситъ ея опеку. Тогда она стала серьезно думать, какъ бы надѣть на себя корону. Повѣреннымъ ея въ этихъ тайныхъ думахъ былъ Шакловитый. Человѣкъ этотъ казался ей безусловно преданнымъ и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ преданъ ей; будучи очень простого происхожденія, не имѣя никакихъ связей, онъ видѣлъ въ ней одной всю свою опору, а честолюбіе его не имѣло предѣловъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время революцій и увлекаютъ народныя толпы своею отвагою, энергіей, дерзостью своихъ замысловъ, все истребляютъ, все заливаютъ кровью. Слыша жалобы царевны на ея мачиху, онъ говорилъ ей: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь»! Услышавъ

же или догадавшись о ея желаніи возсѣсть на престолъ, онъ тотчасъ сталъ приводить эту мысль въ исполненіе; имѣя большое вліяніе на стрѣльцовъ, онъ собралъ тѣхъ, на которыхъ наиболѣе надѣялся, и началъ ихъ подбивать, чтобъ они написали челобитную отъ всего стрѣлецкаго войска, прося царевну вѣнчаться на царство. Это предложеніе смутило ихъ, они колебались.

— «Согласится ли патріархъ съ боярами?» замѣтили нѣкоторые.

— «Что патріархъ! возразилъ Шакловитый: — не тотъ, такъ другой будетъ. А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они отпадшее, зяблое дерево.»

Ничто, слѣдовательно, не останавливало Шакловитаго; онъ все отбрасывалъ въ сторону, когда ему было нужно пройти!

Подготовляя стрѣльцовъ къ исполненію задуманнаго, онъ не открывалъ имъ, и даже самымъ довѣреннымъ изъ нихъ, всѣхъ своихъ замысловъ; о нихъ зналъ только одинъ игуменъ Заиконоспасскаго монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, большой грамотѣй, богословъ, астрологъ, слагатель виршей и человѣкъ умный и очень честолюбивый. Онъ былъ друженъ съ Симеономъ Полоцкимъ; Царь Θеодоръ уважалъ его; Шакловитый, его землякъ и короткій пріятель, сблизилъ его съ царевною, которая скоро вполнѣ ему довѣрилась; къ Медвѣдеву она и онъ обращались за совѣтами, Медвѣдевъ «смотрѣлъ для нихъ на звѣзды»; запершись вдоемъ съ Медвѣдевымъ въ его кельѣ, Шакловитый проводилъ цѣлыя ночи.

Что касается до Голицына, то, конечно, болѣе нежели кто нибудь онъ зналъ тайные помыслы царевны. Она питала къ нему сердечную привязанность и, какъ носились

слухи, даже думала выйти за него за-мужъ, при чемъ его жену надѣялись уговорить поступить въ монастырь. Но, какъ уже мы могли не разъ замѣтить, Голицынъ былъ человѣкъ нерѣшительный и осторожный, а потому онъ и теперь, какъ во время стрѣлецкихъ мятежей, держался въ сторонѣ. Надѣясь полезными дѣлами и громкими подвигами упрочить положеніе царевны и свое собственное, онъ настаивалъ на возобновленіи похода въ Крымъ и съ этою цѣлію совѣщался съ людьми, которыхъ считалъ знающими, дѣлалъ разныя нововведенія въ нашемъ войскѣ, приготовлялъ понтоны (*), вводилъ ручныя гранаты и т. п.

Желаніе его исполнилось: вторичный походъ въ Крымъ былъ объявленъ. Рать собралась въ этотъ разъ (1689) очень рано и все было приготовлено заблаговременно, такъ что во второй половинѣ апрѣля мы уже переправились черезъ Самару и вступили въ степь, не боясь пожара, потому что молодая трава не можетъ быть подожжена. Была у Голицына и другая причина спѣшить: онъ узналъ, что ханъ крымскій со всею своею ордою находится въ Бессарабіи; поэтому очень важно было достигнуть Перекопа прежде, нежели онъ могъ туда подоспѣть. И вотъ уже остается нѣсколько переходовъ; люди бодры, лошади сыты; потери нѣтъ почти никакой. Но вдругъ земля гудитъ и трясется, облако пыли поднимается вдали, и изъ за него налетаетъ цѣлая буря татарскихъ всадниковъ съ наклоненными копьями, съ крикомъ и гиканьемъ... Узнавъ о наступленіи на Крымъ, ханъ отъ береговъ Пру-

---

(*) Пловучіе мосты, перевозимые войсками съ собою.

та, не зная не устали, ни отдыха, со всею своею ордою примчался въ нѣсколько дней!

Татары не имѣли собственно войска, арміи: тамъ всякій взрослый человѣкъ былъ воинъ, садился на коня и бралъ въ руки копье и саблю. Наѣздничество было единственнымъ занятіемъ мужчинъ; поэтому орды татарскія были храбры, отважны; кидались на непріятеля быстро, рѣшительно, но при неуспѣхѣ тотчасъ пускались на утекъ. Такой непріятель не страшенъ дисциплинированному войску; даже наши стрѣлецкіе и другіе болѣе или менѣе регулярные полки не очень его боялись, и нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ было достаточно, чтобъ разсѣять татарскихъ наѣздниковъ. Сшибки, которыя наша рать имѣла, слѣдуя къ Перекопу, вообще оканчивались благополучно, и наконецъ 20 мая, она увидѣла передъ собою башни Перекопскаго замка.

Этотъ замокъ стоялъ на самомъ перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ таврическимъ полуостровомъ: за нимъ лежало собственно крымское ханство. Это странное государство,—государство не гражданъ, а наѣздниковъ,—было болѣе похоже на огромную шайку разбойниковъ, нежели на правильное гражданское общество. Базары Кафы (Θеодосіи) и Бахчисарая были завалены парчами, бархатами, золотою и серебряною утварью, наполнены драгоцѣнными конями, невольниками и невольницами; на нихъ голландскіе червонцы, турецкіе піастры, австрійскіе флорины и польскіе злоты разбрасывались пригоршнями... Дѣло въ томъ, что эти парчи и бархаты, эти драгоцѣнные кубки и ожерелья, эти кони и невольники, эти груды золота и серебра — все это было награбленное въ Россіи, Польшѣ, Венгріи, Бессарабіи и скупалось за без-

цѣнокъ Турками, Греками и Евреями. Дома почти ничего не производилось: превосходные склоны горнаго хребта, протягивающагося вдоль южнаго берега полуострова, едва-едва кое-какъ воздѣлывались руками женщинъ и стариковъ; по обширнымъ равнинамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ этого хребта, бродили зимою и лѣтомъ табуны коней; деревни татаръ или «юрты» были ничто иное, какъ собраніе войлочныхъ кибитокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто; города были грязны, состояли изъ дрянныхъ мазанокъ, но глиняные ихъ полы были покрыты великолѣпными коврами, отвратительный пилавъ (*) подавался на серебряныхъ блюдахъ... Таковъ былъ Крымъ.

Рать наша остановилась у входа въ перекопскій перешеекъ; по одну сторону у нея было Черное, по другую Гнилое море, и что же однако? Не взирая на сосѣдство двухъ морей, съ перваго же дня обнаружился недостатокъ воды для варева и водопоя, потому что морская вода, какъ извѣстно, для питья не годится. Обнаружился недостатокъ и въ продовольствіи, потому что и въ этотъ походъ, какъ и въ предшествующій, главный воевода не умѣлъ расчитать, сколько надобно захватить съ собою провіанта. Ханъ сдѣлалъ было видъ, что желаетъ вступить съ нимъ въ переговоры, поманилъ-было надеждою на заключеніе мира, — и обманулъ. Въ такихъ обстоятельствахъ что было дѣлать? Штурмовать Перекопъ? Положимъ что онъ былъ бы взятъ, но далѣе уже невозможно было бы идти.

(*) Каша изъ рисоваго пшена съ бараньимъ жиромъ.

Поэтому Голицынъ рѣшился воротиться назадъ, и въ этотъ разъ «ничего не промысливъ».

VII.

Неудовольствіе въ Москвѣ по случаю второй неудачи противъ Татаръ. — Раздраженіе между царевною и Петромъ усиливается. — Шакловитый возбуждаетъ стрѣльцовъ — Явный разрывъ между Царевною и Петромъ по случаю крестнаго хода. — Подметныя письма. — Фальшивая тревога и сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ. — Фальшивая тревога въ Преображенскомъ и бѣгство Петра въ Троицкую Лавру. — Царевну начинаютъ оставлять тѣ, на приверженность которыхъ она надѣялась. — Она старается примириться съ братомъ, но безуспѣшно. — Хочетъ сдѣлась воззваніе къ Россіи; объясняется съ народомъ, собравшимся въ Кремлѣ. — Полки начинаютъ переходить къ Петру. — Розыскъ надъ Шакловитымъ. — Голицынъ ѣдетъ къ Петру. — Приговоръ надъ Шакловитымъ и его сообщниками; Голицына отправляютъ въ ссылку, Царевну заточаютъ въ монастырь. — Обозрѣніе царевнина правленія.

«Твоею службою, писала царевна къ Голицыну послѣ втораго крымскаго похода: — свирѣпые и искоиные враги святаго Креста и всего христіанства такъ поражены, побѣждены и прогнаны, что пришедъ въ отчаяніе и ужасъ, сами разорили свои поганскія жилища...» Но со-

....., но Татары сп]
ли, что Голицыну лучше бы, безопасност
ь монахи. Человѣкъ большого ума и обра
изъ совѣтниковъ царскихъ своего времени,
ожденъ для того, чтобъ водить полки къ по
, если и не хуже Хованскихъ, Рамодановс
воеводъ прошедшихъ лѣтъ, то и не
ьчѣмъ онъ брался не за свое дѣло! И з
хотѣла увѣрить всю Россію, вопреки оч
) онъ разгромилъ въ прахъ « поганское ца]
)вольствіе въ Москвѣ выразилось на этот
аздо сильнѣе, нежели послѣ перваго похода,
іе принялъ Голицына по его возвращеніи;
ольшимъ трудомъ уговорила его согласит
ованіе похвальной грамоты и на раздачу н
и воеводамъ. Голицына громко порицали, г
онъ издавна пристрастенъ къ Польшѣ, ч
латинскія книги; покровительствуетъ іезуит
ьмъ, знается только съ иноземцами, — и
отодвигались отъ него, увеличивая число п
Петра, который хоть и самъ водился съ
ю былъ Царь .....

лаптяхъ ходила», и безпрестанно твердилъ, что надо истребить всѣхъ Нарышкиныхъ. Слова его и клеветы, которыми онъ возбуждалъ стрѣльцовъ, проникали въ народъ и производили безпокойство, раздражали, волновали. Однажды, ночью, десятокъ всадниковъ наѣхалъ на стрѣлецкій караулъ; одинъ изъ нихъ, разсердившись за что-то на часового, приказалъ жестоко бить его своимъ людямъ, а самъ приговаривалъ: «Заплачу я вамъ за смерть моихъ братьевъ!» — и оставилъ несчастнаго стрѣльца едва живого, съ переломленною головою, избитаго, исколоченнаго; другой же изъ числа всадниковъ унималъ его, говоря: «полно бить, *Левъ Кирилловичъ*; душа христіанская!» Львомъ Кирилловичемъ звали брата старой царевны, и стрѣлецъ, имъ избитый, говорилъ, что онъ и въ лицо его узналъ, сколько это возможно при сумракѣ ночномъ; естественно слѣдовательно, что слухъ объ этомъ происшествіи произвелъ большое раздраженіе въ Москвѣ противъ Нарышкиныхъ... а между тѣмъ, какъ впослѣдствіи открылось, это былъ вовсе не Левъ Нарышкинъ, а одинъ подъячій, похожій на него, которому Шакловитый приказалъ тиранить стрѣльцовъ, чтобъ возбудить народъ противъ Нарышкиныхъ. Вотъ что за человѣкъ былъ Шакловитый!

Вскорѣ раздвоеніе царскаго семейства сдѣлалось гласнымъ: 8 іюля, въ день Казанской Божіей Матери, Цари и царевны были въ Успенскомъ соборѣ, откуда долженъ былъ слѣдовать крестный ходъ. Когда обѣдня кончилась, Цари послѣдовали за духовенствомъ, пошла и царевна, одна изъ числа своихъ сестеръ, которыя вообще не показывались на народѣ. Петръ сказалъ Софіи Алексѣевнѣ, чтобъ она не ходила, что не женское дѣло

являться на народѣ. «Конечно пойду», отвѣчала вспыхнувъ гордая царевна, — и пошла; но Петръ сію же минуту оставилъ процессію и уѣхалъ изъ Москвы.

Разрывъ былъ слѣдовательно явный. Послѣ этого царевна, если ей бывало нужно отправляться въ Преображенское, брала съ собою сильный конвой изъ благонадежныхъ стрѣльцовъ; съ своей стороны, въ Преображенскомъ были увѣрены, что царевна и ея приверженцы замышляютъ не только на корону, но и на жизнь Царя и царицы. И тутъ и тамъ стали появляться подметныя письма съ самыми мрачными предсказаніями; съ минуты на минуту можно было ожидать взрыва. И вотъ гроза грянула.

5-го августа царевна хотѣла идти на богомолье, и для сопровожденія ея были собраны въ Кремлѣ стрѣльцы. Вдругъ явилось подметное письмо, которое объявляло, что въ этотъ самый день «потѣшные конюхи» должны покуситься на жизнь Царя Іоанна и его сестеръ. «Походъ» былъ немедленно отмѣненъ; стрѣльцамъ розданы патроны; съ наступленіемъ темноты ворота кремлевскія заперлись и сильные караулы были разставлены по Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ, а для наблюденія за дѣйствіями Петра, Шакловитый послалъ нѣсколько расторопныхъ людей, бродить вокругъ Преображенскаго.

Вся эта тревога оказалась, разумѣется, совершенно пустою: то, чего ожидали, не случилось; за то случилось то, чего вовсе не ожидали. Изъ числа стрѣльцовъ, назначенныхъ въ городской караулъ, трое, желая, можетъ быть, *выслужиться*,—а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ предполагая, что вся военная тревога скрываетъ замыселъ противъ Петра, съ наступленіемъ ночи поскака-

ли въ Преображенское и объявили, что Шакловитый съ своими сообщниками въ эту ночь намѣренъ поджечь Преображенское и во время суматохи перебить Царя и обѣихъ царицъ... Послѣ всего, что было прежде и что разносилось молвою, это извѣстіе очень могло показаться вѣроятнымъ; внезапно разбуженный, Петръ вскочилъ съ постели въ чемъ былъ, бросилъ все и всѣхъ, кинулся въ конюшню и ускакалъ. За нимъ пустились люди его двора, кто какъ успѣлъ, догоняя его съ одеждою и обувью; потомъ потянулись дрожащія отъ страха царицы, изъ которыхъ младшая была беременна, и въ нѣсколько минутъ Преображенское опустѣло.

Все это видѣли люди, посланные Шакловитымъ; они видѣли и узнали Петра, несущагося на лошади ночью, въ одной рубашкѣ, его приближенныхъ, скачущихъ за нимъ во слѣдъ, царицъ, съ признаками ужаса на лицѣ, тяжелыя кареты, которыя катились съ непривычною быстротою, пушки, которыя тащили рысью, потѣшныхъ, которые забывъ регулярный маршъ, шли ускореннымъ шагомъ... Все это видѣли съ изумленіемъ люди, посланные Шакловитымъ, — и ничего во всемъ этомъ не понимая, прискакали въ Москву: «ушелъ Царь изъ Преображенскаго босъ, въ одной сорочкѣ, невѣдомо куда!» объявили они Шакловитому.

Новая тревога въ Кремлѣ, и совершенное недоумѣніе! Но дѣло скоро разъяснилось. Петръ прискакалъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали туда царицы и нѣкоторые приближенные царедворцы; привезли нѣсколько пушекъ, бывшихъ въ Преображенскомъ, пришли потѣшные, и монастырь превра-

тился въ крѣпость, какъ во времена Поляковъ и самозванцевъ.

Между стрѣльцами, даже между ихъ полковниками, которыхъ царевна считала себѣ наиболѣе преданными, были люди тайно передававшіе Петру все, что знали или подозрѣвали объ умыслахъ ея. Таковъ былъ, между прочими, Цыклеръ, уже знакомый намъ по смутамъ 1682 года и выкупавшій старую измѣну новою; онъ и нѣкоторые ему подобные первые кинулись къ Троицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ уже были потребованы Петромъ всѣ стрѣлецкіе полковники и по нѣскольку человѣкъ рядовыхъ стрѣльцовъ отъ каждаго полка. Царевна ихъ не пустила: «Кто осмѣлится идти къ Троицѣ, тому я велю отрубить голову», объявила она. Однако это не помогло, потому что и Петръ грозилъ смертною казнію ослушникамъ его воли. Началось дезертированье изъ Москвы, сначала по одиночкѣ, потомъ толпами.

Видя, что дѣло поварачивается не въ ея пользу, Софія попробовала примириться съ братомъ, и съ этою цѣлію посылала къ нему нѣкоторыхъ уваженія достойныхъ бояръ; но либо эти переговорщики возвращались ни съ чѣмъ, либо и сами оставались при Царѣ. Такъ сдѣлалъ и патріархъ, котораго царевна отправила миротворцемъ. Наконецъ она рѣшилась ѣхать сама; но на дорогѣ ее встрѣтилъ гонецъ и именемъ Царя объявилъ ей, чтобъ она возвратилась, или съ нею «будетъ поступлено нечестно».

Глубоко оскорбленная, и видя, что всякая надежда на примиреніе потеряна, царевна, по прибытіи въ Москву, потребовала къ себѣ тѣхъ, на преданность которыхъ могла, казалось ей, еще положиться. «Чуть меня не за-

стрѣльцы, говорила она, задыхаясь отъ волненія: Нарышкины и Лопухины затѣваютъ всеобщее смятеніе, — и до моей головы доходитъ. Не оставьте меня; я вамъ вѣрю: кому жъ и вѣрить, если не вамъ, *старымъ* (друзьямъ)?»

Это было въ ночь на 1-е сентября, то-есть на новый годъ. Утромъ, народъ столпился передъ Краснымъ крыльцомъ; но, вмѣсто обыкновенной церемоніи, произошло нѣчто совершенно новое, невиданное: царевна спустилась «сверху», смѣло вмѣшалась въ ряды народа и стала говорить съ нимъ: «Злые люди разсорили меня съ братомъ», говорила она, «и распускаютъ слухъ о заговорѣ на жизнь младшаго Царя. Не вѣрьте этому; не давайте брать людей добрыхъ и вѣрныхъ: ихъ станутъ пытать, а они, не стерпя пытки, оговорятъ другихъ; девятеро оговорятъ девять сотъ». «Вы знаете, продолжала она:— что я правила государствомъ болѣе семи лѣтъ, начала въ смутное время и кончила славнымъ миромъ съ христіанскими государями, а невѣрныхъ поразила. Всегда была я къ вамъ милостива, и обѣщаю новыя милости»...

Около трехъ часовъ такимъ образомъ разговаривала царевна съ народомъ лицомъ къ лицу, — и говорила прекрасно, пишетъ къ своемъ дневникѣ генералъ Гордонъ, иностранецъ, находившійся въ русской службѣ. Народъ слушалъ со вниманіемъ рѣчи царевны, дивился этой откровенности и выражалъ участіе свое. Царевнѣ показалось, что она произвела глубокое впечатлѣніе, что всѣ эти тысячи, къ которымъ она обращалась, между которыми она одна довѣрчиво прохаживалась, что всѣ эти люди сдѣлаются ея союзниками, друзьями, готовыми положить за нее голову, и съ этою надеждою, возвратясь въ свой теремъ, потребовала Шакловитаго и приказала ему неме-

дленно писать воззваніе ко всей землѣ русской, ставя ее судьею между собою и братомъ; она надѣялась, что и вся Россія приметъ участіе въ ея ссорѣ съ Петромъ и заступится за нее... Ошибалась бѣдная царевна! Народъ, къ которому она обращалась, не привыкъ принимать въ дѣлахъ государственныхъ участія, смутно зналъ что дѣлало правительство и всякій интересовался только тѣмъ, что непосредственно до него касалось! Тотъ самый Гордонъ, который такъ похваляетъ рѣчь царевны къ московскому народу, въ слѣдующую за тѣмъ ночь покинулъ Москву со всѣмъ своимъ полкомъ... Ударъ слѣдовалъ за ударомъ! Царевна должна была убѣдиться, что ей, со всѣми ея заслугами предъ государствомъ, невозможно бороться противъ Царя вѣнчаннаго, противъ принципа самодержавія, противъ вѣковой привычки народа. Всѣ отступались отъ нея. Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы и жилъ въ своей подгородной деревнѣ, Медвѣдевъ бѣжалъ, пробираясь въ Литву, самъ Шакловитый приготовился къ побѣгу. А Царь Іоаннъ? — онъ до сихъ поръ позволялъ ей дѣйствовать своимъ именемъ, но поддержать ее въ настоящихъ обстоятельствахъ онъ не могъ и не хотѣлъ. А между тѣмъ потребованъ былъ Петромъ и Шакловитый; царевна хотѣла защитить его — и уже не могла. Онъ былъ взятъ своими недавними единомышленниками и, скованный, отвезенъ въ Троицкій монастырь.

И вотъ монастырь этотъ изъ крѣпости обратился въ допросную избу: надъ Шакловитымъ и его сообщниками производили «розыскъ», а для того, чтобъ они ничего не утаивали, подвергали ихъ обычному средству развязать языкъ — пыткѣ. Изъ отвѣтовъ или изъ «распросныхъ рѣчей» открылось все то, что выше разсказано:

непріязненные слухи, перелетавшіе изъ Кремля въ Преображенское и обратно, замыслы царевны овладѣть престоломъ; иные изъ бывшихъ повѣренныхъ Шакловитаго говорили, что онъ замышлялъ истребленіе младшаго Царя и его семейства.

Все это сказано со страха пытки или отъ боли пытки, а потому мудрено отличить правду отъ тѣхъ вымысловъ, которыми люди, истязаемые кнутомъ, поджигаемые на огнѣ, запутывали невинныхъ и даже усиливали свои собственныя вины, — лишь бы на минуту пріостановить свои страданія. Замѣчательно, напримѣръ, что Шакловитый, долго отрицая, будто онъ намѣревался истребить семейство младшаго Царя и поджечь Преображенское, при повтореніи пытки во всемъ повинился, но потомъ отрекся снова... Права была славная Екатерина, начертывая слѣдующія, заслуживающія безсмертія строки: «Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка (т. е. пытаемаго), нежели съ холодной кровью? Всякій пытанный — въ горячкѣ, и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то въ доброй совѣсти полагаться!»

Но въ понятіяхъ того времени, и не только у насъ, но и во всей Европѣ, не было никакого средства добиться истины, какъ посредствомъ страшнѣйшихъ истязаній: наши пытки по крайней мѣрѣ не были столь разнообразны, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ...

Наконецъ розыскъ кончился, и состоялся надъ виновными приговоръ: къ смертной казни было приговорено три человѣка, изъ которыхъ первымъ былъ, ко-

нечно, Шакловитый; трое другихъ было наказано кнутомъ.

За тѣмъ потребованъ былъ къ суду Голицынъ. Ослушиваться было невозможно; не выгодно даже было и медлить. Этотъ недавно еще всесильный любимецъ, намѣстникъ множества областей, начальникъ нѣсколькихъ приказовъ, руководитель сношеній Россіи съ европейскими дворами, главный воевода, — явился теперь въ Троицкую лавру съ поникшею головою. Его не впустили внутрь монастырской ограды, а велѣли ждать приговора въ слободѣ. Наконецъ онъ былъ потребованъ, но не къ суду, — потому что оправданій его никто не спрашивалъ (какъ нѣкогда и онъ не спрашивалъ оправданій Самойловича), — а чтобъ выслушать царскій указъ, который опредѣлялъ ему вѣчную ссылку со всѣмъ его семействомъ. Было сослано и много другихъ сообщниковъ Шакловитаго и приверженцевъ Голицына; Медвѣдевъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ пойманный, разстриженъ и казненъ. Наконецъ дѣло дошло и до царевны. Еще нѣсколько ранѣе, передъ казнію Шакловитаго, Петръ писалъ къ старшему брату: «корона россійская вручена Богомъ намъ двумъ, а между тѣмъ сестра наша государствомъ учала владѣть своею волею». «А теперь, государь-братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, а третьему *зазорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами быти не изволяемъ». Царь Іоаннъ не противорѣчилъ брату, какъ прежде не противорѣчилъ сестрѣ, и потому немедленно было приказано исключить ея имя изъ царскаго титула, а черезъ нѣсколько времени послѣ того ей было пове-

лѣно, отъ имени обоихъ Царей, удалиться въ Новодѣвичій монастырь, изъ котораго она уже никогда болѣе не выходила.

Такъ окончилось семилѣтнее правленіе царевны. Если смотрѣть на это правленіе, какъ на продолженіе царствованій Алексѣя и Θеодора, то нельзя не похвалить его: царевна старалась, чтобъ въ управленіяхъ былъ порядокъ, чтобъ народъ не бродяжничалъ, чтобъ имѣнія дворцовыя, церковныя и частныхъ людей были между собою размежеваны какъ можно отчетливѣе, понимая, что этимъ предупреждаются тяжбы и ссоры. Но всего этого уже было мало. Россія, бывшая въ первыя времена своего существованія (при Владимірѣ и Ярославѣ) если не впереди, то и не назади другихъ государствъ Европы, далеко отъ нихъ отстала къ XVII вѣку въ отношеніи и государственнаго устройства, и просвѣщенія. Европа въ это время имѣла ученыхъ, которыхъ имена и до сихъ поръ произносятъ съ благоговѣніемъ, поэтовъ и художниковъ, торговлю и промышленность, а въ нѣкоторыхъ странахъ существовали уже такіе законы, которые строго оберегаютъ гражданъ отъ притѣсненій и насилія. Почти ничего этого не было въ Россіи времёнъ царевны, и хотя никто еще не понималъ, что и какъ надо сдѣлать, чтобъ улучшить положеніе Россіи, но очень многіе уже чувствовали, что въ ней что-то дурно, что-то не такъ, какъ бы слѣдовало. До насъ дошли сочиненія нѣкоторыхъ современниковъ, — напримѣръ Котошихина и Крижанича: они дышатъ недовольствомъ, желаніемъ чего-то другаго, на каждой строкѣ проповѣдываютъ необходимость преобразованій.

Но эти писатели не давали себѣ яснаго отчета, что

именно надобно перемѣнить, какъ перейти къ лучшему и въ чемъ состоитъ это лучшее. Имѣло ли объ этомъ опредѣленное понятіе наше правительство? Это вопросъ. Одинъ французъ, бывшій въ Москвѣ по дипломатическимъ дѣламъ, Ла-Нёвилль, говоритъ, что Голицынъ имѣлъ самые обширные и возвышенные виды; что онъ хотѣлъ сблизить Россію съ Европою, просвѣтить ее, даже освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вѣчная слава Голицыну, если это правда; но онъ этого не сдѣлалъ, да едва ли и имѣлъ бы довольно силы чтобъ сдѣлать. Нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, что въ нѣкоторыхъ, лучшихъ умахъ того времени пробуждалось желаніе глубокихъ перемѣнъ, и что вообще въ народѣ являлось недовольство старымъ. Такое состояніе испытываютъ въ различныя времена всѣ народы, и стремленіе къ чему-то лучшему всегда обнаруживается гораздо ранѣе, нежели является человѣкъ и объясняетъ, что и какъ нужно сдѣлать. И это не только въ отношеніи законовъ и управленія, а во всемъ: напримѣръ, никому не могли нравиться непроѣздныя дороги, то грязныя, то песчаныя, то намощенныя валежникомъ, и вѣроятно многіе тысячи человѣкъ жаловались на нихъ и желали чего нибудь лучшаго, а между тѣмъ сколько времени прошло прежде, нежели Макъ Адамъ научилъ дѣлать шосе!

Несправедливо было бы, слѣдовательно, обвинять царевну за то, что она не была этимъ Макъ-Адамомъ для Русскаго народа. Важно ужъ и то, что она сама чувствовала неловкость и тѣсноту тѣхъ рамъ, въ которыя старинныя понятія заключали человѣка, — и она иногда смѣло ихъ разрывала. Не она ли первая рѣшилась оста-

вить теремъ, гдѣ русскія женщины безвыходно сидѣли, подобно невольницамъ Турокъ и Персіянъ? Не она ли первая сказала, что женщина можетъ имѣть въ жизни и другія занятія, кромѣ вышиванія да пустой болтовни съ нянями и сѣнными дѣвушками? Не она ли, наконецъ хотѣла освободиться отъ нелѣпаго обычая, обрекавшаго царевенъ на вѣчное безбрачіе?.. Правда, что ко всѣмъ этимъ цѣлямъ Софія Алексѣевна шла не всегда путями законными; но за то же она и была наказана: четырнадцать лѣтъ она провела въ заключеніи, — этого достаточно, чтобы мы теперь, не боясь быть пристрастными, имѣли право сказать, что она первая нанесла ударъ одному изъ самыхъ тупыхъ, жестокихъ и вредныхъ понятій нашей старины — заключенію женщинъ, также какъ ея фаворитъ — нелѣпому обычаю мѣстничества. Какъ то, такъ и другое — большая заслуга царевны и Голицына передъ потомствомъ; наконецъ, говоря о тѣхъ высокихъ мысляхъ, которыя приписываютъ Ла-Нёвиль царевнину любимцу и которыя не осуществились, не забудемъ что въ правленіи Софьи Алексѣевны положено начало тѣмъ отношеніямъ между Россіею и Польшею, которыя сто лѣтъ спустя окончились присоединеніемъ къ Россіи нѣсколько вѣковъ находившагося подъ чуждымъ владычествомъ русскаго народонаселенія.

Но вотъ мы приступаемъ къ тому времени, когда Россія начала перерождаться: мы приступаемъ къ времени Петра великаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

[redacted]

стр.

[redacted]

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

[redacted]

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

[redacted]

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, сентября 3 дня 1861 года.

Цензоръ *С. Лебедевъ.*
П. Дубровскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА.

VIII.

Отсутствіе аристократіи, какъ сословія, въ старинной Руси. — Что такое аристократія по западнымъ понятіямъ? — Въ Россіи передъ Царемъ всѣ были равны. — Значеніе рода и родства служитъ нѣкоторою связью между людьми, особенно знатныхъ фамилій. — Крѣпкая связь старинной семьи. — Связи между собою родичей. — Связь господина съ его людьми. — Хорошая и дурная сторона патріархальнаго быта. — Почему въ старинной Руси такъ медленно совершалось развитіе нравственное и матеріальное?

Для человѣка, который любитъ и привыкъ размышлять, все подаетъ поводъ къ размышленію, а размышленіе пополняетъ смыслъ прочитаннаго, даетъ ему важность и значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, то мѣсто, на которомъ мы остановились, — слѣдствіе и судъ Шакловитаго, и подумаемъ о нихъ: можно быть увѣреннымъ, что мы додумаемся до какихъ нибудь любопытныхъ выводовъ.

Тѣ, которые читали разсказы изъ исторіи Франціи, Англіи и Германіи, вѣрно замѣтили, что въ разсказахъ этихъ повторялись имена герцоговъ, графовъ, бароновъ, и даже очень часто однѣ и тѣ же фамиліи, напримѣръ во Франціи — Конде, Рогановъ, Монморанси; въ Англіи —Эссексовъ, Девоншейровъ и др. Въ исторіи Россіи тоже часто упоминаются фамиліи Голицыныхъ, Одоевскихъ, Долгоруковыхъ, Трубецкихъ; но вотъ мы только что видѣли рядомъ съ ними Ѳедьку (какъ его называли при слѣдствіи) Шакловитаго, Абросима Петрова, Цыклера, — имена вовсе не знатныя, не аристократическія. Что это можетъ значить?

Въ государствахъ западной Европы еще съ весьма отдаленныхъ временъ небольшое число лицъ получило въ управленіе или въ собственность обширныя владѣнія со всѣми людьми, ихъ населявшими, съ правомъ судить этихъ послѣднихъ, управлять ими, даже казнить ихъ смертію, получать съ нихъ подати, набирать изъ нихъ вооруженные отряды, и съ обязанностію выводить ихъ на войну по требованію государя и быть ему вѣрными. Такія владѣнія назывались герцогствами, графствами, маркизатами, и переходили отъ отца къ сыну, также, какъ переходило королевство французское или англійское по порядку наслѣдства; для того же, чтобъ эти наслѣдія не раздроблялись — наслѣдникомъ отца бывалъ только старшій сынъ, младшіе же обыкновенно поступали въ духовное или какое нибудь другое званіе.

Совсѣмъ иначе было у насъ. У насъ всегда казалось несправедливымъ надѣлять одного сына больше, чѣмъ другого, и даже, когда дѣланы были попытки

ввести западный законъ относительно наслѣдства, онъ не имѣлъ успѣха; въ нынѣшнее время весьма часто случается, что отецъ, умирая, дѣлитъ имѣніе по ровну не только между сыновьями, но и между дочерьми своими, хотя по закону и слѣдуетъ имъ меньшая часть. Поэтому у насъ могли удержаться большія состоянія въ одной фамиліи только тогда, когда онѣ не размножались, когда отцовское имѣніе нераздѣльно переходило къ единственному сыну.

Кромѣ того, на западѣ всѣ эти графы и бароны имѣли нѣкоторыя права, — напримѣръ, быть совѣтниками короля или, какъ сказано уже, судить своихъ подданныхъ, управлять ими и водить ихъ на войну. Подобныхъ правъ у насъ никто не имѣлъ; господинъ могъ, правда, дѣлать разборку между своими людьми и взыскивать за ихъ проступки; онъ могъ, пожалуй, притѣснить, а иногда, можетъ быть, и убить своего крестьянина, но это уже было съ его стороны злоупотребленіе, преступленіе, за которое онъ могъ дать отвѣтъ Царю. Царь одинъ былъ господиномъ всей Россіи и всѣхъ Русскихъ; и передъ нимъ всѣ были ровны, всѣ были его «слугами» или «рабами», и чья «служба» была больше, или по крайней мѣрѣ казалась такою, тотъ и былъ «честнѣе», то-есть почетнѣе. Конечно, сыну боярина, богача, князя было легче выслужиться; онъ начиналъ службу свою при дворѣ, съ малолѣтства пріучался къ искусству удерживаться между сильными людьми, заводилъ съ ними связи и имѣлъ болѣе, нежели кто другой, вѣроятности быть бояриномъ, намѣстникомъ, начальникомъ какого нибудь приказа,

— но мы видѣли, что первымъ человѣкомъ при Царѣ Алексѣѣ, напримѣръ, былъ Матвѣевъ, а прежде его Морозовъ, Нащокинъ, — люди незнатные и небогатые. Также точно былъ при Царевнѣ Шакловитый, который смѣнилъ князя Хованскаго, почти соперничалъ въ ея милости съ княземъ Голицынымъ; также точно мы увидимъ, что и Петръ беретъ своихъ министровъ между людьми всѣхъ возможныхъ состояній; такъ дѣлали и его преемники; не порода, а служба возвеличивала. Начиная съ Петра, люди, отличавшіеся въ службѣ государевой, были дѣлаемы князьями, какъ потомки Рюрика и Владиміра, — чего почти никогда не бывало на западѣ: при извѣстномъ королѣ французскомъ, Людовикѣ XIV, былъ маршалъ изъ недворянскаго сословія; между тѣмъ онъ не только не былъ сравненъ съ знатными, титулованными фамиліями, но даже никогда не былъ сдѣланъ дворяниномъ.

Господство графовъ и бароновъ въ ихъ графствахъ и бароніяхъ мало по малу уничтожилось и уже лѣтъ двѣсти, какъ вовсе не существуетъ; но нѣкоторые слѣды его сохранились въ иныхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Англіи. Тамъ, если лордъ и не имѣетъ права судить людей въ своихъ владѣніяхъ, чеканить монету и т. п., то вліяніе его на нихъ очень сильно, и при томъ онъ по одному своему имени, потому только, что онъ лордъ, получаетъ право подавать совѣты правительству, обсуживать его дѣйствія и участвовать въ законодательствѣ. И всякій лордъ имѣетъ подобныя же права, и всѣ они собираются вмѣстѣ для своихъ занятій, вмѣстѣ соображаютъ свои дѣйствія и такимъ образомъ

составляютъ особый разрядъ людей, или сословіе, — сословіе, которое называется аристократіей.

Такъ какъ у насъ не было людей съ такими наслѣдственными правами, то можно сказать, что у насъ не было и аристократіи, хотя, конечно, у насъ были старинныя, знатныя фамиліи, въ теченіе многихъ вѣковъ постоянно игравшія роль въ ея исторіи; — Царь одинъ имѣлъ права въ Россіи; онъ же одинъ имѣлъ власть возвышать людей, избирать себѣ совѣтниковъ, и вотъ почему въ царствованіи Алексѣя Матвѣевъ становится рядомъ съ Одоевскими и Долгоруковыми, или даже выше ихъ, а при Царевнѣ мѣсто Хованскаго занимаетъ *Ѳедька* Шакловитый.

Вотъ до какихъ серьезныхъ замѣчаній мы додумались, задавши себѣ, повидимому, не важный вопросъ; зададимъ другой. Голицынъ былъ сосланъ, какъ государственный преступникъ; хорошо. Но почему же вмѣстѣ съ нимъ были отправлены его жена и дѣти, жена и дѣти его сыновей? Какое преступленіе могли сдѣлать эти женщины, эти младенцы?

Ихъ ссылали не потому, чтобъ они были виноваты въ чемъ нибудь, а потому, что, по стариннымъ понятіямъ, вся семья представлялась чѣмъ-то нераздѣльнымъ, какъ вѣтви одного дерева, какъ лепестки одного цвѣтка. Въ теперешнее время совершеннолѣтній сынъ часто не живетъ въ домѣ своего отца, изъ числа родныхъ братьевъ одинъ имѣетъ такой образъ мыслей, такія занятія, такія знакомства, а другой братъ совершенно иныя, и всѣ они могутъ думать и дѣлать совершенно иначе и водиться совсѣмъ съ другими людьми, нежели ихъ отецъ. Даже дочери,

которыя обыкновенно остаются до замужества въ отцовскомъ домѣ, могутъ понимать, думать и поступать не такъ, какъ ихъ родители, и выдя замужъ, не такъ, какъ ихъ мужья. Поэтому очень натурально, что братъ не отвѣчаетъ за брата, мать за дочь, жена за мужа; и если случается, что жена слѣдуетъ за мужемъ, когда постигаетъ его несчастіе, то это дѣлается добровольно и тѣмъ большаго заслуживаетъ уваженія. Но въ старину это было совершенно иначе. Сыновья, не только совершеннолѣтніе, но даже женатые оставались въ домѣ отца; для нихъ обыкновенно строилось особое жилье, но на отцовскомъ дворѣ, и они, съ своими женами и дѣтьми, кормились и одѣвались на счетъ отца семейства, который съ своей стороны сохранялъ надъ ними, надъ ихъ женами и дѣтьми, которыя при томъ обыкновенно бывали его крестниками, полную власть и господство; его жена была хозяйкою всего дома, а ея невѣстки бывали только помощницами, или, въ небогатомъ быту, ея прислужницами. Только дочь, выходя замужъ, переставала быть членомъ семьи; отъ того и говорилось, что она «уходитъ въ чужіе люди», что она «отрѣзанный ломоть».

Такимъ образомъ нашу старину справедливо называютъ патріархальною; и точно, она имѣла все, что въ патріархальности есть хорошаго и дурного. Много было прекраснаго въ этой тѣсной связи, существовавшей между членами одной семьи, въ этой взаимной помощи, которую они другъ другу оказывали, въ тѣхъ связяхъ, которыя оставались между ними, когда, послѣ смерти отца семейства, члены его разсыпались въ разныя сто-

роны и когда каждый изъ нихъ дѣлался въ свою очередь отцомъ и главою семьи; одинъ изъ нихъ, обыкновенно старшій братъ или мать-старуха, пока она еще оставалась въ живыхъ, дѣлался центромъ этой разбредшейся семьи: въ день его имянинъ, по случаю родинъ, крестинъ, похоронъ или свадьбы въ его домѣ, въ день его храмового праздника вся бывшая семья, да даже и все родство близкое и дальное, считало своимъ долгомъ его навѣстить, и ужь въ исполненіи этого долга, установленнаго незапамятнымъ обычаемъ, ничто не могло остановить, ни іюльскіе жары, ни январскіе морозы; изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ родичи пускались въ путь на колесахъ или на полозьяхъ, цугомъ или гусемъ, пускались съ дѣтьми и челядинцами, на нѣсколькихъ подводахъ, съ запасомъ дорожнаго продовольствія, перинами и подушками.

И вотъ торжественный день наступалъ. Если это былъ храмовой и большой годовой праздникъ, церемоніалъ открывался всеношною; хозяинъ самъ читалъ при этомъ псалтырь, пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ. На утро почетные родственники подходили къ нему и поздравляли, взаимно лобызаясь, а менѣе почетные родственники и дѣти цѣловали его руку, которая по большей части разверзалась при этомъ и дарила такъ называемую «копѣечку», то-есть какую нибудь болѣе или менѣе цѣнную монету, которая сверху прикрывалась настоящею копѣйкой. И долго проживали такимъ образомъ родичи вмѣстѣ, иногда цѣлыя недѣли; ѣли, пили, охотились, говорили о своихъ дѣлахъ, давали другъ другу совѣты.

Такія отношенія поддерживали связи между родственниками, и какой нибудь внучатный племянникъ не казался чужимъ человѣкомъ для своего дяди; онъ интересовался его судьбою, готовъ былъ помочь ему въ затруднительную минуту. Этому можно привести множество примѣровъ. Во время суда надъ Шакловитымъ и Голицынымъ, когда этого послѣдняго приговорили къ ссылкѣ, кто навѣстилъ его и *осмѣлился* (потому что на это нужна была смѣлость!) даже провожать опальнаго, когда онъ отправлялся въ дальній путь? Его двоюродный братъ, Борисъ Голицынъ. Лѣтъ тридцать спустя одинъ изъ Долгоруковыхъ былъ замѣшанъ въ одно очень важное дѣло; его однофамилецъ, даже не родственникъ, извѣстный намъ Яковъ Ѳедоровичъ осмѣлился (опять-таки это требовало смѣлости!) ходатайствовать за него: «помилуй, всемилосердый государь, писалъ онъ Петру; да не снидемъ въ старости нашей во гробъ во имени рода злодѣевъ!» Апраксинъ сдѣлалъ еще лучше. Въ солдаты, какъ и въ матросы, поступали въ старину люди всѣхъ сословій, дворяне, также какъ холопы, и всѣ одинаково исполняли всякаго рода работы, копали землю, били сваи и т. п. Увидѣвши разъ своихъ племянниковъ за такою работою, Апраксинъ — тогда генералъ-адмиралъ—сбросилъ съ себя мундиръ и самъ принялся тащить канатъ *бабы*: я де не лучше моихъ племянниковъ!

Все это говорилось о людяхъ болѣе или менѣе родовитыхъ, но почти тоже можно сказать и о прочихъ; и если крестьянинъ не могъ, конечно, пускаться въ гости къ отдаленному своему родственнику, то

разспрашивалъ о немъ у пріѣзжихъ, посылалъ ему поклоны и т. п. Вообще замѣтимъ, кстати, что въ старину обычаи богатыхъ и знатныхъ людей были гораздо ближе къ обычаямъ простонародья, чѣмъ нынѣ, и между ними было больше связи, чѣмъ теперь. Очень не рѣдко, въ увеселеніяхъ господъ принимала участіе дворня и даже крестьяне; о святкахъ, напримѣръ, челядинцы «окручивались» то-есть костюмировались во что попало: мужчины въ женскія платья, женщины въ мужскія; кто надѣвалъ тулупъ на выворотъ, и подвязывалъ льняную бороду, кто одѣвался журавлемъ или медвѣдемъ. Старыя няни и мамы гадали о суженомъ для своихъ боярышень, лили имъ воскъ и олово, клали «мостокъ» подъ ихъ изголовье, смотрѣли въ зеркало и т. п.; сѣнныя дѣвушки пѣли подблюдныя пѣсни; хоронили золото, плясали, и все это не только въ господскихъ хоромахъ и въ присутствіи господъ, но вмѣстѣ съ господами.

Такова хорошая сторона нашего стариннаго быта; но было въ немъ очень много и дурного. Глава семейства былъ совершеннымъ деспотомъ своего семейства; онъ одинъ все рѣшалъ, все дѣлалъ; никто не имѣлъ своей воли кромѣ его; всѣ передъ нимъ безмолвствовали. Онъ рѣшалъ выдать ли дочь за жениха, который ее сваталъ; онъ женилъ сына на комъ считалъ приличнымъ, даже не помышляя, чтобъ стоило его спрашивать объ этомъ: «стерпится — слюбится», говорили наши прадѣды. И точно, мужъ и жена «стерпливались»; но чего это стоило тому изъ двухъ, кто былъ слабѣе! Говорятъ, былъ обычай класть подъ подушку

новобрачному плеть, посредствомъ которой молодой супругъ долженъ «учить» свою жену. Есть одна старинная книга, называемая «Домострой», въ которой написаны правила для семейной жизни; тамъ не только рекомендуется плеть, какъ прекрасное средство для управленія семействомъ, но даже полезною признается дубина. Обычаи эти долго существовали у насъ и упрямо держались; не такъ давно еще оставило ихъ дворянство, а купечество, отчасти духовенство и все крестьянство держится ихъ и до сихъ поръ!

Меньше, конечно, но однакожь много было насильственнаго и въ отношеніяхъ родственниковъ между собою: требовалось, напримѣръ, чтобъ внукъ почиталъ своего дѣда, племянникъ дядю; прекрасно; но это было бы еще прекраснѣе, если бъ этотъ дѣдъ или дядя дѣйствительно заслуживали уваженія. Тогда, впрочемъ, не нужно было бы и требовать: уваженіе само явилось бы.

Въ отношеніи челядинцевъ и крестьянъ, съ которыми господа ихъ какъ будто сближались подъ веселый часъ, надо замѣтить, что едва ли эти челядинцы очень веселились при подобныхъ случаяхъ; они должны были чувствовать, что ихъ позвали не веселиться, а веселить господъ своихъ, и если пѣсни ихъ были не довольно громки, пляски не довольно живы, баринъ могъ подогнать ихъ.

Вотъ изнанка нашей старины, и къ ней едвали кто пожелаетъ воротиться. Мы теперь посѣщаемъ кого нибудь потому, что намъ пріятно съ нимъ видѣться, а не потому, что мы къ этому принуждены; мы ува-

жаемъ человѣка, потому что онъ заслуживаетъ уваженія, а не потому, что онъ нашъ внучатный дѣдъ; прислуга не участвуетъ въ увеселеніяхъ своихъ господъ, но они не мѣшаютъ ей веселиться между собою; жена не боится мужниной плети, и тѣмъ откровеннѣе, любовнѣе между ними отношенія; дѣти поцалуютъ руку своего отца тѣмъ охотнѣе, что она не возьметъ ихъ за волосы.

По поводу нашей старины можно еще замѣтить слѣдующее. Люди добываютъ свои познанія и понятія трудомъ и временемъ; каждый ремесленникъ, каждый фабрикантъ, каждый ученый вѣрно много потрудился прежде, нежели добился умѣнія хорошо справляться съ своимъ предметомъ; но за то уже достигши этого, онъ очень доволенъ собою; — да и всѣ имъ довольны. Вообразимъ себѣ, однакожь, что гдѣ нибудь нашелся человѣкъ, который между тѣмъ въ этомъ же самомъ ремеслѣ, или наукѣ, придумалъ что нибудь новое или еще лучшее, нежели тотъ, про котораго мы прежде говорили: съ удовольствіемъ ли онъ узнаетъ объ этомъ? Сомнительно, потому что въ нѣкоторыя лѣта уже тяжело и непріятно переучиваться. Чтожь за бѣда, скажемъ мы: мы будемъ дѣлать заказы, мы станемъ учиться у новаго фабриканта, у новаго ученаго, и оставимъ стараго, если онъ все будетъ продолжать дѣлать по старому, не обращая вниманія на новыя усовершенствованія. Казалось бы, что такъ слѣдуетъ и сдѣлать; но чтò, если старый промышленникъ или ученый не позволитъ вамъ идти къ молодому?..

А между тѣмъ это было почти такъ въ старинной

Руси. Тамъ молодой человѣкъ не смѣлъ бы, напримѣръ, сказать, что мужу не годится бить свою жену, что нѣтъ никакой бѣды брить бороду, что въ чужихъ краяхъ есть обычаи и законы не хуже нашихъ. Онъ не смѣлъ бы этого сдѣлать, потому что старики осудили бы его, а старики взросли въ тѣхъ понятіяхъ, что жена должна быть бита, что борода есть священное украшеніе человѣка, что всѣ иностранцы — поганые еретики и бусурманы. Все дѣлалось у насъ «по старинѣ»; и государствомъ управлялось по старинѣ, и семейная жизнь была по старинѣ, и земледѣліе, и торговля, и военное дѣло — все по старинѣ; отступаться отъ старины казалось преступленіемъ; только старое и старинное казалось хорошимъ, мудрымъ, священнымъ. Конечно, старину и старость надо уважать, но отвергать новое только потому, что оно нарушаетъ старину, — значитъ вѣкъ вѣковъ дѣлать одно и тоже, — и вотъ именно-то потому, что Россія слишкомъ уже поклонялась своей старинѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ жизнь кипѣла и одно изобрѣтеніе вызывало другое, мы и очутились далеко отставшими отъ нашихъ западныхъ братій, Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ.

VIII.

Власть переходитъ въ руки Петра. — Влiянiе Царицы-матери и Патрiарха. — Петръ мало занимается государственными дѣлами. — Смерть Натальи Кирилловны и Iоакима. — Поѣздка Петра въ Архангельскъ. — Онъ старается оживить тамошнiй портъ; но скоро вниманiе его обращается къ Черному морю. — Походъ противъ Азова. — Петръ не принимаетъ на себя начальства. — Странная черта его характера. — Первыя неудачи. — Построенiе флотилiи на Дону. — Взятiе Азова. — Трiумфъ побѣдителямъ въ Москвѣ.

Послѣ того, какъ Царевна удалилась въ монастырь, вся власть перешла въ руки Петра. Онъ прежде всего, еще не выѣзжая изъ Троицкой Лавры, смѣнилъ почти всѣхъ начальниковъ Приказовъ (министровъ, сказали бы мы теперь) и другихъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ Голицынымъ. Между ихъ преемниками мы уже замѣчаемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которые и до самой смерти оставались сотрудниками Петра, ближайшими совѣтниками, а нѣкоторые и друзьями. Таковы были: родной его дядя, Левъ Нарышкинъ, князь Яковъ Долгоруковъ, приславшiй ему нѣкогда астролябiю, Тихонъ Стрѣшневъ, Головкинъ, Виніусъ, — и другiе, менѣе извѣстные: все высшее управленiе было перемѣнено, и перемѣны эти скоро сказались мѣрами

новыми, правда, но такими, что онѣ въ первое время заставили пожалѣть о временахъ Софіи и Голицына.

Вслѣдъ за удаленіемъ Царевны большое вліяніе при дворѣ пріобрѣлъ патріархъ, которому много былъ обязанъ Петръ, какъ при избраніи своемъ на престолъ, такъ и въ послѣднее время въ спорѣ своемъ съ сестрою, и передъ которымъ, при томъ, благоговѣла Царица Наталія. Какъ онъ, такъ и она были горячіе друзья старины, враги всего иноземнаго, всего новаго, всего «необычнаго»; они думали и глубоко были убѣждены, что одна только Русь идетъ по пути правды и добра, что она одна только любима Господомъ. Патріархъ прямо называлъ всѣхъ иновѣрцевъ еретиками; говорилъ, что ихъ присутствіе въ Москвѣ и покровительство имъ Голицына были причиною неудачь нашихъ въ крымскихъ походахъ. Обѣ Царицы Наталія и Евдокія были совершенно тѣхъ же мыслей, и не скрывали своего пренебреженія къ иностранцамъ; въ нѣкоторые торжественные дни, по старинному обычаю, приглашались во дворецъ знатные и незнатные люди и получали чарку водки изъ рукъ Царицы; Наталья Кириловна милостиво обносила всѣхъ, — даже мелкихъ дворянъ и гостей (купцовъ), но никогда не соглашалась подать изъ своихъ рукъ чарки иноземцу. Нерасположеніе къ иноземцамъ стало обнаруживаться и болѣе серьезнымъ образомъ: католическіе монахи, которыхъ было въ Москвѣ нѣсколько при Софіи, высланы за границу, одинъ реформатскій проповѣдникъ сожженъ.

Все это было не согласно съ понятіями Петра,

который, какъ было сказано, постоянно водился съ нѣмцами и голландцами; но онъ не смѣлъ еще противорѣчить матери и патріарху; онъ тайкомъ только посѣщалъ нѣмецкую слободу и особенно золотыхъ дѣлъ мастера Монса, занимался своими потѣшными и маленькимъ флотомъ, да пировалъ съ своими друзьями. Въ числѣ этихъ послѣднихъ надо упомянуть, о Францѣ Лефортѣ, человѣкѣ очень веселаго нрава, любезномъ собесѣдникѣ, большомъ охотникѣ до пирушекъ и искренно преданномъ молодому Государю, котораго очень скоро онъ сдѣлался любимцемъ. Онъ былъ постояннымъ предсѣдателемъ въ пирушкахъ и сблизилъ Петра съ другими своими земляками нѣмецкой слободы, какъ напримѣръ Брюсомъ, Вейде и нѣкоторыми другими, которые впослѣдствіи были полезны Россіи своею службою. Не очень ласково на нихъ смотрѣли Русскіе друзья Петровы, — Яковъ Долгоруковъ, Стрѣшневъ, Апраксинъ, Бутурлинъ, Ромодановскій; нерѣдко съ ними ссорились, даже дрались, разгоряченные виномъ; но воля молодого Государя уже господствовала надъ ними: они ссорились, но не смѣли враждовать. Петръ пировалъ съ ними, но и заставлялъ каждаго работать: одному поручалъ надзоръ за постройкою судовъ, другого заставлялъ обучать Преображенцевъ и Семеновцевъ, названныхъ *гвардіею*, третьему приказывалъ выводить земляныя укрѣпленія по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, четвертому вести противъ нихъ аттаку.

Но вотъ стали обрываться, одна за другою, тѣ путы, которыя удерживали Петра въ преданіяхъ завѣтной старины. Умеръ патріархъ Іоакимъ, умерла скоро по-

слѣ него и Царица Наталья Кириловна. Новый патріархъ, хоть и совершенно согласный въ образѣ мыслей съ своимъ предшественникомъ, уже не имѣлъ на Петра, перешедшаго за двадцать лѣтъ, того вліянія, какимъ пользовался его предмѣстникъ. Молодая Царица, тоже чуждавшаяся иноземцевъ, какъ и ея свекровь, не имѣла ровно никакого вліянія на мужа. И вотъ Петръ далъ волю своему воображенію: онъ положилъ увидѣть море.

Архангельскъ былъ тогда единственнымъ портомъ въ Россіи для сношеній съ Европою. Еще со времени Іоанна IV въ немъ производилась довольно живая торговля съ Голландцами, Гамбургцами и Англичанами. Но торговля эта приносила гораздо болѣе выгодъ иностранцамъ, чѣмъ намъ, тѣмъ болѣе, что прилегающій къ Архангельску край бѣденъ, отдаленъ отъ лучшихъ областей Россіи и отъ Европы, суровъ климатомъ и ледъ препятствуетъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ кораблямъ къ нему приближаться. Петръ однако посѣтилъ его. Онъ отправился туда со всею своею компаніею; съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ верфи (*), всходилъ на корабли, пришедшіе изъ—за моря, разспрашивалъ шкиперовъ, ласкалъ ихъ, охотно выпивалъ съ ними кружку пива, и наконецъ выѣхалъ въ море самъ. Эта первая поѣздка была неудачна; жестокая буря захватила его близъ Соловецкаго монастыря (**), но она

(*) Мѣста, гдѣ строятся суда.

(**) Петръ ѣздилъ въ Архангельскъ два раза: въ первый разъ еще при жизни Царицы-матери; буря захватила его въ морѣ во вторую его поѣздку.

не охладила Петра къ морю и кораблямъ: возвращаясь въ Москву, онъ сдѣлалъ воеводою въ Архангельскѣ одного изъ молодыхъ друзей своихъ, Өедора Матвѣевича Апраксина, которому приказалъ всемѣрно заботиться о постройкѣ судовъ въ Архангельскѣ и объ увеличеніи въ немъ торговли.

Скоро послѣ того ему представился случай увидѣть и другое море, море омывающее плодоносный край, но которое надобно было добывать оружіемъ, и Петръ не отступилъ передъ этимъ затрудненіемъ.

Надобно вспомнить, что договоромъ, заключеннымъ въ 1686 году съ Польшею, мы взаимно обязывались не заключать съ Турками и Татарами отдѣльнаго мира. Мира и дѣйствительно не было заключено, но послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына, походы эти, неодобряемые сильною партіею при дворѣ, не желавшею сближенія съ Польшею, были пріостановлены. Король Польскій жаловался на это; мы жаловались, что онъ не поддерживалъ насъ въ прѐдшествующія войны, — и безплодная переписка по этому предмету продолжалась четыре года. Между тѣмъ Петръ пришелъ къ той же мысли, которую имѣла Царевна и Голицынъ: увидѣлъ, какъ могло бы быть полезно для Россіи обладаніе берегами Чернаго моря; весьма вѣроятно, что посѣщеніе Архангельска дало ему понятіе о томъ, что этотъ портъ никогда не можетъ сдѣлаться важнымъ торговымъ пунктомъ, и въ тоже время, что безъ порта при устьѣ большой судоходной рѣки, протекающей по плодоносному краю, — торговля невозможна. Такою рѣкою былъ въ то время, кромѣ Волги, у насъ одинъ

только Донъ (*): онъ протекаетъ по самымъ плодороднымъ мѣстностямъ, порядочно населенъ по всему своему теченію, и вездѣ удобенъ для судоходства. Но устье его было заперто Турецкою крѣпостью, Азовомъ. Она была построена тамъ также, какъ нѣсколько небольшихъ крѣпостей на низовьяхъ Днѣпра, чтобъ препятствовать Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ выходить въ море и разорять Турецкіе берега.

Стало быть надобно было взять Азовъ и Петръ рѣшился возобновить войну. Крымскіе походы показали, что недостаточно еще для успѣха двинуть въ эти далекія страны рать, хотя бы и многочисленную, хотя бы даже очень храбрую: военное искусство есть искусство весьма сложное. Петръ имѣлъ въ немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели Голицынъ; онъ выучился у своихъ учителей, московскихъ Нѣмцевъ, всему, чему они могли выучить; онъ понялъ превосходство регулярнаго строя передъ нестройною толпою; научился располагать войско къ бою по всѣмъ правиламъ тогдашней тактики, научился вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія; при томъ управленіе правильно организованными полками, съ которыми онъ постоянно маневрировалъ около Москвы, научило его важному искусству принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ, искусству, о которомъ воеводы прежняго

(*) Днѣпръ былъ въ то время пограничною рѣкою: одинъ берегъ его былъ нашъ, а другой—Польскій; при томъ днѣпровскіе пороги мѣшаютъ и до сего времени судоходству по немъ.

времени не имѣли никакого понятія. По всему этому можно было, казалось, ожидать успѣха въ предстоящемъ походѣ. И точно, онъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ крѣпостца, которая была бы разбита въ прахъ нѣсколькими стами выстрѣловъ нынѣшнихъ орудій, едва была взята въ два года и стоила намъ много крови!

На 1695 годъ былъ объявленъ походъ, но не противъ Азова, а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль его, чтобъ тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью; а потому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украйны, и подъ начальствомъ славнаго въ послѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы направлялась къ низовью Днѣпра, — до 30 тысячъ лучшаго войска — отчасти стрѣльцовъ, но больше солдатскихъ полковъ, и гвардія были двинуты въ землю войска Донскаго, совершенно такого же казачьяго войска, какъ и Малороссійское. Въ одно время съ движеніемъ этой небольшой арміи, по Хопру и Дону плыли тысячи барокъ съ провіантомъ, съ снарядами и артиллеріею.

Въ началѣ іюня открыты были осадныя работы противъ Азовскихъ укрѣпленій, и начало ихъ было довольно удачное. Очень скоро искусство нашихъ инженеровъ, между которыми находимъ Тиммермана, оказалось далеко неудовлетворительнымъ; между начальствомъ была разладица. Замѣчательно, что въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ обязаны повиноваться: ихъ было три: Лефортъ, любимецъ Петра, Гордонъ, котораго имя намъ уже извѣстно,

и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его и изъ книгъ, и изъ опыта во время долгой службы своей какъ за границею, такъ и у насъ. Лефортъ, хотя и ему случалось обнажать оружіе, вовсе не былъ тактикомъ, а Головинъ очень твердо зналъ «воинскій артикулъ» и могъ очень хорошо командовать гвардейскими полками, которыхъ онъ былъ начальникомъ, на ученьяхъ, но о другихъ его качествахъ исторія умалчиваетъ. Что касается до Петра, то хотя онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, самъ наводилъ орудія и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и хотя у него было болѣе военныхъ способностей, чѣмъ у всѣхъ трехъ его генераловъ вмѣстѣ, но начальствовать арміею онъ не взялъ на себя: почему? — это трудно сказать. Никто не скажетъ, чтобъ скромность и смиреніе были его отличительными чертами; напротивъ, онъ держалъ власть свою чрезвычайно твердою рукою и зналъ мѣру своихъ необыкновенныхъ способностей; но въ продолженіе всей своей жизни онъ любилъ въ иныхъ случаяхъ отодвигаться на второй планъ и съ удивительною серьезностію разъигрывалъ роль подданнаго и подчиненнаго. Такъ, напримѣръ, считаясь капитаномъ бомбардирской роты (артиллеріи) преображенскаго полка, онъ получалъ жалованье по этому званію; приказывалъ называть себя то *басомъ*, т. е. корабельнымъ мастеромъ, Петромъ Михайловымъ, то командиромъ, то шаутбенахтомъ (морскіе чины). Всего страннѣе были отношенія его къ князю Ромадановскому, одному изъ его любимцевъ, вельможѣ честному, но ограничен-

ному, любившему выпить и суровому нравомъ; онъ его называлъ *кесаремъ*, то есть императоромъ, и это не въ шутку; писалъ къ нему въ письмахъ: min her Kenich, *билъ челомъ*, *доносилъ рабски*, титуловалъ *величествомъ*, что однакожь не мѣшало ему порою и пригрозить этому кесарю. Такъ однажды Ромадановскій наложилъ слишкомъ крѣпко свою лапу на одного изъ приближенныхъ Петра; «звѣрь, написалъ Царь къ нему, узнавши объ этомъ: долго ль тебѣ людей жечь?... Перестань знаться съ *Ивашкою* (*), быть отъ него рожѣ драной!»

Такъ и подъ Азовомъ Петръ приказывалъ называть себя то бомбардиромъ, то командиромъ; но это не мѣшало ему посылать иногда приказаніе Лефорту, Головину и Гордону, а вслѣдъ за тѣмъ опять прикидываться маленькимъ человѣчкомъ и извиняться передъ княземъ Ромодановскимъ за какой-то сдѣланный имъ промахъ.

Между тѣмъ осада продолжалась, сдѣланы были два штурма, но оба не удались; подведенные подъ крѣпость подкопы повердили менѣе ей, нежели осаждающимъ, а между тѣмъ Азовскій горнизонъ получалъ и продовольствіе и подкрѣпленія съ моря. Осень наступила; начались въ нашемъ лагерѣ болѣзни, и мы принуждены были снять осаду. Не больше сдѣлано было и Шереметевымъ съ Мазепою на низовьяхъ Днѣпра.

(*) Заниматься *Ивашкою Хмѣльницкимъ* — называлось въ компаніи Петра и его сотрудниковъ пить хмѣльное.

Это конечно огорчило, но не смутило Петра и не заставило его отказаться отъ намѣренiй овладѣть Азовомъ: онъ только съ новою энергiей принялся за приготовленiе новыхъ средствъ, чтобъ не испытать неудачи во второй разъ. Онъ убѣдился, что наши инженеры очень плохи, что многоначалiе на войнѣ не приводитъ ни къ чему доброму; поэтому главнымъ начальникомъ всей осады на слѣдующiй годъ былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, прiобрѣтшiй нѣкоторую репутацiю въ Крымскихъ походахъ, а за искусными инженерами послано въ Германiю. Очевидно также было, что Азовъ не будетъ взятъ, пока входъ въ Донъ съ моря не будетъ запертъ и не отняты у Турокъ средства присылать подкрѣпленiя и продовольствiе осажденнымъ. Но какъ достигнуть этого? Надобно бы создать флотъ. И Петръ рѣшился создать флотъ въ теченiе осени и зимы.

Мѣстомъ для постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ. Въ городѣ этомъ, окруженномъ въ старое время хорошими лѣсами, издавно велось судостроительное дѣло, потому что оттуда сплавлялся Дономъ хлѣбъ и другiе предметы, отпускаемые изъ Россiи Донскому войску. Но такъ какъ, по соображенiямъ Петра, чтобъ запереть Туркамъ входъ съ Азовскаго моря, нужно было построить не менѣе 30 галеръ (судовъ небольшого размѣра), то однихъ Воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ не могло быть достаточно. Петръ однакожъ не затруднился этимъ: «Min Herr Gubernor Archangel, писалъ онъ Апраксину, съ консилiи господъ генераловъ *указано мнѣ* къ будущей войнѣ дѣлать галеи (родъ галеръ); для чего удобно мню быть шхиптимер-

манамъ (корабельнымъ мастерамъ) всѣмъ отъ васъ сюды.» Они должны были прибыть въ Воронежъ къ веснѣ, а въ теченіе зимы приказано было заготовить потребное количество лѣсу, желѣза и другого матеріала для постройки и оснастки судовъ. Петръ, какъ видно, поворачивалъ дѣломъ не по старинному: все кипѣло у него въ рукахъ, все шевелилось вокругъ него!

Подавая примѣръ дѣятельности, качества вовсе незнакомаго старинной Руси, — онъ еще въ концѣ зимы, больной, прискакалъ въ Воронежъ, и принялся самъ за топоръ и за цыркуль; «мы, по приказу Божію, къ праотцу нашему Адаму, писалъ онъ Стрѣшневу, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой;» но за то къ апрѣлю тридцать галеръ было готово.

Между тѣмъ въ началѣ 1696 года скончался Царь Іоаннъ, оставшійся во все свое четырнадцатилѣтнее царствованіе незамѣченнымъ. Ни жизнь его, ни смерть не оказали никакого вліянія на судьбу нашего отечества, и потому мы возвратимся къ Азовскимъ укрѣпленіямъ, къ которымъ снова сдвигались наши полки и плыли новоустроенныя галеры. По прошлогоднему предположенію, онѣ дѣйствительно заняли такъ называемыя Донскія «Гирлы»; нѣсколько турецкихъ кораблей попробовали было подойти къ Азову, и принуждены были повернуть назадъ, при чемъ два изъ нихъ, сѣвшіе на мель, были сожжены. Что касается до самой крѣпости, то по ней была открыта жестокая канонада ядрами и бомбами, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, по истеченіи которыхъ гарнизонъ рѣшился положить оружіе.

Радость Петра была неописанная. «Нынѣ со свя-

тымъ Павломъ радуйтесь всегда о Господѣ и паки реку радуйтесь,» писалъ онъ въ Москву, извѣщая о сдачѣ Азова, а Ромодановскій, также серьезно входившій въ свою роль «Государя» и «Кесаря», какъ Петръ въ роль бомбардиръ-капитана, отвѣчалъ ему съ тяжелою флегмою: «за усердное къ Богу моленіе и за мудрое надъ бусурманами сниcканіе ко взятію Азова, похваляемъ адмирала (Лефорта), генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и тебя, каптейна.»

И встарину случалось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобные Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ, съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣсколькихъ пригоршняхъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ Царь, да въ «милостивомъ его словѣ». Теперь Петръ желалъ, чтобъ побѣда надъ Турками имѣла видъ общественнаго торжества, и приказалъ устроить въ Москвѣ для возвращавшихся войскъ тріумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на каменный мостъ (построенный при Царевнѣ) были поставлены тріумфальныя врата, украшенныя гербами, арматурами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество Русскихъ надъ Турками: надъ изображеніемъ этихъ послѣднихъ были написаны слѣдующіе стихи:

Ахъ, Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдство себѣ достали!

Нептунъ, властитель морей, гласилъ: «се и азъ поздравляю взятіемъ Азова, и вамъ покоряюсь.»

30 сентября (1696) началось торжественное шествіе. Солдатскіе и Стрѣлецкіе полки съ развѣвающимися знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ,

духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные Турки и Татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Въ тріумфальномъ же шествіи везли одного иностранца, бывшаго въ нашей службѣ, перебѣжавшаго къ Туркамъ и попавшагося въ плѣнъ: онъ былъ прикованъ къ телегѣ, на которой утверждена была висѣлица и разложены орудія пытки... Что касается до Царя, то онъ шелъ пѣшкомъ, въ мундирѣ морского капитана, за экипажемъ адмирала Лефорта.

Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь надѣялся, что оно поможетъ врѣзать въ народную память побѣду, отъ которой онъ ожидалъ обширныхъ послѣдствій.

IX.

Выгоды, которыя ожидались отъ овладѣнія устьями Дона. — Важность иностранной торговли. — Вліяніе торговли на бытъ народа: возбужденіе въ немъ дѣятельности. — Неизбѣжность войны съ Турціею. — Потребность флота для этой цѣли. — Понятіе о казнѣ и соразмѣрности налоговъ. — Тяжести, которыя падаютъ на государство. — Ропотъ и неудовольствіе. — Заговоръ Цыклера, Соковнина и др. — Страшныя поминки Милославскому. — Отправленіе молодыхъ людей за границу. — Приготовленіе къ поѣздкѣ за границу самого Царя. — Неудовольствіе увеличивается; — разные толки. — Великое посольство.

Какія же это обширныя послѣдствія, которыхъ Петръ могъ ожидать отъ овладѣнія довольно впрочемъ незначительною турецкою крѣпосцою?

Азовъ стоялъ близъ впаденія Дона въ Азовское море. Донъ протекаетъ, какъ уже сказано, по самымъ плодороднымъ и населеннымъ мѣстамъ Россіи, — и между тѣмъ не приносилъ никакой пользы, потому что по немъ не производилось никакой торговли, опять-таки по той же причинѣ, о которой было уже говорено: именно отъ того, что у всякаго было дома все свое, что ему нужно. Но какъ скоро открывалось сообщеніе съ моремъ, а посредствомъ его съ другими отдаленными странами, — дѣло становилось совершенно иное. Въ Турціи, въ Италіи, Франціи могъ случиться неурожай; могли тамъ потребоваться ленъ, пенька, кожи, лѣсъ и пр., — чего было у насъ въ изобиліи; узнавъ объ этомъ и о томъ, что кораблямъ открытъ свободный путь въ Россію, Турецкіе, Италіянскіе и Французскіе купцы могли пріѣхать къ намъ и сказать: продайте намъ хлѣба, льну, пеньки, кожи, лѣсу и пр. Мы отдали бы имъ всѣ эти вещи, съ которыми мы не знали что дѣлать дома, и получили бы вмѣсто нихъ такія, въ которыхъ сами нуждались, — напримѣръ сукно, виноградныя вина, оружіе и проч., либо получили бы деньги, на которыя могли бы все это купить.

Не трудно понять, что это выгодно и для нихъ, покупающихъ, и для насъ, продающихъ. И выгоды эти еще больше, чѣмъ кажутся съ перваго взгляда. Никакой человѣкъ безъ надобности трудиться не станетъ; но онъ охотно будетъ трудиться, если увидитъ въ томъ пользу. Какая надобность была русскому человѣку распахивать огромныя поля, если ему достаточно было и небольшой нивы, чтобъ прокормиться? Что сталъ бы

онъ дѣлать съ хлѣбомъ, излишнимъ противъ того, который ему нуженъ для пропитанія? Онъ сгнилъ бы безъ всякой пользы. Но еслибъ нашелся покупщикъ на этотъ хлѣбъ, — тогда дѣло другое; я потружусь часъ лишній въ день, но за то обмѣняю свой хлѣбъ на то, что мнѣ доставитъ удовольствіе или пользу: на хорошую, крѣпкую матерію для моей жены, какой она сама не умѣетъ сдѣлать, на книгу для моихъ дѣтей, на легкій плужокъ, какого не могу сдѣлать самъ, и который облегчитъ мнѣ мой земледѣльческій трудъ. Теперь, окончивъ свою небольшую работу (а лишняго работать мнѣ не за чемъ), я возвращаюсь съ поля, и мнѣ нечего дѣлать; человѣку безъ дѣла скучно; я зѣваю, валяюсь, либо ложусь спать, и хорошо еще, если не отправлюсь выпить отъ скуки чарку вина, да другую ради компаніи, да третью для круглаго счету. Но если я свой излишній хлѣбъ свозилъ въ городъ на рынокъ, я насмотрѣлся тамъ, какъ живутъ грамотные, образованные люди, подивился, какъ многому они научаются изъ умныхъ бесѣдъ и хорошихъ книгъ, какъ чисто и исправно ихъ хозяйство, — и получилъ охоту привести свою хату въ порядокъ, и научиться читать книги; — и мнѣ уже не скучно, я работаю охотнѣе въ полѣ, и мнѣ хорошо въ чистой, опрятной моей избѣ.

Таковы и для каждаго послѣдствія торговли и промышленности: а каждый да каждый и еще каждый, — это наконецъ цѣлый народъ: и вотъ почему народы, имѣющіе торговлю и промышленность, и богаче, и образованнѣе, и какъ-то благовиднѣе, нежели тѣ, которые

ихъ не имѣютъ. Но торговля всего удобнѣе производится моремъ; перевозка сухопутьемъ, даже по желѣзнымъ дорогамъ, гораздо затруднительнѣе; если народъ не владѣетъ морскими берегами, можно навѣрное сказать, что у него не будетъ ни торговли, ни промышленности, — и вотъ всѣми этими разсужденіями мы пришли къ разрѣшенію вопроса: въ чемъ состоятъ тѣ обширныя послѣдствія, которыхъ Петръ ожидалъ отъ овладѣнія Азовомъ. Къ этому порту должны были Чернымъ моремъ приходить иностранные корабли и къ нему же, Дономъ, должны были Русскіе сплавлять свои произведенія.

Но Черное море было во власти Турокъ; окрестности Азова были во власти Татаръ: наше новое владѣніе могло, слѣдовательно, безпрестанно подвергаться нападенію и съ суши, и съ моря. Противъ сухопутнаго нападенія, положимъ, мы могли оборониться: стоило сдѣлать укрѣпленія да поставить за ними достаточное число войска. Но какъ оборониться, съ моря? Для этого необходимъ былъ флотъ, а у насъ его не было, кромѣ тѣхъ небольшихъ галеръ, которыя были приготовлены для плаванія по Дону, и которыя не могли выйти въ открытое, бурливое море.

Царь Петръ никогда не затруднялся, когда ему казалось что нибудь полезно для Россіи, хотя бы это было и тяжело для нея, заставлялъ ее дѣлать страшныя усилія и былъ неумолимо строгъ къ ослушникамъ своей воли. Несчастіе состояло въ томъ, что въ Россіи было очень мало людей, которые бы, что называется, видѣли дальше своего носа: ни поддержать Петра въ

его хорошихъ замыслахъ было не кому, ни удержать разумнымъ возраженіемъ, когда онъ слишкомъ увлекался; по этому онъ привыкъ дѣлать все самъ, ни съ кѣмъ не совѣтоваться, не терпѣть возраженій и считать полезными и любить только тѣхъ, которые исполняли его приказанія. — Для оправданія нашихъ предковъ надо, по справедливости, сказать впрочемъ и то: гдѣ имъ было научиться трудному искусству управлять народами? Прежніе Цари управляли «по старинѣ», при томъ не спрашивая тоже ничьего совѣта, или развѣ только тѣхъ, которыхъ хотѣли и когда хотѣли, — а люди эти, чтобъ не потерять чести засѣдать въ Царскомъ Совѣтѣ, или «Думѣ», разумѣется, болѣе старались узнать что̀ и какъ угодно Царю, нежели что полезно и желательно для народа.

И такъ собственная личная страсть за одно съ общею пользою склоняла къ тому, чтобъ создать флотъ. Но какъ за это было приняться? Казна наша была очень не богата въ то время и доходъ ея не превышалъ 5 милліоновъ, — а покупка или постройка кораблей стоитъ дорого... Кстати, познакомимся съ этимъ словомъ: *казна*, которое безпрестанно употребляется, но не всегда правильно понимается. Казна есть общественная сокровищница, которая наполняется взносами, дѣлаемыми каждымъ гражданиномъ, и которую охраняетъ Правительство. Наполняется казна слѣдующимъ образомъ: всякій обязанъ платить въ казну либо съ души, либо съ владѣемаго имущества, но непремѣнно платить, дабы дать Правительству средство на эти же деньги доставить каждому изъ насъ удобство и безопасность. На-

примѣръ, въ Россіи теперь около 70 милліоновъ жителей обоего пола и въ томъ числѣ около 35 милл. мужчинъ (которые обыкновенно одни платятъ); если каждый изъ нихъ вноситъ ежегодно по 50 к., то казна получитъ уже $17\frac{1}{2}$ мил. На это можно кое-что сдѣлать для общей безопасности и пользы.

Но справедливо ли было бы взымать одинаково съ богатаго и бѣднаго человѣка, у котораго одна только своя голова на плечахъ, и съ того, у котораго много домовъ, земель, лѣсовъ и другого имущества, которое надо охранить отъ пожара, наводненія, воровъ и обманщиковъ? Естественно, что этому послѣднему должно больше платить въ казну, нежели бездомному бѣдняку, у котораго нечего охранять. Бѣднякъ ѣстъ одинъ хлѣбъ, да и то, можетъ быть, некупленный, а поданый Христа-ради, богачъ хочетъ получать изъ-за границы вина и трюфли; онъ требуетъ, чтобъ дорога была хороша, когда онъ переѣзжаетъ изъ одного своего имѣнія въ другое, чтобъ существовали суды, которые защитили бы его въ случаѣ, еслибъ кто вздумалъ неправильно воспользоваться его имуществомъ; чтобъ въ городахъ были лавки и магазины, въ которыхъ онъ могъ бы достать все нужное для украшенія его жизни. Прекрасно, говоритъ ему Правительство: ты богатъ и имѣешь полное право требовать за свои деньги, всѣ удобства жизни; но дай средство устроить хорошія дороги, содержать суды, производить торговлю безопасно: плати больше того, который въ этомъ вовсе не нуждается или мало нуждается.

Подобнымъ образомъ разсуждалъ Царь Петръ, за-

мышляя завести флотъ. Кому главнѣйше долженъ онъ принести пользу? Кто прежде всѣхъ воспользуется выгодами торговли? Купцы, которые будутъ ее производить и большіе землевладѣльцы, частные люди и монастыри, — которые будутъ продавать то, что родится на этихъ земляхъ. Жаль только, что онъ не сдѣлалъ это обыкновеннымъ, правильнымъ образомъ, т. е. не написалъ объ этомъ закона, или, какъ говорится, не *узаконилъ* этого налога. Законный порядокъ есть дѣло очень важное!

Какъ бы то ни было, но дѣло пошло. Богатые вельможи, купцы, монастыри, владѣвшіе въ то время огромными землями, стали складываться между собою, или составлять «кумпанства», кряхтѣли, но дѣлали, чтобъ общими силами построить корабли. Что касается до крестьянъ, то и ихъ не миновала эта *повинность*, этотъ *налогъ*: работу пришлось производить имъ же. И вотъ въ началѣ 1697 года десятки тысячь плотниковъ, землекоповъ и другого рабочаго народа отправилось на на низовья Дона со всѣхъ концовъ Россіи, чтобъ рубить корабли, возводить укрѣпленія. Тяжкая работа!

Да, работа была тяжелая, и она казалась тѣмъ несноснѣе, что не только крестьяне, согнанные тысячами, но и сами ихъ помѣщики, большая часть знатныхъ и сановныхъ людей, не понимали пользы всѣхъ этихъ трудовъ и расходовъ. Царь не хотѣлъ дать себѣ трудъ объяснить своему народу, что все это предпринимается для его пользы, и жестоко каралъ не только ослушаніе, но всякое промедленіе въ исполненіи его воли, — а это еще болѣе увеличивало ропотъ, и наконецъ не-

удовольствіе начало вспыхивать явными заговорами, которые одинъ за другимъ сопровождали царствованіе Петра до самого конца.

Въ 1697 году составился одинъ изъ такихъ заговоровъ. Участниками его были извѣстный уже намъ Цыклеръ, — одинъ изъ главныхъ коноводовъ стрѣлецкихъ мятежей, одинъ изъ первыхъ, измѣнившихъ Царевнѣ, когда она поссорилась съ братомъ; потомъ Соковнинъ, — окольничій по званію, а по религіознымъ понятіямъ старообрядецъ, — и наконецъ одинъ изъ Пушкиныхъ. Никто изъ нихъ лично не имѣлъ причинъ жаловаться на Царя, всѣ они, напротивъ, пользовались его милостію; но «новыя затѣи» были имъ не по сердцу. День и ночь думая о томъ, чтобъ завести флотъ, Петръ пришелъ къ той мысли, что гораздо лучше будетъ, если сами Русскіе научатся строить корабли и управлять ими, нежели для всего этого выписывать иностранцевъ, и съ этою цѣлію въ 1697 году приказалъ 50 человѣкамъ изъ числа молодыхъ людей богатыхъ и знатныхъ фамилій отправиться за границу. Учиться — вообще не нравилось нашимъ предкамъ, а учиться постройкѣ кораблей и ихъ управленію, то есть работать съ топоромъ въ рукахъ и лазить по мачтамъ, казалось не только тяжелымъ, но и унизительнымъ, да кромѣ того едва ли и не преступнымъ, потому что сношенія съ «еретиками-иноземцами» здѣсь были неизбѣжны. И родители молодыхъ людей, назначенныхъ для отправленія, и сами молодые люди крайне недовольны были распоряженіемъ Царя: намъ, напримѣръ, извѣстно, что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, именно

князь Прозоровскій, во время плаванія на Венеціянскомъ суднѣ, убѣжалъ и постригся въ монахи на Аѳонской горѣ.

Вотъ это-то неудовольствіе и было причиною заговора Соковнина, который имѣлъ родственниковъ между людьми, назначенными въ морскую науку. Онъ, его два уже названные сообщника, да еще нѣсколько малоизвѣстныхъ людей сговорились произвесть въ Москвѣ пожаръ, съ тѣмъ, чтобъ убить во время этой суматохи Царя, который всегда лично являлся, лишь только показывался огонь. Замыселъ этотъ былъ открытъ — и всѣ заговорщики, числомъ шесть, были казнены.

Казнь эта была вполнѣ справедлива, потому что заговорщики вездѣ наказываются, но она сопровождалась чрезвычайною лютостію. Прахъ Милославскаго, покоившійся въ землѣ, былъ, по приказанію Царя, вырытъ и гробъ его поставленъ подъ плахою, на которой рубили головы преступникамъ, и теплая кровь обмывала пожелтѣвшія кости!...

Царь думалъ вѣроятно устрашить своихъ недоброжелателей и надолго отнять у нихъ охоту къ подобнымъ замысламъ, а потому и счелъ эту минуту самою благопріятною, чтобъ исполнить мысль, которая должна была поразить предковъ нашихъ удивленіемъ, да притомъ и непріятнымъ удивленіемъ, — отправиться самому за границу, то есть въ земли еретиковъ... Много необычнаго дѣлалъ Петръ и прежде, и послѣ, но это было, конечно, однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ толчковъ народнымъ понятіямъ. За то въ народѣ

и особенно, разумѣется, между раскольниками, о которыхъ мы скоро поговоримъ подробнѣе, пошли разные толки: одни говорили, что истинный Царь Петръ Алексѣевичъ умеръ за границею, а что вмѣсто него возвратился какой-то самозванецъ, «жидовинъ отъ колѣна Данова», другіе, не допуская даже возможности, чтобъ Царь «отъ благочестиваго корня» (какимъ признавался Алексѣй Михайловичъ до *обольщенія* его Никономъ) рѣшился на такое дѣло, — разсказывали за достовѣрное, что онъ подмѣненъ еще въ колыбели: родитель его, говорили они, недовольный тѣмъ, что у него рождаются все дочери, объявилъ Наталіи Кирилловнѣ, что онъ ее отправитъ въ монастырь, если она не родитъ ему сына; а какъ вслѣдъ за тѣмъ родилась дочь, то Матвеевъ, знавшій угрозу Царя, досталъ только что родившагося мальчика въ нѣмецкой слободѣ и подмѣнилъ имъ Царевну.

Смѣшны и глупы такія басни, но онѣ доказываютъ какъ мало сочувствовалъ народъ мыслямъ своего Царя и какъ велико было его нерасположеніе ко всему, что выходило изъ принятаго, обычнаго порядка. — Впрочемъ Петръ никогда не отказывался отъ мысли, которую считалъ полезною для блага Государства, и поѣздка его за границу было дѣло рѣшенное. Много наслышавшись отъ Московскихъ иноземцевъ, своихъ друзей, о томъ, что другіе народы далеко обогнали Русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ, видя, что это правда, по тѣмъ инженерамъ, артиллеристамъ и мореплавателямъ, которыхъ онъ видѣлъ самъ подъ Азовомъ и въ Архангельскѣ, онъ страстно желалъ посмотрѣть эти страны,

научиться всему тому, чѣмъ онѣ превосходятъ Россію, и въ свою очередь научить этому Россію. Но именно потому самому, что онъ желалъ научиться, а не совершить увеселительную прогулку по Европѣ, рѣшился онъ ѣхать incognito, то есть скрывая свой санъ въ качествѣ партикулярнаго человѣка, — а именно въ свитѣ «великаго посольства», которое онъ вздумалъ послать къ различнымъ государямъ для утвержденія съ ними союзовъ, торговыхъ договоровъ и найма корабельщиковъ, офицеровъ и ремесленниковъ.

Великими послами были назначены: Лефортъ, Головинъ и Возницынъ (долго служившій дьякомъ въ посольскомъ приказѣ). Свита ихъ состояла изъ 250 человѣкъ лицъ знатныхъ и незнатныхъ, людей служилыхъ и домашней прислуги. Въ числѣ этой свиты находился Царь, подъ именемъ Петра Михайлова.

внимательно осматривалъ крѣпости, искусно построенные, богатые торговлею города, заводы, фабрики, — и убѣждался, что много надобно еще сдѣлать въ Россіи, чтобы дойти ей до такого состоянія.

Въ одномъ нѣмецкомъ городкѣ, недалеко отъ Ганноверскаго герцогства, онъ имѣлъ оригинальную встрѣчу, которую нельзя не разсказать: двѣ принцессы, — мать и дочь, очень умныя и образованныя, узнавъ о пріѣздѣ Государя отдаленной *Московіи*, выѣхали къ нему встрѣчу и пригласили его запросто провести съ ними вечеръ. Петръ, мало знакомый съ свѣтскими обычаями запада, отказывался, колебался, и наконецъ согласился, — и вотъ онъ въ своемъ русскомъ и, конечно, не очень щегольскомъ кафтанѣ, не очень свободно объясняясь по нѣмецки, посреди дамъ въ широкихъ фижмахъ и кавалеровъ въ напудренныхъ парикахъ. Конечно, онъ долженъ былъ показаться имъ столько же страннымъ, какъ теперь намъ кажется какой нибудь Персидскій Мирза. Петръ сначала очень сконфузился, не ловко кланяясь, закрывалъ лицо рукою и на привѣтствія любезныхъ хозяекъ, отвѣчалъ только: ich kann nicht sprechen! Но скоро природный его умъ пробился сквозь странныя его манеры, онъ оправился, разговорился и привелъ въ восхищеніе обѣихъ принцессъ. Веселый ужинъ окончился баломъ, въ которомъ приняли участіе не только Лефортъ, — весельчакъ и любезникъ, краса кавалеровъ Нѣмецкой Слободы, — но и толстый Головинъ; самъ Царь къ концу вечера не только пересталъ чувствовать себя смущеннымъ, но распоряжался

какъ дома, заставлялъ однихъ пить, другихъ танцовать и сердился, если кто не тотчасъ исполнялъ его желаніе. «Онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства, пишетъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ запискахъ одна изъ принцессъ, принимавшихъ Петра,—*но сердитъ*».

Государь однакожь торопился оставить Германію; его болѣе всего занимали Голландцы, тогда первый въ Европѣ морской и торговый народъ, съ которымъ онъ уже познакомился въ Архангельскѣ и который очень ему понравился своею дѣятельностію и практическимъ своимъ смысломъ. Оставивъ, по обыкновенію, посольство подвигаться съ приличною медленностью, онъ, съ нѣсколькими человѣками, сѣлъ на небольшое судно и по Рейну спустился въ Голландію, въ селеніе, которое славилось своими верфями, — Саардамъ. Всѣмъ сопровождавшимъ его было строго запрещено открывать его санъ, а потому онъ могъ пріѣзжать въ Саардамъ совершенно какъ частный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что онъ перемѣнилъ свою русскую одежду на голландскую, весьма простую красную фризовую куртку, холстинныя шаровары и лакированную шляпу съ большими полями. Въ такомъ видѣ подъѣзжалъ онъ къ Саардаму, когда на встрѣчу ему попался одинъ голландецъ, котораго онъ видалъ въ Архангельскѣ.

«Кистъ, закричалъ онъ голландцу, удившему рыбу, узнаешь ли меня? Я пріѣхалъ погостить у васъ въ Саардамѣ и хочу у тебя остановиться.» Удивленный Кистъ хотѣлъ назвать его Царскимъ величествомъ, но Петръ велѣлъ ему молчать и называть себя не иначе, какъ *Петромъ Михайловымъ*.

И вотъ Государь Московскій поселился въ маленькой низенькой комнатѣ маленькаго голландскаго домика, и сдѣлался нахлѣбникомъ простого кузнеца, членомъ его семьи... Такая жизнь очень ему понравилась: онъ любовался домовитостью хозяйки, трудолюбіемъ и бережливостью хозяина, его простымъ, откровеннымъ и безцеремоннымъ обхожденіемъ, чистотою и порядкомъ, царствовавшими во всѣхъ углахъ дома, даже въ кухнѣ, гдѣ все было прибрано, все опрятно. Извѣстно, что Петръ во всю свою жизнь любилъ нравы и обычаи голландскіе; во всѣхъ его дворцахъ (маленькихъ, очень не роскошныхъ дворцахъ) видно что нибудь, напоминающее Голландію, а въ Петергофскомъ Монплезирѣ рядомъ съ его спальнею была имъ устроена кухня совершенно въ голландскомъ вкусѣ, которую и теперь можно видѣть.

На слѣдующее же утро Петръ и его спутники отправились на верфь и нанялись какъ простые плотники. Съ ранняго утра до поздней ночи работалъ Петръ топоромъ, долотомъ и стругомъ, изрѣдка заходя въ трактиръ, чтобъ выпить рюмку джину или отобѣдать, а по воскресеньямъ отправлялся осматривать другія верфи или фабрики, обѣдалъ у мастеровыхъ и работниковъ, съ ихъ семействами, шутилъ съ ихъ дѣтьми, словомъ, велъ себя какъ природный, трудолюбивый, смышленый работникъ.

Но истинное его званіе скоро открылось: Саардамцы съ неописаннымъ изумленіемъ узнали, что между ними живетъ и вмѣстѣ съ ними ежедневно работаетъ Московскій Царь, — и съ тѣхъ поръ не стало покоя Петру.

Мальчишки бѣгали за нимъ неотступно, взрослые толкались около него, женщины бросались къ нему на встрѣчу, чтобъ заглянуть ему въ лицо. Это нестерпимо подоѣло Петру и однажды, когда народъ толпился передъ нимъ, онъ далъ полновѣсную пощечину одному голландцу, выпучившему на него глаза и заслонявшему ему дорогу. Но не помогло и это, и любопытные начали пріѣзжать изъ окрестныхъ городовъ, такъ что наконецъ не было больше возможности ни скрыться отъ нихъ, ни работать. При томъ великое посольство приближалось уже къ Амстердаму, и Петръ оставилъ Саардамскія верфи и чистенькій домикъ Киста, послѣ девяти дневнаго тамъ пребыванія (*).

Въ Амстердамѣ, главномъ городѣ Голландской Республики, пословъ нашихъ принимали съ большою торжественностію и устроили празднество такого рода, которое льстило вкусамъ Царя, — а именно примѣрное морское сраженіе, фейерверкъ и т. п. Но все таки не это было нужно Петру. Въ Саардамѣ онъ могъ познакомиться съ постройкою только купеческихъ кораблей, въ столицѣ же Республики были и военныя верфи, морскіе арсеналы, цѣлый флотъ: вотъ что хотѣлось видѣть Петру. Онъ все это осмотрѣлъ со вниманіемъ, разспрашивалъ о томъ, чего не понималъ сразу, и пожелалъ заняться на какой нибудь верфи, записавъ по разнымъ мастерствамъ и всю многочисленную свиту великаго посольства. Такимъ образомъ онъ провелъ въ непрерывныхъ тяжелыхъ трудахъ четыре мѣсяца слиш-

---

(*) Домикъ, въ которомъ жилъ Петръ, существуетъ и по нынѣ.

комъ; «чинимъ мы сіе не отъ нужды, писалъ онъ въ Москву, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, чего до послѣдняго издыханія желать не престану». Такимъ образомъ онъ собственнымъ опытомъ узналъ постройку судовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ подробностяхъ, ихъ оснастку, вооруженіе и, что еще важнѣе, управленіе ими, — а между тѣмъ, по окончаніи работъ, вечеромъ, совѣтывался съ великими послами, которые вели переговоры съ голландскимъ правительствомъ о торговыхъ и другихъ дѣлахъ, зазывалъ опытныхъ моряковъ въ Русскую службу, читалъ многочисленныя письма, получаемыя изъ Москвы, газеты, въ которыхъ объявлялось о томъ, что дѣлалось въ разныхъ концахъ Европы, писалъ или диктовалъ письма въ Россію и еще находилъ время иногда погулять съ своими русскими и голландскими друзьями. Выучился онъ наконецъ голландскому кораблестроительству и полагалъ, что корабельное дѣло ему извѣстно по наилучшимъ образцамъ; но разъ случилось ему увидѣть одно англійское военное судно, и онъ убѣдился, что голландскія военныя суда далеки еще отъ совершенства и что совершенству этому надо ѣхать учиться на англійскія верфи.

Въ это время царствовалъ въ Англіи Вильгельмъ III, одинъ изъ величайшихъ государей своего времени, подобно Петру простой въ своемъ образѣ жизни, неутомимый въ трудахъ для блага отечества, непоколебимо твердый, храбрый, честолюбивый и нѣсколько суровый. Петръ и Вильгельмъ созданы были, чтобъ понимать другъ друга, хотя послѣдній не имѣлъ пылкости и

творческаго генія нашего Царя, а Петръ уступалъ Вильгельму въ спокойствіи и обдуманности. Вильгельмъ, прежде, чѣмъ сдѣлаться королемъ Англіи, былъ штатгальтеромъ или президентомъ Голландской республики и, когда только могъ, пріѣзжалъ погостить посреди любезныхъ ему Голландцевъ. Онъ былъ тамъ во время пребыванія Петра; они видѣлись и понравились другъ другу. Вильгельмъ сдѣлалъ Петру самую чувствительную любезность, подарилъ ему прекрасную, совершенно вооруженную яхту, а Петръ счелъ пріятною обязанностію сдѣлать ему визитъ въ Лондонѣ «незнатнымъ лицомъ», то есть въ качествѣ партикулярнаго человѣка.

Въ началѣ января 1698 года на легкомъ англійскомъ суднѣ, въ бурную погоду поплылъ Петръ къ берегамъ Англіи и вечеромъ того же дня высадился въ Лондонѣ. Англія начинала въ это время выходить на тотъ путь внѣшняго величія и внутренняго благосостоянія, въ которомъ она опередила всѣ прочіе народы Европы. Къ сожалѣнію, превосходныя ея учрежденія въ то время только что начинали дѣйствовать и не могли еще представить доказательствъ этого превосходства; поэтому Царь нашъ и не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія и весь предался усовершенствованію себя и своихъ спутниковъ въ кораблестроеніи и мореходствѣ, изучалъ литейные заводы, строительное искусство, фабрики и мануфактуры, заключалъ контракты съ морскими и горными инженерами, закупалъ оружіе, словомъ интересовался всѣмъ, что имѣло практическое значеніе и что соотвѣтствовало практическому складу его ума.

Во второй половинѣ апрѣля Государь оставилъ

англійскій берегъ и черезъ Голландію и Германскія земли направилъ путь свой въ Вѣну. Въ Голландію и Англію его вело желаніе ознакомиться съ морскимъ дѣломъ, съ различными заводскими и мануфактурными производствами, въ Австріи надо было ему объясниться по дѣламъ политическимъ. Война съ Турціею и союзъ противъ нея между Венеціанскою республикой, Имперіей, Польшею и Россіей еще продолжались, но болѣе на бумагѣ, нежели на самомъ дѣлѣ, и между обѣими сторонами обмѣнивалось болѣе дипломатическихъ *нотъ* (*), нежели выстрѣловъ. Можно было ожидать, что со дня на день будетъ заключенъ тѣмъ или другимъ изъ нашихъ союзниковъ отдѣльный миръ съ нашими врагами, и тогда эти враги могли бы всѣми силами своими обратиться противъ насъ. Очень важно было слѣдовательно разъяснить, какъ смотритъ на это дѣло Вѣнскій дворъ, который и тогда уже отличался наклонностью къ темнымъ путямъ и подземнымъ ходамъ.

Дворъ этотъ также отличался самымъ напыщеннымъ и упрямымъ этикетомъ. Нося титулъ Императора, Государя Священной Римской Имперіи, потомки Кесарей Капитолійскихъ, но въ самомъ дѣлѣ не имѣя никакого значенія въ Римѣ, пользуясь далеко не безусловнымъ вліяніемъ въ Германіи и не очень удачно соперничая съ Франціею, Вѣнскіе Императоры тѣмъ несговорчивѣе были въ дѣлѣ придворнаго этикета, и въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи не хотѣли допустить никакого

(*) Нота, note, — тоже, что записка, слово, употребляемое въ сношеніяхъ между дипломатами.

съ собою соперничества. Когда Императоръ былъ принужденъ бѣжать изъ Вѣны, спасаясь отъ турокъ лѣтъ за 15 передъ тѣмъ, и только оружіе храбраго Яна-Собіесскаго возвратило ему его столицу, этотъ неугомонный формалистъ началъ считаться съ освободителемъ своей столицы, кто при встрѣчѣ кому изъ нихъ прежде поклонится... Очень натурально, что вопросъ о томъ, какъ принять русское посольство, показался въ Вѣнѣ вопросомъ чрезвычайно важнымъ: съ одной стороны при посольствѣ этомъ находился самъ Царь, съ другой — какое мѣсто должно принадлежать самому Царю этому между прочими вѣнчанными особами: причислить ли его къ категоріи Королей, Герцоговъ, Маркграфовъ или къ какой другой категоріи, изъ коихъ для каждой были при вѣнскомъ дворѣ особые, болѣе или менѣе почетные церемоніалы?

По зрѣломъ обсужденіи, посольству нашему приготовлена была встрѣча умѣренная: не очень пышная и не слишкомъ мизерная. Петръ впрочемъ не обратилъ на это большого вниманія; ему нужны были не церемоніи, а дѣло, — и потому, избѣгая новыхъ церемоніаловъ, а съ ними и неразлучныхъ проволочекъ, онъ послалъ просить Кесаря о личномъ свиданіи. Опять новое затрудненіе, новый случай, не имѣющій предшествующихъ въ придворной канцеляріи! Какъ принять русскаго Царя? сколько шаговъ сдѣлать къ нему на встрѣчу? Съ большими усиліями воображенія церемоніалъ этому свиданію былъ составленъ, назначена приличная для этого комната, опредѣлено число шаговъ и т. п. Но пылкій Петръ разстроилъ эти глубокія

комбинаціи, быстро подойдя къ Императору и обнявъ его, по русскому обычаю, а къ довершенію скандала, по окончаніи свиданія, проходя черезъ садъ и увидѣвъ на пруду лодку, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не прокатиться по ней... Впрочемъ балы, фейерверки, маскарады не были забыты, но соглашенія по дѣлу о продолженіи войны съ Турками не послѣдовало. Петръ понималъ, что Азовъ только тогда будетъ истиннымъ портомъ, только тогда привлечетъ къ себѣ торговлю, когда проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, будетъ не въ рукахъ Турокъ; онъ видѣлъ необходимость овладѣть Керчью, и безъ этого не хотѣлъ мириться; Императоръ же, напротивъ, приготовлялся къ войнѣ съ Франціей и торопился успокоить свою восточную границу.

Не очень довольный вообще Вѣною, Государь не хотѣлъ оставаться въ ней долго и готовился уже къ отъѣзду въ Венецію, надѣясь съ пользою провести время въ этой славной республикѣ, долго бывшей «владычицею морей», — но важныя извѣстія, полученныя изъ Россіи, измѣнили это предположеніе: эти извѣстія были о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ...

XII.

Неудовольствіе въ народѣ усиливается. — Старообрядцы суть злѣйшіе враги Петра и нововведеній. — Къ Старообрядцамъ народъ питаетъ вообще сочувствіе. — Слухи о смерти Царя за границею. — Неудовольствіе Стрѣльцовъ на Литовской границѣ. — Сношенія ихъ съ Царевною Софіей. — Мятежъ и походъ къ Москвѣ. — Битва подъ Воскресенскимъ монастыремъ. — Двукратная казнь стрѣльцовъ. — Прибытіе Петра. — Страшные розыски и новыя казни. — Постриженіе Царевенъ Софіи и Марѳы. — Удаленіе въ монастырь и постриженіе Царицы Евдокіи Ѳедоровны.

Мы уже знаемъ теперь, какъ мало по малу скоплялось въ народѣ неудовольствіе противъ новостей, вводимыхъ Петромъ, и мы видѣли, какъ это неудовольствіе уже однажды обнаружилось заговоромъ Цыклера и Соковнина. Но самыми заклятыми врагами его были раскольники и старообрядцы, люди отлученные отъ церкви Московскимъ Соборомъ 1666 года.

Эти люди были истинными, самыми строгими хранителями завѣтной старины, и все, что отзывалось не только чужеземствомъ, но какою бы то ни было новизною, подвергалось ихъ ненависти. Когда Никонъ отъ имени Собора приказалъ произвесть нѣкоторыя

исправленія въ церковныхъ книгахъ, они увидѣли въ этомъ преступную ересь и стали пророчить близость страшнаго суда и пришествіе на землю антихриста. «Удалятися и бѣгать подобаетъ намъ въ антихристово время!» провозглашали ихъ учители, и дѣйствительно удалялись въ лѣса Заонежскіе, Заволжскіе, на Литовскую границу, въ Сибирь, на устья Дона, къ подножіямъ Кавказскихъ горъ.—Проникнутые суевѣріемъ, при томъ недовольные своими воеводами и подъячими, и призываемые во имя любезной старины, легкомысленные спѣшили на этотъ призывъ: вскорѣ послѣ Московскаго Собора одинъ непризнававшій новыхъ книгъ попъ удалился въ Сѣверскую область съ двадцатью учениками, — а черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ тамъ собралось много его послѣдователей.

Посреди своихъ пустынь и лѣсовъ, старообрядцы начинали совершенно новую жизнь, жизнь привольную и малозависимую, вдали отъ воеводъ и подъячихъ, отъ преслѣдованій духовенства и строгой власти помѣщичьей. Каждый изъ нихъ ставилъ себѣ избу либо особнякомъ посреди лѣсной чащи, либо рядкомъ съ избами такихъ же, какъ онъ, бѣглецовъ; поодаль строилась молельня; въ самомъ глухомъ и непроходимомъ мѣстѣ устроивался *скитъ*, — родъ монастыря, куда удалялись старцы или старицы. Такимъ образомъ посреди лѣсовъ устроивались цѣлыя села, признававшія надъ собою власть своихъ учителей словомъ старообрядцы жили здѣсь, какъ вполнѣ вольные люди, обработывая не купленную землю, и отку-

паясь деньгами, если ихъ начинали подчинять общему порядку.

Такая жизнь соблазняла многихъ и служила приманкою, особенно когда новыя требованія Петра и огромныя предпринятыя имъ работы легли на народъ новою тяжестію. При томъ воззваніе къ старинѣ имѣло доступъ въ сердцѣ каждаго Русскаго того времени. Теперь ни одному образованному человѣку не придетъ въ голову сдѣлаться раскольникомъ, но тогда въ числѣ ихъ были самые знатные и богатые люди — Хованскіе, Урусовы, Салтыковы, Мышецкіе и пр. Да и тѣ, которые слагали крестное знаменіе тремя перстами и читали «по новымъ книгамъ», были въ своихъ понятіяхъ весьма близки къ старообрядцамъ и совершенно одинаково съ ними жаловались на нововведенія, на уваженіе, оказываемое иностранцамъ, на новые обычаи, на посылку Русскихъ за границу, на разрѣшеніе, данное государемъ, ввозить табакъ въ Россію, на бритье бородъ и т. п. Таково было расположеніе умовъ въ Россіи, когда прошелъ слухъ, что Царь за границею скончался. Кѣмъ именно былъ выпущенъ этотъ слухъ — можно только догадываться: онъ вѣроятно родился посреди раскольниковъ, которые и до сихъ поръ увѣрены, что настоящій Петръ погибъ въ чужихъ краяхъ, а что вмѣсто него возвратился какой-то самозванецъ. Впрочемъ вообще замѣтить надобно, что въ народѣ непросвѣщенномъ и который привыкъ къ тому, что все отъ него скрываютъ, существуетъ наклонность къ чудесному, къ невѣроятному, къ таинственному и что

онъ скорѣе довѣряетъ всему дурному, нежели хорошему. При такомъ настроеніи нетрудно возникнуть важнымъ безпорядкамъ, и дѣйствительно важные безпорядки произошли во время отсутствія Петра.

По взятіи Азова, часть стрѣлецкихъ полковъ была оставлена тамъ, часть отправлена за Литовскую границу, къ Великимъ Лукамъ и Торопцу. Люди эти и безъ того были недовольны настоящимъ временемъ и съ сожалѣніемъ вспоминали правленіе Царевны и Хованскаго; а теперь имъ приходилось третій годъ не видать своихъ семействъ и отбывать тяжелую службу; при томъ имъ неисправно выдавали жалованье и провіантъ. По всѣмъ этимъ причинамъ между ними распространилось сильное неудовольствіе и они толпами стали бѣгать въ Москву. Тамъ они жаловались боярамъ-правителямъ на притѣсненія, на недодачу жалованья, и дѣло доходило до бунта, такъ что ихъ надо было выпроводить изъ Москвы вооруженною силою. Къ сожалѣнію, бояре не приняли мѣръ, чтобъ отнять у стрѣльцовъ поводы къ неудовольствію и удовлетворить справедливымъ ихъ требованіямъ.

Въ Москвѣ тоже были недовольные и главы ихъ находились въ самомъ семействѣ Царскомъ, а именно это были Царевна Софія и ея сестры. Первая изъ нихъ не могла за монастырскими стѣнами забыть власти, которою она семь лѣтъ пользовалась. Келлія ея находилась въ той части Новодѣвичьяго монастыря, которая обращена къ Москвѣ; изъ оконъ ея видны терема царскихъ палатъ, группа златоверхихъ соборовъ, — мѣста дорогія ей и любезныя! Прислужницы ея,

приживалки и нищія, которыя къ ней прихаживали, «для корму», переносили ей городскія вѣсти, пересказывали, какъ народъ тяготится налогами, работами, службою. Черезъ нихъ же она узнала о прибытіи въ Москву стрѣльцовъ съ Литовской границы, о ихъ неудовольствіи, и въ душѣ честолюбивой Царевны зашевелились надежды. Все черезъ тѣхъ же нищихъ, приживалокъ и странницъ она стала сноситься съ стрѣлецкими слободами, и полагаютъ, что она же пустила или по крайней мѣрѣ поддерживала слухъ о смерти Петра за границею и о намѣреніи будто бы бояръ удушить его сына, Царевича Алексѣя. — Когда же бѣглые стрѣльцы были высланы изъ Москвы обратно на Литовскую границу, они принесли съ собою туда эти вѣсти и надежду опять видѣть правительницею, а можетъ быть и Царицею свою любимую Царевну.

Съ возвращеніемъ этихъ стрѣльцовъ въ Великіе Луки и Торопецъ въ стрѣлецкихъ полкахъ вспыхнулъ мятежъ. Начальникъ ихъ, бояринъ Ромодановскій (не тотъ, который прозывался Княземъ Кесаремъ) растерялся и ускакалъ въ Москву, а они между собою положили идти къ Москвѣ, поднять простонародье перебить нѣмцевъ и посадить Софью Алексѣевну на царство. Это было лѣтомъ 1698 года. Бояре–правители встревожились; собрали гвардейскіе и солдатскіе полки и послали съ ними боярина Шеина и генерала Гордона на встрѣчу къ мятежникамъ, которые уже были въ 60 верстахъ отъ Москвы, близъ Воскресенскаго монастыря.

Остановивъ свое войско подъ стѣнами этого мо-

настыря, Шеинъ послалъ Гордона переговорить съ стрѣльцами и убѣдить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ; это не имѣло успѣха — и началось сраженіе, открытое сраженіе Русскихъ съ Русскими!.. Стрѣльцы были скоро обращены въ бѣгство; царскіе полки бросились за ними и безъ большого труда переловили ихъ и представили Шеину, который тутъ же допросилъ ихъ, и приказалъ повѣсить 56 человѣкъ. Но бояре-правители нашли его распоряженіе слишкомъ слабымъ и дали ему указъ перевѣшать еще, сколько окажется того заслуживающихъ, — что̀ и было исполнено еще надъ 74 человѣками; остальные были разосланы опять на службу.

Получивъ о всемъ этомъ извѣстіе за границею, Царь поспѣшилъ возвратиться. Всѣ ожидали страшной грозы, потому что еще въ Голландіи, свѣдавъ о побѣгѣ стрѣльцовъ съ Литовской границы, онъ уже досадовалъ, что не было объ этомъ сдѣлано строгаго розыска; потомъ, собираясь изъ Вѣны въ Москву, — онъ писалъ боярамъ-правителямъ: «я допрошу построже вашего,» потому что, какъ онъ выражался, «это сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) ростетъ.» И точно, онъ приказалъ собрать въ Москву всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ стрѣльцовъ, бунтовавшихъ въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ. Число ихъ простиралось до 1714 человѣкъ. Всѣхъ ихъ заперли въ городскія и монастырскія тюрьмы и начался розыскъ.

Этотъ розыскъ и послѣдовавшія за нимъ казни составляютъ самыя страшныя страницы русской исторіи, какихъ не было со времени Іоанна Грознаго. Цѣ-

лый мѣсяцъ, говоритъ г. Устряловъ, очень подробно описавшій это время, производились пытки, курились костры, надъ которыми держали допрашиваемыхъ, добиваясь отъ нихъ обстоятельныхъ отвѣтовъ. Петръ былъ увѣренъ, что стрѣльцы взбунтовались не «собою»; что кто нибудь тайно подбивалъ ихъ къ возстанію, что слухъ о его смерти былъ распущенъ именно съ тѣмъ, чтобъ произвести въ народѣ замѣшательство и имъ воспользоваться.

Здѣсь мы опять должны припомнить слова Императрицы Екатерины II объ этомъ ужасномъ средствѣ доискиваться истины посредствомъ мученій: человѣкъ, котораго пытаютъ, не въ здравомъ умѣ и часто самъ не знаетъ что говоритъ. Въ наше время все это понимаютъ, и ни въ одномъ образованномъ государствѣ уже не прибѣгаютъ къ пыткамъ: это успѣхъ, большой успѣхъ, которымъ наше время обязано просвѣщенію; мы не можемъ безъ ужаса и отвращенія даже читать описанія старинныхъ пытокъ. Въ наше время также почти во всей Европѣ судьи поставлены въ такое положеніе, что они, отправляя свои обязанности, никого не опасаются и видятъ передъ собою только законъ; посторонніе люди присутствуютъ при этомъ, а журналы и газеты разносятъ по всему міру вѣсть о томъ, какъ производился судъ и была ли при томъ соблюдена справедливость. Но встарину всего этого не было. Судъ производился въ четырехъ стѣнахъ, безъ свидѣтелей, и судьи не страшились того, что весь свѣтъ можетъ узнать о ихъ неправосудіи. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, въ числѣ судей мы видимъ князя

Троекурова;—начальника стрѣлецкаго приказа, и князя Ромодановскаго — тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ именно и жаловались стрѣльцы; могъ ли слѣдовательно ихъ судъ быть безпристрастнымъ? И какъ всѣмъ судьямъ, назначеннымъ въ этомъ дѣлѣ, были извѣстны слова Государя: «я распрошу построже вашего», то всѣ они только о томъ и старались, чтобъ поступать какъ можно построже... Стрѣльцы были подвергаемы такимъ страшнымъ мученіямъ и нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ доходили до такого отчаянія, что, увидѣвъ ножъ, кидались на него и закалывали себя... Будемъ благодарить Бога, что мы живемъ не въ это мрачное, тяжелое время!

Не взирая на всѣ мученія свои, стрѣльцы долго не произносили имени Царевны Софіи и ея сестеръ, но наконецъ страданія побѣдили ихъ упорство. Сдѣланы были показанія, что Царевна Софія посылала какое-то письмо къ стрѣльцамъ, которымъ вызывала ихъ къ возмущенію; письма этого однакожь не могли отъискать, а Царевна, которую лично распрашивалъ самъ Государь, сказала, что она такого письма не писала.

— Но они тебя звали на Царство? спросилъ Петръ.

— Звали, отвѣчала Царевна.

— Почему же они могли это сдѣлать?

«Знатно потому, что я семь лѣтъ управляла Государствомъ»; отвѣчала она съ гордостію.

Съ этой стороны ничего особенно важнаго не открыто; но за то обнаружилось, что неудовольствіе въ народѣ очень распространено. Вѣсть о возмущеніи стрѣльцовъ въ Великихъ Лукахъ отозвалась между ихъ братья-

ми въ Азовѣ и привела въ волненіе Донскихъ казаковъ, гдѣ еще жилъ духъ разиновщины. Азовскіе стрѣльцы громко говорили, что имъ «нѣтъ житья отъ Нѣмцевъ», надзирающихъ за крѣпостными работами: «на Москвѣ бояре, говорили они, а въ Азовѣ нѣмцы: въ водѣ черти, въ землѣ черви!» Не менѣе энергически выражались казаки: «Если Государь, говорили они въ своихъ кругахъ, къ заговенью не будетъ (изъ-за границы), нечего и ждать; а боярамъ Царствомъ не владѣть; придется Москву *очищать.*» — «Пойдемъ половиною рѣки (Дона) городы брать и воеводъ въ воду сажать.» Еслибъ это исполнилось, то было бы совершеннымъ повтореніемъ того, что было при Стенькѣ Разинѣ и что произошло семьдесятъ пять лѣтъ спустя, при Пугачевѣ.

Всему этому злу Петръ думалъ положить конецъ страшною казнію мятежныхъ стрѣльцовъ; онъ хотѣлъ вырвать «сѣмя Ивана Михайловича» и растоптать его въ прахъ. Раздраженіе его въ это время было ужасно; онъ былъ «какъ левъ рыкающій»! Патріархъ попробовалъ было смягчить его, но былъ прогнанъ съ гнѣвомъ... Въ исходѣ сентября въ разныхъ пунктахъ Москвы были воздвигнуты висѣлицы: у воротъ Бѣла-города, въ Замоскворѣчьи, въ стрѣлецкихъ слободахъ, въ Преображенскомъ, и 30 сентября нѣсколько сотъ человѣкъ повѣшено или наказано кнутомъ. Потомъ съ 11 октября по 21, въ теченіе десяти дней сряду, было казнено разными мучительными казнями еще гораздо болѣе. Эта страшная казнь сопровождалась такими подробностями, которыя приводятъ въ ужасъ при

одномъ ихъ чтеніи. Нѣкоторые современники и между ними лица, заслуживающія довѣрія: Корбъ, секретарь Австрійскаго посольства и Прусскій посланникъ Принцъ пишутъ, что Царь нетолько самъ при этомъ присутствовалъ, но даже дѣйствовалъ топоромъ, приглашалъ чужестранныхъ посланниковъ, которые при этомъ должны были находиться, подражать ему, и сердился, что они по большей части отказывались, а своихъ царедворцевъ заставлялъ работать эту страшную работу.

Вся Москва была залита кровью и устлана трупами; но главныя казни происходили на Дѣвичьемъ полѣ, ввиду Царевны Софіи, даже подъ самыми ея окнами; въ Москвѣ сохранилась и до сего времени поговорка: «что зубецъ (на стѣнахъ монастыря) то Стрѣлецъ».

Съ наступленіемъ глубокой осени страшныя эти зрѣлища прекратились, — или, правильнѣе пріостановились, потому что розыскъ еще продолжался: нѣсколько человѣкъ, изъ числа «пущихъ заводчиковъ», было пощажено для того, чтобъ вывѣдать черезъ нихъ о дальнѣйшихъ подробностяхъ заговора; оговорены были новыя лица и въ началѣ 1699 года произведены новыя казни. Но и это былъ еще не конецъ: и послѣ этой новой казни было оставлено нѣсколько десятковъ «пущихъ заводчиковъ», потому что отъ нихъ надѣялись добиться новыхъ открытій, и въ третій разъ послѣдовали новыя казни: всего, по поводу возмущенія стрѣльцовъ на Литовской границѣ, истреблено... страшно вымолвить... 1150 человѣкъ, не считая тѣхъ, по большей части несовершеннолѣтнихъ, которые были биты кнутомъ или сосланы въ Сибирь, на каторгу.

Петръ думалъ истребить зло съ корнемъ, уничтожить всякую тѣнь сопротивленія: утвердительно можно сказать, что онъ не достигъ своей цѣли; тупое упрямство смѣшалось въ народѣ съ глубокою ненавистью; Заонежскіе, Керженскіе лѣса, всѣ пріюты раскольниковъ стали населяться новыми бѣглецами, и мы увидимъ, что во все долгое царствованіе Петра безпрестанно вспыхивали, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, возмущенія, которыя опять были потушаемы кровію!

Петръ долженъ былъ убѣдиться изъ всѣхъ этихъ розъисковъ, что главными его врагами были стрѣльцы, раскольники и отчасти низшее духовенство; но онъ догадывался, и не ошибался, что враги были у него и въ высшихъ слояхъ общества. Двѣ его сестры были явно замѣшаны въ это дѣло, хотя впрочемъ слишкомъ положительныхъ уликъ противъ нихъ и не открылось; по его приказанію онѣ были пострижены: Софія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Сусанны, Марѳа — въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы, подъ именемъ Маргариты. Прочія его сестры, кромѣ одной только, Наталіи, подчинены строгому присмотру. Мало этого: онъ рѣшился удалить и супругу свою. Царица Евдокія Ѳедоровна была сослана въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ вскорѣ и пострижена подъ именемъ Елены.

Какая была причина этого разрыва Царя съ его супругою? Это осталось тайною и до сихъ поръ. Въ стрѣлецкомъ мятежѣ она не принимала ни малѣйшаго участія, и вообще никакихъ причинъ, оправдывающихъ Петра, неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ никогда

не любилъ ее; это были двѣ натуры, не созданныя одна для другой. Петръ могъ сносить постоянное противорѣчіе своимъ вкусамъ и наклонностямъ отъ матери, которой былъ много обязанъ, но со стороны жены это его раздражало. При томъ, не только сама Царица, но и вся родня ея угрюмо глядѣла на новые обычаи и порядки, вводимые Царемъ: отецъ и братъ ея были замѣшаны въ дѣло Цыклера и Соковнина, другой ихъ родственникъ и однофамилецъ около этого же времени тоже въ чемъ-то попался. Все это давало Царю поводъ думать, что и Евдокія Ѳедоровна, раздѣляя мысли своей родни, втайнѣ ему недоброжелательствуетъ. Изъ–за границы онъ писалъ къ своимъ ближайшимъ друзьямъ, Льву Нарышкину и Стрѣшневу, чтобъ они уговорили Царицу удалиться въ монастырь; по возвращеніи его онъ отнялъ у нея сына, Царевича Алексѣя, и отдалъ его единственно любимой имъ сестрѣ, Наталіи Кириловнѣ, и наконецъ во время розъиска надъ стрѣльцами, какъ сказано, отправилъ ее въ монастырь... Вотъ все, что можно сказать не въ оправданіе, а въ объясненіе поступка Петра съ Царицею... Вообще это время есть время темное для памяти Петра!...

XIII.

Путешествіе Царя возбудило въ немъ желаніе подражать западнымъ обычаямъ. — Бритье бородъ, короткіе кафтаны, орденскіе знаки. — Лефортъ. — Головинъ. — Необходимость вступить въ переговоры съ Турками — Посольство Украинцова. — Замыслы противъ Швеціи. — Переговоры Царя о томъ съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и королемъ Польскимъ. — Паткуль. — Союзъ Даніи, Польши (Саксоніи) и Россіи. — Миръ съ Турціей. — Скрытныя дѣйствія союзниковъ. — Истинныя причины войны Петра противъ Швеціи.

Ничто не можетъ такъ расширить понятій человѣка, какъ путешествіе: видя, какъ въ другихъ странахъ живутъ люди, какъ они смотрятъ на вещи, какими законами они управляются, какими отличаются они хорошими и дурными качествами, мы яснѣе можемъ видѣть свои собственные недостатки и преимущества. Но для этого надо быть самому просвѣщеннымъ человѣкомъ: безъ этого мы можемъ весьма легко впасть въ одну изъ слѣдующихъ двухъ ошибокъ, — или находить все, что намъ чуждо, смѣшнымъ и никуда не годнымъ, или, напротивъ, удивляться всему чужому, и впасть въ подражаніе. Перваго рода ошибкѣ подвергались всѣ Русскіе, бывавшіе за границею до Петра, послѣдней — онъ самъ не вполнѣ избѣгнулъ.

Мы видѣли, что еще и до поѣздки за границу Петръ писалъ къ своимъ друзьямъ и помощникамъ: min Her, Her Gubernor и т. п., — что, конечно, нѣсколько странно; будучи за границею, онъ еще болѣе привыкъ къ чужимъ обычаямъ и часто безъ разбора жертвовалъ имъ старинными, русскими; а какъ всякое противорѣчіе или даже не скорое исполненіе его воли его раздражало, то такія невинныя вещи, какъ покрой платья, напримѣръ, сдѣлались для многихъ причиною большихъ непріятностей, привязанность же ко всему, что перешло къ намъ отъ предковъ, было, какъ мы знаемъ, предметомъ глубокаго уваженія между Русскими. Еще за границею, именно въ Вѣнѣ, бояринъ Головинъ рѣшился сбрить бороду и надѣть завитой парикъ и нарядиться во французскій кафтанъ. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, старые бояре, что называется, руки опустили; духовенство ужаснулось, потому что борода считалась почти священною принадлежностью мужчины. Петръ самъ въ Голландіи постоянно ходилъ въ одеждѣ тамошнихъ простолюдиновъ, а при пріемѣ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ являлся въ мундирѣ иностраннаго покроя. Такого же покроя мундиры были имъ даны гвардейскимъ полкамъ; и вскорѣ онъ началъ уничтожать старинную одежду на всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Когда, по прибытіи его въ Москву, къ нему стали пріѣзжать на поклонъ знатнѣйшіе сановники, онъ быстро отхватывалъ имъ бороды ножницами и хохоталъ ихъ смущенію. Такъ остригъ онъ старика Шеина, кесаря Ромодановскаго и другихъ. Кому не успѣвалъ

онъ отрѣзать бороды самъ, надъ тѣмъ совершалъ эту операцію придворный шутъ, — и присутствующіе хохотали сквозь слезы.

Подобнымъ образомъ и длинныя широкія одежды нашихъ праотцевъ стали мало по малу обращаться въ круглые камзолы, въ кафтаны съ короткими фалдами, а головы ихъ покрылись огромными париками, подъ многочисленными завитками и буклями которыхъ совершенно изчезало, напримѣръ, маленькое сморщенное лицо будущаго канцлера Головкина.

Съ тѣмъ вмѣстѣ вводились и другія иностранныя обыкновенія, — каковы напримѣръ орденскія ленты. Петръ, по примѣру другихъ Государствъ, учредилъ орденъ (св. Андрея), которымъ онъ награждалъ своихъ приближенныхъ за службу. Во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ относительно образа жизни, одежды и т. п., первымъ помощникомъ Царя былъ Лефортъ. Почти всѣ иностранные и нѣкоторые русскіе писатели увѣряли, что этотъ женевецъ былъ какъ будто наставникомъ Петра во всемъ, что касалось европейскихъ понятій, что онъ внушалъ ему желаніе образоваться, узнать бытъ западныхъ народовъ. Все это несправедливо, и мы видѣли, что Царь еще въ ранней молодости, прежде чѣмъ познакомился съ Лефортомъ, почувствовалъ необходимость узнать все то, чего никто не зналъ въ тогдашней Россіи. Лефортъ и самъ при томъ не былъ охотникъ до серьезныхъ занятій; но онъ былъ мастеръ устроить пирушку, оживить ее веселою бесѣдою; никто не носилъ съ такою ловкостію парика, мундира и шпаги, никто не танцовалъ такъ развязно, не было,

словомъ, при Русскомъ дворѣ такого *представительнаго* человѣка какъ Лефортъ, который былъ образцомъ западной щеголеватости посреди московскихъ вельможъ. Къ тому же онъ былъ искренно преданъ Петру и вотъ почему Петръ любилъ его и дорожилъ имъ. Онъ умеръ въ началѣ 1699 года и былъ горько оплаканъ Государемъ; узнавъ о его смерти въ Воронежѣ, онъ бросилъ свои любимыя работы на верфи и прискакалъ въ Москву, чтобъ проводить его тѣло на кладбище, какъ самаго близкаго и дорогого, если не самаго полезнаго ему человѣка. Что сасается до важныхъ государственныхъ занятій, то въ это время онъ, какъ кажется, считалъ лучшимъ своимъ сотрудникомъ Ѳ. А. Головина, который занимался и дипломатическими дѣлами, и получилъ званіе генералъ-адмирала, и первый сдѣланъ былъ андреевскимъ кавалеромъ.

Союзники наши въ войнѣ противъ Турокъ—Поляки и Австрійцы, были утомлены и думали только о томъ, чтобъ раньше другихъ заключить съ Турками миръ, въ той надеждѣ, что первому, кто согласится отойти отъ союза, Турція сдѣлаетъ большія уступки. Не такъ было говорено при заключеніи союза 1686 года, но союзы рѣдко бываютъ прочные и то одинъ, то другой изъ его членовъ готовы измѣнить общему дѣлу. Петръ началъ опасаться быть остановленнымъ своими союзниками и очутиться одинокимъ передъ соединенными силами Турокъ и Татаръ. Досадно ему было, но принужденъ былъ и онъ начать переговоры съ Царьградомъ. Онъ поручилъ это старому сотруднику Голицына въ договорѣ 1686 года,—Украинцову, котораго,

вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, отправилъ въ Константинополь; а какъ заключить выгодный миръ можетъ только тотъ, кто готовъ продолжать войну, то Царь приказалъ своему послу отправиться на русскомъ военномъ кораблѣ — на первомъ русскомъ кораблѣ, когда либо плававшемъ въ Черномъ морѣ, и всему остальному флоту велѣлъ его проводить до Керчи, чтобъ тамошніе турецкіе начальники могли удостовѣриться, что Россія готова не только къ сухопутной, но и къ морской войнѣ.

Пріобрѣсть берегъ Чернаго моря нельзя было и думать, но Азовъ велѣно было Украинцову требовать непремѣнно, а также и хлопотать объ уступкѣ намъ Керчи, которая запираетъ выходъ изъ Азовскаго моря въ Черное, хотя, правду сказать, трудно было надѣяться, чтобъ Турки на это согласились, потому что они очень хорошо видѣли, что союзники Россіи не намѣрены ее поддерживать.

Такимъ образомъ блестящіе виды и Петра, а еще раньше его, Царевны Софіи, — стать твердою ногою на Черномъ морѣ, обращались въ мечту, къ химеру!... Но за то, въ тоже самое время, начали открываться для насъ вѣроятности добыть себѣ другое и, повидимому, болѣе выгодное море, нежели Черное, — а именно Балтійское или, какъ мы его называли встарину, Варяжское.

Было время, когда Россія касалась и этого моря: нынѣшній Дерптъ (Юрьевъ) построенъ Ярославомъ, Ливы (*) платили нѣкогда намъ дань; впослѣдствіи,

---

(*) Коренные жители Ливоніи или Лифляндіи.

во время споровъ Рюриковичей за удѣлы, земли эти были завоеваны Нѣмецкими рыцарями, — но насъ постоянно какъ будто тянуло къ Балтійскому морю: Іоаннъ IV велъ долгую, тяжелую войну, желая пріобрѣсть Ливонію, Алексѣй точно также; но оба эти Государя не имѣли успѣха, потому что тогда еще сильная Польша отстаивала противъ насъ эти страны, бывшія подъ ея властію.

Вотъ въ какомъ видѣ во время Петра находились страны, составляющія балтійское прибрежье. Курляндія составляла часть Польскаго государства, Лифляндія и Эстляндія — Шведскаго. Кромѣ того, во время самозванцевъ, Швеція отхватила отъ старинной Новгородской области все прибрежье Финскаго залива, отъ устья Наровы до истока Невы изъ Ладожскаго озера. Слѣдовательно, чтобъ войти въ обладаніе этими старинными нашими областями, Россіи надо было вступить въ борьбу съ Швеціей.

Это было дѣло трудное. Съ самаго начала XVII вѣка Швеція считалась и была въ самомъ дѣлѣ государствомъ сильнымъ; ея владѣнія обнимали Балтійское море со всѣхъ сторонъ; ей принадлежали: Финляндія, земли, отторгнутыя отъ Россіи, Эстляндія, Лифляндія и Померанія, а войско Шведское было въ это время едвали не самое лучшее въ Европѣ, силу котораго испытала и Россія, и Польша, и Германскій Императоръ. Съ такимъ соперникомъ, какъ Шведскій король, опасно было бороться Русскому Царю при тѣхъ силахъ, какія были въ тогдашней Россіи.

Но сдѣланныя Швеціею завоеванія непріязненно

расположили къ ней ея сосѣдей: на нее косо смотрѣлъ король Датскій, который боялся, чтобъ она не поглотила однимъ прекраснымъ утромъ и его владѣній; Бранденбургскіе курфирсты, — предки нынѣшнихъ королей Прусскихъ, сильно желали бы поживиться на счетъ Помераніи, которая была рядомъ съ ихъ владѣніями, Польша не могла забыть, что эта же самая Померанія и Лифляндія у нея отвоеваны Швеціей. Точно также и Россія: ей прискорбно было видѣть свои старинныя области — Копорье, Ижорскую землю, Иванъ-городъ и наконецъ старинный Юрьевъ въ рукахъ чужеземцевъ (*). Во время путешествія Петра, тогдашній Бранденбургскій курфирстъ, Фридрихъ III, приглашалъ его заключить союзъ противъ Швеціи. Но какъ въ то время еще не были потеряны надежды на завоеваніе Чернаго моря, то Царь не далъ ему положительнаго отвѣта. При возвращеніи своемъ въ Москву, онъ съѣхался въ небольшомъ городкѣ Галиціи съ королемъ Польскимъ (и въ тоже время курфирстомъ Саксонскимъ) Августомъ. Государь этотъ извѣстенъ болѣе всего какъ силачъ и любитель всякаго рода удовольствій: за нимъ осталось прозваніе le fort и вся его жизнь была непрерывнымъ рядомъ праздниковъ. Петръ тоже любилъ шумныя удовольствія между дѣломъ и обладалъ исполинскою силою. Они понравились другъ другу, весело пировали, показывали одинъ другому примѣры

(*) Ижорская земля — прибрежье Невы, Копорье — окрестность селенія этого имени, существующаго и нынѣ, Иванъ-городъ — старинная Нарва.

необыкновенной своей силы, а между тѣмъ говорили и о дѣлахъ своихъ. Августъ открылся Царю, что онъ желалъ бы возвратить Польшѣ Ливонію и приглашалъ его помочь ему въ войнѣ, которую онъ съ этою цѣлію намѣревался начать противъ Швеціи. Царь не далъ и здѣсь положительнаго обѣщанія, но запомнилъ предложеніе Августа.

Между тѣмъ при дворѣ этого послѣдняго появился человѣкъ, который самымъ сильнымъ образомъ раздражилъ въ немъ желаніе пріобрѣсть Лифляндію; — это былъ Лифляндскій дворянинъ Рейнгольдъ Паткуль. Надо знать, что дворянство Лифляндское было недовольно Шведскимъ правительствомъ, которое отнимало у него не только право утѣснять своихъ крестьянъ, но и законнымъ образомъ пріобрѣтенныя имущества. Лифляндское дворянство дѣлало представленія, жаловалась, громко выражало свое неудовольствіе. Громче всѣхъ говорилъ Паткуль и за то болѣе всѣхъ Шведское правительство начало его преслѣдовать. Видя, что ему не безопасно долѣе оставаться въ Шведскихъ владѣніяхъ, онъ покинулъ отечество, долго странствовалъ по Европѣ, отъискивая вездѣ хоть искорку вражды противъ Швеціи, въ надеждѣ ее раздуть, и наконецъ явился къ Августу, котораго онъ нашелъ совершенно расположеннымъ принять его совѣты.

Онъ доказывалъ королю, что овладѣть Лифляндіею не трудно; что тамъ мало Шведскихъ войскъ, что Рига слабо укрѣплена и что все дворянство Лифляндское готово поддаться Польшѣ, такъ какъ всѣ знали, что тамошнее шляхетство пользуется такими правами и та-

кою свободою, какихъ не было тогда ни въ одномъ государствѣ.

Все это очень улыбалось Августу; но для вѣрнѣйшаго успѣха ему были нужны союзники. Онъ обратился къ Датскому королю, который охотно приступилъ къ союзу: оставалось склонить Петра. Съ этою цѣлію было отправлено въ 1699 г. въ Москву одно довѣренное лицо, а съ нимъ и самъ Паткуль, переодѣтый и подъ вымышленнымъ именемъ, чтобъ не возбудить подозрѣніе Шведскаго резидента въ Москвѣ. Августъ вызывался начать войну, для чего уже были незамѣтно приведены въ Литву и Курляндію Саксонскія войска, которыя должны были врасплохъ овладѣть Ригою, когда Двина (на которой стоитъ этотъ городъ) покроется льдомъ. Петру предлагалось въ тоже время вторгнуться въ Ижорскую землю, съ тѣмъ, чтобъ она впослѣдствіи, при заключеніи мира съ Швеціей, оставалась на вѣки за Россіей, а Лифляндія и Эстляндія — за Польшей. Петръ былъ очень доволенъ этому предложенію, но онъ не могъ начать войны съ Швеціей, не заключивши мира съ Турціей. По этому онъ приказалъ Украинцову, находившемуся еще въ Константинополѣ, сдѣлать Турціи нѣкоторыя уступки, — а именно, не требовать Керчи, споръ о которой главнѣйше затруднялъ переговоры. Какъ скоро мы отъ нея отказались, Турція тоже начала уступать, и наконецъ лѣтомъ 1700 года состоялся договоръ, по которому Азовъ былъ оставленъ за нами и кромѣ того Турція обязалась срыть укрѣпленьица свои, запиравшія выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

Лишь только заключеніе мира съ Турціей сдѣлалось извѣстнымъ, — открылась возможность начать войну съ Швеціей, и Петръ поспѣшилъ заключить договоръ о дѣятельномъ своемъ участіи въ войнѣ противъ Карла XII. Такимъ образомъ противъ Швеціи составлялось нѣчто въ родѣ заговора: безъ всякаго съ ея стороны повода замышлялось нападеніе на ея предѣлы, земли ей принадлежавшія раздѣлялись въ умахъ побѣдителей, — и все это въ то время, когда увѣряли молодого короля въ дружбѣ и ласкали посланниковъ, которыхъ онъ, по принятому обычаю, разослалъ ко всѣмъ дружественнымъ дворамъ тотчасъ по вступленіи на престолъ (1698). Подобные случаи, къ сожалѣнію, нерѣдки въ исторіи; но, конечно, не оправдывая коварства ни въ какомъ случаѣ, надо замѣтить однакожь, что каждое правительство прежде всего обязано блюсти интересы своихъ подданныхъ; оно не только должно не дѣлать ничего противнаго выгодамъ націи, но не упускать ничего, могущаго служить къ улучшенію ея благоденствія; мы же сами, напримѣръ, строго осуждали бы Петра, еслибъ онъ не воспользовался такими благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія балтійскаго прибрежья, безъ котораго мы не могли войти въ соприкосновеніе съ Европою, ибо Чорное море, еслибъ мы и могли овладѣть его берегами (что, безъ помощи союзниковъ, болѣе нежели сомнительно), было во власти Турокъ: Константинопольскій и Дарданельскій проливы были въ ихъ рукахъ, и пробиться сквозь нихъ до просвѣщенныхъ странъ Европы нельзя было въ то время и мечтать. При томъ, прибрежье Невы и отчасти

Финскаго залива, какъ сказано, было изстари русскою землею; тамъ, со времени Столбовскаго мира, отрѣзавшаго ихъ отъ остальной Россіи, жило много Русскихъ, были цѣлыя деревни и села Русскія. Такимъ образомъ завоеваніе, задуманное Петромъ, было нѣкотораго рода отплатою за завоеваніе, сдѣланное Швеціею во время самозванцевъ и Михаила: одна несправедливость вызываетъ другую, если и не оправдываетъ ее. Все это очень подробно объяснено въ брошюрѣ, написанной въ это время секретаремъ иноземнаго приказа, Шафировымъ, — человѣкомъ, о которомъ намъ еще не разъ придется говорить.

XIII.

Объявленіе мира съ Турціей и войны съ Швеціею (1700).— Новые налоги. —Недостатки прежней военной силы въ Россіи.— Регулярное войско; его преимущества и неудобства. — Нападеніе Саксонцевъ и Датчанъ на Шведскія владѣнія. — Открытіе военныхъ дѣйствій Россіею. — Осада Нарвы. — Датскій Король принужденъ заключить миръ. — Высадка Шведовъ въ Лифляндіи и походъ къ Нарвѣ. — Нарвская битва.

18 Августа 1700 года Москва торжествовала фейерверками и стрѣльбою изъ пушекъ заключеніе мира съ Турками, а 19 было объявлено о началѣ войны съ Швеціей.

Приготовленія къ этой войнѣ впрочемъ начались гораздо ранѣе, почти съ самаго возвращенія Царя изъ-за границы. «Для войны нужны три вещи, го-

ворилъ извѣстный Прусскій Король, Фридрихъ II: во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ деньги.» Дѣйствительно, деньги составляютъ одно изъ главныхъ и необходимыхъ условій для веденія войны, а казна наша была очень не богата. Чтобъ усилить ея средства, были придуманы нѣкоторые новые налоги, какъ напримѣръ, плата за право носить бороду; была установлена гербовая бумага, на которой приказано было вести дѣла въ судахъ, и за листъ которой надо было платить не менѣе трехъ алтынъ (9 коп.), тогда какъ онъ стоилъ казнѣ менѣе полушки (*).

Эти налоги дали Петру довольно большую прибавку къ другимъ стариннымъ доходамъ, — подушной платѣ, пошлинѣ съ продажи и купли, съ заставъ, при проѣздѣ мимо которыхъ взимались деньги и др.,— и дали ему средства дѣлать приготовленія къ войнѣ: выписывать изъ-за границы оружіе, одежду для войскъ, платить имъ жалованье и т. п.

Азовскіе походы доказали, что старинные наши стрѣльцы были на войнѣ гораздо менѣе полезны, нежели полки регулярные, хорошо обученные, исправно вооруженные; при томъ возмущенія стрѣлецкаго войска поселяло въ Царѣ недовѣренность къ нему; еще съ 1698 года, со времени послѣдняго бунта стрѣлецкаго, охраненіе Москвы было ввѣрено гвардейскимъ и нѣсколькимъ солдатскимъ полкамъ; а потому, готовясь къ войнѣ съ лучшими солдатами въ

(*) Въ настоящее время гербовая пошлина приноситъ казнѣ свыше 4 мил. рублей ежегодно.

Европѣ, Петръ рѣшился совершенно преобразовать свое войско, и устроить его по примѣру войскъ, какія онъ видалъ въ другихъ государствахъ.

Въ прежнія времена у насъ были, какъ уже извѣстно намъ, войска постоянныя (стрѣльцы, драгуны и пр.) и земская рать; послѣднюю собирали только при открытіи похода; первыя, хотя и несли службу въ мирное время, то есть занимали караулы по городамъ и были передвигаемы съ одной границы на другую, но кормиться они были должны съ земель, которыя имъ отводились, и потому собственно военныя занятія были для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Такое войско очень не дорого стоитъ, особенно въ Государствѣ подобномъ Россіи, гдѣ земель изобиліе; но за то оно, войско это, не можетъ идти въ сравненіе съ настоящимъ регулярнымъ войскомъ, — котораго единственное назначеніе — заниматься военнымъ образованіемъ.

Петръ готовился начать упорную войну, и потому такого рода войско было ему необходимо; онъ потребовалъ, чтобъ каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія представилъ извѣстное число рекрутъ, сообразно съ величиною этого имѣнія, а мелкіе помѣщики должны были сами становиться въ солдаты.

Такимъ образомъ къ началу 1700 года было собрано до 40 тысячь человѣкъ; ихъ немедленно одѣли въ мундиры, вооружили, росписали по полкамъ, командирами которыхъ были назначены по большей части иностранные офицеры, — и начали обучать стрѣльбѣ, маршировкѣ и разнымъ военнымъ эволю-

ціямъ. Съ помощію неусыпныхъ трудовъ и чрезвычайной строгости, этой массѣ людей былъ сообщенъ нѣкоторый порядокъ и нѣкоторое умѣніе владѣть оружіемъ: оставалось испробовать его на самомъ дѣлѣ.

Союзникъ нашъ, Король Польскій, давно уже торопилъ насъ начать военныя дѣйствія, потому что онъ самъ уже открылъ ихъ. Въ началѣ февраля 1700 года его любимецъ, Флемингъ, съ Саксонскими войсками неожиданно кинулся на укрѣпленія Риги, но овладѣть ими не могъ. Почти въ тоже время и Король Датскій вторгнулся въ область Герцога Голтинскаго и занялъ ее почти безъ сопротивленія.

Мы были долго удерживаемы переговорами съ Турціей; но черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія о мирѣ съ нею, войска наши уже переступали Шведскую границу, направляясь къ Нарвѣ. 30 сентября мы обложили эту крѣпостцу и открыли осадныя работы. Русскаго войска было 45 тысячь; командовали имъ Генералы: Князь Яковъ Долгоруковъ, Головинъ, бывшій уже подъ Азовомъ, Князь Репнинъ, Князь Трубецкой, Шереметевъ, Бутурлинъ и иностранцы Галлартъ и Вейде, да еще Герцогъ де-Кроа, не задолго передъ тѣмъ поступившій въ русскую службу; главнымъ же начальникомъ съ званіемъ Фельдмаршала былъ Ѳ. А. Головинъ, одинъ изъ членовъ Великаго Посольства, управлявшій въ тоже время и Посольскимъ Приказомъ.

Вся эта гроза неожиданно обрушилась на Швецію, которую сосѣди ея со всѣхъ сторонъ увѣряли въ дружбѣ; отъ русскаго двора былъ тамъ даже послан-

никъ (Князь Хилковъ), вслѣдъ за которымъ обѣщано было особое торжественное посольство. Королемъ Швеціи былъ въ это время Карлъ XII, за два года передъ тѣмъ вступившій на престолъ. Это былъ юноша правдивый, но самонадѣянный, самовластный и упрямый до чрезвычайности. Будучи весьма мало образованъ, онъ любилъ только охоту и уважалъ только качества солдата, — храбрость, силу, способность переносить труды, — и за то не было охотника отважнѣе его, также какъ не было солдата храбрѣе его и болѣе терпѣливо переносящаго труды и лишенія. Эти качества высоко поставили Карла XII во мнѣніи его современниковъ; но теперь вообще думаютъ, что для Государя недостаточно качества хорошаго солдата, и даже генерала.

Смѣлый и рѣшительный, Король Шведскій ни минуты не колебался принять вызовъ; онъ немедленно написалъ нѣсколько распоряженій къ своимъ генераламъ, находившимся въ Лифляндіи, а самъ съ немногочисленнымъ, но храбрымъ войскомъ, переправился черезъ Зундъ, явился передъ Копенгагеномъ и въ нѣсколько дней принудилъ Датскаго Короля, неожидавшаго нападенія на свою землю, заключить миръ и отказаться отъ помощи Польшѣ и Россіи.

Это было въ августѣ; Карлъ готовился ударить на Польшу, когда получено было извѣстіе о приближеніи Русскихъ къ Нарвѣ. Тогда онъ приказалъ заключить въ тюрьму Князя Хилкова и, сѣвъ съ частію войскъ на корабли, поплылъ къ Лифляндскимъ берегамъ. Тамъ онъ узналъ что война со стороны Сак-

сойцевъ ведется вяло и безъ успѣховъ, но что Нарва стѣснена Русскими; не колеблясь онъ кинулся къ наиболѣе угрожаемому пункту.

Царь, съ своей стороны, узнавъ о высадкѣ Шведовъ въ Лифляндіи, послалъ туда Шереметева съ легкимъ отрядомъ, чтобъ наблюдать за ихъ движеніями. Былъ уже ноябрь; дороги были почти не проходимы, но неутомимые Шведы быстро слѣдовали къ Нарвѣ; Шереметевъ, имѣя немного войска, и притомъ только конницы, не вступалъ съ нимъ въ бой, а портилъ дороги, взрывалъ мосты и истреблялъ фуражъ и всякаго рода продовольствіе, чтобъ затруднить движеніе непріятелей, и между тѣмъ отступалъ къ Нарвѣ; въ половинѣ ноября Карлъ уже былъ отъ нея въ нѣсколькихъ переходахъ.

Русскіе должны были ожидать жаркаго боя, но между тѣмъ они не принимали къ тому ни какихъ мѣръ. Они занимали огромный полукругъ около Нарвы съ той стороны, откуда Шведы приближались.

Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно осаждающее войско оставляетъ осаду, идетъ (если довольно сильно) на встрѣчу приближающемуся непріятелю, и старается встрѣтиться съ нимъ въ выгодной для себя позиціи, то есть, занявши высоты, на которые непріятелю трудно взобраться, или прислониться своими оконечностями (крылами) къ болоту, лѣсу или вообще къ такой мѣстности, которая закрываетъ отъ выстрѣловъ и аттаки. Но Русскіе этого не думали дѣлать и продолжали оставаться, растянувшись на ог-

ромномъ пространствѣ, на которомъ одинъ полкъ не могъ подать другому помощи.

Къ тому же Царь совершенно неожиданно объявилъ, что онъ ѣдетъ съ тѣмъ чтобъ поторопить прибытіемъ новыхъ войскъ и чтобъ видѣться съ Польскимъ Королемъ, который назначилъ ему свиданіе. Это намѣреніе его совершенно не понятно: какъ оставить армію почти наканунѣ боя, и при томъ армію неопытную, которую только его присутствіе могло воодушевить и его власть удержать въ нѣкоторомъ порядкѣ?.. Но воля его была неизмѣнна. 17 ноября онъ собралъ главныхъ начальниковъ, объявилъ имъ о своемъ отъѣздѣ, поручилъ главное начальство Герцогу де-Кроа, а на другой день отправился.

Этотъ де-Кроа былъ, какъ сказано, иноземецъ, только что прибывшій въ Россію; никто не зналъ его и онъ не зналъ ни кого, не зналъ кому что можно поручить, кто что въ состояніи сдѣлать, кто пылокъ, кто лѣнивъ, кто смѣлъ, кто малодушенъ, на какой полкъ можно понадѣяться, на который нельзя. На него также смотрѣли съ недовѣрчивостью уже потому одному, что онъ иностранецъ, а иностранные начальники, кромѣ врожденной непріязни къ нимъ нашихъ предковъ, были ненавистны и потому еще, что они жестоко и презрительно обращались съ солдатами.

По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя было ожидать успѣха. 19 числа повалилъ сильный снѣгъ, — и вдругъ передовые разъѣзды даютъ знать, что Шведы идутъ прямо на лагерь нашъ. Поднялась тревога, и

войско едва успѣло стать въ ружье, какъ уже показались Шведскіе баталіоны. Загремѣли орудія наши; но наводимые второпяхъ, они сдѣлали мало вреда непріятелю, который кинулся на самый центръ нашей линіи, въ одну минуту овладѣлъ окопами и наши же пушки направилъ противъ тѣхъ частей нашей арміи, которая еще держалась. Шведы ударили на нее въ штыки, и тогда началось всеобщее бѣгство и смятеніе. Солдаты, повозки, артиллерія, — все кинулось къ единственному мосту, который былъ наведенъ чрезъ Нарову; въ толкотнѣ одни давили другихъ; нѣкоторые офицеры старались удержать своихъ солдатъ: ихъ убивали. Плохо устроенный мостъ не выдержалъ кинувшейся на него толпы и обрушился, а Шведы сзади осыпали картечью, кололи и рубили.

Пораженіе было ужасное, и при томъ постыдное. Насъ было подъ Нарвою до 45 тысячъ человѣкъ и при томъ за укрѣпленіями, а Шведовъ едва ли больше 12 тысячъ.

XIV.

Затруднительное положеніе Россіи послѣ Нарвскаго пораженія.—Новые поборы и новые налоги.—Сборы съ монастырей.—Возобновленіе войны.—Первые успѣхи Шереметева. — Взятіе Нотебурга (1702) и Ніеншанца (1703).—Какія выгоды представляла Нева для нашей торговли?—Мысль о соединеніи Балтійскаго моря съ Каспійскимъ и этаго послѣдняго съ Чернымъ. Важность водныхъ путей въ отношеніи развитія внутренней торговли. Старанія Царя объ оживленіи промышленности.—Его необыкновенная дѣятельность. — Петербургъ и Кронштадтъ.—«Домикъ Петра Великаго.» — Петербургъ дѣлается резиденціею Царской Фамиліи. — Меньшиковъ. — Екатерина. (*)

Еслибъ, послѣ своей побѣды подъ Нарвою, Шведскій Король быстро двинулся къ Москвѣ — Богъ знаетъ каковые были бы для Россіи послѣдствія. — Армія наша была почти уничтожена, народъ былъ недоволенъ начавшимися преоброзованіями и увеличившимися налогами, и нельзя знать, возсталъ ли бы онъ въ настоящемъ случаѣ такъ единодушно, какъ нѣкогда возставалъ противъ Поляковъ (1612), а въ послѣдствіи противъ Французовъ (1812).

По счастію Карлъ оставилъ насъ въ покоѣ; поручивши нѣсколькимъ генераламъ своимъ защищать Лифляндію и Ингерманландію (Ижерскую землю, т. е. берега Невы и Финскаго залива), самъ онъ обратился противъ Саксонскихъ войскъ, разбилъ ихъ, вступилъ въ Курляндію, принадлежавшую тогда Польшѣ, и, преслѣдуя войска Августа, углубился наконецъ въ Германію.

Избавившись такъ неожиданно и такъ счастливо отъ страшнаго врага, Петръ со всею энергіей, къ которой былъ способенъ, началъ сбирать новыя силы для продолженія войны, и надо признаться, въ эти тяжелыя, очень тяжелыя для него минуты, онъ обнаруживаетъ удивительную твердость, необыкновенную дѣятельность. Онъ носится по Россіи изъ конца въ конецъ: изъ Москвы въ Воронежъ и Азовъ, оттуда въ Архангельскъ, изъ Архангельска на Литовскую границу: тамъ онъ видится съ Августомъ и возобновляетъ съ нимъ союзъ; въ Архангельскѣ осматриваетъ постройку кораблей, тоже дѣлаетъ въ Воронежѣ, торопитъ работы укрѣпленій при устьяхъ Дона, чтобъ, въ случаѣ разрыва съ Турціей, быть въ состояніи дать ей отпоръ. Вездѣ его присутствіе все приводитъ въ движеніе, всему даетъ жизнь. Онъ беретъ самъ молотъ, или топоръ, и примѣромъ своимъ поощряетъ работниковъ; ободряетъ бояръ, которые было поникли духомъ послѣ Нарвскаго сраженія: «Надъ нашими войсками Шведы викторію учинили, говоритъ онъ, что есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили.» Это войско было

еще плохо обучено; нетолько солдаты, но и офицеры были новобранцы, невидавшіе огня, не нюхавшіе пороху; за распутицею въ провіантѣ былъ недостатокъ — «и единымъ словомъ сказать, казалось все то дѣло яко младенческое играніе было, а искуство ниже вида!» Поправимся, заключалъ онъ съ увѣренностію: «Мой братъ Карлъ, считаетъ себя Александромъ Македонскимъ, но во мнѣ найдетъ онъ не Дарія.»

Для того же, чтобы дать крѣпкій отпоръ новому Александру, необходимы были, кромѣ неутомимой дѣятельности Царя, и тяжелыя жертвы со стороны народа. Прежде всего нужны были люди и деньги. Потребованы были служилые люди и изъ имѣній дворянскихъ, монастырскихъ, дворцовыхъ даточные (*), причемъ за всякое уклоненіе, даже за промедленіе положены жестокія наказанія. Что касается до денегъ, то чтобы добыть ихъ, постановлены были строгія наказанія за недоимки; придумывались новые источники доходовъ, то есть новые налоги.

Все это были мѣры тяжелыя для народа, но необходимыя въ настоящую минуту, и притомъ, не мѣшаетъ замѣтить, не тотъ народъ богатъ и доволенъ, который мало платитъ, но тотъ который имѣетъ возможность много платить, для общаго всѣмъ и полезнаго всѣмъ дѣла. Нигдѣ въ казну не платилось такъ мало какъ въ тогдашней Россіи; да даже и въ теперешней Россіи казна получаетъ едва не вдвое менѣе

(*) Тоже что рекруты.

нежели во Франціи, хотя насъ почти вдвое болѣе чѣмъ Французовъ, а между тѣмъ и эти небольшія подати тяжелы: почему? Потому что въ народѣ мало богатства, мало промышленности, торговли: хозяйничаемъ мы не довольно хорошо!...

Но всѣ эти мѣры не могли доставить вдругъ большихъ суммъ, а деньги нужны были сей часъ, сію минуту, чтобъ покупать пушки, одѣвать войско, кормить его. Петръ считалъ это надобностью всего государства, дѣломъ каждаго русскаго человѣка, и не усомнился потребовать денегъ изъ такого источника, къ которому никто до него никогда не обращался: онъ сталъ брать деньги у монастырей. Въ теченіи многихъ вѣковъ Цари наши сыпали сокровища всякаго рода въ нѣкоторыя обители, особенно въ Троицко-Сергіевскую, гдѣ находились несмѣтныя богатства; часть этихъ богатствъ пошла теперь на пріобрѣтеніе средствъ для обороны отечества. — Мало этаго, онъ велѣлъ снять часть церковныхъ колоколовъ, чтобъ перелить изъ нихъ пушки.

Всѣ эти, а особенно послѣднія мѣры произвели явный ропотъ; но Петръ не обращалъ на него вниманія, и за то въ какой нибудь годъ времени не только у насъ явилась новая армія, но и начала одерживать успѣхи надъ Шведами. Шереметевъ, оставленный въ Лифляндіи, держался сначала осторожно, стараясь только пріучить свои войска къ порядку, быстротѣ и перенесенію трудовъ. Слѣдуя тогдашнему варварскому обычаю, онъ упражнялъ ихъ разореніемъ мирныхъ селъ и деревень; безоружные жители ли-

шались всего своего имущества, домы ихъ были сожигаемы, поля притаптываемы, — все это для того чтобъ придать воинственный духъ нашимъ новобранцамъ и чтобъ отнять у Шведовъ средства продовольствоваться... обычай варварской, но въ тѣ времена всеобщій, и Шереметевъ былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ, честныхъ и почтенныхъ людей того времени.

Практикуясь противъ невооруженныхъ крестьянъ, наши рейтары и драгуны научились не бояться встрѣчи съ Шведскими драбантами, и въ самый новый годъ (1702) они разбили довольно многочисленный непріятельскій отрядъ при деревнѣ Эрестферѣ. — Это было великое торжество для Царя! Онъ сдѣлалъ Шереметева Фельдмаршеломъ и праздновалъ въ Москвѣ одержанную имъ побѣду пальбою, фейерверками, тріумфальными арками и торжественнымъ молебствіемъ. — Въ самомъ дѣлѣ, это было первымъ доказательствомъ того, что намъ Шведы уже не страшны; сбывались слова Петра: «Господа Шведы, говорилъ онъ послѣ Нарвы, побьютъ насъ можетъ быть и еще не разъ; но у нихъ же мы и научимся побѣждать ихъ.»

Справедливость этихъ словъ оказывалась на самомъ дѣлѣ: послѣ эрестферскаго сраженія послѣдовалъ цѣлый рядъ не громкихъ, но постоянныхъ успѣховъ; на сушѣ, на водахъ Чудскаго озера,—вездѣ мы начинали имѣть перевѣсъ. Тогда Царь рѣшился приступить къ исполненію своей завѣтной мысли, къ пріобрѣтенію Финскаго прибрежья и Невы, этого есте-

ственнаго канала между морем и сѣверными нашими озерами.

У самаго выхода рѣки этой изъ Ладожскаго озера, на небольшомъ островкѣ, была еще въ давнія времена построена Русскими крѣпостца Орѣшекъ, взятая Шведами въ началѣ XVII вѣка и съ того времени находившаяся подъ ихъ властію. Она была переименована въ Нотебургъ и обратилась въ одинъ изъ передовыхъ оплотовъ противъ Россіи. Крѣпость эта сама по себѣ незначительна, но доступъ къ ней довольно труденъ, ибо, какъ сказано, она окружена водою, и въ этомъ мѣстѣ теченіе Невы необыкновенно быстро. Глубокою осенью (1702) Шереметевъ, Репнинъ, Голицынъ и друг. подступили къ Нотебургу и облажили его. Прибылъ и Петръ самъ. Началась жестокая канонада, и наконецъ сильный приступъ рѣшилъ дѣло въ нашу пользу.

Это уже былъ дѣйствительно важный военный успѣхъ и еще болѣе важный по тѣмъ надеждамъ, которые онъ обѣщалъ въ будущемъ: отъ Орѣшка до моря, — главной цѣли войны, — всего 60 верстъ и только одно незначительное укрѣпленьице, близъ устья Невы. Надѣясь скоро добраться до этого завѣтнаго устья и вывести наконецъ свои галеры въ море, Царь считалъ очень важнымъ дѣломъ взятіе Орѣшка и назвалъ его *ключемъ-городомъ* (Шлюссельбургомъ), такимъ *ключемъ*, который отопретъ входъ въ море нашимъ внутреннимъ озерамъ: Ладожскому, Онежскому, Бѣлому и другимъ меньшимъ, со впадающими въ нихъ рѣками.

Всю зиму шли дѣятельныя приготовленія для того, чтобы весною начать снова и съ новыми силами

дѣйствовать. И вотъ наступила весна; ледъ прошелъ. все зазеленело; лѣса одѣлись. Топкими берегами Невы, мѣстами тогда почти непроходимыми, потянулись войска, а рѣкою плыли галеры, везя тяжелую артиллерію. Верстахъ въ семи отъ впаденія Невы въ море, тамъ гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ и гдѣ теперь Охта, было построено Шведами укрѣпленьице, названное Ніеншанцъ: оно безъ большаго труда было взято. Это случилось 1 Мая 1703 года. — Съ этого дня Финскій заливъ былъ для насъ открытъ.

Еще прежде нежели открыть аттаку на Ніеншанцъ, Петръ самъ, съ Меньшиковымъ и нѣсколькими сотнями гвардейскихъ солдатъ, пустился мимо крѣпости, внизъ по рѣкѣ, чтобъ взглянуть на любезное ему море и не дать непріятельскимъ кораблямъ, которые находились вблизи, подоспѣть на помощь. Дѣйствительно, Шведская эскадра не замедлила явиться у Невскаго устья, но уже тогда, когда Ніеншанцъ былъ нами взятъ; не зная этаго, два корабля смѣло вошли въ рѣку; но припрятанные у береговъ лодки наши неожиданно отчалили, окружили ихъ и послѣ жаркаго, хотя и непродолжительнаго боя, овладѣли ими.

Велика была радость Царя, сбылось его давнишнее страстное желаніе! Россія добыла выходъ въ море, и при томъ въ море несравненно болѣе благопріятное для торговли, нежели отдаленное Бѣлое море, три четверти года запертое льдами, болѣе выгодное и чѣмъ Азовское, стѣсняемое Турецкими крѣпостями. Рѣка, которая служила путемъ къ этому вновь пріобрѣтенному морю, широка, глубока, такъ что кораб-

ли, какъ это и случилось въ виду всей арміи, могли свободно по ней плавать. Правда, край былъ печаленъ, низменъ, болотистъ, почва безплодна, жилья очень мало — только небольшая деревенька возлѣ Ніеншанца, да ниже, по берегу рѣки, нѣсколько рыбачьихъ хижинъ; но это ничего: люди явятся, жители сбѣгутся со всѣхъ концовъ Россіи, думалъ Петръ, лишь бы положить начало торговлѣ,—а какъ, кажется, не быть ей здѣсь? Финскій Заливъ цѣлою цѣпью озеръ и рѣкъ связывается съ Онежскимъ и Бѣлозерскимъ краемъ; далѣе Волховъ соединяетъ его съ Ильменемъ, въ который впадаютъ три не бездѣльныхъ рѣки: Шелонь, Ловать и Мста, такъ что изъ Сольцы и Порхова, изъ Холма и Великихъ Лукъ изъ Вышняго Волочка и Торжка могутъ направляться къ Невскимъ устьямъ предметы торговли: ленъ, хлѣбъ всякаго рода, сало, деготь, лѣсъ и другіе грубые, но цѣнные русскіе продукты; и это еще не все: отъ Торжка, стоящаго на Мстѣ, не далеко до Твери, стоящей на Волгѣ; между ними есть вѣроятно какія нибудь маленькія рѣчонки, которыя можно углубить, расширить, наконецъ соединить каналами, — и тогда несись и вейся нашъ торговый флотъ отъ Невы до Каспійскаго моря!... Да и это не все. Волга, между Царицынымъ и Дубовкой подходитъ къ Дону всего на 60 верстъ: если здѣсь прорыть каналъ, то Черноморскія, Каспійскія и Балтійскія воды соединятся между собою; Персіянинъ и Трукменецъ пошлютъ свои товары Германцу и Англичанину, а Голландецъ повезетъ свои въ Трапезондъ и Варну; миссіонеры и

торговые агенты Италіи и Франціи, стремящіеся въ Китай, будутъ отправляться Дономъ и Волгою, — словомъ вся торговля, всѣ сношенія Европы съ востокомъ потекутъ черезъ Россію!

Но какую же выгоду, спрашивается, мы пріобрѣли бы, еслибъ Голландцы, Персіяне, Французы и пр. производили между собою торговлю посредствомъ нашихъ рѣкъ, озеръ и морей? Большую выгоду. Торговля на пути своемъ роняетъ золото: это во-первыхъ; но она дѣлаетъ еще гораздо больше: она возбуждаетъ желаніе заработывать золото, вызываетъ дѣятельность. Для судовъ потребны лоцмана, матросы, харчи, парусина, канаты; нужны пристани, сараи для товаровъ; все это надо доставать на мѣстѣ, у мѣстныхъ жителей и платить имъ за это, а мѣстные жители, находя въ такомъ сбытѣ для себя выгоду, дѣлаются и дѣятельнѣе и образованнѣе, — какъ это уже было въ другомъ мѣстѣ пространнѣе объяснено.

Да и это ли одно. Еслибъ удалось возбудить торговое движеніе по Волгѣ и Дону, безъ сомнѣнія оно мало-по-малу захватило бы и мѣста отдаленныя, глухія и дремлющія, разлило бы жизнь до глубины русской земли. Стоитъ только взглянуть на карту Россіи, чтобъ убѣдиться, какое большое развитіе можетъ принять внутренняя торговля наша. Сколько большихъ и судоходныхъ рѣкъ съ своими притоками впадаетъ въ одну Волгу! Возмите изъ нихъ только двѣ: съ одной стороны Каму, съ притоками: Вяткою, Бѣлою и Самарою, которыя могутъ дать торговую жизнь краямъ Вятскому, Пермскому, Уральскому, Уфимскому

(нынѣ Оренбургскому), а съ другой стороны возмите Оку, которая соединяетъ съ Волгою Москву и всѣ центральныя, самыя населенныя губерніи, посредствомъ же Цны и Мокши она имѣетъ связь съ житницею Россіи, этою обширною черноземною полосою, которую въ другомъ направленіи прорѣзываютъ Хоперъ и Медвѣдица, готовыя нести мѣстныя богатства въ Донъ, въ Черное и Средиземное моря. — Картина ослѣпительно прекрасная!.

Надо признаться, что Петръ дѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что отъ него зависѣло. Онъ пріискивалъ средства для соединенія Волги съ Дономъ, и Волги же съ Мстою, подавалъ совѣты о лучшемъ устройствѣ судовъ для плаванья по рѣкамъ и озерамъ, въ дремучихъ лѣсахъ дѣлалъ просѣки и проводилъ дороги; въ Олонецкѣ заложилъ верфь для постройки судовъ; на Онежскомъ озерѣ, въ Петрозаводскѣ, основалъ, или, по крайней мѣрѣ, возобновилъ и значительно расширилъ желѣзное и чугунное производства, поручивъ его дѣльному и честному нѣмцу, Геннигу, такъ что невскія галеры стали оттуда получать пушки и якоря; едва овладѣвъ устьями Невы, заложилъ тамъ верфь, а въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, на рѣкѣ Сестрѣ, на финляндскомъ берегу, устроилъ оружейный заводъ; Тульскій желѣзный заводъ, существовавшій еще во времена Алексѣя Михайловича, но мало приносившій пользы, онъ отдалъ въ управленіе простому оружейнику, Никитѣ Демидову, человѣку смышленному и дѣятельному, при которомъ работы пошли несравненно успѣшнѣе; еще такой же заводъ учредилъ онъ по

вдалекѣ отъ Азова; заводилъ суконныя, полотняныя фабрики, поощрялъ къ тому же и частныхъ людей и, носясь безпрестанно изъ конца въ конецъ по своему государству, не пропускалъ случая взглянуть на эти молодыя учрежденія, убѣдиться, исправно ли идетъ на нихъ работа.

Оригинальны были и эти поѣздки и эти посѣщенія. Царь, какъ уже нѣсколько разъ было говорено, терпѣть не могъ пышности и этикета, весьма мало походя въ этомъ отношеніи на своихъ предмѣстниковъ. Когда ему нужно было куда нибудь отправиться, онъ садился зимою въ простыя сани, лѣтомъ въ кибитку, бралъ съ собою деньщика да трехъ-четырехъ молодыхъ расторопныхъ людей: Шафирова, Румянцѣва, Ушакова, Ягушинскаго, которые должны были писать подъ его диктовку письма и указы, производить судъ и расправу, если встрѣчалась въ этомъ надобность, и отмѣчать въ памятной тетради мысли, которыя дорогой могли прійти Царю въ голову, чтобъ потомъ не забыть сдѣлать по нимъ распоряженія, — словомъ отвѣчать за цѣлую канцелярію. Пріѣхавши въ какой нибудь городъ, Царь прямо катилъ на дворъ къ воеводѣ, иногда и совершенно неожиданно, и терпѣть не могъ, чтобъ его пріѣздъ производилъ суету; спрашивалъ, чтобъ подкрѣпиться съ дороги, рюмку водки, закусывалъ кренделемъ и принимался за дѣло: отправлялся въ приказную избу, въ ратушу, осматривалъ казенныя работы, партіи рекрутъ, заводы и фабрики, если они были, и когда находилъ все въ порядкѣ, то хвалилъ, смѣялся, цѣловалъ въ лобъ

тѣхъ, кѣмъ бывалъ особенно доволенъ, — ну а если у кого дѣло шло неисправно, вяло, если за кѣмъ замѣчалъ плутовство, тому не миновать бывало царской дубинки... да, дубинки; какъ быть: другой вѣкъ, другіе нравы!

Но главнымъ попеченіемъ Царя была все-таки война, — желаніе крѣпко утвердиться на берегу Финскаго залива. Надо было постоянно ожидать, что Карлъ со всѣми своими силами возвратится наконецъ изъ Германіи и Польши, и что слѣдовательно «надобно, какъ писалъ Царь Шереметеву, не терять такого случая, который самъ Богъ посылаетъ». Только-что овладѣвъ Ніеншанцомъ, онъ приказалъ строить крѣпость, выбравъ для этого островокъ въ двухъ верстахъ отъ Шведскаго укрѣпленія. Солдаты должны были поставить свои ружья и взяться за лопаты; трудна и тяжела была эта работа, подъ надзоромъ строгаго Царя, посреди дикой мѣстности, при недостаткахъ всякаго рода; но она быстро подвигалась, и царскія имянины (29 іюня) были отпразднованы пиромъ для всего отряда, для солдатъ и генераловъ, внутри укрѣпленія, которое уже могло въ случаѣ надобности дать серіозный отпоръ непріятелю.

Едва было окончено укрѣпленіе, принялись за другія работы. Въ 25 верстахъ отъ устья Невы есть низменный островъ, называемый Котлинымъ; по обѣ стороны его море такъ мелко, что даже весьма небольшія суда не могутъ тамъ плавать, и только возлѣ самаго Котлина, — какъ будто нарочно вырытый каналъ, — находится глубь, достаточная для судоход-

ства. Этотъ островъ запирающій доступъ къ устью Невы, тоже приказано было укрѣпить, и мало-по-малу въ теченіи многихъ лѣтъ на немъ и вокругъ него, на отмѣляхъ, воздвигались укрѣпленія нынѣшняго Кронштадта.

Что же касается до крѣпостцы близь устья Невы, то въ ней начали строить церковь во имя Св. Петра и Павла (почему и будущій городъ названъ Петербургомъ), верфь, жилья для солдатъ и начальниковъ и домъ для самаго Царя. Таково было начало молодой столицы русской. Крѣпость, церковь, нѣсколько мазанокъ, домикъ Петра великаго — вотъ что былъ Петербургъ въ 1703 году. Изъ нихъ только послѣдній остался въ прежнемъ своемъ видѣ: церковь перестроена, крѣпость обложена гранитомъ и увеличена, мазанки исчезли, верфь обнесена обширнымъ строеніемъ такъ называемаго стараго адмиралтейства; но домикъ Петра великаго, сохраняемый подъ особо устроеннымъ навѣсомъ, остался въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ при своемъ славномъ строителѣ-хозяинѣ. Онъ состоитъ изъ четырехъ крошечныхъ комнатокъ, въ которыхъ человѣкъ средняго роста легко достанетъ рукой до потолка, такъ что весь этотъ домикъ съ крышею и трубами легко установится въ любой залѣ Зимняго или большаго Московскаго дворца; стѣны и потолокъ его обтянуты холстомъ, выкрашеннымъ бѣлою краскою; сосновый полъ, нѣсколько простыхъ столовъ и стульевъ да токарный станокъ, вотъ дворецъ русскаго Царя! Но кто же не понимаетъ, что въ этой простотѣ, которою окружалъ

себя Петръ, заключается несравненно больше величія, чѣмъ въ роскоши и великолѣпіи? Прежніе цари могли сіять жемчугами и самоцвѣтными каменьями, содержать десятки тысячь лошадей на своихъ конюшняхъ ежедневно разсылать съ своего стола тысячи подачь,— могъ бы это дѣлать слѣдовательно и Петръ. Но онъ былъ скупъ на деньги, собираемые съ народа, и весь его дворъ, — его, царицы и царевенъ, стоилъ Россіи не болѣе 50 тысячь рублей въ годъ; онъ самъ ходилъ нерѣдко въ заплатанныхъ сапогахъ, ѣздилъ по городу въ одноколкѣ,—а между тѣмъ только за нимъ однимъ осталось названіе *великаго!* Да и вообще, — замѣтимъ здѣсь кстати, — истинное величіе часто пренебрегаетъ пышностію и величіемъ наружнымъ: Вашингтонъ, будучи президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣлъ одну только служанку, Франклинъ одѣвался какъ простой фермеръ посреди блестящаго двора Людовика XVI, — а между тѣмъ этотъ самый дворъ бѣгалъ за Франклиномъ, Вашингтону отечество его ставитъ статуи и свято чтитъ его память.

Петръ полюбилъ новый городокъ, какъ свое созданіе и мало-по-малу оставилъ Москву, въ которой господствовалъ духъ старины; подобно ему, и преемники его предпочитали жить въ Петербургѣ. Постоянное пребываніе въ немъ двора и правительства, а также выгодное его положеніе относительно заграничной торговли, были причиною, что онъ разроося и развился съ необыкновенною быстротою, и въ настоящее время въ немъ болѣе полумилліона жителей, торговый оборотъ его простирается до 150 мил. въ

годъ, чего не имѣетъ ни одинъ городъ въ Россіи; въ немъ же болѣе ученыхъ и учебныхъ заведеній, болѣе пишется книгъ и издается журналовъ, нежели въ какомъ бы то ни было изъ городовъ Русскихъ. Москва, столица Московскаго царства, потеряла свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Россія начала входить въ свои старинныя границы, въ границы временъ Ярослава, и право на первенство можетъ оспоривать у Петербурга развѣ одна только древняя столица Ярослава и Владимира, Кіевъ, стоящая именно въ томъ пунктѣ, гдѣ сходятся три главные племени Русскаго народа: Великорусское, Малорусское и Бѣлорусское.

Но возвратимся къ военнымъ дѣламъ.—Въ теченіи 1704 года были взяты одинъ за другимъ Шведскія укрѣпленія (прежде бывшія русскія селенія), — Ямъ (Ямбургъ) и Копорье, и наконецъ довольно сильная приморская крѣпость, Нарва, также нѣкогда принадлежавшая Россіи, подъ именемъ Иванъ-города.

Такимъ образомъ вся Ижерская земля, переименованная Шведами въ Ингерманландію была наконецъ возращена и приняты мѣры къ утвержденію ея за Россіею, къ ея населенію, къ оживленію ея торговлею и промышленностію. Начальникомъ этого края былъ назначенъ Меньшиковъ.

Имя этаго человѣка встрѣчается намъ уже не въ первый разъ, а впослѣдствіи придется говорить о немъ и еще чаще. — По сильно укоренившемуся преданію человѣкъ этотъ, сдѣлавшійся первымъ богачемъ и первымъ сановникомъ въ Россіи, княземъ и нареченнымъ тестемъ Императора, (Петра II) былъ въ началѣ не болѣе какъ пирожникомъ,—обстоятельство,

которое старались скрыть нѣкоторые писатели изъ угожденія тщеславію сильнаго временщика. Скрывать здѣсь нечего, и сынъ пирожника, если онъ обладалъ большими способностями, которыя посвятилъ на пользу своему отечеству, несравненно почтеннѣе знатнаго человѣка, проведшаго свою жизнь безъ пользы для кого бы то ни было. Петръ замѣтилъ молодаго, красиваго, расторопнаго пирожника въ то время, когда набиралъ свои потѣшныя роты. Онъ принималъ туда людей всякаго званія: тамъ были и князья Голицыны и конюхи съ придворныхъ конюшень. Меньшиковъ надѣлъ военный мундиръ, выучился военному «артикулу» и очень скоро вошелъ въ особую милость молодаго Царя: за что и какимъ образомъ, мы не знаемъ, но кажется однако, что причиною этому были расторопность и точность, съ которыми онъ исполнялъ домашнія, хозяйственныя обязанности при Царѣ; недавно найдено письмо къ нему Царя, писанное еще до поѣздки за границу: «Пожалуй, пишетъ Царь, осмотри у меня на дворѣ и вели вычистить вездѣ и починить». Расторопнымъ и неутомимымъ Меньшиковъ оказался и во всякаго рода дѣлахъ, которыя ему поручались; при томъ онъ не гнушался никакою работою; заставляли маршировать—маршировалъ, заставляли пилить или рубить—пилилъ и рубилъ; на мачты лазить—лазилъ,—и все это онъ дѣлалъ толково, смышленно и весело, не разсуждая: за чѣмъ, какъ и почему? А Петръ, не находя около себя людей, которые бы понимали пользу его предположеній, былъ очень доволенъ, когда приказанія его исполнялись

безпрекословно и весело. При томъ Меньшиковъ не зналъ невозможнаго: велѣно—такъ надо сдѣлать, разсуждалъ онъ, и не щадилъ при этомъ ни себя, ни, тѣмъ болѣе, другихъ. При взятіи Шлюссельбурга онъ изъ первыхъ вскочилъ на непріятельскія стѣны; при постройкѣ Петербургской крѣпости, работа, которая была ему поручена, окончена была первою. При томъ онъ все понималъ, ко всему примѣнялся со смѣтливостію истинно русскаго человѣка: научился и кораблемъ управлять и отрядъ расположить къ бою и «обхожденье имѣть» съ иностранными людьми, да кромѣ того никто не умѣлъ, какъ онъ, польстить вкусамъ и даже слабостямъ Государя, и вотъ почему послѣ смерти Лефорта не было человѣка, котораго бы Петръ такъ любилъ, какъ Меньшикова; онъ его называлъ «Алексашею,» Данилычемъ;» онъ писалъ ему: «mein Kind» и «mein herzens Kind».

Въ способностяхъ и умѣ Меньшикову нельзя, конечно, отказать, хотя онъ всю жизнь свою не умѣлъ ни читать, ни писать; но нельзя не пожалѣть, что эти рѣдкія способности не были облагорожены нравственнымъ чувствомъ, и что его сильный и смѣлый умъ работалъ болѣе всего изъ видовъ корыстныхъ: какъ не жалѣлъ онъ людей, чтобъ раньше всѣхъ окончить свою часть Петербургской крѣпости, или построить фортъ на отмѣли Финскаго залива, лишь бы заслужить похвалу и награду Царя, такъ впослѣдствіи онъ готовъ былъ втянуть въ войну свое отечество чтобъ сдѣлаться Курляндскимъ герцогомъ, продавалъ Швеціи государственныя тайны и былъ едва-

ли не главною причиною смерти несчастнаго царевича Алексѣя: словомъ человѣкъ этотъ во всѣхъ случаяхъ искалъ прежде всего — обоготиться и возвыситься.

Между причинами, помогшими быстрому возвышенію Меньшикова, надо упомянуть объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ особое вліяніе на судьбу нашего отечества.

Между первыми успѣхами Шереметева въ Лифляндіи названо было взятіе небольшаго городка, Маріенбурга; въ числѣ взятыхъ тамъ плѣнныхъ находилась будущая супруга Петра и будущая Императрица русская, Екатерина I. О необыкновенной судьбѣ ея такъ много писано, что изъ книгъ объ этомъ предметѣ можно бы составить порядочную библіотеку; но истинна открыта нѣсколько лѣтъ тому назадъ академикомъ Арсеньевымъ. Оказывается, что она была дочерью простаго лифляндскаго крестьянина, Самуила Скавронскаго. Кажется, что во время мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ той странѣ въ концѣ XVII вѣка, мужъ и жена Скавронскіе умерли, оставивши многочисленныхъ дѣтей своихъ въ крайней бѣдности; одного изъ нихъ, а именно дѣвочку Катерину, взялъ къ себѣ въ домъ лютеранскій пасторъ Маріенбурга, Глюкъ, человѣкъ богобоязливый и просвѣщенный. Почтенный пасторъ былъ самъ очень небогатъ, имѣлъ большое семейство, а потому маленькая Катерина, какъ только силы ея и возрастъ стали позволять, начала прислуживать въ его домѣ, и безъ сомнѣнія по этому-то она не имѣла времени выучиться грамотѣ, которой не знала и до самой своей смерти. Ей было около 13 лѣтъ, когда Маріенбургъ

былъ взятъ Шереметевымъ. Глюкъ со всѣмъ семействомъ своимъ отправился въ Москву, а Катерину фелдмаршалъ оставилъ у себя.... Тогда существовалъ, и не въ одной Россіи, обычай, что плѣнный есть собственность побѣдителя, и потому Турчаты, Калмычаты и Нѣмчаты бывали въ качествѣ казачковъ, ключниковъ и дворецкихъ почти у всякаго служилаго человѣка, побывавшаго на войнѣ. Случилось, что черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ къ Шереметеву молодой любимецъ Царя, Меньшиковъ, и, замѣтивъ у него живую, черноглазую плѣнницу, выпросилъ ее себѣ. Въ свою очередь Меньшиковъ уступилъ ее Царю, который въ 1711 году сочетался съ нею бракомъ.

Такой необыкновенный бракъ Царя подалъ въ свое время поводъ ко множеству толковъ, и многіе объясняли это тѣмъ, что нѣмка, то есть еретичка, вмѣстѣ съ Меньшиковымъ« обвела и обморочила Царя». Дѣло гораздо проще. Екатерина была живое, бойкое существо; веселая улыбка никогда не сходила съ ея румяныхъ щекъ, трудолюбивыя руки ея никогда не оставались въ бездѣйствіи. Въ отсутствіи Царя она зашиваетъ прорѣхи на его кафтанѣ, приводитъ въ порядокъ его бѣлье; возвращается Царь, она спѣшитъ ему поднесть рюмку анисовки; она разсмѣшитъ его, если онъ не въ духѣ, и ужъ конечно не черезъ нее могли открыть себѣ вліяніе «большія бороды», какъ называлъ Царь всѣхъ противниковъ новыхъ обычаевъ.

Все это, конечно, недостаточно, чтобъ по нашимъ понятіямъ, внушить къ женщинѣ не развитой умствен-

но и нравственно сильной симпатіи, какой требуетъ бракъ. Но надо не забывать, что о женщинахъ и бракѣ существовали въ то время самые жалкія понятія. «Умъ женскій твердъ, яко храмъ не покровенъ, писали старинные наши умники; мудрость женская, аки оплотъ, до вѣтру стоитъ: вѣтри повѣютъ и оплотъ отпадетъ.» Это совершенно тоже понятіе, оскорбительное для женщинъ, которое выражается въ извѣстной старинной пословицѣ: «волосъ дологъ умъ коротокъ». О нравственномъ достоинствѣ женщинъ мнѣніе было еще ниже; отъ нея требовалось только два качества: покорность и трудолюбіе, а впрочемъ вообще ее считали источникомъ всякаго зла: «Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ: много бо бѣсу помощи въ женахъ!«

Послѣ этаго естественно, что и бракъ у нашихъ предковъ не могъ имѣть того возвышеннаго значенія, какое выражается въ евангельскихъ словахъ: «да будутъ два — плоть едина,» — и доказательство этому старинные браки Царей нашихъ. Со всего государства собирали молодыхъ, хорошенькихъ дѣвицъ, привозили ихъ разряженныхъ и раскормленныхъ, во дворецъ, выстраивали въ одну линію, и Царь выбиралъ между ними ту, которая была всѣхъ румянѣе, полнѣе и бѣлѣе.... Всякій ясно видитъ, что это не бракъ, какъ мы его теперь понимаемъ: гдѣ же тутъ возможность симпатіи, взаимнаго уваженія? Такъ можно выбирать лошадь, а не жену; такъ Турокъ выбираетъ себѣ невольницу на константинопольскомъ базарѣ!

Удивительно ли слѣдовательно, что Петръ, взросшій въ такихъ понятіяхъ, не искалъ въ женѣ своей тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, которыя мы считаемъ необходимыми, и довольствовался красотою, веселымъ, ровнымъ нравомъ и домовитостью Екатерины? Нечего этому удивляться, нельзя этого строго порицать, хотя и нельзя объ этомъ не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что обстоятельство это имѣло нѣкоторыя невыгодныя, даже плачевныя послѣдствія, какъ мы увидимъ со временемъ.

Теперь же замѣтимъ только, что Екатерину сильно поддерживалъ Меньшиковъ и что она въ свою очередь отплачивала ему тѣмъ же.

XV.

Причины всеобщаго сопротивленія Петровымъ преобразованіямъ; старовѣры и обожатели старины; вліяніе съ одной стороны раскола, съ другой духовенства. — Новый годъ съ 1 января (1700). — Законы до общежитія касающіеся, театры, балы и присутствіе на нихъ женщинъ. — Всеобщее къ этому не расположеніе. — Престолъ патріаршій остается вакантнымъ. — Подметныя письма. — Преображенская канцелярія и князь Ромодановскій. — Волненія въ Астрахани. (1705) — Бунтъ Булавина на Дону (1707)

Между тѣмъ какъ правительство одерживало побѣды, завоевывало города и земли, строило крѣпости и верфи, стремилось оживить промышленность и торговлю, чтó дѣлалъ и думалъ народъ, то есть вся та масса людей, для пользы которой правительство воюетъ, строитъ, учреждаетъ?

Народъ всему этому мало сочувствовалъ, мало всѣмъ этимъ интересовался, почти все это порицалъ. Почему и какъ обнаружились эти порицанія и несочувствіе — очень интересно разсмотрѣть.

Уже нѣсколько разъ было упомянуто о церковномъ расколѣ, о томъ, какъ онъ обнаружился, и о спорѣ,

который происходилъ между учителями раскола съ главами нашей церкви. Говорено было также, что ученіе старообрядчества необыкновенно быстро распространялось; въ самомъ дѣлѣ, черезъ полъ-вѣка послѣ великаго Московскаго собора (1666) старообрядцевъ было нѣсколько сотъ тысячь, едвали не больше милліона. Мы не станемъ этому удивляться, если вспомнимъ, что многое изъ того, что провозгласили раскольники, было совершенно по вкусу и по понятіямъ вообще всего народа, напримѣръ непріязнь къ иноземцамъ, вражда противъ всякой новизны въ обычаяхъ, суевѣрное уваженіе къ старинѣ.

Видя, что новые обычаи распространяются, раскольники убѣгали, отрясая прахъ съ ногъ своихъ, въ отдаленные углы Россіи, отказываясь отъ всякаго сношенія съ тѣми, кто принимаетъ новизны; другіе, хотя еще и не отступаясь отъ Церкви, въ душѣ одобряли раскольниковъ, считали ихъ крѣпкими въ вѣрѣ, и при первомъ случаѣ за ними слѣдовали, а потомъ и переходили въ расколъ; для всѣхъ этихъ искренне-набожныхъ и глубоко-вѣрующихъ людей Царь-нововводитель натурально былъ крайне подозрителенъ, а мы всѣ очень хорошо знаемъ, что все что ни дѣлаетъ человѣкъ, который намъ неправится, кажется дурнымъ и непріятнымъ. Такъ точно было относительно Петра: его распоряженія, даже и тѣ, которыя вовсе не касались церкви и церковныхъ правилъ, народъ готовъ былъ считать еретическими.

Осенью 1699 года Царь объявилъ, что вся Европа начинаетъ годовое счисленіе съ 1 Января и прика-

залъ впередъ считать и у насъ также: народъ завопилъ, что переноситъ годъ съ «Семена на Василья»(*), есть явное еретичество; а между тѣмъ нынче, при усиливающихся сношеніяхъ одного народа съ другимъ, просвѣщенные люди думаютъ, нельзя ли сдѣлать общими для всѣхъ и одинаковыми не только счисленіе времени, но вѣсъ, мѣру и деньги: въ торговлѣ, при путешествіи, при чтеніи ученыхъ книгъ, разнообразіе вѣса, мѣры и денегъ весьма затруднительно.

Вышелъ другой законъ,—о томъ, чтобъ не женить молодыхъ людей безъ ихъ согласія и воли: законъ превосходный, потому что какая же любовь, какое счастіе могутъ быть между мужемъ и женою, если они видятъ другъ друга въ первый разъ подъ вѣнцомъ? Этотъ законъ однакоже былъ встрѣченъ съ негодованіемъ; воля родительская, говорили, послѣ этого ничего небудетъ значить!

Въ западной Европѣ женщины давно уже были освобождены изъ заключенія, въ которомъ онѣ и тамъ, какъ у насъ, прежде находились, — и это оказало самое благодѣтельное вліяніе: съ тѣхъ поръ, какъ онѣ стали показываться въ обществахъ, пьянство, грубость, похвальба физическою силою не могли уже въ этихъ обществахъ имѣть мѣста; съ тѣхъ поръ какъ женщины стали читать книги и посѣщать театры, грязныя описанія, безтыдныя сцены должны

(*) 1 сентября празднуется Св. Симеону, а 1 января Св. Василію.

были мало-по-малу исчезнуть, и въ свою очередь женщины, получивъ возможность научаться, могли лучше прежняго воспитать своихъ дѣтей, могли сдѣлаться полезными, дѣльными подругами, съ которыми веселѣе чувствуется счастіе и легче переносится горе. Петръ во время своего путешествія, могъ замѣтить преимущество женщины свободной и образованной; но наши блюстители праотческихъ обычаевъ смотрѣли на это иначе, и имѣя о женщинахъ мнѣніе, которое намъ уже извѣстно, завопили отчаяннымъ голосомъ противъ этой (какъ мы сказали бы теперь) *эмансипаціи* женщинъ.

Царь выразилъ желаніе, чтобъ мужья возили своихъ женъ, а отцы своихъ дочерей въ театръ, который былъ открытъ въ Москвѣ и чтобъ женщины являлись туда не закутанныя фатами и покрывалами. Во дворцѣ своемъ онъ дѣлалъ и заставлялъ приближенныхъ своихъ дѣлать у себя обѣды и собранія, на которыя приглашались тоже мужчины и женщины, и притомъ Царь требовалъ чтобъ въ этихъ случаяхъ наши прабабушки,—по крайней мѣрѣ тѣ, которыя молоды, — являлись уже не въ сарафанахъ и душегреяхъ, а въ нѣмецкомъ платьи. .. и чтожъ? нужна была вся старинная привычка къ повиновенію русскаго народа, весь страхъ, который успѣлъ поселить къ себѣ Петръ, чтобъ отперетъ двери женскихъ теремовъ; какъ, говорили отцы и мужья, на мою дочь, на мою жену всякій будетъ смотрѣть, какъ на малеваную картину! Всякій нѣмчура можетъ подойти къ ней, заговорить съ нею,

какъ съ своею знакомкою, или еще позвать ее танцовать съ собою, держать ее руку въ своей поганой рукѣ, выдѣлывать предъ нею свои *па*, и она передъ нимъ тоже?.. ну ужъ видно послѣдніе дни пришли, коли благочестивый Государь этого требуетъ!

Мы поговоримъ въ другой разъ подробнѣе объ этихъ увеселеніяхъ при дворѣ Петра, а теперь довольно будетъ намъ знать, что и они были въ числѣ причинъ къ неудовольствію противъ него. Народъ въ одинъ голосъ говорилъ, что это безнравственно, что честная женщина не должна позволять, чтобъ взоръ посторонняго мужчины на нее упалъ, а не только чтобы онъ съ нею осмѣлился заговорить, и все это говорилось, разумѣется, съ горечью, съ негодованіемъ; всѣ считали себя оскорбленными въ самыхъ чувствительныхъ струнахъ сердца, въ самыхъ священныхъ своихъ привязанностяхъ.

Подобно этому много было и другихъ распоряженій Петра, которыя были встрѣчаемы съ общею непріязнію, — напримѣръ наборы для пополненія убыли людей въ арміи, усиленные денежные сборы, разныя пошлины, которыя приходилось платить за-все про-все. Но ни что, можетъ быть, не поразило народъ такъ глубоко, какъ то обстоятельство, что послѣ смерти патріарха Адріана, престолъ патріаршій оставался и, какъ носились слухи, долженъ былъ остаться на-всегда не замѣщеннымъ.

Патріархъ былъ, какъ написано въ одномъ указѣ самаго Царя въ глазахъ народа «второй Государь, духовный, свѣтскому Государю равный, или и больше

его»; въ случаѣ какого нибудь-недоразумѣнія между этими двумя государями, народъ былъ болѣе расположенъ принять сторону перваго противъ втораго; да и не мудрено: онъ говорилъ, онъ приказывалъ, онъ требовалъ именемъ церкви, именемъ религіи, онъ имѣлъ въ рукѣ своей громы небесные: «связанное же на землѣ будетъ связано и на небеси». Противъ этаго никто не осмѣливался идти, тогда какъ костры, висѣлицы и кнуты свѣтской власти не устрашали фанатиковъ: «любо, говорили они, пострадать за православную вѣру,» — и весело шли на костеръ.

По причинѣ чрезвычайной набожности нашихъ предковъ вся жизнь ихъ была проникнута религіозными понятіями, и какъ теперь въ иныхъ модныхъ домахъ на каждомъ шагу можно слышать слово—*такъ не принято*, — замѣчаніе, на которое не допускается возраженій,— такъ точно у нашихъ предковъ на каждомъ шагу слышалось: *это грѣхъ*; грѣхъ было брить бороду, курить и нюхать табакъ; грѣхъ было носить короткую одежду, ѣздить въ экипажѣ съ дышломъ; грѣхъ было плевать въ огонь, свистать въ комнатахъ, бросать хлѣбъ, обмакивать его въ солонку, ѣсть зайца... словомъ, кто только осмѣливался сдѣлать шагъ всторону отъ утвержденныхъ правилъ, уклониться отъ нихъ на волосъ, тотъ, по понятію нашихъ дѣдовъ, не только дурно дѣлалъ, но грѣшилъ, т. е., навлекалъ на себя мученіе вѣчное. — А между тѣмъ Царь самъ видѣлъ за границею цѣлые народы, которые и зайцевъ ѣдятъ, и нюхаютъ, и курятъ, и съ дышломъ ѣздятъ и даже въ комнатахъ не снимаютъ шляпъ, и которые одна-

кожъ, повидимому, не преданы проклятію, а живутъ и благоденствуютъ не хуже нашего; многіе изъ ихъ обычаевъ желалъ бы пересадить Петръ въ Россію,— но встрѣчалъ на каждомъ шагу сопротивленіе патріарха.

Мы уже видѣли, какъ Іоакимъ отказался обѣдать за однимъ столомъ съ генераломъ Гордономъ и принудилъ Петра (тогда еще молодаго) выслать этаго заслуженнаго иностранца; мы читали завѣщаніе этаго патріахра, которымъ онъ убѣждаетъ Царей удалить отъ себя «поганыхъ» чужеземцевъ; преемникъ его, Адріанъ, оказывалъ еще болѣе нетерпимости: «люди православные! восклицалъ онъ, не пріемлите сего злодѣйскаго знамени (брадобритія), ибо не раскаявшимся брадобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церковь возбраненъ и причастія Св. Таинъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ не раскаявся, не подобаетъ надъ тѣми быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію» ... При такаго рода противодѣйствій могъ ли Царь надѣяться, чтобъ его распоряженія были приняты народомъ? Всякій вѣрующій долженъ былъ сказать: лучше пусть моя голова ляжетъ на плаху, нежели умереть безъ молитвы и погребенія!

По этому, когда въ 1700 году умеръ Адріанъ, Петръ твердо рѣшился не возводить болѣе ни кого въ этотъ санъ «другаго Государя, свѣтскому равнаго.» Притомъ онъ очень желалъ, чтобъ духовенство просвѣтилось, ибо только передъ просвѣщеніемъ могли отступить всѣ выше названныя дикія препятствія, какъ,

тѣнь отступаетъ передъ свѣтомъ. Съ трудомъ, но наконецъ нашелъ онъ человѣка ученаго, умнаго, безъ суевѣрій, — или казавшагося такимъ,— и сдѣлалъ его «блюстителемъ патріаршаго престола.» Это былъ Стефанъ Яворскій. Мы скоро поговоримъ о немъ подробнѣе, а теперь только замѣтимъ, что отсутствіе патріарха было глубокимъ, чувствительнымъ оскорбленіемъ для всей націи, и отсюду посыпались «подметныя письма».

Подметныя письма, — то есть такія письма безъ подписи (а иногда и съ подписью), которыя подбрасывали тайкомъ и содержаніе которыхъ составляли обыкновенно жалоба, доносъ, просьба о чемъ нибудь, — были дѣломъ обыкновеннымъ и въ прежніе времена; ихъ особенно много появлялось во время какихъ нибудь смутъ, когда воображеніе народное волновалось, во время стрелецкихъ мятежей, напримѣръ, какъ мы уже видѣли, во время борьбы Петра съ Царевною. Теперь ихъ стало появляться несмѣтное множество. Тутъ жалуются на притѣсненія воеводъ или военныхъ начальниковъ, на тяжелыя подати и работы, тамъ предупреждаютъ объ измѣнѣ нѣмецкихъ офицеровъ, здѣсь предаются анаѳемѣ всякія нововведенія: бритье бороды, театральныя лицедѣйства и бѣсовскія пляски, — словомъ подметными письмами выражалося всеобщее неудовольствіе.

Для разбора такихъ подметныхъ писемъ и другихъ выраженій народнаго неудовольствія издавна существовалъ «Тайный приказъ розыскныхъ дѣлъ», который розыскивалъ сочинителей этого рода пасквилей, удостовѣрялся, нѣтъ ли у нихъ сообщниковъ и подвер-

галъ ихъ жестокимъ наказаніямъ, такъ какъ недовольство чѣмъ нибудь, исходящимъ отъ правительства считалось тяжкимъ преступленіемъ. Петръ къ Тайному приказу прибавилъ еще «Преображенскую канцелярію», которой начальникомъ сдѣлалъ князя Ромодановскаго, считавшагося суровымъ человѣкомъ даже въ тѣ свирѣпыя времена. Усердный «князь—Кесарь», какъ называлъ его Петръ, не уставалъ ловить писателей подметныхъ писемъ, выслушивать доносчиковъ, хватать людей и пытать ихъ, мучить и наказывать, и въ то время, какъ міръ съ изумленіемъ видѣлъ рядъ громкихъ успѣховъ молодой русской арміи, построеніе городовъ, рожденіе торговли, въ Преображенскихъ застѣнкахъ кровь лилась ежедневно, кости хрустѣли и составы вывертывались «на вискѣ». Цѣлый рядъ розысковъ показалъ, что болѣе всѣхъ жалобъ и ожесточенной брани было со стороны раскольниковъ и духовенства: за ними начали строже наблюдать, и между прочимъ монахамъ было запрещено, подъ опасеніемъ строгихъ казней, держать въ келліяхъ чернила и бумагу .... Что же выходило однакожъ? Нѣкто Талицкій, изобличенный въ распространеніи пасквилей противъ Петра, былъ сожженъ; но раскольники причли его къ лику мучениковъ и имя его сдѣлалось между ними священнымъ.

Раздраженіе не уменьшалось, но усиливалось. Сынъ одного изъ казненныхъ въ 1698 году стрѣльцовъ ушелъ изъ Москвы въ Астрахань и расказами своими о Московскихъ казняхъ привелъ въ волненіе тамошнихъ

стрѣльцовъ и посадскихъ; слухи о вводимыхъ новизнахъ въ образѣ жизни и о господствѣ нѣмцовъ ежедневно усиливали это волненіе,— и вотъ однажды пронеслась вѣсть, что запрещено будетъ въ теченіе семи лѣтъ «играть сватьбы» и что во все это время будутъ русскихъ дѣвицъ выдавать за нѣмцовъ. Слухъ былъ совершенно вздорный, но народъ ему повѣрилъ, и чтобъ избѣгнуть необходимости родниться съ еретиками, въ одинъ день было обвѣнчено въ Астрахани сто паръ.. Вслѣдъ за тѣмъ начались серіозные безпорядки: (1705) воевода былъ убитъ, стрѣльцы, казаки и посадскіе взбунтовались, выбрали изъ среды себя атамановъ, написали письма на Донъ, на Яикъ (Уралъ), гдѣ жили казаки и старообрядцы, и приглашали ихъ присоединиться къ себѣ, чтобъ «постоять за старые обычаи». Мятежъ грозилъ принять обширные размѣры, такъ что надобно было часть войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Шведовъ, послать для усмиренія Астрахани. По счастію Шереметевъ, которому поручено было это дѣло, взялся за него осторожно, и, частію убѣжденіями, частію угрозами, но безъ большаго кровопролитія, привелъ мятежниковъ къ сознанію своей вины.

Этимъ однакоже внутреннія смуты не кончились, и чрезъ полтара года обнаружились съ гораздо большею силою на Дону. Донское казачье войско имѣло много сходнаго съ украинскимъ: таже вольница, таже страсть къ набѣгамъ, тѣже избираемые изъ среды казаковъ и казаками атаманы и таже всегдашняя готовность волноваться. Мы уже видѣли, что когда вспыхнулъ мятежъ стрѣльцовъ на литовской границѣ

Донцы сильно закопошились, а теперь пуще прежняго они находили причины къ неудовольствію, такъ какъ ихъ братія находилась нѣсколько лѣтъ сряду въ походѣ, въ Лифляндіи и Ижерской землѣ.

Въ 1707 году посланъ былъ полковникъ князь Долгоруковъ въ Донскую землю для поимки бѣглыхъ, которые толпами уходили изъ русскихъ областей къ «вольнымъ казакамъ» отъ господскихъ работъ, отъ военной службы и отъ религіознаго преслѣдованія.(*) Долгоруковъ уже собралъ до 3,000 бѣглыхъ, которыхъ и собирался препроводить въ Москву, когда однажды ночью на маленькій отрядъ, которымъ онъ командовалъ, нечаянно напала казачья вольница и убила его самаго и истребила его отрядъ.

Это было дѣломъ старшины казачьяго, Кондратья Булавина. Сдѣлавши свое дерзское нападеніе, онъ бѣжалъ въ Запорожье и скоро явился оттуда опять съ толпою вольницы, призывая Донцовъ къ возстанію. «Прелестные (соблазнительные) листы» его разлетались съ быстротою вѣтра по всей Донской землѣ, и дальше, до Волги и нынѣшнихъ Орловской и Рязанской губерній. Въ нѣсколько недѣль къ Булавину собралось до 15 т. товарищей, съ которыми онъ двинулся къ главному городу Донскаго войска, Черкаску, взялъ его, заковалъ въ желѣзо войсковаго атамана и, выбранъ будучи на его мѣсто, послалъ къ Государю челобитную, въ которой обѣщался служить ему со всѣмъ

(*) Въ малороссійскихъ помѣстьяхъ кн. Меншикова, подаренныхъ ему послѣ измѣны Мазепы, открылось 36 тысячъ бѣглыхъ.

Донскимъ войскомъ вѣрно, если его оставятъ въ покоѣ, въ противномъ же случаѣ грозилъ со всѣмъ народонаселеніемъ покинуть Донъ и уйти, куда глаза глядятъ.

Это было явное возстаніе, какого ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ терпѣть не возможно. Противъ мятежниковъ послано было войско, коимъ начальствовалъ братъ убитаго Булавинымъ Долгорукова; но еще до прибытія его волненіе было подавлено. Сообщниками Булавина была безпокойная часть казаковъ,— *голь* или *голытьба*, какъ ее называли; казаки же степенные, зажиточные и которые не хотѣли ни терять своей собственности, ни волноваться безъ достаточной причины, съ неудовольствіемъ смотрѣли на эти безпорядки; собрались, обсудили дѣло, увидѣли, что и разсудокъ и сила на ихъ сторонѣ, и стали принуждать голытьбу покинуть Булавина. Дѣло доходило между ними до крови, но сторона порядка, однакожъ постоянно брала верхъ, такъ, что видя себя въ безвыходномъ положеніи, главный заводчикъ смуты застрѣлился, а главные его эсаулы, боясь быть выданными, съ нѣсколькими сотнями неугомонныхъ удальцовъ, покинули Донъ и поселились на Кубани, вблизи Кавказскихъ горцевъ, на землѣ которая тогда считалась принадлежащею Турціи.

XV.

Повсемѣстная безграмотность Великороссіи. — Преимущество Малороссіи въ отношеніи просвѣщенія; причины этому: утѣсненія южной Церкви и языка и желаніе народа отстоять ихъ. — Кіевская академія; чему тамъ учили и какъ воспитывали. — Кіевская академія начинаетъ оказывать вліяніе на Москву. — Разногласіе между заподно-русскимъ и московскимъ духовенствомъ. — Вліяніе польское и вліяніе греческое. — Медвѣдевъ и Лихуды. — Московская духовная академія. — Преобладаніе церковно-славянскаго языка. — Современный языкъ книжный и языкъ разговорный. — О различныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. — Нарѣчіе Бѣлорусское и Малороссійское. — Общерусскій или литературный языкъ.

Заглянемъ на минуту въ скромный, тихій міръ науки и искуства: заглянемъ туда *на минуту*, потому что этотъ міръ въ отечествѣ нашемъ, въ ту эпоху, о которой говоримъ, въ концѣ XVII вѣка, былъ крайне невеликъ. Тогда какъ Англія, Франція, Германія, и Италія имѣли мыслителей, художниковъ и ученыхъ, которыми и теперь гордится человѣчество, тогда какъ эти страны имѣли и университеты и академіи и публичные театры, въ Россіи не существовало ни одного

поэта, ни одного художника, ни одного мыслителя, потому что нельзя же назвать художникомъ самоучку — иконописца, поэтомъ — слагателя виршей на какой нибудь торжественный случай и т. п.

Удаленное географическое положеніе Россіи, отчужденность, въ которой она существовала относительно прочей Европы, татарское владычество и много другихъ причинъ произвели это печальное явленіе, послѣдствія котораго и теперь ощутительны; у насъ только въ самые послѣдніе годы начала распространяться грамотность по всему народу, тогда какъ въ Пруссіи, Бельгіи и особенно въ Сѣверной Америкѣ рѣдко можно встрѣтить безграмотнаго человѣка. Можно себѣ вообразить слѣдовательно какъ мало было грамотныхъ людей 200 лѣтъ тому назадъ! Положеніе наше въ этомъ отношеніи впрочемъ нѣсколько улучшилось послѣ присоединенія, при Царѣ Алексѣѣ, Малороссіи.

Страна эта, какъ извѣстно, долго находилась подъ властію Польши, дворянство и духовенство которой были довольно образованы. Образованіе это отчасти коснулось и Малороссіи, по крайней мѣрѣ той части малороссійскаго племени, которая не отказывалась отъ сношеній съ Поляками, которая искала пріобрѣсть преимущества польскаго шляхтича (дворянина) и при этомъ ополячивалась и принимала латинскую вѣру.

Ополячить Малороссію и обратить ее въ латинскую вѣру — было любимою мыслію и правительства и шляхетства польскаго, а еще болѣе католическаго

духовенства. Чтобъ привлечь Малороссовъ, было объявлено, что тотъ, который сдѣлается католикомъ получитъ права, — и дѣйствительно важные права, — польскаго шляхтича. Нѣсколько сотенъ, можетъ быть тысячъ людей, преимущественно знатныхъ и богатыхъ; поддались на эту приманку, но огромное большинство оставалось вѣрно своему языку, своей церкви, своей народности.

Тогда духовенство польское выдумало *Унію*, то есть нѣкотораго рода соединеніе церквей восточной и западной, съ сохраненіемъ большой части восточныхъ обрядовъ, но съ подчиненіемъ нашего духовенства Папѣ; при этомъ католическіе монахи надѣялись захватить въ свои руки воспитаніе православнаго юношества, съ тѣмъ чтобъ съ малолѣтства приготовить ихъ къ принятію папизма. Унія имѣла нѣкоторый успѣхъ, но незначительный: за то эта настойчивость къ подавленію русской народности возбудило въ Малороссіи самое горькое неудовольствіе и произвело самое сильное сопротивленіе. Всякій, принимавшій Унію былъ отвергаемъ своими земляками и становился предметомъ всеобщаго презренія; православные храмы стали больше прежняго наполняться; бѣдняки несли послѣднюю свою копѣйку для построенія новыхъ церквей; если гдѣ заводилась Польско-католическая школа, — рядомъ съ нею заводились двѣ русско-православныя; духовенство внимательно занялось изученіемъ богословскихъ предметовъ, чтобы не быть побѣжденнымъ въ ученыхъ спорахъ іезуитскими патерами.

Такимъ образомъ малорусскимъ народомъ была почувствована необходимость учиться и образоваться, не говоря о духовенствѣ, которое было вообще можетъ быть, не ниже католическаго; свѣтскіе люди, имѣющіе нѣкоторый достатокъ, считали стыдомъ не быть грамотными, и между *Старшиною* Казачьею вовсе не рѣдкостью были люди, которые хорошо говорили и писали по-латыни и основательно знали богословіе, исторію и математику: между прочимъ замѣчательно, что первая исторія Россіи, — конечно очень не совершенная,—была написана не въ Россіи (какою она была въ то время), а въ Кіевѣ, принадлежавшемъ еще Полякамъ, кіевскимъ митрополитомъ, Игнатіемъ Гизелемъ. (*)

Главнымъ центромъ просвѣщенія на Украйнѣ была кіевская академія, со времени ея знаменитаго ректора, Петра Могилы (въ первой половинѣ XVII вѣка). Конечно, преподованіе, которое тамъ было принято, показалось бы смѣшнымъ теперь; самыя науки, которыми занимались воспитанники, и еще болѣе способъ обращенія съ воспитанниками, не могли бы быть теперь ни минуты терпимы. Послѣ очень обширнаго курса богословія переходили къ риторикѣ, — странной наукѣ, имѣвшей претензію сдѣлать человѣка писателемъ, — и къ діалектикѣ, научавшей будто-бы искусно спорить. Все ученіе состояло въ затверживаньи наизусть принятыхъ въ школѣ

(*) Сочиненіе это называется «Синопсисъ или краткое показаніе о началѣ Словянскаго народа и о первыхъ Кіевскихъ Князьяхъ до Государя Царя Өеодора Алексѣевича.»

книгъ и писанія церковно-славянскихъ и латинскихъ стиховъ на заданныя темы, но никому не приходило въ голову дать понятіе дѣтямъ о всемъ этомъ обширномъ видимомъ мірѣ, о томъ, какъ живутъ и управляются въ немъ люди, возбуждать со стороны дѣтей вопросы и удовлетворять имъ, или, еще лучше, ихъ же самихъ доводить до того, чтобы они сами находили отвѣты.

При этомъ ихъ сѣкли нещадно, и для этого избирали одинъ день въ недѣлю, субботу, когда надъ всѣми виноватыми производили расправу «лозами», отъ чего и произошло до сего дня сохранявшееся названіе *субботниковъ*. Но что дѣлать: такой способъ воспитанія существовалъ въ тѣ времена во всей Европѣ, въ странахъ и болѣе просвѣщенныхъ чѣмъ Малороссія. Какова бы ни была кіевская духовная академія, она пользовалась громкою извѣстностію и большимъ уваженіемъ во всемъ краѣ; каждый Гетманъ считалъ обязанностію доставить ей какую нибудь льготу; богатые люди дѣлали ей приношенія; даже одинъ изъ запорожскихъ атамановъ—гдѣ ученость вообще мало уважалась,—объявилъ, что онъ станетъ защищать ее до послѣдней капли крови противъ враговъ и притѣснителей.

Со времени присоединенія Малороссіи къ Москвѣ начинаютъ у насъ изрѣдка показываться ученые монахи изъ числа уроженцовъ Западнаго края, каковы Симеонъ Полоцкій, Медвѣдевъ, уже извѣстные намъ, Крижаничь, оставившій очень интересное изображеніе современной ему Руси, Сербъ родомъ, но долго жившій въ Запад-

номъ краю. Это было время, когда на Руси начало показываться какое-то польско-латинское вліяніе; въ письменный языкъ вкрадываются слова и обороты польскіе и малороссійскіе, польскія одежды при Царѣ Ѳеодорѣ появляются при московскомъ дворѣ; Голицынъ покровительствуетъ іезуитамъ, изъ которыхъ двое подъ защитою его постоянно проживаютъ въ Москвѣ. Все это съ великимъ неудовольствіемъ замѣчали патріархи и русское духовенство; не нравились имъ эти западные обычаи, эти попы-грамотѣи и умники, съ ихъ риторикой и піитикой, съ ихъ знаніемъ классической, то есть, «поганьской» древности, «съ бѣсовскими лицедѣйствами», которыя они заводятъ въ царскихъ палатахъ. Не нравилось патріарху и то, что Симеонъ началъ вводить у насъ устную проповѣдь въ церквахъ: это казалось ему тоже какимъ-то латинскимъ нововведеніемъ, и потому на всѣхъ этихъ людей, и на Полоцкаго особенно, патріархъ и высшее духовенство, да и часть двора, стали смотрѣть косо, какъ на людей, заподозренныхъ въ ересяхъ и вольнодумствѣ. Но Симеонъ былъ очень любимъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и уважаемъ его сыномъ, котораго онъ былъ учителемъ; онъ былъ, можно сказать, домашнимъ человѣкомъ въ царской семьѣ: а потому сломать его и покровительствуемыхъ имъ монаховъ-грамотѣевъ было не легко; но всякій человѣкъ представляетъ какую нибудь сторону, которою внимательный противникъ можетъ воспользоваться. Въ сочиненіяхъ Симеона и Медвѣдева были замѣчены нетвердыя греко-восточныя богословскія понятія, мысли акъ будто почерпнутые ими изъ латинскихъ бого-

словов. Это съ одной стороны обрадовало противниковъ Полоцкаго и Медвѣдева, открывая слабое мѣсто, въ которое можно ихъ поражать, съ другой и встревожило ихъ: имъ показалось, что ересь закрадывается въ православную церковь, уже обуреваемую расколомъ. нашъ Патріархъ немедленно обратился къ восточнымъ патріархамъ, прося у нихъ ученаго, но не «зломудрствующаго» богослова, и дѣйствительно онъ не замедлилъ получить двухъ ученыхъ Грековъ, братьевъ Лихудовъ.

Сочиненіе, которое особенно безпокоило наше духовенство было написано Сильверстомъ. Медвѣдевымъ и называлось *Манною*; Лихуды написали другое сочиненіе, въ опроверженіе мнѣній Сильверста, которыя признаны ими не православными, латинскими. Въ это время уже не было Симеона, стараго покровителя Сильверстова, который могъ бы поддержать его своимъ значеніемъ при дворѣ; правда, Царевна Софія была его давнишнею покровительницею, а Шакловитый былъ пріятель и землякъ его; но вскорѣ эти покровители сошли со сцены, и Сильверстръ Медвѣдевъ, замѣшанный, какъ мы знаемъ, въ дѣло Шакловитаго, столько же за участіе въ метяжѣ, сколько за неправославныя понятія, сожженъ. Тогда Лихуды остались на очищенномъ имъ полѣ сраженія, и получили новое средство приложить свою ученость къ дѣлу.

Когда патріархъ Іоакимъ писалъ въ Константинополь, прося прислать ему ученаго богослова, ему должно было прійти въ голову: до какого крайняго невѣжества, до какой крайней слабости доведены мы, что принуждены просить у постороннихъ людей че-

ловѣка, который бы былъ въ состояніи защитить насъ! Во всей странѣ не было ни кого, кто могъ бы растолковать то, чему весь народъ вѣритъ? Вѣроятно подобныя мысли приходили въ голову и патріарху Іокиму, потому что онъ рѣшился наконецъ устроить въ Москвѣ подобную кіевской академію. Съ другой стороны его тревожила мысль, чтобы эти книжники, эти умники, которые наполняютъ кіевскую академію, не вздумали слишкомъ мудрствовать: и круглое невѣжество было гибельно и знаніе казалось ему страшно; со всѣхъ сторонъ бѣда!... Однако незадолго до смерти Царя Θеодора была-таки открыта въ Москвѣ академія при Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которую было строжайше запрещено принимать учителей изъ Западнаго края, подобныхъ Семеону Полоцкому и Медвѣдеву, и гдѣ Лихуды были главными преподавателями.

Академія эта дала образованіе знаменитому Ломоносову и нѣкоторымъ другимъ замѣчательнымъ людямъ, и потому она заслуживаетъ полнаго уваженія; но начало ея было не блестящее; да и могло ли быть иначе, если почтенный Владыко Іокимъ боялся просвѣщенія почти столько же, какъ невѣжества? При патріархѣ Адріанѣ, еще болѣе своего предшественника нелюбившаго умниковъ, дѣло дошло наконецъ до того, что и классы должны были вовсе прекратиться по случаю тому, что печи и потолки всѣ обрушились ...

Между особенностями этой почтенной (потому что она была первая у насъ) академіи надо упомянуть о томъ, что въ ней не учили ... бездѣлицѣ! .. русскому

языку. Дѣйствительно такъ: занимались тамъ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ языками, тремя языками, на которыхъ неговоритъ ни одинъ народъ, а своимъ собственнымъ не занимались; его считали недостойнымъ того, чтобы ему учиться и писать на немъ! .... По понятіямъ тогдашнихъ умниковъ, на немъ можно было выражать только самыя простыя, грубыя понятія, — спросить пить, ѣсть и т. п.; въ противномъ же случаѣ необходимо слѣдовало прибѣгать къ славянской рѣчи. Вслѣдствіе такихъ понятій и составился какой-то уродливый языкъ, языкъ книжный, смѣсь церковно-славянскаго съ простонароднымъ, на которомъ наши книжники упражнялись въ писаніи тяжелыхъ виршей и высокопарной, напыщенной прозы. Вотъ образецъ этаго языка:

Камо бѣжиши воине избранный, —
Многожде славный, честію вѣнчанный!
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани
Вѣчно ты славы дотекши, престани

Не правдали что эти стихи трудно понять теперь? да едва ли и современники могли хорошо понять ихъ, — такъ мало они похожи на тотъ языкъ, которымъ тогда говорили. Стоитъ только вспомнить нѣкоторые изъ приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ отрывковъ изъ писемъ Петра; или, еще лучше, вотъ письмо, писанное тѣмъ же самымъ лицомъ, которое сочинило приведенные стихи, Царевною Софіей, и къ тому же самому лицу, Голицыну, въ отвѣтъ на извѣстіе объ окончаніи втораго Крымскаго похода.

«Батюшка мой, чѣмъ платить за такіе твои труды

неисчетные, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ вѣры не имѣтся, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть! Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешъ! Еслибъ мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою»....

Не говоря уже о томъ что это письмо исполнено нѣжности и любви (Царевна, какъ сказано, думала выйти замужъ за Голицына), между тѣмъ какъ выше приведенные стихи надуты и холодны, — всякому видно, что проза Царевны гораздо ближе, нежели ея стихи къ обыкновенной, всѣмъ понятной рѣчи.

Петру нѣкогда было сочинять надутые церковно-славянскія фразы; почти все, что онъ писалъ, было писано простою разговорною рѣчью; точно такъ же и въ своихъ къ нему донесеніяхъ, въ частной перепискѣ съ нимъ, его приближенные стали употреблять тотъ же слогъ и туже рѣчь, которая въ послѣдствіи сдѣлалась языкомъ литературнымъ, общимъ для всей Россіи, понятнымъ всѣмъ образованнымъ и даже не образованнымъ русскимъ людямъ, въ какомъ бы отдаленномъ углу нашего отечества они не жили. Старинныя книги печатались славянскими буквами, Петръ сочинилъ для новой печатной рѣчи и особую азбуку, которая, нельзя не согласиться, гораздо красивѣе славянской, и которая почти безъ измѣненій сохраняется до сихъ поръ, а Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ, — всѣмъ намъ дорогія имена! — дали этой рѣчи правила, красоту и, вмѣстѣ съ другими знаменитыми писателями и учеными, создали русскую литературу, литературу еще молодую, далеко не равную германской,

англійской и французской, но которою интересуется не только вся Россія, но и заграничная наша славянская братія. — Чехи, Сербы и др.

Между тѣмъ всякій можетъ замѣтить, что даже и теперешній литературный языкъ, будучи языкомъ общепонятнымъ, очень чувствительно отличается отъ языка, употребляемаго въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Ближе всѣхъ къ нему простонародный языкъ Москвичей; но уже въ смѣжныхъ съ Московскою губерніяхъ слышатся нѣкоторые оттѣнки. Псковичь употребляетъ *ц* вмѣсто *ч*; напримѣръ онъ говоритъ *уценіз, цетверть*; Новгородецъ напротивъ, выговариваетъ *ч* гдѣ слѣдовало бы быть буквѣ *ц*, напримѣръ, *чѣпь, чѣлый*. И такими *мѣстными нарѣчіями* наполнена вся Россія; можетъ быть они изчезнутъ, когда распространится грамотность и когда книги, писанныя обще-русскимъ литературнымъ языкомъ, проникнутъ въ крестьянскія хижины.

Но между этими нарѣчіями есть два, которыя должно отличать отъ прочихъ, потому что ими говорятъ двѣ обширныя области нынѣшней Россіи, — это Малороссійское и Бѣлорусское. Край, въ которомъ говорится на томъ и на другомъ нарѣчіи, долго былъ, какъ извѣстно, отдѣленъ отъ Россіи. Въ то время, какъ Пермякъ и Архангелогородецъ приходили иногда по дѣламъ служебнымъ или частнымъ въ Москву, Бѣлоруссъ и Украинецъ отправлялись въ Варшаву, и польскій языкъ мало-по-малу проникалъ въ эти страны, перемѣшиваясь съ тамошнимъ, также какъ, можетъ быть, нѣкоторыя слова изъ этихъ нарѣчій проникли съ

своей стороны въ польскій языкъ и утвердилась въ немъ; по крайней мѣрѣ вѣрно то, что малорусское и бѣлорусское нарѣчіе ближе подходятъ къ польскому чѣмъ велико-русское. Вотъ для образчика нѣсколько стиховъ, писанныхъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Ва славномъ ва городзи ва Вримѣ (Римѣ)
Какъ жилъ-былъ вяликъ Царь, Амхирьенъ Князь;
Не было въ яво адзинова двиццци
Са сваею абрушнай (обрученной т. е. женою) Княгиняй.
Абрушной Кнагиняй, Кацаринай.

Всякій видитъ и чувствуетъ, что это русская рѣчь, хотя всякому же видно, что она много отличается отъ обще-русской, литературной рѣчи; при томъ какъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи говоритъ только простонародье, по большой части не грамотное, то изъ него и неразвилось ни какой литературы и даже въ приведенныхъ стихахъ слова написаны такъ, какъ они выговариваются, потому что не существуетъ бѣлорусской грамматики.

Несравненно болѣе развилось нарѣчіе малороссійское: имъ говоритъ обширный край, состоящій нетолько изъ Русской Украйны (губерній Черниговской, Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской), но и часть Галиціи и Царства Польскаго; при томъ такъ какъ во время польскаго владычества дворянство этаго края осталось по большой части вѣрнымъ своей народности, то малороссійское нарѣчіе сдѣлалось языкомъ книжнымъ, который имѣетъ не большую, но очень интересную литературу. Вотъ нѣсколько стиховъ прекраснаго украинскаго поэта, Шев-

чёнка, котораго недавнюю смерть оплакиваетъ вся Россія.

По діброви (дубровѣ) вітеръ віе (вѣетъ)
Гуляе по полю,
Край дороги гне (гнетъ) тополю
До самаго долу.
Станъ высокій, листъ широкій —
На що (что) зеленіе? (зеленѣе)
Кругомъ поле якъ (какъ) те море
Широке, синіе (синѣетъ).

Здѣсь опять русскому уху слышатся родные звуки и сердцу его дѣлается понятно, что Малоросъ, Бѣлорусъ, Пермякъ и Архангелогородецъ — есть одна необъятная семья, которая отъ однихъ предковъ происходитъ, имѣетъ одну общую всѣмъ душу, одинъ всѣмъ понятный языкъ и хочетъ неразрывно, рука въ руку, взаимно другъ другу помагая, жить на своей родной почвѣ, дѣля свѣтлые и темные дни, имѣя общую радость и общее горе. «Мы одно любимъ, говоритъ знаменитый Карамзинъ,—любимъ отечество; одного желаемъ ему—еще болѣе благоденствія нежели славы».

XVI.

Общее понятіе о польско-литовско-русскомъ королевствѣ. — Какія различныя партіи и какіе различные интересы его волновали. — Партія за Августа и партія противъ него. — Сапѣги входятъ въ сношеніе съ Карломъ XII. — Шведы изгоняютъ Августа изъ Польши —. Сеймъ провозглашаетъ королемъ Станислава Лещинскаго. — Опасность, которой подвергаются наши войска въ Литвѣ. — Они счасливо отъ нея освобождаются. — Курляндія занята нами. — Карлъ обращается противъ Августа. — Графиня Кенигсмаркъ. — Альтранштетскій миръ (1706). — Паткуль выданъ Карлу и имъ замученъ. — Меньшиковъ одерживаетъ побѣду при Калишѣ.

Возратимся къ Карлу XII, котораго мы оставили при переходѣ его чрезъ границу польскаго королевства.

Странное было это государство! Начать съ того, что оно слагалось изъ трехъ отдѣльныхъ народовъ. Собственно Польша, первоначальное польское каролевство, состояло изъ нынѣшняго Царства Польскаго съ восточною частію нынѣшней Пруссіи и западной частію Галиціи. Въ XVI вѣкѣ мужеская линія старинной ея королевской династіи прекратилась и Поляки устроили бракъ между молодою королевою своею, Ядвигою, и великимъ княземъ литовскимъ,

Ягелломъ, чрезъ что собственно-польскія и литовскія земли соединились въ одно королевство, считаясь однакожъ каждая отдѣльнымъ «народомъ». Вмѣстѣ съ литовскимъ великимъ княжествомъ приступили къ союзу и русскія земли по ту сторону Западной Двины и Днѣпра, то есть Бѣлая и Малая Русь, пріобрѣтенныя литовскими завоевателями, Гедиминомъ, Ольгердомъ и Витовтомъ, и земли эти тоже считались особымъ «народомъ», *Русскою землею*, и какъ Литва и Польша, имѣли свои особыя права.

Это было странное, но хорошее устройство, союзъ добровольный, равныхъ съ равными; ибо хотя Русскія земли и были завоеваны Литовцами, но небольшое количество завоевателей скоро изчезло посреди завоеваннаго народа, котораго языкъ, религія и обычаи остались нетолько не прикосновенными, но напротивъ, болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ утверждались въ самой коренной Литвѣ (нынѣшнихъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ).

Но такое сближеніе Литвы съ Русью казалось Полякамъ опаснымъ; русско-литовская земля могла, да и дѣйствительно должна была рано или поздно слиться съ Московскимъ царствомъ и возтановить Русь старинную, Русь Владимира и Ярослава, оставивши Польшу въ первоначальныхъ ея границахъ, По этому всѣ возможныя усилія были употреблены Поляками, чтобъ ополячить Литву и Русь.

Нѣсколько разъ уже говорили мы о совершенно особливомъ положеніи дворянства (шляхетства), польскаго, которое мало-по-малу, пріобрѣтая все больше

и больше значенія, дошло наконецъ до того, что на самомъ дѣлѣ оно было *Государемъ* страны. Безъ согласія Сейма дворянскаго король не могъ ни издать закона, ни назначить подати, ни объявить войны, а при этомъ довольно было, чтобъ одинъ голосъ произнесъ: nie pozwolam (не дозволяю), чтобы остановить рѣшеніе Сейма. Быть членомъ такого сильнаго сословія, имѣть голосъ въ рѣшеніи судьбы отечества дѣло весьма лестное, право чрезвычайно важное, и Поляки справедливо гордились имъ передъ всею прочею Европою. Кромѣ того они имѣли, каждый въ границахъ своихъ владѣній, право полнаго суда и расправы надъ своими подданными. Короче,—каждый польскій шляхтичъ былъ почти независимымъ владѣльцемъ въ этой такъ называемой «шляхетской республикѣ».

Послѣ присоединенія Литвы и Руси польская шляхта обратилась къ нимъ и сказала: у васъ нѣтъ ничего подобнаго нашимъ привиллегіямъ, но вы можете пріобрѣсть ихъ: всякій Литвинъ или Русинъ, который приметъ католичество и научится польскому языку, на которомъ происходятъ совѣщанія на Сеймахъ, получитъ тѣже права, какъ и природный Полякъ. Почти вся Литва, бывшая въ концѣ XIV вѣка еще языческою, обратилась въ католичество; но Русь, мы уже знаемъ это, за не многими исключеніями, не рѣшилась поступиться своею религіею, своимъ языкомъ, своею народностію. Вотъ тогда-то и начались въ Южной Руси, или Украйнѣ, составлявшей часть польскаго государства, злыя гоненія:

русскіе ренегаты (вѣроотступники), ксендзы польскіе паны, получавшіе на Руси земли, стали давить народонаселеніе, не хотѣвшее ополячиваться, что въ свою очередь произвело страшное возстаніе всей Руси, отъ западной Двины до Чернаго моря и отъ Карпатовъ до Изюма, которое окончилось присоединіемъ части Малоросіи (на лѣвомъ берегу Днѣпра) къ Россіи.

Отпаденіе это уменьшило объемъ польскаго государства, но, можетъ быть, не очень его ослабило бы, еслибъ оно поняло свои ошибки и исправило бы ихъ. Прекрасны были права шляхетскія, и во всей Европѣ не было дворянства болѣе свободнаго, но за то едва ли гдѣ нибудь остальныя сословія были такъ угнетены какъ въ Польшѣ и Литвѣ; простой народъ существовалъ тамъ только для того, чтобы давать средство жить своимъ панамъ. Паны эти при томъ безпрестанно ссорились между собою, а какъ король не имѣлъ никакой дѣйствительной силы, чтобы усмирять ихъ, то междоусобія не прекращались. Въ довершеніе бѣдствій, по прекращеніи литовской династіи (въ концѣ XVI вѣка), Сеймы рѣшили, что наслѣдственныхъ королей больше не будетъ и что престолъ будетъ избирательнымъ. Тогда каждое избраніе стало сопровождаться войнами. Богатые польскіе паны и сосѣдніе государи составляли себѣ въ Польшѣ партіи и уже не воля народная, а воля сильнѣйшей партіи провозглашала короля; другія партіи кричали nie pozwołam, выхватывали сабли — и начиналась рѣзня; очень часто недовольные обраща-

лись за помощью къ сосѣднимъ державамъ, призывали иноземныя войска, и нѣкогда сильное и славное государство стало видимо клониться къ паденію.

Подобнымъ образомъ былъ избранъ (1697) и саксонскій курфирстъ, Августъ; и хоть враждебныя ему партіи скоро были саксонскими войсками принуждены покориться, но самая вражда не прекращалась. Въ главѣ этой враждебной партіи была знатная литовская фамилія, Сапѣговъ, которая поссорившись съ другою фамиліею магнатовъ, Огинскихъ, вошла въ сношеніе съ шведскимъ королемъ и предложила ему помощь въ войнѣ противъ Августа.

Опираясь на эту партію и разбивъ саксонскія войска, Карлъ безпрепятственно прошелъ черезъ Литву и вступилъ въ Польшу. Августъ собралъ въ Варшавѣ Сеймъ и умолялъ его дать ему войско; но Поляки, недовольные тѣмъ, что война начата безъ согласія Сейма, отвѣчали Августу, чтобъ онъ продолжалъ ее какъ началъ, съ своими Саксонцами.

Положеніе Августа сдѣлалось очень опаснымъ. Карлъ занялъ Варшаву, Краковъ, Торнъ, Данцигъ, всю Польшу, и наконецъ предложилъ Полякамъ съѣхаться на Сеймъ для избранія себѣ короля, такъ какъ Августъ въ дѣйствительности уже не царствуетъ. Сеймъ собрался и провозгласилъ королемъ польскаго шляхтича, Станислава Лещинскаго (1704).

Въ этомъ крайнемъ положеніи Петръ послалъ на помощь своему союзнику сильное войско, подъ начальствомъ Меньшикова, которое заняло Литву. Но оно само едва не погибло отъ оплошности одного

изъ начальниковъ своихъ, иностранца Огилеви: расчитывая, что Карлъ еще въ Варшавѣ, Русскіе, находясь въ Гроднѣ и его окрестностяхъ, не принимали ни какихъ мѣръ осторожности, а онъ, лишьтолько установился зимній путь, быстро двинулся противъ нихъ, обошелъ ихъ и отрѣзалъ отступленіе въ Россію. Это случилось въ то самое время, какъ въ Астрахани происходили безпорядки, послѣдствій которыхъ не съ весьма спокойнымъ духомъ Царь ожидалъ въ Москвѣ, — и вдругъ страшное извѣстіе, что почти всѣ его силы, разбросанныя на небольшіе отрядцы, съ минуты на минуту ожидаютъ или быть разбитыми по частямъ, или умереть съ голоду!

Еслибъ это случилось, что̀ противопоставить Карлу? чѣмъ оборонить границу?....

Въ жизни людей, которые двигаютъ огромными дѣлами, управляютъ судьбами государствъ, бываютъ минуты тяжкихъ испытаній, бываютъ положенія, по видимому, отчаянныя: люди обыкновенные тогда изнемогаютъ, предаются малодушію, но сильныя натуры въ самой опасности находятъ новыя силы. Петръ полетѣлъ къ своей арміи, но достигнуть до нея не было возможности, Шведы заперли всѣ дороги. «О зѣло намъ печально, пишетъ тогда Царь Репнину, что мы не могли къ вамъ доѣхать; и въ какой мысли мы нынѣ есть — единому Богу извѣстно!» Къ Мазепѣ, который между тѣмъ находился невдалекѣ и могъ подать помощь запертой нашей арміи, онъ пишетъ, чтобъ, бросивъ все, поспѣшалъ: «фундаментъ всему, что поспѣшайте, поспѣшайте!» Но какъ ни

кипѣло его сердце, онъ ни однимъ упрекомъ не огорчаетъ Огильви, и безъ того конечно уже огорченнаго; спокойно и обстоятельно онъ даетъ ему совѣтъ, какъ выпутаться изъ опаснаго положенія, и Огильви, дѣйствительно, слѣдуя совѣту Царя, выводитъ свои войска почти безъ потери.

Такъ разрѣшилось одна изъ самыхъ трудныхъ минутъ войны нашей съ Швеціею, и какъ неудачи и затрудненія приходятъ по большей части толпою, со всѣхъ сторонъ вдругъ, такъ приходятъ и удачи. Въ это же время получено извѣстіе объ окончательномъ усмиреніи Астрахани и взятіи Митавы и Бауска въ Курляндіи.

Войска наши благополучно ускользнули отъ большой опасности, но грозные Шведы были вблизи нашихъ границъ и можно было ожидать, что они вторгнутся въ Россію. Однакожъ Карлъ XII, своенравный во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, какъ неожиданно явился въ Литвѣ, такъ неожиданно теперь кинулся въ Польшу, чтобъ догонять Августа; онъ прошелъ ее всю насквозь, вторгнулся въ самую Саксонію и вытѣснилъ Августа изъ его наслѣдственныхъ, родовыхъ владѣній: несчастный этотъ государь долженъ былъ горько раскаяться въ честолюбіи своемъ, которое его подвигнуло начать войну вопреки всякой справедливости и безъ согласія польскаго народа.

Доведенный до крайности, онъ сталъ искать мира, и для этого прибѣгнулъ къ очень оригинальному способу. При его дворѣ, извѣстномъ во всей Европѣ

роскошью, удовольствіями и распутствомъ, блистала въ это время необыкновенною красатою графиня Кенигсмаркъ; весь дворъ, отъ короля до послѣдняго пажа, покланялся этой удивительной красавицѣ: ее-то вздумалъ Августъ употребить какъ средство для смягченія гордаго короля, и, подъ предлогомъ собственныхъ дѣлъ графини, имѣвшей въ Швеціи какой то процессъ, отправилъ ее въ шведскій лагерь. Прекрасная дипломатка была вполнѣ увѣрена, что противъ ея просьбъ, слезъ и улыбокъ не устоитъ ни какое мужское сердце и что она успѣетъ выторговать для любезнаго ей Августа какія нибудь уступки со стороны шведскаго короля; но тщетны были эти надежды: Карлъ, страстный только къ военнымъ занятіямъ и трудамъ, лишенный всякихъ нѣжныхъ чувствъ и будучи очень строгихъ правилъ, не согласился даже допустить къ себѣ графиню, которая со стыдомъ и досадою должна была возвратиться, а Августъ вступить въ переговоры о мирѣ обыкновеннымъ путемъ, черезъ дипломатовъ съ бритыми подбородками.

Переговоры эти были непродолжительны: Карлъ объявилъ свои требованія и присовокупилъ, что онъ не отступитъ отъ нихъ ни на волосъ. Требованія эти состояли въ томъ, чтобъ Августъ торжественно отрекся отъ польской короны и отъ всякой мысли о совмѣстничествѣ съ Станиславомъ, чтобы онъ поздравилъ его съ вступленіемъ на престолъ, чтобъ уплатилъ побѣдителю огромную сумму за издержки войны и чтобъ выдалъ ему извѣстнаго намъ Паткуля, какъ шведскаго измѣнника ....

Отрѣчься отъ польской короны была очевидная необходимость: этому должно и можно было покорить-ся Заплатить за издержки войны — было нелегко, потому что Саксонія и такъ была разорена; но нужныя на это деньги предполагалось собрать съ народа, а не въ первый разъ бѣдному народу приходилось расплачиваться своими кровными деньгами за войны, причины и цѣль коихъ ему вовсе неизвѣстны; это слѣдовательно тоже не стѣсняло Августа. Мудренѣе было согласиться Августу на поздравленіе своего торжествующаго соперника, потому что въ этомъ было явно неблагородное желаніе Карла унизить и оскорбить побѣжденнаго; но Августъ самъ началъ войну и ему слѣдовало вынести ея послѣдствія. Чтоже касается до выдачи Паткуля, человѣка отдавшагося подъ его защиту, бывшаго ему очень полезнымъ, пользовавшагося его довѣренностію, то на это условіе невозможно было согласиться: это запрещала Августу его собственная честь, этаго не допускала честь его народа, который, еслибъ былъ спрошенъ, вѣрно лучше отдалъ бы послѣдній свой талеръ и сталъ бы подъ ружье до послѣдняго человѣка, нежели согласился бы на такое униженіе, на такой безчеловѣчный поступокъ. Но однакожъ Августъ согласился! ...

Замѣтимъ, что Паткуль въ это время считался въ русской службѣ и былъ посланникомъ Царя при Августѣ, который слѣдовательно не имѣлъ на него ни какаго права, тѣмъ болѣе что особы посланниковъ вездѣ признаны неприкосновенными. Еслибъ теперь

случилось что нибудь подобное, вопль негодованія огласилъ бы всю европейскую журналистику, все общественное мнѣніе разразилось бы безпощаднымъ порицаніемъ, Но полтораста лѣтъ тому назадъ народы очень мало знали, что дѣлается между правительствами, и Августъ могъ надѣяться втихомолку обдѣлать свое безсчестное дѣло.

Мирныя условія были подписаны въ саксонскомъ городкѣ, Альтранштетѣ. Саксонцы должны были уплатить нѣсколько милліоновъ за честолюбіе и неспособность своего курфирста; Августъ торжественно призналъ королемъ польскимъ Станислава и написалъ ему письмо, въ которомъ довольно дерзко дастъ ему чувствовать, что оно вынуждено необходимостью, настояніемъ короля шведскаго и что онъ молитъ Бога, чтобъ въ отношеніи его, Лещинскаго, Поляки были вѣрнѣе, нежели въ отношеніи его, Августа. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ нѣсколько холодныхъ и колкихъ строкъ: «Письмо В. В. есть новое доказательтсво того—сколь многимъ я обязанъ королю шведскому. Я очень благодаренъ за поздравленіе, которымъ В. В. меня удостоили; надѣюсь, что мои подданные не будутъ имѣть причины перемѣниться въ отношеніи меня, потому что *я намѣренъ строго соблюдать законы*» (т. е. не такъ какъ Вы).

Чтоже касается до Паткуля, то этотъ несчастный былъ выданъ Карлу и приговоренъ имъ къ мучительнѣйшей казни, — четвертованью ... «Сѣверный Александръ,» какъ называли его многіе, до того былъ мстителенъ, что приказалъ разстрѣлать одного швед-

скаго офицера, который, видя что несчастная жертва съ обрубленными ногами и руками еще дышала, изъ состраданія пристрѣлилъ ее, чтобъ прекратить ея мученія.

Всѣ эти общія и частныя страданія, которыхъ онъ былъ болѣе или мѣнѣе виновникомъ, не очень тревожили Августа, и онъ продолжалъ по прежнему сладко спать, сытно ѣсть и много пить. Дворъ его остался такимъ же великолѣпнымъ, какъ былъ прежде; прекрасная графиня Кенигсмаракъ и десятки другихъ были по прежнему къ нему внимательны; богатырская сила его руки, которою онъ очень гордился, ему не измѣнила, и подписывая альтранштетскій миръ, онъ уже давалъ себѣ слово нарушить его при первомъ благопріятномъ оборотѣ дѣлъ!

Чтобъ еще лучше опредѣлить характеръ этого «Саксонскаго султана», какъ его справедливо называютъ, прибавимъ здѣсь, что миръ былъ имъ уже подписанъ, когда Меньшиковъ, который объ этомъ ничего не зналъ, предложилъ ему аттаковать одинъ сильный шведскій отрядъ, стоявшій не далеко отъ г. Калиша. Отказаться отъ этого было невозможно, не открывши своей тайны; повести свои войска противъ Шведовъ, значило, съ другой стороны, подвергнуться всѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ мщенія шведскаго короля: что же дѣлаетъ Августъ?. Одобряетъ намѣреніе Меньшикова и обѣщаетъ поддержать его своими Саксонцами, но въ тоже время предупреждетъ о его намѣреніи шведскаго генерала, а какъ послѣдній не получилъ по какому-то недо-

разумѣнію этого предупрежденія, то Августъ, съ мирнымъ договоромъ въ карманѣ, присутствуетъ при избіеніи нѣсколькихъ тысячъ своихъ прежнихъ и новыхъ союзниковъ!...

Калишкое сраженіе было нами выиграно и Меньшиковъ получилъ отъ обрадованнаго Царя званіе фельдмаршала.

XVII.

Какая могла быть цѣль ожидаемаго похода Карла XII на Россію?—Состояніе умовъ и партій въ Малороссіи.—Партія народная, или московская и шляхетская или польская.—Преобладаніе Мазепы надъ Украйною. — Неудовольствіе противъ него и доносы.—Ссора съ Кочубѣемъ; доносъ и смерть сего послѣдняго.—Сношенія Мазепы съ Польшею и Швеціею.—Онъ старается возбудить народъ противъ Россіи.—Карлъ приближается къ русскимъ границамъ, медлитъ и наконецъ поворачиваетъ къ Малороссіи.—Битва при Лѣсномъ.—Мазепа уходитъ въ шведскій станъ (1708).—Энергическія распоряженія Царя. — Избраніе въ гетманы Скоропадскаго.—Осада Полтавы.—Полтавское сраженіе (27 Іюня 1709).

Послѣ заключенія мира съ Августомъ, Карлъ очевидно долженъ былъ обратиться на Россію. Къ этому давно уже уговаривали его тѣ немногіе изъ его прибли-

женныхъ, которымъ онъ дозволялъ выражать свои мнѣнія; они говорили ему, что Царемъ и Россіею нарвское пораженіе давно забыто; что вся Ингрія (ижерская земля) и Курляндія заняты Русскими, что они хозяйничаютъ какъ дома въ Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ недовольное дворянство, не удерживаемое шведскими силами, начинаетъ склоняться на сторону Царя; что преслѣдуя Августа съ такимъ упорствомъ, и такъ усердно занимаясь устройствомъ польскихъ дѣлъ, Карлъ оставляетъ безъ вниманія свои собственныя владѣнія.

Все это была совершенная правда; но Карлъ XII дѣйствовалъ гораздо болѣе по страсти, чѣмъ по разсудку, и необыкновенное его упрямство не позволяло ему согласиться съ какимъ бы то ни было постороннимъ мнѣнеімъ.

Но вотъ въ концѣ 1707 года, казалось, не оставалось уже болѣе никакихъ предлоговъ откладывать походъ въ Россію. У насъ это очень хорошо понимали, и Петръ, котораго почти сверхъ-естественная дѣятельность постоянно приводитъ въ изумленіе, въ эти грозныя минуты ожиданія рѣшительнаго боя, превосходитъ самъ себя онъ носится, какъ буря, изъ конца въ конецъ; при каждой перемѣнѣ лошадей пишетъ или диктуетъ нѣсколько приказовъ, вездѣ неожиданно является, все самъ осматриваетъ, всему даетъ жизнь и движеніе.

Что Карлъ не замедлитъ явиться на границахъ Россіи, — это было внѣ сомнѣній; но по какому направленію онъ пойдетъ? какую цѣль онъ себѣ предположитъ? — вотъ вопросъ. Казались возможными три

случая: первое—что онъ направится на Петербургъ и и пожелаетъ отнять наши недавнія завоеванія; такъ думал Цъарь и нѣкоторые генералы. Другіе полагали, что завоеватель кинется на Москву,въ надеждѣ предписать Россіи миръ съ высоты Кремля,— и это казалось вѣроподобнымъ. Третье предположеніе состояло въ томъ, что Шведы вступятъ въ русскую Украйну: это было мнѣніе Меньшикова; съ нимъ никто не согласился, но послѣдствія доказали, что оно было вѣрно.

Мы очень хорошо и вполнѣ достовѣрно знаемъ, что Малороссія добровольно поддалась Россіи при Хмельницкомъ, и можно сказать по справедливости, что желаніе ея было единодушно. Но тамъ, гдѣ говорится о мнѣніи милліоновъ, конечно не можетъ быть, чтобы всѣ эти милліоны думали, чувствовали и желали какъ одинъ человѣкъ: если очень значительный перевѣсъ мнѣній оказывается на одной сторонѣ, то можно, да и принято считать, что рѣшеніе единодушно. Такъ именно было въ Малороссіи, когда на ея *радѣ* (мірской сходкѣ) рѣшался вопросъ: присоединяться ли къ Москвѣ? Несмѣтное большинство желало этаго; но были люди, которые старались отклонить это рѣшеніе, говоря, что Москва непремѣнно отберетъ у Украйны ея права и вольности, какъ вовсе несходныя съ московскими порядками.

Люди эти стояли повидимому за народъ, за благо страны; но въ дѣйствительности большая часть ихъ имѣла ввиду свои личные интересы. Это были люди богатые, сдѣлавшіе себѣ связи и которые плѣнялись шляхетскими привиллегіями, надѣясь при

томъ, что необходимость принудитъ Польшу открыть доступъ на свои Сеймы и не католикамъ (диссидентамъ) а эти права, какъ мы знаемъ, точно были соблазнительны. Но ими не могли воспользоваться люди не богатые, не родовиты, не чиновные; такихъ же людей было огромное большинство, и большинство это выразилось за Москву и противъ Польши; за государство демократическое, противъ государства аристократическаго.

Такимъ образомъ въ Малороссіи съ самаго перваго времени ея присоединенія, образовались двѣ партіи: польская или шляхетская и московская или народная. Къ первой принадлежала большая часть «старшины,» ко второй — большинство простыхъ казаковъ и «посполъство», т. е. крестьянство. Хмельницкій и Самойловичъ были людьми первой партіи; Выговскій и Брюховецкій — другой.

Къ ней же принадлежалъ и Мазепа, проведшій въ Варшавѣ, при польскомъ дворѣ, свою молодость, получившій образованіе въ училищѣ іезуитовъ, любезный съ женщинами, сладкорѣчивый, любившій власть и деньги и считавши себя природнымъ шляхтичемъ. Въ первое время своего гетманства онъ былъ не въ милости у Петра, какъ креатура Царевны и Голицына. Чтобъ показать, что у него нѣтъ ничего общаго съ падшею партіею, онъ началъ клеветать на бывшаго фаварита; лестію и щедрыми подарками такъ умѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ приближенныхъ Петра и такъ примѣниться къ его вкусамъ, такъ войти въ его виды, что въ короткое время онъ пріобрѣлъ полную его довѣренность.

Устроивши такимъ образомъ на прочномъ основаніи дѣла свои при московскомъ дворѣ, онъ забралъ непомѣрную власть на Украйнѣ, смѣнялъ людей, которые ему не нравились, сажалъ на ихъ мѣста кого хотѣлъ, отнималъ земли у однихъ, раздавалъ ихъ другимъ, копилъ правдами и неправдами собственно для себя казну, которою дѣлился съ покровителями своими въ Москвѣ и съ приверженцами на Украйнѣ, и царствовалъ изъ своего Батуринскаго замка надъ всею Малороссіею лѣваго берега Днѣпра.

Разумѣется его управленіемъ было много недовольныхъ; множество жалобъ, множество безъименныхъ доносовъ доходили до Москвы; но довѣренность къ нему Царя и усердіе московскихъ друзей его были таковы, что все ему сходило съ рукъ, — и обвиненія въ лихоимствѣ, которое Царь строго наказывалъ, и даже доносы на его сношенія съ Польшею, Турціею и Крымомъ: въ Москвѣ ничему этому не хотѣли вѣрить. А между тѣмъ большая часть этихъ обвиненій была справедлива, и между прочимъ во все время своего гетманства онъ велъ тайныя сношенія съ Польшею, Турціею и Крымомъ, и вездѣ пріобрѣталъ себѣ друзей.

Вступивъ на польскій престолъ, Станиславъ Лещинскій отправилъ къ Мазепѣ довѣренное лице съ предложеніемъ вступить съ нимъ въ дружественныя связи. Какъ природный шляхтичъ и при томъ человѣкъ образованный и любезный, Мазепа водилъ знакомство съ польскою знатью; и съ этой стороны тоже начались съ нимъ переговоры: сулили ему особыя милости Станислава, покровительство непобѣдимаго швед-

скаго короля, представляли, что ему нечего хорошаго ожидать отъ вовсе не шляхетской «дикой Московіи», которая при томъ, также какъ и ея Царь, имѣя дѣло съ непобѣдимымъ Шведомъ, говорили Мазепѣ,— добрымъ не кончитъ. Все это внимательно выслушивалъ старый гетманъ, но не вѣрилъ всему тому, что ему говорили; не вѣрилъ прочности Станиславова престола, не вѣрилъ постояннымъ успѣхамъ Карла, а про Петра зналъ лучше многихъ, что̀ это за человѣкъ, и что не легко одолѣть его хоть бы и «сѣверному Александру»; боялся онъ при томъ слишкомъ вдаваться въ эти сношенія, потому что въ Кіевѣ сидѣлъ воевода царскій, который былъ обязанъ присматривать за всѣмъ, что дѣлается въ Малороссіи, и что этотъ воевода, князь Голицынъ, былъ очень умный человѣкъ, котораго нельзя же слишкомъ долго обманывать.

Между тѣмъ случилось вотъ какое странное и трагическое произшествіе. Мазепа, которому было за шестьдесятъ лѣтъ, влюбился въ дочь войсковаго генеральнаго судьи, Кочубея, и сталъ къ ней свататься. Кромѣ непомѣрной розницы лѣтъ, онъ былъ крестнымъ отцемъ той, на которой хотѣлъ жениться, а потому конечно, получилъ отказъ. Къ удивленію, этотъ отказъ привелъ въ отчаяніе молодую дѣвушку; она сердечно привязалась къ сладкорѣчивому старцу, а онъ съ своей стороны, какъ страстный юноша разсыпалъ передъ нею жемчугъ, бисеръ, дукаты, всѣ драгоцѣнности своей несмѣтной казны и еще болѣе драгоцѣнныя для молодаго сердца выраженія нѣжности: «мое серденько, мой квѣте роженый (цвѣтъ розовый) говоритъ онъ ей въ пись-

махъ, которыя дошли до нашего времени, уже ты меня изсушила красивымъ своимъ личикомъ и своими обѣтницами «(обѣщаніями)!» бодай (Богъ дай, пусть бы) Богъ того съ душею разлучивъ, кто насъ разлучаетъ» пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. Помутился разсудокъ у бѣдной дѣвушки, и однажды она ушла изъ отцовскаго дома къ своему возлюбленному . . . .

Не долго однакожъ длилось ея заблужденіе: старый гетманъ скоро предался вновь своимъ заботамъ и замысламъ, а несчастная жертва возратилась въ родительскій домъ съ горестію въ душѣ и преслѣдуемая безпощадною молвою. Зло залегло въ сердцѣ стараго Кочубея. Онъ припоминалъ все, что слыхалъ отъ гетмана въ искреннихъ бесѣдахъ съ нимъ, что видѣлъ подозрительнаго въ его дѣйствіяхъ, переговорилъ съ полковникомъ малороссійскимъ, Искрою, также какъ и онъ ненавидѣвшимъ Мазепу, и обще съ нимъ послалъ въ Москву доносъ, въ которомъ предупреждалъ Царя, что гетманъ затѣваетъ измѣну и хочетъ Малороссію отдать Польшѣ.

Къ несчастію Царь не повѣрилъ и этому доносу, также какъ многимъ предшествующимъ; вытребовалъ къ себѣ доносщиковъ и подвергнулъ ихъ суровому допросу; испуганные, они отреклись отъ своихъ показаній; тогда, приписывая это какимъ нибудь козиямъ, намѣренію возбудить въ краѣ волненіе противъ гетмана, Царь велѣлъ пытать ихъ, и потомъ, какъ клеветниковъ, отослалъ къ Мазепѣ для совершенія надъ ними казни. 14 Іюля 1708 года Кочубею и Искрѣ были отсѣчены позорнымъ образомъ, какъ

злодѣямъ головы, коварнаго же Мазепу Царь утѣшалъ ласковыми словами въ безпокойствѣ, которое ему дѣлаютъ эти доносы и обнадеживалъ въ своей неизмѣнной довѣренности.

А Мазепа между тѣмъ дѣйствительно велъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ, и обѣщалъ, если Шведы вторгнутся въ Россію и направятся къ Москвѣ, польскія же войска явятся на Днѣпрѣ, — поднять всю Украйну и привести ее въ подданство Польшѣ, въ вознагражденіе за что онъ, Мазепа, долженъ былъ получить званіе гетмана уже *всей Малороссіи*, обоихъ сторонъ Днѣпра, титулъ князя и мѣсто въ польскомъ сенатѣ. Таковъ былъ замыселъ стараго гетмана. Но въ этомъ случаѣ его «шляхетскія» понятія сильно его обманывали; окруженной старшиною, часть которой дѣйствительно раздѣляла его мнѣніе, онъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать, такъ ли думаетъ остальной народъ малороссійскій; шляхтичъ въ душѣ, онъ считалъ простанародье безмысленнымъ стадомъ, которое можно направить куда угодно. Ошибался высокомѣрный гетманъ; украинскій народъ издавна привыкъ къ *радамъ*, къ выбору своихъ начальниковъ, къ рѣшенію дѣлъ, такъ сказать, общимъ разумомъ: такой народъ одурачить мудренѣе, нежели какой нибудь другой.

Онъ дѣлалъ впрочемъ для этого все отъ него зависящее: искусно распускалъ молву, что Москва хочетъ отобрать старыя вольности украинскія; что она намѣревается обратить казаковъ въ солдаты, а посполитыхъ сдѣлать крѣпостными, и выселить въ ве-

ликороссійскія губерніи, и что онъ, Мазепа, одинъ только еще съ трудомъ отстаиваетъ права священной старины. Всѣ эти внушенія оставляли конечно слѣдъ и поселяли въ народѣ неудовольствіе, о которомъ въ свою очередь Мазепа спѣшилъ извѣстить Царя, выставляя при этомъ себя и своихъ соумышленниковъ единственно вѣрными и надежными людьми, чинилъ жестокія наказанія надъ казаками и въ тоже время давалъ имъ чувствовать, что это дѣлается по волѣ Царя, ненавидящаго Украйну. И все это дѣлалось такъ искусно, что кіевскій воевода, Голицынъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ людей своего времени, ничего не видѣлъ и ничего не подозрѣвалъ, и поддерживалъ государя въ его довѣренности къ Мазепѣ.

Не надѣясь однако морочить всю Россію неопредѣленное время, онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ колебанія и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ шведскаго короля. Въ самомъ дѣлѣ, половина 1708 года была, можно сказать, потеряна Карломъ,—полководцамъ по большой части быстрымъ и чрезвычайно рѣшительнымъ. Послѣ заключенія альтранштетскаго мира онъ хоть и потянулся къ сѣверовостоку, прошелъ всю Польшу, и вступилъ въ Литву, но тамъ точно будто завязъ въ ея болотахъ. А между тѣмъ край этотъ, вообще бѣдный разоренъ будучи такъ давно продолжающеюся войною, не представлялъ средствъ для продовольствія шведской арміи; войска русскія, разумѣется захватывали для себя то немногое, что можно было
портили дороги, разоряли мосты выжигали селе-
съ цѣлію затруднить положеніе Шведовъ.

Кажется, что Карлъ колебался, куда ему направится: на Петербургъ, на Москву или на Кіевъ. Мазепа старался отклонить его отъ этаго послѣдняго намѣренія, справедливо расчитывая, что вмѣстѣ съ шведскимъ войскомъ, или даже ранѣе его, вступитъ въ Малороссію и русское, и что тогда ему будетъ не легко произвесть въ краѣ возстаніе.

Между тѣмъ Карлъ рѣшился именно направить свой походъ на Украйну и приказалъ генералу своему, Левенгаупту, находившемуся въ Лифляндіи, бросить все и присоединиться къ нему. Движеніе Левенгаупта неизвѣстно по чему-то замедлилось, и Карлъ, соскучившись его дожидать, вдругъ круто повернулъ къ югу и быстро двинулся къ границамъ Украйны, «Дьяволъ его сюда несетъ!» воскликнулъ гетманъ, узнавъ объ этомъ движеніи.

Карлъ при этомъ дѣлалъ очень важную ошибку: онъ отдалялся отъ Левенгаупта, и генералу этому трудно было пробраться съ своимъ 15 тысячнымъ корпусомъ вблизи всей русской арміи, и притомъ съ большими обозами провіанта и снарядовъ, которые онъ долженъ былъ везти изъ Риги для снабженія нуждавшихся шведскихъ войскъ. Узнавши объ этой важной ошибкѣ своего противника, Петръ кинулся на встрѣчу Левенгаупту, настигъ его при переправѣ чрезъ рѣку Сожу и, при селеніи Лѣсномъ, нанесъ ему жестокое пораженіе, разсѣялъ большую часть его войскъ и отбилъ провіантъ и запасы.

Это была первая важная побѣда, одерженная нами надъ Шведами, и побѣда имѣвшая большія по-

слѣдствія, потому что главная армія шведская лишилась и подкрѣпленій людьми и запасовъ военныхъ и провіанта, которыхъ она ожидала съ Левенгауптомъ, такъ что у нея отнималась надолго возможность предпринять что нибудь рѣшительное.

Окончивши съ Левенгауптомъ, войска наши поспѣшили въ Украйну, чтобъ преградить дальнѣйшій путь Карлу. Его армія была уже въ это время на р. Деснѣ, не далеко отъ Стародуба. Мазепа между тѣмъ продолжалъ хитрить, увѣрять Царя, Головкина, Меньшикова въ своей преданности, жаловался на «гултяевъ» или голытьбу (бездомниковъ, бѣдныхъ казаковъ), которые будто-бы производятъ возмущенія; подъ предлогомъ ихъ усмиренія отсылалъ подальше русскія войска и съ безпокойствомъ ожидалъ какого нибудь рѣшительнаго, смѣлаго движенія со стороны Шведовъ. Но они, какъ мы знаемъ, не могли послѣ пораженія при Лѣсномъ этаго сдѣлать, а между тѣмъ Царь былъ въ Глуховѣ, въ Украйнѣ, и звалъ къ себѣ Мазепу, чтобы переговорить о мѣрахъ къ оборонѣ края. Подозрѣвая, не открыты ли его сношенія съ Поляками и Шведами, Мазепа не рѣшился ѣхать къ Царю, боясь засады, и сказался отчаянно больнымъ. И вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что въ Батуринъ ѣдетъ Меньшиковъ,—Меньшиковъ, съ которымъ однимъ изъ приближенныхъ Царя онъ никогда не могъ сойтись и который еще годъ тому назадъ, предсказывалъ что Король шведскій пойдетъ на Украйну, какъ будто-бы намекая, тѣмъ, что онъ подозрѣваетъ тайны Мазепы... При

этомъ извѣстіи страхъ обуялъ стараго лицемѣра: онъ «порвался какъ вихрь», велѣлъ ударить въ литавры, сѣдлать коней и понесся съ небольшимъ, бывшемъ при немъ отрядомъ, по направленію къ шведскому стану (26 Октября 1708). Можно вообразить удивленіе Меньшикова, когда онъ, пріѣхавъ въ Батуринъ, нашелъ его на военной ногѣ, а о гетманѣ, котораго онъ считалъ при-смерти, услышалъ, что онъ ускакалъ съ казаками къ Деснѣ и переправился черезъ нее вплавъ!... Все это подробно описано въ очень любопытномъ письмѣ отправленнымъ Меньшековымъ къ Царю. Нѣкоторые изъ повѣренныхъ Мазепы понимали цѣль этого движенія, но большая часть бывшихъ съ нимъ казаковъ воображала, что ихъ ведутъ противъ непріятеля, и велико было ихъ удивленіе, когда истина передъ ними открылась! Мѣжду тѣмъ шведское войско къ нимъ приблизилось и, отдавая имъ всевозможныя почести, окружило ихъ. Возвратиться было невозможно!

Весь отрядъ, приведенный Мазепою не превышалъ четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ; это далеко не соотвѣтствовало ожиданіямъ Карла; но Мазепа увѣрялъ его, что вся Малороссія не замедлитъ подняться, и съ этою цѣлію поспѣшилъ разослать къ своимъ землякамъ возмутительныя письма, въ которыхъ, повторяя прежнія клеветы на Москву, старался возбудить духъ старинной войнолюбивой вольницы.

Вѣсть о бѣгствѣ Мазепы была для Царя какъ громъ, который иногда вдругъ неожиданно прогремитъ надъ головою посреди яснаго и безоблачнаго

неба. Въ первую минуту онъ не хотѣлъ этому вѣрить; но какъ только сомнѣніе прошло и вся истинна раскрылась, дѣятельность его и энергія закипѣли какъ волканъ. Онъ извѣщаетъ Украйну и всю Россію объ измѣнѣ Мазепы; приглашаетъ старшину, казаковъ, и попсольство поспѣшить къ нему въ Глуховъ для избранія себѣ новаго гетмана; сулитъ прощеніе и милость тѣмъ изъ ушедшихъ казаковъ, которые добровольно возвратятся; подтверждаетъ всѣ старинныя вольности Малороссіи; представляетъ Мазепу врагомъ своей родины, которую онъ замышлялъ возвратить ненавистному владычеству Польши и уніи; Шведовъ представляетъ врагами православія; посылаетъ Меньшикова взять батуринскій замокъ и развѣять его прахъ по вѣтру, изображеніе же Мазепы приказываетъ вздернуть на позорную висѣлицу рукою палача; наконецъ, по его желанію, духовенство предаетъ измѣнника церковному проклятію, рядомъ съ воромъ Стенькою Разинымъ. Это были страшныя мѣры, отъ которыхъ холодъ пробѣгаетъ по жиламъ, но онѣ должны были подѣйствовать и точно подѣйствовали. Народъ никогда не любилъ высокомѣрнаго Мазепы; Польша и унія оставили въ немъ не добрую память,— и онъ остался вѣрнымъ своимъ великорусскимъ братьямъ, подалъ имъ руку, чтобъ вмѣстѣ дѣлить общую радость и общее горе, вмѣстѣ переживать свѣтлые и темные дни.

Только неугомонные Запорожцы, увлеченные своимъ кошевьемъ, Гордеэнкомъ, отказали въ повиновеніи, и, въ небольшомъ впрочемъ числѣ, ушли къ

Шведамъ. Гетманомъ былъ избранъ Скоропадскій, человѣкъ добрый и тихій, отъ котораго нельзя было ждать ни особенной пользы, ни вреда.

Между тѣмъ наступила глубокая осень, а потомъ зима столь суровая, что самые старые Украинцы такой не помнили. Шведская армія сильно страдала и отъ погоды и отъ недостатка провіанта и замѣтно уменьшалась, будучи лишена въ этомъ краю возможности получать подкрѣпленія. Карлъ зашелъ слишкомъ далеко, и многіе изъ его приближенныхъ начинали думать, что положеніе его не безопасно.

Наконецъ прошла эта тяжелая для Шведовъ зима. Шереметевъ и Меньшиковъ съ своими арміями стояли около Миргорода и Полтавы, изъ которыхъ послѣдняя была довольно сильно укрѣплена. Какъ только установилась весна, шведскія войска обложили Полтаву; стали туда же стягиваться и Русскіе, но помощи оказать осажденному городу немогли, за болотами его облегающими, а вступить въ бой со всею арміею Карла и имъ самимъ предводимою, не рѣшались. Между тѣмъ это было уже не такъ страшно, какъ четыре года тому назадъ; мы были и числомъ сильнѣе ихъ, армія наша была свѣжѣе, лучше сбережена чѣмъ шведская, да и самъ Карлъ принужденъ былъ не задолго передъ тѣмъ сказать: «вижу, что мы научили Москвитянъ воевать!»

По этому Царь, прибывши къ войску въ іюнѣ, рѣшился самъ аттаковать Шведовъ; выбралъ удобную позицію, укрѣпилъ ее и готовился къ бою, когда 27, іюня рано утромъ, мы увидѣли, что шведское войско становится въ ружье, выстраивается и приготовляется ударить на насъ.

Это была торжественная, важная минута! Не то чтобъ здѣсь рѣшалась, какъ иные говорили, судьба нашего отечества: одно сраженіе не могло сокрушить такой страны, какъ Россія; но будучи потеряно, оно могло поставить ее въ очень затруднительное положеніе. Голосъ Мазепы могъ тогда сдѣлаться громче на Украйнѣ, Донъ только-что успокоивался послѣ булавинскаго бунта, на границахъ Сибири волновались Башкиры, Запорожье было не надежно и Татары крымскіе готовы были присоединиться къ Карлу. Весь народъ не безъ неудовольствія несъ военныя тягости, поборы людьми, деньгами, подводами и проч:, и въ случаѣ неудачи нашей противъ Шведовъ съ какою силою раздались бы жалобы на нововведенія!. она была бы непремѣнно приписана гнѣву небесному!

Конечно всѣ эти мысли представлялись уму Царя, когда онъ въ достопамятное утро 27 іюня садился на своего боеваго коня. Войска уже стояли на мѣстахъ во всемъ вооруженіи и слушали знаменитый «Полтавскій приказъ: «Пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества», писалъ Царь. «Вы не должны помышлять, что сражается за Петра, но за государство, Петру врученное... о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, *жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего*».

Еще возвышенныя слова эти звучали въ ушахъ (и вѣроятно въ сердцахъ) русскихъ воиновъ, когда тотъ, который писалъ ихъ, показался передъ рядами. Въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, на бойкомъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ (кото-

раго чучело сохраняется въ Петровской галлереѣ Зимняго дворца), окруженный людьми, съ которыми солдаты уже ознакомились подъ пулями, на приступахъ, на бивакахъ, — Шереметевымъ, другомъ солдатъ, Голицынымъ, героемъ Нотебурга и Лѣснова, Меньшиковымъ, и другими Русскими и иностранцами, которые служили одному дѣлу и проливали кровь за Россію Войско наше было выстроено къ бою передъ лагеремъ, который оно занимало, въ нарочно возведенныхъ укрѣпленіяхъ.

Но вотъ Шведы двинулись и успѣли оттѣснить изъ укрѣпленій наши полки, которые стали отступать къ лагерю. Неожиданный сильный огонь артиллеріи, направленный на Шведовъ изъ лагеря, мгновенно остановилъ ихъ и привелъ въ замѣшательство. Они отошли въ сторону внѣ выстрѣловъ и начали выстраиваться, чтобъ возобновить битву, а между тѣмъ одна часть шведскаго войска, подъ начальствомъ генерала Росса, оторвалась отъ другихъ и осталась за бывшими нашими укрѣпленіями. Петръ приказалъ Меньшикову ударить на нее со всею кавалеріею,—что и было блистательно исполнено. Россъ, потерявъ много народу, отступилъ къ Полтавѣ, и не принималъ болѣе участія въ сраженіи; Меньшиковъ же возвратился съ своею кавалеріею въ ту минуту, какъ главныя шведскія силы готовились снова устремиться на насъ. Но мы предупредили ихъ и двинулись сами впередъ. Бой былъ жестокій. И Петръ и Карлъ не щадили себя: у Царя прострѣлена шляпа пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ; изъ драбантовъ, окружавшихъ шведскаго го-

сударя, перебито до двадцати человѣкъ. И вотъ наконецъ Шведы начали подаваться назадъ, мѣшаться,— и побѣжали къ своему лагерю ... Но тамъ уже была наша кавалерія. Видя это, Шведы стали бросать оружіе и кинулись врозсыпную. Карлъ, раненый за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ ногу, Мазепа и нѣсколько человѣкъ изъ королевской свиты, ускакало за Днѣпръ, куда присоединились къ нимъ впослѣдствіи остатки шведской, нѣкогда грозной арміи. Фельдмаршалъ Реншильдъ, приближенный Министръ Карла, графъ Пиперъ, Левенгауптъ, нѣсколько другихъ генераловъ и тысячи менѣе значительныхъ Шведовъ взяты въ плѣнъ; захвачены денежныя суммы и тайныя бумаги Карла,—словомъ пораженіе его было страшное!

Минута побѣды вообще есть упоительная минута; это торжество общее всѣмъ, отъ главнаго начальника до послѣдняго солдата, торжество, которое заставляетъ забывать и усталость и страданія, голодъ и жажду и личныя неудовольствія; но полтавскій бой и полтавская побѣда внѣ всякаго сравненія: здѣсь шло дѣло не о новомъ лавровомъ вѣнкѣ для самолюбиваго вождя, а о чести и благѣ всей націи. И это чувствовали даже рядовые солдаты. Они радостно кричали *ура* своему Царю когда онъ, усталый самъ и на усталомъ конѣ, возвращался къ своей ставкѣ; онъ весело кланялся имъ, махая своею разтрѣленною шляпою, и потомъ, когда они расположились вокругъ котловъ «ѣсть кашицу,» онъ обходилъ ихъ кучки, шутилъ съ ними и вмѣстѣ съ ними пилъ горѣлку, поздравляя ихъ съ славною побѣдою.

Царь желалъ бы, чтобы въ этотъ день вся земля радовалась. Курьеры помчались во всѣ концы Россіи съ вѣстію о радостномъ событіи, съ приказаніемъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ и жечь фейерверки; плѣнные Шведы были приглашены къ Царю обѣдать вмѣстѣ съ недавнимъ своимъ врагомъ, и море вина лилось, и все ликовало; воздухъ гремѣлъ отъ бивачныхъ пѣсенъ, отъ звона полтавскихъ колоколовъ.

Но...всторонѣ отъ ликующаго стана и ликующаго города, на мѣстѣ только-что окончившейся битвы раздавались стѣнанія и предсмертное хрипѣніе, и тысячи людей проклинали день, который другія тысячи благословляли: «профосы» (солдаты, которые были въ прежнее время обязаны исполнять всѣ черныя работы при полкахъ) копали огромную яму, которая въ свои холодныя нѣдра должна была принять все, что заплатила Россія за полтавскую побѣду....Съ мольбою и благословеніями почтенныя жертвы были положены въ эту простую могилу; Царь бросилъ въ нее первую горсть земли, а на холмѣ, которымъ она покрылась, Россія поставила памятникъ въ назиданіе будущимъ вѣкамъ.

XVIII.

Послѣдствія полтавскаго сраженія.—Августъ возобновляетъ съ нами союзъ.—Станиславъ оставляетъ Польшу.—Союзы съ Даніей и Пруссіей.—Начало нашего вліянія на Курляндію.—Русская партія въ Лифляндіи и Эстляндіи. — Завоеваніе этихъ странъ.—Побѣды въ Финляндіи.—Карлъ въ Бендерахъ.—Происки его, чтобы возбудить Турцію противъ Россіи.— Толстой въ Константинополѣ.—Война Россіи объявлена.—Сочувствіе къ Россіи юго-западныхъ Славянъ.—Савва Рагузинскій.—Кантемиръ и Бранкованъ. — Армія наша окружена непріятелемъ.— Шафировъ.—Прутскій миръ.

Генералы русскіе одерживали впослѣдствіи побѣды, которыя военное искуство ставитъ выше полтавскаой; войска наши бились подъ Бородинымъ и Севастополемъ не съ меньшею, если даже не съ большею еще храбростію, чѣмъ подъ Полтавою; но ни одна битва, ни прежде ни послѣ полтавской, не оказала такихъ, какъ она, важныхъ результатовъ. Мгновенно разнеслась о ней вѣсть по всей Европѣ, и Россія вдругъ выросла въ глазахъ западныхъ нашихъ, немножко гордыхъ сосѣдей. До того времени тамъ мало было слуховъ о какихъ-то новыхъ порядкахъ, заводимыхъ въ

дикой Московіи, а еще мѣнѣе ими интересовались; но теперь.... какое чудо? непобѣдимый Карлъ шведскій разбитъ этими сѣверными дикарями!

Отправивъ небольшой отрядъ преслѣдовать разсѣянныя толпы Шведовъ, а Меньшикова съ арміей пославъ въ Польшу, чтобъ дѣйствовать противъ Станислава Лещинскаго, Царь и самъ скоро отправился въ Варшаву. Она уже была во власти Августа, который встрѣтилъ своего союзника съ пушечною пальбою, съ развѣвающимися знаменами и съ распростертыми объятіями.... Конечно Царь имѣлъ право не вѣрить искренности этихъ объятій и горько упрекнуть его въ заключеніи одиночнаго мира, въ выдачѣ Паткуля и проч.; но что пользы! сдѣланнаго уже нельзя поправить; новый же союзъ съ саксонско-польскимъ государемъ могъ на будущее время быть полезенъ Россіи. Возобновивъ этотъ союзъ, Августъ поспѣшилъ объявить, что отреченіе его отъ польскаго престола было вынужденное и потому не обязательное для него(!); Лещинскій же, человѣкъ не честолюбивый и мягкій, безъ сопротивленія покинулъ тронъ, котораго онъ никогда не домогался. Его приверженцы, оставленные имъ, обратились къ Царю, прося его покровительства, и Царь избавилъ ихъ отъ мщенія со стороны Августа, который ни въ чемъ не могъ отказать ему. Короли Датскій и Прусскій прислали къ нему пословъ съ поздравленіями и съ предложеніями своей дружбы.— Первый изъ нихъ немедленно же и объявилъ Швеціи войну, а второй, не рѣшаясь еще, и не имѣя благовидныхъ поводовъ вооруж-

житься противъ Швеціи, но желая прочно сблизиться съ Россіею, завелъ переговоры о бракѣ между своимъ родственникомъ, молодымъ герцогомъ курляндскимъ и одною изъ русскихъ принцессъ; бракъ этотъ въ слѣдующемъ году дѣйствительно былъ заключенъ, и прибытіе въ Митаву царевны Анны Іоановны (*) положило начало нашему вліянію въ Курляндіи, которое черезъ полвѣка окончилось ея присоединеніемъ къ Россіи.

Въ Лифляндіи и Эстляндіи тоже образовалась партія, которая находила, что покровительство Россіи, сосѣдственной и теперь сильной, выгоднѣе нежели тяжелое господство Швеціи. Главою этой партіи былъ баронъ Левенвольдъ, о которомъ намъ придется упомянуть еще не разъ. Многіе изъ его единоземцевъ думали также какъ онъ, но въ главныхъ городахъ Лифляндіи и Эстляндіи стояли еще шведскіе гарнизоны, въ присутствіи которыхъ они не смѣли отложиться отъ Швеціи; когда же въ 1710 году, Шереметевъ и его генералы, Брюсъ и Бауръ, принудили къ сдачѣ Ригу, Перновъ, Ревель и пр., и когда всѣмъ этимъ городамъ и зависѣвшимъ отъ нихъ округамъ оставлены были ихъ прежніе права и законы, когда имущество частныхъ людей, ихъ религія и языкъ были признаны побѣдителями неприкосновенными, то русская партія значительно тамъ усилилась; Петръ же съ своей стороны, пріобрѣтя такимъ образомъ обширную часть балтійскаго берега съ первоклассными торговымъ го-

(*) Старшая дочь Царя Іоанна Алексѣевича.

родомъ, Ригою, твердо рѣшался удержать весь этотъ край за Россіею.

Говорятъ, что польскіе министры, догадываясь о желаніи Царя удержать за собою Лифляндію и Эстляндію, напомнили ему, что по договору 1700 года Лифляндія была обѣщена Августу, но Царь на это отвѣчалъ имъ: «Вы сами отказались отъ союза со мною, слѣдовательно и отъ всѣхъ его послѣдствій. Оставленный всѣми своими союзниками, я одинъ долженъ былъ выносить всю тяжесть войны; Русскіе проливали кровь для выгодъ не Польши и Саксоніи, а Россіи».

Между тѣмъ какъ Лифляндія и Эстляндія присягали на повиновеніе русскому Царю, въ Финляндіи покорялись Выборгъ, Кексгольмъ,—порядочныя крѣпостцы, которыя доставляли молодому Петербургу возможность безопасно торговать, отстраиваться и населяться.

Все это нѣкоторымъ образомъ было послѣдствіемъ полтавской побѣды. Если много пролилось въ ней русской крови, то, по крайней мѣрѣ это было не даромъ! Знаменитый Вольтеръ, написавшій исторію Петра (хотя и довольно плохую), справедливо говоритъ, что полтавское сраженіе принадлежитъ къ числу не многихъ, отъ которыхъ выиграло, а не пострадало просвѣщеніе. И точно: не одолѣй Петръ Карла, не пріобрѣти Россія морскаго берега, — на сколько времени милліоны населяющихъ ее людей были бы лишены средствъ и просвѣтиться и процвѣсть!

Но фортуна, и особенно военная фортуна перемѣнчива, говорили еще древніе Греки, — вслѣдствіе чего и изображали эту богиню на вѣчно вертящемся колесѣ.

Перемѣнчивость эту испыталъ на себѣ Карлъ въ 1709, а чрезъ два года едва не испыталъ ее въ свою очередь и Петръ.

Видя окончательное пораженіе своихъ войскъ, Король шведскій съ небольшою свитою и нѣсколькими сотнями драбантовъ своихъ, съ раненою ногою, страдая и физически и морально, верхомъ поскакалъ, какъ было сказано, къ Днѣпру и, не надѣясь теперь найти въ Польшѣ такаго пріема, какой встрѣчалъ тамъ, будучи побѣдителемъ, направился къ турецкой границѣ.

Почти безъ отдыха семъ дней
Скакали мы среди степей,
Боясь вражеской погони,

говоритъ поэтъ устами одного изъ спутниковъ Карла. Наконецъ этотъ остатокъ грозныхъ нѣкогда завоевателей достигъ береговъ Днѣстра и вступилъ въ крѣпость, принадлежавшую тогда Турціи (теперь русскій городокъ), Бендеры. Здѣсь Карлъ могъ почитать себя безопаснымъ, потому что Турція была тогда въ весьма добрыхъ отношеніяхъ съ Швеціей.

Необходимость привела Карла въ Турцію; онъ былъ не только безъ арміи, но и безъ денегъ, безъ крова, безъ средствъ къ существованію. Самолюбію султана показалось лестнымъ дать у себя не только убѣжище, но и оказать великолѣпное гостепріимство христіанскому государю: это ему ничего не стоило,— стоило это народу, платящему подати, а похвала и благодарность относилась бы къ нему непосредственно. Карлъ вознамѣрился затянуть тщеславнаго

султана въ войну противъ Россіи. Подъ предлогомъ передать привѣтствіе свое султану, онъ послалъ горячо преданнаго ему Поляка, Понъятовскаго, въ Константинополь и поручилъ ему употребить тамъ всѣ возможныя средства, чтобъ возстановить Диванъ, то есть совѣтъ султана, противъ Россіи.

Это казалось труднымъ, потому что между нами и Турками со времени заключенія мира не было никакого повода къ неудовольствію, и притомъ интересы наши охранялъ въ Константинополѣ человѣкъ очень проницательный и ловкій,—Петръ Толстой, уже знакомый намъ по стрѣлецкимъ бунтамъ. Но есть страны гдѣ ни на что нельзя положиться, такъ же какъ ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаяваться, страны гдѣ случай, капризъ, а болѣе всего золото и интриги могутъ сдѣлать невозможное возможнымъ. Такова была Турція и таковъ былъ константинопольскій дворъ. Не взирая на безграничную власть турецкихъ падишаховъ, волею ихъ весьма не трудно было управлять посредствомъ любимцевъ, женъ и даже ихъ служителей и служительницъ, задаривая ихъ золотомъ или вкрадываясь въ ихъ расположеніе.

Толстой, узнавши о прибытіи шведскаго короля въ Бендеры, поспѣшилъ представить, что ему, врагу Россіи, не прилично оставаться въ странѣ, которая съ Россіею въ добрыхъ отношеніяхъ. Ему отвѣчали, что Карлъ XII и не намѣренъ тамъ оставаться, а проситъ только дать ему охранный отрядъ, чтобы безопасно препроводить его черезъ Польшу до шведскихъ владѣній. Очень хорошо, возразилъ Толстой; дайте ему

конвой съ нѣсколько сотъ человѣкъ и отправьте его поскорѣе. Но каково было его изумленіе, когда онъ узналъ, что шведскій король требуетъ для сопровожденія своего 40 тысячъ человѣкъ! такой отрядъ — цѣлая армія: ясно, что цѣль Карла была — получить отъ Турціи вспомогательное войско, то есть вовлечь ее въ войну съ Россіею!

Толстой отсыпалъ порядочную сумму червонцевъ великому визирю (первому сановнику Турціи); но этого послѣдняго успѣли заподозрить въ глазахъ султана, и онъ былъ лишенъ своей должности, а на мѣсто его былъ назначенъ человѣкъ расположенный въ пользу Швеціи. Толстой далъ объ этомъ знать Царю, писалъ ему, что всюду замѣтны военныя приготовленія и что война повидимому неизбѣжна. Началась дѣятельная переписка между Россіей и Турціей; самъ Царь писалъ къ султану, прося его не нарушить мира; ни что не помогло: Толстой былъ схваченъ и заключенъ въ такъ называемый Семибашенный замокъ, куда, по турецкому обычаю и вопреки вездѣ принятыхъ законовъ, обыкновенно сажали, передъ разрывомъ съ какимъ нибудь государствомъ, его посланника. Наконецъ война дѣйствительно была объявлена Россіи въ концѣ 1710 года.

Война съ Турціей, когда еще и шведская не была окончена, война на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи, было новое тяжелое для народа бѣдствіе; притомъ Турки приводили тогда въ трепетъ всю Европу; понятно слѣдовательно, почему нашъ Царь такъ хлопоталъ, чтобъ отвратить разрывъ съ Турціей.

Между тѣмъ страшное это повидимому государство имѣло свою слабую сторону, которою, при томъ никто не могъ съ такимъ удобствомъ воспользоваться, какъ Россія. Въ Турціи, за исключеніемъ милліона или полутора милліона собственно Турокъ, все остальное народонаселеніе состоитъ изъ Грековъ и особенно Славянъ, исповѣдающихъ православную вѣру. Съ этими единовѣрцами нашими мы постоянно поддерживали добрыя сношенія; греческіе, сербскіе и булгарскіе манахи пріѣзжали къ намъ просить милостыни и никогда не возвращались съ пустыми руками; Аѳонская обитель чтилась въ Россіи подобно Кіевской или Троицко-сергіевской; въ случаѣ какихъ нибудь затрудненій въ дѣлахъ церковныхъ, приглашаемы были въ Москву греческіе патріархи, богословы и ученые. Независимо отъ этихъ, чисто религіозныхъ связей, между нами и нашими южно-славянскими братіями существовали связи племенныя, родственныя. Только въ Россіи, да отчасти въ Польшѣ, они могли слышать понятную имъ рѣчь, только въ одной Россіи могли они войти въ храмъ и молиться Богу по своимъ обрядамъ; изъ всей обширной славянской семьи только одна Россія, оставалась имъ сочувственною, была сильна и самостоятельна; а потому они радовались ея удачамъ и сострадали ея несчастіямъ; первые наши успѣхи надъ Турками и Шведами воспѣвались и воспѣваются еше теперь въ пѣсняхъ Сербовъ, Черногорцевъ и Булгаръ.

Если таково было сочувствіе большинства турецкихъ подданныхъ къ Россіи, то, при открывавшейся

войнѣ съ Турціею, не могли ли оказать намъ дѣйствительной помощи такія воинственныя племена, какъ Черногорцы, Босняки и Сербы? Это казалось очень вѣроятнымъ; Молдаване и Валахи, не единоплеменники наши, но только единовѣрцы, во время похода Голицына въ Крымъ, вели о томъ съ нами переговоры.

Вотъ о чемъ думалъ Петръ, дѣлая впрочемъ всевозможныя усилія, чтобъ не допустить дѣла до формальнаго разрыва. Толстой тайно сблизился съ нѣкоторыми изъ турецкихъ Славянъ и между прочимъ съ однимъ богатымъ и расторопнымъ жителемъ города Рагузы, Саввою Владиславичемъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ Рагузинскаго. Онъ и другіе единовѣрцы наши завѣряли въ своей преданности и пламенномъ сочувствіи своемъ; мы не можемъ, говорили они, дать вамъ денегъ, необходимыхъ для войны, но будемъ дѣлиться съ вашими войсками всѣмъ, что имѣемъ и возстанемъ всѣ поголовно, какъ только раздадутся на Дунаѣ первые ваши выстрѣлы. Съ другой стороны молдавскій господарь (*), князь Кантемиръ и валахскій Бранкованъ, вступили съ Царемъ въ переговоры, обѣщая приготовить провіантъ и всѣ нужные запасы для русской арміи и даже явно возстать противъ Турціи, какъ скоро Русскіе явятся на границѣ.

Имѣя все это ввиду, Петръ могъ надѣяться на благополучный исходъ войны съ Турками, безпоря-

(*) Молдавія и Валахія сохраняли подъ властію Турокъ нѣкоторую самостоятельность и управлялись, по старинному, господарями, назначаемыми султаномъ изъ числа мѣстныхъ жителей, туземцевъ.

дочная храбрость которыхъ могла быть страшна прежнимъ нашимъ нестройнымъ ратямъ, но не новой арміи, закалившейся въ бояхъ съ Шведами. Въ началѣ 1711 г. Шереметевъ повелъ ее къ южнымъ границамъ; пройдя чрезъ всю Волынь и Подолію, она вступила наконецъ въ Молдавію. Былъ уже іюнь мѣсяцъ; жары стояли страшные; страна, эта хотя и прекрасная по климату и почвѣ, почти безводна и мѣстами безлѣсна, и притомъ ужасный бичь при-днѣстровскихъ и при-дунайскихъ странъ, саранча (*), истребила не только жатвы, но и траву, — такъ что армія наша попала въ весьма затруднительное положеніе. Къ довершенію несчастія, Кантемиръ не въ состояніи былъ приготовить въ этомъ разоренномъ краю обѣщаннаго имъ продовольствія.

Оставалась одна надежда, — на Валахію и на Бранкована: онъ писалъ, что у него готовы большіе запасы провіанта и фуража и молилъ государя поспѣшать къ Дунаю, какъ для того, чтобъ не дать Туркамъ переправиться черезъ эту рѣку и воспользоваться хлѣбными его складами, такъ и для того, чтобъ дать возможность Валахамъ возстать на своихъ притѣснителей.

Причины были важныя; при томъ въ Молдавіи рѣшительно нечѣмъ было кормить армію; слѣдова-

---

(*) Насѣкомое, въ родѣ кузнечиковъ, которое появляется весною цѣлыми миріадами, и, какъ туча, переносясь съ мѣста на мѣсто, истребляетъ посѣвы, травы и даже листву въ лѣсахъ.

только необходимо было или идти назадъ, или идти впередъ,—и Царь рѣшился на послѣднее.

Пройдя Яссы, въ которыхъ Кантемиръ встрѣтилъ Царя съ торжествомъ и почетомъ и присягнулъ ему на вѣрноподданство, войско наше стало наступать къ Дунаю по правому берегу Прута. Между тѣмъ получены были извѣстія, что Турки уже переправились черезъ Дунай ниже впаденія въ него Прута, и подвигаются по лѣвому берегу этой послѣдней рѣки. Они могли сдѣлать одно изъ двухъ: или немедленно переправиться чрезъ Прутъ на правый берегъ и дать намъ сраженіе, или,— что было гораздо опаснѣе,—перейти рѣку позади нашей арміи и такимъ образомъ отрѣзать ей отступленіе. Но съ своей стороны и турецкая армія могла подвергнуться страшной опасности, еслибъ Бранкованъ успѣлъ въ тылу ея поднять Валахію. Надѣясь на это, Царь послалъ отрядъ, чтобъ вызвать возстаніе Валаховъ и взять крѣпость Браиловъ, лежащую на Дунаѣ, то есть, чтобъ визиря поставить точно въ такое же положеніе, въ которое онъ насъ хотѣлъ поставить. Къ несчастію для насъ Валахія не осмѣлилась возстать, видя что Турки уже близко, Русскіе же еще далеко, а Браиловъ былъ взять уже слишкомъ поздно. Визирь смѣло подвигался впередъ, и наша 40 тысячная армія была окружена непріятелемъ несравненно превосходнѣйшемъ въ числѣ, да притомъ армія эта была истощена дальнимъ путемъ, зноемъ, безкормицею и жаждою. Ей предстояла или вѣрная смерть отъ голода, или весьма слабая вѣроятность про*биться* сквозь непріятельскіе ряды, какъ нѣкогда по-

чти въ тѣхъ же мѣстахъ пробивалась Святославова дружина.

Глубокое уныніе овладѣло войскомъ: немного нужно было проницательности, чтобъ понять, въ какомъ отчаянномъ оно положеніи. Съ трехъ сторонъ станъ нашъ облегалъ неопріятель и, не трогаясь съ мѣста, не рискуя ни однимъ человѣкомъ, могъ почти безнаказанно посылать къ намъ ядра и гранаты, отъ которыхъ некуда было укрыться; съ четвертой стороны мы были прислонены къ рѣкѣ, но нельзя было въ ней зачерпнуть воды, не подвергшись огню съ противоположнаго берега. И при этомъ зной и голодъ!

10 Іюня было горячее дѣло: Турки и Татары кидались на нашъ лагерь, какъ остервенѣлые; мы отбили ихъ, правда, но измученные солдаты потратили на этомъ послѣднія силы. Погруженный въ печальныя мысли, сидѣлъ Петръ въ своей палаткѣ; онъ видѣлъ, что и ему какъ послѣднему солдату, грозитъ хуже чемъ смерть, плѣнъ.... плѣнъ государя, дѣло почти не слыханное! И что тогда станется съ Россіею, въ которой онъ столько началъ, не успѣвъ ничего кончить? Какую цѣну положатъ Турки его освобожденію?... (*)

Въ такомъ крайнемъ положеніи Царь рѣшился

(*) Есть извѣстіе, что Царь написалъ въ эти тяжелыя минуты слѣдующее письмо въ сенатъ: » Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четыре краты сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я безъ особливыя Божіей помощи ничего инаго предвидѣть не

предложить Туркамъ миръ, сдѣлать всевозможныя уступки имъ и Шведамъ, отдать Азовъ, устья Дона и Днѣпра, возвратить Карлу Лифляндію и Эстляндію, удерживая за собою только Ижерскую землю, то есть берегъ Невы; если же и всего этого не приметъ визирь, а будетъ требовать, чтобъ армія положила оружіе, то рѣшено было «идти въ отводъ подлѣ рѣки, то есть, отступая пробиваться сквозь непріятельскую силу, какъ честнымъ и храбрымъ воиномъ пристойно.» Такъ опредѣлилъ военный совѣтъ, собранный Шереметевымъ въ страшную ночь съ 10 на 11 іюля.

Мало было вѣроятности, чтобъ верховный визирь,

могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣдніе, то вы не должны меня почитать своимъ Царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, чего мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюсь между вами, въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выбирайте между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники.» Говорятъ, письмо это видѣли нѣкоторые изъ современниковъ Петра, но, не взирая на всѣ изысканія, оно не могло быть найдено, а потому нельзя его признать достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что существовалъ законный и естественный наслѣдникъ престола, царевичь Алексѣй, въ которомъ отецъ его, правда и не могъ видѣть очень ревностнаго продолжателя своихъ реформъ, но въ то время былъ еще съ нимъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Можно сказать однакоже, что Петръ былъ въ состояніи написать такое письмо, что онъ могъ рѣшиться, на самоотрѣченіе для блага государства; оно было для него дороже его собственной жизни. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить приказъ его передъ полтавскимъ сраженіемъ.

видя безвыходное положеніе наше, согласился на переговоры; къ этому могъ его склонить только развѣ какой либо личный интересъ. По этому, разказываютъ, Шафировъ, долго бывшій при Царѣ секретаремъ по дипломатической части, слѣдовательно знакомый съ дѣлами и тайными ихъ пружинами, далъ мысль Екатеринѣ Алексѣевнѣ (съ которою передъ походомъ Царь сочетался бракомъ)—собрать всѣ деньги и драгоцѣнности, какими она располагать можетъ, и послать ихъ визирю. Предложеніе это было съ радостію принято. Наличныя деньги, жемчугъ, бриліанты, все что было драгоцѣннаго у царицы съ собою, она отдала Шафирову, набрала драгоцѣнностей сколько могла у нѣкоторыхъ другихъ дамъ, бывшихъ въ арміи съ своими мужьями, у простыхъ офицеровъ, даже у солдатъ: всякій давалъ, что могъ, что у него было, — и къ утру такимъ образомъ набралась такая масса драгоцѣнностей, что противъ нея не могъ устоять, казалось, турецкій главнокомандующій.

Съ мирными предложеніями и съ подарками отправился Шафировъ въ лагерь турецкій. Визирь, какъ и надѣялись, не устоялъ противъ искушенія: при томъ и его войско было обезкуражено, ибо оно ни какъ не полагало, чтобъ истомленные зноемъ, голодомъ и жаждою Русскіе могли дать такой сильный отпоръ Но визирь былъ окруженъ генералами и доброхотами шведскаго короля; узнавши о прибытіи русскаго посла, они всхлопотались, кинулись къ визирю и стали представлять ему, что переговоры невозможны, что единственное условіе, которое можно предложить Рус—

скимъ,—это сдаться военноплѣнными, — армія и Царю, и что потомъ уже султанъ, въ мудрости своей, разсудитъ что съ ними надлежитъ дѣлать. Лукавый визирь прикинулся простакомъ, и объявилъ, что въ этомъ затруднительномъ положеніи, онъ чувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ книгѣ божіей, корану; принесли коранъ; визирь велѣлъ читать себѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о томъ, какъ должно поступать съ врагами, и найдя нѣсколько наставленій, предписывающихъ великодушіе съ слабыми, прощеніе въ отношеніи къ врагу и т. п., съ гнѣвомъ велѣлъ замолчать шведскимъ агентамъ, говоря, что или они дурные христіане, или ихъ религія учитъ злу.

Шведы рвали волосы на себѣ съ досады, и немедленно послали за Карломъ, который находился въ Бендерахъ. Тотъ,—всегда готовый къ бою, всегда въ застегнутомъ мундирѣ, въ ботфортахъ и при шпагѣ, вскочилъ на лошадь и опрометью поскакалъ къ Пруту: но уже было поздно: Русскіе выступали съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами съ печальнаго урочища «Рябая могила», гдѣ они готовились всѣ погибнуть.

Условія, которыя мы должны были принять, были тяжелы, но легче однакожъ тѣхъ, на которыя уже готовъ былъ согласиться Петръ: мы обязывались возвратить Турціи Азовъ и срыть всѣ сдѣланныя нами на устьѣ Дона укрѣпленія; Турки требовали-было, чтобъ Кантемиръ былъ имъ выданъ; но Петръ не поступилъ съ нимъ, какъ Августъ съ Паткулемъ, и визирь, менѣе мстительный чѣмъ Карлъ XII, отъ этого-

требованія отступилъ; что же касается до Швеціи, то для нея не было выговарено никакихъ выгодъ и, заключая съ нами миръ, Турція тѣмъ самымъ отказывалась помогать ей въ дальнейшемъ продолженіи войны, что было большимъ для насъ облегченіемъ. По этому Царь, увѣдомляя сенатъ объ опасности, въ которой находилась армія и о заключеніи мира, присовокупляетъ: «и тако смертный пиръ симъ кончился... Сіе дѣло хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено; однакоже, чаю, симъ лишеніемъ другой сторонѣ (въ отношеніи войны съ Швеціей) великое укрѣпленіе, которое несравнительною прибылью намъ есть».

Шафировъ, который вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ подписалъ Прутскій миръ, остался въ рукахъ Турокъ, заложникомъ въ точномъ его исполненіи съ нашей стороны.

СОДЕРЖАНІЕ.

[redacted]

стр.

ОПЕЧАТКИ.

Авторъ долженъ со стыдомъ признаться, что выпускаемая имъ книга наполнена опечатками, особенно въ первыхъ главахъ и въ отношеніи употребленія прописныхъ буквъ. Изъ числа нарушающихъ смыслъ опечатокъ замѣчены.

Стран.		*Строки.*		
14	сверху	16	Царицы́	Царицы,
19	снизу	7	Очень	Однако
29	—	15	страсть	страсть Петра
37	сверху	13	нарядливости	порядливости
39	снизу	14	пріѣзжать	пріѣхать
40	—	6	природный	прирожденный
46	сверху	5	по ней	въ ней
48	—	10	легкомысленные	цѣлыя толпы
58	снизу	5	Кирилловнѣ	Алексѣевнѣ
62	сверху	11	сасается	касается
—	снизу	8	прочные	прочны
63	—	10	а	и
65	—	3	читай: Ижерская земля—прибрежье Невы, Копоры—селеніе, существующее и нынѣ.	
84	—	8	флотъ	флагъ
112	сверху	6	богатыхъ; поддались на эту приманку,	богатыхъ, поддались на эту приманку;
—	снизу	12	възбудило.	возбудила
115	сверху	2	показываться	оказываться
116	—	6	нашъ	Нашъ
—	—	7	имъ	ими
126	сверу	1	ксендзы	ксендзы,
128	—	1	Огилеви	Огильви
135	снизу	9	самъ себя	самъ себя;
137	—	9	считавши	считавшій
140	сверху	3	бодай	—»Бодай

Кромѣ того перепугана нумерація главъ; она возстановлена въ оглавленіи.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

—

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 февраля 1862 года.

Ценсоръ *П. Дубровскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

XXI.

ШВЕДЫ ЕДВА НЕ ВОЗБУЖДАЮТЪ НОВОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ТУРЦІЕЙ.— КАРЛЪ XII ОСТАЕТСЯ ВЪ ТУРЦІИ ВОПРЕКИ ЖЕЛАНІЮ СУЛТАНА. — ЕГО ВЫВОЗЯТЪ ИЗЪ БЕНДЕРЪ СИЛОЮ.—СТРАННОЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ШТРАЛЬЗУНДЪ.—НЕСОГЛАСІЯ МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ. — ВЛІЯНІЕ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ.—ВЗЯТІЕ ШТРАЛЬЗУНДА И ПОБѢДА ПРИ ГАНГОУДДѢ. — ШВЕЦІЯ И РОССІЯ НАЧИНАЮТЪ СБЛИЖАТЬСЯ. — БАРОНЪ ГЁРЦЪ. — АЛАНДСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

Горько было Карлу XII смотрѣть на выступленіе Русской арміи съ ея позиціи при Рябой-могилѣ, гдѣ она могла быть истреблена. Говорятъ, Шведскій Король, видя, что ни убѣжденія, ни угрозы не дѣйствуютъ на визиря, съ бѣшенствомъ отвернулся отъ него и, *какъ будто нечаянно* задѣвъ шпорою за его широчайшія шировары, рванулъ ихъ и разорвалъ.—Послѣ этого онъ возвратился въ Бендеры, замышляя вновь вовлечь Султана въ войну съ Россіей, для чего и послалъ въ Константинополь одного изъ своихъ надежнѣйшихъ приверженцевъ.

Съ своей стороны Толстой и Шафировъ употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы Шведскій Король не оставался долѣе на Турецкой землѣ,—и визирь получилъ приказаніе выпроводить его изъ Бендеръ, соблюдая однако

же должное уваженіе къ его королевскому сану. Оказалось, что это чрезвычайно трудно исполнить, потому что Карлъ объявилъ наотрѣзъ, что онъ выѣхать изъ Бендеръ не намѣренъ. Визирь посылалъ ему сказать, что такова воля Султана, который, какъ бы то ни было, имѣетъ право распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, предлагалъ доставить всѣ возможныя удобства для его отправленія: подводы, деньги, конвой. Карлъ ничего не хотѣлъ слушать. «Дайте мнѣ 30 тысячъ человѣкъ въ конвой до Шведской границы», говорилъ онъ, «тогда я отправлюсь.» Это значило иными словами: дайте армію въ мое распоряженіе.

Смущенный визирь писалъ въ Константинополь, объяснялъ свое затрудненіе, спрашивалъ, какъ ему поступать при этомъ видимомъ сопротивленіи со стороны Шведскаго Короля, а между тѣмъ продолжалъ приглашать его къ немедленному выѣзду. Карлъ велѣлъ ему сказать, что если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ станетъ стрѣлять по Туркамъ! Визирь прекратилъ выдачу ему кормовыхъ денегъ, которыми Турція его снабжала; но лишенія не устрашали этого закаленнаго солдата, а до голодной смерти онъ зналъ, что его все таки не доведутъ.

Такое упорство Карла ставило въ затруднительное положеніе не только визиря, но и все Турецкое правительство. Русскіе министры представляли дивану,—то есть совѣту Султана,—что пребываніе врага Россіи въ Турецкой землѣ есть постоянная угроза Россіи, уклоненіе отъ мирныхъ обязательствъ, и что пока Шведскій Король не оставитъ Турціи, Царь Русскій не отдастъ Азова.

Между тѣмъ приверженцы Карловы,—Шведы, Поляки и отчасти Французы,—успѣли заинтересовать въ его пользу

нѣкоторыхъ изъ значительныхъ въ Константинополѣ лицъ, представляя стойкость его и сопротивленіе при такихъ ничтожныхъ силахъ героизмомъ, достойнымъ Рима и Спарты, твердя о необычайной его личной храбрости и военныхъ дарованіяхъ, а личная храбрость и военныя дарованія считались въ тѣ времена превыше всѣхъ другихъ качествъ. Друзья Карловы не упустили, конечно, представить, что настоянія Россіи объ удаленіи Шведскаго Короля суть только придирки для того, чтобъ удержать за собою Азовъ; они манили Султана надеждами подчинить себѣ Малороссію, гдѣ, говорили они, многіе съ радостію встрѣтятъ Турецкія войска,—словомъ, дѣло дошло до того, что война едва не была снова объявлена Россіи, и Толстой съ Шафировымъ были уже посажены въ Семибашенный замокъ.

Осторожность Петра и слѣпое упорство Карла спасли Россію отъ этого новаго несчастія. Азовъ было велѣно отдать Турціи, чѣмъ и отнимался у нея всякій предлогъ къ войнѣ съ нами; Шведскій же Король, получивъ новое приглашеніе отъ самаго Султана оставить Бендеры, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Это ставило уже самаго Султана въ непріятное положеніе относительно Короля, а въ государствахъ, подобныхъ Турціи, личныя неудовольствія Государя имѣютъ больше вліянія на судьбу государства, нежели политическія соображенія. Противъ «Сѣвернаго Александра» было приказано, наконецъ, употребить силу.

Карлъ, его свита, отрядъ Шведскихъ драбантовъ и Малороссійскихъ бѣглецовъ занимали въ Бендерахъ нѣсколько домовъ, которые во время вышеописанныхъ пере-

говоровъ, были приведены въ оборонительное положеніе. Когда формальнымъ образомъ было объявлено Карлу повелѣніе Султана—принудить его вооруженною силою къ выѣзду, онъ отвѣтилъ посланному: «очень хорошо» и отворотился. Послѣ этого Турецкія войска, числомъ до 12 тысячъ, окружили Шведскую главную квартиру, но медлили аттакою: несоразмѣрность силъ была такъ очевидна, что у Турокъ, такъ сказать, не поднимались руки. Они опять послали къ Королю сказать, чтобъ онъ не доводилъ ихъ до крайностей; онъ отвѣчалъ на это переговорщикамъ угрозою обрѣзать имъ бороды, если они не уберутся сію минуту.

И такъ, ничего болѣе не оставалось, какъ дѣйствовать силою. Карловы драбанты, казаки, адъютанты, секретари, повара и лакеи обратились въ солдатъ и открыли огонь по наступающимъ. Не взирая на это сопротивленіе, которое Король одушевлялъ собственнымъ примѣромъ, оно не могло, конечно, продлиться. Турки зажгли домъ, который съ такимъ упорствомъ отстаивали; пламя скоро обхватило все зданіе, врывалось въ окна; дымъ наполнилъ покои: стѣны, потолокъ рушились, то здѣсь, то тамъ; но Карлъ не думалъ сдаваться. «Пока еще не загорѣлись на насъ платья», говорилъ онъ, «нѣтъ никакой опасности.»

Наконецъ, видно дѣло дошло и до платьевъ. Карлъ собралъ вокругъ себя всю свою *армію* и, ставъ впереди ея, кинулся на непріятеля. Турки перекололи нѣкоторыхъ, обезоружили и взяли другихъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Король.

Мудрено читать безъ улыбки объ этой продѣлкѣ; но *современники* Карла были по большей части увлечены его

отчаянной отвагой (которой, конечно, нельзя отрицать), и одинъ изъ блистательнѣйшихъ людей того времени, принцъ Морицъ Саксонскій, о которомъ мы будемъ впослѣдствіи имѣть случай говорить, гордился, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ подвиговъ, подобнымъ, бывшимъ съ нимъ случаемъ.

Карлъ и небольшая, еще остававшаяся при немъ, свита были отправлены въ Адріанополь, недалеко отъ котораго, въ селеніи Демотикѣ, имъ было позволено на время остаться. Прошло однакоже нѣсколько мѣсяцевъ, прежде нежели Карлъ рѣшился пуститься въ путь; онъ сказывался больнымъ, не выходилъ изъ комнаты, ложился въ постель, и наконецъ выѣхалъ не ранѣе осени 1714 года, то есть послѣ слишкомъ пяти-лѣтняго безполезнаго пребыванія въ Турціи, послѣ четырнадцати-лѣтняго отсутствія изъ Швеціи!

Возвращеніе этого государя было также странно, какъ и вся его жизнь. Не взирая на то, что Султанъ предложилъ ему довольно сильный конвой для охраненія его личной безопасности, онъ пустился вдвоемъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, и ѣхалъ большую часть пути отъ Турецкой границы до Помераніи, принадлежавшей тогда Швеціи, верхомъ, подъ вымышленнымъ именемъ, переодѣтый, скрывая лицо свое подъ буклями огромнаго парика и подъ широкими полями нахлобученной шляпы. Единственный его спутникъ, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на конѣ, не покидая сѣдла, упалъ за мертво; по счастію, это былъ только обморокъ. Дюрингъ,—такъ звали королевскаго спутника—умолялъ Короля отдохнуть хотя немножко, дать ему собраться съ силами, или взять почтовый экипажъ. Карлъ и здѣсь, какъ всегда, не измѣ-

нилъ своему упорству и поскакалъ одинъ. Полуживой Дюрингъ, взявъ почтовыхъ лошадей, нагналъ его черезъ нѣсколько часовъ, но въ какомъ положеніи?... пѣшаго, измученнаго, потому что лошадь подъ нимъ пала и онъ принужденъ былъ тащиться ночью одинъ, едва вытаскивая изъ глубокой грязи ноги свои, одѣтыя въ тяжелыя ботфорты...

Наконецъ, эта безумная скачка кончилась. Карлъ и его спутникъ прибыли въ Шведскую крѣпость, Штральзундъ, еще державшуюся противъ союзниковъ. Они уже не могли слѣзть съ лошадей: ихъ сняли; Короля нельзя было разуть,—такъ ноги его распухли: пришлось разрѣзывать его ботфорты; Коммендантъ Штральзундскій далъ ему свое бѣлье и уложилъ его въ постель: онъ не смыкалъ глазъ шестнадцать сутокъ!..

Любопытно было бы знать, какую полезную или хоть разумную цѣль имѣлъ Шведскій Король, рѣшаясь на такую дон-Кихотскую скачку? Если онъ полагалъ, что его присутствіе въ Швеціи необходимо, то чтó же онъ медлилъ въ Турціи? Скача нѣсколько дней по-фельдъегерски, онъ не могъ вознаградить нѣсколькихъ лѣтъ совершенно произвольнаго, совершенно ненужнаго промедленія.

Это было тѣмъ менѣе необходимо, что военныя дѣйствія вообще шли довольно вяло. Заключеніе Петромъ союза съ Королями Польскимъ и Датскимъ немного прибавило ему силы: каждый изъ его союзниковъ имѣлъ свои особые виды. Первый заботился больше всего о томъ, чтобы только утвердиться какъ можно плотнѣе на Польскомъ престолѣ и не поколебался бы ни одной минуты заключить миръ съ Карломъ, если бы онъ отказался поддерживать Станислава Лещинскаго. Точно также и Король

Датскій: ему хотѣлось только подъ шумокъ овладѣть Герцогствомъ Голштинскимъ; помоги ему въ этомъ Карлъ, и онъ тотчасъ протянулъ бы ему руку. Хитрилъ и лукавилъ тоже Прусскій Король; всѣ приглашенія, вступить въ союзъ противъ Швеціи, онъ отклонялъ, но умѣлъ создать себѣ такое положеніе, что едва ли не болѣе самихъ воевавшихъ онъ извлекалъ пользы изъ войны: какъ только союзникамъ удавалось овладѣть какою-нибудь Шведскою крѣпостью, между ними тотчасъ начиналось соперничество,—кому владѣть ею до окончательнаго замиренія; тогда являлся Прусскій Король посредникомъ между ними и говорилъ: я человѣкъ безпристрастный и посторонній въ вашемъ дѣлѣ,—позвольте, я поберегу эту крѣпость, пока вы между собою разберетесь—и вводилъ туда свое войско, расчитывая, что изъ всего забраннаго что нибудь у него да останется.

Въ этомъ всеобщемъ стремленіи союзниковъ къ достиженію своихъ собственныхъ, отдѣльныхъ выгодъ, неблагоразумно было бы отставать Русскому Царю. Онъ началъ войну съ цѣлію овладѣть Финскимъ берегомъ; успѣхи его и перевѣсъ, полученный имъ надъ Августомъ, дали ему надежду удержать за собою, какъ мы видѣли, Лифляндію, на которую сначала Польскій Король предъявлялъ претензіи. Кромѣ того, такъ какъ Курляндія была естественнымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ Балтійскимъ провинціямъ и какъ обладаніе Западною Двиною было бы безъ Курляндіи неполно, то Петръ умѣлъ, какъ мы тоже видѣли, устроить брачный союзъ своей племянницы съ Курляндскимъ Герцогомъ и пріобрѣсть друзей между Курляндцами; наконецъ открылась для него возможность положить основаніе русскому вліянію и въ самой Германіи, на западной оконеч-

ности Балтійскаго моря. Съ этой именно цѣлью былъ заключенъ брачный союзъ между старшей дочерью покойнаго Царя Іоанна, Екатериною, съ владѣтельнымъ Герцогомъ Мекленбургскимъ. Такимъ образомъ противъ береговъ Шведскихъ должна была возникнуть на Балтійскомъ морѣ длинная линія береговъ Русскихъ или дружественныхъ Россіи и морское преобладаніе на этихъ водахъ должно было, въ мысляхъ Царя, склониться на нашу сторону, чѣмъ, конечно, могла бы воспользоваться наша торговля.

При такомъ разнообразіи, а иногда и противорѣчіи интересовъ между союзниками, удивительно ли, что общее ихъ дѣло, война противъ Швеціи, велась вяло, хотя, впрочемъ, и съ постояннымъ успѣхомъ. Частые пріѣзды Петра въ армію приводили все въ движеніе, всему сообщали жизнь, но на время, —какъ трупъ получаетъ движеніе отъ прикосновенія гальванической проволоки. Уѣзжалъ Петръ, — и опять наступала апатія; Датчане жаловались на Русскихъ и Саксонцевъ, Августъ жаловался на Датчанъ и Русскихъ, Меньшиковъ, нашъ главнокомандующій въ Помераніи, жаловался на Августа и на Фридриха.

Большая доля неуспѣшности военныхъ дѣйствій союзниковъ должна быть приписана, кромѣ другихъ причинъ, безнравственности лицъ, которымъ были въ это время ввѣрены ихъ интересы. Любимецъ Августа, графъ Флемингъ получалъ постоянное жалованье какъ отъ союзниковъ, такъ и отъ враговъ своего государя, —и получалъ это жалованье, конечно, не даромъ. Меньшиковъ дѣлалъ тоже самое; онъ получилъ, напримѣръ, 400 тыс. талеровъ съ тѣмъ, чтобы, по взятіи крѣпости Штетина, сдать ее

Прусскому Королю, который, въ свою очередь, тайно поддерживалъ Герцога Голштинскаго, роднаго племянника Шведскаго Короля!..

Но вотъ «Сѣверный Александръ» наконецъ, очнулся отъ своей долгой дремоты въ Турціи, и первымъ дѣломъ его, по прибытіи въ Штральзундъ, было написать Шведскому сенату нѣсколько указовъ о наборѣ рекрутъ, о сборѣ денегъ, о приготовленіяхъ къ усиленію войны. Встрепенулись и союзники и тѣснѣе обложили Штральзундъ. Крѣпость эта окружена водою и, кромѣ того, она была сильно оборонена искусствомъ, такъ что взять ее было трудно. Притомъ же личное присутствіе Карла удесятеряло мужество Шведскаго гарнизона. Въ самомъ дѣлѣ, отвага и твердость духа въ опасностяхъ этого Государя способны электризовать солдатъ; гдѣ только была опасность, тамъ ужъ, конечно, находился Король, и первый кидался въ схватку. Здѣсь кстати разсказать часто повторяемый анекдотъ: Карлъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и диктовалъ своему секретарю; вдругъ падаетъ бомба, пробиваетъ потолокъ и съ страшнымъ трескомъ лопается. Перо выпало изъ рукъ у перепуганнаго секретаря... Замѣтивши это, Карлъ сказалъ ему: «что же ты не пишешь?» — «Государь, бомба...» — «Между бомбою и письмомъ нѣтъ ничего общаго. Пиши.»

Не взирая однакоже на блистательную защиту Шведскаго гарнизона, Штральзундъ былъ взятъ, а Карлъ, находившійся въ немъ до послѣдней минуты, кинулся въ рыбачью лодку, и въ бурную осеннюю пору поплылъ къ Шведскимъ берегамъ, пробираясь между Русскими и Датскими кораблями... Надо признаться, что Карлъ XII

былъ храбрѣйшій и блистательнѣйшій офицеръ своего времени!

Не въ радость Шведамъ было его возвращеніе. Съ паденіемъ Штральзунда была потеряна вся Померанія, которой эта крѣпость была послѣднимъ оплотомъ; почти въ тоже время у Гангоудда, близъ Финляндскихъ береговъ, Русскіе истребили часть Шведскаго флота и взяли въ плѣнъ адмирала Эреншильда (*). Все это были тяжкія, можно сказать, невознаградимыя потери для Швеціи. Эта малолюдная и небогатая страна была совершенно истощена пятнадцатилѣтнею войною противъ трехъ непріятелей. Множество было недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, другіе хотя и безропотно давали свои рейхсталеры и ставили рекрутъ, но это были послѣдніе рейхсталеры и послѣдніе люди, способные къ военной службѣ; Король же не хотѣлъ и слышать о замиреніи.

Нашелся, однако, человѣкъ довольно искусный, чтобъ убѣдить его въ необходимости мира, хоть съ нѣкоторыми изъ его противниковъ. Это былъ нѣкто баронъ Гёрцъ, Германецъ, долго служившій Голштинскому Герцогу и потомъ перешедшій въ службу Шведскаго Короля, человѣкъ необыкновенно проницательный, ловкій, вкрадчивый, хитрый, неистощимый въ средствахъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей. Достаточно сказать, что онъ успѣлъ

(*) Побѣда при Гангоуддѣ—былъ первый большой успѣхъ русскаго флота. Галеры наши, подъ предводительствомъ самаго Генералъ-Адмирала, были заперты въ одной изъ бухтъ Финляндскаго берега Шведскимъ флотомъ и могли быть совершенно истреблены. Апраксинъ потерялъ голову и послалъ за Царемъ, который мгновенно далъ дѣлу совершенно другой оборотъ, атаковалъ самъ Шведовъ и одержалъ, какъ мы видѣли, рѣшительную побѣду, за которую изъ *Шаутбенахтовъ* произведенъ *въ вице-адмиралы*.

пріобрѣсть вліяніе на упрямаго, своенравнаго Карла XII, такое вліяніе, что онъ сблизилъ его съ злѣйшимъ изъ враговъ его—съ Царемъ Русскимъ!..

Впрочемъ, если бы Карлъ былъ немножко поменьше солдатъ и побольше политикъ, онъ и самъ увидѣлъ бы, что ему нѣтъ другаго спасенія, какъ въ сближеніи съ Петромъ. Это былъ единственный, истинно опасный его соперникъ; уступивъ ему земли, которыхъ возвратить уже не былъ въ состояніи, Король могъ отдѣлить его отъ союза, и за тѣмъ не только удержать свои прочія забалтійскія владѣнія, т. е. Померанію, но можетъ быть принудить Данію и Саксонію къ уступкамъ. Между прочимъ, его очень занимала мысль овладѣть Норвегіею, составлявшею тогда часть Датскаго королевства: господство надъ всѣмъ Скандинавскимъ полуостровомъ было бы, конечно, достаточнымъ вознагражденіемъ за уступку береговъ Финскаго залива.

Петръ, съ своей стороны, былъ всегда радъ прекратить войну, довольствуясь сдѣланными имъ пріобрѣтеніями, и обратить всю свою дѣятельность на внутреннія преобразованія. Его только связывали обязательства съ своими союзниками, безъ которыхъ онъ обѣщалъ не начинать переговоровъ съ Швеціею; но... желаніе выгоднаго мира превозмогло. Пусть Петръ отвѣтствуетъ за это передъ строгимъ моралистомъ: мы, Русскіе, обвинять его не можемъ, потому что мы были бы въ очевидномъ выигрышѣ, еслибъ предположенія барона Гёрца сбылись.

Этотъ послѣдній вступилъ въ переписку съ докторомъ царскимъ, Арескиномъ, и переписка эта, конечно, не оставалась тайною для Царя; Гёрцъ видался съ нѣкото-

рыми изъ нашихъ заграничныхъ резидентовъ и, безъ сомнѣнія, Царь зналъ, о чемъ они между собою говорили. Окончить тяжелую, разорительную войну, но не иначе, какъ достигнувъ цѣли, для которой она была начата, то есть береговъ Финскаго залива и даже Балтійскаго моря, эта надежда начинала, казалось, осуществляться. Между Шведскимъ и нашимъ дворомъ не было разногласій, которыхъ бы нельзя было, казалось, согласить, и для соглашенія ихъ уже съѣхались уполномоченные на Аландскіе острова... когда неожиданное происшествіе разрушило всѣ предположенія.

XXII.

Встрѣча Царя съ Лейбницомъ и ихъ мысли о потребностяхъ Россіи. —Царь кладетъ основаніе правильнымъ государственнымъ учрежденіямъ.—Общія понятія о нихъ.—Но это не увеличиваетъ благосостоянія народа.—Примѣры крупныхъ беззаконій.—Гравительство казенной и частной собственности было въ нравахъ. — Образъ жизни двора и новаго общества; невскій флотъ; ассамблеи; обычаи Московской знати.—Не все однакоже въ этихъ нравахъ заслуживаетъ порицанія. — Кн. Яковъ Долгоруковъ.

Европа начинала интересоваться Россіею и ея Царемъ. Его необычайное путешествіе, пребываніе его на Голландскихъ верфяхъ, преобразованія, предпринятыя имъ въ своемъ государствѣ, самый характеръ его, самая наружность, наконецъ эта упорная и удачная борьба съ первымъ

полководцемъ Европы, дѣлали его предметомъ любопытства для всѣхъ образованныхъ Европейцевъ. Онъ даже былъ предметомъ болѣе нежели любопытства,—симпатіи со стороны лучшихъ представителей европейской мысли. Друзья человѣчества, друзья просвѣщенія радовались, что новый народъ готовъ присоединиться къ семьѣ просвѣщенныхъ народовъ и, конечно, приписывали это вліянію Петра.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ мыслителей, ученыхъ и писателей того времени былъ Лейбницъ; исполненный энтузіазма къ Царю нашему и узнавши, что онъ собирается (послѣ Прутскаго похода) въ Германію, на воды, Лейбницъ нарочно отправился въ городъ Торгау, чтобъ его видѣть. Великій философъ и великій государственный человѣкъ встрѣтились и долго бесѣдовали между собою. Лейбницъ говорилъ, что Россія болѣе всего нуждается въ просвѣщеніи. Петръ, не отрицая необходимости просвѣщенія, полагалъ, что ей прежде всего нужны хорошіе законы и хорошее управленіе, и просилъ германскаго философа сообщить ему свои мысли по этому предмету. Лейбницъ сдѣлалъ болѣе: онъ написалъ цѣлый проэктъ управленія Русскимъ царствомъ; по мысли его всѣ части управленія должны были имѣть соразмѣрность и правильность часоваго механизма, дабы, писалъ онъ, «стрѣлка мудрости указывала странѣ часы благополучія».

Петръ съ благодарностью принялъ проэктъ Лейбница и, кромѣ того, поручилъ резидентамъ Русскимъ за границею достать наиболѣе уважаемые тамъ уставы, регламенты и положенія по разнымъ частямъ управленія. Вся эта груда матеріяловъ была ему доставлена въ Петербургъ, и разсмотрѣнію ихъ, сличенію между собою, обсуживанію

ные для наблюденія за ними фискалы доносили только на тѣхъ, съ которыми не ладили, а плутни и насилія своихъ пріятелей покрывали и даже помогали имъ беззаконничать. Уличенный въ этомъ оберъ-фискалъ Нестеровъ и нѣсколько другихъ были подвергнуты жестокимъ истязаніямъ и мучительно казнены. Одинъ изъ знатнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей своего времени, князь Матвѣй Гагаринъ, Сибирскій губернаторъ, оказался виновнымъ въ неслыханныхъ притѣсненіяхъ, въ самомъ отвратительнѣйшемъ грабительствѣ и публично казненъ. Самые близкіе къ Царю люди,—Апраксинъ и Меньшиковъ, были уличены въ беззаконныхъ продѣлкахъ, въ лихоимствѣ и самоуправствѣ, отданы были подъ судъ, но.... подверглись только денежному взысканію, потому что, кажется, Царь дошелъ, наконецъ, до того ужаснаго убѣжденія, что вокругъ него нѣтъ честныхъ людей!.. Въ послѣдніе годы своего царствованія, истощивъ всѣ мѣры надзора и строгости, онъ однакожъ видѣлъ вокругъ себя мало утѣшительнаго, и вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ указовъ: «Понеже ничто такъ ко управленію Государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть»... (*)

И такъ, въ теченіи всей жизни своей, безустанно преслѣдуя неправду, Петръ убѣждался, что неправда не умень-

(*) Указъ этотъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые должны быть во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ такъ называемомъ *Зерцалѣ* «яко зеркало предъ очами судящихъ.»

шается. Ставя себя на его мѣсто, мы должны признать, что взглядъ Лессинга былъ справедливъ и что только просвѣщеніе, дѣйствующее на самые нравы и понятія людей, можетъ дать людямъ чувство правды и уваженіе къ закону.

Замѣчательно при этомъ то, что нѣкоторые изъ этихъ беззаконниковъ были въ другихъ отношеніяхъ очень хорошіе и почтенные люди; Апраксинъ, напримѣръ, былъ человѣкъ добрый, щедрый и, не имѣя дѣтей, отказалъ передъ смертью все свое огромное состояніе Государю. Зачѣмъ же онъ его обманывалъ, зачѣмъ грабилъ?.. Это было *въ нравахъ* того времени. Важному сановнику надо было открыто жить; неприличнымъ считалось не имѣть ему дворни въ нѣсколько сотъ человѣкъ, охотниковъ, гребцовъ, конюховъ, скороходовъ, огромной конюшни, стола для званыхъ и незваныхъ,—а какъ казеннаго жалованья на все это не могло достать, какъ рѣдкое состояніе, предками нажитое (очень часто такими же неправдами), могло быть для этого достаточнымъ, то грабительство и было неизбѣжно.

Должно сказать, что самъ Царь нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ эти дурные обычаи. Онъ былъ, какъ намъ уже извѣстно, очень простъ въ своемъ образѣ жизни и скупъ на казенныя деньги; получая жалованье въ качествѣ морскаго или сухопутнаго офицера, онъ говаривалъ: «эти деньги собственныя мои; я ихъ заслужилъ и могу употреблять по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно, объ нихъ долженъ я отдать отчетъ Богу». Это было прекрасно. Но въ каждую годовщину какой-нибудь побѣды, въ большіе праздники и т. п.

онъ былъ не прочь и самъ попировать и любилъ, чтобы все вокругъ него пировало; сотни людей садились тогда за столъ, цѣлыя бочки вина выпивались. Все это должно было стбить не дешево, а между тѣмъ такіе пиры *должны были* задавать министры и приближенные Петра, и чаще всѣхъ Меньшиковъ, котораго великолѣпныя палаты на Васильевскомъ острову (нынѣшній 1-й кадетскій корпусъ) въ нѣсколько десятковъ разъ превосходили не только маленькій домикъ «Петра великаго» (который былъ выше сего описанъ), но и *большой* его дворецъ въ Лѣтнемъ саду. Откуда же было взять Меньшикову деньги на постройку этихъ палатъ, на содержаніе секретарей, адъютантовъ, иностранныхъ поваровъ, гайдуковъ, гребцовъ, псарей, на покупку картинъ, серебряной и золотой посуды и пр...? А Царь требовалъ, чтобъ все это было, и однажды, когда Меньшиковъ, приговоренный къ уплатѣ части награбленныхъ у казны денегъ, вздумалъ было перемѣнить образъ жизни, Царь серьознымъ образомъ на него прикрикнулъ.

Здѣсь кстати будетъ разсказать объ этихъ пирушкахъ и увеселеніяхъ двора: они дадутъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ и нравственности. Вообразимъ себѣ, что мы живемъ полтораста лѣтъ до настоящаго времени, что мы современники Петра и Петербургскіе жители.

Воскресенье; обѣдни кончились; набожные люди, закусивши просвиркою, плотно пообѣдали и собираются отойти на покой. Вдругъ выстрѣлъ съ крѣпости: это сигналъ такъ называемому *Невскому флоту* выходить. И вотъ волею-неволею мы, вмѣстѣ съ другими, должны прервать нашъ послѣобѣденный сонъ. На Невѣ суета и движеніе; въ разныхъ мѣстахъ, отъ берега отчаливаютъ лодки опредѣленной, одно-

образной постройки и, взмахивая веслами, съѣзжаются къ дому *Четырехъ фрегатовъ*, близъ Троицкой церкви. Вскорѣ отъ пристани Лѣтняго сада отдѣляется такая же лодка и присоединяется къ прочимъ. На ней сидятъ самъ Царь и *адмиралъ Невскаго флота*; на встрѣчу имъ раздаются салюты съ крѣпости; музыканты Меньшикова, Апраксина и другихъ богачей оглашаютъ воздухъ звукомъ валторнъ и литавръ. Адмиралъ выкидываетъ сигналъ, другой, третій, и по сигналамъ этимъ флотилія выстраивается въ одну линію, свертывается въ колонну, поднимаетъ паруса, плыветъ на веслахъ, дѣлаетъ повороты, лавируетъ, выходитъ на взморье, и, проманеврировавши такимъ образомъ 3—4 часа, возвращается къ пристани Лѣтняго дворца, гдѣ для владѣльцевъ лодокъ приготовленъ незатѣйливый, но обильный ужинъ съ приличнымъ количествомъ пива и венгерскаго вина. Такіе маневры повторялись каждое воскресенье и каждый праздникъ; всякій зажиточный Петербургскій домовладѣлецъ былъ обязанъ имѣть лодку въ составѣ Невскаго флота.

Такова была одна изъ забавъ прежняго Петербурга. Заглянемъ теперь въ *ассамблею*. Что такое *ассамблея?* Такъ назывались вечернія собранія, имѣвшія свой особый уставъ, на которыхъ, въ противность стариннымъ обычаямъ, должны были являться и женщины. Этикетъ и чинность прежнихъ временъ были отсюда изгнаны; хозяинъ обязанъ былъ только освѣтить нѣсколько комнатъ, приготовить вино и освѣжительные напитки, но церемоніальныя встрѣчи пріѣзжающихъ гостей, усаживанье ихъ по чинамъ, потчиванья и проводы съ поклонами были запрещены. Гости пріѣзжали и всякому предоставлялось веселиться какъ мо-

жетъ и умѣетъ; мужчины собирались поговорить, поиграть въ шашки, выпить стаканъ вина или кружку пива, закуривали трубки (что очень многимъ не нравилось), а дамы отправлялись въ танцовальную залу, гдѣ старушки размѣщались вокругъ стѣнъ, дочери же ихъ и молодыя женщины пускались въ танцы; при этомъ всякій, допущенный въ ассамблею, имѣлъ право танцовать съ кѣмъ ему было угодно, не обращая вниманія на разницу между своимъ званіемъ или родомъ и родомъ или званіемъ ангажируемой дамы (что опять таки многимъ не нравилось).

Теперь мы имѣемъ понятіе объ ассамблеѣ,—посмотримъ на нее поближе (вѣдь мы воображаемъ себя жителями Петербурга, полтораста лѣтъ тому назадъ) и отправимся туда сами. Вотъ самая оживленная, нарядная часть Петербурга: передъ нами Лѣтній садъ и Лѣтній дворецъ Царя; за Царицинымъ лугомъ,—не плацъ-парадомъ а *лугомъ* въ истинномъ смыслѣ слова,—вдоль берега Невы, тянется рядъ маленькихъ деревянныхъ, одноэтажныхъ домовъ, между которыми, подходя уже къ адмиралтейству, горделиво подымаются двухъ-этажныя хоромы Апраксина. Но намъ не зачѣмъ идти такъ далеко: почтовый дворъ, на которомъ большею частію справляются ассамблеи, стоитъ на краю Царицына луга (у входа въ нынѣшнюю Милліонную). Прежде однакоже, нежели взойти туда, взглянемъ на Неву. Передъ нами крѣпость съ высокимъ шпицомъ Петропавловскаго собора; правѣе, на Петербургской сторонѣ, австерія или трактиръ, Троицкая церковь, домикъ Петра великаго, сенатъ, домà Головкина и Шафирова; на Выборгской сторонѣ огромная гошпиталь,—и только; лѣвѣе крѣпости, по Васильевскому острову, нѣсколько начатыхъ домовъ,

строющееся зданіе *Двѣнадцати коллегій*, двухъ-этажныя палаты Меньшикова, съ флигелями, *курантами* (часы съ музыкою), огромнымъ садомъ позади и каналомъ впереди палатъ, по которому его сіятельство можетъ прямо съ своего крыльца выѣзжать на Неву; далѣе дворецъ Царицы Прасковьи, а кругомъ лѣсъ, изъ за котораго виднѣются верхушки трехъ вѣтряныхъ мельницъ, и галерная гавань.

Но долго заглядываться намъ некогда: изнутри почтоваго дома слышится говоръ голосовъ и звуки настроиваемыхъ скрипокъ; шесть часовъ—давно пора! Зала довольно большая и высокая; съ галлереи гремитъ оркестръ, составленный изъ 12 иностранныхъ трубачей и литаврщиковъ: голова трещитъ отъ ихъ звуковъ! Густой дымъ отъ кнастера захватываетъ горло! Толпа шумитъ и приготовляется начать менуэтъ. Молодые люди, въ огромныхъ парикахъ, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, иногда вышитыхъ серебромъ или золотомъ, дѣлаютъ глубокіе *реверансы* передъ дѣвицами: это значитъ, что они приглашаютъ ихъ танцовать. Старушки-маменьки,—изъ которыхъ нѣкоторыя въ шушунахъ и душегрѣяхъ, съ платочками на головахъ,— тайкомъ поталкиваютъ локтемъ своихъ дочерей, и дочери, расправляя широчайшія робы, натянутыя на стальные обручи или фижмы, постукивая высокими каблуками остроносыхъ башмаковъ, встаютъ и подаютъ кавалерамъ руку; головы ихъ убраны цвѣтами, а у иныхъ и пудрою, волосы высоко взбиты; густые слои бѣлилъ и румянъ, по принятому обычаю, покрываютъ ихъ щеки, грудь и шею; на всѣхъ множество драгоцѣнныхъ камней.

Раздался звукъ менуэта, начались реверансы; вотъ извѣстная, вполнѣ созрѣвавшая красавица, княгиня Чер-

васская; вотъ Трубецкая, только что распустившійся цвѣтокъ, выданная за этого, длинноносаго старика, который ревниво слѣдитъ за нею глазами,—Кантемира, бывшаго Молдавскаго господаря. Вотъ молодая Ромодановская, еще болѣе прекрасная душею, чѣмъ наружностью, о которой носится слухъ, что она выходитъ за-мужъ за сына графа Головкина; вотъ и дочь канцлера, выступающая en avant deux (*) съ своимъ женихомъ, Ягушинскимъ. Славная пара! Ягушинскій рѣшительно первый танцоръ въ Петербургѣ. Красивый, развязный, вѣчно веселый... (когда не пьянъ: тогда онъ споритъ и дерется)... Хорошо танцуетъ и молодой Куракинъ, развязенъ и *арабъ царскій*, Ганнибалъ, долго жившій въ Парижѣ, любезенъ и сладкорѣчивъ Василій Лукичъ Долгоруковъ, объѣздившій всѣ дворы Европы,—но Ягушинскій все-таки влечетъ къ себѣ взоры: настоящій бойкій русскій молодецъ.

А вотъ и Царица; она не танцуетъ, потому что находится въ *интересномъ положеніи*, что̀ съ нею повторяется ровно каждый годъ. Она не дурна собою, черные глаза ея имѣютъ много блеска; на румяныхъ устахъ постоянно играетъ веселая улыбка. Нарядъ ея богатъ и изященъ; манеры приличны, по крайней мѣрѣ для женщины, родившейся въ лачугѣ; правда, разговоръ ея очень пустъ,—но и весь прекрасный полъ, кромѣ немногихъ исключеній, только что вырвавшійся изъ теремовъ, таковъ же.

Перейдемъ теперь въ другую комнату. Первое, что поражаетъ сквозь табачный дымъ, стоящій облакомъ, это гигантская фигура Царя; онъ безъ парика, котораго никогда

(*) Такъ называется, когда кавалеръ съ дамою выступаютъ впередъ въ танцахъ.

не носитъ; его черные волосы закинуты за ухо, по русскому обычаю; простой зеленый мундиръ изъ русскаго сукна обхватываетъ его могучія плечи; ему еще не болѣе 45 лѣтъ, но тревожная, слишкомъ дѣятельная и довольно безпорядочная жизнь, до времени состарили эту крѣпкую натуру; лобъ его начинаетъ обнажаться, щеки нѣсколько уже осунулись, глубокія морщины врѣзались между густыми бровями и придаютъ суровый видъ его физіономіи; но улыбка его не лишена пріятности. Онъ сидитъ передъ шашечною доскою и внимательно слѣдитъ за игрою своего партнера, Голландскаго шкипера; передъ обоими по большой кружкѣ пива. За стуломъ Царя стоитъ мужчина колоссальнаго роста, покрытый орденами и брилліантами, въ богато-вышитомъ кафтанѣ: это Меньшиковъ. Посмотрите, какой у него величаво-снисходительный, привѣтливо-важный видъ: кто не сказалъ бы, что онъ родился въ раззолоченныхъ палатахъ? Но обширный его лобъ, не скрытый огромнѣйшимъ парикомъ, глубоко-впалые глаза, которые какъ-то настойчиво и сильно смотрятъ изъ подъ густыхъ бровей, да выдающійся подбородокъ обличаютъ упругую волю этого человѣка (безъ которой успѣхъ невозможенъ). Возлѣ него, но нѣсколько позади, въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ старикъ съ лукавою физіономіею, толстый и развязный, и молодой человѣкъ съ какою-то неизмѣнною, но сдержанною улыбкою на лицѣ: это Толстой, уже намъ извѣстный, и Остерманъ, о которомъ намъ скоро придется много говорить. Въ другомъ углу сидятъ толстякъ Шафировъ, и еще болѣе толстый и грузный Апраксинъ, а вмѣстѣ съ ними долговязый Головкинъ, въ затасканномъ скаредномъ кафтанѣ, доказывающемъ не-

помѣрную скупость великаго канцлера. А это что за колоссъ, который, стоя передъ ними, разсказываетъ, съ тысячью прибаутокъ и остротъ, какъ онъ, лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, въ лаптяхъ и сермягѣ, ходилъ съ крестьянскими ребятишками *по грибы*? Это—Ушаковъ, весельчакъ и разскащикъ, и въ тоже время довѣренное лицо Царя по разнымъ слѣдствіямъ и дознаніямъ, будущій преемникъ Толстаго въ управленіи Тайнымъ приказомъ, одинаково развязный на ассамблеѣ и въ застѣнкѣ, человѣкъ, безъ котораго въ теченіи 25 лѣтъ не обходилось ни одного важного *розыскнаго* кроваваго дѣла, впрочемъ неподкупночестный и очень умный.—Кого же мы еще находимъ въ ассамблеѣ? Вотъ два старика,—одинъ съ доброю, хотя и серіозною физіономіею и съ Мальтійскимъ крестомъ на груди—это Шереметевъ, а другой, съ строгимъ выраженіемъ лица и длиннѣйшими усами,—князь Яковъ Долгоруковъ, котораго Царь въ шутку называлъ *дядею.* Вотъ честный Вейде, вотъ ученый Брюсъ, вотъ маленькій смуглый, вертлявый Португалецъ, Девьеръ, Петербургскій генералъ-полиціймейстеръ, недавно получившій нѣсколько добрыхъ ударовъ знаменитой царской дубинки за неисправное состояніе улицъ, что, впрочемъ, ни мало не конфузитъ его и не возбуждаетъ негодованія съ чьей бы ни было стороны... Его поддразниваютъ только три привиллегированные шута царскіе, между которыми мы узнали Лакосту, *Царя Самоѣдскаго* и Балакирева, остроумныя выходки котораго, собранныя и напетачанныя, долго читались всею Россіею.

Но что это за шумъ въ танцовальной залѣ?.. Какой-той танцоръ не сдѣлалъ трехъ указанныхъ реверансовъ своей дамѣ, и нѣсколько веселыхъ голосовъ зашумѣло

вокругъ него: штрафъ, штрафъ съ него; большаго орла!— Большаго орла! раздался голосъ Царя, и въ одну минуту принесенъ былъ огромнѣйшій кубокъ, имѣвшій форму орла; нѣсколько бутылокъ венгерскаго вина было въ него влито и Царь самъ подалъ его проштрафившемуся, говоря: пей, братъ. Какъ ни умолялъ и ни отнѣкивался этотъ послѣдній, надо было отбыть штрафъ: онъ блѣднѣлъ, задыхался, едва переводилъ духъ, наконецъ осушилъ исполинскій кубокъ, и съ трудомъ отойдя нѣсколько шаговъ, рухнулся, какъ мертвый, при всеобщемъ хохотѣ...

Пить безъ мѣры — не казалось предосудительнымъ, и послѣдствія пьянства не производили на зрителей омерзенія; напротивъ, Царь, напримѣръ, находилъ особенное удовольствіе быть свидѣтелемъ пьяныхъ сценъ; изъ самыхъ отъявленныхъ пьяницъ была имъ устроена, такъ называемая «Всепьянѣйшая коллегія кардиналовъ», предсѣдателемъ которой былъ старый учитель его, Зотовъ, подъ именемъ «Князь-папы». Мы не станемъ описывать этой пьяной компаніи: она слишкомъ отвратительна; скажемъ только, что подобные грубые нравы были принадлежностью не только Петербурга; почти то же самое было во всей Германіи, при всѣхъ дворахъ, кромѣ развѣ Дрезденскаго и Вѣнскаго, гдѣ непохвальные нравы были прикрыты изяществомъ манеръ. Иное, но не лучшее, было и въ Москвѣ, гдѣ господствовали собственно наши, старинные нравы; тѣ же попойки, тотъ же грубый разгулъ, только безъ женщинъ, которыхъ присутствіе все-таки сдерживало въ нѣкоторыхъ границахъ необузданность мужчинъ. У *Князя-кесаря* (Ромодановскаго), напримѣръ, были точно такія же попойки, съ тою при томъ прибавкою, что водку у него подносили

гостямъ *ручные медвѣди!*.. Во дворъ этого дикаго оригинала ни одинъ человѣкъ въ Москвѣ не смѣлъ въѣхать въ экипажѣ, а долженъ былъ вылѣзать у воротъ и идти черезъ весь дворъ пѣшкомъ, какова бы ни была погода!..

Какъ образчикъ жизни знатныхъ людей изъ приверженцевъ старины, выпишемъ нѣсколько извѣстій, сохранившихся въ дневникѣ одного современнаго иностранца, Берхгольца,—о посѣщеніи имъ Царицы Прасковьи въ любимомъ мѣстопребываніи ея,—селѣ Измайловѣ... «Когда мы побыли немного въ пріемной комнатѣ, Герцогиня (Мекленбургская—дочь вдовствующей Царицы) повела насъ въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, еще довольно новымъ и чистымъ (вообще же убранство ихъ комнатъ вездѣ очень плохо) и показывала тамъ свою собственную постель и постель маленькой своей дочери»..., «потомъ заставила какого-то полуслѣпаго, грязнаго и страшно вонявшаго чеснокомъ и потомъ бандурщика довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей, Прасковьи, любимыя пѣсни, которыя, кажется, всѣ были сальны, потому что принцеса Прасковья уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда ихъ оканчивалъ. Но я еще болѣе удивился, увидѣвъ, что у нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая-то старая, слѣпая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кромѣ рубашки...» «Принцесса часто заставляетъ плясать передъ собою эту тварь, и ей достаточно сказать одно слово, чтобъ видѣть, какъ она тотчасъ подымаетъ спереди и сзади свои вонючія лохмотья.»...

Можетъ ли быть что нибудь безобразнѣе такихъ нравовъ, долженъ воскликнуть, читая это, человѣкъ нашего

времени! Дѣйствительно, картина, которую мы представили, не обольстительна; но внимательно разсматривая ее, мы въ ней же самой найдемъ и черты симпатичныя. — Этотъ старый бандуристъ, эта женщина, слѣпая и оборванная, находятъ однакоже пріютъ и пропитаніе у Царицы Прасковьи въ хоромахъ. И босые, нагіе, слѣпые, юродивые находили помощь не у нея одной; у всѣхъ Царицъ и Царевнъ были свои нищіе, юродивые и приживалки, — люди нерѣдко достойные презрѣнія, но еще чаще достойные состраданія. Подобно этому, и всѣ богатые люди считали священною обязанностью подавать щедрыя милости въ большіе праздники, въ поминальные дни, въ родительскую субботу; за столъ адмирала Апраксина, Шереметева и многихъ другихъ богачей того времени нерѣдко садились люди, вовсе незнакомые хозяину; множество бѣдныхъ родственниковъ жило на ихъ счетъ. Холопы и челядинцы вельможъ несли, правда, тяжелую службу, безусловно зависѣли отъ своихъ господъ, но сохранились духовныя завѣщанія людей того времени, изъ которыхъ видно, что люди эти, умирая, не забывали обезпечить судьбу своихъ холоповъ и челядинцевъ; много случаевъ можно привести, что богатый вельможа, за оказанную ему услугу, дарилъ имѣніе, устроивавшее судьбу бѣдняка съ его семействомъ. — Далѣе: эти родовитые, богатые бояре, считавшіе между своими предками Владиміра святаго и Рюрика, умѣли иногда говорить суровую правду самому Царю, идти подъ гнѣвъ его, когда они считали это полезнымъ для отечества. «Правда — Царю лучшій другъ», говаривалъ князь Яковъ Долгоруковъ; говорилъ и дѣлалъ. Въ Петербургѣ оказался однажды недостатокъ въ мукѣ,

городу угрожалъ голодъ; въ сенатѣ состоялся по этому случаю указъ,—собрать по четверику съ крестьянъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей, и указъ этотъ былъ одобренъ Царемъ. Что же дѣлаетъ Долгоруковъ? Онъ не присутствовалъ въ сенатѣ въ тотъ день, когда это дѣло было обсуждаемо, а когда ему предложили подписать состоявшійся по немъ указъ, онъ запечаталъ его, и тѣмъ пріостанавливаетъ его исполненіе. Съѣхались сенаторы, прибылъ Царь, и узнаютъ о томъ, что сдѣлалъ Долгоруковъ. Шлютъ за нимъ; не найдя его дома, посылаютъ его отыскивать и, найдя въ церкви, требуютъ въ сенатъ. — «Воздадите Божіе Богови», говоритъ старикъ посданному и остается дослушивать обѣдню. Три раза Царь посылалъ за нимъ, но Долгоруковъ явился въ сенатъ только по окончаніи литургіи. Царь, говорятъ, кинулся на него съ поднятою рукою, но Долгоруковъ спокойно взглянулъ на пылающее гнѣвомъ лицо его и сказалъ: «вотъ грудь моя; но ты будешь Александръ, а я Клитъ» (*). За тѣмъ онъ объяснилъ, что, не обременяя новыми поборами раззоренныхъ уже крестьянъ, можно, до прибытія ожидаемыхъ транспортовъ съ хлѣбомъ, позаимствовать изъ богатыхъ житницъ Меньшикова и другихъ вельможъ, не исключая и его самаго, Долгорукова. Выслушавъ это, Царь обнялъ его.—Часто спорилъ этотъ правдивый старикъ съ Государемъ и нерѣдко выводилъ его изъ терпѣнія; говорятъ, Царь однажды, въ спорѣ съ нимъ, схватился за кортикъ; Долкоруковъ остановилъ его руку и сказалъ: «Постой, Государь! честь твоя дороже мнѣ моей жизни. Если голо-

---

(*) Александръ Македонскій, въ гнѣвѣ на преданнаго ему Клита за про*тиворѣчіе, убилъ его.*

ва моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади: тогда еще подумаютъ, что я казненъ за какое нибудь важное преступленіе; судить же меня съ тобою будетъ одинъ Богъ...»

Тамъ, гдѣ встрѣчались такія черты самоотверженія, такія выходки смѣлой правды,—тамъ еще не все было дурно. Притомъ имѣемъ ли мы право слишкомъ строго порицать прошедшее время? Всякій вѣкъ имѣетъ свои понятія и свои обычаи; мы теперь думаемъ, что скопленіе богатствъ въ нѣсколькихъ немногихъ рукахъ вредно для общаго благосостоянія, что богатые вельможи, давая пріютъ толпамъ бѣдняковъ въ своихъ хоромахъ и питая ихъ крохами отъ своего стола, не выкупаютъ этимъ униженія, которому они подвергаютъ принимающихъ эти благодѣянія, что безразборчивое подаяніе поощряетъ праздность и т. п. Но предки наши этого не думали и, дѣлая иначе, нежели мы, полагали, что дѣлаютъ хорошо. Какъ же винить ихъ? Наши понятія вѣрнѣе, чище, благотворнѣе, положимъ; но такъ и должно быть; иначе намъ было бы стыдно передъ нашими предками и можно было бы сказать, что полтораста лѣтъ прошли для насъ даромъ. Исторія, раскрывая намъ что̀ дѣлали и какъ думали люди прошедшихъ временъ, научаетъ насъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть снисходительными къ нимъ, строгими же только къ себѣ. Наконецъ, мы замѣтимъ еще, всматриваясь пристально въ представленную нами картину Петровской ассамблеи, зародыши тѣхъ понятій, которыми мы теперь справедливо гордимся; мы видимъ въ числѣ приближенныхъ Царя, въ числѣ людей, имъ отличенныхъ, рядомъ съ Долгоруковыми и Шереметевыми, Ягушинскаго, про котораго никто не знаетъ,

когда, гдѣ и отъ кого онъ родился; Шафирова, про котораго говорили одни, что онъ сынъ сидѣльца, другіе, что онъ «жидовинъ;» Остермана, иностранца и иновѣрца, — пеструю смѣсь людей всѣхъ племенъ и состояній, возвышенныхъ только за заслуги и за степень пользы, которую они приносили общему дѣлу.

XXIII.

Литература въ концѣ XVII и первой четверти XVIII вѣка. — Большое патріотическое и литературное движеніе въ южной Руси. — Отсутствіе школъ и литературы въ (Московскомъ) Русскомъ Царствѣ. — Расколъ возбуждаетъ умы и порождаетъ литературу. — Аввакумъ и другіе раскольничьи писатели. — Сочиненія противъ раскола. — Литературно-богословскіе споры Медвѣдева и Лихудовъ. — Со времени Петра начинаютъ появляться интересы болѣе разнообразные; народныя пѣсни о Шведской войнѣ и пр.; книги свѣтскаго содержанія; переводы иностранныхъ сочиненій и газеты. — Вліяніе ихъ на распространеніе просвѣщенія и развитіе понятій. — Искуства: музыка, скульптура, живопись, ахитектура. — Театръ. — Просвѣщеніе дѣйствуетъ не на всю массу народа.

Утѣсненія, которыя религія претерпѣвала въ западно-Русскомъ краѣ во время владычества надъ нимъ Польши, вызвало въ немъ сильное умственное движенія. Мы говорили уже о томъ, какъ народъ южно-Русскій отстаи-

валъ свой языкъ и свою вѣру, какъ въ виду возводимыхъ католическихъ монастырей и церквей, возводились православные монастыри и церкви, и какъ при нихъ устраивались школы. Гдѣ школы, тамъ является наука, знаніе; ученые монахи писали богословскія сочиненія, въ которыхъ отстаивали права восточнаго православія предъ католичествомъ и уніей; другіе обращались къ патріотическому чувству народа, старались поддержать чувство Русской національности, и народъ дружно отвѣтствовалъ на эти воззванія. Можно сказать, что все южно-Русское населеніе было одушевлено однимъ религіознымъ и патріотическимъ духомъ, который выразился въ литературѣ. Въ нынѣшнихъ Малороссійскихъ губерніяхъ, въ Подоліи, на Волыни и теперь еще поются пѣсни, разсказываются *казанья*, прославляющія *Хмельничину*, побѣды казаковъ надъ Поляками, и первая исторія Россіи, какъ мы знаемъ, была написана Кіевскимъ митрополитомъ, Гизелемъ. Богатые паны, изъ числа тѣхъ, которые удержали русскую національность, на свои собственныя деньги заводили школы, гетманы покровительствовали просвѣщенію и не было болѣе популярныхъ людей на Украйнѣ, какъ *бурсаки*, т. е. воспитанники духовныхъ школъ. Они ходили небольшими ватагами по городамъ и селамъ, распѣвая *вирши* и *канты*, по большей части духовнаго содержанія, которыя и до сего времени сохраняются въ народной памяти; о Рождествѣ носили *вертепы*,—обычай мѣстами сохранившійся и доселѣ,—дѣлали длинныя путешествія лѣтомъ, расходясь изъ школы на вакаціи, добывая пріютъ и пропитаніе *миркованемъ* (пѣньемъ). «Хозяинъ хаты, какой нибудь старый казакъ-поселянинъ, —

говоритъ объ этомъ Гоголь, — долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками; потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ обращаясь къ своей женѣ: жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего нибудь такого, что у насъ есть! И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ странниковъ-пѣвцовъ...»

Такимъ образомъ, можно сказать, одинъ пульсъ бился во всей Украйнѣ въ XVII вѣкѣ, и проповѣдь, пѣсня, *казанье* проникали во всѣ слои ея народонаселенія.

Совсѣмъ другое было въ государствѣ Русскомъ, между Великорусскимъ племенемъ. Племя это менѣе поэтическое, чѣмъ южное, какъ-то равнодушнѣе относилось къ своей исторіи, и даже въ такихъ рѣзкихъ событіяхъ, какъ времена Іоанна Грознаго, какъ погромъ Новгородскій и Смутное время, создало мало пѣсенъ и легендъ. Литература печатная была еще бѣднѣе, нежели народная, изустная. Можно сказать, что ея вовсе не было, потому что Московскій печатный дворъ до половины XVII вѣка занимался только богослужебными и вообще церковными книгами, перепечатывая ихъ, да и то не очень дѣятельно.

Но вотъ случилось нѣчто, живо затронувшее нашихъ предковъ: это былъ расколъ. Нѣсколько лицъ, преимущественно духовнаго званія, пораженныхъ перемѣнами, которыя были введены при патріархѣ Никонѣ въ церковные обряды и въ священныя книги, громко возстали; другіе духовные и свѣтскіе люди пристали къ нимъ, и народъ одушевился. Протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Өеодоръ, сначала изъ среды самой Москвы, а потомъ изъ ссылки, куда они были отправлены, какъ противники

церковнаго Собора и свѣтской власти, писали пламенныя воззванія, призывая народъ не поддаваться «антихристовой прелести». Они начали справляться съ прежде напечатанными книгами, съ *окружными граматами* прежнихъ патріарховъ, съ писаніями отцевъ церкви, и, находя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подтвержденія своимъ мыслямъ, открыли горячую, энергическую полемику противъ постановленія Московскаго собора и утвержденныхъ имъ перемѣнъ, и эти писанія, эти богословскія толкованія со вниманіемъ, съ участіемъ читались, тайно переписывались во множествѣ экземпляровъ и производили глубокое впечатлѣніе.

Не могла, съ своей стороны, и православная церковъ не откликнуться. Она говорила сомнѣвающимся: васъ смущаетъ мысль, что въ церковныхъ обрядахъ допущены нововведенія? Знайте: это не нововведенія, а возстановленіе того, что было установлено первыми отцами церкви; противники наши ссылаются на прежнихъ патріарховъ Московскихъ; но при нихъ-то, по невѣжеству тогдашнихъ грамотѣевъ, и допущены грубыя ошибки, которыя мы исправляемъ теперь. Въ такомъ смыслѣ была написана, подъ руководствомъ патріарха Іоакима, книга, называемая «Увѣтъ духовный». Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ Св. Димитрій Ростовскій написалъ «Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ» и другое «Объ образѣ Божіи», заключающее въ себѣ опроверженіе противъ запрещенія брить бороду.

Сочиненія эти имѣютъ достоинства учености, но были писаны витіеватымъ языкомъ, который дѣлалъ ихъ мало доступными для народа. Напротивъ того, старо-

обрядческія возраженія были нерѣдко такъ писаны, что онѣ читались безъ затрудненія даже простыми, необразованными людьми. Этимъ качествомъ особенно отличался Аввакумъ; онъ писалъ, какъ говорилъ: языкомъ отрывистымъ, неправильнымъ, пересыпаннымъ простонародными присловьями; напримѣръ, въ спорѣ своемъ съ другимъ учителемъ раскола, Ѳеодоромъ, онъ безъ церемоніи называетъ его *собакою*.... Въ тѣ грубыя времена это не могло никого непріятно поразить, но строки, подобныя нижеслѣдующимъ, конечно, глубже входили въ душу читателя, нежели витіеватые періоды тогдашнихъ грамотѣевъ: «Хотя и бить станутъ, и жечь—пишетъ въ одномъ изъ своихъ посланій Аввакумъ,—ино слава Господу Богу о семъ. Почто лучше сего? съ мученики въ чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ! А въ огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть. Аки ѻкомъ мигнуть: такъ душа и выступитъ,—развѣ тебѣ неразумно (непонятно)? Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, небось! До пещи страхъ отъ, а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится,—а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ!»

Слова эти были тѣмъ краснорѣчивѣе, что Аввакумъ сдѣлалъ то, что проповѣдывалъ—сталъ на костеръ за дѣло, которое онъ, по самообольщенію, считалъ справедливымъ.

Подобно Аввакуму, многія сотни и даже тысячи людей шли на смерть лучше, чѣмъ отказаться отъ мнѣній, которыя казались имъ правыми. Разсказы о ихъ жизни и смерти записывались грамотѣями изъ числа раскольниковъ, и съ глубокимъ чувствомъ набожности читались ихъ единовѣрцами; явился рядъ исторической литературы—преданія о

зачатіи раскола, о разныхъ моментахъ его развитія; составились особые сборники жизнеописаній тѣхъ, кого старообрядцы считаютъ святыми и мучениками; все это съ жадностію читалось, переписывалось и хранилось какъ святыня.

Такимъ образомъ и въ сѣверной Россіи, собственно въ Царствѣ Русскомъ была своя литература, хотя литература и односторонняя и не богатая достоинствами: тò, что печаталось въ Московской типографіи, было безжизненно, напыщенно и мало читалось; тò, что заключало въ себѣ жизнь и читалось народомъ, было пропитано горечью, враждою и исключительностью. Въ противность украинской литературѣ, которая вся, отъ историческихъ изслѣдованій Гизеля до пѣсни какого-нибудь деревенскаго бандуриста, славила отечественныхъ героевъ, вызывала единомысліе, служила къ укрѣпленію южно-Русской народности, Великорусская, сѣверная усиливала рознь, возбуждала вражду, раздѣляла единоплеменниковъ на два враждебные лагеря, и слава Петровыхъ побѣдъ, начинавшееся величіе Россіи, первые ростки просвѣщенія, возбуждали въ станѣ раскольниковъ только ожесточенныя выходки, горькое порицаніе.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что въ Великорусской литературѣ господствовалъ одинъ интересъ—религіозный; Полоцкій, Медвѣдевъ написали, правда, нѣсколько виршей, а первый даже и драмъ, но они очень мало кѣмъ читались и не заслуживаютъ большаго вниманія; народъ, конечно, разсказывалъ сказки о колдунахъ и чародѣяхъ, о сильно-могучихъ богатыряхъ; но тò, что затрогивало душу, что приводило умы въ движеніе, что возбуждало

страсти, было исключительно религіознаго содержанія: въ допетровской Руси религія была главнымъ, едва ли не единственнымъ общимъ интересомъ. Но съ появленіемъ Петра стали входить въ жизнь нашу новые интересы, и народъ откликнулся на нихъ; сталъ слагать пѣсни о славной войнѣ съ Швеціей, о построеніи Петербурга, о спускѣ кораблей и т. п. Нельзя сказать, чтобъ народныя пѣсни клонились къ прославленію всѣхъ этихъ новинъ; напротивъ, въ нихъ нерѣдко слышались жалобы; но по крайней мѣрѣ можно сказать, что народъ очнулся; что-то разшевелило, затронуло его, подобно тому, какъ за полвѣка передъ тѣмъ затронулъ его расколъ.

Съ другой стороны, литература печатная, чрезвычайно слабая въ прежнія времена, какъ уже мы знаемъ, получила очень сильный толчекъ. Школы и ученіе у насъ, въ Русскомъ Царствѣ, еще только начинались, а потому ученыхъ и литераторовъ, разумѣется, не могло быть; Царю, слѣдовательно, желавшему между тѣмъ распространить книги и любовь къ знанію, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ заботиться о переводѣ иностранныхъ книгъ и пускать ихъ въ народъ. Такъ онъ и дѣлалъ. Онъ отыскивалъ людей, знающихъ иностранные языки, между бывшими воспитанниками Кіевской академіи, которые нерѣдко получали важныя духовныя должности въ Москвѣ; отыскивалъ ихъ между людьми, побывавшими за границею, даже между плѣнными Шведами, и поручалъ имъ переводить книги историческія, путешествія, сочиненія о военномъ и морскомъ искусствѣ, объ архитектурѣ и т. п. Въ только что заложенномъ Петербургѣ стала издаваться газета (С.-Петербургскія Вѣдомости), которая должна была знакомить

народъ съ современнымъ состояніемъ Европы, сообщать извѣстія съ театра нашей войны со Шведами, извѣщать о войнѣ и мирѣ между другими народами, о ходѣ торговли на разныхъ пунктахъ Европы и т. п. Для этого была учреждена въ Петербургѣ и новая типографія, да и древніе станки Московскаго печатнаго двора стали работать съ удвоенною скоростію; для того же, чтобъ выпускаемыя въ свѣтъ изданія покупались и читались, Царь приказалъ продавать ихъ по возможно дешевой цѣнѣ и, вмѣсто стариннаго, славянскаго, некрасиваго и неудобнаго шрифта, ввелъ новый, нынѣ употребляемый.

Сильно хотѣлось, между прочимъ, Царю видѣть исторію своего Царства, написанную въ этомъ Царствѣ. Онъ поручалъ это нѣкоторымъ изъ числа своихъ окружающихъ, тѣмъ, которыхъ считалъ наиболѣе къ тому способными, къ Шафирову напримѣръ; и дѣйствительно, въ правленіе его написана въ русскомъ Царствѣ первая исторія Россіи подъ названіемъ «Ядро россійской исторіи». Написалъ ее князь Хилковъ, тотъ самый, который, будучи посланникомъ нашимъ въ Швеціи при началѣ войны, былъ посаженъ Карломъ XII въ темницу. Пятнадцать лѣтъ томился онъ въ заключеніи и непроизвольную свою праздность употребилъ на трудъ, конечно чрезвычайно несовершенный, но все-таки открывшій путь Татищеву, Шлёцеру, Карамзину, Соловьеву и другимъ нашимъ историкамъ (*).

(*) Исторія Хилкова такъ мало похожа на исторію, какъ ее пишутъ въ наше время, что любопытно имѣть о ней нѣкоторое понятіе. Авторъ начинаетъ,—какъ, впрочемъ, и вообще начинались историческія сочиненія его времени,—съ Адама. Послѣ потопа, говоритъ далѣе Хилковъ, «Ное, взявъ съ собою сыновъ и множество людей, пошелъ къ морю Средиземному и, пересмотрѣвъ всѣ того моря берега и показавъ селенія трехъ міра частей,

Между людьми его времени нѣкоторые имѣли порядочныя собранія книгъ; библіотеки Брюса и князя Дмитрія Голицына были даже очень замѣчательны: первая преимущественно по естественнымъ наукамъ, а вторая по политическимъ. Какъ у этихъ двухъ людей, извѣстныхъ своею любознательностію, такъ и у нѣкоторыхъ другихъ находились такія книги, чтеніе которыхъ не могло остаться безъ вліянія; такъ, по сохранившимся каталогамъ того времени, мы находимъ въ переводахъ или подлинникахъ — сочиненія знаменитыхъ тогдашнихъ политическихъ мыслителей, Гуго-Гроція и Пуфендорфа, литовскій статутъ (*), магдебурское право (**). Читая ихъ,

---

земли множеству такому раздѣлить умыслилъ: и такъ первому сыну своему, Симу, Азію всю большую, отъ Нила-рѣки даже до восточныхъ Индіи концовъ въ стяжаніе далъ. Другому сыну, Хаму, Африку со всѣми странами отъ рѣки Нила даже до тѣснотъ Кадикскихъ или Гибралтарскихъ и океана отдалъ». Наконецъ третій, Іафетъ, получилъ, по свидѣтельству нашего историка, Европу. У Іафета было 7 сыновъ: «Гомеръ,—отъ него Киммеріане, Могогъ,—отъ него Готы или Готеы и Шведы, Мадаинъ—отъ него Мидяне, Явонъ или Іоаннъ,—отъ него Греки и Іоніи, Ѳавелъ,—отъ него Халивіане въ Малой Азіи, которая нынѣ Натолія называется; Мосохъ или Месехъ былъ патріархъ и родоначальникъ народовъ Московскихъ, Русскихъ, Польскихъ, Волынскихъ, Чесскихъ, Мазоветскіихъ (Мазовія, часть царства Польскаго), Болгарскихъ, Сербскихъ, Кроатскихъ и проч., всѣхъ, которые обще словенскій языкъ употребляютъ... *По сему явственно и не сомнительно* познать можно, что народъ Русскій начатокъ свой производитъ отъ Мосоха Яфетовича».... И точно также мало затрудняясь повѣркою однихъ извѣстій другими, и находя *явственнымъ* и *несомнительнымъ* многое, что насъ теперь приводитъ въ сомнѣніе, добродушный Хилковъ довелъ свой разсказъ до начала шведской войны, которая, бывъ причиною его заключенія, сдѣлала его совершенно случайно историкомъ, вмѣсто воина или дипломата, какимъ онъ былъ до того времени.

(*) Законодательство в. к. Литовскаго, очень уважаемое.

(**) Городское положеніе, которымъ управлялись Германскіе города, считавшееся образцовымъ.

думая надъ ними, не могли уже предки наши воображать, какъ ихъ отцы и дѣды, что во всемъ мірѣ только въ одной Россіи и есть законы мудрые, порядки хорошіе, суды правдивые. Прочитавши, напримѣръ сочиненіе Пуфендорфа: «Введеніе въ исторію» или «О естественномъ правѣ человѣка», гдѣ разсматриваются различныя формы правленія, ихъ выгоды и невыгоды, обязанности и права гражданина и отношенія его къ верховной власти, человѣкъ уже не могъ удовлетвориться понятіями «Кормчей книги», гдѣ все основано на писаніяхъ отцовъ церкви, жившихъ въ тѣ времена, когда политическія идеи находились еще въ младенчествѣ да и не интересовавшихся этими идеями. Кругъ понятій, по прочтеніи такихъ книгъ, естественно дѣлался обширнѣе, и человѣкъ становился способнѣе разрѣшать вопросы законодательные и административные, способнѣе принимать участіе въ политической жизни своего отечества.

Но это не все. Серьезныя, дѣльныя книги воспитываютъ и укрѣпляютъ только умъ въ человѣкѣ; нравственныя качества требуютъ еще другой пищи, и въ этомъ отношеніи играютъ большую роль изящныя искусства. Искусства эти, какъ извѣстно, не процвѣтали въ древней Руси. Судя по нашимъ великорусскимъ и украинскимъ пѣснямъ, можно думать, что намъ не чуждо музыкальное чувство, но музыка, какъ искусство, была вовсе неизвѣстна въ Россіи. Мы знали, правда, церковное пѣніе; но попытка Никона, когда онъ еще былъ новгородскимъ митрополитомъ, ввести нѣкоторую благозвучность въ этомъ пѣніи, была поставлена ему въ упрекъ. Первый оркестръ, бывшій въ Россіи, заведенъ только при Царѣ Алексѣ,

Матвѣевымъ, да и тотъ состоялъ изъ органа, трубъ, барабановъ, литавръ и лишь одной скрыпки. Музыкальное образованіе наше немного, правда, выиграло и при Петрѣ, и если въ бывшихъ при немъ нѣмецкихъ оркестрахъ гуденіе органа не смѣшивалось съ перекатами барабана, то литавры и трубы играли въ нихъ первую роль. Но, по крайней мѣрѣ, оркестры заводились; каждый вельможа считалъ себя обязаннымъ имѣть музыкантовъ, отдавалъ своихъ дворовыхъ людей «на выучку» нѣмецкимъ музыкантамъ — и музыкальныя свѣдѣнія распространялись.

Царь былъ охотникъ до картинъ, особенно морскихъ и такъ называемой фламандской школы; стѣны петергофскаго Монъ-плезира увѣшаны ими. Вслѣдъ за Царемъ, конечно, и приближенные его, вельможи, фавориты, покупали картины и развѣшивали ихъ по стѣнамъ. Не всегда, можетъ быть, сами владѣльцы были въ состояніи ими любоваться, но это наслажденіе могли имѣть посѣтители и, безъ сомнѣнія, не у одного изъ числа этихъ посѣтителей въ головѣ шевелилась мысль, а въ груди чувство, глядя на глубокую синеву моря и неба, на роскошную растительность италіянскихъ пейзажей, на лица, проникнутыя выраженіемъ мысли или чувства, на жизнь, такъ сказать, перенесенную на полотно. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что первый Русскій живописецъ, Никитинъ, явился въ это время: до него были только иконописцы, люди, проникнутые религіознымъ, но не художественнымъ чувствомъ; тѣ же рисунки свѣтскаго или духовнаго содержанія, которые были распространены въ народѣ, и которые извѣстны подъ названіемъ «лубочныхъ», иногда довольно замѣ-

чательны по мысли, но вообще очень безобразны по выполненію.

Едва ли не больше другихъ искусствъ сдѣлала при Петрѣ успѣховъ архитектура. Царь выписалъ изъ Франціи знаменитаго Леблона, который построилъ Петергофскій и Ораніенбаумскій дворцы (послѣдній былъ загороднымъ домомъ Меньшикова) и разбилъ принадлежащіе къ нимъ сады, устроилъ въ нихъ фонтаны. Въ Петербургѣ, на удивленіе не однимъ нашимъ старикамъ, возведены палаты Меньшикова, церковь Св. Петра и Павла, зданіе Двѣнадцати коллегій, въ Москвѣ Сухарева и Меньшиковская башни.

Въ прежнія, до-Петровскія, времена тоже строились и у насъ каменные, иногда обширные и даже изящные храмы, но храмы эти строились иностранными художниками и архитектурное искусство не вошло, какъ говорится, въ жизнь; рѣдко кто изъ частныхъ людей возводилъ для себя каменныя палаты; еще рѣже обращался къ помощи архитектуры: дѣло обходилось своими плотниками или каменьщиками, хоромы выводились по дѣдовскому образцу, и о вкусѣ и законахъ искусства не было здѣсь помину. Также точно и живопись; иконы, — единственныя произведенія кисти, писались по преданію, по образцамъ, занесеннымъ еще изъ Византіи, и близость къ жизни, свѣжесть красокъ, правильность рисунка не только не цѣнились нашими иконописцами, но напротивъ, ставились въ упрекъ, были относимы къ еретичеству. Самые строгіе въ этомъ отношеніи пюристы, старовѣры, и до сихъ поръ безъ ужаса не могутъ смотрѣть на нынѣшніе образа наши.

Такъ думала большая часть народа при Петрѣ; чело-

вѣкъ болѣе многихъ современниковъ развитый, св. Митрофанъ, епископъ воронежскій, не хотѣлъ войти въ покои царскіе, потому что въ нихъ стояли статуи какихъ-то миѳологическихъ божествъ.... Побѣдить эти предубѣжденія, мѣшавшія развитію художественнаго чувства, было дѣломъ чрезвычайно важнымъ; это большой шагъ къ просвѣщенію; человѣкъ, который чувствителенъ къ художественной красотѣ уже не варваръ,—и Петръ далъ въ этомъ отношеніи Русскому народу не малый толчекъ.

Здѣсь же кстати упомянуть объ одномъ средствѣ, чрезвычайно сильно дѣйствующемъ на развитіе массъ: о театрѣ. При Царѣ Алексѣѣ, у его фаворита Матвѣева былъ театръ, но театромъ Матвѣева пользовался только одинъ дворъ, да и не всѣ изъ числа придворныхъ посѣщали его, а́ только тѣ, которые менѣе были строги въ отечественныхъ преданіяхъ; Царь, напримѣръ, не безъ смущенія позволялъ себѣ присутствовать на этихъ «лицедѣйствахъ», и предварительно испрашивалъ разрѣшенія своего духовника. При томъ пьесы, разыгрывавшіяся актерами Матвѣева, были исключительно духовнаго содержанія: онѣ были больше ничего, какъ отрывки изъ библейской исторіи, переложенные на разговоры, какія издавна разыгрывались въ Кіевской, а потомъ въ Московской академіи; пастыри церковные, каковъ Симеонъ Полоцкій, а позднѣе Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и др. не считали неприличнымъ сочинять ихъ.

Совершенно другой характеръ далъ театру Петръ. Еще въ самые первые годы своего правленія онъ построилъ на Красной площади, въ Москвѣ, большой деревянный сарай и выписалъ изъ Германіи труппу, которая да-

вала тамъ представленія. Какъ разыгрывали нѣмцы-актеры русскія пьесы, — можно вообразить; вѣроятно, представленія держались главнѣйше Русскими учениками, отданными Нѣмцамъ «на выучку». Но не въ этомъ дѣло: для насъ особенно важно то, что театръ этотъ былъ публичный и пьесы на немъ были разнообразнаго содержанія. Напримѣръ, тамъ разыгрывались «Александръ Македонскій и Дарій», «Бѣснованія Нерона» и другія пьесы, сочиненныя самимъ содержателемъ труппы, или переводныя, между которыми была и одна комедія безсмертнаго Мольера, «Докторъ принужденный» или, какъ теперь ее называютъ, «Врачъ по неволѣ». Доступъ въ этотъ театръ былъ открытъ всякому, городскія ворота нарочно оставались отворенными позднѣе обыкновеннаго въ дни спектаклей, чтобъ не затруднять пріѣзда. Но въ Москвѣ, строгой въ прародительскихъ преданіяхъ, нововведеніе это не имѣло большаго успѣха: за то онъ лучше принялся въ Петербургѣ; театръ нашелъ покровителей въ семьѣ царской, и именно въ особѣ меньшей Царевны, Натальи Алексѣевны, и въ старшей дочери Царицы Прасковьи Ѳедоровны, которая, хоть будучи сама женщиною старыхъ понятій, желая однакожь угодить Царю и не умѣя ни въ чемъ отказать страстно любимой имъ дочери, позволяла устроивать спектакли въ своемъ дворцѣ. Были ли они хороши, — это другой вопросъ. Одинъ иностранецъ, приглашенный Царицею, ничего, впрочемъ, не понимая, что говорилось на сценѣ, но видя безобразное кривлянье актеровъ (изъ крѣпостныхъ) съ нетерпѣніемъ, какъ описываетъ одинъ современникъ, ждалъ конца, ворча про себя: «Welch ein Hund von Comödie ist das?» (Что за песъ эта комедія?)

Всѣ эти сценическія представленія, эти статуи и картины, книги и газеты, это развитіе искусства и науки рѣзко отличаютъ эпоху Петра отъ предшествующей. Но должно замѣтить, что этими сценическими представленіями, картинами и статуями, книгами и газетами пользовались немногіе; не только произведенія кисти и рѣзца, но даже книги и газеты были не по карману большинству народа, да, кромѣ того, онѣ не могли и интересовать большинство; онѣ даже казались, какъ мы видѣли, весьма и весьма многимъ неприличными, противорѣчащими стариннымъ обычаямъ и едва ли не еретическими. Воспитанники школъ, заведенныхъ Петромъ, его придворные, отчасти служащіе люди и иностранцы, во множествѣ нахлынувшіе въ русскую службу, пользовались ими, просвѣщались посредствомъ ихъ,—остальные, т. е огромное большинство, ихъ чуждались. Такимъ образомъ различіе между людьми *новыми* и людьми *старыхъ обычаевъ*, начинавшее обозначаться даже при Царѣ Алексѣѣ, дѣлается очень явственнымъ при Петрѣ. Тѣ, которые свыклись съ короткимъ кафтаномъ и завитымъ парикомъ, которые побывали за границею, пріобрѣли нѣкоторое образованіе и выслужили офицерскій чинъ, съ пренебреженіемъ смотрѣли на остальныхъ, а эти, въ свою очередь, на нихъ смотрѣли съ досадою и непріязнію.

Просвѣщеніе сдѣлало чувствительные успѣхи въ Россіи въ первую четверть XVIII вѣка, но оно не распространилось на весь народъ, а потому послужило къ его разъединенію: одна часть народа, съ теченіемъ времени, становилась все болѣе образованною, другая продолжала коснѣть въ прежнемъ невѣжествѣ; первые стали

презирать вторыхъ, а эти—въ тайнѣ ненавидѣть тѣхъ; духовенство и купечество, бывшіе въ прежнія времена близки къ дворянству, теперь стали отъ него сторониться, какъ отъ чего то чуждаго. Великая реформа Петра, какъ отъѣзжающій локомотивъ, не могла захватить съ собою всей націи; часть ея пустилась въ путь и теперь уже не далека отъ той степени цивилизаціи, на которой находятся просвѣщенные европейскіе народы,—другая же часть націи остается и до сихъ поръ на точкѣ отправленія и ждетъ своего поѣзда.

Несправедливо было бы однакожъ думать, что для просвѣщенія духовенства, купечества и крестьянства ничего не было сдѣлано, или, по крайней мѣрѣ, предпринято Царемъ. Еще въ самомъ началѣ своего царствованія, Петръ обращалъ вниманіе патріарха Адріана на недостатокъ образованія между духовенствомъ; но, какъ мы знаемъ, патріархъ этотъ не любилъ грамотѣевъ и замѣчаніе царское осталось безъ послѣдствій. Царь однакожъ продолжалъ настаивать; издалъ указъ, чтобъ безграмотныхъ не посвящать въ священники, надѣясь, что образованные іереи распространятъ грамотность въ своихъ приходахъ. Онъ требовалъ, чтобъ при всѣхъ архіерейскихъ домахъ непременно были заведены школы для дѣтей духовнаго званія,—но всѣ эти требованія плохо исполнялись, частію отъ недостатка средствъ, частію отъ равнодушія народа къ ученію, а еще болѣе отъ неохоты самого духовенства учиться и учить народъ. Даже въ концѣ Петрова царствованія, въ Москвѣ, не только въ какомъ нибудь отдаленномъ погостѣ, не рѣдкостію были безграмотные попы. «Видѣлъ я, пишетъ извѣстный уже намъ Посошковъ, въ

Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, чтò и татаркѣ противъ ея заданія (вопроса) отвѣту здраваго дать не умѣлъ».—«Нынѣ, продолжаетъ Посошковъ, таковыхъ пресвитеровъ много, чтò не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что тò рѣченіе есть, вѣра, и церковныя службы, какъ прямо отправити, не знаютъ». Такое духовенство, конечно, не могло распространить просвѣщенія въ народѣ,—а другихъ учителей по деревнямъ и селамъ достать было не откуда.

Между тѣмъ открылась война съ Швеціей, надобность въ офицерахъ артиллерійскихъ, инженерныхъ, морскихъ сдѣлалась настоятельна; Петръ началъ заводить въ Москвѣ и Петербургѣ школы навигаторскія, математическія, которыя поручилъ надзору ученаго Брюса; ученикамъ этихъ школъ, кромѣ службы, для которой они приготовлялись, поручалось переводить иностранныя книги, чертить ландкарты, снимать планы городовъ и т. п. Такимъ образомъ, эти школы, приготовляя инженеровъ, артиллеристовъ и морскихъ офицеровъ, воспитывая ихъ въ понятіяхъ новыхъ, дѣлая изъ нихъ то, что заклятые приверженцы старины называли «табашниками» содѣйствовали съ одной стороны просвѣщенію, а съ другой—тому разъединенію русскаго народа, о которомъ выше говорено, и которому въ наше время начали стараться положить конецъ заведеніемъ народныхъ школъ.

XXIV.

Между окружающими Царя не было ни одного истинно государственнаго человѣка.—Стефанъ Яворскій.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Учрежденіе синода.—Неудовольствіе народное.—Ревизія, паспорты.—Отзывы раскольниковъ объ этихъ мѣрахъ.—Отношенія правительства и раскола между собою.—Расколъ раздѣляется на секты: поповщинскую и безпоповщинскую.—Весьма сильно распространенное сочувствіе къ раскольничьимъ понятіямъ.

Вокругъ Царя образовался кружокъ людей болѣе или менѣе способныхъ и преданныхъ ему и его нововведеніямъ, людей, которыхъ профессоръ Соловьевъ очень удачно опредѣлилъ названіемъ «Птенцовъ Петра великаго». Но это были только птенцы его, его воспитанники, его помощники, а совѣтниковъ, просвѣщенныхъ опытныхъ людей, которые бы самому ему иногда могли подать свѣтлую мысль, и пользовались бы доброю славою въ народѣ, людей, какимъ, напримѣръ, былъ Матвѣевъ для Алексѣя Михайловича, у Петра не было. Для Царя-преобразователя, во время всеобщей ломки, это было еще нужнѣе, нежели въ предшествующія времени. Можетъ быть, еслибы у Петра былъ человѣкъ, котораго уму и честности онъ довѣрялъ,—такой человѣкъ могъ бы удержать его отъ нѣкоторыхъ распоряженій, не нравившихся народу и не приносившихъ особой пользы. Случалось иногда удерживать Царя Якову Долгорукову; но этотъ почтенный человѣкъ, былъ человѣкъ съ узкими, впрочемъ, понятіями и вовсе не просвѣщенный. Еще болѣе Петру нуженъ былъ человѣкъ, который бы могъ служить посредникомъ между волею Царя

Царя въ духовныхъ, да и не въ однихъ духовныхъ дѣлахъ.

Өеофанъ былъ человѣкъ злопамятный, искательный, пронырливый; земныя цѣли стояли у него впереди небесныхъ. Но между многими способными людьми, окружавшими Царя, это былъ едва ли не самый способнѣйшій, а между духовными лицами, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ чуждый суевѣрія и самый просвѣщенный. Онъ зналъ нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ, зналъ естественныя науки, исторію; много читалъ и думалъ о томъ, какъ управляются и чѣмъ процвѣтаютъ человѣческія общества; наконецъ, проживъ нѣсколько лѣтъ за границею въ западно-европейскихъ университетахъ, онъ, при своей наблюдательности и при практическомъ складѣ своего ума, близко узналъ и бытъ европейскихъ народовъ и пружины европейскихъ правительствъ. Такой человѣкъ могъ быть очень полезенъ Петру; и точно, Өеофанъ помогалъ Царю при составленіи регламентовъ и учрежденій, которые начались издáваться съ 1716 г.; посредствомъ проповѣдей, книгъ и брошюръ распространялъ и объяснялъ народу мысли Царя; наконецъ, онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ преобразованіи церковнаго управленія, о которомъ ниже будетъ сказано.

Между тѣмъ, онъ былъ очень непопуляренъ въ средѣ нашего духовенства, которое считало его человѣкоугодникомъ, и въ образѣ мыслей его находило какой-то оттѣнокъ «люторскаго еретичества». Въ самомъ дѣлѣ, Өеофанъ, имѣвшій случай видѣть близко и католическое и протестантское духовенства, коротко знакомый съ сущностью католическаго и протестантскаго ученій, отдавалъ

предпочтеніе послѣднему, какъ исключившему многія суевѣрія и странные обряды католицизма, который при томъ, подчиняя духовенство папѣ, дѣлаетъ изъ него особое сословіе, отдѣленное отъ народа и часто враждебное правительствамъ. Таковъ былъ образъ мыслей Ѳеофана; образъ мыслей его казался подозрительнымъ нашему духовенству, какъ и его образъ жизни (что было справедливѣе). Когда Царь изъявилъ желаніе, чтобы онъ былъ посвященъ въ епископы, Стефанъ, какъ блюститель патріаршаго престола, счелъ своимъ долгомъ противъ этого протестовать, вызывался доказать Царю на самомъ дѣлѣ, какъ соблазнительно поведеніе Ѳеофана, и для этого приглашалъ его заглянуть теперь же въ его келью. Царь согласился и отправился съ старымъ архіепископомъ въ Невскую лавру; тихо въѣхали они въ монастырскую ограду, тихо подошли къ кельѣ Ѳеофана, и дѣйствительно застали его посреди довольно многочисленной компаніи за жирнымъ ужиномъ: онъ, съ бокаломъ въ рукѣ, собирался провозглашать какой-то тостъ, когда дверь отворилась... Но остроумный монахъ не смутился и, обращаясь къ Царю съ тѣмъ же поднятымъ бокаломъ: «Се женихъ грядетъ во полуночи! здравствуй, Государь всемилостивѣйшій!» воскликнулъ онъ и осушилъ кубокъ. Петръ, не чуждавшійся, какъ мы знаемъ, веселой компаніи, присоединился къ пирующимъ и предложилъ Стефану, — который самъ любилъ просиживать за столомъ долѣе необходимаго, — послѣдовать его примѣру, или возвратиться...

Въ 1721 г. былъ учрежденъ святѣйшій синодъ, т. е. коллегія изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ. Какъ сенатъ завѣдывалъ всѣми свѣтскими управленіями, наблюдалъ за

коллегіями и губернаторами, такъ синоду было поручено вѣдать весь чинъ духовный и блюсти чистоту православной вѣры. Но, какъ сенатъ, такъ и синодъ, были поставлены въ зависимость отъ Царя, который назначалъ въ нихъ членовъ и могъ принять или отвергнуть представленія, какъ одного, такъ и другаго. Теперь всѣ согласны, что духовенство не должно быть изъято изъ общихъ для всѣхъ гражданъ законовъ, что если оно имѣетъ болѣе знанія и больше нравственности, нежели остальная масса народа, то оно должно дѣлиться своими духовными сокровищами, а никакъ не дѣлать изъ нихъ себѣ права на исключительное положеніе и никакъ не отдѣлять своихъ интересовъ отъ интересовъ народа. Такъ думаютъ нынѣ; но не многіе думали такъ прежде: мѣрамъ, направленнымъ Царемъ Петромъ въ пользу духовенства и къ водворенію церковнаго благочинія, придавали совсѣмъ другое, противоположное значеніе, а между тѣмъ, то именно было важно и полезно для религіи, что Петръ отдѣлялъ ее отъ суевѣрія. Онъ предписывалъ, напримѣръ, «смотрѣть, чтобы невѣдомыхъ и несвидѣтельствованныхъ отъ церкви гробовъ за святыню не почитали, притворно-бѣснующихся, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать, и прочихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали; чтобы ложныхъ чудесъ не вымышляли»...

Казалось бы, что̀ справедливѣе такого требованія? А между тѣмъ оно встрѣчаемо было враждебно. Вышелъ указъ, запрещавшій поступать въ монастырь моложе 30 *лѣтъ, — это тоже* подверглось ожесточенному осужденію.

Точно также горько осуждали, — и притомъ во имя религіи — новое учрежденіе о паспортахъ, о народной переписи и преобразованіи налоговъ.

Въ наше время, когда статистика начинаетъ играть большую роль въ соображеніяхъ и распоряженіяхъ правительствъ, странно подумать, что до 1720 года правительство не знало числа управляемыхъ имъ людей. Это однакожъ было такъ. Тѣмъ не менѣе переписчики, отправленные въ разные концы Россіи, были встрѣчены весьма недружелюбно; во многихъ мѣстахъ ихъ били и выгоняли, во многихъ—народъ разбѣгался при ихъ приближеніи. И не мудрено: вотъ, напримѣръ, какія мудрствованія распространялись по этому поводу... «содѣла (Государь) отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини описаніе народное, изчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, *живыхъ* и *мертвыхъ*, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни одинъ могъ скрыться руки его, и облагая ихъ даньми велими, *не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ...*» Это подлинныя слова одного изъ раскольничьихъ писателей. Но что̀ же за дань *съ живыхъ и мертвыхъ*? Это ничто иное, какъ подушный окладъ. Царь Петръ нашелъ нужнымъ, можетъ быть и не совсѣмъ основательно, назначить подать съ лица или *съ души*; съ этою цѣлію и была заведена народная перепись. А какъ переписывать цѣлый народъ нельзя безпрестанно, и дѣлается это вездѣ въ болѣе или менѣе отдаленные между собою сроки, то въ промежуткѣ этихъ сроковъ, подать взимается съ тѣхъ, которые записаны въ *ревизскія сказки*. Такимъ образомъ, естественно, что за того, кто умеръ послѣ ревизіи, плата взимается до

новой переписи; за то, съ другой стороны, тотъ, кто родился послѣ переписи, ничего не платитъ до новой ревизіи, а какъ рождается обыкновенно болѣе, нежели умираетъ, то невыгода клонится на сторону казны, а не плательщиковъ, взятыхъ въ массѣ. Но на это не обращаетъ вниманія писатель, слова котораго приведены выше, и восклицаетъ: «Таково тиранство учини: и съ мертвыхъ дани востребова! Сего и въ древнія времена бывшіе мучители не творили. Мы (раскольники) отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохранити и вѣру святую блюсти; а сему (Царю) въ послушество отдаться не хощемъ. Творите съ нами что хощете, ибо есмы христіане единаго исповѣданія седми вселенскихъ соборовъ святыхъ отецъ и святыхъ страдальцевъ Соловецкія обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе!»

Тѣ же учители народные распустили слухъ, что изъ-за моря привезены какія-то клейма и, что ими будутъ клеймить народъ. «Въ Москву пріѣхалъ Царь Петръ Алексѣевичъ... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ въ сырную недѣлю и въ великій постъ, и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ (Царь) печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать и помѣщикамъ хлѣба будутъ давать самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать хлѣба только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны...»

Подобно этому перетолковывали раскольники и другія распоряженія Царя, противопоставляя имъ сопротивленіе фанатическое и слѣпое, доказывающее, какая бездна суевѣрія и невѣжества заключалась въ народной массѣ того

времени. И замѣчательно, что Петра раскольники ненавидѣли, можетъ быть, еще сильнѣе, нежели отца его, при которомъ произошелъ расколъ, и который дѣйствительно, въ своей горячей набожности, подвергалъ отступниковъ церкви жестокимъ мученіямъ. Петръ, напротивъ того, представлялъ примѣры религіозной терпимости, до того времени не виданные у насъ. Ему указали однажды на знаменитый Выгорѣцкій скитъ, главный центръ поморскаго раскола, и сказали, что здѣсь живутъ раскольники. «Пусть живутъ себѣ», отвѣчалъ Царь, и не приказалъ трогать. Это извѣстіе находимъ мы у самихъ раскольничьихъ писателей. Петръ нерѣдко подвергалъ раскольниковъ жестокимъ наказаніямъ, но только тогда, когда они являлись ослушниками правительственной власти. Онъ даже пробовалъ обращаться къ нимъ съ убѣжденіемъ и въ царствованіе его были посылаемы два раза монахи-богословы для свободнаго съ ними состязанія; но, какъ на эти состязанія одна сторона приходила съ недовѣрчивостью, а другая съ пренебреженіемъ, то они ничѣмъ и не кончались.

Лѣтъ семьдесятъ уже существовалъ въ Россіи расколъ и значительно разросся и укрѣпился и это именно подъ вліяніемъ тѣхъ гоненій, которыя претерпѣлъ и которыя возбудили въ его приверженцахъ фанатизмъ и душевную силу. Когда же гоненія сдѣлались не столь сильными, въ средѣ его начались колебанія, и вотъ по какому случаю. Священники, поставленные до Московскаго собора (1667), въ теченіе времени, натурально умирали одинъ за другимъ; вмѣсто нихъ приходили, правда, новые, но уже изъ числа тѣхъ, которые посвящены были епископа-

ми, по мнѣнію раскольниковъ, не православными; это возбудило вопросъ: могутъ ли такіе священники, хотя и отрекшіеся отъ «никоніанской прелести», быть истинными пастырями? Одни говорили: да, другіе: нѣтъ. Расколъ раздвоился; большія массы раскольниковъ, жившихъ въ нижегородскихъ и костромскихъ лѣсахъ и въ нынѣшней Черниговской губерніи, признали возможнымъ довольствоваться священниками, перешедшими изъ никоніанства; другіе, обитавшіе въ Поморскомъ краѣ, на р. Выгѣ (въ Олонецкой губерніи), на Вѣткѣ, въ Могилевской губерніи (принадлежавшей тогда Польшѣ), не согласились на это, и между тѣми и другими началась рознь и вражда: «Не буди намъ съ вами имѣть общенія ни въ семъ мірѣ, ни въ будущемъ», сказалъ безпоповщинскій учитель поповщинцамъ, не успѣвъ убѣдить ихъ.

Изъ всего, что говорилось здѣсь и въ предшествовавшихъ главахъ о раскольникахъ, видно, что они обладали страшною энергіею. Эта энергія дѣлала ихъ фанатиками въ дѣлахъ вѣры; но въ дѣлахъ житейскихъ не было болѣе практическихъ людей, болѣе предпріимчивыхъ; настойчивыхъ, способныхъ къ труду. Въ своихъ лѣсахъ и пустыняхъ, въ которые они разбѣжались въ первое время гоненій, не только умѣли они обойтись безъ чьей либо помощи, но устроили такіе богатые монастыри, деревни и села, что имъ могли позавидовать многія и многія поселенія болѣе плодоносныхъ и удобныхъ мѣстностей. Этого достигли они необыкновеннымъ трудолюбіемъ, единодушіемъ и трезвостью, которыя успѣли установить между ними первые ихъ учители, и которыми до настоящаго времени отличаются раскольники. Эти качества таковы, что имъ

невозможно не сочувствовать; но, къ сожалѣнію, не имъ сочувствовали люди петрова времени, а именно тѣмъ качествамъ, которыя всего менѣе заслуживали сочувствія: суевѣрію и пустосвятству. Проповѣди ихъ объ «антихристовыхъ печатяхъ», «о безбожномъ брадобритіи,» объ «иконоборствѣ» производили глубокое впечатлѣніе на народъ, вообще очень набожный, но мало еще образованный; а таковыми были, какъ мы знаемъ, не одни крестьяне. Между мѣщанами, купцами и даже между дворянами многіе приставали къ расколу; не мало священниковъ и монаховъ оставляло свои церкви и монастыри и уходило въ раскольничьи скиты. Еще большее число людей, не приставая прямо къ расколу, т. е. не принимая двуперстнаго знаменія и другихъ символовъ раскола, въ душѣ сочувствовало образу мыслей раскольниковъ о правительственныхъ распоряженіяхъ и, съ отвращеніемъ подчинялось имъ. Такихъ было множество во всѣхъ классахъ народа, даже между людьми служащими, т. е. исполнителями правительственныхъ распоряженій, занимавшими гражданскія должности и служившими въ войскахъ, даже въ двухъ гвардейскихъ полкахъ. Между приближенными Царя было множество людей, подчинявшихся его волѣ, его царской власти, его моральному вліянію, по близкихъ къ раскольникамъ по своимъ понятіямъ. Духовникъ Меньшикова былъ ревностнымъ покровителемъ раскольниковъ. Въ самой семьѣ царской были такіе люди. Таковы были Царевна Марія Алексѣевна, сестра Царя, его удаленная въ монастырь супруга и сынъ его, Царевичъ Алексѣй.

До сего времени, мы ничего еще не говорили о Царевичѣ; теперь необходимо познакомиться съ нимъ поближе и разсказать его печальную исторію.

XXV.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ. — Его воспитаніе. — Родня и друзья царевича. — Враги его. — Царь предлагаетъ ему или перемѣниться, или отречься отъ престола. — Царевичъ уходитъ къ императору германскому. — Толстой его отыскиваетъ и убѣждаетъ возвратиться. — Возвращеніе царевича. — Слѣдствіе надъ нимъ. — Слѣдствіе надъ царицею-инокинею. — Казни по обоимъ этимъ дѣламъ. — Смерть царевича.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ родился въ началѣ 1690 г., вскорѣ послѣ окончанія суда надъ Шакловитымъ и его сообщниками. Царица была имъ беременна, когда, отъ страха стрѣлецкаго возмущенія, ночью, окольными путями, изъ Преображенскаго пробиралась въ Троицкій монастырь. Петръ былъ обрадованъ рожденіемъ сына-наслѣдника, и сжегъ по этому случаю фейерверкъ въ Москвѣ; но безпрерывные его разъѣзды и занятія не дозволяли ему обратить все необходимое вниманіе на воспитаніе сына, который, между тѣмъ, росъ подъ вліяніемъ матери, тетокъ и родственниковъ Царицы, Лопухиныхъ, не расположенныхъ къ новымъ порядкамъ. Это нерасположеніе перешло

и къ Царевичу; уже во время послѣдняго стрѣлецкаго бунта (1698), стрѣльцы говорили про него между собою съ похвалою, что онъ «нѣмцевъ не любитъ». Ребенку было лѣтъ восемь, когда его мать была отправлена въ монастырь, а онъ остался надъ надзоромъ дядьки, князя Вяземскаго, человѣка ничтожнаго, который не былъ въ состояніи дать ему приличное воспитаніе, и который при этомъ поддерживалъ въ немъ нелюбовь къ нововведеніямъ. Царь приставилъ, наконецъ, къ нему образованнаго иностранца, барона Гюйссена, и Меншикова; но душевныя качества этихъ людей не могли внушить ихъ питомцу довѣренности и уваженія къ нимъ, а потому они были не въ состояніи истребить съ младенчества натверженныхъ ему понятій; не любя и боясь своихъ наставниковъ, онъ только привыкъ къ скрытности и лукавству. При томъ, оба они довольно часто отлучались по другимъ своимъ занятіямъ, и тогда Царевичъ оставался исключительно въ кругу своихъ прежнихъ друзей, Вяземскаго, роднаго дяди своего, Лопухина, Кикина, монаховъ и поповъ, враждебныхъ петровымъ реформамъ. Къ этимъ людямъ Царевичъ питалъ искреннее расположеніе, но тѣмъ болѣе расходился онъ въ понятіяхъ съ отцомъ и тѣмъ враждебнѣе смотрѣлъ на его дѣйствія; въ обществѣ же своихъ необразованныхъ, отчасти порочныхъ друзей, привыкалъ къ лѣни и грубой безнравственности.

Немногому выучился Царевичъ, а между тѣмъ ему минуло двадцать лѣтъ. Ему пріискали невѣсту, принцессу Брауншвейгскую, Шарлотту; онъ женился на ней безъ отвращенія, но и безъ любви. Петръ надѣялся, что вліяніе жены полезно подѣйствуетъ на Царевича; но ошибся;

Царевичъ по прежнему продолжалъ проводить все свое время съ своими друзьями, съ какою-то простою, необразованною дѣвкою, къ которой онъ привязался, и всячески избѣгалъ общества отца и его приближенныхъ, сказываясь даже больнымъ, когда бывалъ приглашаемъ на спускъ корабля, или какой нибудь придворный праздникъ. Царю естественно непріятно было несочувствіе своего сына къ тому, что̀ онъ считалъ полезнымъ для Россіи и онъ съ неудовольствіемъ видѣлъ его въ кругу людей, нерасположенныхъ къ себѣ; Царевичъ былъ уже совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, и не могло быть надежды, чтобы онъ перемѣнился, а потому Петра безпокоила мысль о томъ, что̀ будетъ со всѣми его преобразованіями, когда его не станетъ: не будутъ ли вырваны и затоптаны его преемникомъ тѣ сѣмяна просвѣщенія, которыя онъ насадилъ такимъ долгимъ и упорнымъ трудомъ, сѣмяна, отъ которыхъ онъ справедливо надѣялся для Россіи доброй жатвы? Весьма вѣроятно, что не безъ мысли о Царевичѣ и о возможности удалить его отъ наслѣдства, былъ изданъ законъ (1714 г.), который предоставлялъ отцамъ право передавать имѣніе свое одному изъ своихъ сыновей, если другіе окажутся, по ихъ мнѣнію, недостойными. Должно замѣтить при этомъ, что вокругъ Петра были люди, которые находили свою выгоду въ томъ, чтобы раздувать неудовольствіе его противъ сына, а такими могли быть всѣ тѣ, которые, не имѣя связей и прочнаго положенія, держались только милостью къ нимъ Царя и участіемъ въ его нововведеніяхъ: вступленіе на престолъ царевича Алексѣя было бы концомъ ихъ значенія. Что Меншиковъ и Толстой были врагами Царевича—это несомнѣнно. Есть причина думать,

что и Екатерина не была въ числѣ его друзей; бракъ съ нею Царя былъ горько осуждаемъ въ народѣ, и конечно ей было бы пріятнѣе видѣть престолонаслѣдіе утвержденнымъ за кѣмъ либо изъ своихъ дѣтей, нежели за Царевичемъ, отъ котораго, въ случаѣ смерти мужа, она не могла ожидать для себя ничего добраго.

Между тѣмъ умерла супруга Царевича и, вслѣдъ за тѣмъ, Царица родила сына (Петра). До сихъ поръ въ живыхъ у нея были только дочери: новорожденный могъ быть слѣдовательно наслѣдникомъ престола. Царь, давно недовольный Алексѣемъ, написалъ ему письмо, въ которомъ, укоряя его въ лѣности и нелюбви къ занятіямъ, достойнымъ государя, говоритъ, между прочимъ... «Я есмь человѣкъ и смерти подлежу; то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе, и уже нѣкоторое и возращенное, оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ земли?... Что̀ я съ горестію размышляя, и видя что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же *ни*, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (какъ членъ зараженный); и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину, Богу извольшу, исполню; ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный!»

Это было громовое письмо! Царевичъ немедленно послалъ за своими друзьями и началъ съ ними совѣто-

ваться; они говорили ему, чтобы онъ отрекся отъ престола, не теряя однакожъ надежды занять его послѣ смерти отца: «Это не запись съ неустойкой!» шутливо замѣтилъ одинъ изъ князей Долгоруковыхъ. Царевичъ написалъ къ отцу, что онъ готовъ отказаться отъ престола. Тотъ однакожъ отвѣчалъ ему, что остаться «ни рыбою, ни мясомъ» нельзя: «или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ». И это предложеніе не устрашило Царевича и его друзей: «вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ», сказалъ Кикинъ, и Алексѣй отвѣчалъ отцу, что готовъ идти въ монастырь. Царь задумался; подозрѣвалъ ли онъ искренность этого рѣшенія, или безъ крайней надобности не хотѣлъ нарушить порядокъ престолонаслѣдія, только онъ, при свиданіи, сказалъ сыну про его рѣшеніе удалиться въ монастырь: «Это молодому человѣку не легко; одумайся не спѣша... Подожду еще полгода».

Эти слова Царь сказалъ при отъѣздѣ своемъ за границу въ началѣ 1716 года. Прошло полгода,—и Петръ написалъ изъ Копенгагена Царевичу, чтобы онъ или окончательно поступалъ въ монастырь, или если передумалъ, то пріѣхалъ бы къ нему. Ѣду къ тебѣ, отвѣчалъ Царевичъ, и немедленно выѣхалъ за границу, но не къ отцу, а въ Вѣну, къ императору Карлу VI, который былъ въ родствѣ съ его покойной женою.

Глубокою осенью, часовъ въ 10 вечера, переодѣтый Царевичъ явился къ императорскому вице-канцлеру: «Я пришелъ сюда, говорилъ онъ, просить императора, моего шурина, о покровительствѣ, о спасеніи самой жизни моей. Меня хотятъ погубить; меня и бѣдныхъ дѣтей мо-

ихъ хотятъ лишить престола». Удивленный и смущенный вице-канцлеръ обнадеживалъ Царевича, что онъ здѣсь въ безопасности; тотъ въ сильнѣйшемъ волненіи, со слезами, продолжалъ умолять о помощи, жалуясь на Меншикова, на Царицу, на отца, говоря, что его нарочно споили, чтобы сдѣлать неспособнымъ царствовать.

Вся эта странная сцена была немедленно передана императору, который рѣшилъ дать Царевичу убѣжище, но держать его тайно. Между тѣмъ, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что Царевичъ, выѣхавъ за границу, изчезъ куда-то. Обстоятельство это сильно встревожило Царя: наслѣдникъ престола въ рукахъ иностраннаго правительства могъ быть причиною страшныхъ смутъ; Петръ могъ бы, положимъ, назначить по себѣ другаго наслѣдника, но что̀ если бы прежній вдругъ въ то же время сталъ предъявлять свои права, основываясь на первородствѣ, и подкрѣпилъ бы ихъ иностранною арміей? Какія тяжелыя для Россіи условія долженъ былъ бы, конечно, онъ принять за эту помощь? Лжедимитрій обязался уступить Польшѣ нѣсколько русскихъ областей за подобное содѣйствіе...

Тревожимый всѣми этими мыслями, Царь разослалъ нѣсколькихъ агентовъ, чтобы отыскивать по всей Германіи слѣды бѣглеца. Онъ былъ укрытъ въ Тиролѣ, въ уединенномъ горномъ за̀мкѣ, и притомъ съ такою тайною, что коменданту за̀мка не было сообщено имени особы, охраненіе которой ему поручалось. Однако дѣятельные агенты Петра, — особенно извѣстный намъ Толстой, наслѣдили Царевича. Тогда этого послѣдняго съ большою тайною перевезли въ Неаполь, — Толстой и тамъ его нашелъ, и

на одного себя отвѣтственность, и открылъ все, что ему пришло на память. Это было началомъ дальнѣйшихъ распросовъ, и слѣдствіе, наряженное по этому предмету, приняло обширнѣйшіе размѣры.

Какая могла быть этому причина? Неужели обѣщаніе простить Царевича и дозволить ему жениться на Ефросиньѣ даны были только съ тѣмъ, чтобы его выманить? Мудрено сказать это положительнымъ образомъ. Можетъ быть, что въ началѣ Царь и въ самомъ дѣлѣ былъ не прочь согласиться, чтобъ его сынъ жилъ гдѣ нибудь въ забытомъ уголкѣ Россіи, торжественно отказавшись отъ всѣхъ претензій на власть; но въ то время какъ онъ былъ за границею, открылись различныя обстоятельства, придававшія, по видимому, очень важное значеніе его бѣгству. Обстоятельства эти были — во-первыхъ, сильное къ нему сочувствіе весьма большой части народа, и во-вторыхъ, поведеніе и образъ жизни Царицы-инокини, Евдокіи, — которые, какъ казалось, имѣли связь съ поступками Царевича.

Евдокія Ѳедоровна была, какъ намъ уже извѣстно, пострижена въ монахини, подъ именемъ Елены, въ Суздалѣ. Постриженіе это было съ ея стороны невольное; строгая жизнь монастырская ей не нравилась, и она, пользуясь снисхожденіемъ, которое ей оказывали въ монастырѣ, мало по малу перестала носить иноческую одежду, выѣзжала, принимала гостей, между прочимъ особенно часто генерала Глѣбова, и вела съ разными лицами переписку, которая показалась подозрительною. По приказанію Государя, гвардейскій офицеръ, Скорняковъ-Писаревъ, *неожиданно налетѣлъ* въ монастырь, гдѣ находилась Ца-

рица, захватилъ ея бумаги и привезъ ее самое въ Москву, вмѣстѣ съ нѣсколькими монахинями и другими близкими ей лицами. Такимъ образомъ, въ Москвѣ началось разомъ два *розыскныхъ дѣла*, два слѣдствія: надъ сыномъ Царя и надъ его супругою.

Съ распросовъ и съ розысковъ, т. е. пытокъ, открылось, что Царица жила въ монастырѣ неприлично монашескому званію и своему полу; что разные *босые*, нищіе, бродяги, *изумленные* (сумасшедшіе), приходившіе къ ней какъ будто за подаяніемъ, приносили ей письма отъ ея родственниковъ Лопухиныхъ, отъ Царевны Маріи Алексѣевны, наполненныя враждебными выраженіями противъ Царя и, что въ разговорахъ, какъ съ монахинями, такъ и съ другими обыкновенными ея собесѣдниками, она нерѣдко выражала надежду, покинуть монастырь и возвратиться ко двору,—надежду основанную на томъ, что Царевичъ, какъ она выражалась, «изъ пеленокъ вывалялся».

Болѣе всего надежду эту поддерживалъ, или даже возбудилъ въ ней, епископъ Рязанскій, Досиѳей. Онъ на эктеніяхъ поминалъ ее Царицею, хотя она находилась въ монастырѣ въ качествѣ простой монахини; разсказывалъ ей о бывшихъ ему видѣніяхъ, пророчествовалъ ей скорое окончаніе ея заточенія и смерть Государя,—пророчества, которымъ Царица искренно вѣрила и намѣревалась, когда они исполнятся, выдти замужъ за Глѣбова. Досиѳей этотъ былъ великимъ оракуломъ бѣдной, суевѣрной Царицы; однажды, когда предсказаніе о смерти Царя въ назначенный имъ срокъ не исполнилось, онъ далъ ей такое объясненіе: «видѣлъ въ аду отца ея (Царицы); молитвами архіерея (Досиѳея) и духовнаго чина—говоритъ прорицатель—онъ

отъ огня уже освобожденъ, но за великіе грѣхи еще держитъ его за ноги чортъ; архіерей будетъ молиться о немъ, и какъ скоро выпустятъ его изъ ада, Царь умретъ, а Царевичъ вступитъ на престолъ, и ее (Царицу) изъ монастыря освободитъ.»

Вотъ, впрочемъ, и все, что открылось противъ Царицы: безпорядочное поведеніе, бездна суевѣрія, стремленіе вырваться изъ монастыря, въ который поступила насильно, а она была увѣрена, что вырваться изъ него она не могла иначе, какъ по смерти Царя, которой она по этому и желала.

Не болѣе преступленій замѣчаемъ мы и со стороны ея приближенныхъ: опять таки и прежде всего, бездна суевѣрій, очень простительное снисхожденіе къ нестрогому исполненію Царицею монашескаго обѣта, насильно у нея исторгнутому, сочувствіе къ Царевичу и нерасположеніе къ Царю, котораго великихъ дѣлъ эти люди не понимали, а несправедливость къ супругѣ видѣли. Тѣмъ не менѣе люди эти подверглись жестокимъ наказаніямъ: Глѣбовъ, послѣ многихъ пытокъ, посаженъ на колъ, Досиѳей разстриженъ и потомъ обезглавленъ; нѣсколько монахинь заключены въ тюрьму, нѣсколькимъ знатнымъ мужчинамъ и женщинамъ, бывшимъ съ Царицею въ перепискѣ, урѣзаны языки, вырваны ноздри, учинено наказаніе кнутомъ и опредѣлена вѣчная ссылка. Сама Царица подъ карауломъ перевезена въ Ладогу, въ монастырь; наконецъ, слѣдствіе, произведенное надъ нею, со всѣми подробностями ея частной жизни въ монастырѣ, опубликовано....

Между тѣмъ и дѣло Царевича продолжалось. По первымъ полученнымъ отъ него указаніямъ о лицахъ, способ-

ствовавшихъ его побѣгу или только знавшихъ о немъ, они были арестованы и привезены въ Москву. Здѣсь распросами «съ пристрастіемъ», т. е. съ угрозами и пытками, получены отъ нихъ новыя показанія, привлекавшія къ дѣлу новыхъ лицъ; этихъ опять хватали и требовали обличеній... словомъ, процессъ разростался и достигъ громадныхъ размѣровъ. Всякое сочувствіе къ Царевичу дѣлало человѣка прикосновеннымъ къ дѣлу; на этомъ основаніи оказались причастными Апраксинъ, Яковъ Долгоруковъ, Дмитрій Голицынъ, едва не попался даже Меншиковъ, который далъ денегъ взаймы Царевичу, когда тотъ приготовился къ побѣгу, — разумѣется не предполагая этого умысла.

Что̀ же, однако, открыло это необъятное слѣдствіе, хранящееся и до сихъ поръ въ государственномъ архивѣ, вмѣстѣ съ многими другими свидѣтельствами печальныхъ прошедшихъ временъ (*)? Ничего особеннаго, кромѣ нерасположенія къ Царю и новымъ порядкамъ весьма большаго числа людей и любви ихъ къ Царевичу. Стефанъ Яворскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, называлъ его «единственною надеждою Россіи», превозносилъ его благочестіе, дѣлалъ въ тоже время намеки на худое теченіе дѣлъ въ государствѣ; люди, недовольные ими, льнули къ нему, тѣшась снами и прорицаніями о близкой смерти Царя; одинъ говорилъ Царевичу: «Или отецъ твой умретъ, или разорится Питербурхъ: я во снѣ видѣлъ»; другой предсказывалъ, что «Государю больше пяти лѣтъ не жить»; тетка его, Царевна Марія Алексѣевна говорила ему: «Питербурху за нами не устоять, быть ему пусту»; и всѣ они давали

(*) Дѣло это съ большою подробностію разсказано г. Устряловымъ, которому первому разрѣшено было проникнуть въ эти мрачныя тайны.

ему чувствовать, что надежда ихъ, надежда всей Россіи на него, что онъ изгонитъ иностранцевъ и возстановитъ старинные обычаи. Все духовенство, за самыми развѣ малыми исключеніями, было ему искренно предано; когда онъ въѣзжалъ въ Москву, привезенный Толстымъ, толпы народа стекались, чтобы взглянуть на него, кланялись въ землю и говорили: «благослови Господи будущаго Государя нашего!» Онъ считалъ въ числѣ преданныхъ себѣ друзей не только людей, находившихся въ немилости у Царя, какъ напримѣръ всю фамилію Лопухиныхъ, но Якова Долгорукова, одного изъ его родственниковъ и однофамильцевъ, князя Василія, о которомъ впослѣдствіи намъ придется говорить, обоихъ братьевъ Голицыныхъ — бывшаго воеводу Кіевскаго во время Мазепы и храбраго участника побѣды при Лѣсномъ, Шереметева, Стрѣшнева, Апраксина и множество другихъ, менѣе извѣстныхъ людей изъ числа приближенныхъ Царя. Впрочемъ преданностью къ себѣ людей знатныхъ и сановныхъ онъ не такъ дорожилъ, какъ преданностью духовенства и крестьянства: «Плюю я на нихъ, говорилъ онъ про знать и сановниковъ; здорова мнѣ была бы чернь. Когда время будетъ безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они (вельможи Петровы) и нѐ хотя меня владѣтелемъ учинятъ».

Такимъ образомъ, Царевичъ былъ, можно сказать, главою людей, враждебныхъ Петру, «большихъ бородъ», какъ называлъ ихъ Царь; но ни мятежникомъ, ни измѣнникомъ онъ не былъ; даже изъ-за границы, рѣшившись бѣжать отъ отца, онъ ничего не предпринималъ, чтобы возбуждать народъ къ возстанію, а только напоминалъ о себѣ людямъ,

которыхъ считалъ себѣ преданными, прося ихъ имѣть его въ своей памяти: «Прошу, не забудьте меня, писалъ онъ изъ своего заграничнаго убѣжища. А будетъ кто отъ хотящихъ въ людяхъ память о мнѣ загладить и будетъ разглашать что я умеръ, или что иное худое, не извольте вѣрить и другихъ (извольте) утвердить: понеже живъ есмь и въ добромъ здравіи, (благодареніе) Богу и благодѣтелямъ моимъ, хранящимъ мя»... Это письмо было писано къ нѣкоторымъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, память и преданность которыхъ Царевичъ желалъ удержать за собою для того, чтобы въ случаѣ смерти отца, не быть устраненнымъ отъ престола. Это, былъ конечно, преступный замыселъ, клонившійся и къ нарушенію собственнаго своего слова (объ отреченіи) и къ нарушенію общественнаго порядка, къ мятежу, положимъ, даже къ междоусобію; но это былъ только замыселъ, мечта, за которые въ наше время Царевича никакое судилище не признало бы мятежникомъ. Но въ прежнія времена намѣреніе, и даже желаніе сдѣлать преступленіе, почиталось равносильнымъ самому дѣлу; при томъ, побѣгъ за границу и неповиновеніе родительской волѣ причислялись къ самымъ тяжелымъ преступленіямъ: одинъ изъ очень почтенныхъ людей въ Алексѣево царствованіе, Ордынъ-Нащокинъ, проклялъ своего сына, ушедшаго безъ его согласія за границу...

Слѣдствіе надъ Царевичемъ и надъ его друзьями продолжалось около полугода, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ; казематы тамошней крѣпости наполнились заключенными, и въ числѣ ихъ были два члена царскаго семейства—Царевичъ и Марія Алексѣевна; безпрестанно

привозимы были новыя лица, оговоренныя подъ вліяніемъ нестерпимыхъ пытокъ.

Одно изъ отличій тогдашняго слѣдствія отъ нынѣшняго состоитъ въ томъ, что мы теперь, имѣя передъ собою самый фактъ преступленія, стараемся открыть виновныхъ въ немъ лицъ, тогда же добивались узнать, *не сдѣлалъ ли кто нибудь чего нибудь преступнаго...*

Въ маѣ послѣдовало «Объявленіе» или манифестъ о преступленіяхъ Царевича. Вся жизнь его была разсказана въ этомъ манифестѣ; было упомянуто и о его лѣности къ ученію, о его неповиновеніи отцовской волѣ, о дурныхъ отношеніяхъ къ женѣ, наконецъ, о бѣгствѣ и его ходатайствѣ будто бы у германскаго императора помощи и «протекціи вооруженною рукою»,—чего изъ дѣла вовсе не видно... Не упомянуто въ манифестѣ только о томъ, что ему было безусловно обѣщано прощеніе и дозволеніе жить въ удаленіи съ его любезною Ефросиньей. За всѣ эти вины, за неповиновеніе отцу, за обманъ, притворство и пр. Царевичъ и его «пособники» преданы суду, но суду не обыкновенному, а особому, составленному изъ лицъ, которыхъ назначилъ самъ Царь.—Зачѣмъ такое отступленіе отъ обыкновеннаго порядка? Въ дѣлахъ особой важности, когда случалось судить лицъ близкихъ къ престолу, въ западной Европѣ нерѣдко назначали особые, такъ называемые верховные суды. Но обычай этотъ всегда давалъ поводъ думать, что въ члены верховныхъ судовъ назначались только такіе люди, которые готовы исполнить волю назначившаго ихъ.

Судная коммисія надъ Царевичемъ состояла изъ *127 лицъ* духовныхъ и свѣтскихъ; въ наказѣ Царя пер-

вымъ изъ нихъ говорилось, чтобы они поступали «безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія»; въ наказѣ, данномъ свѣтскимъ, значилось: «прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, не флатируя мнѣ; не смотря на лица, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобы совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно». Съ такими словами обращался Царь къ судьямъ; слова эти прекрасны, но значеніе ихъ не могло быть велико, именно потому, что судьи не были *независимы*. Нынѣшнія понятія требуютъ, чтобы судья не боялся быть смѣщеннымъ съ своей должности, лишеннымъ содержанія, съ этою должностію сопряженнаго, и т. п. Тогда только, думаютъ теперь, судья можетъ быть совершенно безпристрастенъ; а были ли въ такомъ положеніи судьи Царевича, какъ и всѣ вообще судьи того времени? Всѣ они были люди служащіе и вполнѣ зависѣли отъ своихъ начальниковъ; въ настоящемъ же случаѣ они рисковали не угодить, кому же?—самому Царю! Естественно, что они старались читать царскую волю въ глазахъ Меншикова, Толстаго и другихъ приближенныхъ.

24-го іюня (1718) состоялся приговоръ верховнаго суда. Духовенство отказалось отъ произнесенія приговора, но свѣтскіе судьи единогласно опредѣлили Царевичу смертную казнь. Казни впрочемъ не послѣдовало, но послѣдовало нѣчто еще болѣе ужасное, нежели публичная смерть на эшафотѣ: *Царевичъ былъ запытанъ*. Дѣйствительно, въ послѣдніе дни суда онъ былъ нѣсколько разъ подвергнутъ и,—что̀ всего ужаснѣе, что не можетъ быть извинено никакими законами и обычаями,—*онъ былъ пытанъ уже послѣ произнесенія надъ нимъ приговора!* Всего этого не могла вынести сла-

бая организація Царевича и 26-го іюня онъ скончался въ казематѣ петербургской крѣпости. Изъ числа его друзей и участниковъ въ побѣгѣ многіе казнены смертію, другіе разосланы въ дальнія мѣста, монастыри и крѣпости; въ числѣ послѣднихъ была и Царевна Марія Алексѣевна, которая отправлена вь Шлюссельбургъ.

Таковъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ Петрова царствованія. Царевичъ Алексѣй не могъ продолжать начатаго его отцомъ; онъ не долженъ былъ ему наслѣдовать; онъ могъ быть судимъ, даже осужденъ, если судъ (но судъ безпристрастный) находилъ его виновнымъ, и голова его могла быть отсѣчена на плахѣ публично, какъ у преступника. Но ему было обѣщано прощеніе, если онъ вернется,—а вернувшись, онъ былъ преданъ суду; онъ былъ судимъ людьми, которыхъ безпристрастію нельзя довѣрять; онъ былъ, наконецъ, пытанъ послѣ состоявшагося приговора, когда вездѣ, ничтожнѣйшему изъ людей и величайшему изъ преступниковъ дается время на приготовленіе къ смерти,—вотъ чего не прощаетъ Царю исторія.

На современниковъ судъ и смерть Царевича произвели глубокое впечатлѣніе. Были люди, которые удивлялись рѣшимости Царя пожертвовать сыномъ для благоденствія страны и великимъ своимъ планамъ; они сравнивали его съ Брутомъ. Но такихъ людей было немного, да и между тѣми несравненно болѣе было иностранцевъ, чѣмъ Русскихъ. Величіе Брута, вообще доблести гражданскія не слишкомъ сильно шевелили сердца нашихъ предковъ; но каждый изъ нихъ чувствовалъ, что неестественно отцу лишить жизни своего сына!

О подробностяхъ смерти Царевича стали ходить въ

народѣ странные слухи; одни говорили, что онъ тайно отправленъ, другіе, что онъ задушенъ, третьи—что самъ Царь отсѣкъ ему голову въ казематѣ... Все это басни, но басни, которыя можно и до сихъ поръ встрѣтить во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, и при томъ доказывающія, какъ сильно было поражено этимъ событіемъ воображеніе современниковъ, какъ много о немъ говорилось. Благородное свойство человѣческой натуры—сочувствовать страданію, даже когда оно заслужено, сдѣлало Царевича еще болѣе драгоцѣннымъ для многочисленныхъ его приверженцевъ. Мысль о томъ, что Петръ дѣйствительно «подмѣненъ» усилилась. Простолюдины, купцы, духовные, даже знатные люди, когда они не боялись, что ихъ подслушаютъ, говорили: «подобное ли дѣло, если бы то былъ прямой Царь, чтобы онъ сына своего убилъ и Царицу постригъ!»

Въ нѣкоторыхъ наиболѣе фанатическихъ умахъ утвердилась даже мысль, что Царевичъ живъ и имя этого несчастнаго юноши сдѣлалось, какъ нѣкогда имя Царевича Дмитрія, знаменемъ для обманщиковъ и самозванцевъ.

XXVI.

Смерть Царевича Петра, наслѣдника престола.—Смерть Карла XII и барона Гёрца.— Перемѣна въ шведской политикѣ и охлажденіе нашихъ союзниковъ.—Сближеніе нашей политики съ французскою.— Виды Герцога Голштинскаго на нашу помощь и наши виды на него.— Возобновленіе военныхъ дѣйствій.— Опустошеніе шведскихъ береговъ.— Мирные переговоры открываются въ Ништатѣ.—Хитрость Остермана.—Заключеніе мира (30-го августа 1721).—Торжество по случаю Ништатскаго мира: сенатъ подноситъ Петру титулъ Императора; маскарадъ и флотъ на полозьяхъ въ Москвѣ.

Отсѣкая Царевича Алексѣя «яко гангренный удъ», Государь надѣялся, что начатое имъ дѣло не будетъ уничтожено послѣ его смерти: новорожденный Царевичъ, Петръ, конечно былъ бы воспитанъ не въ тѣхъ понятіяхъ, какъ его старшій братъ. Но человѣческая мудрость всего предусмотрѣть не можетъ; младенецъ, на котораго возлагалось столько надеждъ, скончался весною 1719 года.

Смерть его повергла Государя въ невыразимую горесть: онъ заперся въ своемъ кабинетѣ и нѣсколько дней не хотѣлъ никого видѣть, не принималъ никакихъ дѣлъ, отказывался отъ пищи. Тогда Яковъ Долгоруковъ уговорилъ своихъ товарищей, сенаторовъ, пойти во дворецъ и требовать аудіенціи. Они нашли дверь запертою и стали стучаться. «Отопри Государь, говорилъ Долгоруковъ; къ тебѣ пришелъ сенатъ: дѣло не терпитъ отсрочки!» Россія не можетъ, продолжалъ непреклонный старикъ, по причинѣ горести владыки своего, видѣть ходъ дѣлъ остановленнымъ. Начни снова заниматься ими, или дай Россіи другаго Царя.

Дѣла были дѣйствительно необыкновенной важности въ это время. Въ декабрѣ 1718 года не стало Карла XII: онъ умеръ, какъ жилъ,—на полѣ сраженія и именно подъ стѣнами крѣпости Фридрихсгала, пораженный въ високъ крѣпостною пулею.

Смерть этого непреклоннаго человѣка могла повлечь много важныхъ перемѣнъ. Мы знаемъ, что въ послѣднее время онъ началъ сближаться съ Россіей и, не прекращая, впрочемъ, войны, вступилъ съ нами въ переговоры о мирѣ. Такимъ образомъ смерть его оставляла этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ. Собравшіеся вслѣдъ за тѣмъ «Государственные чины» или сеймъ, избрали королевою сестру покойнаго Карла, герцогиню Гессенъ-Кассельскую съ ограниченіемъ, впрочемъ, ея власти.

Какую политику приметъ новое шведское правительство? Это было для насъ очень важно. Неизвѣстность въ этомъ отношеніи продолжалась недолго. Вслѣдъ за извѣстіемъ о перемѣнѣ правленія, депеша изъ Стокгольма дала знать о казни барона Гёрца, казни почти безъ суда, для успокоенія народной къ нему ненависти. Смерть этого министра была нѣчто въ родѣ вызова или угрозы намъ, потому что изъ окружавшихъ покойнаго Короля, одинъ онъ старался о сближеніи съ нами Швеціи. На мирное соглашеніе не предвидѣлось слѣдовательно надеждъ. Между тѣмъ найденныя у барона Гёрца бумаги открыли, что между Швеціей и Россіей велись переговоры, о которыхъ ничего не знали наши союзники и на которыхъ,—надо признаться,—мы, вопреки договорамъ, мало радѣли о ихъ выгодахъ. Открытіе это возбудило сильнѣйшее негодованіе съ ихъ сторонъ. Августъ окончательно охладѣлъ къ

союзу и, съ своей стороны, повелъ переговоры съ Швеціей, Данія тоже самое. Швеція, въ свою очередь, тѣсно сблизилась съ Англіей, непріязненное расположеніе которой къ намъ дошло до того, что ея резидентъ (*) былъ отозванъ изъ Петербурга,—а это въ международныхъ обычаяхъ означаетъ разрывъ. Переговоры, производившіеся на Аландскихъ островахъ до сего времени тайно, сдѣлались явными, англійское министерство, безъ всякаго съ нашей стороны приглашенія, прислало Царю предложеніе, быть посредникомъ для заключенія мира въ Швеціей, въ подкрѣпленіе же этого предложенія явился въ Балтійскомъ морѣ и англійскій флотъ.

Все это поставило бы насъ въ затруднительное положеніе, если бы мы, съ своей стороны, не пріобрѣли новыхъ союзниковъ.—Въ 1717 году Петръ ѣздилъ за границу и былъ въ Парижѣ. Появленіе этого государя, съ огромною репутаціею, но съ довольно дикими формами, произвело совершенный фуроръ между парижанами; народъ сбѣгался на него смотрѣть, какъ на чудо; получить приглашеніе въ общество, гдѣ онъ долженъ былъ находиться, стало для людей высшаго общества предметомъ мучительныхъ заботъ. Франціею правилъ, за малолѣтствомъ короля Людовика XV, герцогъ Орлеанскій, большой охотникъ до смѣлыхъ комбинацій въ политикѣ, а въ частной жизни большой любитель шумныхъ удовольствій. Нашъ Царь былъ достойный его собесѣдникъ въ любимыхъ имъ

(*) Король англійскій былъ въ тоже время и герцогомъ Гановерскимъ; резидентомъ его отъ Гановерскаго правительства былъ Веберъ, шесть лѣтъ находившійся при нашемъ дворѣ и изъ видѣннаго и слышаннаго составившій очень любопытную книгу: Das veränderte Russland.

забавахъ и въ состояніи былъ удовлетворить его вкусу къ смѣлымъ политическимъ предпріятіямъ; они понравились другъ другу. Чтобы скрѣпить это доброе расположеніе и отъ личныхъ отношеній расширить ихъ до отношеній дипломатическихъ, назначенъ былъ посломъ въ Парижъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, всю жизнь проведшій въ дипломатическихъ порученіяхъ, человѣкъ образованный, любезный, и при томъ съ хорошимъ природнымъ умомъ. Онъ употреблялъ всю свою ловкость, все пріобрѣтенное долгою опытностію свое искусство, чтобъ заинтересовать правительство Регента въ пользу Россіи, и мало по малу достигъ этого.

Было и другое обстоятельство, которымъ наша дипломація успѣла воспользоваться. У Карла XII, кромѣ сестры, провозглашенной послѣ его смерти королевою, была другая сестра, и при томъ старшая, бывшая за герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ; ея сынъ былъ предполагаемымъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Когда надежды его не осуществились, онъ сталъ протестовать передъ всѣми европейскими дворами противъ незаконнаго, по его мнѣнію, предпочтенія, оказаннаго его теткѣ. Душою и двигателемъ всѣхъ его дѣйствій былъ графъ Бассевичъ, человѣкъ во многомъ похожій на барона Гёрца: также, какъ и онъ, служившій по очередно нѣсколькимъ государямъ, предпріимчивый, изворотливый, находчивый, какъ министръ Карла XII. Видя всеобщее равнодушіе къ судьбѣ герцога Голштинскаго, онъ посовѣтовалъ ему обратиться къ Русскому Царю, въ собственныхъ выгодахъ котораго было оказать ему покровительство. Расчетъ Бассевича былъ справедливъ. Близкій родственникъ покойнаго короля, имѣв-

шій друзей въ Швеціи и, безъ сомнѣнія, могшій составить тамъ немаловажную партію, онъ былъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ нашей политики. Герцогъ далъ почувствовать, что онъ былъ бы не прочь вступить въ бракъ съ одною изъ Царевнъ; ему отвѣтили, что это могло бы случиться; онъ намекнулъ, что Русскому Царю было бы, безъ сомнѣнія, пріятнѣе видѣть свою дочь королевою Шведскою, чѣмъ герцогинею Голштинскою: ему отвѣчали, что замѣчаніе его очень основательно...

Королеву Шведскую, тетку молодаго герцога, не могли не озабочивать эти переговоры съ Русскимъ правительствомъ: новыя династіи очень опасаются, и не безъ основанія, претендентовъ, къ которымъ всегда готовы примкнуть недовольные правительствомъ люди (а гдѣ ихъ нѣтъ?). По этому при дворѣ Стокгольмскомъ раздраженіе противъ Россіи было очень сильно; да и народъ, — гордый, щекотливый къ славѣ народъ шведскій, — былъ озлобленъ противъ насъ за всѣ тѣ неудачи, за все то истощеніе, которыя испытало Шведское королевство. При такомъ расположеніи умовъ надежды на миръ отдалялись, а какъ число Шведскихъ союзниковъ увеличивалось, то казалось, что Россіи предстояла еще долгая и упорная борьба.

И дѣйствительно, она возобновилась. Царь привелъ въ исполненіе давнишній свой планъ — сдѣлать высадку въ самую Швецію. Это трудное дѣло было исполнено очень удачно. Апраксинъ перевезъ къ шведскимъ берегамъ значительный отрядъ сухопутнаго войска подъ начальствомъ генерала Ласси, который, явясь неожиданно, и почти невстрѣчая сопротивленія, опустошилъ окрестности Стокголь-

ма, выжегъ нѣсколько городовъ и множество селеній, истребилъ часть мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, которыми издавна гордилась Швеція,—и въ эту минуту, когда правительство шведское было глубоко потрясено и даже напугано, явился отъ Царя посолъ съ мирными предложеніями. Посолъ этотъ былъ Остерманъ; ему было поручено предложить шведскому правительству оставить за Россіею Ингрію, Эстляндію и Лифляндію, въ вознагражденіе же за это предлагалось до 2-хъ милліоновъ рублей. Условія эти были, конечно, тяжки; Остерманъ получилъ отвѣтъ уклончивый, котораго тайнымъ смысломъ было—желаніе выиграть время и избавиться отъ опустошенія. Но мысль эта была угадана, и Апраксину дано приказаніе не покидать шведскихъ береговъ, «дабы непріятелю отдыха не дать и не почаялъ бы, что конецъ кампаніи, и для того миромъ бы не умедлилъ».

Событія оправдали очень рискованную, и—надо признаться—жестокую политику Петра. Продолжительность войны и долгія постоянныя неудачи, наконецъ вторичное опустошеніе шведскихъ береговъ, произведенное русскими войсками и новыя пораженія шведскаго флота, вызвали въ Швеціи всеобщее неудовольствіе противъ правительства.

Это побудило королеву отказаться отъ престола и передать его, съ согласія «чиновъ», своему супругу, который, съ своей стороны, поспѣшилъ обнаружить политику миролюбивую и прислалъ въ Петербургъ, какъ будто къ дружественному двору, посла съ извѣщеніемъ о вступленіи своемъ на престолъ (1720). Въ тоже время удалился изъ Балтійскаго моря и англійскій флотъ. Петръ, въ свою очередь, отправилъ въ Стокгольмъ Румянцова (отца

екатерининскаго фельдмаршала) съ привѣтствіями новому королю и съ мирными предложеніями.

Обѣ стороны одинаково желали мира и нуждались въ немъ, а потому, хотя и не прекращая военныхъ дѣйствій, было рѣшено начать рѣчь о примиреніи. Уполномоченные съѣхались въ небольшомъ финляндскомъ городкѣ, Ништадтѣ, и въ апрѣлѣ 1721 года открылись дѣятельные переговоры. Съ нашей стороны вели ихъ генералъ Брюсъ и Остерманъ,—оба иноземцы, но, какъ оказалось, иноземцы эти честно служили интересамъ Россіи. Имъ было поручено требовать уступки Ингріи, Эстляндіи, Кореліи съ крѣпостью Кексгольмомъ и Выборга съ частью Финляндіи по сю сторону линіи, проведенной между названными городами. Кромѣ того, Царь домогался Лифляндіи, предлагая за это уплатить до двухъ милліоновъ рублей.

Требованія эти были велики, но едва ли мы могли бы отступиться отъ котораго нибудь изъ нихъ, не нарушая интересовъ Россіи. Если торговый пунктъ при устьѣ Невы былъ намъ необходимъ, чтобъ дать жизнь всей обширной системѣ озеръ и рѣкъ новгородскаго и олонецкаго края, то нельзя было оставить этотъ пунктъ не прикрытымъ какимъ нибудь укрѣпленіемъ со стороны Финляндіи, какъ невозможно было и оставить шведской крѣпости на Ладожскомъ озерѣ: Выборгъ и Кексгольмъ были слѣдовательно намъ необходимы. Но было ль бы безопасно плаванье по Финскому заливу, если бы по обоимъ его берегамъ стояли шведскія крѣпости, находились шведскіе порты съ въ военными кораблями? Очевидно нѣтъ. Не только въ случаѣ непріязненныхъ отношеній съ Швеціей наши торговые корабли не могли бы выйти въ море, но даже и

въ мирное время ни одна изломанная бурею мачта не могла бы быть исправлена иначе, какъ въ шведскомъ портѣ съ дозволенія шведскаго правительства. Мы, слѣдовательно, должны были бы или сдѣлаться на Финскомъ заливѣ совершенно зависимыми отъ Швеціи, или мириться съ тайною мыслію опять черезъ нѣсколько времени начинать новую войну съ нею. Уже и то одно, что сѣверный берегъ Финскаго залива и Аландскіе острова оставались въ ея рукахъ, грозили для насъ большими неудобствами въ будущемъ: въ этомъ всякому легко убѣдиться взглянувши на карту. Что же касается до Лифляндіи, то здѣсь важна была для насъ Рига, запирающая устье Двины; пріобрѣтеніе этого порта, при томъ сильно разбогатѣвшаго во время войны, дѣлала Двину весьма важнымъ для Россіи торговымъ путемъ и доставляла намъ хорошую границу съ Польско-Литовскимъ государствомъ.

Всѣ эти соображенія очень важны, и даже справедливы, но только съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Швеція и Польша могли бы представить столь же важныя причины необходимости для нихъ тѣхъ же самыхъ пунктовъ, которые мы желали пріобрѣсти. Но въ томъ-то и заключается печальная необходимость войнъ, что интересы сосѣдственныхъ народовъ иногда между собою сталкиваются и переплетаются. Сколько десятковъ вѣковъ народы размежевываются между собою съ помощію то оружія, то трактатовъ, и все еще окончательно размежеваться не могутъ; да и Богъ знаетъ, размежуются ли когда нибудь такъ, чтобъ не изъ за чего было спорить!

Естественно, что шведскіе уполномоченные не жела-

прошедши троевременную школу, такъ (столь) кровавую и жестокую и весьма опасную, нынѣ не злаcлуженною отъ Бога милостію такой миръ получили, чѣмъ вамъ поздравляемъ»...

Сдѣлавъ нѣсколько распоряженій, чтобъ остановить военныя дѣйствія, Царь поспѣшилъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ на маленькой бригантинѣ, безъ всякой свиты, но съ пушечными выстрѣлами. Значеніе этихъ выстрѣловъ было мигомъ понято. Толпы народа сбѣгались на берегъ Невы и громкіе, радостные клики привѣтствовали Царя, когда онъ ступилъ на берегъ близъ крѣпости. Пройдя въ Троицкій соборъ, чтобъ излить свою радость предъ Подателемъ побѣдъ, онъ приказалъ изъ сосѣдней *австеріи* (трактира) выкатить нѣсколько бочекъ вина и пива и, возвратясь къ народу, при громѣ пушекъ съ крѣпостныхъ бастіоновъ, произнесъ своимъ зычнымъ голосомъ: «Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый вѣчный миръ!» Сказавши это, онъ зачерпнулъ чару вина и осушилъ ее за благоденствіе Россіи и Русскаго народа.

Не три дня, а три раза, *въ три пріема* праздновалось заключеніе Ништадтскаго мира. Въ первый разъ это было сдѣлано наскоро, черезъ нѣсколько дней по полученіи подписаннаго уполномоченными договора; во второй разъ празднованіе имѣло болѣе торжественности и серіознаго значенія: сенатъ поднесъ Государю титло *Великаго*, *Отца отечества и Императора*. На длинную рѣчь, въ которой Головкинъ изъяснялъ желаніе верховнаго правительствен-

наго собранія, Петръ отвѣчалъ слѣдующими замѣчательными словами: «Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить: однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ передъ очи кладетъ, какъ внутрь такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Но главное торжество по случаю мира происходило въ Москвѣ, въ началѣ слѣдующаго (1722 года) и оно такъ оригинально, такъ характеризуетъ вкусы того времени, что мы опишемъ его довольно подробно, пользуясь для этого извѣстіями очевидца, офицера изъ свиты Голштинскаго герцога, Берхгольца, и трудолюбиваго собирателя всѣхъ извѣстій, до Петра касающихся, Голикова.

Празднества эти продолжались недѣлю безпрерывно; начались они торжественнымъ вступленіемъ въ Москву полковъ подъ предводительствомъ самого Государя, звономъ колоколовъ, музыкою, пальбою, иллюминаціею и фейерверкомъ, а кончились *прогулкою флота по Москвѣ*... Дѣйствительно, не менѣе 50 судовъ открытыхъ и палубныхъ, сдѣланныхъ, конечно, изъ легкихъ досокъ, однакожъ съ мачтами, парусами и пушками поставлено было на полозки, и прогуливалось по улицамъ Москвы, представляя одно изъ самыхъ оригинальныхъ зрѣлищъ, которыя только можно вообразить.

31 января въ 5 часовъ утра всѣ корабли-сани выстроились въ назначенномъ порядкѣ, одни за другими, по дорогѣ

отъ Всесвятскаго въ Москву, и въ 9 часовъ тронулись съ мѣста. Впереди всѣхъ ѣхалъ предсѣдатель «всепьянѣйшей коллегіи», князь-папа, въ длинной красной мантіи; онъ сидѣлъ на устроенномъ въ саняхъ тронѣ, а въ ногахъ у него, верхомъ на бочкѣ, сидѣлъ человѣкъ, одѣтый Бахусомъ. Свиту «папы» составляли его «кардиналы», тоже въ красныхъ мантіяхъ, выступавшіе верхомъ на волахъ. Потомъ слѣдовали сани, запряженныя четырьмя пестрыми свиньями; далѣе ѣхалъ Нептунъ съ трезубцомъ въ рукѣ, съ короною на головѣ и длиннѣйшею бѣлою бородою; за нимъ начиналось уже шествіе, хотя и маскарадное, но не шутовское: Меньшиковъ, въ большой открытой баркѣ съ музыкой на носу судна и съ статуей Фортуны на кормѣ, окруженный аббатами въ длинныхъ одеждахъ; потомъ Ромодановскій (сынъ, по наслѣдству отъ отца получившій названіе князя-кесаря) въ императорской мантіи, окруженный курфистами (*). Апраксинъ, одѣтый гамбургскимъ бургомистромъ, ѣхалъ въ баркѣ съ поднятыми парусами; наконецъ, слѣдовалъ большой корабль, съ настоящими, хотя и маленькими пушками (которыя палили по временамъ), о трехъ мачтахъ, со всѣми слѣдующими снастями и такелажемъ, до послѣдней бичевки; пятнадцать дюжихъ коней едва тащили это оригинальное судно. Государь командовалъ имъ и былъ вь одеждѣ командора, матросами же были мальчики отъ 8 до 9 лѣтъ, которые съ необыкновенною ловкостію лазили по веревочнымъ лѣстницамъ, поднимали паруса, когда вѣтеръ былъ попутный и убирали ихъ, когда

(*) Такъ назывались, до времени Наполеона, нѣкоторые изъ германскихъ владѣтелей, имѣвшіе право избранія императора.

поворотъ поѣзда по кривымъ московскимъ улицамъ ставилъ судно бокомъ къ вѣтру. Императрица и другія дамы ѣхали въ крытыхъ баркахъ и только по временамъ выходили на палубу, чтобъ посмотрѣть на тѣснившійся народъ и показать свои дорогіе маскарадные уборы, блестѣвшіе серебромъ, золотомъ и каменьями.

Слишкомъ долго было бы описывать всѣ эти барки, гондолы и фрегаты, костюмы дамъ и кавалеровъ, убранство цуговъ и т. п. Упомянемъ только о нѣкоторыхъ, наиболѣе оригинальныхъ: о длинныхъ сибирскихъ саняхъ, везомыхъ собаками, и о другихъ, въ которыхъ было впряжено 6 медвѣдей, да еще объ огромной пестро-расписанной турецкой кочармѣ съ мачтою и пушками и на которой ѣхалъ великолѣпно одѣтый по-турецки и возлежа на восточныхъ коврахъ и подушкахъ, бывшій господарь Молдавскій, Кантемиръ, съ своею свитою.

Прогулка этого поѣзда продолжалась нѣсколько дней. Но Императоръ, пируя и веселясь, приготовлялъ между тѣмъ все нужное для приведенія въ исполненіе новаго, обширнаго и труднаго замысла.

XXVII.

Важность для Россіи торговли съ Востокомъ. — Вышневолоцкій и Ладожскій каналы. — Китай, Индія, Персія. — Экспедиція Бековича. — Виды Царя на Персію. — Безпорядки въ этой странѣ. — Посольство Волынскаго. — Кавказскіе народы. — Походъ въ Персію. — Занятіе Дербента. — Возвращеніе Царя. — Дальнѣйшія завоеванія: взятіе Решта и Баку. — Миръ съ Персіей.

Говоря о причинахъ войны съ Швеціей и о пользѣ пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ, было замѣчено, что вся торговля Европы съ Китаемъ, Персіей и вообще среднею Азіей могла, въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, направиться черезъ Россію, роняя на пути своемъ золото, въ которомъ мы очень нуждались и, что еще важнѣе, приводя въ движеніе наши промышленныя силы. Въ настоящее время эта торговля слѣдуетъ другому пути: большіе успѣхи, сдѣланные въ мореплаваніи и особенно распространеніе паровыхъ судовъ, побудило торговцевъ предпочесть плаваніе вокругъ мыса Доброй Надежды сухопутнымъ переѣздамъ черезъ пустыни юговосточной Россіи и средней Азіи (до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги, проложенныя въ этихъ мѣстахъ, не привлекутъ сюда торговлю снова); но во времена Петра перваго плаванье вокругъ *мыса Бурь* (Доброй Надежды) считалось очень опаснымъ, а Индѣйское море было наполнено пиратами, такъ, что азіатская торговля должна была, казалось, избрать путь черезъ Россію. Устройствомъ Петербургскаго порта, пріобрѣтеніемъ Риги, Петръ открылъ

одинъ конецъ этого пути; оставалось еще открыть другой, на восточномъ концѣ Россіи.

Такимъ пунктомъ была Астрахань, издавна производившая довольно дѣятельную торговлю съ Персіей и изъ которой обыкновенно отправлялись къ Китайскимъ границамъ сухопутные караваны. Волга была естественною связью между этими крайними пунктами. Съ одной стороны въ нее впадаетъ Ока, которая, посредствомъ вливающейся въ нее Москвы-рѣки, соединяетъ съ нею центральныя губерніи наши и древнюю столицу, посредствомъ же западной Двины открываетъ связь и съ Ригою; съ другой стороны цѣлая система рѣкъ и рѣчекъ приводитъ Волгу въ сношеніе съ Петербургскимъ портомъ, оставляя лишь небольшой волокъ между рѣками Цною и Тверцою. Съ большими трудами и издержками волокъ этотъ былъ прорытъ и названныя рѣки соединены каналомъ, названнымъ Вышневолоцкимъ, такъ что суда и барки могли плыть безостановочно отъ Астрахани и до самаго Петербурга. Но какъ суда эти по малой глубинѣ нѣкоторыхъ рѣчекъ, необходимо было дѣлать такъ, чтобы они сидѣли въ водѣ какъ можно мельче, то они очень часто были опрокидываемы высокими воднами и порывистыми вѣтрами бурливаго Ладожскаго озера. Чтобъ отвратить эти несчастія, придумано было провести вдоль берега Ладожскаго озера, между устьемъ Волхова и истокомъ Невы, каналъ, къ устройству котораго и было приступлено въ послѣдніе годы войны.

Всѣ эти работы стоили Россіи большихъ издержекъ и страшныхъ трудовъ, особенно Ладожскій каналъ; но они обѣщали и огромныя выгоды какъ для внутренней, такъ

и для транзитной (промежуточной, провозной) торговли между Европою и Востокомъ.

Китай, Индія и Персія, — вотъ три обширные рынка, богатства которыхъ хотѣлось Петру двинуть черезъ Россію, или даже болѣе того: сдѣлать Россію господствующимъ агентомъ торговли западной Европы съ азіатскимъ востокомъ; устроить такъ, чтобы русскіе купцы закупали на восточныхъ рынкахъ все, что нужно Европѣ, и перепродавали бы ей, пользуясь, разумѣется, всѣми барышами этой торговли. Подобную роль торговаго посредника играла нѣсколько вѣковъ сряду Голландія, а еще прежде Венеція; и Голландія и Венеція, благодаря этой роли, быстро развились, обогатились и процвѣли.

Съ Китаемъ у насъ была старинная, хоть и не очень дѣятельная торговля; есть, напримѣръ, извѣстіе, что еще при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ привезенъ въ Россію изъ Китая чай, вовсе тогда неизвѣстный еще Европѣ. Но независимо отъ торговли были другія отношенія съ Китаемъ. Наши Сибирскіе казаки и промышленники пускались изъ Красноярска, Нерчинска, Охотска на звѣроловный промыселъ, уходили за сотни верстъ, нерѣдко поселялись на новооткрытыхъ ими мѣстахъ и такимъ образомъ включали ихъ въ составъ Русскаго царства. Такъ занята была Камчатка въ концѣ XVII вѣка, Курильскіе острова въ началѣ XVIII; также были устроены русскія поселенія по Амуру. Китайское правительство приняло это за посягательство со стороны Россіи; взаимныя отношенія наши въ концѣ XVII вѣка запутались и дѣло дошло до того, что богдыханъ (владѣтель Китая) запретилъ пускать на китайскія земли русскихъ купцовъ. Петръ снарядилъ въ

1719 году большое посольство, чтобъ возобновить съ богдыханомъ дружбу, а съ его подданными торговлю; но попытка эта не привела ни къ чему существенному.

Обширная равнина, лежащая къ востоку отъ Каспійскаго моря, вообще называемая Туркестаномъ, и заключающая два главныя владѣнія — Бухарское и Хивинское, тоже обратили вниманіе Петра. Бывшій въ первые годы его царствованія губернаторомъ въ Сибири, князь Гагаринъ, извѣщалъ его, что въ странѣ этой есть золотоносный песокъ; кромѣ того, среднеазійская равнина была промежуточной страною между нашими владѣніями и владѣніями «Великаго Могола», повелителя Индіи, а о богатствахъ этого «Могола», о неисчерпаемыхъ сокровищахъ управляемой имъ страны носились въ то время въ Европѣ самые фантастическіе слухи. Петра сильно манило проникнуть въ эти таинственныя, загадочныя страны. Посланъ былъ на восточный берегъ Каспійскаго моря молодой расторопный офицеръ, чтобъ развѣдать, что̀ это въ самомъ дѣлѣ за страна? Офицеръ этотъ, князь Бековичъ, возвратился и подтвердилъ слухъ о находимыхъ тамъ рѣдкихъ ископаемыхъ сокровищахъ; по его увѣдомленію, золотой песокъ находился и въ рѣкѣ Аму-дарьѣ. Кромѣ того, существуетъ преданіе, что рѣка эта, впадающая въ Аральское море прежде текла въ Каспійское. Еслибъ оказалось возможнымъ снова обратить ее въ прежнее ея русло, то товары наши можно было бы возить водою изъ Астрахани, почти до самой Индіи, такъ какъ Аму-дарья выходитъ изъ горъ, отдѣляющихъ среднюю Азію отъ Индійскихъ владѣній. На рѣкѣ этой находится владѣніе Хивинскаго хана. Царь отправилъ къ нему посольство и съ тѣмъ

вмѣстѣ, разумѣется, приказалъ поближе узнать край и войти, если можно, въ постоянныя сношенія съ Хивою. Посольство это было поручено тому же Бековичу; ему было, между прочимъ, предписано предложить хану, для личнаго его охраненія противу многочисленныхъ соперниковъ и соискателей престола, которые обыкновенно раздираютъ междоусобіями мелкія Азійскія владѣнія,—предложить ему, говорю, отрядъ русскаго войска (которое, разумѣется, не замедлило бы заставить и его самого дѣлать только то, что угодно Русскому Царю) и выпросить у него позволенія проѣхать русскимъ купцамъ (переодѣтымъ инженерамъ) вверхъ по Аму-дарьѣ до таинственной Голконды (сѣверной Индіи, Деккана), въ нѣдрахъ которой, по всеобщему тогда повѣрью, таились неистощимыя копи драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ того, Бековичу было приказано изучить мѣстность страны на случай, еслибъ пришлось вступить туда съ войскомъ, да и самому послу данъ былъ, въ видѣ конвоя, довольно сильный отрядъ казаковъ съ пушками.

Бековичъ, снаряженный такимъ образомъ, отправился 1717 г. Каспійскимъ моремъ, высадился на восточномъ его берегу и продолжалъ свой путь пустынею безводною и безлѣсною. Онъ благополучно преодолѣлъ всѣ трудности этого пути и уже былъ не далеко отъ цѣли своей, Хивы, когда увидѣлъ себя окруженнымъ огромными толпами хивинскихъ всадниковъ, которые, не взирая на увѣренія его, что онъ слѣдуетъ съ дружелюбными намѣреніями, пускали въ его отрядъ стрѣлы и копья. Можетъ быть, онъ и успѣлъ бы разсѣять эти нестройныя толпы, никогда не слыхавшія пушечнаго выстрѣла, но ханъ одолѣлъ его обма-

[redacted]

номъ: прислалъ ему сказать, что, узнавши о его миролюбивыхъ намѣреніяхъ, извиняется въ своей ошибкѣ и приглашаетъ его прибыть въ свой станъ для объясненія въ подробности своихъ намѣреній. Бековичъ имѣлъ неосторожность принять это приглашеніе, и былъ убитъ, а отрядъ его, лишенный начальника и утомленный тяжелыми переходами и безкормицею, истребленъ.

Такъ не удались Петру и сношеніе его съ центральною Азіей и виды на торговлю съ Индіей, въ которой между тѣмъ медленно, но твердо упрочивала свою власть Англія.

Дѣла съ Персіей были удачнѣе. Персія была для насъ важна, какъ промежуточный пунктъ на пути въ ту же Индію, богатства которой возбуждали жадность европейскихъ правительствъ, да и сама Персія производила столько шелку, ковровъ и драгоцѣнныхъ камней, что установить съ нею торговлю на прочныхъ основаніяхъ было дѣломъ весьма важнымъ.

Но странно въ то время понимали торговлю: завести съ какою нибудь страною торговыя сношенія казалось какъ-то очень похожимъ на овладѣніе ею, или, по крайней мѣрѣ, на ея подчиненіе. Голландцы и Англичане, самыя торговые въ то время народы, употребляли всевозможныя старанія, чтобъ, устроивши въ какой нибудь странѣ свои торговыя связи, исключить изъ нея купцовъ другихъ націй. Въ началѣ XVIII вѣка, напримѣръ, Англичанамъ удалось утвердиться въ Индіи; первою заботою ихъ было захватить въ свои руки всю промышленность этой страны и не дозволить покупать у ея жителей Голландцамъ, Французамъ и Португальцамъ, также имѣвшимъ тамъ свои торговыя конторы. Расчетъ этотъ весьма ошибоченъ: соперничество

покупателей-Европейцевъ непремѣнно возбудило бы дѣятельность производителей-Индѣйцевъ; Европа получала бы въ бо̀льшемъ количествѣ провозимые изъ Индіи предметы— пряности, шелки, матеріи, красильныя вещества; изобиліе ихъ понизило бы на нихъ цѣны въ Европѣ,—и индѣйская торговля была бы для всѣхъ благодѣяніемъ. Вмѣсто того, что̀ произошло? Устранивъ голландскихъ и другихъ купцовъ, Англичане давали Индѣйцамъ такія цѣны, какія хотѣли,—разумѣется самыя дешевыя,—и продавали въ Европѣ опять таки по какимъ цѣнамъ хотѣли. Индѣйцы, находя такую торговлю для себя невыгодною, мало по малу бросили работать, а въ Европѣ между тѣмъ индѣйскіе товары казались слишкомъ дорогими и не сильно покупались: всѣ были слѣдовательно въ потерѣ!

Подобнымъ образомъ и нашъ Царь смотрѣлъ на торговлю съ Персіей: ему хотѣлось бы, чтобъ ни одинъ золотникъ персидскаго шелку не миновалъ Россіи, чтобъ ни одинъ иностранный купецъ не могъ сдѣлать тамъ заказа мимо русскихъ конторъ. Персія, какъ и вообще восточныя государства, была страна, которая управлялась не законами, а произволомъ шаха. Вступалъ на престолъ человѣкъ умный, дѣятельный, твердый—и дѣло шло коекакъ: по крайней мѣрѣ страна была спокойна и войны не истребляли народонаселенія; дѣлался шахомъ человѣкъ слабый, или жестокій, или безпокойнаго нрава,—начинались безо всякой причины войны, люди выводились на бойню, мурзы и начальники провинцій производили возмущенія, и т. п. Въ началѣ XVIII вѣка Персія была раздираема междоусобіями. Цѣлыя провинціи были опустошаемы. Между прочими разграбленъ былъ городъ Шемаха (въ

нынѣшнемъ Закавказьи), съ которымъ мы имѣли дѣятельныя торговыя сношенія, при чемъ было перебито (1712 г.) до 300 русскихъ и разграблено ихъ товаровъ на огромную сумму. Царь потребовалъ «сатисфакціи»; но какъ шахъ, при всемъ желаніи, не могъ ее дать, будучи не въ состояніи управиться съ собственными дѣлами, то въ Персію посланъ былъ молодой, расторопный человѣкъ, подполковникъ Артемій Волынскій, съ порученіемъ—поставить на твердомъ основаніи торговлю съ Персіей и предложить шаху нашу помощь противъ бунтующихся вассаловъ.— При свирѣпствовавшихъ въ Персіи безпорядкахъ, торговля, разумѣется, не могла процвѣсти и переговоры объ этомъ предметѣ успѣха не имѣли, удовлетворенія за разграбленіе нашихъ купцовъ шахъ былъ дать не въ состояніи; отъ военной же помощи Русскаго Царя уклонился. Между тѣмъ возмутившіеся противъ шаха вассалы вошли въ сношенія съ Турціей и предлагали ей подданство. Еслибъ это случилось, мы имѣли бы на востокѣ, вмѣсто слабой и богатой Персіи, сосѣдомъ своимъ довольно еще сильную въ то время Турцію, что, очевидно, было бы намъ невыгодно. А какъ торговля наша страдала отъ безпорядковъ въ Персіи, то Царь сталъ дѣлать приготовленія къ походу, и какъ только заключенъ былъ Ништадтскій миръ, какъ только окончились описанныя передъ симъ торжества въ Москвѣ, со вскрытіемъ рѣкъ, онъ отправился водою (Москвою-рѣкою, Окою и Волгою) къ Астрахани.

Тамъ все ужъ было готово къ перевозу войскъ моремъ до Персидскаго берега, благодаря расторопности Волынскаго, сдѣланнаго, по возвращеніи изъ Персіи, губер-

наторомъ въ Астрахани; собранная въ этомъ городѣ пѣхота (слишкомъ 20 т. челов.) была немедленно посажена на суда, а казаки отправлены сухимъ путемъ около половины іюля (1722).

Теперь намъ кстати будетъ хотя слегка познакомиться съ тою страною, въ которую велъ свое войско предпріимчивый Императоръ. Еслибъ мы стали въ томъ мѣстѣ, гдѣ Волга и Донъ почти сходятся, передъ нами открылась бы обширная степь, разбѣгающаяся вправо и влѣво до Чернаго и Каспійскаго морей. Степь эта большею частію безводна и безлѣсна, а вблизи Каспійскихъ береговъ покрыта солончаками, то есть грунтъ такъ сильно пропитанъ солью, что во время жаровъ онъ покрывается бѣлою, соленою корою. По степи этой бродили въ то время, да и теперь еще бродятъ Калмыки и Ногайцы съ своими войлочными кибитками, съ стадами коровъ и овецъ и съ табунами лошадей; жилья почти не было; только изрѣдка можно было замѣтить раскинутое на берегу какой нибудь болотистой рѣчки селеніе крестьянъ-раскольниковъ, покинувшихъ родныя пепелища по причинѣ воздвигнутыхъ на нихъ гоненій. Южную окраину этой необъятной равнины составляли двѣ быстрыя, шумныя рѣки,—Кубань и Терекъ, изъ которыхъ одна течетъ къ западу, въ Черное море, а другая къ востоку, въ Каспійское. За ними, какъ стѣна, возвышается линія Кавказскихъ горъ. По берегамъ этихъ рѣкъ и особенно по ту сторону ихъ, гдѣ равнина мало по малу поднимается, подступая зелеными, лѣсистыми холмами къ каменнымъ громадамъ Кавказа, почва дѣлается необыкновенно плодородною; трава бываетъ здѣсь въ ростъ человѣка, лѣса наполнены великолѣпными ду-

бами, кленами, пирамидальными тополями и дикимъ виноградникомъ. Жителями этихъ прекрасныхъ закубанскихъ и затеречныхъ холмовъ и долинъ суть племена людей весьма различнаго происхожденія, но всѣ, безъ исключенія, красивыя, сильныя, воинственныя. Тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ ближе къ Каспійскому морю, признавали надъ собою власть Персидскаго шаха, но въ дѣйствительности вовсе отъ него не зависѣли и управлялись своими собственными обычаями, подчинялись единственно своимъ выборнымъ старшинамъ или наслѣдственнымъ своимъ ханамъ и султанамъ.

Еще съ давнихъ временъ Московскій дворъ имѣлъ съ ними нѣкоторыя сношенія: горцы, живущіе въ окрестности верховьевъ Кубани, Кабардинцы, или, какъ ихъ называли у насъ, Черкасы, участвовали въ походахъ Іоанна Грознаго, котораго одна изъ женъ была Кабардинка родомъ. Донскіе казаки постоянно водили съ ними хлѣбъ-соль, такъ что, какъ мы уже видѣли, послѣ усмиренія Булавинскаго бунта, цѣлыя сотни казаковъ ушли къ нимъ. Что касается до горцевъ, жившихъ за Терекомъ, то для сношеній съ ними былъ еще издавна построенъ близъ устья этой рѣки городъ Терки, и казаки, поселенные близъ него, также какъ и Русскіе, сами переселившіеся сюда во времена религіозныхъ гоненій, приняли даже многіе обычаи своихъ затеречныхъ сосѣдей и породнились съ ними.

Вотъ этотъ-то крайній пунктъ Русскихъ владѣній и былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для нашихъ войскъ. Въ концѣ іюля прибыла туда флотилія съ пѣхотными солдатами, а въ началѣ августа кавалерія, слѣдовавшая

степью. Отдохнувши здѣсь и оправившись, все войско двинулось далѣе, равниною, разстилающеюся между моремъ и горами, сначала широкою, потомъ постепенно съуживающеюся, и которую въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ запираетъ старинная крѣпость, Дербентъ.

Большая часть старшинъ, хановъ, султановъ и другихъ правителей мѣстныхъ народцевъ изъявляли покорность Петру и снабжали чѣмъ могли наше войско, такъ, что кромѣ тягости отъ сильныхъ жаровъ и болѣзней отъ непривычнаго климата, особенныхъ потерь мы не терпѣли. Государь всюду разсылалъ извѣщенія, что онъ идетъ какъ союзникъ шаха, помогать ему оборонять вѣрныхъ его подданныхъ отъ бунтовщиковъ и раззорителей. Въ концѣ августа занятъ былъ безъ выстрѣла Дербентъ, за которымъ уже лежатъ тѣ богатыя, прекрасныя страны, въ которыхъ производится шелкъ, шафранъ, индиго и вообще предметы восточной торговли. Занять эти страны было тайною цѣлію Царя: онъ писалъ къ нашему резиденту въ Персіи, что не желаетъ завоевывать ее, «но только по морю лежащія земли отберемъ»...

Но смѣлыя предположенія Государя не вполнѣ оправдались. Каспійское море бываетъ осенью бурливо; выступившія въ сентябрѣ изъ Астрахани суда наши съ провіантомъ сильно потерпѣли отъ непогоды; мука и крупа, на которыя расчитывалъ Государь для продовольствія войска, подмокли, испортились; новый провіантъ изъ Астрахани и не скоро подоспѣлъ бы и могъ тоже потерпѣть въ морѣ, а въ такомъ случаѣ чтò постигло бы войско, зашедшее въ такую даль?.. Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено возвратиться въ Россію, оста-

вивъ въ Дербентѣ гарнизонъ, какъ въ пунктѣ уже принадлежащемъ намъ и откуда предполагалось дѣйствовать далѣе.

Дѣйствительно, Царь возвратился въ Россію, но военныя дѣйствія продолжались: войска наши заняли нѣсколько персидскихъ прибрежныхъ провинцій съ городами Рашта и Баку; близъ устья Куры предполагалось заложить большой торговый городъ. Владѣтель Грузіи,—страны издревле христіанской и въ продолженіи многихъ вѣковъ тѣснимой со всѣхъ сторонъ Турками, Персіянами и горскими народцами, просилъ покровительства Россіи, наконецъ и шахъ Персидскій, угрожаемый внутренними врагами, выгнанный изъ своей столицы, не видя иного спасенія, какъ въ союзѣ съ Россіей утвердилъ формальнымъ договоромъ уступку намъ прикаспійскихъ провинцій своихъ, прося взамѣну ихъ нашей помощи и защиты.

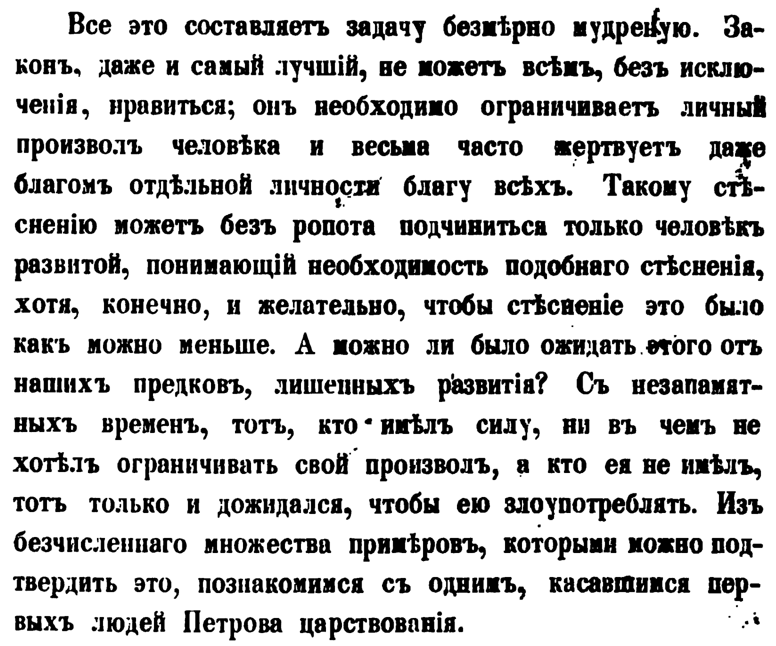
Такимъ образомъ съ этой стороны цѣль Петра была вполнѣ достигнута. Если не чрезъ Хиву и не по Аму-дарьѣ, то чрезъ Астрабатъ нашей торговлѣ открывался, по видимому, путь въ Индію. Ласкаемый этими мечтами, Государь снарядилъ къ «Великому Моголу» посольство, которое отправилось моремъ, вокруго мыса Доброй Надежды, и должно было стараться войти въ дружественныя сношенія съ князьками острова Мадагаскара... Исполинскіе планы созидались слѣдовательно въ головѣ геніальнаго преобразователя Россіи! Но имъ не суждено было исполниться: менѣе нежели черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Петра занятыя имъ Каспійскія прибрежья, какъ мы увидимъ, были уступлены обратно Персіи и восточная торговля Европы, благодаря настойчивости Гол-

ландцевъ и особенно Англичанъ, открыла себѣ путь вокругъ Африки.

XXVIII.

Возвращеніе Царя Петра въ Москву. — Судъ надъ Меншиковымъ и Шафировымъ. — Мысль объ Академіи Наукъ. — «Дѣдушка русскаго флота». — Перевезеніе мощей св. Александра Невскаго. — Здоровье Государя разстроивается. — Мысль о престолонаслѣдіи. — Коронація Императрицы. — Судъ надъ Монсомъ. — Болѣзнь Государя. — Кончина его. — Заключеніе.

Много трудился Петръ, работалъ безъ устали и безъ отдыха, а между тѣмъ результаты были не очень велики. Это потому, что задача, которую онъ на себя принялъ, была гигантская: передѣлать цѣлую націю! Не легко составить законодательство, установить администрацію; но добиться того, чтобы эти законы дѣйствительно исполнялись, чтобы администрація имѣла въ виду только благо общее, — это еще другое и въ тысячу разъ труднѣйшее дѣло. Для этого нужно, чтобы администрація состояла изъ честныхъ, приготовленныхъ для своей дѣятельности людей и чтобы самый народъ охотно принималъ постановляемые законы и не искалъ бы отъ нихъ уклоняться.



Все это составляетъ задачу безмѣрно мудреную. Законъ, даже и самый лучшій, не можетъ всѣмъ, безъ исключенія, нравиться; онъ необходимо ограничиваетъ личный произволъ человѣка и весьма часто жертвуетъ даже благомъ отдѣльной личности благу всѣхъ. Такому стѣсненію можетъ безъ ропота подчиниться только человѣкъ развитой, понимающій необходимость подобнаго стѣсненія, хотя, конечно, и желательно, чтобы стѣсненіе это было какъ можно меньше. А можно ли было ожидать этого отъ нашихъ предковъ, лишенныхъ развитія? Съ незапамятныхъ временъ, тотъ, кто имѣлъ силу, ни въ чемъ не хотѣлъ ограничивать свой произволъ, а кто ея не имѣлъ, тотъ только и дожидался, чтобы ею злоупотреблять. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ, которыми можно подтвердить это, познакомимся съ однимъ, касавшимся первыхъ людей Петрова царствованія.

Выше мы уже видѣли, что надъ Меншиковымъ производилось слѣдствіе, или, лучше сказать, нѣсколько слѣдствій, по разнымъ его злоупотребленіямъ; это однакожъ не мѣшало ему быть первымъ человѣкомъ въ государствѣ по силѣ, по вліянію и по милости къ нему Царя, также какъ не мѣшало ему прибавлять новыя злоупотребленія къ старымъ. Въ разное время онъ получилъ въ Малороссіи обширныя имѣнія, не довольствуясь однакожъ которыми, онъ, при размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами, прирѣзывалъ себѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало; такъ поступлено было при размежеваніи земель мѣстечка Почепа, гдѣ онъ не только прирѣзалъ себѣ земли, принадлежавшія казакамъ, но и самихъ ихъ, вмѣстѣ съ землями, взялъ въ кабалу. Въ этомъ помогалъ ему нѣкто Скорняковъ-Писаревъ, при-

в, о несогл...
лько сенаторовъ подписали объ этомъ ука
но, подписали бы и другіе, опять если
ь особыя причины.

Однажды Шафировъ, будучи «зѣло отягченъ ви
ился съ братомъ названнаго Скорнякова-Пис
го въ это время оберъ-прокуроромъ въ се
его укорять за потворство, оказываемое ег
Меншикову; Писаревъ, съ своей стороны, об
рова въ желаніи обсчитать казну въ пользу
и въ лихоимствѣ по ввѣренному ему поч
енію; вслѣдъ за тѣмъ онъ повторилъ тѣ же
въ засѣданіи сената. Это подало поводъ
ь неприличныхъ и пошлыхъ сценъ въ сред
го правительственнаго учрежденія. Перебран
а на словахъ, а потомъ и на бумагѣ: Ско
лъ, а потомъ и писалъ, что «Шафировъ жи
, холопа боярскаго сынъ». Шафировъ отвѣ
же родѣ, и все это въ формѣ прошеній, оф
бумагъ, такъ что все скандалезное это д

къ смертной казни; онъ былъ уже возведенъ на эшафотъ, когда послѣдовала отъ Государя отмѣна опредѣленнаго рѣшенія; вмѣсто смертной казни Шафирову объявлена ссылка съ отобраніемъ его имѣнія. Что же касается Меншикова — онъ былъ пощаженъ и на этотъ разъ.

Такимъ образомъ, размышляя о чрезвычайной безнравственности, господствовавшей у насъ на всѣхъ ступеняхъ общества, даже между людьми вполнѣ обезпеченными и высоко поставленными, мы невольно припоминаемъ мысль Лейбница, что прежде всего нужно намъ было умственное и нравственное развитіе.

Послѣдніе годы царствованія Петра, впрочемъ, отмѣчены особыми заботами его объ этомъ. Продолжая неуклонно, хотя и не весьма успѣшно, настаивать на устройствѣ школъ для народа подъ покровомъ духовенства, Государь сталъ обдумывать средства какъ для доставленія высшаго образованія, такъ для распространенія его исподволь на всю массу народа. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ сношенія съ тѣмъ же Лейбницомъ и съ другимъ германскимъ ученымъ Вольфомъ, пользовавшимся въ свое время огромною извѣстностью. Слѣдствіемъ этихъ совѣщаній была мысль объ академіи наукъ. Это должно было быть собраніемъ людей ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній,—конечно на первый разъ изъ иностранцевъ. Ихъ обязанность была слѣдить за ходомъ науки въ Европѣ и, если можно, то и разработывать ее самимъ; сверхъ же того, заниматься обученіемъ молодыхъ людей изъ Русскихъ, которые, въ свою очередь, могли бы передавать свои знанія другимъ.

Прекрасную эту мысль Петръ не успѣлъ привести въ

исполненіе; академія была открыта въ Петербургѣ уже послѣ его смерти; къ сожалѣнію, будучи худо направлена, она потеряла изъ вида одну изъ главныхъ своихъ обязанностей, — быть разсадникомъ просвѣщенія для молодыхъ поколѣній.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ имѣли мѣсто два торжества, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Одною изъ причинъ, доставившихъ Россіи славный миръ съ Швеціею, былъ нашъ флотъ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Шведскими кораблями; онъ, не взирая на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ Англійскаго адмирала, Норриса, два раза перевозилъ на Шведскій берегъ наши войска, которыя принудили Стокгольмское правительство къ уступкамъ. На одномъ изъ сеймовъ Шведскихъ, по поводу различныхъ мѣръ къ оборонѣ береговъ, одинъ опытный морякъ сказалъ, что едва-ли тысячью судами можно надѣяться предупредить высадку русскихъ войскъ на Шведскій берегъ. Все это доказываетъ, какъ силенъ былъ нашъ флотъ при Петрѣ, и флотъ этотъ былъ вполнѣ созданіемъ Петра: войско, какое бы ни было, существовало до него, но единственный военный корабль, построенный въ прежнее время, былъ сожженъ Стенькою Разинымъ, и съ тѣхъ поръ не возобновлялось болѣе попытокъ къ сооруженію флота. Между тѣмъ, первымъ сѣменемъ этого флота, созданнаго въ послѣднее время, былъ тотъ ботикъ, который, валяясь между старымъ хламомъ Измайловскаго дворца, обратилъ нѣкогда на себя вниманіе Петра.

Петру пришло очень естественное желаніе воздать память этому старому ботику, этому «дѣдушкѣ Русскаго

флота». Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, а оттуда въ Кронштадтъ, сдѣлать смотръ своимъ «внукамъ».

Въ назначенный день — 11 августа 1723 года онъ былъ поставленъ на галіотъ и, подъ парусами, препровожденъ къ Кронштадту. Въ виду этой крѣпости, его спустили на воду; нѣсколько старѣйшихъ адмираловъ, въ томъ числѣ и *Петръ Михайловъ*, встрѣтили его, и на веслахъ, которыми сами дѣйствовали, приблизились къ флоту. 22 линейныхъ корабля, множество фрегатовъ, яхтъ и другихъ меньшихъ судовъ, убранныхъ разноцвѣтными вымпелами, были выстроены для его встрѣчи. На маленькой скорлупкѣ, съ трудомъ справлявшейся съ морскою зыбью, развернулся императорскій штандартъ и сотни выстрѣловъ загрохотали. Подъ непрерывными залпами, въ облакахъ клубящагося дыма скользилъ карликъ-дѣдушка между рядами исполиновъ-внуковъ; вездѣ, куда онъ приближался, его встрѣчали криками *ура*, барабаннымъ боемъ и другими военными почестями. Послѣ этого былъ устроенъ на берегу пиръ всѣмъ морскимъ чинамъ, а дряхлый родоначальникъ Русскаго флота перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и теперь всякій можетъ его видѣть подъ навѣсомъ, прикрывающимъ «домикъ Петра великаго».

Другое торжество имѣло характеръ религіозно-патріотическій. В. К. Александръ Невскій издавна причисленъ нашею Церковью къ лику святыхъ. Между тѣмъ, съ памятью о немъ соединяется воспоминаніе о славномъ отраженіи Шведскихъ силъ силами тогда разъединенной, угнетаемой татарами Россіи. Мѣсто, гдѣ бодрый князь покрылъ себя славою, народъ, надъ которымъ онъ восторжествовалъ, — все это представляло какъ будто нѣкоторую

связь съ происшествіями настоящаго царствованія, какъ будто дѣлало Невскаго естественнымъ патрономъ Петербурга и мощи его были перевезены въ вновь отстроенный Невскій монастырь, гдѣ и до сего дня покоятся.

Между тѣмъ, здоровье Государя, потрясенное необыкновенными трудами и душевными тревогами, потрясенное безпорядочною жизнію, сильно пострадало отъ персидскаго похода. Всѣ замѣтили въ немъ большую перемѣну по возвращеніи, и перемѣна эта произошла не въ одной наружности; желѣзная натура его видимо подламывалась; терпѣть не могши прежде лечиться, онъ сталъ въ послѣдніе годы нерѣдко обращаться къ медицинской помощи и почти каждое лѣто отправлялся на минеральныя воды, открытыя въ Олонецкой губерніи. Петру былъ пятьдесятъ первый годъ по возвращеніи изъ Персіи,— лѣта еще далеко не преклонныя, особенно для такого, какъ онъ, богатыря,—а между тѣмъ начинали тайкомъ поговаривать, что онъ не долговѣченъ.

Смерть каждаго государя производитъ нѣкоторое потрясеніе, особенно если это государь самодержавный. Со вступленіемъ новаго государя могутъ измѣниться отношенія страны къ другимъ странамъ, устроиться новые союзы, прекратиться прежніе; внутреннее управленіе можетъ получить новый характеръ; одни лица замѣняются другими. Но все это ничтожно передъ тѣми вопросами, которые должна была возбудить смерть Петра. Россія, въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго вѣка, похожа была на городъ, разрушенный до основанія, съ цѣлію выстроить его *по новому* плану, и въ которомъ, изъ подъ мусора и

щепы, едва только начинаютъ возникать новыя зданія. Кто будетъ ихъ достроивать? по какому плану?

Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ несчастной смерти Царевича Алексѣя, умеръ младенецъ Петръ Петровичъ. Съ тѣхъ поръ у Государя не было прямыхъ наслѣдниковъ. По стародавнимъ обычаямъ ближе всѣхъ къ престолу можно было считать внука Государева, Петра Алексѣевича; но ему было въ 1723 всего восемь лѣтъ, а нужна была не дѣтская рука, чтобы доканчивать дѣло Петра великаго. Кромѣ того, Великій князь этотъ, лишившись въ младенчествѣ отца и матери, жилъ при дворѣ въ забвеніи; никто имъ не интересовался и не заботился о томъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ престола. Наконецъ, съ господствующею партіею, съ любимцами Петровыми, его раздѣляла смерть отца. Участники приговора надъ Царевичемъ Алексѣемъ, Толстой, Меншиковъ, Ушаковъ, Ягушинскій, и проч. не безъ основанія боялись, что его сынъ, сдѣлавшись Государемъ, не проститъ имъ смерти отца. Почти тѣ же соображенія отдѣляли отъ В. князя и императрицу, которая, не имѣя сыновей, съ бо́льшимъ, конечно, удовольствіемъ видѣла бы на престолѣ свою дочь, нежели сына того, который, справедливо или нѣтъ, считалъ ее между своими врагами. Можно, наконецъ, было бояться, что Петръ Алексѣевичъ, дорожа памятью отца своего, сдѣлавшись Государемъ, приблизитъ къ себѣ всѣхъ его приверженцевъ, людей, преданныхъ старинному порядку, и удалитъ сотрудниковъ своего дѣда, людей, начавшихъ съ нимъ дѣло преобразованія. Весьма вѣроятно, что это соображеніе приходило въ голову Государя, и что по этому онъ не приближалъ къ себѣ маленькаго В. князя.

въ, не выучился даже говорить по русски; пр
во всемъ руководствовался волею своего ми
вича,—человѣка, какъ мы уже знаемъ, весьма л
который вовсе не зналъ Россіи и не интере
и который, между тѣмъ если бы супруга его
алась Русскою Императрицею, могъ бы отс
ь сановниковъ, которые были приближены Пет
И такъ, оставалась Екатерина! Не имѣя
ей, нужныхъ для управленія государствомъ
ю при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ,
вовсе къ тому приготовлена, она, сверхъ
ользовалась популярностью въ народѣ, которь
алъ видѣть въ ней «нѣмку». Но въ числѣ
ь приближенныхъ было много лицъ, горячо
живавшихъ. Такими были всѣ участники въ пр
Царевичемъ, боявшіеся вступленія на престо
, всѣ опасавшіеся преобладанія голштинцевъ въ
нецъ всѣ искренно преданные дѣлу Петрова
ванія. Такихъ было много въ Петербургѣ: въ

Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1723 года обнародованъ былъ манифестъ о намѣреніи Государя короновать свою супругу. Во многихъ великихъ и тяжкихъ государственныхъ трудахъ, сказано въ этомъ манифестѣ, «наша любезнѣйшая супруга, Государыня Императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь женскую, волею съ нами присутствовала, и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской баталіи, съ Турки, какъ мужески, а не женски поступала». Коронація эта должна была совершиться въ Москвѣ, съ необыкновеннымъ торжествомъ; къ назначенному времени велѣно было прислать депутатовъ со всей Россіи «отъ лица всѣхъ чиновъ и народа». Для большаго торжества, учреждена была новая почетная стража подъ названіемъ роты кавалергардовъ, капитаномъ которой былъ назначенъ Ягужинскій. 7-го мая (1724 г.) великолѣпное шествіе спустилось съ Краснаго крыльца и направилось къ древнему Успенскому собору. Представители народа, городовъ, купечества, дворянства, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, знатнѣйшіе сановники Государства, представители нашихъ старинныхъ и княжескихъ фамилій, герцогиня Курляндская и герцогъ Голштинскій украшали шествіе Маріенбургской сироты. Она шла подъ богатымъ балдахиномъ, рядомъ съ Императоромъ, одѣтымъ на этотъ разъ, вопреки своему обыкновенію, великолѣпно: въ голубой бархатный кафтанъ, вышитый серебромъ руками самой Екатерины (какъ изображена его восковая статуя, находящаяся въ Петровской галлереѣ Зимняго дворца). Обрядъ коронаціи совершилъ архіепископъ псковской, Ѳеофанъ, вліятельнѣйшій, если

геръ Монсъ. Оба они пользовались особымъ р
мъ Государыни, и вдругъ, къ великому свое
о, Петербургъ однажды узналъ, что надъ (
строю наряжено слѣдствіе, что они преданы
ены: Монсъ на смертную казнь, и притомъ ст
ельную, — посаженію на колъ, а г-жа Бал
чное наказаніе плетьми... Что было причиною
го поворота въ ихъ судьбѣ? Обвиненіе
ни за деньги и подарки доставляли покровит
довѣрявшей имъ Императрицы и что, кром
асхищали ея собственныя деньги и драгоцѣнны
то могло быть, а если было, то, дѣйствител
вало этого, а по тогдашнимъ понятіямъ, н
наказанія. Но вообще говоря въ катастрофѣ
рѣвали другія, тайныя причины; —а именно
ороны Петра, и при томъ неосновательну
или одни, основательную по словамъ другихъ
распространились въ народѣ и проникли в
ненныя записки, а оттуда въ историческія с

испускалъ духъ въ страшныхъ мученіяхъ... все это можно прочитать во множествѣ историческихъ сочиненій, но дѣйствительно ли было такъ, основательными изысканіями еще не подтверждено и не отвергнуто.

Это происшествіе было осенью 1724 года; оно не могло между прочимъ, не подѣйствовать на разстроенное уже здоровье Государя,—а между тѣмъ случилось еще другое обстоятельство, сдѣлавшее его болѣзнь опасною. Въ началѣ ноября ѣхалъ онъ на яхтѣ своей въ Сестрорѣцкъ, чтобъ взглянуть на тамошній оружейный заводъ. Не доѣзжая Сестрорѣцка, близь мѣста, называемаго Лахта, замѣтилъ онъ, при наступавшей темнотѣ, небольшой ботъ, наполненный солдатами, который страшно раскачивало расходившимся волненіемъ и, наконецъ, бросило на мель. Государь послалъ ему на помощь лодку. Между тѣмъ несчастные пловцы были въ водѣ; волны заливали ихъ и помощь имъ была, какъ казалось нетерпѣливому Петру, оказываема не довольно дѣятельно. Тогда онъ самъ кинулся въ шлюпку, наконецъ выпрыгнулъ изъ нея въ воду и самъ началъ помогать вытаскивать окоченѣлыхъ отъ холода солдатъ. Такимъ образомъ, 20 человѣкъ было спасено, но Царь дорого поплатился за это: отъ простуды болѣзнь его усилилась и онъ принужденъ былъ лечь въ постель. Но и дрожа отъ лихорадки, этотъ вѣчный труженикъ не оставлялъ своей правительственной работы: въ самый день возвращенія своего въ Петербургъ, подписалъ одинъ изъ огромнаго количества данныхъ имъ указовъ.

Положеніе Государя было опасно. Обыкновенный медикъ его, Блументростъ, пожелалъ, чтобъ былъ пригла-

шенъ еще другой. Соединенными ихъ усиліями больной поднялся и снова принялся за свои обычныя упражненія: ѣздилъ въ Сенатъ, осматривалъ заводы и фабрики, писалъ указы и регламенты, продолжалъ огромную свою переписку съ начальниками различныхъ вѣдомствъ и управленій, не думая о сохраненіи своего здоровья. Въ добавокъ онъ присутствовалъ на церемоніи водоосвященія, 6 января (1725), простудился и снова слегъ въ постель, — на этотъ разъ уже, чтобъ не вставать болѣе.

Медицинское пособіе уже не оказывало никакого дѣйствія и доставляло ему только минутное облегченіе; необыкновенно сильная его натура изнемогала; онъ страдалъ жестоко и, обращаясь однажды къ придворнымъ, окружавшимъ его постель, произнесъ ослабѣвающимъ уже голосомъ: «Изъ меня познайте, сколь бѣдное созданіе есть человѣкъ!» Двѣнадцать дней онъ боролся со смертію; и, наконецъ, 28 января грозныя его очи сомкнулись на вѣки...

Тотъ самый Никитинъ, котораго считаютъ первымъ русскимъ свѣтскимъ живописцемъ, снялъ съ него, уже мертваго, портретъ. Онъ изображенъ въ гробу; голова его покоится на подушкѣ, грудь и скрещенныя на ней руки покрыты синею бархатною мантіей, подбитой горностаемъ. Пряди черныхъ волосъ разсыпаны вокругъ похолодѣвшаго чела, до самой шеи; брови слегка сдвинуты и ноздри нѣсколько раскрыты предсмертнымъ страданіемъ; но сжатыя губы, гладкое чело и опущенныя рѣсницы выражаютъ полнѣйшее безчувствіе и покой, — печать смерти.

Такимъ лежалъ онъ въ гробѣ, поставленномъ на высокій катафалкъ съ балдахиномъ, въ одной изъ комнатъ Лѣт-

няго дворца. Комната эта была вся убрана чернымъ сукномъ съ фестонами изъ бѣлаго флёра; пять серебряныхъ паникадилъ, спускаясь съ потолка затянутаго, также какъ и окна, чернымъ сукномъ, разливали печальный свѣтъ въ этомъ траурномъ покоѣ, который съ утра до вечера наполнялся людьми всякаго званія, приходившими, по старинному обыкновенію, проститься съ покойнымъ.

8 марта тѣло умершаго Государя было перевезено съ большою церемоніею въ Петропавловскій Соборъ. При печальномъ звонѣ колоколовъ, при звукѣ изрѣдка раздававшихся съ крѣпости выстрѣловъ, погребальный кортежъ потянулся къ крѣпостнымъ воротамъ. Такъ какъ соборъ былъ еще не совершенно достроенъ, то внутри его наскоро сколотили деревянную церковь, въ которой происходило отпѣваніе. По окончаніи обряда Ѳеофанъ Прокоповичъ вышелъ изъ алтаря и произнесъ слѣдущія слова, глубоко потрясшія присутствующихъ и дошедшія до потомства: «Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ, что дѣлаемъ?... Петра великаго погребаемъ!» Такъ началъ знаменитый витія надгробное слово, и кончилъ его обращеніемъ къ Россіи; какъ будто утѣшая ее, онъ сказалъ: «но, о Россіе, видя кто и каковый тебя оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе!»

Со времени Петра прошло около полутораста лѣтъ и хотя о дѣлахъ и личности его было писано чрезвычайно много, можно сказать съ полною увѣренностію, что исторія еще не знаетъ вполнѣ ни его самаго, ни его эпохи.

Только въ самое послѣднее время сдѣлано нѣсколько важныхъ въ этомъ отношеніи открытій, которыя, между прочимъ, показали, что съ одной стороны не мало пущено въ оборотъ льстивой лжи подкупленными писателями, а съ другой—ни на чемъ не основанной клеветы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ архивахъ нашихъ, въ старыхъ кладовыхъ частныхъ людей, вмѣстѣ съ полуистлѣвшими ихъ фамильными бумагами, хранится множество драгоцѣнныхъ указаній, какъ относительно самого Петра, такъ и относительно его эпохи, и только тогда, когда все это будетъ обнародовано, разсмотрѣно критикою и сгруппировано талантливымъ повѣствователемъ, тогда только мы въ состояніи будемъ произнести твердое, рѣшительное сужденіе о всемъ, выше разсказанномъ.

Нельзя, однако, воздержаться отъ сужденія о такой интересной эпохѣ, какъ первая четверть XVIII вѣка и о такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, какъ Петръ I. Вотъ что въ настоящее время можетъ сказать объ этомъ писатель, желающій остаться безпристрастнымъ.

Къ концу XVII столѣтія Россія дошла до такого пониженія, что долѣе оставаться въ немъ она не могла. Во всей Европѣ распространялось просвѣщеніе, совершалось то измѣненіе въ понятіяхъ, въ нравахъ, образѣ жизни, общественныхъ отношеніяхъ, которое называютъ *прогрессомъ*; вездѣ улучшилось матеріальное положеніе людей, кромѣ одной только Россіи. Между тѣмъ, по вѣковѣчному и неизмѣнному закону, усиливающаяся цивилизація, подобно разгорающемуся пламени, все шире и шире распространяетъ свое освѣщающее дѣйствіе. Не взирая на то, что *Россія забилась* въ самый отдаленной уголокъ Европы, что

она довела до высочайшей степени отвращеніе къ иностранцамъ, — не взирая на все это, она не могла навсегда укрыться отъ свѣта цивилизаціи; только съ нею могло бы случиться то, что случилось въ наше время съ Турціею и Китаемъ: цивилизація была бы навязана ей силою.

Отъ такой печальной участи ее спасъ Петръ: онъ самъ призвалъ въ Россію европейскую цивилизацію.

Но при этомъ случилось то, что случается, когда человѣкъ мало образованный и развитый является въ общество образованныхъ и развитыхъ людей: онъ или упрямо молчитъ, презираетъ преимущества, которыхъ не понимаетъ и глубже прежняго замыкается въ свое невѣжество, или поддается безусловному подражанію, пренебрегая даже и тѣмъ хорошимъ, что заключается подъ его грубою оболочкою. Совершенно тоже произошло въ Россіи. Часть русскаго народа, и во главѣ его раскольники, отчасти духовенство, возненавидѣли упавшій на нихъ лучъ свѣта, другіе,—и отчасти самъ Царь увлеклись подражаніемъ. Слѣды того и другаго направленія не изгладились даже и въ настоящее время; и теперь еще есть люди, которые желали бы отдѣлить Россію отъ Европы непроходимою стѣною, и, съ другой стороны, есть такіе, которые даже въ домашней жизни не употребляютъ другаго языка, кромѣ иностраннаго. Но успѣхи просвѣщенія мало по малу стираютъ крайности обоихъ этихъ направленій, и люди благоразумные считаютъ въ настоящее время сближеніе съ Европою большимъ благодѣяніемъ, но въ тоже время хотятъ чтобы Русскій былъ ничѣмъ инымъ, какъ Русскимъ и съ любовію отыскиваютъ въ исторіи нашей, въ нашемъ прошедшемъ, добрыя начала, которыя стараются разви-

вать, какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ быту.

Еще замѣтимъ слѣдующее. Нѣсколько строкъ выше было сказано, что въ понятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ народовъ совершается постоянное обновленіе, которое называется прогрессомъ и которое и дѣлаетъ изученіе исторіи столь интереснымъ. Бываетъ однакоже, что обновленіе это совершается чрезвычайно медленно, почти пріостанавливается; если сравнить, между собою, напримѣръ, Германію и Персію за 2000 лѣтъ передъ нынѣшнимъ временемъ въ отношеніи ихъ умственнаго и гражданскаго развитія, то преимущество останется едва ли не на сторонѣ послѣдней, — а если сравнивать ихъ положеніе въ настоящую минуту, какая громадная разница окажется въ пользу Германіи! Отъ чего это могло произойти? Очевидно отъ того, что Персія не двигалась, не развивалась въ теченіе 2000 лѣтъ, а въ Германіи совершался прогрессъ. Германія счастлива въ этомъ отношеніи; она до сихъ поръ шла въ числѣ передовыхъ націй, въ числѣ тѣхъ націй, которыя служили примѣромъ для другихъ, Но напрасно было бы отчаяваться и въ судьбѣ Персіи; можетъ быть, и ей суждено войти въ семью просвѣщенныхъ націй: можетъ быть, это даже совершится безъ внѣшняго вмѣшательства, какъ въ Китаѣ; можетъ быть, и въ ней явится какой нибудь реформаторъ, свой Петръ великій.

Но это будетъ для нея трудная минута. Какъ дѣти, которыя долго не росли и не развивались, подвергаются опасности, когда они вдругъ начинаютъ рости и развиваться,—такъ точно и народы. Эпоха великихъ внутреннихъ реформъ сопровождается большими общественными

страданіями. Люди, совершающіе эти преобразованія, должны неизбѣжно быть людьми сильными, рѣшительными, непреклонными, потому что для борьбы съ понятіями и привычками цѣлаго народа нужны страшныя силы, и только человѣкъ необыкновенно богатый способностями, не останавливающійся ни предъ какою опасностію и ни передъ какимъ сопротивленіемъ, можетъ вступить въ эту борьбу.

Таковъ былъ нашъ преобразователь.—Тяжело досталось русскому народу его возрожденіе; можетъ быть, желѣзная рука Петра, давя его въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ, повредила на время его неразвитые члены,—но только на время. Та же самая рука вливала въ оскудѣвшія жилы этого народа всепобѣждающее лекарство,—просвѣщеніе,—и вотъ почему народъ этотъ, въ которомъ медленно и слабо струилась жизнь въ продолженіе 8 слишкомъ вѣковъ, въ продолженіе послѣднихъ 150 лѣтъ начинаетъ производить изъ среды себя и поэтовъ, и художниковъ, и ученыхъ, и полководцевъ, и промышленниковъ (*).

(*) Оканчивая этотъ выпускъ, авторъ не можетъ не выразить сожалѣнія, что не могъ воспользоваться только что вышедшимъ трудомъ г. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧТЕНІЕ

изъ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

[redacted]

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 18 декабря 1862 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

I.

Характеръ Петрова царствованія въ сравненіи съ послѣдующими.— Неопредѣленность престолонаслѣдія. — Между сановниками образуются двѣ партіи: за великаго князя Петра и за Императрицу.— Екатерина объясняется съ своими приверженцами.— Меньшиковъ и Бассевичъ.— Өеофанъ Прокоповичъ.—Екатерина провозглашена царствующею Государынею.—Награды и милости.—Малороссійскія дѣла- Полуботокъ и пр.—Подметныя письма и народные толки.—Всеобщая распущенность.—Иностранное вліяніе.—Виды на Курляндію и замыслы Меньшикова.—Новыя партіи по поводу престолонаслѣдія.—Замыслы Толстаго, Девіера и пр.—Меньшиковъ поддерживаетъ права великаго князя.—Завѣщаніе и смерть Екатерины.

Со смертію Петра оканчивается тяжелая, но великая эпоха преобразованія. Кипучая дѣятельность преобразователя носилась надъ всею русскою землею; всему давала жизнь, все приводила въ движеніе; теперь мы увидимъ совсѣмъ другое. «Все остановилось, все заснуло», читаемъ мы почти у всѣхъ современниковъ, писавшихъ объ эпохѣ, послѣдовавшей за смертью Петра. До сихъ поръ мы говорили о дѣйствіяхъ правительства; о томъ, какъ на эти дѣйствія смотрѣлъ народъ; что одобрялъ, чему не сочувствовалъ; видѣли, какъ завоевывались области, необходимыя для

благоденствія Россіи; видѣли какъ сооружались флоты, какъ проводились дороги и каналы, какъ строились гавани, какъ учреждались школы, фабрики и заводы. Въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, вся дѣятельность, вся замѣтная жизнь, все видимое движеніе сосредоточиваются при дворѣ, обнаруживаются въ мелкихъ интригахъ, въ паденіи фаворитовъ, въ возвышеніи на ихъ мѣсто другихъ, безъ достаточныхъ причинъ, какъ къ ихъ возвышенію, такъ и къ паденію ихъ.

Какъ скоро болѣзнь Государя начала грозить серьозною опасностью, возникъ трудный и щекотливый вопросъ о престолонаслѣдіи. Къ удивленію, ни одинъ русскій Царь, ни одинъ законодатель, ни одинъ соборъ земскій, не подумалъ о томъ, что это важное дѣло, на которомъ утверждается спокойствіе цѣлой страны, требуетъ положительнаго закона. Правда, со времени Московскихъ великихъ князей существовалъ обычай, что умершему Государю наслѣдуетъ его старшій сынъ, который, въ свою очередь, передаетъ скипетръ и державу своему старшему сыну. Но обычай не законъ, — хотя онъ былъ и очень силенъ въ древней Россіи; Іоаннъ III почелъ себя въ правѣ нарушить его, назначивъ себѣ преемникомъ, еще при жизни своей, меньшаго сына, помимо старшаго (что впрочемъ, имъ же и отмѣнено). Хотѣлъ, говорятъ, нарушить этотъ обычай и Царь Алексѣй, предполагая отдать престолъ меньшому изъ сыновъ своихъ, Петру; нарушилъ его народъ московскій, избравъ Петра помимо Іоанна, наконецъ нарушилъ, или правильнѣе, вовсе отмѣнилъ его Петръ, издавъ манифестъ о томъ, что царствующій Государь воленъ назначить себѣ преемникомъ кого хочетъ.

Издавая этотъ манифестъ, Петръ имѣлъ въ виду посадить на престолъ русскій того, кого онъ почелъ бы способнѣйшимъ продолжать начатое имъ дѣло, даже и не изъ среды царскаго семейства: «лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный» писалъ онъ царевичу Алексѣю, грозя лишить его наслѣдства. Цѣлью Петра слѣдовательно было упрочить установленный имъ государственный порядокъ; а между тѣмъ, этотъ манифестъ, окончательно убившій стародавній и еще уважаемый, хоть иногда и нарушаемый обычай,—этотъ законъ былъ причиною, какъ увидимъ, многихъ безпорядковъ.

Такъ какъ Государь умиралъ, и наслѣдія своего, сколько извѣстно, не завѣщалъ никому, то естественно, что всѣ знавшіе его опасное положеніе, спрашивали себя: кто же будетъ Государемъ? Петербургъ волновался. Составилась очень многочисленная партія за великаго князя Петра Алексѣевича, въ ней были всѣ, болѣе или менѣе придерживавшіеся стороны его отца, стороны „старыхъ обычаевъ“ и не любившіе иностранцевъ: Лопухины, Салтыковы, Ромодановскіе. Долгоруковы, Голицыны, Апраксины, Репнинъ, одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ петровскихъ, много сенаторовъ, нѣсколько членовъ синода. Они сходились между собою, совѣщались и рѣшили, что если Государь умретъ, то избрать его внука, и не принимать никого другаго; Императрицу нѣкоторые предполагали заключить въ монастырь вмѣстѣ съ дочерьми, Царицу же инокиню Евдокію призвать ко двору. Съ другой стороны виновники смерти царевича Алексѣя, или по крайней мѣрѣ, вліятельнѣйшіе изъ его судей, — Меньшиковъ, Толстой, также люди искренно преданные Петровымъ иде-

имъ, не имѣвшіе связей съ партіею «старыхъ обычаевъ» и ею не любимые,—Ѳеофанъ Прокоповичъ и новгородскій архіепископъ Ѳеодосій, Ягушинскій, Ушаковъ, Остерманъ и всѣ вообще иностранцы, видя опасность, также сблизились между собой. Для ихъ цѣлей, для ихъ выгодъ, для выгодъ Россіи, какъ они ихъ понимали, единственно возможная преемница умирающему Государю была Екатерина,— одна, которая, какъ можно было надѣяться, стала бы поддерживать систему преобразователя. Цесаревна Анна, выйдя за мужъ за принца голштинскаго, могла поддаться, какъ и ея женихъ, вліянію ловкаго Бассевича и окончательно подчинить Россію господству Нѣмцевъ, противъ которыхъ и то было много неудовольствія. Впрочемъ, какъ принцъ, такъ и его министръ, сами не надѣясь составить партіи въ свою пользу, примкнули къ сторонникамъ Екатерины, которая всею душою была расположена къ своему нареченному зятю.

Въ ночь на 28-е января, когда Петръ уже начиналъ томиться смертною агоніею, люди той и другой партіи ходили изъ дома въ домъ, суетились, совѣщались; ихъ слуги и адъютанты толпились въ переднихъ комнатахъ и на лѣстницѣ дворца, ожидая перваго извѣстія о смерти Государя, чтобъ съ извѣстіемъ этимъ скакать къ пославшимъ ихъ. Толстой облеталъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ могъ надѣяться привлечь на сторону Екатерины. Меньшиковъ велѣлъ перевезть государственную казну въ крѣпость, комендантъ которой былъ ему вполнѣ преданъ. Одинъ за другимъ въ теченіи этой ночи перебывали у него важнѣйшіе сановники, изъ числа тѣхъ, на расположеніе которыхъ къ Императрицѣ онъ надѣялся, или которыхъ онъ

разсчитывалъ закупить. Начальникъ Преображенскаго полка, старый генералъ Бутурлинъ, большая часть военныхъ офицеровъ, на которыхъ Меньшиковъ, какъ фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи, имѣлъ, разумѣется, большое вліяніе, обѣщали ему свое содѣйствіе.

Императрица, пишутъ, находилась безотлучно передъ постелью умирающаго, но чтобъ она не знала о стараніяхъ своихъ приверженцевъ, какъ и противниковъ, это невѣроятно. Какъ бы то ни было, въ роковую ночь, 27—28 января, Бассевичъ, осторожно отворивъ дверь въ скорбный покой, вызвалъ ее оттуда, и предупредилъ объ угрожающей ей опасности: «На васъ возложена корона,—сказалъ онъ ей,—не для того, чтобы плакать, а чтобъ царствовать». За тѣмъ онъ ввелъ ее въ комнату, гдѣ были собраны значительнѣйшіе изъ ея приверженцевъ. Обратясь къ присутствующимъ, она, въ короткихъ словахъ, представила, что десятилѣтнему ребенку царствовать въ такія трудныя времена невозможно, и что, принимая корону Русскую, она для него же, для великаго князя, сохранить ее желаетъ. На обѣщанія при этомъ были щедры, щедры были и на деньги. Привлеченный этими средствами, Ѳеодосій первый присягнулъ стоять за Екатерину; за нимъ и остальные.

Въ то время, какъ это происходило въ одной изъ залъ дворца, Государь почувствовалъ приближеніе смерти; онъ потребовалъ бумаги и перо, хотѣлъ писать, но ослабѣвшая рука его начертала нѣсколько неявственныхъ строкъ, въ которыхъ можно было лишь разобрать два слова: «отдайте все»...; за тѣмъ онъ позвалъ цесаревну Анну и силился что-то сказать ей; но шопота его невоз-

можно было разслышать. Въ началѣ шестаго часа 28 января (1725) онъ скончался.

Какъ только сдѣлалось объ этомъ извѣстно, челядинцы, наполнявшіе переднія комнаты дворца, поспѣшили разнести эту вѣсть тѣмъ, отъ которыхъ были присланы, и скоро дворецъ сталъ наполняться сановниками. Они входили смущенные, озабоченные, но видя, что большинство ихъ принадлежитъ къ одной партіи,—партіи великаго князя Петра,—они видимо ободрились, и лица ихъ приняли торжествующее выраженіе. За то, съ другой стороны, небольшое число людей, принадлежавшихъ къ приверженцамъ Екатерины, какъ напримѣръ Ягушинскій, чувствовали себя въ весьма неловкомъ положеніи. Но вотъ дверь въ боковую комнату тихонько отворилась, и изъ нея вышелъ Бассевичъ, встрѣченный недружелюбными взглядами присутствующихъ. Не смущаясь, однако, этимъ, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ собраніе, и, замѣтивъ Ягушинскаго, прижавшагося въ уголокъ, развязно подошелъ къ нему и сообщилъ ему въ полголоса, что важнѣйшіе сановники государства уже присягнули Екатеринѣ; что гвардія на ея сторонѣ, а государственная казна въ ея рукахъ. Вообще, сказалъ онъ «у насъ гораздо болѣе приверженцевъ, нежели полагаютъ; вы можете сообщить объ этомъ вашимъ друзьямъ, и посовѣтовать имъ пристроиться къ намъ, если они дорожатъ своими головами». Ягушинскій видимо просіялъ отъ этихъ словъ, и поспѣшилъ передать ихъ своему тестю, графу Головкину; тотъ шепнулъ еще кое-кому, и въ нѣсколько игновеній извѣстіе облетѣло всю залу. Бассевичъ съ торжествующею улыбкою слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ его сло-

вами, и когда замѣтилъ, что они сдѣлались извѣстными всему собранію, подошелъ къ окну и сдѣлалъ какой-то знакъ головою: это было сигналомъ, на который немедленно отвѣтствовалъ барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ. Что это значитъ, воскликнулъ Репнинъ, бывшій въ это время президентомъ военной коллегіи, и кто смѣлъ распорядиться войсками помимо меня?

«Я, отвѣчалъ Бутурлинъ, я сдѣлалъ это, по приказанію Всемилостивѣйшей Государыни нашей Императрицы Екатерины Алексѣевны».

Въ эту минуту, съ гордо снисходительнымъ видомъ, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, князь Меньшиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Императрица, поддерживаемая герцогомъ голштинскимъ. Отеревъ слезы и отвѣтивъ на безмолвные, холодные поклоны присутствующихъ, снисходительнымъ наклоненіемъ головы, она сказала собранію, что, согласно волѣ покойнаго Государя, возложившаго на нее корону, она посвятитъ дни свои тяжкому труду правленія и будетъ стараться приготовить великаго князя такъ, чтобъ онъ сдѣлался достойнымъ того, кого теперь всѣ оплакиваютъ. На слова эти Меньшиковъ отвѣтствовалъ, что столь важное объявленіе требуетъ со стороны собравшихся здѣсь великихъ сановниковъ зрѣлаго обсужденія, и просилъ позволенія удалиться для этого въ особую комнату. Присутствующіе перешли въ одинъ изъ сосѣднихъ покоевъ и заперли за собою дверь.

Приверженцы великаго князя, Петра видя, что побѣда отъ нихъ ускользаетъ, пошли на сдѣлки: они предложили провозгласить Государемъ Петра Алексѣевича,

Императрицѣ же поручить управленіе государствомъ до его совершеннолѣтія. Но это было отвергнуто. Обратясь къ кабинетъ-секретарю государеву, Макарову, Меньшиковъ спросилъ: не оставилъ ли покойный Императоръ какого либо завѣщанія. Макаровъ отвѣчалъ, что не задолго до послѣдней поѣздки своей въ Москву, для коронованія Екатерины, Государь разорвалъ при немъ, Макаровѣ, сдѣланное имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ завѣщаніе и иногда послѣ того выражалъ намѣреніе составить новое, при чемъ,—прибавилъ Макаровъ,—Государь не разъ сказывалъ, что его намѣренія, въ этомъ отношеніи, должны быть понятны для всякаго.

Макаровъ не сказалъ ничего положительнаго, но можно думать, что онъ намекалъ на коронованіе Императрицы, приверженцы которой, не безъ намѣренія конечно, старались въ послѣднее время, придать этому обряду чрезвычайно знаменательное и важное значеніе. Люди противной партіи, выслушавъ слова Макарова, сказали, что они не видятъ ни въ чемъ ясно выраженной воли покойнаго Государя, и нѣкоторые изъ нихъ справедливо замѣтили, что, за недостаткомъ положительныхъ въ этомъ отношеніи указаній, ничего не остается болѣе, какъ предоставить рѣшеніе важнаго занимающаго ихъ вопроса народу. Принять это предложеніе приверженцамъ Екатерины, значило потерять всякую вѣроятность видѣть ее на престолѣ.

Тогда выступилъ ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ. Воля покойнаго Императора, замѣтилъ онъ, высказывалась не разъ довольно положительнымъ образомъ; во время послѣдняго пребыванія двора въ Москвѣ, и именно нака-

нунѣ торжества коронованія Императицы, Государь, съ нѣсколькими преданнѣйшими ему слугами, проводилъ вечеръ у одного англійскаго негоціанта и тамъ положительно выразилъ, что возлагаетъ корону на супругу свою, съ тѣмъ, чтобы вѣнчанная Императрица, въ случаѣ бездѣтной смерти, ему наслѣдовала. Ссылаюсь въ этомъ, заключилъ Ѳеофанъ, на всѣхъ тогда присутствовавшихъ, и между прочимъ на великаго канцлера. Смущенный Головкинъ отвѣтилъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ головы, а Меньшиковъ поспѣшилъ воскликнуть: «Какого же еще другаго удостовѣренія намъ надо? вотъ словесно выраженная воля и завѣщаніе нашего Государя и благодѣтеля. Первѣйшіе сановники свѣтскаго и духовнаго чина засвидѣтельствовали намъ ихъ; можемъ ли имъ не вѣрить?... Вѣримъ вамъ, отцы и братья, и восклицаемъ *«да здравствуетъ Императрица Екатерина!»* Смѣлое, рѣшительное движеніе обыкновенно увлекаетъ въ подобныхъ случаяхъ: нѣсколько голосовъ повторило восклицаніе Меньшикова; ни одинъ не осмѣлился возвыситься для протеста.

Такъ совершилось вступленіе на престолъ Екатерины I, подробно описанное участниками этого дѣла, Бассевичемъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Принявъ привѣтствіе бывшихъ на-лицо сановниковъ, новая Императрица подошла къ окну, чтобъ показаться выстроенной вокругъ дворца гвардіи, и толпившемуся народу. Пригоршни мелкаго серебра полетѣли внизъ; народъ и гвардія закричали *ура!* Ввечеру былъ отпечатанъ манифестъ о вступленіи на престолъ новой Государыни, и разосланъ во всѣ концы Россіи.

Избраніе было совершено. Екатерина вступила на престолъ Рюриковичей и Романовыхъ; но прочно ли было

новое ея положеніе? въ этомъ должны были сомнѣваться тѣ самые люди, которые доставили ей корону. Сенаторы, генералитетъ, вообще всѣ сановники, бывшіе во дворцѣ въ утро 28 января, были захвачены врасплохъ; они не имѣли духа оспаривать разсказъ, не весьма правдоподобный, Өеофана Прокоповича и дерзкій изъ него выводъ Меньшикова. Ихъ устрашили восклицанія гвардіи; но они могли одуматься, собравшись вмѣстѣ составить протестъ: гвардія могла быть возбуждена къ другимъ крикамъ!..

Противъ всѣхъ этихъ случайностей были немедленно приняты мѣры. Гвардіи роздано 50,000 рублей; Бутурлинъ, Девіеръ и Ушаковъ сдѣланы сенаторами; сенаторомъ же былъ сдѣланъ одинъ изъ членовъ знатной и многочисленной фамиліи Долгоруковыхъ; сынъ его опредѣленъ гофъ-юнкеромъ къ великому князю. Нѣсколько другихъ членовъ этой фамиліи, нѣсколько Голицыныхъ, большое количество представителей другихъ знатныхъ фамилій получили награды и повышенія. Вообще новое правительство поспѣшило привлечь богатую вліятельную знать. Михайло Голицынъ, командовавшій войсками въ Кіевѣ, и со стороны котораго боялись сопротивленія, былъ оттуда вызванъ; и онъ и братъ его Дмитрій, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сенаторовъ, были осыпаны ласками и милостями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось принять противъ нихъ совсѣмъ другія мѣры, еслибъ они стали слишкомъ упорствовать. Въ тоже время вызваны изъ изгнанія Шафировъ, издавна преданный Императрицѣ и ея ближайшій другъ, генеральша Балкъ; Меньшикову даны новыя, обширныя земли въ Малороссіи; Толстому тоже; многіе изъ тѣхъ, кто оказался полезнымъ, или кто казался

опаснымъ, сдѣланы кавалерами вновь учрежденнаго ордена Св. Александра Невскаго. Наконецъ прощены были многія недоимки, уменьшены нѣкоторыя подати, помиловано большое число людей, обвиненныхъ по суду.

Была минута, когда, казалось, новое правительство станетъ на твердую ногу и пріобрѣтетъ вліяніе и уваженіе: въ началѣ 1726 года былъ учрежденъ такъ называемый верховный тайный совѣтъ. Много говорили объ этомъ учрежденіи какъ только прошелъ о немъ первый слухъ; одинъ изъ иностранныхъ резидентовъ въ Петербургѣ писалъ своему двору, что это первый шагъ къ формѣ правленія, подобной англійскому; въ Россіи тоже иные были не далеки отъ этой мысли, тогда какъ другіе, напротивъ того, боялись, что верховный совѣтъ только усилитъ власть нѣсколькихъ временщиковъ. Сенатъ очень оскорблялся и былъ недоволенъ, что новое правительственное мѣсто будетъ выше его.

Какъ бы то ни было, верховный совѣтъ былъ учрежденъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ значительнѣйшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы, именемъ которой онъ и дѣйствовалъ, давая указы всѣмъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ, не исключая сената, и рѣшая всѣ важнѣйшіе вопросы по дѣламъ военнымъ, дипломатическимъ, финансовымъ и пр. Самыя первыя засѣданія этого совѣта были очень любопытны и важны; въ нихъ было обращено вниманіе на то положеніе, въ которомъ находилась въ то время Россія, и положеніе это вообще признано далеко неудовлетворительнымъ; указано было на существовавшія повсюду злоупотребленія, на недостатокъ правосудія, на бѣдственное

состояніе крестьянъ. За тѣмъ членамъ совѣта было поручено составить предположенія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя увеличили бы благосостояніе народа, умножили его богатство, изгнали неправосудіе изъ судовъ, прекратили бы побѣги и проч. Но на этомъ-то и споткнулся верховный совѣтъ. Онъ былъ довольно просвѣщенъ и проницателенъ, чтобъ замѣтить существующее зло, открыть несовершенства въ дѣлахъ Петра великаго, но когда дѣло дошло до того, чтобъ указать путь къ улучшеніямъ,—критики Петровы оказались несостоятельными и не могли придумать ничего, что заслуживало бы вниманіе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже испортили Петровы законы. Такъ напримѣръ Петръ старался дать купечеству самостоятельность и городамъ самоуправленіе, дозволивъ имъ имѣть свои особыя управленія, подчинивъ городскимъ магистратамъ полицію и т. п. Новые законодатели это уничтожили, находя, что подчиненіе городовъ губернаторамъ и воеводамъ доставитъ имъ со стороны этихъ послѣднихъ защиту и покровительство. Это могло быть и справедливо въ иныхъ случаяхъ, но тѣ, которые принимали на себя исправленіе Петровыхъ законовъ, забывали, что городъ, поставленный въ необходимость искать опоры и надѣяться на покровителей, не станетъ заботиться о развитіи своей торговли и промышленности, о своемъ хозяйствѣ и просвѣщеніи и возложитъ это на тѣхъ же покровителей. При Петрѣ нѣкоторыя должности, даже въ арміи, были замѣщаемы по выбору; теперь это было уничтожено по той причинѣ, что при выборахъ этихъ случались злоупотребленія. Но злоупотребленія неизбѣжны въ человѣческомъ обществѣ, особенно малораз-

витомъ,—а ничто такъ не воспитываетъ въ людяхъ, съ одной стороны, благороднаго честолюбія, а съ другой, сознанія долга, уваженія къ закону и повиновенія къ власти, какъ право избирать своихъ правителей. Верховный совѣтъ замѣтилъ, что Петромъ первымъ было установлено слишкомъ много властей, содержаніе которыхъ обходилось государству дорого и замедляло дѣло. Это опять-таки могло быть справедливо, но сомнительно, чтобъ правосудіе выиграло отъ того, напримѣръ, что учрежденные Петромъ надворные суды были уничтожены и рѣшеніе тяжбъ было, по старинному, предоставлено воеводамъ и комендантамъ. Тяжба можетъ быть и точно разрѣшалась комендантомъ скорѣе, нежели судомъ, но справедливо ли? вотъ главный вопросъ. Судья, зная одно свое дѣло,—судить,—конечно, можетъ лучше ознакомиться съ законами, нежели комендантъ, который сегодня судитъ, а завтра взыскиваетъ недоимки или размѣщаетъ солдатъ по квартирамъ, который хозяйничаетъ, управляетъ, распоряжается и по этому самому очень часто принужденъ преслѣдовать сегодня человѣка, котораго завтра будетъ судить; возможно ли, чтобъ онъ сохранилъ въ такомъ случаѣ безпристрастіе?

Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ нанесъ свою слабую, неискусную руку на дѣло Петра, и едва коснувшись онаго, какъ будто почувствовавъ свою несостоятельность, остановился. Его строгая критика не произвела ничего положительнаго, ничего важнаго, оправдывая старинную французскую поговорку: la critique est aisée, mais l'art est difficile (*).

(*) Легче осуждать, чѣмъ самому дѣлать.

Сдѣлавши нѣсколько неудачныхъ попытокъ преобразованій, совѣтъ успокоился и предался той апатіи, которая всюду воцарилась послѣ смерти Петра. «Россія похожа на корабль, у котораго кормчій и матросы покоятся глубокимъ сномъ», писалъ одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ, бывшихъ въ Россіи, своему двору. «Единственное, на что обращено теперь вниманіе,—доносилъ другой посланникъ,—это очищеніе казначейства. Впрочемъ, и эта работа приходитъ къ концу». И точно, безпорядокъ былъ такъ великъ, что петербургское адмиралтейство однажды принуждено было занимать у генералъ-адмирала Апраксина собственныя его деньги.

Понятно, что такое положеніе дѣлъ не могло нравиться никому, кромѣ развѣ тѣхъ, которые находили въ томъ личную выгоду, и уваженіе къ правительству ослабѣвало. С.-петербургскій архіепископъ Ѳеодосій однажды пожелалъ видѣть Императрицу, но не былъ ею принятъ. Зная очень хорошо, что она занята не дѣлами, не засѣдаетъ въ верховномъ совѣтѣ, или сенатѣ, а что она большую часть времени «гуляетъ въ огородѣ», какъ это и свидѣтельствуетъ гофъ-фурьерскій журналъ (*), или же отдыхаетъ отъ этихъ гуляній, нетерпѣливый, заносчивый монахъ выразился рѣзко и объявилъ, что нога его не будетъ болѣе во дворцѣ. Онъ былъ за это разстриженъ и сосланъ въ вѣчное заточеніе, но слово его было сказано, а слово не умираетъ.

Во всѣхъ классахъ народа замѣтно было глухое не-

(*) Это журналъ частной жизни нашихъ Государей, въ который вносилось, когда они вставали, куда выѣзжали, кого принимали и т. п.

удовольствіе и ходили безпокойные слухи. Говорили, что князь М. М. Голицынъ собирается поднять Украйну, гдѣ онъ командовалъ войсками, и низвергнуть Императрицу; на престолъ же возвести великаго князя съ ограниченіемъ власти; въ Петербургѣ и Москвѣ появилось множество пасквилей и подметныхъ писемъ, которыя смѣло поднимали вопросъ о престолонаслѣдіи и выражали сочувствіе прямому отпрыску царскаго корня, великому князю Петру. Не взирая на все усердіе начальника тайной канцеляріи, графа Толстаго, сочинителей этихъ подметныхъ писемъ найти было нельзя, но какъ они сильно безпокоили правительство, то было предположеніе предать ихъ церковному проклятію... Эта странная мѣра однакожъ не состоялась; вмѣсто нея ограничились перепечаткою извѣстной уже намъ брошюры Ѳеофана Прокоповича: «Правда воли монаршей», которая очень ученымъ образомъ доказывала право Государя назначать себѣ преемникомъ кого онъ хочетъ.

Остерманъ, сдѣланный членомъ верховнаго совѣта, озабочиваясь такою шаткостію дѣлъ, придумалъ средство сообщить правительству болѣе прочное положеніе, а именно онъ совѣтовалъ немедленно объявить наслѣдникомъ престола великаго князя и обручить его съ цесаревною Елисаветою. Этимъ союзомъ онъ надѣялся связать между собою приверженцовъ отца Петра Алексѣевича и тѣхъ, которые свято чтили память покойнаго Императора. Мысль Остермана была сама по себѣ хороша, но, не говоря о томъ, что цесаревна была 7-ю годами старше великаго князя (которому было не болѣе 10 лѣтъ) можно крѣпко усомниться, чтобы бракъ племянника съ родною теткою

Всѣ эти промахи, эта несостоятельность ве
та передъ труднымъ положеніемъ, въ кот
› поставленъ, скоро лишили его уваженія.]
› скоро какъ будто махнулъ рукою на все і
›грузился въ апатію.

При этомъ всеобщемъ уклоненіи отъ заботъ
›да, вся дѣятельность петербургскихъ санов
ворныхъ, была натурально обращена на ус
твенныхъ своихъ дѣлъ, на улучшеніе соб
›женія. Покойный Государь щедро награждалъ
'олько заслуги; теперь можно было достигнуті
штурмуя непріятельскихъ окоповъ, не рыская і
льнымъ тогдашнимъ дорогамъ изъ конца въ
›сему обширному русскому царству, не роясі
›, не заглядывая въ сенатъ и коллегіи. Нагр
тва, почестей, можно было добиться горазд
дая герцогу голштинскому и его двору, Мен
о семейству, прогуливаясь въ свитѣ Императ
іяго сада въ Екатерин... или Петергофѣ... М

изъ современниковъ говоритъ, что онъ разъигрывалъ во дворцѣ роль адъютанта или, скорѣе, камердинера.

Соотвѣтственно этому пониженію петербургскаго двора, усилились при немъ вліянія дворовъ иностранныхъ. Графъ Рабутинъ, посолъ германскаго, или, какъ тогда говорили, цесарскаго, императора, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ людей и ближайшихъ совѣтниковъ у Императрицы, такъ что русскіе министры принуждены были искать поддержки и покровительства этого иноземца; съ другой стороны, почти всѣ вліятельные при дворѣ люди получали пенсіи отъ иностранныхъ государей. Вмѣсто политики Петра, столь національной, столь настойчиво и даже иногда эгоистично имѣвшей ввиду интересы Россіи, одной только Россіи, русская дипломація, стала служить теперь интересамъ другихъ государствъ къ собственному ущербу; втянулась въ бывшую тогда распрю западныхъ государствъ между собой, не имѣя въ этомъ ни малѣйшаго интереса; связала себя союзомъ съ Австріей, который могъ быть выгоденъ только для послѣдней, наконецъ едва не вовлекла Россію въ войну изъ за желанья устроить дѣла герцога голштинскаго,—а этотъ герцогъ голштинскій, проживъ въ Россіи 7 лѣтъ, не выучился ни одному русскому слову; получая безпрестанные подарки отъ русскаго двора, не умѣлъ заставить своихъ совѣтниковъ и кавалеровъ прилично вести себя въ отношеніи хозяевъ края, наконецъ, женившись на цесаревнѣ Аннѣ, черезъ три мѣсяца послѣ смерти ея отца, сталъ вести себя въ отношеніи къ ней самымъ неприличнымъ образомъ.

Вся эта слабость и неспособность правительственныхъ лицъ, это неудовольствіе, обхватившее весь народъ, нату-

рально не укрылась отъ другихъ дворовъ; мы видѣли, какіе отзывы сообщали имъ петербургскіе ихъ резиденты. Швеція, которая не могла забыть тяжкихъ условій Ништатскаго мира, стала замышлять, чтобъ какъ нибудь воспользоваться настоящимъ положеніемъ Россіи, и съ этою цѣлію заключила союзъ съ Англіей и Франціей. Дабы предупредить разрывъ съ нею, въ Стокгольмъ былъ посланъ самый, можетъ быть, ловкій нашъ дипломатъ тогдашняго времени, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Онъ сыпалъ деньгами, подкупалъ министровъ и вліятельныхъ людей, то ласкалъ, то грозилъ высадкою на шведскіе берега, но не успѣлъ ни привлечь, ни устрашить; да это было еще и тѣмъ труднѣе, что Меньшиковъ, первый сановникъ русской имперіи, получая жалованье отъ шведскаго двора, передавалъ ему все, что говорилось и предполагалось въ верховномъ совѣтѣ, и между прочимъ обнадеживалъ, что, не смотря на всѣ угрозы, ему нечего бояться, потому что, писалъ онъ, войско въ моихъ рукахъ!...

Мало этого, мы были въ весьма щекотливыхъ отношеніяхъ къ союзникамъ Швеціи; англійскіе корабли покрывали Балтійское море и дерзко показывались передъ ревельскими укрѣпленіями, а въ тоже время дипломація наша едва не накликала на насъ войны съ другой стороны, по поводу ссоры съ Польшею за Курляндію.

Мы нѣсколько разъ уже упоминали о Курляндіи. Съ XVI-го вѣка, она, подъ именемъ герцогства Курляндскаго, составляла часть Польско-Литовскаго государства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія, свое войско, свою монету, и управлялась герцогами, потомками *знаменитаго* Готгарда Кетлера, которые, впрочемъ, при-

знавали надъ собой господство короля польскаго. Не взирая на двухъ-вѣковыя близкія отношенія Польши и Курляндіи, между ними не было ни дружества, ни сочувствія. Курляндскіе бароны, нѣмцы по происхожденію, потомки рыцарей, завоевавшихъ нѣкогда восточное прибрежье Балтійскаго моря, считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше Поляковъ. Въ своихъ старинныхъ зȧмкахъ, построенныхъ еще во времена завоеванія, курляндское дворянство продолжало мечтать о феодальныхъ временахъ, украшало свои старинные зȧмки портретами предковъ въ стальныхъ латахъ, шлемахъ и забралахъ, развѣшивало въ своихъ готическихъ залахъ тяжелые мечи и панцыри прадѣдовъ на оленьи рога и заботилось только о томъ, чтобы какая нибудь новизна не измѣнила нечаянно ихъ средневѣковыхъ учрежденій и понятій.

Польское правительство, напротивъ того, очень думало объ измѣненіи многаго въ Курляндіи; какъ въ отношеніи Литвы и Руси (западной) оно издавна принимало всѣ возможныя мѣры къ уничтоженію ихъ особливости, ихъ національнаго характера, къ обращенію ихъ въ чистую Польшу, такъ пробовало оно дѣлать и въ Курляндіи,—но не имѣло здѣсь ни малѣйшаго успѣха и только возбуждало противъ себя неудовольствіе курляндскаго дворянства, которое, какъ мы видѣли въ началѣ шведской войны, обнаружило полнѣйшее и весьма выразительное равнодушіе къ интересамъ польскаго короля и польской короны.

Во время войны этой, русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго въ ней квартировали; эти военныя прогулки и постои не могли, конечно, нравиться Курляндцамъ, но положили однакожъ начало прочныхъ

сношеній между ними и Россіею. Возвращавшійся черезъ Митаву Полтавскій побѣдитель былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ; брачный союзъ молодаго герцога съ царевною Анною вообще былъ одобряемъ. Къ сожалѣнію, герцогъ этотъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, на обратномъ пути въ Митаву, проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ какъ дѣтей у него не осталось, и династія Кетлера съ нимъ прекращалась, то родился вопросъ: не оканчивается ли обязательство, данное родоначальникомъ этой династіи относительно подданства Польшѣ, и не можетъ ли герцогство считать себя теперь независимымъ?

Польское правительство не дало однакожъ утвердиться этимъ опаснымъ для него идеямъ и назначило для замѣщенія герцогскаго трона дядю умершаго герцога, ничтожнаго старика, нелюбимаго въ Курляндіи, но преданнаго Польшѣ, и католика. Старикъ этотъ, какъ прежде жилъ, такъ и теперь продолжалъ жить въ Гданскѣ, городѣ, принадлежавшемъ Польшѣ, слѣдовательно внѣ своего герцогства. За то вдовствующая герцогиня (Анна Іоанновна) утвердила свою резиденцію въ Митавѣ; она не вмѣшивалась, правда, въ управленіе, но способствовала усиленію въ Курляндіи русскаго вліянія; она составила маленькій дворъ, въ которомъ сближались между собою бывшіе при ней Русскіе и Курляндцы, а также отчасти польскіе магнаты изъ ближайшихъ къ Курляндіи польскихъ воеводствъ.

Между тѣмъ, такъ какъ старый герцогъ былъ бездѣтенъ, то мысль о томъ, что̀ станется съ Курляндіею послѣ его смерти, не переставала занимать умы. Въ *Варшавѣ полагали*, что герцогство должно быть въ та-

комъ случаѣ присоединено къ Польшѣ; въ Курляндіи думали, какъ мы знаемъ, совершенно иначе, и чтобъ положить начало самостоятельности ея, придумали предложить наслѣдіе Кетлеровъ человѣку довольно самостоятельному, чтобы не быть орудіемъ варшавской политики и имѣющему довольно много друзей въ Польшѣ, чтобъ найти въ ней самой поддержку.

Такимъ человѣкомъ казался Курляндцамъ сынъ короля Августа, графъ Морицъ Саксонскій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей своего времени. Начались тайные переговоры; онъ охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе; Августъ взялся поддерживать его всѣми силами и однажды, совершенно неожиданно для варшавскаго сената, Морицъ былъ избранъ въ Митавѣ наслѣднымъ герцогомъ курляндскимъ съ тѣмъ, чтобы ему жениться на Аннѣ Іоанновнѣ.

Казалось бы это весьма хорошо согласовалось съ нашими интересами: Курляндцы сами подавали намъ руку. Но совершенно случайное обстоятельство дало другое направленіе нашей политикѣ: Меньшикову захотѣлось быть самому курляндскимъ герцогомъ. Онъ поскакалъ въ Митаву, ласкалъ, грозилъ, сыпалъ деньгами, но Курляндцы не согласились отмѣнить прежній свой выборъ, а между тѣмъ, варшавскій дворъ справедливо вознегодовалъ на такую странную и беззаконную претензію Меньшикова и дѣло доходило до разрыва. По счастію, въ отсутствіе Меньшикова изъ Петербурга, тамъ успѣли поколебать его кредитъ въ глазахъ Императрицы и представить, что его личный интересъ грозитъ Россіи войной въ весьма опасную минуту. Онъ былъ отозванъ. Съ своей стороны и Морицъ долженъ былъ оставить Курляндію; Польшѣ также

не удалось присоединить ее къ своимъ землямъ и вообще дѣла въ этой сторонѣ были оставлены въ прежнемъ положеніи до смерти престарѣлаго герцога. Политика русская, благодаря непомѣрному самолюбію Меньшикова, потерпѣла пораженіе, да и самое вліяніе наше въ Курляндіи на нѣкоторое время поколебалось. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ и чѣмъ развязались наши отношенія къ ней, а теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ Россіи, или, правильнѣе, въ Петербургѣ, потому что вся жизнь сосредоточилась въ немъ одномъ, въ интригахъ и пререканіяхъ между собою петербургскихъ сановниковъ и любимцевъ.

Безпримѣрное возвышеніе Меньшикова, его постыдная жадность, самовластіе и высокомѣріе, участіе его въ дѣлѣ царевича и многія другія непохвальныя черты его жизни сдѣлали его предметомъ почти всеобщей, хотя и боязливой ненависти. «У него столько же враговъ, сколько волосъ на головѣ», сказалъ одинъ современникъ. Въ настоящее царствованіе онъ пріобрѣлъ такое значеніе, которое не имѣло себѣ подобныхъ; самъ герцогъ голштинскій, зять Императрицы, видѣлъ необходимость въ немъ заискивать. Но именно въ это же время онъ едва не былъ низвергнутъ съ высоты своего величія. Поступки его въ Курляндіи, неслыханно дерзкіе и насильственные, опасность разрыва съ Польшею, которой онъ подвергалъ Россію, все это возбудило во время бытности его въ Курляндіи противъ него въ Петербургѣ общее негодованіе, тѣмъ болѣе сильное и открытое, что его не *было* на лицо. Кто именно рѣшился возвысить голосъ *противъ всесильнаго* фаворита, не знаемъ; извѣстно только,

что Анпа Іоанновна, огорченная невозможностію связать судьбу свою съ судьбою Морица Саксонскаго, горько жаловалась въ Петербургѣ на Меньшикова; есть основаніе думать, что сильно подрывался подъ него Остерманъ; вѣроятно не безмолвствовали при этомъ удобномъ случаѣ люди старинной партіи, а равно и голштинскій дворъ,— словомъ всѣ многочисленные враги его; наряжена была коммисія для изслѣдованія всѣхъ беззаконій Меньшикова. Но онъ, наконецъ, явился въ Петербургъ и достаточно было появленія его передъ Императрицею, чтобы обратить въ прахъ всѣ направленные противъ него замыслы.

Между тѣмъ здоровье Императрицы сильно разстроилось и вопросъ о престолонаслѣдіи снова начиналъ заботить, если не народъ (потому что вся Россія считала великаго князя Петра законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ), то придворныхъ. Для нихъ вопросъ этотъ былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ. Съ мыслію о воцареніи Петра Алексѣевича связывалась мысль о преобладаніи людей старыхъ обычаевъ, бывшихъ друзей его отца, а это было противно «птенцамъ Петра Великаго» и опасно для тѣхъ, которые участвовали въ судѣ надъ царевичемъ. Если онъ будетъ Государемъ, то, конечно, вызоветъ свою бабку (Евдокію), «а она нраву особливаго, жестокосердна, захочетъ выместить злобу», разсуждали они между собою; да и самъ великій князь можетъ пожелать при случаѣ отмстить за отца. По этому, Толстой, Ушаковъ и нѣкоторые другіе изъ Петровыхъ сотрудниковъ рѣшили, что наслѣдовать Императрицѣ должна одна изъ ея дочерей, или даже, разсуждали они, и обѣ вмѣстѣ.

Очень натурально, что въ числѣ такихъ радѣтелей о благѣ Россіи, были герцогъ голштинскій и графъ Бассевичъ.

Къ удивленію, между ними не было Меньшикова, хотя онъ имѣлъ всѣ тѣ же причины опасаться воцаренія великаго князя Петра. Но этотъ чрезвычайно дальновидный и смѣлый человѣкъ разсуждалъ иначе. Въ послѣднее время вліяніе его на Императрицу и ея къ нему расположеніе сдѣлались безграничны; щедрые ея подарки довели состояніе Меньшикова до страшной цифры 100,000 душъ; не зная, какъ отличить его отъ всѣхъ другихъ подданныхъ, она возложила на его сына Екатерининскій орденъ, созданный исключительно для женщинъ. Будучи въ такомъ положеніи, Меньшикову не могла улыбаться мысль, сдѣлаться, въ случаѣ воцаренія Анны Петровны, соперникомъ какого нибудь Бассевича, который теперь передъ нимъ ухаживалъ и изгибался. По этому онъ сталъ пріучать Императрицу, ослабѣвавшую и тѣломъ и духомъ, къ мысли, женить великаго князя на его, Меньшикова, дочери....

Какъ ни тайно велъ онъ объ этомъ рѣчь съ Императрицей, затѣя его сдѣлалась извѣстна Толстому (не даромъ же онъ былъ начальникомъ тайной канцеляріи!). Толстой ужаснулся. Самый сильный и постоянный его союзникъ покидалъ его и переходилъ, по видимому, на сторону его противниковъ. Толстой кинулся къ герцогу голштинскому; тотъ къ Императрицѣ. Ей представляли объ опасности отдать всю власть въ руки Меньшикова; *говорили*, что неприлично царствующему дому вступать *въ родственныя* связи съ подданнымъ; совѣтовали послать

за границу великаго князя, для довершенія его образованія (думая воспользоваться его отсутствіемъ, чтобъ возвести на престолъ одну изъ цесаревнъ), говорили, что мать должна выше всего ставить интересы дѣтей своихъ (цесаревнъ). Толстой даже грозилъ Императрицѣ, что всѣ ее покинутъ. Ничто не помогло; Меньшиковъ одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ и жестоко наказалъ ихъ.

Во время предсмертной болѣзни Государыни, Девіеръ, находясь во дворцѣ, имѣлъ неосторожность сказать одной изъ ея приближенныхъ: «не надобно плакать». Цесаревнѣ Аннѣ, вышедшей въ тоже время изъ комнаты больной, онъ же сказалъ: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина»; не всталъ передъ нею, и смѣялся въ то время, когда слѣдовало быть огорченнымъ. За таковыя «продерзости» Девіеръ былъ преданъ суду. Съ разспросовъ и пытокъ, онъ оговорилъ Толстаго, Ушакова, Скорнякова-Писарева,— креатуру Меньшикова,—старика Бутурлина, одного изъ Нарышкиныхъ, и того Долгорукаго, который состоялъ при великомъ князѣ. Открылось также и сообщничество съ ними герцога голштинскаго. Всѣ эти люди, кромѣ герцога, были привлечены къ суду. Такъ какъ Императрица видимо угасала, то судъ дѣйствовалъ съ необыкновенною поспѣшностію; въ десять дней онъ окончилъ свое дѣло, и Императрица, за нѣсколько часовъ до своей смерти, подписала приговоръ: Девіера и Скорнякова-Писарева бить кнутомъ и сослать; Толстаго, Бутурлина, Нарышкина и Ушакова сослать; Долгоруковъ, по усиленной просьбѣ великаго князя, пощаженъ.

Ввечеру того же дня, какъ состоялся этотъ приговоръ, Императрица скончалась, оставивъ духовное за-

вѣщаніе, въ которомъ, вмѣстѣ съ распоряженіями о престолонаслѣдіи и объ устройствѣ судьбы цесаревнъ, собравшіеся сановники не безъ удивленія прочли нѣкоторыя совершенно второстепенныя подробности. Наслѣдникомъ престола признавался великій князь Петръ; цесаревнамъ назначались большія денежныя суммы; имъ же, вмѣстѣ съ членами верховнаго совѣта, предоставлялось образовать изъ себя регентство, до совершеннолѣтія Государя. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица выражала желаніе, чтобъ великій князь сочетался бракомъ съ княжною Меньшиковою, чтобы приняты были мѣры къ возвращенію герцогу голштинскому его владѣній, пріобрѣтенныхъ въ послѣднюю войну Даніей; наконецъ, чтобъ для голштинскаго посольства былъ купленъ домъ на счетъ русской казны, и въ заключеніе было предоставлено германскому императору наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого страннаго завѣщанія, написаннаго, какъ справедливо предполагали современники, Меньшиковымъ, Бассевичемъ и Рабутинымъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА II.

Вступленіе на престолъ Петра II. — Значеніе Меньшикова усиливается еще болѣе. — Государя возстановляютъ противъ него. — Нѣкоторые сдѣланные имъ промахи. — Арестъ Меньшикова и его ссылка. — Нѣсколько словъ о Меньшиковѣ. — Новые любимцы. — Голицыны и Долгоруковы. — Государь отправляется въ Москву. — Долгоруковы вполнѣ имъ овладѣваютъ. — Его образъ жизни. — Обрученіе его съ княжною Екатериною Долгоруковою. — Болѣзнь и смерть его.

Наступило второе царствованіе послѣ смерти великаго Императора. Петръ II сѣлъ на престолъ, съ котораго только что сошла Екатерина I. Мы увидимъ новыя лица, новыхъ правителей, новыхъ фаворитовъ, но найдемъ прежнее равнодушіе къ общественному благу, прежнія заботы объ удовольствіяхъ и личныхъ выгодахъ; суету въ дворцовыхъ переднихъ и совершенную безжизненность на всемъ пространствѣ Россіи. Вся глава, посвященная новому царствованію, будетъ наполнена разсказомъ о возвышеніи и паденіи фаворитовъ, о борьбѣ петербургскихъ и московскихъ сановниковъ между собою, а вся масса русскаго народа, составлявшаго около 20 мил. лицъ обоего пола, не скажется ни однимъ словомъ.

Петръ вступилъ на престолъ 6 мая 1727 года; ему не было тогда еще и 12 лѣтъ. При жизни дѣда своего, онъ оставался въ тѣни, потому что до послѣдняго времени Государь надѣялся имѣть прямыхъ наслѣдниковъ; при Императрицѣ его опасались, потому что всѣ сторонники его отца смотрѣли на него съ упованіемъ; его

держали, слѣдовательно, еще болѣе прежняго въ тѣни и забвеніи и мало заботились о его воспитаніи. Правда, первый его гофмаршалъ, Остерманъ, составилъ довольно хорошую программу для его воспитанія, но никто не наблюдалъ за ея исполненіемъ. Остерманъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами иностранной коллегіи, которыми онъ заправлялъ гораздо болѣе, нежели канцлеръ (Головкинъ), а другой гофмаршалъ великаго князя, Долгоруковъ, человѣкъ безъ образованія и съ посредственнымъ умомъ, употреблялъ все свое вліяніе только на то, чтобъ отвратить ребенка отъ дѣлъ, совершенныхъ его дѣдомъ, и вкоренить въ немъ вкусъ къ старинному барству, къ лѣни, къ псовой охотѣ. Сынъ этого Долгорукова, князь Иванъ, нѣсколькими годами старшій великаго князя, при которомъ онъ былъ гофъ-юнкеромъ, молодой человѣкъ необразованный и развратный, былъ едва ли не вреднѣе еще, чѣмъ его отецъ; первый искажалъ только понятія ребенка, второй портилъ его нравы, пріобрѣтая его неограниченную дружбу поблажкою всѣмъ дурнымъ, рано развившимся въ немъ наклонностямъ. Иванъ Долгоруковъ былъ орудіемъ въ рукахъ отца своего и его многочисленныхъ друзей и родственниковъ, посредствомъ котораго они внушали молодому царевичу свои понятія о вещахъ и людяхъ; они могли дѣлать это тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что на Ивана Долгорукова, какъ на человѣка очень еще молодаго, важные сановники, временщики и фавориты не обращали большаго вниманія. А между тѣмъ онъ принималъ очень значительное участіе въ современныхъ политическихъ интригахъ: онъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ *замыслѣ, направленномъ* противъ Меньшикова; онъ же пер-

вый открылъ великому князю неоспоримыя права его на престолъ, раздражая такимъ образомъ въ немъ властолюбіе, но, къ сожалѣнію, не заботясь сдѣлать его достойнымъ власти.

Не было и не могло быть никакихъ споровъ относительно престолонаслѣдія послѣ смерти Екатерины; всѣ единодушно присягнули Петру II; но тѣ, которые не знали близко придворныхъ тайнъ послѣдняго времени, очень должны были удивиться, увидѣвъ, что первымъ человѣкомъ при молодомъ Императорѣ остается князь Меньшиковъ, — первый судья его отца. Мы знаемъ уже, какія мѣры принялъ этотъ старый честолюбецъ, чтобъ упрочить себя въ милости новаго Государя: онъ пожертвовалъ нѣсколькими своими друзьями и старинными товарищами, которые хотѣли отстранить отъ престола Петра II, и обручилъ съ нимъ старшую свою дочь.

Въ началѣ новаго царствованія значеніе Меньшикова казалось еще сильнѣе, еще выше, чѣмъ въ предшествующее. Въ верховномъ совѣтѣ никто не смѣлъ возражать нареченному тестю Государя; принцъ голштинскій, съ которымъ онъ, со времени Девіеровой исторіи, не ладилъ, принужденъ былъ оставить Россію; Меньшиковъ на-прямки послалъ ему предложеніе отправиться за границу, потому что, велѣлъ онъ ему сказать, «ему здѣсь, *яко Шведу*, не довѣриваютъ». Такимъ образомъ, Меньшиковъ остался совершенно безъ соперниковъ и, казалось, вполнѣ подчинилъ себѣ Императора, котораго, для лучшаго за нимъ надзора, онъ перевезъ на житье въ свой домъ. Оставалось только съиграть свадьбу, возвести дочь свою на престолъ, и тогда какой же ударъ судьбы, какая интрига, какая немилость могли постигнуть царскаго тестя?

Дѣло, однако, не дошло до этой свадьбы, и чѣмъ выше было положеніе Меньшикова, тѣмъ глубже было паденіе этого баловня счастія. Въ началѣ 1727 года онъ былъ опасно боленъ—и въ это самое время, подъ глазами его слугъ и ласкателей, въ его собственномъ домѣ, противъ него возбуждали и успѣли возбудить молодаго Государя. Петръ не имѣлъ привязанности къ своей невѣстѣ, а Иванъ Долгоруковъ постарался поселить въ немъ ненависть къ ея отцу, и успѣлъ дать ему понять, что достаточно одного его слова, чтобъ обратить въ ничто этого суроваго, строгаго опекуна. По какому-то случаю петербургское купечество поднесло Государю, въ видѣ подарка, нѣсколько сотъ червонцевъ; половину изъ нихъ Петръ послалъ къ сестрѣ своей, Наталіи, которую очень любилъ. Случилось, что Меньшиковъ встрѣтилъ служителя, который несъ эти деньги, и узнавъ въ чемъ дѣло, взялъ ихъ у него, сказавъ: «Государь еще не знаетъ цѣны деньгамъ».

Петръ жестоко оскорбился такимъ безцеремоннымъ обхожденіемъ съ собою, и встрѣтивъ своего опекуна, гнѣвно сказалъ ему: «Я покажу тебѣ, что я Императоръ». Меньшиковъ однакожъ не смутился этимъ; около того же времени Петръ поѣхалъ на охоту съ Долгоруковымъ и провелъ въ полѣ цѣлый день, а время было сырое, ненастное. Меньшиковъ сдѣлалъ за это строгое замѣчаніе какъ гофъ-юнкеру, такъ и гофмаршалу Государя, Остерману; это было новою причиною неудовольствія противъ него. Остерманъ, который всѣмъ улыбался и всѣмъ кланялся, не забывалъ малѣйшихъ оскорбленій и, давно уже будучи недоволенъ чрезмѣрнымъ

преобладаніемъ Меньшикова и положеніемъ, въ которое онъ поставилъ правительство, началъ возбуждать противъ него великую княжну Наталію, которая очень уважала Остермана и имѣла вліяніе на брата. Не замѣчая всего этого, или не обращая на это вниманія, Меньшиковъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Ораніенбаумъ, гдѣ, на пустынномъ берегу Финскаго залива, онъ развелъ обширный садъ и построилъ превосходный дворецъ, столько же превосходившій и обширностію и великолѣпіемъ петергофскій Монъ-плезиръ Петра перваго, во сколько петербургскія палаты Меньшикова превосходили лѣтніе и зимніе петровскіе дворцы. Меньшиковъ прибылъ въ Ораніенбаумъ для освященія только что отдѣланной тамъ церкви и хотѣлъ отпраздновать это торжество съ великолѣпіемъ, ожидая, что и Государь при этомъ будетъ. Этимъ кратковременнымъ отсутствіемъ Меньшикова воспользовались его враги, чтобъ нанести ему окончательный ударъ; они убѣдили Государя не ѣхать въ Ораніенбаумъ и перебраться изъ дома своего нареченнаго тестя во дворецъ.

Это былъ довольно явный разрывъ съ своимъ опекуномъ и тестемъ. Но новые друзья Государевы не довольствовались этимъ: они увѣрили его, что Меньшиковъ, во время церемоніи освященія, стоялъ на царскомъ мѣстѣ,—обстоятельство, которое едва ли справедливо, и которому, если даже и допустить его, только злонамѣренныя толкованія могли придать важное значеніе. Тѣмъ не менѣе оно было представлено въ такомъ видѣ, что Государь окончательно раздражился противъ Меньшикова, и когда этотъ послѣдній, узнавъ о

всемъ, что дѣлается въ Петербургѣ, прискакалъ туда и явился во дворецъ, его не пустили.

Тогда онъ увидѣлъ, что его многолѣтніе труды и интриги, его сила и значеніе ничто передъ волею самодержавнаго ребенка. Мгновенно онъ перешелъ отъ чрезвычайной надменности къ безграничному униженію: не зная еще, въ чемъ его обвиняютъ, онъ, въ письмахъ къ Государю и къ великой княжнѣ, молилъ о пощадѣ, предлагалъ возвратить съ избыткомъ (!) деньги, которыя Государь посылалъ къ сестрѣ своей, просилъ дозволенія видѣть Государя. Въ отвѣтъ на это ему велѣно не смѣть выѣзжать изъ дома, а вслѣдъ за тѣмъ приказано отправиться изъ Петербурга и безвыѣздно жить въ принадлежавшемъ ему Ранебургѣ, нынѣ городѣ Рязанской губерніи, а въ тѣ поры бывшемъ ничѣмъ инымъ, какъ укрѣпленіемъ на границѣ степей, по которымъ рыскали партіи крымскихъ татаръ... Ударъ былъ жестокій! но этимъ не кончилось. Меньшиковъ имѣлъ неосторожность выѣзду своему изъ Петербурга придать видъ какого-то торжества: огромное количество каретъ и другихъ экипажей, верховыхъ коней, фургоновъ съ разнымъ добромъ, поваровъ, конюховъ, секретарей (всего 127 человѣкъ) тянулось черезъ весь Петербургъ, привлекая толпы любопытныхъ и въ послѣдній разъ тѣша самолюбіе Меньшикова. Но это была большая неосторожность съ его стороны. Враги его легко могли представить Государю, что видно опальному вельможѣ мало той немилости, въ которую онъ впалъ, что онъ смѣется надъ властію, его низвергшею, пренебрегаетъ ею... Они такъ и сдѣлали и безъ *труда выхлопотали* новый указъ, которымъ Меньшиковъ ли-

шался всѣхъ чиновъ, орденовъ и почетныхъ титлъ; имѣнія его отбирались въ казну, а самъ онъ, съ семействомъ, ссылался въ Березовъ,—глухой и до того времени совершенно безвѣстный городишко Тобольской губерніи. — Здѣсь нареченный тесть царскій и царская невѣста умерли, не дождавшись свободы, которая послѣдовала для другихъ членовъ этого семейства по вступленіи на престолъ Императрицы Анны.

«Погибе и прейде слава сего прегордаго Голіаѳа!» писалъ торжественно одинъ изъ современниковъ о паденіи Меньшикова.—И онъ былъ не одинъ этого мнѣнія. Меньшиковъ тяготѣлъ надъ всѣмъ близкимъ къ престолу, надъ всѣмъ, до чего простиралось его вліяніе и что отъ него ни зависѣло: а что̀ въ послѣднее время не зависѣло отъ него и на что̀ не простиралось его вліяніе! Но мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ приняли радость по поводу паденія Меньшикова за хорошее патріотическое чувство; торжествовали тѣ мелкіе честолюбцы, тщеславію которыхъ открывали большой просторъ званія и должности, оставшіяся пустыми съ удаленіемъ Меньшикова: одинъ надѣялся занять его мѣсто предсѣдателя военной коллегіи, другой его должность петербургскаго губернатора, третій радовался вакансіи въ верховномъ совѣтѣ; но едва ли не бо̀льшая часть мысленно пожирала клочки его несмѣтныхъ богатствъ: въ то время существовалъ еще дурной обычай отписывать имѣнія опальныхъ вельможъ въ казну; но обыкновенно въ казнѣ имѣнія эти оставались не долго; вслѣдъ за паденіемъ какого нибудь вельможи, его вчерашніе друзья и собраты кидались съ омерзительною жадностію просить о пожалованіи

имъ за вѣрную службу такой-то усадьбишки или такихъ-то деревнишекъ... Эта жадность къ добычѣ, это пренебреженіе къ падшему собрату дѣлали нашихъ сановниковъ прежняго времени похожихъ на волковъ, которые кидаются всею стаею на раненаго волка и разрываютъ его...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, посыпались на падшаго «Голіаѳа» и доносы, открывшіе съ его стороны страшныя беззаконія и самыя презрѣнныя продѣлки. Тогда, между прочимъ, сдѣлалась извѣстною и его переписка съ шведскимъ дворомъ, который, какъ сказано, онъ обнадеживалъ, что не допуститъ Россію до войны. Такъ же открылось, что онъ заставилъ герцога голштинскаго уплатить себѣ 60,000 руб., чтобы получить назначенную его супругѣ завѣщаніемъ Екатерины сумму, и что, выдавая ее, Меньшиковъ не додалъ ему 20,000 рублей!!...

Для разъясненія всѣхъ этихъ дѣлъ наряжено было слѣдствіе; но чѣмъ оно кончилось неизвѣстно, да, кажется, что это никого не интересовало сильно: должности Меньшикова, его имѣнія и дворцы были разобраны,—это было главное. Не за предательство онъ и палъ, а за то, что стоялъ въ церкви не на своемъ мѣстѣ, что былъ непочтителенъ къ Императору и не угодилъ его друзьямъ. Не оправдывая Меньшикова, должно однакожъ сказать, что между очень многими, падшими, подобно ему, прежде и послѣ него, мало было такихъ, которые бы съ подобнымъ ему мужествомъ переносили удары судьбы. Жизнь его въ Березовѣ до нѣкоторой степени примиряетъ съ нимъ. Жизнь эта описана во множествѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ и брошюръ, романовъ и сочиненій, имѣющихъ претензію *быть историческими*; вѣрить имъ вполнѣ нельзя, но должна

же въ нихъ быть и доля правды. Вѣрнымъ кажется по крайней мѣрѣ то, что этотъ роскошный вельможа, могущественный сановникъ и нареченный тесть царскій, собственными руками построилъ себѣ домъ въ Березовѣ и церковь, близъ которой онъ и похороненъ, и что онъ своею твердостію поддерживалъ семейство свое. Во всякомъ случаѣ мы съ гораздо большею симпатіею смотримъ на сохранившійся до сего времени его портретъ въ одеждѣ поселянина, съ длинною сѣдою бородою, нежели на тѣ, въ которыхъ онъ изображенъ окруженнымъ нечестно заслуженнымъ величіемъ.

Избавившись отъ Меньшикова, Государь объявилъ себя совершеннолѣтнимъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ далъ знать, что вступаетъ въ управленіе государствомъ и ѣдетъ короноваться въ Москву. Это послѣднее обстоятельство было совершенно согласно съ обычаями, потому что со временъ Іоанна IV всѣ государи русскіе вѣнчались на царство въ Успенскомъ соборѣ; но поѣздка въ Москву входила и въ разсчеты людей, которые въ послѣднее время очень усилились при дворѣ и пріобрѣли вліяніе на молодаго Государя.

Эти люди принадлежали къ двумъ древнимъ знаменитымъ фамиліямъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ. Голицыныхъ, то есть замѣтныхъ людей изъ этой фамиліи, было двое, — князь Михайло, старый воинъ петровыхъ войнъ, теперь фельдмаршалъ, человѣкъ способностей посредственныхъ, но честный, любимый войскомъ, уважаемый родовою знатью, и князь Дмитрій, человѣкъ большаго ума, энергическій, рѣшительный, смѣлый, властолюбивый, не любившій иноземцевъ, но хорошо знакомый съ исторіею запад-

іе; при томъ князь Алексѣй былъ сынъ о
нь почтенныхъ дипломатовъ петрова време
племянникъ знаменитаго Якова Долгорукова,
о огромное уваженіе въ обществѣ. Но сам
былъ человѣкъ незначительный и сильно ну
ѣтахъ своего отдаленнаго родственника, честн
о воина, князя Василія Владиміровича и въ
наго брата своего, князя Василія Лукича. П
ъ былъ одно время въ большой милости у П
онъ попалъ подъ его гнѣвъ за участіе въ д
а, но, бывъ возвращенъ при Екатеринѣ, сдѣ
лѣ паденія Меньшикова президентомъ военн
фельдмаршаломъ и преображенскимъ по
ъ. Что касается до Василія Лукича, то онъ бы
самыхъ образованныхъ сановниковъ того
ведшій всю жизнь въ различныхъ диплома
сіяхъ, ловкій, вкрадчивый, умный, но харак

зокъ къ Государю, но онъ скоро замѣтилъ, что положеніе его, безроднаго чужеземца, между партіями, собравшими вокругъ себя всю родовую русскую знать, очень опасно, и отчасти изъ осторожности, отчасти по необходимости скоро отступилъ съ перваго плана, рѣдко видалъ Государя и занимался исключительно дипломатическими дѣлами.

Голицыны и Долгоруковы были очень рады, что увезли Государя изъ Петербурга, города, наполненнаго иноземцами, матросами, солдатами и тѣмъ, что мы теперь называемъ чиновниками. Въ Петербургѣ дѣльцы, подобные Остерману, «бюрократы», какъ мы сказали бы теперь, могли имѣть и дѣйствительно имѣли большое значеніе; они не могли имѣть его въ Москвѣ, гдѣ не было ни сената, ни коллегій, ни верфей, ни арсеналовъ. Въ Москвѣ передъ ними открывалась Русь вельможная, Русь съ ея 800 лѣтними преданіями. Москва была, да и до сего времени окружена имѣніями родовой нашей знати, — Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Шереметевыхъ, Нарышкиныхъ; имѣнія эти не красовались дворцами, подобными ораніенбаумскому, но въ каждомъ изъ нихъ прадѣды настоящихъ владѣтелей принимали прадѣдовъ настоящаго Государя, старинные портреты украшали древнія ихъ стѣны, многія поколѣнія предковъ покоились подъ узорчатыми церковными плитами; обширные погреба были наполнены дѣдовскими винами и медами, сотни псарей и сокольничихъ, тысячи дворовыхъ и крестьянъ, табуны коней готовы были восполнить, для удовольствія своего помѣщика и гостей его, то̀, чего не доставало въ отношеніи убранства покоевъ и удобствъ.

Подобно этому и въ самой Москвѣ всякій князь, вел-

какъ-то конюшенъ, сараевъ, погребовъ, а
ей, наполненныхъ всякаго рода жизненными
привозимыми изъ деревень (*); кромѣ того,
домѣ непремѣнно была своя баня, у каждо
семьи своя особая клѣтушка, а у нѣкоторыхъ
ей посреди двора стояла своя собственная це
Вотъ посреди такихъ-то удобствъ для при
е или менѣе независимой и вполнѣ праздно
ился молодой Государь — и онъ широко за
нея. Все четырнадцати-мѣсячное пребываніе
квѣ было для него непрерывнымъ празднико
ньемъ! Министровъ своихъ онъ не видывалъ
недѣлямъ и даже мѣсяцамъ, да не только св
транные посланники не могли добиться аудіен
наконецъ двое изъ нихъ, выведенные изъ
вили Остерману, что если дѣла такъ прод
тъ, то они попросятъ свои правительства

школѣ Петра I, этотъ министръ понималъ очень хорошо, что монархъ, особенно самодержавный, отъ котораго все исходитъ, котораго именемъ все дѣлается, долженъ всѣ минуты своей жизни отдавать правительственнымъ заботамъ; онъ понималъ точно также хорошо, что весь кредитъ его, Остермана, только и держится на томъ, много ли времени Государь посвящаетъ занятію, и по всѣмъ этимъ причинамъ онъ болѣе всѣхъ горевалъ о порядкахъ, которые пошли по прибытіи въ Москву. Онъ осмѣлился даже однажды сдѣлать Государю о томъ представленіе. Государь выслушалъ его, не возражая ни слова, по видимому внимательно и даже благосклонно, но ни на одинъ день не измѣнилъ своего образа жизни.

Въ чемъ же состоялъ его образъ жизни? Съ утра онъ отправлялся изъ дворца вмѣстѣ съ Иваномъ или Алексѣемъ Долгоруковымъ: куда,—это мало кто зналъ, и возвращался только въ ночи; иногда дѣлалъ на оборотъ, — то есть, выѣхавъ съ вечера, онъ возвращался только къ утру. Когда же наступило лѣто, лѣсъ одѣлся листьями и наполнился звѣремъ, тогда Государь могъ вполнѣ удовлетворить господствовавшей въ немъ страсти къ охотѣ и на цѣлыя недѣли изчезалъ изъ Москвы.

У князя Алексѣя было посреди лѣсовъ нынѣшняго Клинскаго уѣзда имѣніе, называемое Горенки; вотъ туда-то онъ увозилъ Государя, приглашая съ собою только своихъ друзей и родственниковъ. Послѣ утомительнаго полеванья вся компанія возвращалась въ Горенки. Тамъ встрѣчала ихъ хозяйка съ молодою, хорошенькою дочерью, съ поклонами и съ чаркою водки. Ужинъ уже готовъ, столъ ломится подъ множествомъ яствъ и питій. Яства быстро

поглощаются, бутылки опоражниваются и начинаются шумные, долгіе, оживленные разговоры или танцы. Государь не имѣлъ привычки пить, но участвовать въ шумной компаніи любилъ; при томъ компанію эту составляли все записные охотники, веселые собесѣдники; хозяинъ радушенъ и щедръ, хозяйка внимательна, у дочери умильные взоры — кому въ 16 лѣтъ не понравится такая жизнь!.. но и кого она не испортитъ!

Милости сыпались на Долгоруковыхъ. Трое изъ нихъ, князь Алексѣй, Василій Владиміровичъ и Василій Лукичъ были сдѣланы членами верховнаго тайнаго совѣта (который состоялъ всего изъ 6—8 членовъ); они были кавалерами обоихъ русскихъ орденовъ (св. Андрея и св. Александра); огромныя имѣнія были имъ розданы; князь Иванъ былъ сдѣланъ маіоромъ гвардіи и первымъ придворнымъ сановникомъ — оберъ-каммергеромъ: все это, не имѣя еще 25 лѣтъ отъ роду и безъ всякихъ заслугъ отечеству. Въ послѣднее время этотъ баловень судьбы даже не очень усердно исполнялъ свою каммергерскую обязанность при Государѣ, и въ то время, какъ этотъ послѣдній носился съ борзыми по горенскимъ полямъ, онъ оставался въ Москвѣ и веселился на собственный свой ладъ; буйство, пьянство, распутство — вотъ въ чемъ состояли его удовольствія. «Окружась драгунами, онъ часто по всему городу съ необычайнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный (сумасшедшій) скакалъ, по ночамъ въ чужіе домы вскакивалъ, — гость досадный и страшный». Такъ говоритъ про него Ѳеофанъ Прокоповичъ, да и не одинъ онъ отзывается подобнымъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ исторіографовъ, князь Щербатовъ, жившій нѣсколько позднѣе,

но знавшій многихъ современниковъ Петра II, пишетъ, что его фаворитъ, поссорившись за шумнымъ ужиномъ съ однимъ изъ Трубецкихъ, чуть не выбросилъ его въ окно.

Все это, разумѣется, сходило фавориту съ рукъ и даже никто неосмѣлился бы на него пожаловаться. Кому жаловаться? Какой судъ рѣшился бы потребовать его къ отвѣту? Значительные, сильные и дѣйствительно заслуженные люди исполняли безпрекословно всѣ его прихоти. Князь Иванъ и его родня умѣли оторвать Государя отъ всѣхъ его привязанностей. Одно время онъ очень привязался-было къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая цвѣла всею прелестью молодости и красоты. Остерманъ, какъ мы видѣли, считалъ возможнымъ устроить между ними брачный союзъ: Долгоруковы успѣли побѣдить и сердечную склонность Петра. Скоро по вступленіи его на престолъ была вызвана изъ заточенія его бабка, Царица-инокиня Евдокія; эта несчастная женщина 30 лѣтъ мечтала о возвращеніи несправедливо отнятыхъ у нея правъ, о счастіи обнять сына, а потомъ внука: внукъ дѣйствительно возвратилъ ей свободу и царскій санъ, но не далъ ей ни любви, ни даже вниманія; Долгоруковы боялись вліянія на Государя ея самой и очень близкаго къ ней въ это время Шафирова. Они охладили его привязанность къ сестрѣ его, великой княжнѣ Наталіи, съ которою онъ былъ друженъ съ пеленокъ, и нѣкоторые изъ современиковъ приписываютъ скоро за тѣмъ послѣдовавшую смерть великой княжны глубокому огорченію, которое причинило ей охлажденіе брата. Петръ на все смотрѣлъ глазами Долгоруковыхъ, однихъ ихъ слушалъ, однимъ имъ вѣрилъ.

Осенью 1729 года Государь находился въ отлучкѣ

нно совершено. княжна получила названіе «
-невѣсты» и было приказано поминать ее
ъ; назначенъ былъ день бракосочетанія,—и в
ıыслы Долгоруковыхъ разлетѣлись прахомъ,
окоповичъ, «яко сосудъ скудельный».
На крещенскомъ парадѣ Государь простудил
иъ; у него обнаружилась оспа, болѣзнь весьм
ка не открыто было прививаніе коровьей
)езъ нѣсколько дней его уже не было на св

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Замыслы Долгоруковыхъ во время болѣзни государевой.—Замыслы кн. Д. Голицына.—Избраніе на престолъ Анны Іоанновны (1730).—Предложенныя ей «кондиціи» и депутація, къ ней посланная отъ верховнаго тайнаго совѣта.—Другія, сдѣланныя ей сообщенія.—Она принимаетъ престолъ и кондиціи.—Въ Москвѣ обнаруживается неудовольствіе противъ верховнаго совѣта. — Челобитныя, поданныя дворянствомъ. — Затруднительное положеніе «верховниковъ».—Прибытіе Императрицы.—Тайныя сношенія съ нею ея приверженцевъ.—Они подаютъ ей челобитную (25 февр.) о пересмотрѣ кондицій и потомъ другую о принятіи самодержавія.—Императрица разрываетъ кондиціи и принимаетъ самодержавіе.

Внезапная и опасная болѣзнь Государя сильно встревожила дворъ, Москву, а особливо, разумѣется, Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй, въ качествѣ нареченнаго тестя государева, жилъ въ одномъ изъ московскихъ дворцовъ, Головинскомъ; однажды вечеромъ въ его спальнѣ собрались два его брата, сынъ и Василій Лукичъ.

— «Государь опасно боленъ», сказалъ хозяинъ; «надобно намъ подумать, кого избрать его наслѣдникомъ».—

— «Кого же вы думаете избрать?» спросилъ Василій Лукичъ?

— «Не можно ли написать такую духовную, что будто Е. И. В. по кончинѣ своей учинилъ наслѣдницею *ее*», отвѣчалъ Алексѣй, указывая пальцемъ вверхъ, туда, гдѣ были покои его дочери.

Василій Лукичъ пожалъ плечами.

— «Страшное это дѣло», сказалъ онъ; «и народъ не повѣритъ этой духовной.»

— «Чего бояться!» возразилъ одинъ изъ братьевъ нареченнаго тестя, и всѣ они вмѣстѣ начали совѣщаться, какъ бы написать духовную отъ имени Государя. — Василій Лукичъ, видя, что его родственники люди рѣшительные, и самъ приступилъ откровеннѣе къ ихъ плану, и прочелъ имъ письмо къ нему датскаго посланника. «Слухи носятся, писалъ Вестфаленъ, что Государь опасно боленъ: если онъ скончается, кто же будетъ царствовать? Если принцесса Елисавета, то это будетъ весьма противно датскому двору» (такъ какъ можно было ожидать, что она станетъ поддерживать претензіи своего зятя, герцога голштинскаго, на земли, захваченныя у него Даніей во время сѣверной войны). Вы постарались бы, продолжалъ датскій министръ, доставить престолъ обрученной невѣстѣ царской, а вашей родственницѣ; подобно тому, какъ послѣ смерти Петра I сдѣлали Императрицею Екатерину Алексѣевну Меньшиковъ и Толстой. «Вы еще болѣе силы и власти имѣете», заключалъ онъ.

Письмо это еще болѣе ободрило присутствующихъ и они рѣшились составить духовную отъ имени умирающаго Государя, съ тѣмъ, чтобъ улучить минуту и подсунуть ее къ его подписи. Но тутъ представилось сомнѣніе: а если такой минуты улучить не удастся? Тогда фаворитъ вызвался подписать ее вмѣсто Государя, говоря, что онъ умѣетъ подписываться подъ его руку, и тутъ же написалъ *Петръ* такимъ почеркомъ, который былъ дѣйствительно очень похожъ на государеву подпись.

Всѣ присутствующіе стали тогда просить Василія Лукича, чтобъ онъ написалъ духовное завѣщаніе, какъ человѣкъ *знакомый съ* формами государственныхъ актовъ; но

осторожный дипломатъ не хотѣлъ, чтобъ такой опасный документъ былъ писанъ его рукою, и отговорился тѣмъ, что у него почеркъ не хорошъ. По этому одинъ изъ братьевъ князя Алексѣя взялъ перо, этотъ послѣдній и Василій Лукичъ диктовали, а Иванъ подписалъ подъ нею имя Государя. — Потомъ съ нея была списана копія, съ тѣмъ, чтобъ фаворитъ, если представится возможность, убѣдилъ Государя подписать ее.

Между тѣмъ пріѣхали въ Головинскій дворецъ еще двое Долгоруковыхъ, Василій Владиміровичъ съ братомъ.— Хозяинъ объяснилъ имъ, что здѣсь думаютъ, какъ бы возвести на престолъ, въ случаѣ смерти Государя, его невѣсту:

— «Этому никакъ статься не можно, отвѣтилъ старый фельдмаршалъ: княжна Катерина за Государемъ въ супружествѣ не была.»

— Не была въ супружествѣ, но обручена, возражали ему; да и какъ этому не сдѣлаться! Ты въ преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ маіоръ; тоже можно учинить и въ семеновскомъ.—Сверхъ же того, мы будемъ говорить Головкину и князю Дмитрію Голицыну, «а ежели они въ томъ заспорятъ, то будемъ ихъ бить.»

— «Что вы ребячье врете! воскликнулъ правдивый старикъ; какъ этому можно сдѣлаться и какъ мнѣ полку объявить? Услышавъ отъ меня о томъ объявленіи, меня не токмо бранить будутъ, но и убьютъ». — «Да и не слыханное въ свѣтѣ вы дѣло затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницей! Кто захочетъ ей подданнымъ быть, не только посторонніе, но и я, и прочіе изъ нашей фамиліи? Лучше правду вамъ говорить, а не манить!»

мый день, назначенный для его бракосочетанія

Такимъ образомъ замыслы Долгоруковыхъ р
ко сосудъ скудельный».

Мы видѣли, что нѣкоторые изъ Долгоруі
ялись на помощь Дм. Голицына. Они оч
сь: у Голицына были совершенно другі
формы Петра и въ особенности перевѣсъ
остранныхъ обычаевъ и законовъ, не нрави
ну, и не ему одному. Не нравилось Голицы
многимъ другимъ то самовластіе, съ котор
зводилъ въ исполненіе свои предположені
лицынъ безропотно этому самовластію подч
тому только, что оно исходило отъ человѣ
го, который подчинялъ себѣ людей еще бол
о своею силою, чѣмъ властію матеріально
билъ совѣтоваться относительно государстве
людьми, которые были совершенно разл

томъ его вельможный духъ оскорблялся тѣмъ наплывомъ безродныхъ иностранцевъ и «худородныхъ русскихъ», которые въ послѣднее время, окружа престолъ, оттѣснили отъ него старинные боярскіе и княжескіе роды.

Чтеніе и размышленіе утвердили всѣ эти мысли въ умѣ Голицына, а какъ онъ былъ человѣкъ рѣшительный, смѣлый, то и положилъ привести въ исполненіе свои мысли при ожидаемой смерти Петра II.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что Государь скончался, члены верховнаго совѣта, сенаторы, знатнѣйшіе гражданскіе и военные чиновники собрались въ одной изъ залъ дворца, чтобъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи.

Такъ какъ права на престолъ различныхъ членовъ царскаго дома были почти равносильны, такъ что и за, и противъ каждаго можно было говорить съ одинаковою силою, то естественно, что избраніе не могло обойтись безъ споровъ.—Были голоса за цесаревну Елисавету, за ея племянника (малолѣтнаго принца голштинскаго), за Екатерину Іоанновну, даже за Царицу-инокиню Евдокію.—Но, наконецъ, все собраніе остановилось на царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ курляндской. При этомъ Ягушинскій, всегда стремительный и пылкій, воскликнулъ, обращаясь къ верховникамъ: «батюшки, прибавьте намъ какъ можно воли! Теперь время думать, чтобъ самовластію не быть!»

Когда избраніе было рѣшено, и собраніе разошлось, остались члены верховнаго совѣта, передъ которыми Голицынъ раскрылъ свою тайную мысль: «Россія много терпѣла отъ деспотическаго управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда при-

влеченные, сказалъ онъ. — Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести Императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.»

Голицынъ зналъ, что его мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ присутствующихъ; тѣ же, которые думали иначе, были захвачены словами его совершенно въ расплохъ. Головкинъ, напримѣръ, видя, что никто не возражаетъ, хотя и преданъ былъ правленію монархическому неограниченному, не рѣшился однакожъ возражать, никогда во всю свою жизнь не любивши сильныхъ споровъ и избѣгавши сильныхъ противурѣчій. Неизвѣстно, былъ ли бы тверже его другой приверженецъ чистаго самодержавія, Остерманъ; но онъ не явился въ собраніе и сказался больнымъ, предвидя, что дѣло не обойдется безъ щекотливыхъ вопросовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ предложеніе Голицына осталось безъ возраженій и немедленно были написаны тѣ ограничительныя условія, которыя онъ предполагалъ предложить Аннѣ Іоанновнѣ вмѣстѣ съ короною, и которыя состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ она управляла государствомъ не иначе, какъ съ содѣйствіемъ верховнаго совѣта, и безъ его согласія не объявляла войны, не заключала мира, не подвергала дворянъ уголовнымъ наказаніямъ, не увеличивала податей и т. п. За тѣмъ поручено было В. Л. Долгорукову съ двумя другими лицами представить ихъ царевнѣ. А какъ «верховники» не были увѣрены, что нація вообще съ ними согласна, то Долгорукову опредѣлено выѣхать въ тотъ же день, и кромѣ его съ товарищами велѣно никого не выпускать изъ Москвы.

Какъ ни тайно приводили верховники въ исполненіе свой замыселъ, онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ. На слѣдующій уже день французскій резидентъ доносилъ о немъ своему двору. Еще ранѣе провѣдалъ о томъ баронъ Левенвольдъ, курляндскій резидентъ при русскомъ дворѣ, и немедленно далъ о всемъ случившемся знать своей герцогинѣ. Съ своей стороны, Головкинъ, возвратясь изъ собранія и не одобряя его рѣшенія, разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ, своему зятю, Ягушинскому; этотъ, — тоже «худородный» и всѣмъ обязанный Петру и Екатеринѣ, не находилъ выгоды предоставить слишкомъ много значенія знати, и рѣшился предупредить избранную Императрицу, что не вся Россія, а только нѣсколько властолюбивыхъ вельможъ желаютъ ограниченія монархической власти. Не взирая на распоряженія совѣта, Ягушинскому удалось отправить въ Митаву одного надежнаго офицера, Сумарокова, который успѣлъ даже прибыть туда ранѣе В. Долгорукова и почти въ одно время съ Левенвольдовымъ гонцомъ.

Есть извѣстія, что Анна Іоанновна получила и еще подобное же извѣстіе отъ Ѳеофана Прокоповича. Всѣ они совѣтовали ей принять предлагаемыя условія, а по прибытіи въ Москву, уничтожить ихъ, какъ несогласныя съ желаніями народа. Дѣйствительно, условія эти были новою Императрицею приняты безъ всякаго возраженія. Такимъ образомъ, казалось, умыселъ верховниковъ вполнѣ удался, и Ѳеофанъ, описавшій эти происшествія, говоритъ, что «лица не только ихъ, но и слугъ ихъ сіяли радостію.»

Радость эта была однакожъ не безъ облакъ. Въ Москву съѣхалось въ это время довольно много дворянъ; не мало

ъ, нѣсколько фамилій такъ сильно выдвин
ды дворянства. Нашлись люди, которые сдѣла
одами этого особаго рода оппозиціи. Таким
и: князь Черкасскій, одинъ изъ богатѣйши
Россіи и двое образованныхъ, умныхъ моло
, —князь Кантемиръ и Татищевъ: первый, сд
ѣстнымъ какъ поэтъ, второй—какъ историкъ. (
собрать вокругъ себя большое число двор
время, какъ Императрица медленно подвигала
ѣ, въ верховный совѣтъ было подано нѣско
ній, которыя должны были сильно обезпокоит
овъ.

Въ то время, какъ недовольное дворянство
имъ образомъ верховный совѣтъ, духовенс
явно неблагопріятствовало, хотя и молчало;
гочисленная родня Царицы (по матери): Са
родственники и пріятели, громко говорили
ники дерзко посягнули на власть самодержа
еніе этихъ послѣднихъ становилось таким

притворяться больнымъ, жалуясь на подагру и страданіе глазами; оба фельдмаршала были честные и храбрые, но вовсе не государственные люди. Остальные единомышленники Д. Голицына были еще менѣе способны помочь ему въ трудномъ дѣлѣ примиренія между собою различныхъ интересовъ и желаній, сближенія различныхъ мнѣній, удовлетворенія разнообразныхъ требованій. Оставшись такимъ образомъ почти одинъ, Голицынъ старался сблизиться то съ Черкасскимъ, то съ другими вліятельными людьми, то дѣлалъ уступки, то начиналъ преслѣдовать тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было арестовано въ Москвѣ болѣе 30 человѣкъ, и въ томъ числѣ Ягушинскій. Но «поражая страхомъ соперниковъ своихъ, пишетъ преосвященный Ѳеофанъ, и сами верховники не ощущали въ себѣ безстрашія».

Между тѣмъ Императрица прибыла къ Москвѣ и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, въ селѣ Всесвятскомъ. Во все время ея слѣдованія отъ Митавы, В. Л. Долгоруковъ не покидалъ ее ни на часъ; съ прибытіемъ же въ Всесвятское, и потомъ во время ея пребыванія въ Москвѣ, надъ нею учрежденъ былъ, можно сказать, надзоръ, едва замаскированный наружною почтительностію. Никто не былъ къ ней допускаемъ иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго совѣта, да и при тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда кому нибудь удавалось добиться аудіенціи, Василій Лукичъ не отходилъ отъ Императрицы и «остро наблюдалъ» за всѣми словами и движеніями говорившихъ.

Наблюденія эти однакожъ ничего не предупредили. Императрица назначила къ себѣ въ статсъ-дамы женъ та-

кихъ людей, которые были извѣстны ей своею преданностію, —каковы Остерманъ, Черкасскій, одинъ изъ Салтыковыхъ, и черезъ нихъ могла не только узнавать все, что дѣлалось, но и получать совѣты, какъ поступать и что̀ дѣлать. Приверженцы Императрицы должны были употреблять для этого разныя хитрости; такъ Θеофанъ поднесъ ей въ подарокъ столовые часы, внутрь которыхъ была вложена записка съ объясненіемъ его образа мыслей; другія записки, увѣдомлявшія ее о дѣйствіяхъ верховниковъ и заключавшія совѣты приверженцевъ, вкладывались въ одежду малютки, Биронова сына, котораго къ ней приносили ежедневно и т. п. Такимъ образомъ она знала о затруднительномъ положеніи верховниковъ, о стараніяхъ своихъ приверженцевъ въ средѣ мелкаго дворянства и военныхъ офицеровъ, знала, чѣмъ эти старанія должны кончиться, и какъ поступать при этомъ ей слѣдовало.

Все разыгрывалось, слѣдовательно, какъ по нотамъ. 25 февраля, толпа изъ нѣскольскихъ сотъ гвардейскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, знатныхъ и незнатныхъ, вообще же дворянскаго или служилаго сословія, отправилась въ Успенскій соборъ, а оттуда прямо во дворецъ и потребовала аудіенціи у Государыни чрезъ князя Черкасскаго. Государыня не замедлила выдти. Тогда одинъ старый вельможа, Трубецкой, подалъ ей челобитную, въ которой ходатайствовалось о дозволеніи пересмотрѣть предложенныя ей верховнымъ совѣтомъ условія, какъ несогласныя съ волею большинства дворянства и съ выгодами Россіи.

В. Л. Долгоруковъ былъ какъ на угольяхъ, хотѣлъ что-то сказать, но восклицанія присутствующихъ заглу-

шили его голосъ. Императрица согласилась на желаніе дворянства, а оно, съ своей стороны, выйдя въ одну изъ дворцовыхъ палатъ и увлекшись ловкими внушеніями своихъ руководителей, вмѣсто пересмотра митавскихъ «кондицій», выразило единодушное желаніе, чтобъ Государыня приняла самодержавіе и всю полную власть, какою пользовались ея предки. Немедленно было послано просить у Государыни новой аудіенціи. Государыня милостиво приняла это новое прошеніе, и, обратясь къ Долгорукому, сказала:

— «Такъ это не было желаніе народа, чтобъ я подписала «кондиціи»? Стало быть, ты обманулъ меня, Василій Лукичъ?...»

За тѣмъ «кондиціи» были разорваны и Императрица объявила, что она вступила на престолъ по *преемству*, а не по избранію, и возстановляетъ самодержавіе, какимъ пользовались ея предшественники.

«Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны! сказалъ старый Голицынъ, когда все это совершилось. — Я знаю, что бѣда обрушится на мою голову. Я старъ и смерть мнѣ не страшна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжелѣе моего».

II.

Политическія мысли Голицына.—Причины неудовольствія шляхетства противъ нихъ.—Мысли, выраженныя въ челобитной шляхетства.—Сличеніе тѣхъ и другихъ мыслей съ мыслями прежняго времени.—Передовые люди молодаго поколѣнія.—Татищевъ.—Кантемиръ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Противники его въ средѣ духовенства.—Его полемика противъ Ст. Яворскаго.—Католическое вліяніе.—Ѳеофилактъ Лопатинскій.—Слѣдствіе надъ Ѳеофилактомъ.—Школы, музеи, и пр.—Академія—Ученыя экспедиціи.

Мы остановимся нѣсколько на только что разсказанномъ происшествіи. Въ предположеніяхъ Голицына и въ челобитныхъ различныхъ партій, противныхъ верховному совѣту, для насъ открывается много любопытнаго и достойнаго самаго серіознаго вниманія.

Чего хотѣлъ Голицынъ? уменьшить власть Государя и значительно увеличить власть верховнаго совѣта; онъ этимъ думалъ оградить Россію отъ «деспотическаго управленія». Но «деспотическое управленіе» можетъ происходить и отъ собранія, совѣта, директоріи, вообще отъ всякихъ людей и обществъ, какъ бы они ни назывались; Голицынъ желалъ, чтобъ ничего значительнаго не дѣлалось въ государствѣ безъ воли и помимо верховнаго совѣта; а еслибъ этотъ совѣтъ, совершенно, подчинивъ себѣ волю Государя, сталъ «деспотически» распоряжаться государствомъ? Это очень могло случиться и этого очевидно опасались противники верховнаго совѣта, какъ напримѣръ, Ягушинскій: онъ не хотѣлъ «самовластія», но не хотѣлъ чтобъ оно перешло и въ руки

верховникамъ. Первый образчикъ самовластія уже былъ данъ ими избраніемъ Государя, не согласнымъ съ обычаями, на чтò и указывало недовольное дворянство въ одной изъ своихъ челобитныхъ: «они, писали въ этой челобитной, въ томъ надлежащій порядокъ избранія преступили. По закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ». Правда, продолжаетъ челобитная, римскаго цесаря избираютъ курфирсты въ числѣ девяти человѣкъ, но за то эти курфисты такъ усилились, «что стали сами повелителями» и отъ того «оная имперія часъ отъ часу умаляется, а сосѣди оной усиливаются, часть по части во всѣ стороны отрываютъ: слѣдственно, и мы не лучшаго ожидать можемъ». Такимъ поступкомъ своимъ, продолжаетъ челобитная, верховники «законъ самовольно и власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ становъ (сословій)».

Челобитчики видѣли въ послѣднихъ дѣйствіяхъ верховнаго совѣта желаніе нѣсколькихъ фамилій забрать власть надъ всѣмъ государствомъ, первый шагъ къ господству аристократіи, а «аристократія, насъ довольно вредомъ приключеннымъ научила», замѣчала челобитная и указывала на борьбу удѣльныхъ князей противъ великихъ князей. Объ этомъ же неудовольствіи противъ обнаруженныхъ верховнымъ совѣтомъ аристократическихъ стремленій, говорилъ полвѣка спустя, историкъ князь Щербатовъ: «множество благородныхъ лицъ, по словамъ его, было недовольно учиненными статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали». Вотъ что, можно сказать съ полною увѣренностію, возбу-

дило такое рѣшительное и всеобщее неудовольствіе противъ верховниковъ,—независимо отъ личныхъ расчетовъ однихъ и искренней приверженности другихъ къ чистому самодержавію.

Сличеніе мыслей и взглядовъ Голицына и противниковъ его даетъ намъ очень любопытное понятіе о политическихъ мнѣніяхъ того времени. Посмотримъ, какъ онъ и они думали организовать правленіе. Голицынъ, какъ сказано, хотѣлъ приставить къ Государю совѣтъ, безъ согласія котораго ничего важнаго не могло бы быть предпринято, и членами этого совѣта онъ хотѣлъ сдѣлать лицъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ стариннымъ знатнымъ родамъ. Авторы челобитной, о которой говорено выше, тоже желали, чтобъ Государь имѣлъ постоянныхъ совѣтниковъ, но чтобъ совѣтники эти засѣдали въ двухъ особыхъ палатахъ, одной о 21, другой о 100 человѣкахъ. Обязанностью ихъ было бы составлять, по указанію Государя, законы, зрѣло ихъ обдумывая и разсылая для разсмотрѣнія, прежде изданія ихъ въ коллегіи, ибо, говорилось въ челобитной «Петръ великій хотя и мудрый Государь былъ», но иногда издавалъ законы опрометчиво и потомъ вынужденъ бывалъ ихъ отмѣнять. Кромѣ того, эти двѣ палаты должны были помогать Государю въ управленіи, подобно тому, какъ старинная дума или петровскій сенатъ.—Кромѣ того, предполагалось, чтобъ всѣ важнѣйшія перемѣны въ государствѣ производились не иначе, какъ съ согласія этого высшаго правительственнаго учрежденія и по совѣщанію съ генералитетомъ и дворянствомъ.

Сличая мысли Голицына съ тѣми, которыя выражены

челобитчиками, оказывается, что мысли послѣднихъ были шире, ибо онѣ выражали желаніе дать участіе въ правленіи, вообще всему дворянству. О дарованіи какихъ либо правъ другимъ сословіямъ никто въ Россіи, да и въ большей части Европы, тогда не думалъ. Достойно вниманія уже и тò, что авторы челобитной требовали улучшенія быта сельскаго духовенства и купечества и учрежденія школъ; кромѣ того, они выражали желаніе, чтобъ въ тайной канцеляріи, весьма ненавистной народу, засѣдали члены отъ сената, «чтобъ смотрѣли на справедливость», чтобъ на убылыя мѣста высшихъ сановниковъ представляемы были Государю избранные по баллотировкѣ кандидаты. За тѣмъ, имѣя въ виду главнѣйше собственные интересы, дворяне просили, чтобъ обязанность государственной службы, вмѣсто пожизненной, сдѣлать срочною, и точнѣе опредѣлить, кто имѣетъ право считаться дворяниномъ, и кто этого права не имѣетъ.

И такъ, вотъ чего желали наши предки 130 лѣтъ тому назадъ, вотъ, что казалось имъ нужнымъ для блага Россіи! Лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ Посошковъ составилъ проэктъ о томъ, какъ улучшить правленіе и водворить въ Россіи правосудіе, просвѣщеніе и вообще благосостояніе; сочиненіе Посошкова чрезвычайно любопытно, но въ немъ мы не замѣчаемъ того, что замѣчаемъ со стороны проэктеровъ 1730 года: желанія привлечь къ участію въ правленіи ни знатныхъ родовъ, ни всего сословія дворянскаго.

Эта мысль о *политическомъ* значеніи знати или цѣлаго дворянства была, кажется, навѣяна съ запада. Дѣйствительно, Голицынъ съ особымъ тщаніемъ изучалъ го-

сударственное устройство Швеціи, въ которой въ послѣднее время взяла верхъ аристократія. Мысль о преобладаніи дворянскаго сословія есть тоже мысль западной Европы, вовсе незнакомая до-Петровской Руси. Петръ началъ первый раздавать почетные титулы, ордена, усилилъ владѣльческое право помѣщиковъ и такимъ образомъ, при помощи примѣровъ западныхъ государствъ, развилъ въ Россіи понятіе о дворянскомъ сословіи, въ составъ котораго вошли наиболѣе образованные люди,—а люди эти, какъ мы сейчасъ видѣли, стали заявлять совершенно новыя у насъ желанія. Дѣйствительно, въ московской Руси, ни въ какое время не было замѣтно со стороны частныхъ людей желанія пріобрѣсть значеніе политическое, принять участіе въ правленіи; напротивъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ у насъ были земскіе соборы, которые весьма легко могли бы обратиться въ нѣчто подобное шведскому и польскому сейму, или англійскому парламенту, но послѣ полутора вѣковаго существованія они изчезли безъ слѣда и сопротивленія.

Это указываетъ намъ, какое значительное вліяніе оказало на Россію знакомство съ Европою и заимствованія, сдѣланныя у нея Петромъ. Знакомство съ ея постановленіями сдѣлалось далеко не рѣдкостью между людьми Петровой школы. Въ одной изъ челобитныхъ, о которыхъ выше говорено было, авторъ ея, историкъ Татищевъ, очень развязно, хоть и слегка касается государственнаго устройства не только значительнѣйшихъ странъ Европы, но Швейцаріи, Генуи (тогда еще независимой республики) и др. И Татищевъ былъ не единственнымъ человѣкомъ такого рода; въ эпоху, о которой мы говоримъ,

между молодымъ поколѣніемъ было уже много такихъ, которыхъ мысль не дремала и которые жаждали знанія, далеко, слѣдовательно, обогнавъ своихъ отцовъ, которыхъ грозный Царь долженъ былъ силою гнать въ школу и посылать за границу. Мы познакомимся покороче съ нѣсколькими *передовыми людьми* этого молодаго поколѣнія, а именно съ Татищевымъ и княземъ Кантемиромъ. Татищевъ былъ употребленъ Петромъ великимъ по горнозаводскому дѣлу, которое онъ изучалъ въ Швеціи, управлялъ уральскими заводами, значительно ихъ улучшилъ и извѣстенъ, кромѣ того, какъ дѣятельный, умный губернаторъ. Но не въ этомъ главная заслуга Татищева и важнѣйшее право на память потомства (тѣмъ болѣе, что онъ не безгрѣшенъ въ денежныхъ дѣлахъ): онъ незабвененъ, какъ первый русскій ученый историкъ, какъ первый истинно замѣчательный дѣятель по изученію Россіи. Будучи въ Швеціи, на Уралѣ, въ Астрахани, въ Оренбургѣ, — вездѣ, куда его кидала служебная дѣятельность, необыкновенно любознательный человѣкъ этотъ во все пристально всматривался, все сравнивалъ, все изслѣдовалъ: языкъ и обычаи мѣстныхъ жителей, естественныя свойства страны, ея почву, ея удобство относительно торговли и промышленности, ея исторію, памятники минувшихъ временъ, легенды, преданія, и т. п. И вотъ, въ немъ, наконецъ, родилось желаніе написать изслѣдованіе о Россіи, въ которое вошли бы всѣ свѣдѣнія, какія только можно было собрать о ней, полную обширнѣйшую ея статистику. Уже программа подобнаго труда была имъ составлена, уже не мало собрано было и матеріаловъ по части судоходства, водныхъ и горныхъ системъ, свойствъ почвы, естественныхъ богатствъ, раз-

личныхъ племенъ, населяющихъ Россію, ихъ языка, религіи, обычаевъ, занятій и проч.; но Татищевъ, какъ кажется, увидѣлъ самъ, что съ подобнымъ трудомъ одному человѣку справиться невозможно, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ, а потому онъ оставилъ его.

Тогда онъ принялся за другую задачу, менѣе огромную, но все еще весьма обширную: собрать всевозможныя сочиненія русскія и иностранныя о Россіи, старинные рукописные хронографы или лѣтописи, дневники, грамоты, манифесты и трактаты, словомъ, всѣ возможныя свѣдѣнія касательно русской исторіи, сличить ихъ, повѣрить одни другими, отбросить все незаслуживающее довѣрія, а остальное изложить въ стройномъ разсказѣ. Неутомимый Татищевъ доставалъ старые пергамены изъ монастырей, изъ книгохранилищъ князя Дмитрія Голицына, Волынскаго и другихъ любителей отечественныхъ древностей, записывалъ изустныя преданія, закупилъ до 1000 книгъ русскихъ и иностранныхъ и, наконецъ, принялся писать.

Полный послѣдовательный разсказъ Татищева останавливается на древнихъ временахъ; но собраны и критически разобраны имъ матеріалы до Петрова времени, и работа его, какъ не трудно догадаться, уже далеко не то, что «Ядро россійской исторіи» Хилкова (или правильнѣе, приписываемое Хилкову). Татищевъ не вводилъ въ свою книгу ничего, никакого факта, никакого второстепеннаго обстоятельства, котораго бы не повѣрилъ по нѣсколькимъ печатнымъ или рукописнымъ *источникамъ* и котораго бы не призналъ, по зрѣломъ обсужденіи, заслуживающимъ вѣроятія. Татищевъ ошибался, конечно, какъ

и всякій ошибается, но онъ первый изъ Русскихъ понялъ, что̀ значить писать исторію.

Кромѣ этого огромнаго труда, Татищевъ сдѣлалъ многое для отечественной исторіи; издалъ «Судебникъ» Царя Іоанна IV и Ярославову «Русскую правду» съ объясненіями и примѣчаніями своими, которыя, кромѣ ученаго достоинства, любопытны тѣмъ, что сохранили намъ много анекдотовъ и ходившихъ въ то время преданій о Петрѣ и его ближайшихъ предшественникахъ. Наконецъ, онъ же написалъ множество проэктовъ относительно улучшеній въ судѣ и администраціи, примѣчаній къ существовавшимъ въ его время постановленіямъ и т. п., удивляя своихъ потомковъ и дѣятельностію и замѣчательною силою своей мысли, касавшейся столь многихъ предметовъ.

Главные труды Татищева по русской исторіи были имъ совершены во время управленія имъ Уральскими заводами, Астраханскою губерніей, а потомъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, въ его помѣстьи, недалеко отъ Москвы. Огорченный своими служебными неудачами, больной и раздражительный отъ природы, онъ пережилъ однакожъ Императрицу и ея нѣмецкихъ министровъ, вообще весьма къ нему нерасположенныхъ, и умеръ уже при Елисаветѣ.

Для насъ весьма любопытно знать образъ мыслей такого замѣчательнаго человѣка, какъ Татищевъ, и особенно его мнѣнія о Петрѣ и его дѣлахъ. Татищевъ былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ приверженцевъ великаго Императора; не ослѣпляясь имъ до того, чтобъ не видѣть его ошибокъ и личныхъ слабостей, онъ вообще раздѣлялъ его правительственныя понятія и толчекъ, который онъ

далъ русскому уму, обративъ его на изученіе образцовъ западной Европы. Что же касается до того, какъ смотрѣлъ Татищевъ на отношенія правительства къ народу, въ чемъ состояли, какъ нынѣ говорятъ, его политическія убѣжденія, то они открываются изъ «челобитной» сочиненной имъ въ 1730 г., о которой мы уже имѣемъ понятіе.

Вмѣстѣ съ Татищевымъ дѣйствовалъ противъ верховниковъ тогда еще 22-хъ лѣтній князь Антіохъ Кантемиръ, сынъ бывшаго валахскаго господаря, другой замѣчательный питомецъ петровой школы. Это былъ умъ болѣе тонкій и образованный, чѣмъ обширный и сильный; занятіями его были дипломація и стихотворство. Подобно Татищеву, онъ попалъ въ милость у новаго правительства за участіе свое въ происшествіяхъ 1730 года и въ молодыхъ еще лѣтахъ былъ отправленъ посланникомъ сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ. Кажется, невозможно было употребить Кантемира въ болѣе свойственныхъ ему обязанностяхъ, ни доставить ему болѣе средствъ для усовершенствованія того, что даровала ему природа. Его образованность и остроуміе пріобрѣли ему очень скоро друзей въ двухъ первыхъ столицахъ Европы, какъ въ средѣ англійской и французской аристократіи, такъ и между тамошними учеными и литераторами. Узнавъ о его смерти (1744 г.), знаменитый мыслитель и писатель Монтескьё писалъ къ одному общему ихъ пріятелю: «Вы вездѣ найдете друзей, которые замѣнятъ вамъ понесенную потерю, но сомнѣваюсь, чтобъ Россія нашла въ скоромъ времени посла съ *такими достоинствами*, какъ князь Кантемиръ».

Кантемиръ воспитывался въ московской духовной академіи, а потомъ въ петербургской академіи наукъ, и рано обнаружилъ склонность къ литературѣ: ему не было еще 20 лѣтъ, какъ онъ поднесъ Императрицѣ Екатеринѣ I «Симфонію на псалтырь», сочиненіе, впрочемъ, написанное стихами такими тяжелыми и неуклюжими, какъ и всѣ писавшіеся въ то время; не имѣя отъ природы поэтическаго дара, онъ и никогда, впрочемъ, не достигъ художественности, но въ отношеніи образованности онъ далеко обгонялъ своихъ современниковъ.

Въ Парижѣ и Лондонѣ Кантемиръ удѣлялъ все время, свободное отъ придворныхъ и дипломатическихъ обязанностей, обществу просвѣщенныхъ людей, чтенію и изученію какъ древнихъ, такъ называемыхъ классиковъ, такъ и новѣйшихъ писателей, особенно французскихъ,— Расина, Буало, Вольтера, Фонтенеля, Монтескьё и др., имена которыхъ въ то время гремѣли во всей Европѣ. Онъ переводилъ этихъ авторовъ и нѣкоторыхъ латинскихъ поэтовъ и написалъ, подражая имъ, русскими стихами нѣсколько сатиръ, которыя въ свое время считались образцовыми. Въ настоящее время стихи Кантемира читаются съ большимъ трудомъ; языкъ его грубъ, неправиленъ, стихъ тяжелъ, не имѣетъ ни малѣйшаго изящества и мало чѣмъ отличается отъ стиховъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ малоизвѣстныхъ стихотворцевъ петрова времени, но мысли Кантемира часто замѣчательны и выражены иногда съ остроуміемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ заставляетъ онъ говорить нѣкоего Луку, отъявленнаго пьяницу:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ (истокамъ) своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну станетъ ѣсть визигу,—
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Кантемиръ часто подтрунивалъ надъ отвращеніемъ людей стараго покроя отъ образованія, которыхъ въ его время было много; такъ онъ говоритъ отъ имени одного изъ нихъ:

Живали мы прежде сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ;
Гораздо больше въ невѣжествѣ хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи,—должно ль о томъ тужить дворянину!

. . . .

Прирастетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, или въ ящикъ
Хоть грошъ? Могу ль узнать чрезъ то, что̀ прикащикъ,
Что̀ дворецкій крадетъ въ годъ? Иль прибавитъ воду
Въ мой прудъ?

Таковы были лучшіе между людьми молодаго поколѣнія, воспитаннаго въ духѣ петровскаго переворота и послѣдовавшіе тому направленію, которое великій Императоръ желалъ сообщить Россіи.

Не пропустимъ случая поговорить и о родоначальникѣ подобныхъ людей въ Россіи, Ѳеофанѣ Прокопо-

вичѣ, поговоримъ о немъ въ послѣдній разъ, потому что онъ черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Анны Іоанновны окончилъ свою многотрудную, полезную, но далеко не безукоризненную жизнь. Намъ уже извѣстно, что, помогая Петру учредить синодъ и преслѣдовать суевѣріе и суесвятство, Ѳеофанъ нажилъ себѣ много враговъ въ средѣ духовенства, которое, съ своей стороны, не безъ основанія укоряло его въ весьма не строгомъ образѣ жизни, честолюбіи и коварствѣ. Въ послѣдніе годы его жизни случилось происшествіе, которое характеризуетъ и его личныя свойства и различные оттѣнки въ понятіяхъ нашего духовенства.

Мы знаемъ, что въ исходѣ XVII вѣка патріархи смотрѣли съ большою недовѣрчивостію на духовенство малорусское и бѣлорусское, на кіевскую академію и на духовныя сочиненія, печатавшіяся въ тамошнихъ типографіяхъ. Но духовенство западной Россіи было вообще гораздо просвѣщеннѣе, нежели духовенство Руси восточной, московской, а потому первое естественно получило надъ послѣднимъ преобладаніе, и въ первой половинѣ XVIII вѣка, даже позднѣе, важнѣйшія мѣста въ нашемъ церковномъ управленіи были заняты малорусскими или бѣлорусскими уроженцами. Люди эти были врагами латинства, но если не въ понятіяхъ своихъ (отъ чего они постоянно отказывались), то въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ качествахъ много отъ него заимствовали, какъ напримѣръ въ способѣ произнесенія проповѣдей, въ манерѣ писать свои проповѣди и сочиненія; наконецъ вся метода преподаванія въ западно-русскихъ духовныхъ школахъ и самое устройство этихъ школъ

были скопированы со школъ католическихъ, такъ что, какъ справедливо замѣчено въ послѣднее время, малорусское духовенство, ведя вѣковую борьбу противъ католичества, заимствовало у него его оружіе. Въ такомъ духѣ были воспитаны Стефанъ Яворскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и вообще большая часть нашихъ духовныхъ сановниковъ того времени.

Ѳеофанъ Прокоповичъ тоже получилъ образованіе въ томъ же духѣ; но, имѣвъ случай, во время своего пребыванія въ Германіи и Италіи, близко ознакомиться съ католическими понятіями, онъ сдѣлался ихъ упорнымъ постояннымъ врагомъ. Противники его даже упрекали его въ пристрастіи къ протестантизму, въ неправославіи; обвиненіе это было формально произнесено противъ него, когда шла рѣчь о посвященіи его въ епископы. Но мы не будемъ здѣсь говорить о личныхъ отношеніяхъ Ѳеофана и Яворскаго, а коснемся только полемики, которая между ними происходила, и послѣдствій, къ которымъ она привела. Стефанъ написалъ богословское сочиненіе подъ названіемъ «Камень вѣры», направленное главнѣйше противъ протестантовъ. Протестантовъ было въ Петрово время множество, иные изъ нихъ были въ силѣ, а потому рукопись Стефанова не была тогда напечатана, а вышла уже послѣ смерти ея автора, во время царствованія Петра II, когда нѣмцы были, какъ говорится, не въ ходу. Напечатана она была Лопатинскимъ, который въ это время пользовался большимъ значеніемъ; Долгоруковы и Голицыны были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и, мечтая о возстановленіи старинныхъ порядковъ, прочили его въ патріархи. Въ это время Ѳеофану приходилось плохо; нѣ-

которыя лица изъ числа духовныхъ сановниковъ подавали на него доносы, враги его гордо поднимали голову, и къ нимъ примкнули другіе враги, еще болѣе страшные, католики и іезуиты. Это случилось вотъ по какому поводу.

Въ 1717 году, когда Петръ былъ въ Парижѣ, онъ посѣтилъ сорбонну, или тамошнюю духовную академію. Во время этого посѣщенія подана была Царю записка о томъ, что искони занимало католическое духовенство,—о соединеніи восточной церкви съ западною. Царь сказалъ, что онъ не богословъ, въ церковныя дѣла не вмѣшивается и обѣщалъ прислать сорбоннѣ отвѣтъ русскаго духовенства. Отвѣтъ былъ, конечно, отрицательный, тѣмъ болѣе, что его писалъ Ѳеофанъ. Съ того времени Ѳеофанъ сдѣлался ненавистенъ католическому духовенству, которое съ горечью вспоминало, что само же, во время пребыванія его въ Римѣ, помогало ему набирать свѣдѣнія, обращаемыя имъ теперь противъ его учителей. По поводу «Камня вѣры» Ѳеофанъ написалъ возраженіе подъ названіемъ «Молотокъ на камень вѣры», и въ то же время имъ, или по его порученію, была напечатана за границею статья, весьма неблагосклонная католичеству. На нее напали латинскіе богословы тѣмъ съ большею яростію, что положеніе Ѳеофана казалось шаткимъ при дворѣ, ихъ же собственныя дѣла, по видимому, шли успѣшно. Они успѣли обратить въ католичество одну княгиню Долгорукову во время ея пребыванія за границей, и когда она возвратилась въ Россію, то, въ видѣ наставника при ея дѣтяхъ, пріѣхалъ одинъ іезуитъ. Вслѣдъ за нимъ пробрался и другой, и почтенные эти патеры, съ обычною своею ловкостію, воспользовались разномысліемъ и личною

враждою, бывшими между нашими духовными сановниками. Они вошли въ дружелюбныя сношенія съ Ѳеофилактомъ и съ другими приверженцами покойнаго Яворскаго, вкрались въ довѣренность нѣсколькихъ свѣтскихъ знатныхъ лицъ, что же касается до Прокоповича, то они подговорили какого то монаха написать доносъ на составленный имъ катехизисъ.

По кончинѣ Петра II быстро измѣнилось положеніе дѣлъ: нѣмцы-протестанты получили верхъ при дворѣ, Ѳеофанъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, іезуиты были немедленно высланы за границу, а Ѳеофилактъ удаленъ изъ синода, гдѣ присутствовалъ, въ свою тверскую эпархію. Вражда противъ Прокоповича послѣ этого, натурально, не уменьшилась. Въ 1732 году пущенъ былъ какой-то (неизвѣстный теперь) очень злой пасквиль, который задѣлъ Прокоповича за живое и онъ рѣшился раздавить на этотъ разъ своихъ недруговъ. По этому поводу началось въ 1733 году слѣдствіе, продолжавшееся пять лѣтъ сряду, во время котораго перебраны были всѣ приближенные Ѳеофилакта, къ которому былъ и онъ самъ привлеченъ, подвергаемъ пыткѣ и заключенію. Что̀ раскрыло это слѣдствіе — еще неизвѣстно вполнѣ, но оно кончилось для Ѳеофилакта лишеніемъ духовнаго сана и жестокимъ заключеніемъ въ петербургской крѣпости, изъ которой онъ вышелъ только при вступленіи въ управленіе государствомъ Анны Леопольдовны. Сомнительно, чтобъ этотъ пастырь, весьма уважаемый всѣми благочестивыми людьми своего времени; серьозно затѣвалъ что нибудь противное самостоятельности православной церкви; вѣроятнѣе кажется, что слѣдствіе это было результатомъ отчасти личной вражды между нимъ

и Өеофаномъ, а отчасти того разномыслія между приверженцами старины и петровской реформы, которое приводило въ застѣнки столь многихъ и при Петрѣ и послѣ Петра, того разномыслія, которое не совершенно изчезло и по сіе время: печальное послѣдствіе всѣхъ слишкомъ крутыхъ и быстрыхъ переворотовъ.

До окончанія этого дѣла, впрочемъ, не дожилъ Өеофанъ; онъ скончался въ 1736 году. Вѣрно служа идеѣ петровой реформы, высоко цѣнимый всѣми приверженцами этой идеи, но нелюбимый духовенствомъ, которое въ немъ не уважало человѣка и ненавидѣло противника идеи патріаршества, Өеофанъ предъ смертію произнесъ слѣдующія выразительныя и полныя горечи слова «о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь!..»

Өеофанъ между людьми петрова времени, Татищевъ и Кантемиръ между людьми молодаго поколѣнія, вотъ тѣ, которыхъ по справедливости можно назвать передовыми людьми той великой реформы, которая началась въ началѣ XVIII вѣка и послѣдствія которой продолжаются до настоящей минуты. Но, коснувшись этихъ людей, не забудемъ упомянуть и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя содѣйствовали успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Это даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ послѣ людей, выходившихъ изъ кіевской и московской академіи,—людей, иногда умныхъ, но вообще не *современныхъ*,—могли у насъ явиться люди, подобные Татищеву и Кантемиру.

Мы знаемъ, что Петръ во все время своего царствованія усердно заботился объ учрежденіи школъ, переводѣ книгъ и т. п.; онъ покупалъ, не щадя денегъ, собранія минералловъ, рыбъ, звѣрей, анатомическіе кабинеты, за-

велъ библіотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ, и всѣ эти собранія книгъ и предметовъ минеральнаго и животнаго царства были для каждаго открыты, всякъ приглашался посѣщать ихъ и научаться. Наконецъ, открыта была въ Петербургѣ академія наукъ.

Академіей называютъ общество ученыхъ людей, которымъ доставлены всѣ способы къ самому глубокому изученію всевозможныхъ отраслей человѣческаго знанія. Обязанность и назначеніе академій—подвигать науку, заниматься разслѣдованіемъ темныхъ мѣстъ и не вполнѣ разрѣшенныхъ вопросовъ науки. Каждое такое открытіе отражается полезнымъ образомъ на науку всѣхъ странъ и народовъ и составляетъ славу той страны, гдѣ оно совершено. О такомъ родѣ славы Петръ мечталъ и для предположенной имъ академіи; но, кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобы она приготовляла учителей и руководства для русскихъ школъ. Главный сотрудникъ его въ этомъ дѣлѣ, его лейбъ-медикъ Блументростъ, по порученію Царя, вступилъ въ переписку со всѣми знаменитостями науки въ Германіи и Франціи, приглашая ихъ въ Россію. Первые, къ которымъ онъ обратился, были знаменитые Лейбницъ и Вольфъ, великія свѣтила того времени. Они не приняли приглашенія Блументроста, но нѣсколько другихъ заграничныхъ ученыхъ прибыли въ Петербургъ и академія была открыта, но уже послѣ смерти Государя (1726 г.).

Она не вполнѣ оправдала ожиданіе своего основателя: приготовленіе учителей и составленіе руководствъ шло неудовлетворительно, по весьма, впрочемъ, естественной причинѣ: что академики не знали русскаго языка, а русскіе ученики рѣдко знали (подобно Кантемиру) иностран-

ные. За то академія наша сдѣлала много для науки вообще и для познанія Россіи; Московія была для этихъ любознательныхъ иностранцевъ любопытнѣйшею страною, которую, для чести науки и для славы собственной, они желали изучить.

Петръ положилъ начало ея изученію. Онъ снаряжалъ въ разное время ученыя экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго моря, Сибири, Алеутскихъ острововъ; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ дѣланы были астрономическія наблюденія, ученыя описанія, карты, которыя исправили много старинныхъ неправильныхъ понятій о видѣ, положеніи и свойствахъ различныхъ частей Россіи. Савва Рагузинскій и профессоръ Ленцъ, ѣздившіе въ Китай, сдѣлали описаніе совершенному имъ пути, и это тоже прибавило много новыхъ свѣдѣній къ тому, что знала Европа объ этихъ странахъ. Академикъ Мессершмитъ сдѣлалъ ученое описаніе Сибири. Академія, наконецъ, увѣнчала всѣ эти завоеванія науки обширною экспедиціей, которую она снарядила въ 1733 году и которая продолжалась 10 лѣтъ.

Экспедицію эту составляли: астрономъ Делиль, естествоиспытатель Гмелинъ и историкъ-географъ Миллеръ,— люди составившіе себѣ громкую репутацію въ ученомъ мірѣ. Къ нимъ было присоединено нѣсколько молодыхъ русскихъ студентовъ, между которыми должно назвать Крашенинникова, описавшаго еще совершенно въ то время неизслѣдованную Камчатку. Экспедиція эта, обратившая на себя вниманіе всей образованной Европы, отправилась въ Сибирь. Делиль и Гмелинъ сдѣлали множество важныхъ наблюденій касательно климата, растительности, почвы и другихъ физическихъ свойствъ этого малоизвѣстнаго края

III.

ервыя дѣйствія новаго правительства. — Преслѣдованіе
іхъ.—Нѣмецкая партія.—Биронъ.—Вопросъ о престоло
ступка прикаспійскихъ провинцій.—Вопросъ о польскомъ
ричины слабости польскаго государства. — Сочувстві
частей этого государства къ Россіи. — Участіе разл
въ европейскихъ въ избраніи польскихъ королей.—С
евенвольда въ пользу саксонскаго курфирста. — Изб
ймъ.—Вступленіе въ Польшу Ласси.—Избраніе Станисл
аго.—Избраніе Августа III (1733).—Осада Гданска.—
Бѣгство Станислава.—Умиреніе Польши.

Первые шаги новаго царствованія могли мно
омнить печальныя слова князя Дмитрія Голицына
іъ сказалъ, когда окончательно были низвергн
мыслы. Императрица приняла самодержавіе въ к
іаля (1730), а въ апрѣлѣ посыпались указы
амиліи Долгоруковыхъ, одинъ вслѣдъ за другим
ругаго строже. Сначала нѣкоторые изъ членовъ

фестъ, которымъ объявлялось, что Алексѣй и его сынъ, «не храня Его Величества дражайшаго здравія поступали» и утомляли его охотою; что они хотѣли женить покойнаго Государя на княжнѣ Катеринѣ и обобрали царскій скарбъ, что князь Василій Лукичъ «совершилъ многіе безсовѣстные и противные поступки» и что онъ «дерзнулъ вымышленными и отъ себя самого токмо составными дѣлами безбожно оболгать» Государыню. За все это они и другіе члены той же фамиліи (кромѣ фельдмаршала) были лишены чиновъ и орденовъ и отправлены на безвыѣздное житье въ дальнія деревни. Наконецъ, въ іюнѣ, послѣдовалъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось, что *одинъ* изъ Долгоруковыхъ живетъ не въ той изъ своихъ деревень, гдѣ указано, а потому *всѣ* они были разосланы въ разныя ссылки и, между прочимъ, Василій Лукичъ въ Соловецкій монастырь, а Алексѣй съ дѣтьми въ Березовъ, вакантный послѣ смерти Меньшикова; имѣнія же ихъ всѣхъ отобраны въ казну. Черезъ полтора года дошла очередь и до фельдмаршала Долгорукова, который былъ отправленъ въ Ивангородскую (Нарвскую) крѣпость за какія-то «поносительныя слова», говоренныя имъ (а по инымъ извѣстіямъ, его женою) про Государыню.

Долгоруковы, какъ мы знаемъ, имѣли преступный и еще болѣе безумный замыселъ; да при томъ о замыслѣ этомъ ходили только какіе-то темные слухи, а совѣщаніе ихъ въ Головинскомъ дворцѣ сдѣлалось извѣстно гораздо позднѣе: за что̀ же они были преслѣдуемы съ такимъ постоянствомъ? Въ продолженіе всего царствованія Анны Іоанновны, о нихъ постоянно производились дознанія, и какъ только открывался малѣйшій предлогъ, судьба

ихъ болѣе и болѣе отягощалась. Преслѣдованіе это окончилось, какъ увидимъ, въ 1739 году истребленіемъ большей части этой знаменитой фамиліи.

Новыя лица окружили новую Императрицу; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже отчасти знакомы, съ другими надобно намъ познакомиться. Это были, во-первыхъ, тѣ, которые, во время владычества верховнаго совѣта, оказались ей преданными: Ягушинскій, арестованный и разжалованный совѣтомъ, который не долго однакожъ пользовался расположеніемъ Императрицы, Головкинъ, по прежнему великій канцлеръ, хотя и по прежнему безъ значенія, Солтыковы, Черкасскій, сдѣланный вскорѣ вицъ-канцлеромъ, Ушаковъ, пожалованный начальникомъ тайной канцеляріи,—должность, въ которой онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность. Наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшійся въ настоящее царствованіе не только первенствующимъ, но и господствующимъ членомъ синода.

Но сильнѣйшими людьми сдѣлались при Аннѣ Нѣмцы. Остерманъ, какъ мы знаемъ, уклонился, подъ предлогомъ болѣзни, отъ участія въ совѣщаніяхъ верховнаго совѣта; по прибытіи же Императрицы въ Всесвятское, онъ, изъ своей спальни, управлялъ всѣми ея дѣйствіями. Сдѣланный графомъ, онъ выздоровѣлъ какъ только было утверждено самодержавіе, и сталъ душою, главнымъ двигателемъ новаго правительства. Вмѣстѣ съ Остерманомъ, пріобрѣли огромный кредитъ братья Левенвольды, — Лифляндцы,— изъ коихъ одинъ, какъ сказано, первымъ предупредилъ Императрицу о ея избраніи и о замыслахъ верховнаго совѣта; возвысились Минихъ, оказавшій Государынѣ преданность въ качествѣ петербургскаго губернатора, Кей-

зерлингъ, Корфъ, преданные ей Курляндцы, прибывшіе съ нею въ Россію и другіе, съ которыми мы будемъ имѣть случай познакомиться; но главнымъ между приближенными, первымъ между любимцами, безъ сравненія сильнѣйшимъ по своему вліянію на Императрицу, былъ Биронъ.

Человѣкъ этотъ, простаго происхожденія, безъ всякаго образованія и безъ государственнаго ума, но отличный ѣздокъ верхомъ и красивый мужчина (хотя, какъ видно по его портретамъ, съ весьма непріятнымъ, злымъ лицомъ) понравился Аннѣ Іоанновнѣ во время ея бытности въ Митавѣ; былъ взятъ ею къ герцогскому двору, ѣздилъ, по ея порученіямъ, въ Берлинъ и сопровождалъ ее въ Россію, куда она нерѣдко пріѣзжала, и гдѣ, по видимому, онъ успѣлъ заслужить весьма невыгодную репутацію, потому что, при отправленіи В. Л. Долгорукова въ Митаву, ему было поручено просить Императрицу, чтобы она не брала съ собою Бирона. Биронъ однакожъ не замедлилъ пріѣхать и сдѣланъ былъ оберъ-каммергеромъ. Онъ, по видимому, не имѣлъ никакого участія въ правленіи и не былъ ни министромъ, ни президентомъ какой-нибудь коллегіи, но, пользуясь полнымъ довѣріемъ Императрицы, обнаруживалъ вліяніе свое на всѣ дѣла, когда они могли его интересовать, къ какому бы вѣдомству они не принадлежали: способствовалъ къ сближенію нашего двора съ тѣмъ или другимъ иностранными дворами, смотря потому, искали тамъ его дружбы или нѣтъ, склонялъ выборъ Императрицы къ назначенію на какую нибудь важную должность того или другаго лица, смотря по тому, счи-

талъ ли онъ это лицо въ числѣ своихъ приверженцевъ, или нѣтъ. Необходимо было искать милости этого страшнаго временщика и трепетать его безпощадной ненависти. Общественное мнѣніе, весьма часто справедливое, не приписало Бирону ни одного полезнаго или счастливаго дѣла въ правленіи Анны, а темнымъ сторонамъ этого царствованія дало названіе *бироновщины*. Вспыльчивый и грубый, человѣкъ этотъ, будучи раздраженъ, осыпалъ людей оскорбленіями и презрѣніемъ, и умѣлъ изобрѣтать унизительныя наказанія. Говорятъ, что, будучи уже курляндскимъ герцогомъ, онъ велѣлъ схватить одного барона Сакена, осмѣлившагося непочтительно о немъ выразиться, и два года возить его въ плотно закупоренной каретѣ. Найдя однажды, что дороги были неисправны и приписывая это небреженію сената, онъ въ бѣшенствѣ кричалъ, что велитъ сенаторами мостить дороги въ Россіи...

Подобно тому, какъ при митавскомъ дворѣ, войдя въ милость у герцогини, такъ и теперь онъ поспѣшилъ окружить ее своими приверженцами. Русскимъ мало было между ними мѣста. Самолюбивый, рѣзкій на слова, Ягушинскій не замедлилъ перессориться съ нимъ и едва не попалъ въ Сибирь. Головкинъ и Черкасскій удерживались только благодаря своей готовности соглашаться со всѣми и всѣмъ поддакивать. Чтобъ отдѣлить Императрицу отъ всякаго другаго вліянія кромѣ своего, нѣмецкая партія уговорила ее переѣхать въ Петербургъ: «Здѣсь ужè, писалъ саксонскій посланникъ, донося о положеніи русскаго двора, никакой ропотъ не могъ быть услышанъ.»

Императрица возстановила самодержавіе, но она понимала его не такъ, какъ понималъ, напримѣръ, Петръ I, ко-

торый желалъ неограниченной власти не для того, чтобъ пользоваться однѣми ея выгодами, но чтобъ всю эту власть употребить на благо народа, какъ онъ понималъ благо народа; который изучалъ законодательство, промышленность, военное искусство и кораблестроеніе, самъ трудился, самъ работалъ, чтобъ потомъ писать законы, давать направленіе промышленности, командовать арміей, предводительствовать флотами. Императрица не могла, какъ онъ, дѣлать все сама, а потому, уничтоживши верховный совѣтъ, ей необходимо было создать какое нибудь другое учрежденіе, которое обсуждало бы государственныя дѣла и давало направленіе правительству. Такое учрежденіе было создано подъ именемъ «кабинета» и членами его были въ первое время Головкинъ, Остерманъ и Черкасскій. Душою этого высшаго правительственнаго мѣста былъ Остерманъ, принужденный однакожъ во многомъ соображаться съ видами Бирона.

Одною изъ первыхъ и весьма справедливыхъ заботъ новаго правительства было о престолонаслѣдіи. Императрицѣ было не болѣе 37 лѣтъ, слѣдовательно она могла еще вступить въ супружество и имѣть прямыхъ наслѣдниковъ. Нѣкогда милый ей Морицъ Саксонскій поспѣшилъ напомнить о себѣ новой Императрицѣ, но безуспѣшно; его не пригласили пріѣхать въ Россію. Одинъ принцъ изъ королевскаго португальскаго дома, донъ Эммануилъ, пріѣзжалъ въ Москву съ надеждой получить руку Императрицы, но также не имѣлъ успѣха. Анна Іоанновна не желала вступать въ новыя брачныя узы.

За тѣмъ казалось бы ближе всего объявить наслѣдницею цесаревну Елизавету, или, выдавъ ее за мужъ, при-

звать къ престолонаслѣдію ея дѣтей. Но цесаревна вела въ то время жизнь весьма разсѣянную, думала только объ удовольствіяхъ и казалась неспособною къ серьознымъ занятіямъ, а, главное дѣло, оттѣсненная отъ престола русская партія начинала сближаться съ Елизаветою, и Императрица съ своими приближенными недовѣрчиво на нее смотрѣла. Наконецъ, у Анны Іоанновны была болѣе близкая родня,—а именно дочь ея старшей сестры, Екатерины, — Анна Леопольдовна, проживавшая въ Россіи. Рѣшено было принцессу эту выдать за мужъ и передать престолонаслѣдіе въ ея потомство. Съ этою цѣлію былъ посланъ Левенвольдъ - младшій въ Германію, чтобъ между тамошними князьями избрать супруга молодой принцессѣ. По рекомендаціи вѣнскаго двора, съ которымъ еще со временъ Императрицы Екатерины мы были въ близкихъ отношеніяхъ, избранъ былъ герцогъ брауншвейгскій, Антонъ-Ульрихъ, который и прибылъ въ Россію въ 1733 году.

Покамѣстъ устраивался такимъ образомъ (хотя и неудачно, какъ увидимъ) важный вопросъ престолонаслѣдія, возникали другіе. Однимъ изъ нихъ былъ вопросъ о нашихъ закавказскихъ провинціяхъ.

Прикаспійскія провинціи, пріобрѣтенныя Петромъ въ видахъ обширнаго развитія восточной торговли, не оправдали еще этихъ ожиданій. Купцы западной Европы не отправляли къ Астрахани и Астрабаду своихъ товаровъ и не требовали оттуда шелка, хлопка, индиго и другихъ мѣстныхъ произведеній. Можетъ быть, все это могло бы случиться со временемъ, еслибъ устроены были удобныя сообщенія отъ Петербурга до Астрахани, еслибъ

зоркая полиція ограждала безопасность проѣзжающихъ и еслибъ просвѣщеніе истребило мелкое мошенничество между нашими торговцами. Но на все это не было обращено вниманія правительствъ, послѣдовавшихъ за Петромъ I, а потому мечта его о великой восточной торговлѣ оставалась мечтою. Къ тому же содержаніе войскъ въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ дорого стоило, нездоровый климатъ истреблялъ ихъ и, наконецъ, усиливавшіеся въ закавказьи Турки грозили отнять у насъ эти провинціи и тѣмъ усилиться еще болѣе, утвердясь на берегахъ Каспійскаго моря, на которомъ до сего времени мы не имѣли другихъ совмѣстниковъ, кромѣ Персіянъ. По этому рѣшено было возвратить шаху эти провинціи, выговоривъ за это какія нибудь выгоды.

Такая уступчивость, впрочемъ весьма благоразумная, была очень удивительна со стороны правительства, котораго главною заботою было увеличить внѣшнее величіе Россіи. Это объясняется тѣмъ, что правительство это имѣло совсѣмъ другіе виды, совершенно на другихъ пунктахъ, а потому оно избѣгало всего, что влекло за собою разъединеніе силъ: оно готовилось къ энергическому вмѣшательству въ дѣла Польши.

Мы уже видѣли, какое сильное вліяніе пріобрѣла Россія на Польшу въ началѣ XVIII вѣка; оно не вовсе утратилось въ слабое царствованіе Екатерины I; въ царствованіе Императрицы Анны это вліяніе еще значительно усилилось, а черезъ полстолѣтіе послѣ того, государства польско-литовскаго уже не существовало. Между тѣмъ на картахъ первой половины XVIII вѣка государство это занимаетъ довольно большое пространство въ восточной

части Европы. Земли этого государства были вообще прекраснѣйшими и плодоноснѣйшими странами, ихъ населяло 20 милліоновъ жителей, имѣвшихъ репутацію свободолюбиваго, патріотическаго, воинственнаго народа... Какъ же объяснить такое быстрое и страшное его паденіе?

Этому было много причинъ, и весьма важныхъ. Во-первыхъ, государство это было составлено изъ частей, совершенно различныхъ между собою по происхожденію, по языку, по вѣроисповѣданію, по преданіямъ историческимъ. Курляндія, о которой мы уже говорили, была населена совершенно особливымъ племенемъ; дворянство въ ней было нѣмецкое, лютеранскаго исповѣданія, и заботилось только о томъ, чтобъ существовать отдѣльно, при своихъ стариныхъ правахъ, законахъ и обычаяхъ. Бѣлоруссія, Украйна, Волынь и Подолія, древнія русскія области, были населены русскими и православными, тоже дорожившими своею національностію. Жители собственно литовскаго княжества (нынѣшней Ковенской и части Виленской и Гродненской губерній) болѣе всѣхъ слились съ поляками, но и тамъ простонародье сохранило свой языкъ (литовскій), а дворянство имѣло свои интересы, не всегда согласные съ интересами Польши; въ самой Польшѣ, въ ея сѣверо-западныхъ областяхъ, особенно по городамъ, жило множество Нѣмцевъ; наконецъ въ Литвѣ, въ русскихъ земляхъ и въ Польшѣ проживало милліона полтора Евреевъ, ни въ какомъ отношеніи не сливавшихся съ остальнымъ народонаселеніемъ.

Еще въ XVI вѣкѣ возникла мысль сплотить посредствомъ единства вѣры и языка всѣ эти разнородныя части, и вотъ польское духовенство принялось обращать право-

славныхъ и лютеранъ и заводить школы, въ которыхъ преподаваніе производилось только на польскомъ языкѣ. Цѣль отчасти была достигнута этимъ средствомъ; большая половина дворянства русскихъ провинцій (куда преимущественно было направлено католическое вліяніе) потеряла свою національность, забыла свой языкъ и религію своихъ отцовъ, какъ напримѣръ князья Острожскіе, Любомірскіе, Вишневецкіе, Четвертинскіе, Масальскіе,—потомки Рюрика и Владиміра, перешедшіе сначала въ унію, а потомъ и въ латинство. Но, съ другой стороны, тѣ, которые не соглашались измѣнять своей національности, дѣлались врагами того вліянія, которое ихъ давило, и первымъ доказательствомъ этого были казачьи войны и отпаденіе Малороссіи. Курляндцы подозрительно смотрѣли на всякую мѣру варшавскаго правительства, клонившуюся къ сліянію герцогства съ остальнымъ государствомъ; Евреи, чѣмъ болѣе ихъ утѣсняли, тѣмъ тщательнѣе держались своей особливости.

Съ тѣхъ поръ православные польскіе подданные постоянно искали покровительства и защиты Россіи, а лютеранскіе точно также обращались къ бранденбургскому курфирсту (принявшему потомъ титулъ короля прусскаго); это, въ свою очередь, еще болѣе раздражало Поляковъ-католиковъ противъ Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ (иновѣрцевъ), которые, наконецъ, были лишены права участвовать на сеймахъ, а это опять сильнѣе и сильнѣе побуждало Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ искать себѣ покровительства въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ.

Такова была одна причина внутренней слабости Польши, но это было далеко не единственная. Польско-литовское королевство многіе называютъ «шляхетскою (дворянскою)

республикою»; это совершенно справедливо. Шляхтичи Польши и Литвы имѣли, какъ уже нѣсколько разъ нами замѣчено, огромныя права и пользовались такою свободою, какой не имѣли граждане ни одного европейскаго государства; эту «шляхетскую республику» многіе называютъ также «демократическою»: точно, по закону, каждый шляхтичъ былъ равенъ другому; послѣдній *ходачковый* шляхтичъ (дворянинъ-лапотникъ) могъ однимъ словомъ *nie pozwolam* уничтожить рѣшеніе цѣлаго сейма, точно также какъ Сапѣга или Замойскій; онъ точно также могъ быть избранъ въ короли, какъ Радзивиллъ или Потоцкій. Таковъ былъ законъ: но на самомъ дѣлѣ было иначе. Давно уже всѣ высшія должности, и духовныя и свѣтскія, занимали члены знатныхъ и богатыхъ фамилій; бѣдная же шляхта питалась, такъ сказать, крохами, падающими съ ихъ стола, и подъ благовиднымъ именемъ «пріятелей», составляла придворный штатъ магнатовъ. Судьба государства была въ рукахъ этихъ магнатовъ, которые вели за собою толпы бѣдной, вполнѣ отъ нихъ зависѣвшей шляхты на войну и на сеймы.

Магнаты эти были очень похожи на средневѣковыхъ феодаловъ западной Европы. Подобно имъ, они проживали круглый годъ въ своихъ зàмкахъ, употребляя для украшенія этихъ зàмковъ, для разведенія обширныхъ садовъ, для содержанія охотъ и для безпрестанныхъ пированій всѣ силы и всѣ денежныя средства своихъ подданныхъ, которыхъ считали десятками и даже сотнями тысячъ. Власть ихъ надъ этими подданными была безграничная. Помѣщикъ хотя не имѣлъ, по закону, права казнить смертію своего подданнаго, но могъ откупаться отъ этого преступленія самымъ ничтожнымъ штрафомъ; да еслибъ и былъ законъ, наказываю-

щій за это, сильные люди всегда имѣли возможность уклониться отъ его исполненія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ республикѣ не было власти довольно сильной, чтобъ заставить уважать законъ. Замѣчательно, что польскіе суды отличались предъ всѣми современными своею неподкупностію, но это приносило мало пользы, потому что повиновался ихъ приговорамъ только тотъ, кто хотѣлъ, или кому это было выгодно. Такимъ образомъ, нерѣдко бывало, что человѣкъ, выигравшій въ судѣ процессъ, пріѣзжалъ въ имѣніе, которое, напримѣръ, было ему присуждено во владѣніе; но прежній помѣщикъ встрѣчалъ его въ главѣ цѣлаго эскадрона «пріятелей», охотниковъ, гайдуковъ, янычаръ и смѣялся надъ приговоромъ суда, который ему показывали. По этому мало по малу вошло въ обычай дѣлать такъ называемые «заѣзды», то есть пріѣзжать для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ съ вооруженною силою, съ пріятелями, гусарами, гайдуками и проч., и при этомъ между частными лицами, въ половинѣ, и даже въ концѣ XVIII вѣка, происходили открытыя военныя дѣйствія, какъ между рыцарями XII столѣтія.

«Польша какъ будто застыла въ средневѣковыхъ понятіяхъ», говоритъ одинъ польскій писатель, и это тѣмъ болѣе было для нея несчастливо, что всѣ прочія государства измѣняли свое внутреннее устройство сообразно требованіямъ времени. Вездѣ было признано необходимымъ имѣть, для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, власть полицейскую, и сто лѣтъ тому назадъ въ Англіи эта власть уже начинала быть тѣмъ, чѣмъ должна быть — другомъ и покровителемъ слабаго противъ силь-

наго. Вездѣ были введены постоянныя арміи, обученіе и вооруженіе которыхъ составляло предметъ особой заботы правительствъ; вездѣ горожане, капиталисты, промышленники и торговцы начинали не только пользоваться нѣкоторою безопасностью, но и получать гражданскія права; зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ нѣкоторыхъ странахъ уже не существовала; англійскіе фермеры и городскіе обыватели засѣдали въ парламентѣ рядомъ съ членами аристократіи; Меньшиковы не уступали шагу Голицынымъ; религіозная терпимость вездѣ пользовалась уваженіемъ: — Польша одна только оставалась при старинныхъ понятіяхъ. Города не имѣли голоса на сеймѣ, иновѣрцы были устранены отъ государственныхъ должностей, законы лишены были силы; народомъ, надіей считалось нѣсколько десятковъ тысячъ дворянъ (изъ которыхъ только какая нибудь сотня фамилій была дѣйствительно самостоятельна); вся остальная масса служила имъ лишь средствомъ выказывать свое великолѣпіе и смѣяться надъ закономъ.

Зная это, уже не покажется удивительнымъ, что каждое изъ сосѣднихъ правительствъ имѣло въ польско-литовскомъ государствѣ своихъ горячихъ приверженцевъ, болѣе преданныхъ ему, нежели варшавскому; не покажется удивительнымъ и то, что какихъ нибудь 20,000 регулярныхъ, хорошо дисциплинированныхъ войскъ, предводимыхъ искуснымъ генераломъ, проходили изъ конца въ конецъ двадцати милліонное государство, встрѣчая или искреннихъ друзей, или немногочисленныя кучки дворянъ храбрыхъ, но неимѣвшихъ понятія о военномъ искусствѣ, предводимыхъ вождемъ, или гетманомъ, который обыкновенно

былъ очень знатный и богатый магнатъ, но командовалъ своею арміею какъ какой нибудь коннетабль среднихъ вѣковъ, а не какъ полководецъ новѣйшаго времени.

Можно бы спросить: за чѣмъ же сосѣднія государства пользовались слабостію Польши и не употребляли своего вліянія, чтобъ она исправила свои внутреннія учрежденія? Дай Богъ, чтобъ народы и правительства дошли до такой христіанской любви между собою, но ни въ прошедшія, ни даже въ настоящія времена этой христіанской любви между государствами еще не замѣчается. Народы требуютъ отъ своихъ правительствъ прежде всего своего собственнаго благоденствія и правительства прежде всего обязаны заботиться о благосостояніи управляемыхъ ими народовъ. Равно сильныя, равно предусмотрительныя и попечительныя правительства не станутъ воевать между собою. Но по этому-то каждое правительство и каждый народъ должны заботиться, чтобъ не быть слабѣе другихъ, а какъ сила государства весьма много зависитъ отъ количества жителей страны, отъ удобства границъ, отъ числа приморскихъ торговыхъ пунктовъ и т. п., то отсюда и желаніе не только правительствъ, но и народовъ раздвигать предѣлы своихъ государствъ. Такъ, Пруссія въ началѣ прошлаго вѣка была государствомъ слабымъ, которое не только не могло играть роли между другими государствами, но должно было всегда опасаться, что противъ него сдѣлаютъ покушенія болѣе сильные сосѣди, а потому западныя и прибалтійскія части Польши, смежныя съ Пруссіею, заключавшія въ себѣ много единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ей жителей, естественно сдѣлались предметомъ желаній своихъ сосѣдей. Точно тоже можно сказать и о Россіи,

съ тою еще разницею, что смежныя съ ними польскія области,—Бѣлоруссія, Украйна, Волынь, Подолія,—были старинныя области Россіи, отвоеванныя у нея во время ея слабости и что жители этихъ областей, будучи Русскими по происхожденію, и по языку, и по вѣроисповѣданію, безпрестанно взывали о помощи, покровительствѣ и даже принятіи подъ русскую державу.

Много такихъ прошеній было подано Царямъ московскимъ монастырями, духовенствомъ и православными подданными Речи посполитой; еще болѣе стало ихъ поступать, когда, при Петрѣ, Россія начала получать явный перевѣсъ надъ Польшею. «Бьютъ челомъ богомольцы твои, писали къ Петру въ 1718 году, благочестивыхъ монастырей литовскихъ и бѣлорусскихъ (такихъ-то) игумины со всею во Христѣ братіею,» исчисляя утѣсненія, которымъ они подвергались. «Всемилостивѣйшій Государь! заключали они, просимъ вашего Величества, чтобъ державство ваше повелѣло къ королю польскому Августу II и Речи посполитой писать, дабы онъ крѣпкимъ на сеймѣ, или безъ сейма, гдѣ подлежитъ, договоромъ утвержденіе благочестія святою укрѣпилъ и въ приговорныя книги вписалъ, а унію бы сеймовой конституціею (опредѣленіемъ сейма) утвердити и написати въ тѣхъ нашихъ монастыряхъ не попустилъ, и оные бы монастыри державство ваше въ свою протекцію взялъ.» Года два спустя изъ Могилева писали Государю: «Ежели въ нынѣшнее время Величество ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель свободъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнешь насъ погибели, то да сохранитъ Богъ отъ слѣдующихъ (ожидающихъ) православіе погибелей!» Такія

же отчаянныя воззванія получались отвсюду: «Мы, духовные и весь городъ, писали изъ Невля, нижайше просимъ, изволь подать намъ помощь и защитить насъ отъ льва рыкающаго...»—«Подай намъ хоть какую нибудь надежду, продолжали они, дабы могли вѣдать, жить ли намъ, или уходить отъ такого деннаго и нощнаго мученія.»

Единовѣрцы наши явно призывали вооруженное вмѣшательство Россіи противъ немилостиваго къ нимъ правительства: «Слезно прошу, писалъ бѣлорусскій епископъ князь Четвертинскій, связанный, впрочемъ, родствомъ и знакомствомъ съ польскою аристократіею, слезно прошу показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ вашъ?..» Тамъ, гдѣ подобныя приглашенія дѣлаются иностраннымъ правительствамъ, тамъ не далеко до междоусобной войны. Если непростительно сильному правительству, когда оно вызываетъ противъ себя такія жалобы, то со стороны правительства слабаго—это безумно. Для сильнаго сосѣда соблазнъ слишкомъ великъ, и завоеватель, вступая въ такую страну, можетъ разсчитывать на милліоны дѣятельныхъ преданныхъ союзниковъ!..

Вотъ, слѣдовательно, сколько признаковъ слабости и причинъ паденія польско-литовскаго государства. Можно было бы насчитать ихъ и еще нѣсколько, но мы укажемъ только на одинъ—избирательную форму правленія. Да будетъ, говорили Поляки, повторяя слова Александра Македонскаго, королемъ нашимъ достойнѣйшій! Мысль превосходная, но въ Польшѣ, какъ и древне-греческомъ государствѣ, бывшая причиною большихъ бѣдствій. Какъ только упразд-

нялся польскій престолъ, со всѣхъ сторонъ являлись кандидаты, сыпали обѣщаніями, сорили деньгами, составляли себѣ партіи, которыя брались за оружіе и корона польская доставалась слишкомъ часто не достойнѣйшему, а хитрѣйшему или сильнѣйшему! Но все это еще было сносно, пока соперниками на польскій престолъ были или Поляки или князьки незначительныхъ государствъ: дѣло оканчивалось только маленькимъ междоусобіемъ... Гораздо хуже стало, когда сильныя государства Европы, соперничая между собою, начали подставлять Польшѣ своихъ кандидатовъ. Тутъ уже сыпались такія суммы, которыя въ состояніи были соблазнить, и дѣйствительно соблазняли самыхъ безкорыстныхъ, внося такимъ образомъ безнравственность въ націю и пріучая ее искать опоры не въ собственной силѣ, не въ собственномъ мужествѣ, а въ посторонней поддержкѣ и низводя такимъ образомъ Польшу на степень второстепеннаго, зависимаго государства!

Это именно случилось въ эпоху, къ которой мы приблизились. Саксонскій курфирстъ, избранный королемъ польскимъ, Августъ II, умеръ въ началѣ 1733 года. Кто будетъ его преемникомъ? вотъ мысль, которая въ одно мгновеніе встревожила не только все польско-литовское шляхетство, но и всѣ почти правительства Европы. Шляхта не безъ неудовольствія видѣла зависимость еще стараго своего короля отъ сосѣдственныхъ дворовъ и не безъ основанія предполагала, что онъ желалъ сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Замѣтить надобно, что въ республикѣ начала преобладать мысль о томъ, чтобъ устранить отъ польскаго престола всѣхъ

иностранныхъ принцевъ и вручить корону природному Поляку,—мысль, которая тѣмъ болѣе нравилась польскимъ магнатамъ, что каждый изъ нихъ могъ надѣяться быть избраннымъ. Между тѣмъ былъ и здравствовалъ на бѣломъ свѣтѣ человѣкъ, уже носившій титулъ короля польскаго, избранный, коронованный: это былъ Станиславъ Лещинскій. Возведенный нѣкогда на престолъ Карломъ XII и низведенный Петромъ I, Станиславъ спокойно проживалъ свой вѣкъ во владѣніяхъ французскаго короля, за котораго ему удалось выдать свою дочь. Станиславъ былъ не честолюбивъ, а потому онъ легко помирился съ своей судьбою, занимался науками, писалъ самъ и едва ли предъявилъ бы претензію на корону, еслибъ его не привела въ движеніе честолюбивая политика французскаго двора. Дворъ этотъ не могъ отстать отъ сдѣланной при Людовикѣ XIV привычки производить волненіе и тревогу во всей Европѣ. Можно понять, что какое нибудь правительство старается подчинить своему вліянію сосѣдственную страну: но какая серьозная цѣль могла быть у Франціи давать отъ руки своей короля отдаленной отъ нея Польшѣ, это постигнуть трудно.

Между тѣмъ Станиславъ Лещинскій пользовался вообще большимъ расположеніемъ Поляковъ. Они забыли, какъ видно, что государь этотъ во все короткое время своего правленія находился въ полной зависимости отъ короля шведскаго и помнили только его добрыя свойства, его кротость, ласковость, щедрость, любовь къ просвѣщенію. Кромѣ того, его горячо поддерживало нѣсколько сильныхъ магнатовъ, между которыми первымъ былъ *Примасъ коро-*

левства (*), членъ знатной и многочисленной фамиліи Потоцкихъ, человѣкъ энергическій, умный и пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Съ первой минуты онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ обыкновенно употребляемыя въ такихъ случаяхъ пружины: печаталъ статьи и брошюры въ пользу Станислава, разсылалъ преданныхъ ему людей въ разные воеводства и повѣты, сорилъ французскимъ золотомъ.

Съ другой стороны, сосѣдственные дворы, — русскій вѣнскій и берлинскій, были весьма недовольны вмѣшательствомъ Франціи въ дѣло Польши, судьбами которой они втроемъ довольно между собою миролюбиво управляли; они стали увѣрять другъ друга, что Франція хочетъ въ восточной Европѣ образовать союзъ изъ Швеціи, Турціи и Польши, чтобъ унизить Австрію, Пруссію и Россію и кончили тѣмъ, что также рѣшительно объявили, что не допустятъ возведенія Лещинскаго на польскій престолъ, какъ Франція рѣшительно исключала всѣхъ прочихъ кандидатовъ. Долго не могли русскіе, австрійскіе и прусскіе дипломаты согласиться между собою, кого представить имъ отъ себя кандидатомъ; наконецъ, саксонскій курфирстъ, сынъ покойнаго короля Августа, успѣлъ склонить на свою сторону австрійское и русское правительства, обѣщавъ одному утвердить *прагматическую санкцію* (**), другому принять рѣ-

---

(*) Примасомъ королевства польскаго назывался старшій изъ архіепископовъ, глава мѣстнаго духовенства, имѣвшій большое вліяніе и на дѣла политическія, какъ сенаторъ, какъ членъ, обыкновенно, одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ глава духовенства, вообще очень вліятельнаго въ Польшѣ, и наконецъ какъ верховный правитель государства во время междуцарствій, то есть въ промежутокъ времени между смертію одного короля и вступленіемъ на престолъ новаго.

(**) О значеніи прагматической санкціи будетъ сказано ниже.

шеніе, какое оно сочтетъ удобнымъ дать вопросу о курляндскомъ наслѣдствѣ.

Тогда саксонскій, австрійскій и особенно русскій посланникъ, графъ Левенвольдъ-младшій (братъ бывшаго курляндскаго резидента въ Россіи во время смерти Петра II) горячо принялись поддерживать курфирста и составлять для него партію; золото ихъ сыпалось на встрѣчу французскому и разбѣгалось по карманамъ жадныхъ магнатовъ. Но было слишкомъ поздно: большая часть пановъ уже заключила свои условія; другіе искренно, по убѣжденію и твердо стояли за Станислава и Францію. Левенвольдъ написалъ въ Петербургъ, что избирательный вопросъ можетъ склонить на нашу сторону одна только военная сила, и фельдмаршалу Ласси велѣно было перейти польскую границу.

Между тѣмъ какъ происходило все вышеописанное, въ Варшавѣ открылся сеймъ. Избирательный сеймъ въ старинной Польшѣ представлялъ прекрасное и необыкновенное зрѣлище: между Варшавою и деревнею Воля, на берегу Вислы, есть обширное поле; посреди этого поля выведена была кругообразная насыпь, обнесенная рвомъ, внутри которой возвышался небольшой навѣсъ; сюда собиралось въ назначенный день польское шляхетство для избранія короля. Сенаторы входили подъ навѣсъ, послы или депутаты верхомъ въѣзжали въ средину обнесеннаго валомъ круга, а за рвомъ толпилось остальное шляхетство, съѣзжавшееся обыкновенно въ большомъ множествѣ, иногда въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, безъ всякой обязанности и приказанія, по чувству гражданскаго долга, чтобъ подать свободный голосъ въ рѣшеніи вопроса такой важности, какъ назначеніе верхов-

наго правителя государства. Избраніе происходило подъ открытымъ небомъ, на вольномъ воздухѣ, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ...

Такъ понимали это великое дѣло нѣкоторые честные, любившіе свое отечество, Поляки, но не такъ происходило на самомъ дѣлѣ. Большинство шляхтичей съѣзжалось не по чувству гражданскаго долга, а потому что получало за это деньги отъ иностранныхъ правительствъ или отъ магнатовъ, поддерживавшихъ, тоже часто небезкорыстно, того или другаго кандидата. Рѣшеніе избирательнаго вопроса производилось въ присутствіи всего «братства шляхетскаго», на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ, но чистое желаніе общественнаго блага рѣдко одерживало верхъ надъ своекорыстными разсчетами, или личными видами, похлѣбствомъ или непріязнію.

Избирательный сеймъ 1733 г. былъ особенно замѣчателенъ; на немъ собралось до 60,000 шляхтичей и 25-го августа они всѣ съѣхались, верхомъ, вооруженные, съ хоругвями своихъ воеводствъ, на обширное поле, о которомъ выше сказано. Нѣсколько дней, нѣсколько съѣздовъ прошло въ спорахъ; противники Станислава кричали, что ихъ насильно заставляютъ избирать человѣка, котораго они не желаютъ имѣть королемъ; приверженцы его называли ихъ измѣнниками, говорили, что ими призвано русское войско. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько магнатовъ съ своими кліентами и друзьями оставили избирательное поле, заранѣе протестуя противъ избранія Станислава.

Вдругъ пронеслась вѣсть, что Станиславъ въ Варшавѣ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ изъ Франціи, переодѣтый куп-

цомъ, и это произвело неописанную радость между его приверженцами. Примасъ воспользовался этимъ впечатлѣніемъ и приступилъ къ избранію: огромное большинство выразилось за Лещинскаго: тѣ же, которые своимъ удаленіемъ протестовали противъ этого избранія, торжественно признаны измѣнниками.

Между тѣмъ Ласси былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Варшавы. Противники Станислава, числомъ до 4,000, потянулись къ нему на встрѣчу. Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія на Вольскомъ полѣ, произошло другое избраніе, гдѣ королемъ былъ провозглашенъ саксонскій курфирстъ подъ именемъ Августа III. Еще черезъ нѣсколько дней русскій фельдмаршалъ вступалъ въ Варшаву, а Станиславъ съ примасомъ, французскимъ посломъ и нѣсколькими приверженцами удалялся въ Гданскъ, чтобъ тамъ ожидать давно обѣщанной Франціей помощи, партія же его разсыпалась по всему королевству, взывая къ оружію и провозглашая конфедерацію, т. е. поголовное возстаніе шляхты (*).

Положеніе Ласси съ двадцатитысячною его арміей посреди волнующейся страны было опасно, тѣмъ болѣе, что саксонскія войска были еще далеко: далеко были и подкрѣпленія, которыя слѣдовали изъ Россіи. Одно средство къ успѣху состояло въ томъ, чтобъ дѣйствовать быстро, смѣло, очертя голову. Но Ласси,—честный воинъ, люби-

(*) Такія конфедераціи были дозволены польскими законами. Онѣ имѣли иногда цѣлію отраженіе непріятельскихъ силъ, но еще чаще противодѣйствіе королямъ, когда ихъ дѣйствія казались несовмѣстными съ общественною пользою; бывало, что и соперничествующія между собою партіи подымали конфедераціи одна противъ другой.

мый солдатами, никогда не отличался этими качествами. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: онъ промедлилъ нѣсколько дней подъ Варшавою и въ Варшавѣ, а приблизившись къ Данцигу, расположился для правильной осады этого города. Въ Петербургѣ были имъ недовольны; но кѣмъ замѣнить его? Старые Петровы сподвижники—Голицынъ и Долгоруковъ, были не въ милости. Выборъ палъ на Миниха.

Минихъ былъ иностранецъ, подобно Остерману и многимъ другимъ поступившій въ русскую службу при Петрѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ весьма многочисленныхъ искателей приключеній, которые въ то время переходили изъ службы одного государя въ другую, сражаясь сегодня противъ того, кому служили вчера и считая, по старинной латинской пословицѣ, своимъ отечествомъ ту страну, гдѣ имъ хорошо; а хорошо имъ было тамъ, гдѣ они получали болѣе жалованья и играли болѣе видную роль.

Такимъ именно человѣкомъ былъ и Минихъ, но притомъ однимъ изъ самыхъ способныхъ между ними. Петръ I поручилъ ему, какъ свѣдущему инженеру, работы по Ладожскому каналу, производившіяся очень дурно подъ руководствомъ Меньшикова, и Минихъ привелъ ихъ къ окончанію, такъ что при Императрицѣ Аннѣ открылось прямое сообщеніе между Волховомъ и Невою (1731).

При помощи Остермана и другихъ нѣмцевъ, а также и благодаря своимъ способностямъ, онъ уже игралъ видную роль при Екатеринѣ I, осмѣливался иногда противорѣчить Меньшикову и послѣ его паденія былъ сдѣланъ губернаторомъ Петербурга. Въ этой должности онъ имѣлъ случай обнаружить свою преданность Императрицѣ Аннѣ, былъ ею обласканъ, когда она возвратилась изъ Москвы, и

сразу занялъ одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ въ ея нѣмецкомъ министерствѣ—мѣсто президента военной коллегіи. Такъ какъ армія русская въ мирное время квартировала по городамъ и деревнямъ, получала провіантъ отъ городскихъ обывателей и земства, такъ какъ военные коммисары употреблялись для всѣхъ этихъ сборовъ, то естественно, что тотъ, кто управлялъ арміею и ея хозяйствомъ, имѣлъ множество случаевъ, если хотѣлъ, вмѣшиваться во всѣ части управленія. Честолюбивый и властолюбивый Минихъ не пропускалъ подобныхъ случаевъ, и пользуясь расположеніемъ къ себѣ Бирона и Левенвольда, забиралъ болѣе и болѣе вліянія и власти, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣренности со стороны Императрицы и ея любимцевъ. Онъ, впрочемъ, обладалъ и многими условіями для подобнаго рода успѣховъ: людей, которымъ желалъ понравиться, онъ окружалъ всевозможнымъ вниманіемъ, разсыпалъ передъ ними всевозможную лесть, ослѣплялъ ихъ блестящимъ, хоть иногда и поверхностнымъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, говорилъ съ величайшею самоувѣренностію и, не зная усталости, всегда готовъ былъ принять на себя какое угодно порученіе, какую угодно работу, при чемъ никакой трудъ, никакая забота не оставляли слѣда на его величавой наружности, не уменьшали его неизмѣненной, нѣсколько переслащенной любезности, не изнуряли его въ самомъ дѣлѣ обширныхъ умственныхъ силъ. Мы, вслѣдъ за симъ, увидимъ Миниха и на войнѣ и въ совѣтѣ, а теперь упомянемъ объ учрежденіи по его проэкту «шляхетскаго корпуса» (1732) для приготовленія молодыхъ людей къ занятію военныхъ и гражданскихъ должностей,—учрежденія очень важномъ и полезномъ, потому

что Россія сильно нуждалась въ хорошо приготовленныхъ людяхъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

Биронъ и Левенвольдъ сильно покровительствовали Миниху, потому что не завидовали ему, считая себя гораздо выше и сильнѣе его, первый—милостію къ себѣ Императрицы, второй—неограниченною довѣренностію фаворита. Но былъ человѣкъ, который начиналъ ему завидовать; это былъ Остерманъ. Человѣкъ этотъ, не имѣя въ себѣ ничего блестящаго, и напротивъ, сдѣлавъ себѣ прочную репутацію хитрости и коварства, никогда никѣмъ не былъ любимъ, какъ и самъ никогда никому не былъ вполнѣ преданъ; но съ самаго вступленія еще въ верховный совѣтъ, ничто не дѣлалось безъ его согласія. Даже самонадѣянный Меньшиковъ безпрестанно справлялся съ мнѣніями Остермана; въ дѣлахъ же своего вѣдомства, то есть въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ управлялъ почти неограниченно. Понятно, что ему не полюбилось, когда Минихъ захотѣлъ вторгнуться въ его область. Это случилось именно по поводу польскихъ дѣлъ.

Французскій резидентъ въ Петербургѣ обратился къ Миниху, чтобъ привлечь наше правительство къ союзу съ Франціей, и Минихъ принялъ на себя поддерживать это предложеніе. Остерманъ возсталъ на непрошеннаго совѣтника со всею силою, къ какой только былъ способенъ, поражая его и логикой и насмѣшкой, да еще наговорилъ Бирону, что этотъ честолюбецъ хочетъ подъ всѣхъ нихъ подкопаться и сдѣлаться первымъ министромъ. Этого довольно было подозрительному Бирону, чтобъ возненавидѣть Миниха, «это змѣя, которую я отогрѣвалъ у груди своей», сказалъ онъ, и не замедлилъ дать это почувствовать. Ми-

нихъ, въ качествѣ петербургскаго губернатора, жилъ въ домѣ, имѣвшемъ прямое сообщеніе съ дворцомъ. Биронъ убѣдилъ Государыню, что необходимо отдать это помѣщеніе герцогинѣ мекленбургской, а Миниху было предложено переѣхать въ другой, подаренный ему, но отдаленный домъ.

Это случилось въ 1732 году; когда же слѣдующимъ лѣтомъ ему дано было командованіе арміею нашею въ Польшѣ, то многіе въ то время были увѣрены, что это еще новое средство, чтобъ удалить Миниха отъ Императрицы, или даже совершенно погубить его, потому что положеніе начальника небольшаго отряда посреди волнующейся націи, принужденнаго брать довольно сильно-укрѣпленный городъ, не имѣя притомъ осадной артиллеріи, было въ самомъ дѣлѣ очень опасно.

Эта презрѣнная надежда однакожъ не исполнилась. Минихъ повелъ дѣло рѣшительно и круто; обложилъ Гданскъ, стѣснилъ его траншеями, и не имѣя возможности вести правильной осады, за недостаткомъ осадныхъ орудій, началъ штурмовать городъ, былъ отбитъ и снова шелъ на приступъ съ упорствомъ, которое могло или сломить осажденныхъ, или же слишкомъ ослабить осаждающихъ и поставить ихъ въ весьма опасное положеніе. Была минута, что они дѣйствительно находились въ крайней опасности: въ виду устьевъ Вислы, близъ которыхъ стоитъ Гданскъ, показалась французская эскадра и высадила десантъ, котораго давно съ нетерпѣніемъ ожидали приверженцы Станислава. По счастію, десантъ этотъ состоялъ изъ полуторы тысячи человѣкъ.

Минихъ, оставивъ крѣпость, кинулся на него и за-

ставилъ положить оружіе. А какъ между тѣмъ подоспѣли и саксонскія войска съ тяжелою артиллеріею, то въ успѣхѣ осады уже нельзя было сомнѣваться. Осыпанный бомбами, городъ запылалъ. Жители, по большей части торговые, богатые люди, пришли въ отчаяніе; едва успѣвали они потушать пламя въ одномъ мѣстѣ, какъ бомбы осаждающихъ производили новый пожаръ, а на помощь уже не было надежды.

Тогда Станиславъ, не желая долѣе дѣлать мирныхъ гражданъ жертвою приверженности ихъ къ нему, рѣшился удалиться. Въ одеждѣ крестьянина, вдвоемъ съ однимъ, тоже переодѣтымъ, шведскимъ генераломъ, тайно вышелъ онъ изъ города, и, пространствовавъ пять сутокъ посреди безпрестанной опасности, проводя дни то въ лѣсахъ, то въ болотахъ, между камышами, осмѣливаясь идти только ночью, наконецъ достигъ прусской границы. Описаніе этого странствованія было напечатано съ величайшими подробностями и въ свое время читалось всею Европою съ интересомъ и участіемъ, котораго вполнѣ заслуживаетъ какъ этотъ эпизодъ, такъ и вся полная романическихъ случайностей жизнь «короля-философа».

По удаленіи Станислава, Гданскъ изъявилъ готовность покориться. Минихъ, самолюбію котораго льстила надежда представить въ Петербургъ плѣннаго короля, былъ взбѣшенъ, узнавъ, что его уже нѣтъ въ городѣ и наложилъ на Гданскъ контрибуцію въ 2,000,000 талеровъ; французскихъ же офицеровъ отправилъ въ Петербургъ. Тамъ извѣстіе о взятіи Гданска и прибытіи блестящей версальской молодежи въ качествѣ военно-плѣнныхъ произвело весьма пріятное впечатлѣніе. Императрица пригласила этихъ

послѣднихъ на одинъ изъ своихъ придворныхъ баловъ, возвратила имъ шпаги и отпустила во Францію. Современные заграничные журналы не замедлили протрубить объ этомъ, и хорошій пріемъ, сдѣланный французамъ, былъ весьма одобренъ всею образованною Европой.

Паденіе Гданска, гдѣ были взяты въ плѣнъ главные приверженцы Станислава, и между прочимъ примасъ, равно какъ и удаленіе самаго короля за границу, нанесли сильный ударъ его партіи. Потоцкіе, Тарло, Оссолинскіе, главные партизаны Станиславовы, еще поддерживаютъ нѣсколько времени конфедерацію, встрѣчаются иногда съ русскими и саксонскими войсками, но шляхта мало по малу устаетъ воевать безъ цѣли, предводители же ея одинъ за другимъ принимаютъ присягу на подданство Августу III, и Польша успокоивается.

IV.

Усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ. — Принесло ли оно пользу Россіи? — Въ чемъ должно было бы состоять наше вмѣшательство въ польскія дѣла? — Національная политика. — Опасность, которой насъ подвергалъ союзъ съ Австріей. — Отношенія наши къ Курляндіи. — Виды на нее Бирона. — Избраніе его герцогомъ курляндскимъ.

Какія же послѣдствія имѣло вмѣшательство наше въ польскія дѣла и какую пользу изъ этого извлекла Россія? Первымъ и очевиднымъ послѣдствіемъ было усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ; одно дѣльное нѣмецкое сочиненіе (Geschichte d. Rus. Staats. v. Hermann) говоритъ, что въ

это время польскія дѣла рѣшались не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ. И точно, тогдашній польскій посланникъ въ Петербургѣ безпрестанно писалъ въ Варшаву, что графъ Биронъ рекомендуетъ Польскому правительству такого-то воеводу или каштеляна, что графъ Остерманъ и Левенвольдъ совѣтуютъ поступать такъ-то; что русскому правительству было бы пріятно, если бы приняты были такія-то мѣры, и т. п. Лица, рекомендуемыя и покровительствуемыя такимъ образомъ, принадлежа къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, дѣлались нашими приверженцами и составляли партію, всегда готовую призвать наше вмѣшательство, приготовляя мало-по-малу окончательное господство Россіи надъ Польшею. Но, съ другой стороны, это естественно оскорбляло патріотическое чувство націи, у которой, по крайней мѣрѣ на языкѣ, были постоянно священныя слова: отечество, свобода, независимость. Оскорбленіе же это нанесено совершенно безъ надобности, также какъ безъ надобности истрачены большія деньги на избирательномъ сеймѣ, и пролита кровь русская подъ Гданскомъ. Ни поддерживать Августа III, ни преслѣдовать Станислава, не было никакой положительной причины, ибо послѣдній, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлаться нашимъ союзникомъ, а первый, при нѣкоторыхъ условіяхъ, сдѣлаться нашимъ врагомъ, какъ былъ врагомъ нашимъ возведенный нами же на престолъ Августъ II.

Не касаясь собственно Польши, мы должны были стараться о возвращеніи въ лоно отечества отторгнутыхъ отъ него западныхъ областей: этого требовали, какъ мы видѣли, жители самыхъ областей этихъ, это было необходимымъ условіемъ существованія Россіи, ибо отброшен-

ная за Днѣпръ и Двину, она не могла имѣть ни торговли, ни промышленности, ни просвѣщенія; при этихъ условіяхъ она не могла ничѣмъ инымъ быть, какъ «страною бѣлыхъ медвѣдей», по словамъ иностранцевъ. И такъ, споръ съ Польшею за западную Русь былъ неизбѣженъ; нашею святою обязанностію было протянуть руку къ призывавшимъ насъ роднымъ нашимъ братьямъ; дѣйствуя такъ, мы нашли бы союзниковъ, которыхъ не нужно было бы подкупать; этихъ союзниковъ были бы у насъ милліоны, и никто не могъ бы сказать, что мы попираемъ справедливость. Мы уже видѣли, какія грустныя моленія возсылали къ Петру наши единовѣрцы и единоплеменники, тоже продолжалось и при его преемникахъ. Въ Вильнѣ, напримѣръ, гдѣ нѣкогда они господствовали численно надъ католиками, въ XVIII вѣкѣ ихъ уже считали только десятками; монастыри оставались безъ настоятелей, церкви безъ священниковъ. Буйные паны, прогулявъ нѣсколько сутокъ, нерѣдко садились на коней съ своими слугами и охотниками и дѣлали наѣзды на православные монастыри, били въ нихъ стекла, стрѣляли въ стѣны и ворота, а если кто показывался изъ окна или двери, тѣмъ доставалось саблями. И, разумѣется, все это происходило безнаказанно, потому что такъ поступали сами члены трибуналовъ, т. е. судовъ, родственники и пріятели старостъ и воеводствъ, потому, наконецъ, что все католическое духовенство поднялось бы, еслибъ кто нибудь изъ принадлежащихъ къ «хлопской вѣрѣ» былъ бы оправданъ противъ католика.

За то какъ радовались и оживали угнетенные, запуганные наши братія, когда получали какое нибудь утѣшеніе, какую нибудь надежду. Въ 1732 году отъ кіевскаго

архіепископа былъ присланъ въ виленскій монастырь настоятель: «Мы приняты, писалъ онъ, съ честію и веселіемъ отъ всѣхъ людей православныхъ. Руцѣ горѣ возносяще премного благодарили Богу»... Поддерживать этихъ несчастныхъ, оскорбленныхъ, угнетенныхъ, конечно, было справедливостію и правомъ Россіи, и вмѣшательство наше въ польскія дѣла нашло бы, безъ сомнѣнія, живой отголосокъ въ русской націи, тогда какъ глубокомысленныя соображенія Остермана очень мало ее интересовали. Но наши иноземцы-министры не угадывали, не чувствовали въ чемъ заключается дѣйствительная сила Россіи относительно Польши. Мало того, они едва не вовлекли Россію въ большія затрудненія. Австрійское правительство не прислало въ Польшу ни одного солдата, прусское еще слабѣе насъ поддерживало: стоило слѣдовательно только французскому дѣйствовать посильнѣе, — и мы могли имѣть на рукахъ войну, которая едва ли ограничилась бы одною Польшею, потому что и въ Турціи, и въ Швеціи мы имѣли гораздо болѣе враговъ, чѣмъ доброжелателей, и между этими двумя государствами уже начинались весьма для насъ подозрительныя сношенія, когда паденіе Гданска и бѣгство Лещинскаго, по счастію, дали всѣмъ этимъ затрудненіямъ благопріятный оборотъ.

Странная была политика, которой слѣдовала Россія послѣ Петра I! Государя этого иностранные писатели упрекаютъ въ коварствѣ: онъ, говорятъ они, велъ переговоры съ Карломъ XII тайно отъ Августа и въ ущербъ своему союзнику; онъ, вопреки заключенному съ Польскимъ королемъ договору, удержалъ за собою Лифляндію; онъ до самой смерти своей искалъ случая нарушить миръ съ

Турціею. Все это больше или меньше справедливо; но посреди того всеобщаго коварства и лживости, которыми отличалась политика прежнихъ временъ, единственною достойною уваженія цѣлью для правительства могло быть благо страны, которой судьбы ему ввѣрены. Если его политика коварна и лжива, то пусть же она будетъ по крайней мѣрѣ полезна народу, или, какъ нынче говорится, національна. Такова она и была при Петрѣ, но совершенно другою стала съ Екатерины I. Безъ всякой выгоды для Россіи, мы хлопотали всѣми силами объ интересахъ голштинскаго герцога; безъ всякой надобности обязались имѣть съ германскими императорами общихъ враговъ и друзей. Открытыхъ враговъ Россія не имѣла въ то время, когда этотъ договоръ былъ заключаемъ, а потому онъ не могъ быть для нея выгоденъ. Напротивъ, онъ былъ для насъ невыгоденъ, потому что обязывалъ насъ помогать Австріи, у которой могло во всякую минуту явиться множество враговъ по причинѣ ея постоянной вражды съ Франціей и замысловъ, питаемыхъ императоромъ Карломъ VI. Объ этихъ замыслахъ надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ они дѣйствительно едва не вовлекли насъ въ войну.

Германскіе или «римскіе» императоры были, до начала нынѣшняго столѣтія, избирательными государями. Курфирсты (князья-избиратели) избирали ихъ изъ среды государей, и преимущественно германскихъ. Случилось однакожъ, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, императорами были постоянно владѣтели австрійскаго эрцгерцогства; это, наконецъ, возбудило въ нихъ желаніе утвердить за собою право на титулъ императорскій, сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Мысль объ этомъ зани-

мала Карла VI всю его жизнь. Но, какъ нарочно, у него не было сыновей, а старинный законъ не допускалъ женщинъ управлять имперіей. По этому, Карлу, чтобъ достигнуть своей цѣли, надо было узаконить два нарушенія закона, и онъ не щадилъ для этого никакихъ стараній и даже пожертвованій: онъ готовъ былъ на величайшія уступки въ пользу того правительства, которое соглашалось гарантировать императорскій престолъ за его дочерью, знаменитою впослѣдствіи Маріею-Терезіей, или подписать такъ называемую «прагматическую санкцію». На утвержденіи этой санкціи основывался и нашъ союзъ съ императоромъ, утвержденіемъ ея купилъ содѣйствіе Австріи и Августъ III относительно своихъ видовъ на польскій престолъ.

Между тѣмъ такое измѣненіе основныхъ законовъ Имперіи не могло не встрѣчать и сильнаго неодобренія. Франція была во главѣ правительствъ, противившихся утвержденію прагматической санкціи; и политики того времени были увѣрены, что смерть Карла VI будетъ сигналомъ жестокой войны; Россія же, несчастнымъ трактатомъ, заключеннымъ при Екатеринѣ I, должна была ожидать, что кровь ея солдатъ, что ея милліоны потекутъ для служенія дѣлу, вполнѣ ей чуждому!

Эта печальная необходимость встрѣтилась еще ранѣе нежели ожидали: едва взятъ былъ Гданскъ, какъ императоръ потребовалъ, чтобъ Россія выставила условленное количество войска для войны, которая у него началась съ Франціею... Казалось бы, что мы могли отклонить отъ себя это обязательство, потому что вѣнскій дворъ не прислалъ намъ на помощь въ Польшу ни одного солдата: рѣ-

шено однакожъ было иначе, и генералъ Кейтъ повелъ въ 1735 г. цѣлую дивизію русскую въ глубину Германіи, къ берегамъ Рейна. По счастію, война была окончена прежде, чѣмъ наши войска успѣли вступить въ дѣло, и вся потеря наша ограничилась денежными расходами, взамѣнъ которыхъ нѣкоторые съ гордостію указывали на отзывы нѣмецкихъ газетъ о хорошей дисциплинѣ, о бодромъ видѣ Кейтовой дивизіи...

Мудрено съ достовѣрностію сказать, какія именно были истинныя причины такой ненаціональной политики; но кажется, что большую роль играли здѣсь личныя мнѣнія тогдашнихъ нашихъ государственныхъ людей. Императоръ германскій, или, какъ онъ назывался тогда «глава священной римской имперіи, императоръ и цезарь», пользовался еще старинныхъ, почти суевѣрнымъ уваженіемъ всякаго нѣмца. Прусскій король, имѣя множество причинъ къ неудовольствію противъ императора и едва ли уступая ему въ могуществѣ, преклонялъ передъ нимъ колѣна и цѣловалъ у него руку: «я останусь ему вѣренъ до послѣдней капли крови, я не отстану отъ него, пока онъ развѣ оттолкнетъ меня ногой», говорилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Великій германскій поэтъ, Гёте, жившій гораздо позже, смѣявшійся надъ многимъ, что уважалось его предшественниками, и тотъ писалъ, что онъ не могъ видѣть безъ священнаго благоговѣнія залу, гдѣ нѣкогда избирались германскіе императоры, которыхъ и всѣ монархи Европы признавали первыми между собою. По этому можно думать, что и Остерманъ, Биронъ, Левенвольдъ и другіе наши нѣмецкіе министры не могли освободиться отъ нѣкотораго подчиненія въ отношеніи къ императору. Остер-

манъ, кромѣ того, былъ вполнѣ убѣжденъ, что союзъ съ Австріею придастъ много значенія Россіи; что же касается Бирона, то можно думать, что его пристрастіе было небезкорыстно; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ получалъ отъ императора и деньги и помѣстья въ Германіи. Наконецъ римскій императоръ могъ быть ему весьма полезенъ и въ отношеніи его замысловъ на курляндское герцогство,— и вотъ въ чемъ состояли эти его замыслы.

Въ бытность Бирона при дворѣ герцогини курляндской его честолюбіе ограничивалось желаніемъ быть вписаннымъ въ число курляндскихъ дворянъ, но и въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха; со вступленіемъ же на русскій престолъ Анны Іоанновны, претензіи Бирона раздвинулись: съ помощію услужливыхъ генеалоговъ, онъ вывелъ свое происхожденіе отъ одной изъ знаменитѣйшихъ французскихъ фамилій, Byron (*); германскій императоръ сдѣлалъ его графомъ; русская Императрица подарила ему въ потомственное владѣніе городъ Венденъ (въ Лифляндіи); всѣ дружественные съ Россіею государи присылали ему свои орденскіе знаки, многіе назначили или обѣщали ему пенсіи: при такой обстановкѣ не удивительно что, Биронъ возвратился къ мысли Меньшикова,—сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ. Только онъ взялся за это дѣло болѣе издалека и не такъ круто, какъ его предшественникъ.

Прежде всего онъ воспользовался вліяніемъ русской Государыни и бывшей курляндской герцогини. Анна Іоанновна, живя въ Митавѣ, не вмѣшивалась въ управленіе герцогствомъ; не взирая на это, или, можетъ быть, по

(*) Полагаютъ что настоящая фамилія нашего временщика была Бюренъ, Büren.

этому самому, она имѣла много друзей между курляндскимъ дворянствомъ. Биронъ постарался поддержать или даже усилить эти связи. Принадлежавшія герцогинѣ земли въ Курляндіи были розданы тамошнимъ ея приверженцамъ; нѣсколько вліятельныхъ курляндцевъ, какъ наприм. Корфъ и Кейзерлингъ, получили въ Петербургѣ значительныя должности. Слѣдствія этого скоро оказались: вопреки прежнимъ своимъ рѣшеніямъ, митавскій ландтагъ (*) (1730 г.) принялъ Бирона въ среду своего дворянства, а это дало ему возможность покупать въ Курляндіи земли и помѣстья и пріобрѣтать новыхъ друзей. Далѣе, когда Августъ III искалъ покровительства Россіи для полученія польскаго престола, онъ, конечно, прежде всего началъ заискивать въ Биронѣ; при этомъ случаѣ между ними заключено условіе, что Биронъ станетъ помогать Августу относительно польскаго престола, и Августъ, въ свою очередь, станетъ ему помогать въ его видахъ на Курляндію.

Справедливость требуетъ сказать при этомъ, что виды Бирона вполнѣ совпадали съ видами нашего правительства. Еще при Екатеринѣ I оно воспротивилось присоединенію герцогства къ Польшѣ и удержанію въ немъ старинной формы правленія съ особымъ герцогомъ; можно думать, что цѣль наша и тогда еще состояла въ томъ, чтобъ, послѣ смерти настоящаго герцога, вполнѣ преданнаго Польшѣ, посадить такого, который былъ бы преданъ намъ или отъ насъ зависѣлъ: чего же лучше было Бирона, который, и сдѣлавшись герцогомъ, оставался бы русскимъ оберъ-камергеромъ, приближеннымъ русской

(*) Тоже, что сеймъ.

Императрицы и русскимъ вліяніемъ держался бы на курляндскомъ престолѣ?

Благодаря всему этому, дѣло Бирона катилось какъ по бархату. На «пацификаціонномъ сеймѣ» (*) 1737 г., окончившемъ смуты въ Польшѣ, вліяніемъ короля и нашего посланника, было рѣшено продлить въ Курляндіи прежнюю форму правленія и по смерти нынѣшняго герцога, не имѣвшаго, какъ было уже сказано, дѣтей.

Дряхлый этотъ старецъ умеръ въ 1737 г. и Биронъ пріобрѣтшій, вышеизложенными способами, множество приверженцевъ между курляндскимъ дворянствомъ, былъ избранъ герцогомъ, съ прямымъ нисходящимъ отъ него потомствомъ. Цѣль этого честолюбца была достигнута, но и первый шагъ былъ сдѣланъ къ присоединенію Курляндіи къ Русской Имперіи.

V.

Разрывъ съ Турціей. — Походъ 1736 года; взятіе Азова и разореніе Крыма. — Походъ Ласси въ Крымъ въ 1739 году и взятіе Очакова. — Походы Миниха 1738 и 1739 годовъ; ставучинская побѣда и взятіе Хотина. — Бѣлградскій миръ. — Чтò принесла война и что она стоила? — Характеристика Миниха. — Неудовольствія съ Польшею и Швеціей. — Убіеніе маіора Синклера.

Все что, мы знаемъ теперь о русской политикѣ при Императрицѣ Аннѣ, достаточно опредѣляетъ характеръ этой

(*) Сеймы, кромѣ обыкновенныхъ, собиравшихся каждые два года, бывали въ Польшѣ по различнымъ частнымъ случаямъ, какъ то: *«конвокаціонные»*, собиравшіеся послѣ смерти короля; «избирательные», для избранія короля; «пацификаціонные», для замиренія послѣ междоусобныхъ войнъ.

политики: характеръ твердый, воинственный, наступательный, можно сказать задорный; мы безъ особой надобности ввязались въ войну съ Польшей; едва окончивши ее, кинулись-было воевать съ Франціей и въ тоже самое время замышляли еще новую войну съ Турціей.

Справедливаго повода къ этой новой войнѣ еще труднѣе найти, чѣмъ къ предшествующимъ. Вотъ какъ дѣло было. Турція въ это время воевала съ Персіей и воевала не очень успѣшно. Это былъ, конечно, удобный случай уничтожить невыгодный прутскій договоръ и добиться другаго, выгоднѣйшаго. Графъ Левенвольдъ, говоритъ одинъ современникъ, Манштейнъ, убѣдилъ наше правительство воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ отмстить за прутское пораженіе и возобновить начатое Петромъ I наступленіе къ Черному морю. Желаніе развязать себѣ руки и собрать сколь возможно больше войска было, между прочимъ, причиною возвращенія Персіи нашихъ прикаспійскихъ провинцій. Отчасти съ цѣлію пріобрѣсть союзника противъ Турціи, мы такъ услужливо посылали Австріи помощь и оставляли безъ вниманія тò, что она не помогала намъ противъ Польши. Война съ Турціей была дѣломъ, горячо заинтересовавшимъ наше правительство; всѣ предшествующія, замѣчаетъ одинъ нѣмецкій историкъ, были забавами. Нужно было только найти болѣе или менѣе благовидный предлогъ для начатія военныхъ дѣйствій,—и предлогъ этотъ былъ, конечно, безъ труда найденъ.

По случаю войны съ Персіей, султанъ приказалъ крымскому хану прибыть съ своими татарами въ Закавказье; для этого ему было необходимо пройти черезъ Кабарду,—страну, находящуюся на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ

горъ. Россія объявила Турціи, что эта страна издавна принадлежитъ ей и что движенія татаръ по этой мѣстности она не потерпитъ. Тѣмъ не менѣе татары выступили въ походъ черезъ Кабарду. Это было признано за враждебныя дѣйствія со стороны Турціи и армія наша, расположенная въ Украйнѣ, и исподволь приведенная на военное положеніе, получила приказаніе немедленно двинуться въ Крымъ, которымъ надѣялись безъ труда овладѣть, благодаря отсутствію хана. Но движеніе начато было поздно, въ октябрѣ 1735 г., и армія наша, истощенная болѣзнями, не успѣвшая сдѣлать всѣхъ нужныхъ приготовленій для дальняго похода, принуждена была возвратиться, не дойдя до Перекопа.

Замиреніе Польши дало возможность на слѣдующій годъ отдѣлить болѣе силъ для дѣйствій противъ Крыма. Начальникомъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ покоритель Гданска, Минихъ. Понимая трудность перехода по безводнымъ пустымъ степямъ, отдѣляющимъ русскую границу отъ Крыма, въ которыя, 50 лѣтъ назадъ, опрометью пустился В. В. Голицынъ, Минихъ обратилъ особенное вниманіе на средства снабженія арміи провіантомъ, снарядами и осадною артиллеріей. Онъ нашелъ удобнѣйшимъ доставлять ихъ водою, и для этого приказалъ устроить особаго рода суда, которыя и должны были спуститься Днѣпромъ съ самаго его устья, а оттуда вдоль Черноморскаго берега плыть къ Перекопскому перешейку, гдѣ, по слухамъ, ожидали встрѣтить сильныя укрѣпленія; другой пловучій караванъ, заготовленный въ Воронежѣ, долженъ былъ такимъ же образомъ доставить тяжести къ Азову, уступленному Турціи, какъ мы знаемъ, по прут-

скому договору, и который предполагалось непремѣнно взять.

Компанія открылась раннею весною 1736 года движеніемъ къ Азову. Минихъ самъ велъ войска, назначенныя для овладѣнія этою крѣпостію; но сдѣлавши первыя распоряженія для осады, онъ сдалъ командованіе Ласси, а самъ поспѣшилъ къ главной арміи, которая, въ числѣ 50,000, собиралась на Днѣпрѣ, чтобъ вести ее въ Крымъ. Широкое степное пространство, разстилающееся до самаго морскаго берега, было пройдено благополучно, безъ серьозныхъ встрѣчъ съ татарами, и почти по той же самой дорогѣ, которой слѣдовалъ нѣкогда Голицынъ; въ концѣ мая передовые наши разъѣзды увидѣли море и зубцы Перекопскаго замка.

Перекопскій перешеекъ, отдѣляющій Гнилое море отъ Чернаго, имѣетъ ширины всего 7 верстъ; это единственный путь въ Крымъ. Естественно, что всѣ средства были употреблены татарами, чтобъ его преградить: отъ моря до моря, во всю ширину перешейка, былъ прорытъ глубокій ровъ и выведенъ земляной валъ съ нѣсколькими каменными башнями, которыя, также какъ и замокъ Перекопскій, были снабжены артиллеріей. Это болѣе странное, чѣмъ грозное, укрѣпленіе не представляло очень серьознаго препятствія, и было взято съ ничтожною потерею. Занявши его, Минихъ вступилъ въ Крымъ, въ это старинное гнѣздо нѣкогда грозныхъ нашихъ враговъ,—грозныхъ, потому что мы были слабы и не имѣли понятія о военномъ исскуствѣ: 50 лѣтъ передъ тѣмъ несравненно многочисленнѣйшая рать наша въ недоумѣніи остановилась

передъ укрѣпленіями, которыя съ такою легкостію, почти безъ потери одолѣлъ теперь Минихъ!

По ту сторону перешейка открывалась опять гладкая степь, Минихъ двинулся впередъ. Татары, испуганные взятіемъ укрѣпленій, которыя они считали неодолимыми, разсыпались, но мало по малу, оправившись, собрались снова и со всѣхъ сторонъ обхватили нашу армію, пуская въ нее стрѣлы, но нанося ей мало вреда. Города: Козловъ (Эвпаторія), Акмечеть и Бакчисарай, столица хана, были взяты и разорены; множество конныхъ табуновъ и стадъ было захвачено, много набрано различной добычи, освобождено нѣсколько сотъ плѣнныхъ христіанъ. Семейства татаръ въ ужасѣ спѣшили въ горы, находящіяся въ южной части полуострова. Предпріимчивый Минихъ надѣялся съ мечемъ и огнемъ пройти всю страну поперегъ до такъ называемаго теперь южнаго берега; но это не могло состояться, потому что, во-первыхъ, болѣзни въ этомъ непривычномъ для Русскихъ климатѣ очень ослабили нашу армію, во-вторыхъ, потому, что, по нераспорядительности князя Трубецкаго, завѣдывавшаго доставкою провіанта, суда, которыя должны были доставить его къ Крымскимъ берегамъ, не поспѣли во время. По всѣмъ этимъ причинамъ пришлось повернуть назадъ, покинувъ и Перекопъ, который признано было невозможнымъ удерживать въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ Россіи и при трудности его снабженія всякаго рода припасами.

Такимъ образомъ блестящіе подвиги нашей арміи не принесли никакихъ положительныхъ результатовъ, кромѣ только взятія Азова, который остался въ нашихъ ру-

кахъ. Минихъ мечталъ о томъ, чтобъ овладѣть всѣмъ полуостровомъ и удержать его за Россіею. Это была прекрасная мечта; исполненіе ея было бы чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ для Россіи, но едва ли оно было тогда еще возможно. Какъ бы то ни было, походомъ своимъ въ Крымъ мы далеко не усмирили татаръ, и зимою они, въ свою очередь, сдѣлали набѣгъ, хотя и не очень удачный, на наши границы; съ нашей же стороны многочисленная орда калмыковъ была устремлена на кубанскихъ татаръ. Кровь лилась безъ цѣли и безъ результатовъ.

Компанія возобновилась на слѣдующій годъ. Ласси повелъ одну армію противъ Крыма, но не со стороны Перекопа (который былъ снова укрѣпленъ татарами), а Арабатской косою, отдѣляющею Гнилое море отъ Азовскаго. Подобно, какъ въ прошломъ году, армія наша жгла и истребляла все встрѣчавшееся на пути; но также какъ и въ прошедшій годъ, принуждена была возвратиться, не имѣя довольно средствъ, чтобъ утвердиться въ Крыму. Минихъ, съ своей стороны, осадилъ Очаковъ, довольно сильную турецкую крѣпость, запиравшую выходъ изъ Днѣпра, и послѣ жестокой, кровопролитной осады, овладѣлъ ею и оставилъ въ ней гарнизонъ.

Овладѣть линіею Днѣпра и утвердиться на ней было дѣломъ во многихъ отношеніяхъ важнымъ. Этимъ мы прерывали связь Турціи съ Крымомъ, отдѣляли татаръ отъ ихъ союзниковъ и покровителей и, стѣсняя ихъ со стороны Азова и Очакова, угрожая имъ со стороны Днѣпра и Дона нашими флотиліями, дѣлали неизбѣжнымъ паденіе ихъ царства, безъ чего никогда не могли успокоиться и наши южныя окраины. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя сообра-

женія побудили наше правительство принять совершенно другой планъ военныхъ дѣйствій. Въ силу трактата 1726 года, вѣнскій дворъ выслалъ, наконецъ, и свою армію противъ турокъ, но онъ требовалъ, чтобъ мы или дѣйствовали съ нею вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ недальнемъ отъ нея разстояніи. Желаніе это было справедливо съ ихъ точки зрѣнія, но невыгодно для насъ, потому что отвлекало насъ отъ разумной цѣли,—утвердить прочную границу на Днѣпрѣ и принуждало къ отдаленнымъ, стало быть труднымъ и, какъ увидимъ, безцѣльнымъ походамъ.

Въ 1738 и 1739 годахъ Минихъ ходилъ къ Днѣстру, проникалъ даже за Прутъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ и овладѣлъ сильною турецкою крѣпостью, Хотиномъ; но эти громкіе успѣхи, кромѣ славы нашей арміи и ея главнокомандующаго, не принесли никакихъ плодовъ Россіи. Минихъ, который готовился перенести оружіе за Дунай, гдѣ войско русское не бывало со временъ Святослава, вдругъ получилъ извѣстіе, что императоръ заключилъ съ Турціею миръ, и миръ чрезвычайно невыгодный для себя... Это взорвало пылкаго Миниха; онъ написалъ къ одному изъ цесарскихъ генераловъ письмо чрезвычайно рѣзкое: «Гдѣ же, писалъ онъ, этотъ тѣсный союзъ двухъ императорскихъ дворовъ? Русскіе берутъ крѣпости—вы ихъ теряете и срываете собственными руками; мы завоевываемъ провинціи, вы уступаете цѣлыя королевства... Смѣю увѣрить васъ, что еслибъ цесарская армія находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и тогда бы, при содѣйствіи Императрицы Россійской, вы могли бы заключить миръ болѣе для васъ выгодный.»

Письмомъ этимъ Минихъ, какъ говорится, сорвалъ

сердце, но поправить дѣла не могъ; положеніе его за Днѣстромъ, вдали отъ русскихъ границъ, сдѣлалось даже довольно опаснымъ и результаты четырехъ тяжелыхъ, смертоносныхъ компаній, были совершенно потеряны: оставленные нашими союзниками, которыхъ дружбы мы искали съ такою настойчивостію въ продолженіи почти 15 лѣтъ, мы были принуждены уступить не только Хотинъ и линію Днѣстра, но и Очаковъ и стало быть всѣ наши пріобрѣтенія, кромѣ одного Азова *). Глубоко огорченный этимъ миромъ, Минихъ писалъ Бирону: «Турки обязаны этимъ миромъ Магомету, Нейпергу (австрійскому уполномоченному при заключеніи мира) и Вильнёву (французскому послу въ Константинополѣ). Прости Боже вѣнскому двору, что такія огромныя суммы потрачены изъ за такихъ жалкихъ результатовъ!..» **).

Усилія, со стороны Россіи по крайней мѣрѣ, дѣйствительно были огромны. Въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго приведенъ нѣсколько выше, Минихъ самъ говоритъ, что перевозка различнаго рода тяжестей требовала ежегодно болѣе 200,000 лошадей и воловъ, которые уже бывали негодными для слѣдующей компаніи! А сколько людей погибло! одно взятіе Очакова стôило намъ около 20,000 убитыми, изувѣченными и умершими отъ болѣзней! Вся Россія тяготилась этими безпрерывными наборами рекрутъ, требованіемъ подводъ и т. п. Малороссія была совершенно изнурена и мы имѣемъ любопытныя извѣстія о понесенныхъ ею въ это время тягостяхъ: въ 1736 году

(*) Который, впрочемъ, обязались срыть.
(**) Этотъ дѣйствительно плачевный миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ.

было потребовано для укрѣпленія пограничной линіи 53,000 рабочихъ, въ теченіе же этого года было доставлено для арміи около 100,000 четвертей всякаго хлѣба, за который хотя и заплатили деньги обывателямъ, но долго спустя; 44,000 воловъ было потребовано въ слѣдующемъ году... Всѣ эти подробности записаны однимъ современникомъ, Маркевичемъ, малороссіяниномъ, который имѣлъ привычку отмѣчать ежедневно все, что ему казалось заслуживающимъ вниманія. Но эти тягости были бы еще сносны, потому что требовались законнымъ порядкомъ; а вотъ что Маркевичъ отмѣчаетъ на одной страницѣ своего дневника: «Полки проходящіе забрали весь хлѣбъ изъ амбаровъ и даже изъ ямъ и всѣхъ воловъ увели; три скирды сѣна увезли». Таковы были тягости, наложенныя на Россію и особенно на Малороссію этой войною, не принесшею, какъ сказано, никакой пользы. Сами военные тяготились ею, тѣмъ болѣе что Минихъ былъ не только строгъ, но суровъ: разжалывалъ генераловъ, разстрѣливалъ полковниковъ не за преступленія, а за оплошность, за непринятіе надлежащихъ мѣръ осторожности и т. п. Конечно, много лѣтъ спустя, тотъ, кто остался живъ, могъ не безъ гордости говорить: «я былъ подъ Ставучанами, я взбирался на стѣны Очакова»! Въ этихъ разсказахъ ветerановъ турецкой войны рѣшительный, смѣлый Минихъ назывался не иначе, какъ «соколомъ»; онъ принималъ какіе-то исполинскіе размѣры, являлся богатыремъ, вождемъ-исполиномъ; но вотъ отрывокъ изъ старинной пѣсни, сложенной солдатами вѣроятно въ то время, когда свѣжо еще было ощущеніе трудовъ и недостатковъ Миниховскихъ походовъ:

Власьевъ (т. е. Ласси), славный генералъ,
Азовъ самъ собою взялъ;
А какъ Минихъ живодёръ
Нашихъ кишекъ не берегъ...

Минихъ, пріобрѣтя громкую извѣстность, и не въ одной Россіи, турецкими походами, особенно взяіемъ Очакова и Ставучанскимъ сраженіемъ, былъ щедро награжденъ землями въ разныхъ губерніяхъ и получилъ званіе подполковника преображенскаго полка. Онъ однакожъ, какъ многіе тогда полагали, не совсѣмъ былъ доволенъ этими наградами, и мечталъ, говорятъ, быть «герцогомъ Малороссіи». Сравнивая себя съ Бирономъ, онъ былъ отчасти правъ, потому что этотъ послѣдній, безъ всякихъ трудовъ и заслугъ, получилъ, при заключеніи мира, полмилліона рублей. Но вся эта трата денегъ и людей могла бы скоро вознаградиться, еслибъ, за заключеніемъ мира съ Турціей, послѣдовали годы внутренняго спокойствія; къ сожалѣнію, наступательная, вызывающая политика наша окружала насъ враждою. Національное чувство польскаго народа было уже раздражено вмѣшательствомъ нашимъ въ его дѣла. Во время двухъ послѣднихъ компаній, Минихъ, чтобъ не дѣлать слишкомъ дальнихъ обходовъ, водилъ свои войска на Днѣстръ черезъ польскія владѣнія, нарушая тѣмъ неприкосновенность чужой территоріи. Это, такъ сказать, подбавило масла на огонь, и можно было опасаться, что еслибъ война вскорѣ не прекратилась, то Польша воспользовалась бы развлеченіемъ нашихъ силъ и сама взялась бы за оружіе; уже какіе-то таинственные, тщательно отъ насъ скрываемые, переговоры производились между варшавскимъ и стокгольскимъ дворами при помощи

Версальскаго. Швеція дѣлала явныя приготовленія къ войнѣ; огромная и очень сильная партія въ этой странѣ настойчиво требовала, чтобъ правительство воспользовалось отдаленіемъ нашихъ войскъ для возвращенія Финляндіи и Балтійскихъ провинцій. Одно происшествіе еще болѣе усилило враждебное къ намъ расположеніе шведскаго народа и едва не произвело немедленнаго разрыва: это было убіеніе маіора Синклера.

Маіоръ Синклеръ былъ посланъ шведскимъ правительствомъ въ Константинополь, какъ думали у насъ, для заключенія союза противъ Россіи. Не взирая на всѣ старанія, мы не могли узнать, чѣмъ кончились его переговоры, а знать объ этомъ было, разумѣется, весьма нужно. Случилось, что на обратномъ пути Синклеръ былъ убитъ въ Германіи русскими офицерами и бумаги его были похищены. Вся европейская журналистика въ одинъ голосъ закричала, что это убійство было дѣломъ петербургской политики. Правительство наше съ негодованіемъ протестовало противъ этого; убійцы были отысканы и наказаны, но общественное мнѣніе не удовлетворилось этимъ, и заграничныя газеты продолжали быть намъ враждебными; въ Стокгольмѣ же негодованіе было такъ сильно, что народъ выбилъ камнями окна у нашего посланника. Усиліями нашей дипломаціи и щедро разсыпаннымъ золотомъ, немедленный разрывъ былъ предотвращенъ, но черезъ годъ Швеція объявила намъ войну, о которой разсказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

VI.

Взглядъ на внутреннее управленіе. — Налоги и ихъ взысканіе. — Доимочная канцелярія. — Побѣги. — Голодъ. — Разбои. — Закамскій край. — Башкирское возстаніе. — Заговоръ князя Черкасскаго. — Мнимый царевичъ Алексѣй. — Духовенство. — Дворъ Императрицы. — Заключеніе князя Голицына. — Послѣдній актъ трагедіи Долгоруковыхъ. — Волынскій. — Шутовская свадьба и ледяной домъ. — Тредьяковскій. — Процессъ и казнь Волынскаго. — Слова Екатерины II объ этомъ процессѣ.

Теперь передъ нами обрисовался характеръ правленія нашего въ 1730—40 годахъ; но мы говорили до сихъ поръ главнѣйше о дѣлахъ внѣшней политики. Посмотримъ, какъ распоряжалось правительство по дѣламъ внутренняго управленія, какъ его распоряженія принимались націей и что дѣлала нація.

«Правленіе Императрицы Анны, было строгое, а иногда и тираническое» говоритъ историкъ Щербатовъ, родившійся въ царствованіе этой Государыни и могшій слышать свѣжія о немъ воспоминанія. И отзывъ Щербатова окажется справедливымъ если мы поближе познакомимся съ этою эпохой. Мы даже принуждены будемъ отозваться строже нашего историка, который утверждаетъ, что «народъ былъ порядочно управляемъ и не былъ отягощенъ налогами».

Всякій гражданинъ обязанъ нѣкоторою жертвою для общаго блага страны и нѣкоторою повинностію въ пользу государства. Въ государствахъ граждански зрѣлыхъ повин-

ности эти правильно соразмѣрены съ дѣйствительными потребностями страны и съ средствами плательщиковъ и уплачиваются онѣ безъ ропота и безъ уклоненія. Не такъ было въ Россіи. Государственные доходы при Петрѣ немногимъ превосходили 10 мил., но между тѣмъ и эта ничтожная сумма никогда вполнѣ не взносилась. Что̀ могло быть этому причиною? Причинъ было множество, но главнѣйшихъ двѣ: 1) неудовлетворительное распредѣленіе налоговъ, и 2) гражданская незрѣлость народа, побуждавшая каждаго плателщика укрываться отъ уплаты. Петръ вообще строго взыскивалъ повинности, но и онъ бывалъ принужденъ дѣлать льготы и прощать недоимки, пользуясь для этого какими нибудь общерадостными событіями, какъ напримѣръ заключеніемъ мира съ Швеціей. Точно также снисхожденія были дѣлаемы въ этомъ отношеніи Екатериною I и Петромъ II; но правительство Анны Іоанновны рѣшалось поступать иначе, и замѣтивъ, что съ 1719 года накопилось болѣе 7 милліоновъ различнаго рода недоимокъ, потребовало ихъ уплаты; для завѣдыванія же сборомъ этихъ недоимокъ, учредило такъ называемую «доимочную канцелярію»,—имя, которое и по сіе время не забыто народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что общая сумма государственныхъ налоговъ было весьма не велика. Если даже положить, что они простирались при Аннѣ до 15 мил., то и въ этомъ случаѣ приходилось бы на каждаго мужчину немногимъ болѣе рубля повинностей въ годъ. Но повинность эта была бы нечувствительна, еслибъ она была разложена такъ, что падала бы сильнѣе на людей богатыхъ и слабѣе на бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, это было совершенно наоборотъ;

такъ, напримѣръ, подушный сборъ въ 70 коп. съ души платился одними крестьянами. Кромѣ того, на нихъ же падалъ съ большею тяжестію, чѣмъ на другія сословія, акцизъ на соль, на вино, продажа которыхъ составляла монополію казны; наконецъ, пошлины при различныхъ продажахъ, плата за перевозы и т. п. тоже ихъ не миновали, и вотъ, между прочимъ, почему такъ тяжела была крестьянамъ ихъ доля въ уплатѣ небольшаго (въ общей сложности) государственнаго дохода.

Не трудно понять, что положеніе ихъ еще значительно ухудшилось, когда потребована была уплата прежнихъ недоимокъ. А между тѣмъ уплата оныхъ требовалась настойчиво; для взноса назначены были сроки, по истеченіи которыхъ велѣно было выправлять недоборы съ самихъ сборщиковъ, съ городовыхъ магистратовъ и бургомистровъ, съ членовъ присутственныхъ мѣстъ, съ воеводъ и даже съ губернаторовъ. Понятно, что, избѣгая денежной отвѣтственности, всѣ эти власти выжимали всѣми возможными средствами недоимки съ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. И странно: правительство какъ будто не вѣрило страшному отягощенію, которому подвергался народъ и приписывало его уклоненіе отъ поборовъ одному упорству; въ одномъ изъ указовъ по этому случаю сказано съ укоромъ и даже какъ будто съ удивленіемъ, что крестьяне, не смотря на «экзекуціи», не соглашаются добровольно взносить требуемыя съ нихъ деньги.

Что же было результатомъ подобныхъ мѣръ? Безпрестанно повторяемыя подтвержденія о безотлагательномъ взысканіи доказываютъ, что взысканія эти не были успѣшны; съ другой стороны, едва ли когда либо побѣги были такъ

многочисленны и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Какъ только доносился слухъ до какой нибудь деревни о приближеніи грозной «экзекуціи»,—то есть военной команды, посылаемой для доправленія недоимокъ,—крестьяне покидали свои домы и уходили въ лѣса, угоняя стада и унося все, что можно было захватить, и возвращались только тогда, когда «экзекуція» переходила въ другое селеніе; иногда же не возвращались и вовсе, переходя въ расколъ и поселяясь въ лѣсныхъ пустынножительствахъ.

Когда оказывалась рѣшительная невозможность добыть чего нибудь съ крестьянъ, взысканіе падало на помѣщиковъ, а за казенныхъ крестьянъ съ головъ и старостъ, съ членовъ магистрата и бургомистровъ въ городахъ, и вообще съ «лучшихъ людей», то есть съ самыхъ состоятельныхъ; ихъ сажали подъ караулъ, отбирали ихъ собственное имущество, да еще, въ видѣ наказанія тѣмъ начальникамъ, которые допустили недоимки, доправляли на нихъ по 10% за все недовзысканное ими въ свое время.

Въ пограничныхъ мѣстахъ народъ толпами валилъ на чужбину и особенно въ польскія владѣнія, гдѣ наши бѣглецы находили и знакомые имъ обычаи, и родную рѣчь, и православные храмы. Правительство грозило смертію подговорщикамъ къ такимъ побѣгамъ, выставляло караулы и заставы на порубежныхъ мѣстахъ, но все это не помогало; а какъ такихъ переселенцевъ насчитывалось до 250 тысячъ, то правительство нѣсколько разъ посылало къ нимъ приглашенія возвратиться, обѣщая полное прощеніе. Эти приглашенія оставались безуспѣшными; наконецъ, придумана была крайняя мѣра, а именно пред-

положено было, чтобъ войска наши, бывшія съ Минихомъ и Ласси въ Польшѣ, возвращаясь, захватили съ собою бѣглецовъ, какъ военноплѣнныхъ: въ 1735 году раскольники наши поселившіеся близь границы на р. Вѣткѣ были подъ карауломъ возвращены въ лоно отечества...

Конечно, не одно взысканіе податей доводило крестьянъ до побѣговъ; не малую роль играло въ этомъ и дурное управленіе помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, какъ объ этомъ было не разъ упоминаемо въ указахъ; но по той или другой причинѣ происходили побѣги крестьянъ, послѣдствіемъ ихъ было то, что поля оставались часто не засѣянными, а это произвело голодъ, который испытала Россія въ 1734 и 35 годахъ. Тогда помѣщикамъ велѣно было кормить крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ и отнюдь не допускать ихъ до бродяжничества; но строгое исполненіе этого повелѣнія очевидно было невозможнымъ и не только бродяжничество усилилось, но усилились разбои; для поддержанія нѣкоторой безопасности по дорогѣ между Москвою и Петербургомъ выставлены были команды солдатъ и драгунъ; изъ оффиціальныхъ актовъ мы узнаемъ, что въ какихъ нибудь ста верстахъ отъ Москвы, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, вооруженная шайка «разбила» помѣстье какого-то Татищева (не историка). «Воровство умножилось близъ самаго Петербурга, читаемъ мы въ одномъ указѣ 1735 года, и многихъ людей гребятъ и бьютъ».

Таково было общее состояніе Россіи; а теперь мы всмотримся поближе въ одинъ изъ ея угловъ, въ который до сего времени мы еще не заглядывали. За Волгою, къ сѣверовостоку отъ Казани, по Камѣ и за Камою про-

стирался обширный, лѣсистый край, издавна населенный различными племенами азіятскаго происхожденія. Ближайшіе къ намъ, и нѣкогда сильнѣйшіе, господствующіе здѣсь, татары были давно покорены, и въ XVIII вѣкѣ они жили болѣе или менѣе спокойно, сохраняя свою религію, свой языкъ, свои обычаи, отбывая государственныя повинности и покорно исполняя требованія губернаторовъ, воеводъ и комендантовъ. Въ положеніи, подобномъ татарамъ, находились и мордва, черемисы и мещеряки; но не таковы были башкиры, народъ довольно многочисленный и энергичный, жившій за Камою и въ Уральскихъ горахъ. Чуждаясь новыхъ для него порядковъ, особенно когда они ему представлялись въ видѣ алчныхъ воеводъ, онъ часто бунтовалъ и до Петра и при Петрѣ. Возмущенія эти, хотя и происходившіе въ отдаленномъ краѣ, не могли не безпокоить правительство, потому что, край этотъ былъ весьма для насъ важенъ: въ нынѣшней Пермской губерніи были большія соляныя варницы, а въ Уральскихъ горахъ, со времени Петра, началась очень дѣятельная разработка желѣза, мѣди и драгоцѣнныхъ металловъ; черезъ этотъ край шло сообщеніе съ Сибирью и проходили китайскіе караваны; наконецъ, волненіе между башкирами весьма легко могло найти отголосокъ въ сосѣдственныхъ съ ними племенахъ, киргизъ-кайсакахъ и калмыкахъ, жившихъ, или правильнѣе кочевавшихъ, между низовьями Волги, вдоль сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и до границъ Китая.

Калмыки, будучи ближайшими сосѣдями Астрахани и Царицына, считались издавна нашими подданными; въ 1730 году часть киргизовъ предложила подданство Рос-

сіи. Но не легко было удержать въ повиновеніи этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что, будучи кочевниками, они, при дальнѣйшемъ неудовольствіи, могли откочевать за Уралъ въ глубь туркменскихъ степей и точно также внезапно явиться оттуда для раззоренія немногочисленныхъ въ томъ краю русскихъ поселеній. Для огражденія отъ ихъ набѣговъ учреждены были по Волгѣ линіи небольшихъ укрѣпленій и казачьихъ станицъ, а въ глубинѣ башкирскихъ земель построено нѣсколько крѣпостей: Уфа, Мензелинскъ и др. Наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны придумано было протянуть такую же линію укрѣпленій и казачьихъ станицъ для отдѣленія Туркменскихъ степей отъ южной Сибири и Башкиріи: первымъ къ этому шагу было построеніе Оренбурга.

Но эти же мѣры, принимаемыя къ утвержденію края, и были причиною новаго возстанія. Два года волновалась Башкирія (1735—37) и едва не увлекла за собою только-что подчинившихся киргизовъ; два года лилась тамъ кровь, совершались жестокости всякаго рода и все это прекратилось лишь въ то время, когда на другомъ концѣ Россіи, на границахъ Крыма и Турціи, начиналась извѣстная уже намъ война.

Неспокойно было и въ разныхъ другихъ частяхъ Россіи. Въ 1734 году открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлію, какъ полагаютъ, возвести на престолъ малолѣтнаго герцога голштинскаго (сына цесаревны Анны). Главою этого заговора былъ смоленскій губернаторъ, князь Черкасскій; онъ имѣлъ даже какія-то тайныя сношенія съ лицами, жившими въ польскихъ владѣніяхъ (подходившихъ въ то время къ Смоленской губерніи). Въ Малоросіи, въ

да еще сельскій священникъ. Однажды ...
часъ ударили въ колокола и, собравшись, повели
своего мнимаго царевича. Священникъ встрѣ
званца съ крестомъ и хоругвями, ввелъ въ
рота и сталъ возглашать ему молебенъ, а на
гавшійся въ церковь, съ умиленіемъ цѣловалъ р
щика.

Всѣ эти замыслы безъ большаго труда были
и виновные подвергаемы заслуженному наказан
они доказывали броженіе умовъ и недовольст
Всѣ сословія обнаруживали неудовольствіе,
своему: простой народъ побѣгами, возмущенія
ніемъ самозванцевъ, дворянство заговорами
этому послѣднему сословію было, впрочемъ,
маловажное облегченіе, — а именно дано пра
въ отставку послѣ 25 лѣтъ службы.

Что касается до духовенства, то едва л
будь оно такъ мало сочувствовало правительст
описываемое время. Всѣ вліятельнѣйшія лиц

господства Бирона, Остермана и другихъ иновѣрцевъ; но когда они пали, оно дало волю своему къ нимъ нерасположенію. При вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, оно привѣтствовало ее какъ освободительницу отъ иноплеменнаго ига. «Наказалъ тебя, о Россіе, Богъ за грѣхи твои самымъ большимъ наказаніемъ: коль много по кончинѣ Петра втораго ты претерпѣла бѣдъ, перемѣнъ», и проч., говорилъ одинъ проповѣдникъ въ 1742 г. «Враги наши домашніе, внутренніе, продолжалъ онъ, какую стратагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя, въ тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили»... Послѣднія слова не совсѣмъ справедливы, но они показываютъ, какъ смотрѣло на эпоху 1730—40 г. духовенство.

Теперь, чтобъ обойти всѣ слои русскаго общества въ описываемую эпоху, надобно намъ перенестись ко двору Императрицы. Придворная роскошь, примѣръ которой подалъ Людовикъ XIV, въ это время распространилась всюду и была одною изъ главныхъ заботъ Императрицы, а еще болѣе Бирона. Этотъ послѣдній, не въ состояніи будучи первенствовать ни въ совѣтѣ, ни на войнѣ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ затмѣвать всѣхъ своихъ современниковъ великолѣпіемъ и достигалъ этого; убранство его комнатъ едва ли не превосходило убранство императорскаго жилища, а его конюшни и манежъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть времени, мало имѣли равныхъ во всей Европѣ. Разумѣется, угождая ему и всѣ придворные дѣлали непомѣрные расходы на свою одежду, на экипажъ и убранство домовъ: «Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей стали не иныя употребляться, па-

другими обоями, почитая неблагопристойно
нату безъ обоя; зеркалъ, которыхъ сперва б
мало, уже во всѣ комнаты, и большія, стали
Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали; б
злащенныя кареты, съ точеными стеклами, с
хатомъ, съ золотыми и серебряными бахрам
и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлаще
сребренныя шоры, съ кутасами шелковыми и
или серебромъ, также богатыя ливреи стали упо

Все это было далеко отъ скромной одно
великаго, отъ его маленькаго домика на П
сторонѣ и даже отъ Екатерингофскаго дв
русской Императрицы.

Издержки на дворъ Анны Іоанновны уве
размѣрно этимъ новымъ требованіямъ противъ
временъ; на одно ея конюшенное вѣдомство
болѣе, чѣмъ на весь придворный штатъ Петр
сто тысячъ. Надѣлано множество новыхъ
должностей, устроена охота въ большихъ

Если бы мы стали всматриваться въ лица, окружавшія Императрицу, то точно также, какъ и въ наружной обстановкѣ, замѣтили бы большія перемѣны. Мы мало нашли бы тамъ лицъ и именъ, встрѣчавшихся намъ при Петрѣ, а именно: одного только Остермана, да еще, пожалуй, Миниха, который начиналъ быть извѣстнымъ въ послѣдніе годы Петрова царствованія. Ягушинскій, поссорившись съ Бирономъ, проживалъ въ Берлинѣ въ качествѣ нашего посланника; Шафировъ, возвращенный изъ опалы Екатериною, занимался болѣе своими частными дѣлами и коммерческими оборотами, нежели дѣлами государственными. Почти не встрѣтимъ мы вокругъ престола и тѣхъ именъ, которыя нація привыкла видѣть у дѣлъ со времени еще зарожденія Московскаго царства,—людей иногда почтенныхъ, иногда не заслуживавшихъ уваженія, но съ именами которыхъ въ народномъ понятіи связывается воспоминаніе о всѣхъ свѣтлыхъ и темныхъ годинахъ Россіи. Голицыны были не въ милости; князь Дмитрій Михайловичъ хотя и не подвергся преслѣдованіямъ за свои дѣйствія въ 1730 году, но пострадалъ семь лѣтъ спустя по слѣдующему случаю. Одна изъ его дочерей была замужемъ за братомъ поэта Кантемира. Пользуясь своимъ вліяніемъ при Петрѣ II, Голицынъ выхлопоталъ тогда для своего зятя, чтобъ все огромное имѣніе стараго Кантемира было утверждено за нимъ. При Аннѣ князь Антіохъ началъ по этому поводу тяжбу и выигралъ ее, а Голицынъ, за несправедливыя свои претензіи, былъ въ 1737 году посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался черезъ годъ.

О судьбѣ другой знаменитой фамиліи, Долгоруковыхъ,

вѣсту Петра II (потому что это открылось п(
время ихъ заключенія, за ними учрежденъ (
строгій надзоръ и ежемѣсячно присылались
всемъ, что до нихъ касалось. Ничего, однакожъ
валось, что могло бы представить поводъ къ і
слѣдованіямъ. Но вотъ стали ходить неопредѣле
о какомъ-то обширномъ заговорѣ, имѣвшемъ і
бы истребленіе нѣмцевъ и возведеніе на пре(
ревны Елисаветы, и душою котораго были Д
Что такіе слухи дѣйствительно были, доказате
находимъ во многихъ иностранныхъ совреме
неніяхъ; но это были только слухи, не имѣю
основанія, потому что изъ страшно подробн
дирчивыхъ слѣдствій, производившихся надъ
выми, ничего подобнаго не обнаружено; да и і
момъ дѣлѣ, была возможность руководить п(
переворотомъ изъ за стѣнъ Соловецкой обите
резовскихъ пустынь!

Но слухи эти снова обратили вниманіе на

Но это извѣстіе было поводомъ къ назначенію слѣдственной коммиссіи, которая немедленно прискакала въ Тобольскъ. Князь Иванъ и его братья (отца ихъ уже не было въ живыхъ) были схвачены и приведены въ Тобольскъ, а березовскій ихъ домъ перерытъ и пересмотрѣнъ отъ чердаковъ до подваловъ. Найдена была, наконецъ, знаменитая картина, и оказалось, что это было аллегорическое изображеніе коронаціи Петра II, который былъ представленъ сидящимъ на тронѣ, а передъ нимъ на колѣнахъ *Россія* въ видѣ женщины...

Это открытіе не остановило слѣдствія, потому что, какъ было уже разъ замѣчено, слѣдствія прежняго времени имѣли цѣлію не разъяснить обстоятельства *извѣстнаго* преступленія, а открыть, не было ли совершено *какое нибудь* преступленіе... Недавняго царскаго фаворита поднимали на дыбу, били кнутомъ—и, наконецъ, довели до такого помраченія, что онъ, однажды сидя въ острогѣ, потребовалъ *слова* и *дѣла* и разсказалъ весь разговоръ, происходившій въ Головинскомъ дворцѣ во время предсмертной болѣзни Петра II.

Получивши донесеніе объ этомъ, дѣйствительно весьма важномъ открытіи, начальникъ тайной канцеляріи, Ушаковъ, принялъ въ свои руки производство дальнѣйшаго слѣдствія. Иванъ Долгорукій, его братья и Василій Лукичъ были переведены въ Шлиссельбургъ и въ ближайшія къ Петербургу мѣста заключенія; двое братьевъ Алексѣя Григорьевича (дяди князя Ивана) незадолго передъ тѣмъ освобожденные, арестованы, и началось одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій, когда либо производившихся въ Россіи.

Оно разъяснило подробности сдѣланнаго княземъ Ива-

дядямъ и Василью Лукичу—отсѣчь головы; Ва
димировича и его брата заключить на вѣчное за
Соловецкій монастырь. Казнь дряхлаго князя
молодаго, но разбитаго страданіями, князя И
двухъ дядей совершилась въ Новгородѣ въ ко
года. Каковы бы ни были ихъ прежнія заблужд
преступленія, девятилѣтнее постоянное ихъ пр
и страданія, которыя они въ это время перенесл
съ ними примиряютъ: «смерть столь неожида
вая и мучительная, искупила всѣ грѣхопаденія
(князя Ивана) и кровь, обагрившая новгородс
должна примирить прахъ его со всѣми врага
нашего», писалъ полвѣка спустя одинъ изъ ч
горуковской фамиліи.

Сочувствіемъ, которое возбуждаютъ постра
горуковы и особенно князь Иванъ много обяза
послѣдняго, княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, несча
и прекрасная душа которой не разъ уже вдох

Москву на коронацію Государя, чествуемый, превозносимый всею роднею сироты. Она была сговорена съ нимъ, когда первыя бѣды стряслись надъ головою Долгоруковыхъ. Съ невыразимою прелестью, съ прелестью неподражаемой искренности, сама Наталья Борисовна разсказываетъ свое положеніе въ это время: «Такія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ: иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ — чины и кавалеріи отберутъ.... каково мнѣ тогда было, въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руки помощи не имѣть, а надобно и долгъ и честь сохранить и вѣрность не уничтожить». И этотъ долгъ и честь хотѣла сохранить Наталья Борисовна вопреки совѣту своей родни: «свойственники говорили, что я человѣкъ еще молодой и безразсудно себя сокрушаю; можно-де этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; найдутся другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины имѣть будутъ».—«Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать, пишетъ Наталья Борисовна. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему?...» Благородная дѣвушка осталась вѣрною своему слову, но за то отъ нея, въ свою очередь, вся родня отшатнулась: «куда дѣвались всѣ искатели и друзья! всѣ спрятались... Уже день свадьбы назначили,—некому проводить; никто изъ родныхъ не ѣдетъ; да некому и звать (со стороны жениха). Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственницъ, которыя меня провожали, а то

принуждена была бы съ рабою ѣхать... Привезли меня какъ бѣдненькую сироту...»

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы все семейство Алексѣя Григорьевича получило приказаніе отправиться въ дальнія деревни. Молодая женщина, воспитанная въ совершенномъ невѣдѣніи дѣлъ житейскихъ, по старинному, вполнѣ увѣрена была, что ея мужъ есть лучшій изъ людей и что ему стоитъ только слово сказать, чтобъ его невинность возсіяла пуще солнца; вокругъ нея смятеніе и стоны, а она, не понимая дѣла, говоритъ: «поѣзжайте сами къ Государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ глядя на меня, пишетъ она много лѣтъ спустя, удивляется моему младоумію и смѣлости!» Послѣ нѣсколькихъ дней пути нагналъ ссыльныхъ офицеръ и объявилъ имъ указъ: «велѣно, де съ васъ кавалерію снять... Въ столицѣ, знать, стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали! Боже мой, какое тутъ ихъ правосудіе!..» Невѣдѣніе дочери графа Шереметева было такъ велико, что, описывая свою дорогу до имѣнія, которое первоначально было назначено мѣстомъ ссылки, потомъ до Березова, она не называетъ ни одного города, ни одной рѣки: все это не интересовало ее, не останавливало ея вниманія; но за то она не спускала глазъ съ своего возлюбленнаго: «Во всѣхъ злоключеніяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла».

Княгиня Долгорукова лично не играла накакой роли въ судьбѣ Россіи и по этому едва ли имѣетъ право на мѣсто въ ея исторіи; но ея судьба связана съ одною изъ самыхъ яркихъ историческихъ драмъ этой эпохи, а

безъискуственный ея разсказъ такъ живо рисуетъ нѣкоторыя черты этой драмы и вообще современнаго быта, что невозможно лучше изобразить ихъ, какъ ея словами. При томъ, признаемся съ горестію: это единственная, въ то мрачное время, свѣтлая личность, на которой душа останавливается съ сочувствіемъ и любовію: это прекраснѣйшій, чистѣйшій образъ русской женщины въ первой половинѣ XVIII вѣка и вотъ почему ей можно удѣлить мѣсто въ нашемъ разсказѣ. По смерти мужа и родственниковъ она еще оставалась въ Березовѣ съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми и лишь по воцареніи Елизаветы Петровны получила позволеніе оставить свое заточеніе. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію она удалилась въ Кіевъ, постриглась и тамъ, въ своей иноческой обители, записала для дѣтей своихъ все, что помнила изъ обстоятельствъ своего минутнаго счастія и долгихъ своихъ страданій.

Едва окончилась страшная драма Долгоруковыхъ, какъ началась новая, не менѣе страшная, героями которой были Волынскій и нѣсколько его друзей.

Мы уже нѣсколько знаемъ Волынскаго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ способности замѣчены были Петромъ великимъ и которымъ онъ открывалъ путь къ отличіямъ и къ дѣятельности. Посольствомъ его въ Персію Государь былъ доволенъ и, задумавъ завоеваніе Каспійскихъ береговъ, поручилъ ему, вмѣстѣ съ управленіемъ Астраханскою губерніей, сдѣлать нужныя приготовленія для Персидскаго похода. Волынскій былъ человѣкъ способный, дѣятельный и довольно образованный, но въ высшей степени самолюбивый, самонадѣянный и неразборчивый въ средствахъ къ возвышенію и обога-

щенію. Еще во время бытности въ Персіи онъ запятналъ себя лихоимствомъ, во время же губернаторства своего въ Астрахани, а потомъ въ Казани онъ позволялъ себѣ самыя наглыя грабительства и самыя свирѣпыя насилія. И грабительство и насиліе были въ это время дѣломъ обыкновеннымъ, но Волынскій превзошелъ мѣру и едва не попалъ подъ судъ. Ему удалось однакожъ увернуться отъ заслуженнаго наказанія и даже войти въ милость къ Левенвольду и Бирону; онъ сдѣланъ былъ егермейстеромъ и въ этомъ званіи угождалъ и служилъ съ невѣроятнымъ усердіемъ извѣстной страсти Бирона къ лошадямъ и не щадилъ никакихъ издержекъ и трудовъ, чтобъ охоты царскія были веселы, удачны и богаты добычею.

Но занятія такого рода не удовлетворяли честолюбію Волынскаго, да и не соотвѣтствовали его способностямъ. Бывъ долгое время губернаторомъ, онъ отлично изучилъ администрацію, свои законы, сличалъ ихъ съ иностранными и нерѣдко представлялъ кабинету мнѣнія по разнымъ отраслямъ управленія, которыя давали высокое понятіе объ его практическомъ знаніи, такъ что въ 1738 году онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ.

Здѣсь передъ нимъ открывалось поприще шире: всѣ важнѣйшія дѣла внутренняго управленія и внѣшней политики сосредоточивались въ кабинетѣ. Но Волынскій скоро разсорился съ другими кабинетъ-министрами; онъ понималъ только отношенія или начальственныя или подначальныя: нужно или угождать тѣмъ, отъ кого зависишь, или приказывать тѣмъ, кто зависитъ отъ тебя. Я уже не знаю, какъ и быть, говаривалъ онъ своимъ пріятелямъ: двое у меня товарищей, да одинъ изъ нихъ всегда [illegible]

(Черкасскій), а другой (Остерманъ) только обманываетъ.»

Самонадѣянный и заносчивый Волынскій перессорился и не съ одними своими товарищами: «Я вѣдаю, писалъ къ нему одинъ расположенный къ нему человѣкъ, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о вашемъ имени помянуть не хочетъ.» Ягушинскій твердилъ, что ему не миновать висѣлицы, да и недавній его покровитель, Биронъ, однажды выразился такъ, что это слѣдовало бы принять за дурное предзнаменованіе: «Я знаю, сказалъ онъ про него, какіе онъ имѣетъ пороки и слабости; *но гдѣ же между русскими найти лучшаго!*»

Въ этихъ же словахъ нѣмецкаго временщика и заключалось объясненіе той дѣйствительной силы, которую имѣлъ Волынскій,—онъ былъ *русскій министръ;* онъ себя считалъ и многіе его считали главою русской партіи, которую какъ ни старались Биронъ и его друзья, не могли истребить съ корнемъ. Волынскій былъ дѣйствительно русскій человѣкъ и по своимъ хорошимъ и по дурнымъ качествамъ; нѣмцевъ онъ не любилъ и идеалы для своихъ государственныхъ понятій бралъ не изъ Германіи или Франціи, а изъ Польши или старины отечественной. Эти понятія слишкомъ замѣчательны, чтобъ съ ними не ознакомиться, и мы для этого воспользуемся поданными имъ проектами и мыслями, вырывавшимися у него въ искреннихъ бесѣдахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что онъ непріязненно смотрѣлъ на чрезмѣрное скопленіе въ рукахъ высшаго правительства всякаго рода дѣлъ, заботъ и обязанностей, что нынѣ называютъ централизаціей. «Мы, министры, пи-

не подлежащихъ намъ: а что дѣлать—сами
Такъ писалъ онъ въ проэктѣ, поданномъ и
трицѣ.

Далѣе онъ предлагалъ уничтожить зван
прокурора, «ибо онъ можетъ препятствовати
въ свободномъ дѣйствіи». И точно, замѣтимъ
это лицо, не принадлежавшее къ составу сен
назначая Ягушинскаго генералъ-прокуроро
«ты будешь моими очами и ушами». Так
могло оправдываться недостаткомъ въ то вре
вольно знакомыхъ съ дѣлами и довольно
цѣлями преобразователя; но какой же повод
вообще человѣкъ, носящій званіе генералъ-п
детъ лучше, чѣмъ человѣкъ, носящій зван
А если справедлива мысль Петра, «что коллег
бодный духъ ко взысканію истины въ себѣ
нѣе гнѣва сильныхъ боится», то не слѣдует
ее. Волынскій предлагалъ, кромѣ того, что
ежегодно объѣзжали различныя части Россіи

дыхъ дворянъ, по прежнему, за границу; чтобъ вообще дать болѣе значеніе шляхетству.

Таковы были политическія мнѣнія Волынскаго; ихъ любопытно сличить съ мыслями Татищева, выраженными въ челобитной верховному совѣту; онѣ имѣютъ сходство между собою, но у перваго мы замѣчаемъ то, чего не было у втораго, а именно желаніе доставить нѣкоторую власть и гражданское значеніе городамъ и сословіямъ,—мысль очень правильную, которая только въ недавнее время сознана и принята. При томъ Волынскій имѣлъ самое высокое понятіе о личной неприкосновенности гражданина. Конечно, *гражданиномъ* онъ признавалъ только дворянина и при томъ болѣе или менѣе знатнаго: «вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, говаривалъ онъ; ни на что не смотрятъ. Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать!»

При такомъ самостоятельномъ образѣ мыслей не мудрено, что Волынскій, хлѣбосольный при томъ, сообщительный и привѣтливый (когда былъ въ духѣ), сдѣлался центромъ кружка людей образованныхъ, умныхъ, недовольныхъ преобладавшимъ тогда порядкомъ дѣлъ. Чтобъ они замышляли что нибудь противъ правительства,—этого не открыто самымъ придирчивымъ изслѣдованіемъ, но они рѣзко отзывались о людяхъ, бывшихъ въ силѣ, а Волынскій и публично, насмѣшливо и даже съ бранью о нихъ отзывался, безъ церемоніи говорилъ, что онъ могъ бы управлять государствомъ и вытѣснялъ изъ своего егермейстерскаго управленія нѣмцевъ. Всего этого было достаточно, чтобъ, какъ говорилъ Ягушинскій, попасть на висѣлицу.

объясненіе, которое его погубило. Угадывая,
бывшимъ подчиненнымъ скрывались другіе дви
главнѣйше на нихъ и обратилъ свою жолчі
что его злоумышленно обносятъ передъ Им
онъ писалъ: «приводить государей въ сомнѣніе
кому вѣрить не изволили, а всѣ бы подозрѣніе
были; дѣла, которыя за самую бездѣлицу почи
однакожъ оныя какъ наибольше разширять и
того приключенія толковать, а ничего прямо в
и персону свою печальными или ужасными мин
вать, дабы Государю тѣмъ больше безпокойства
придать, а потомъ самого себя только къ попр
успокоенію того дѣла рекомендовать, и что у
въ томъ иному никому повѣрить невозможно, и
ней мѣрѣ такія мудрости и затрудненія въ
показать, что иной никто того сдѣлать и ис
можетъ, или просто сказать, обманщикомъ в
стоять, чтобъ тѣмъ у Государя своего въ к
наибольше привести»,—такими поступками, к

хотя и много страдавшему отъ его насмѣшекъ, Черкасскому. Тотъ съ обыкновенною своею флегмою сказалъ: «остро очень написано». Но другіе смотрѣли на это менѣе хладнокровно: друзья его совѣтовали ему сжечь это объясненіе и всѣ единогласно говорили, что въ немъ представленъ злой портретъ Остермана. Волынскій однакожъ подалъ свою записку Государынѣ и когда та спросила его, кого онъ въ ней изображалъ, отвѣтилъ безъ околичностей: Остермана.

Это крайне не понравилось Императрицѣ, которая нашла, что Волынскій осмѣливается подавать ей совѣты; не понравилось Бирону, который чувствовалъ, что и онъ подразумѣвается за Остерманомъ; не понравилось очень многимъ другимъ, которые привыкли держаться и дорожить не добрымъ о нихъ мнѣніемъ націи, а расположеніемъ сильныхъ фаворитовъ, словомъ весь дворъ отвернулся отъ Волынскаго, такъ что какъ этотъ послѣдній, ни былъ самонадѣянъ, какъ ни считалъ себя необходимымъ, но и онъ смутился, тѣмъ болѣе, что, какъ его предупреждали, за нимъ и за его обыкновенными посѣтителями присматривали и подслушивали.

Однакожъ дѣло это прошло безъ особенныхъ послѣдствій; въ теченіе же наступившей зимы ему дано было порученіе, которое, казалось, вполнѣ возстановляло его придворный кредитъ. Порученіе это состояло въ обязанности устроить, надѣлавшую въ свое время много шума, такъ называемую «дурацкую свадьбу».

Хотя, какъ выше сказано, дворъ Анны Іоанновны, отличался великолѣпіемъ и этикетомъ, тѣмъ не менѣе въ немъ обнаруживались грубыя замашки, достойныя временъ

мычкѣ, по фамиліи Бужениновой, и свадьба
была праздноваться въ «Ледяномъ домѣ» и со
весьма оригинальнымъ маскарадомъ.

Для маскарада этого выписаны были изъ
цовъ Россіи по мужскому и женскому экзем
племенъ и народовъ; что же касается до Л
то онъ былъ построенъ между дворцомъ и
ствомъ изъ большихъ, правильно отесанныхъ
съ ледяною же крышею, поломъ, окнами и
мебель внутри дома, колонны у подъѣзда,
пушки, поставленныя у воротъ, самыя воро
наконецъ огромный слонъ, поставленный во
было сдѣлано изъ льда.

Всею этою оригинальною затѣею управл
ный, смѣтливый Волынскій. Ему хотѣлось, ч
стоящемъ праздникѣ были произнесены, п
обычаю, приличные стихи, и вотъ онъ вспо
ществуетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкій піита, Т
Е... ...что Петръ, будучи въ Арха

вѣйшій человѣкъ всю жизнь свою учился, всю жизнь свою писалъ и не составилъ себѣ репутаціи ученаго; литературными же своими трудами доказалъ только, по замѣчанію Карамзина, «что не имѣлъ способности писать». По всѣмъ этимъ причинамъ онъ былъ бы забытъ, какъ милліоны обыкновенныхъ людей, не оставляющихъ въ мірѣ слѣда; но съ нимъ случилось хуже: онъ оставилъ память бездарнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, завистливаго писаки, низкопоклонника, льстеца, неудачнаго пройдохи и въ тоже время ядовитаго клеветника и доносчика, унизившаго въ свое время званіе писателя въ Россіи.

Въ шутовской свадьбѣ ему пришлось, впрочемъ, играть болѣе жалкую, чѣмъ презрѣнную роль. Волынскій потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка всегда расположеннаго прославлять, что будетъ приказано. Тредьяковскій явился; но горячій кабинетъ-министръ случился не въ духѣ и отхлопалъ несчастнаго піиту по щекамъ; тотъ на другой день отправился жаловаться герцогу курляндскому, но на бѣду здѣсь его встрѣтилъ Волынскій и, не допустивъ до Бирона, выпроводилъ его толчками и оплеухами (а Биронъ жилъ во дворцѣ) и отправилъ подъ караулъ, гдѣ съ нимъ расправились крайне немилостивымъ образомъ. Помня однакожъ свою должность, онъ, лежа въ караульнѣ, избитый, «твердилъ наизустъ стихи, хотя уже и не до стиховъ мнѣ было», писалъ онъ въ поданной имъ по этому случаю челобитной.

Какъ бы то ни было, и стихи и ледяная постройка были готовы и маскарадъ совершенно устроенъ: въ назначенный день самый оригинальный, какой можно вообразить, поѣздъ потянулся по петербургскимъ улицамъ. Впе-

реди всѣхъ ѣхали на слонѣ, въ особо устроенной клѣткѣ, молодые; за ними попарно маскарадъ, то есть экземпляры всѣхъ обитающихъ въ Россіи племенъ: великороссы, украинцы, татары, армяне, остяки, самоѣды, якуты, камчадалы и т. п., всѣ въ своихъ національныхъ костюмахъ, кто на лошадяхъ, кто на быкахъ, кто на оленяхъ, кто на собакахъ, козлахъ и даже свиньяхъ. Объѣхавши городъ, при безчисленномъ стеченіи народа, маскарадъ остановился у двора герцога курляндскаго, гдѣ, въ манежѣ, былъ приготовленъ обѣдъ. Тутъ же была Императрица и весь дворъ; тутъ же избитый, но вѣрный своему вдохновенію, Тредьяковскій произнесъ слѣдующія вирши:

Здравствуйте, женившись, дуракъ и дура,
Еще... тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.
Квасникъ-дуракъ и Буженинова
Сошлись любовно...

Вирши Тредьяковскаго довольно длинны и также плохи въ концѣ, какъ и въ началѣ... Но обѣдъ кончился и весь поѣздъ отправился къ дому новобрачныхъ, къ Ледяному дому. Онъ представлялъ въ высшей степени оригинальное и красивое зрѣлище. Ледяныя пушки, поставленныя у воротъ, палили, дельфины извергали горящую нефть, слонъ пускалъ хоботомъ фонтанъ; домъ горѣлъ изнутри множествомъ льдяныхъ, намазанныхъ нефтью, свѣчей.

Новобрачные были оставлены въ этомъ странномъ жилищѣ на сутки.

Императрица была очень довольна этимъ праздникомъ, а слѣдовательно и его главнымъ распорядителемъ, кото-

рый нѣсколько дней спустя, по случаю празднованія мира съ Турціей, получилъ 20,000 руб. Но въ это же время случилось обстоятельство, окончательно его погубившее. Въ кабинетѣ обсуждалось требованіе польскаго правительства о вознагражденіи за убытки, причиненные подольскимъ помѣщикамъ движеніемъ Миниховой арміей при слѣдованіи ея къ Днѣстру и обратно. Волынскій находилъ эти требованія неумѣренными и сказалъ, что онъ на нихъ не имѣетъ причины согласиться, «не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ этой республики». Слова эти Биронъ принялъ на свой счетъ (*), и въ тотъ же день подалъ Императрицѣ записку, въ которой упоминалъ о дракѣ, затѣянной Волынскимъ во дворцѣ, о дерзости, съ какою онъ осмѣливался давать Государынѣ совѣты и унижать преданныхъ ей людей; въ заключеніе же просилъ, чтобъ было потребовано объясненіе, кто это люди, о которыхъ Волынскій такъ рѣзко отзывался въ своей запискѣ, и чтобъ «собственныя его дѣла и порученные ему департаменты разсмотрѣны были и экзаменованы», такъ какъ на нихъ тратятся большія суммы, а пользы большой не видать.

Подавая Государынѣ эту записку Биронъ сказалъ: «либо ему быть, либо мнѣ». Колебанія, разумѣется, въ выборѣ не могло быть, тѣмъ болѣе, что противъ Волынскаго сильно, хотя тайно дѣйствовалъ Остерманъ; надъ Волынскимъ назначено слѣдствіе.

Чтò открыло это слѣдствіе? Оно открыло, что Волынскій дозволялъ себѣ незаконные источники доходовъ,—но объ этой мелочи въ приговорѣ вовсе и не упомянуто. За

(*) Въ качествѣ курляндскаго герцога онъ былъ вассаломъ Польши.

тѣмъ не открыто ничего, стоящаго вниманія по нашимъ понятіямъ, а по тогдашнимъ довольно, чтобъ осудить Волынскаго на смерть. Слѣдствіе открыло, что онъ былъ самонадѣянъ; что считалъ себя умнѣе и способнѣе всѣхъ министровъ и совѣтниковъ Государыни, которыхъ вообще презиралъ; что онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи, считая одного изъ своихъ предковъ въ родствѣ съ Дмитріемъ Донскимъ; что онъ читалъ иностранныя книги, нѣкоторыя мѣста которыхъ можно, произвольно толкуя, примѣнить къ тогдашнему русскому правительству. Открыто было также, что Мусинъ-Пушкинъ, Хрущевъ, Соймоновъ и Эйхлеръ, лица безъ большаго, впрочемъ, значенія въ служебномъ мірѣ, архитекторъ Еропкинъ, очень образованный человѣкъ и секретарь Суда часто бывали у Волынскаго, разсуждали съ нимъ о дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ; читали сочиненія, касавшіяся этихъ предметовъ и въ бесѣдахъ своихъ неосторожно говорили о современныхъ дѣлахъ, вотъ и все... Волынскій, самонадѣянный по природѣ, сначала принялъ это слѣдствіе почти за шутку, подтрунивалъ надъ своими слѣдователями и тѣмъ раздражалъ ихъ; потомъ, увидѣвъ, что дѣло, изподтишка направляемое Остерманомъ, принимаетъ очень серьозный оборотъ, вдругъ упалъ духомъ, плакалъ, молилъ, унижался: ничто не помогало. Пытанный, съ вывихнутою рукою, недавній кабинетъ-министръ былъ выведенъ на эшафотъ: сначала ему была отсѣчена правая рука, потомъ голова. Потомъ обезглавлены Хрущовъ и Еропкинъ; Соймоновъ и Эйхлеръ биты кнутомъ, Суда — плетьми, а Мусину-Пушкину урѣзанъ языкъ и всѣ отправлены въ ссылку.

Эта казнь совершилась 27 іюня 1740 г., печальное

празднованіе Полтавской годовщины!.. Мы не станемъ разбирать процесса Волынскаго ни съ юридической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія нравственности, но приведемъ безсмертныя слова Екатерины II, которыя она написала, разсмотрѣвъ это дѣло. «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проэктъ о поправленіи внутреннихъ дѣлъ, который онъ сочинилъ и ей подалъ; осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проэктъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть Государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные (свидѣтели и соучастники Волынскаго) утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили всѣ, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодной кровью. Всякой пытанной—въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что̀ говоритъ. И такъ, отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усерд-

ный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. И хотя бы онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особѣ Императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то бы она, бывъ Государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершокъ величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій Государь имѣетъ неизчисленные кроткіе способы къ удержанію въ почтеньи своихъ подданныхъ. Естьлибъ Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинной, а естьлибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала, или дала разумѣть, не огорчая его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты ненадобенъ. Всегда Государь виноватъ, есть ли подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А естьли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіи (емъ), такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ Россійскомъ, щастья желать, нежели пророчествовать можно.»

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА III (*).

Принцъ Антонъ-Ульрихъ. — Бракосочетаніе его. — Болѣзнь Императрицы.—Назначеніе наслѣдника.—Вопросъ о регентствѣ.—Назначеніе Бирона регентомъ. — Смерть Императрицы. — Заговоръ графа Головкина. — Отношенія къ Бирону родителей Государя. — Минихъ принимаетъ сторону послѣднихъ. — Арестованіе Бирона. — Анна Леопольдовна принимаетъ правленіе. — Положеніе, которое Минихъ хотѣлъ принять при новомъ правительствѣ.—Судъ надъ Бирономъ.—Вражда Миниха съ Остерманомъ и удаленіе отъ дѣлъ перваго изъ нихъ.—Положеніе Россіи въ дѣлахъ европейской политики.—Характеристическая черта правленія Анны Леопольдовны.

Выше было сказано о прибытіи (1733) въ Россію принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, предназначеннаго въ супруги племянницѣ Императрицыной, Аннѣ Леопольдовнѣ. Принцъ этотъ былъ юноша некрасивый собою, не блестящій, скромный, даже робкій. Онъ не понравился ни Императрицѣ, ни принцессѣ; но такъ какъ мы въ это время старались дѣлать всевозможныя угожденія цесарскому двору, съ которымъ принцъ Антонъ былъ въ родствѣ, то ему дали приличное содержаніе и оставили въ Россіи до совершеннолѣтія его невѣсты.

Дѣла бѣднаго принца были однакожъ не въ блестящемъ положеніи. Императрица и ея племянница не обращали на него большаго вниманія, содержаніе, которое

(*) Іоаннъ Антоновичъ названъ *Третьимъ*, въ ряду Царей русскихъ (изъ коихъ первымъ былъ Іоаннъ грозный).

онъ получалъ, было достаточно, чтобъ доставить ему при дворѣ положеніе, приличное для частнаго, холостаго человѣка, но не для будущаго члена царскаго семейства. Вокругъ его толпились люди, которые совершенно затмѣвали его и личными своими свойствами, и своимъ положеніемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ саксонскій посланникъ, графъ Линаръ, молодой, блестящій, прекрасный собою дипломатъ, воспитанный въ преданіяхъ германскаго Версаля,—Дрездена,—и сердце принцессы, вопреки дипломатическимъ соображеніямъ, очевидно склонялось на сторону красиваго Саксонца.

Съ своей стороны, Биронъ, считая себя не въ шутку курляндскимъ герцогомъ, соображалъ, что его сынъ, наслѣдный герцогъ, ничѣмъ не хуже партія для Анны Леопольдовны, чѣмъ принцъ Брауншвейгскій, и замѣчая, что она очень равнодушна къ своему жениху, старался обратить ея вниманіе на своего сына.

Судьба однакожъ еще улыбалась принцу Антону, или, справедливѣе, она играла съ нимъ. Свадьба его состоялась лѣтомъ 1739 года, и черезъ годъ съ небольшимъ у него родился сынъ, который былъ названъ Іоанномъ. Болѣе счастливаго ничего, казалось, не могъ бы придумать для себя самъ принцъ. Корона русская не могла, по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ, миновать его супруги или его сына, — а быть отцемъ Императора, положеніе завидное для человѣка, шесть лѣтъ содержавшагося пенсіей посторонняго двора.

Съ начала 1740 года здоровье Императрицы начало сильно разстроиваться. Не взирая на ея мужественный, даже слишкомъ мужественный видъ, на ея высокій станъ,

широкія плечи и зычный голосъ, она издавна имѣла страданія, которыя, усиливаясь съ лѣтами, сдѣлались наконецъ опасными. Цѣлое лѣто 1740 года она провела въ Петергофѣ, безпрестанно принимая лекарства; по возвращеніи же въ Петербургъ, осенью, къ ея болѣзнямъ присоединилась безсонница и силы ея стали видимо упадать. Однажды съ ней случился столь сильный припадокъ рвоты, что Биронъ, постоянно находившійся при ней, немедленно послалъ за кабинетъ-министрами, за Минихомъ и Левенвольдомъ. Припадокъ этотъ миновался благополучно, но Императрица и сама видѣла, что ей жить не долго.

Престолонаслѣдіе, — эта причина стольких смутъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія,—не было опредѣлено и теперь. Императрица приблизила съ себѣ свою племянницу и всѣ знали, что она намѣрена утвердить престолъ въ линіи царя Іоанна, отца своего; но изберетъ ли она принцессу Анну, или младенца Іоанна Антоновича, было еще не рѣшено, и никто не осмѣливался напоминать ей о необходимости рѣшить этотъ важный вопросъ. Когда же съ нею приключился припадокъ, о которомъ выше сказано, то Остерманъ, спрошенный, что дѣлать и какъ быть, отвѣчалъ: немедленно назначить наслѣдника, и указалъ на принца Іоанна.

Этотъ выборъ согласовался съ намѣреніями самой Императрицы, которая, по рожденіи маленькаго принца, взяла его въ свои собственные покои и оказывала ему самую нѣжную заботливость, племянницу же свою не считала способною управлять государствомъ, какъ женщину, крайне безпечную, лѣнивую и никогда не имѣвшую ни случая, ни желанія ознакомиться съ дѣлами правленія. По этому о назначеніи наслѣдникомъ Іоанна Антоновича, названнаго великимъ

княземъ, и былъ изданъ манифестъ. Но младенецъ Императоръ не могъ править самъ: кому же, до его совершеннолѣтія, править государствомъ? Рѣшеніе этого вопроса сильно тревожило Императрицу.

Это тревожило и озабочивало и не ее одну. Принцесса Анна была увѣрена, что она будетъ назначена правительницею; это казалось ей неотъемлемымъ ея правомъ, какъ матери Императора и какъ его естественной опекунши. Но и Биронъ, съ своей стороны, полагалъ, что всего приличнѣе быть регентомъ ему; принцесса, по своей природной безпечности, не принимала никакихъ мѣръ, чтобъ достигнуть осуществленія своихъ желаній, но Биронъ, напротивъ того, приводилъ въ дѣйствіе всевозможныя пружины и первымъ его наперсникомъ и радѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ былъ новый кабинетъ-министръ, назначенный послѣ казни Волынскаго, Бестужевъ-Рюминъ.

Когда, какъ выше сказано, во время случившагося съ Императрицею припадка, Биронъ пригласилъ къ себѣ преданныхъ ему сановниковъ, Бестужевъ предупреждалъ прибывающихъ о томъ, что̀ будетъ съ ними говорить герцогъ и какого отвѣта онъ отъ нихъ желаетъ. Ни кто не рѣшался возражать, не зная, встрѣтитъ ли поддержку, и всѣ, одинъ за другимъ, безмолвно соглашались. Видя это, Бестужевъ подошелъ къ герцогу и громко сказалъ: «Кромѣ вашей свѣтлости некому быть регентомъ». Тогда начала разыгрываться самая презрѣнная комедія: Биронъ отказывался отъ званія, котораго желалъ больше всего на свѣтѣ; Минихъ, Черкасскій и другіе присутствующіе убѣждали его уступить ихъ просьбамъ во вниманіе къ общему желанію и къ благу страны, сдѣлавшейся его

вторымъ отечествомъ. Не рѣшаясь еще сбросить маску, герцогъ вышелъ, чтобъ навѣстить больную Императрицу, а Бестужевъ, Черкасскій и Минихъ занялись вербованіемъ въ свою партію другихъ постепенно прибывавшихъ лицъ: Ушакова, князя Куракина, Трубецкаго и пр. Биронъ опять показался къ нимъ, чтобъ выслушать ихъ убѣжденія, и опять скрылся.

Но дѣло подвигалось недостаточно скоро для Бирона, и не для него одного. Гофмаршалъ брауншвейскаго двора, Менгденъ, это выразилъ очень наивно:

— «Если герцогъ регентомъ не будетъ, говорилъ онъ, подбѣгая то къ тому, то къ другому изъ своихъ пріятелей,—то мы, Нѣмцы, всѣ пропадемъ!»

Тогда Бестужевъ и Минихъ придумали составить адресъ или «опредѣленіе», которымъ выражалось общее всей Россіи желаніе о назначеніи регентомъ Бирона и которое они положили поднести Императрицѣ. Въ короткое время набралось до сотни подписей.

Составленный такимъ образомъ актъ былъ прочтенъ Бирону, который безпрестанно выбѣгалъ изъ Императрициной опочивальни. Видя, что во дворцѣ набралось уже довольно значительное число лицъ, онъ доложилъ о нихъ Государынѣ. Она приказала впустить къ себѣ нѣсколькихъ; въ числѣ ихъ введены были Бестужевъ и Минихъ: можно вообразить что̀, о чемъ и въ чью пользу они говорили. Дѣйствительно, фельдмаршалъ настойчиво повторялъ: «Всемилостивѣйшая Государыня! мы согласились, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ и просимъ о томъ всеподданнѣйше.»

Императрица молча слушала эти убѣжденія, приняла

адресъ, или опредѣленіе, и положила его подъ подушку, сказавъ: «хорошо, я посмотрю».

Дни проходили, Императрица не выражала никакого рѣшенія относительно вопроса о регентствѣ, а болѣзнь ея признана была смертельною и силы видимо угасали. Тогда было рѣшено усилить дозу всеобщаго будто бы расположенія къ Бирону, и составить новый адресъ («позитивную декларацію») за подписью уже не нѣсколькихъ сановниковъ, а всего генералитета, сената и синода, что̀ въ понятіяхъ того времени едвали не было равнозначуще волѣ всей націи. И этотъ адресъ былъ представленъ больной Императрицѣ. Встревоженный ея апатіею, фаворитъ рѣшился на послѣднее средство и, сдѣлавшись самъ собственнымъ своимъ адвокатомъ, началъ за себя ходатайствовать. Выслушавъ его, Государыня грустно покачала головою и сказала:

—«Жаль мнѣ тебя, герцогъ; ты самъ стремишься къ своей гибели».

Слова пророческія и оправдавшіяся весьма скоро!..

Между тѣмъ, уступая всѣмъ этимъ настояніямъ, Анна Іоанновна приказала позвать къ себѣ Остермана,—рѣшителя всѣхъ затруднительныхъ вопросовъ. Дряхлаго канцлера, страдавшаго подагрой, уже нѣсколько лѣтъ не выходившаго изъ комнаты, вкатили въ креслахъ; онъ не могъ ходить, но голова его была свѣжа, какъ и всегда. Не присутствуя ни на одномъ совѣщаніи, не выходя изъ дома, онъ зналъ все, что говорилось и даже замышлялось, и отвѣтъ у него былъ готовъ на всякій вопросъ, на всякую случайность.

Императрица спросила у него, что̀ онъ думаетъ о

регентствѣ: онъ назвалъ Бирона. Тогда она приказала вынуть изъ подъ подушки составленное десять дней тому назадъ опредѣленіе и подписала его, едва имѣя достаточно силы, чтобъ держать перо въ рукѣ.

Торжествующій Биронъ вышелъ къ сановникамъ, толпившимся въ смежныхъ залахъ, и сказалъ имъ: «Господа, вы поступили какъ истинные Римляне!»

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ подписанія духовнаго завѣщанія, Государыня скончалась (17 октября 1740 года).

Тогда Биронъ велѣлъ торжественно вскрыть ея духовное завѣщаніе и прочесть его собравшимся сановникамъ; они услышали лишь извѣстное уже имъ распоряженіе, но Россія не безъ удивленія, конечно, узнала, что человѣкъ, которому голосъ народа приписывалъ все, что совершилось дурнаго въ предшествующее царствованіе сдѣлался правителемъ на цѣлыхъ 17 лѣтъ, и при томъ съ правомъ, «ежели будетъ усмотрѣно о ненадежномъ наслѣдствѣ», избрать «сукцессора»!..

И сдѣлался Биронъ регентомъ Русской имперіи!

Биронъ очень хорошо зналъ, не взирая на окружавшихъ его льстецовъ, какія чувства питаетъ къ нему русская нація и потому онъ поспѣшилъ издать манифестъ, которымъ податныя сословія освобождались на четыре мѣсяца отъ платы податей. Въ тоже время онъ однакожъ распорядился придвинуть къ Петербургу нѣсколько полковъ; полки же гвардейскіе, преображенскій и семеновскій, состоявшіе преимущественно изъ дворянъ, (въ измайловскомъ и конногвардейскомъ были по большей части остзейскіе нѣмцы) вознамѣрился преобразо-

вать, отправивъ въ армію офицерами солдатъ, а вмѣсто нихъ набрать солдатъ изъ простолюдиновъ. Подозрительный еще болѣе, чѣмъ прежде, онъ усилилъ шпіонство и его приближенные, Бестужевъ, Бисмаркъ, Альбрехтъ, были обязаны прислушиваться къ тому, что говорится въ обществѣ, всматриваться, какъ смотритъ на улицѣ народъ, и доносить ему.

Недовѣрчивость его была, конечно, не безъ основанія. Онъ могъ задобрить нѣсколькихъ честолюбцевъ, застращать или обмануть нѣсколько десятковъ человѣкъ, но этого было недостаточно, чтобъ упрочить его положеніе. Признаки общественаго неудовольствія не замедлили обнаружиться. Графъ Головкинъ, сынъ бывшаго канцлера, болѣе самостоятельный, нежели его отецъ, еще при жизни Императрицы не скрывалъ своего нерасположенія къ фавориту и, можетъ быть, одинъ во всемъ Петербургѣ не стѣсняясь выражалъ о немъ свое мнѣніе. Вѣроятно никому другому это и не сошло бы съ рукъ, но Головкинъ былъ женатъ на княжнѣ Ромодановской, которой Императрица была двоюродною сестрою. Естественно, что вся презрѣнная комедія, разыгравшаяся вокругъ постели умирающей Анны Іоанновны, приличеніе Русскихъ къ Римлянамъ и пр. были толкуемы въ домѣ Головкина не въ одобрительномъ тонѣ многочисленными его друзьями; когда же сдѣлалось извѣстнымъ о назначеніи Бирона регентомъ, то друзья Головкина пришли въ негодованіе и сдѣлать демонстрацію, подобную той, которая, десять лѣтъ тому назадъ, была сдѣлана дворянствомъ противъ верховнаго тайнаго совѣта, а именно отправиться въ большомъ числѣ къ принцессѣ Аннѣ и просить ее при-

нять правленіе государствомъ. Для успѣха этого предположенія необходимо было сочувствіе и даже дѣятельная помощь нѣсколькихъ знатныхъ людей, какими въ 1730 году были Трубецкой, Черкасскій и м. др. Головкинъ не могъ, по болѣзни, быть однимъ изъ такихъ лицъ, но онъ совѣтовалъ друзьямъ своимъ обратиться къ тому же Черкасскому, не зная видно, въ какихъ отношеніяхъ вицъ-канцлеръ находился къ Бирону. Съ этою цѣлію нѣкто, подполковникъ Пустошкинъ, явясь къ князю Черкасскому, объяснилъ ему предложенія своихъ единомышленниковъ и просилъ его быть, какъ и въ 1730 г., руководителемъ замышляемаго дѣла. Но Черкасскій не расположенъ былъ теперь становиться органомъ общественнаго мнѣнія и весь разговоръ свой съ Пустошкинымъ поспѣшилъ передать Бирону.

Разумѣется, Пустошкинъ былъ немедленно схваченъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Съ пытки открылъ онъ нѣсколькихъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые тоже были взяты и въ свою очередь, назвали нѣсколькихъ другихъ, при чемъ однакожъ (черта очень замѣчательная) никто не назвалъ графа Головкина: всѣ, по безмолвному соглашенію, рѣшились спасти его отъ отвѣтственности.

Между тѣмъ открылось, что въ согласіи съ Пустошкинымъ было много офицеровъ семеновскаго полка, котораго подполковникомъ былъ принцъ Антонъ и, между прочимъ, его адъютантъ; что офицеры эти собирались иногда у принца и что онъ самъ выражалъ при нихъ неудовольствіе свое противъ Бирона. Биронъ имѣлъ по этому случаю горячее объясненіе съ принцемъ, далъ ему почувствовать, что онъ хоть и отецъ Императора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и

совѣтуетъ ему не выѣзжать ...

кихъ дней, потому, будто бы, что народъ оч
женъ противъ него за его попытки нарушит
Такимъ образомъ, отецъ Императора былъ, мож
арестованъ.

Все это дѣлало положеніе принца невынос
городѣ стали поговаривать объ оставленіи
говорили, что Биронъ, никогда не умѣвшій
себя, наговорилъ ему самыхъ рѣзкихъ и обид
и доходилъ до того, что грозилъ и сына его
стола, а возвести на оный принца голштин
цесаревны Анны Петровны.

Слова, которыя приписывались Бирону
принца голштинскаго, можно принять не за
стые слухи. Во-первыхъ, замѣтимъ, что онъ д
ствованіе Императрицы Анны находился въ д
рошихъ отношеніяхъ съ Елизаветою Петро
ревна постоянно держалась, какъ мы уже в
отъ всѣхъ придворныхъ партій, не обнаружива

почитатели его памяти питаютъ къ его дочери горячую преданность.

Анна Іоанновна безъ большаго неудовольствія платила долги цесаревны; Биронъ, сдѣлавшись регентомъ, увеличилъ ея содержаніе и былъ вообще въ отношеніи къ ней предупредителенъ и любезенъ. Любезность эта, весьма рѣдкая въ Биронѣ, была замѣчена и подавала поводъ къ разнымъ заключеніямъ: одни думали, что онъ ухаживаетъ за нею въ надеждѣ женить на ней своего сына, другіе прибавляли къ этому, что онъ готовъ произвесть переворотъ въ пользу принца голштинскаго и сдѣлаться въ одно и тоже время родственникомъ и поддержкою единственныхъ потомковъ Петра великаго.

Какъ бы то ни было, но его предупредительность въ отношеніи цесаревны казалась странною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые связали судьбу свою съ его судьбою. Минихъ, между прочимъ, имѣлъ по этому предмету объясненіе съ Бирономъ и говорилъ ему, что цесаревна часто видится съ посланникомъ французскаго двора, который съ нашимъ былъ издавна не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ; Биронъ выслушалъ это извѣстіе довольно равнодушно, а Миниху показалось это равнодушіе подозрительнымъ. Зная, безъ сомнѣнія, какіе замыслы приписываются регенту, онъ рѣшился сдѣлаться для потомства Царя Іоанна тѣмъ же, чѣмъ Биронъ замышлялъ, по видимому, сдѣлаться для Петрова потомства.

Минихъ былъ въ нѣсколько щекотливыхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ; она могла негодовать на него за его старанія въ пользу Бирона; онъ поспѣшилъ загладить этотъ поступокъ новыми, усиленными ласкательствами; при

томъ родной его братъ былъ гофмаршаломъ и близкимъ человѣкомъ при брауншвейгскомъ дворѣ, а сынъ женатъ на сестрѣ ближайшей фаворитки и искренняго друга принцессы, баронессы Юліи Менгденъ. Это были готовые, открытые пути для фельдмаршала къ брауншвейгскому двору и онъ сталъ являться туда ежедневно.

Недѣли черезъ три послѣ смерти Императрицы и послѣ горячихъ своихъ хлопотъ въ пользу Бирона, именно 8-го ноября, Минихъ сидѣлъ у принцессы и настойчиво доказывалъ, что ни ей, ни ея супругу не можетъ быть безопасности, пока Биронъ правитъ государствомъ. «Но какъ же, возражала робкая женщина, сдѣлать, чтобъ онъ не былъ регентомъ?»

—«Скажите одно слово, воскликнулъ фельдмаршалъ, и я приведу къ вашимъ ногамъ курляндскаго герцога арестованнымъ...»

Принцесса, конечно, сказала, что это было бы верхомъ ея желаній и что она готова сдѣлать для этого все, что отъ нея зависитъ.—«Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ пылкій Минихъ, я вамъ дамъ нѣсколько надежныхъ офицеровъ и солдатъ: идите съ ними и захватите регента въ его собственномъ домѣ.»

Такой рѣшительный поступокъ былъ не по силамъ принцессѣ; она смутилась, начала отказываться, и предоставила дѣйствовать Миниху, согласясь только принять офицеровъ, которые будутъ выбраны для арестованія Бирона и сказать имъ нѣсколько одобрительныхъ словъ. Все это отважное дѣло рѣшено было привести въ исполненіе въ наступающую ночь.

Разговоръ этотъ происходилъ утромъ. Минихъ объ-

далъ у Бирона въ этотъ день и провелъ у него часть вечера. Говорятъ, что герцогъ все время казался разсѣяннымъ или озабоченнымъ. Между прочимъ, онъ прервалъ какой-то разсказъ Миниховъ неожиданнымъ вопросомъ:

— «Случалось ли вамъ, графъ, дѣлать ночныя экспедиціи?»

Смущенный на минуту этимъ вопросомъ, который могъ казаться намекомъ на замыселъ Миниха, этотъ послѣдній однакожъ скоро оправился и, не возбудивъ никакого подозрѣнія, уѣхалъ отъ Бирона. Въ два часа ночи, онъ велѣлъ разбудить своего адъютанта, Манштейна (*) и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ зимній дворецъ. Одинъ изъ входовъ этого зданія былъ нарочно оставленъ не запертымъ; Минихъ вошелъ во дворецъ, прошелъ къ комнатѣ Юліи Менгденъ и просилъ ее разбудить принцессу, а Манштейну поручилъ пригласить офицеровъ дворцоваго караула, въ тотъ день отъ преображенскаго полка, (въ которомъ онъ самъ числился.)

Явились удивленные офицеры; вышла взволнованная принцесса и объявила имъ, что фельдмаршалъ поведетъ ихъ для арестованія всѣмъ ненавистнаго Бирона; что ихъ дѣло не останется безъ награды; что благо Императора и отечества отъ этого зависитъ, а въ заключеніе она дала имъ поцѣловать свою руку и обняла Миниха.

Регентъ жилъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ скончалась покойная Императрица, еще не преданная землѣ. Остановивши

(*) Оставившаго чрезвычайно любопытныя записки объ эпохѣ 1730—41 года.

спальнѣ герцога. Смѣлый только противъ безсил
послѣдній кинулся было подъ кровать, но дюжі
вытащили его оттуда и, не давъ даже времени
кинули ему на плечи тулупъ и привели къ фе
который, посадивъ его въ свои сани, примчал
дворецъ, откуда его отправили вечеромъ въ Шли

Въ ту же ночь арестованы два брата ре
его, дѣти и Бестужевъ; всѣ они отправлены въ
бургскую крѣпость.

Молніею пролетѣла по Петербургу вѣсть о
ненавистнаго временщика. Ничто не даетъ
шаго понятія, какъ разсказъ одного современ
видца, князя Шаховскаго; замѣтимъ, что онъ
время начальникомъ петербургской полиціи и
какъ всѣ прочіе, захваченъ былъ совершенно
«Я поздно въ оную (ночь съ 8 на 9-е нояб

нетъ-министръ, графъ Бестужевъ, взяты фельдмаршаломъ Минихомъ подъ караулъ, и въ особливыхъ мѣстахъ порознь посажены».—«И такъ спѣшно одѣвся и ко дворцу пріѣхавъ, увидѣлъ множество разнаго званія военныхъ и градскихъ жителей, въ безчисленныхъ толпахъ окружающихъ дворецъ, такъ что карета моя, до крыльца не возмогши проѣхать, далеко остановилась, а я, выскоча изъ оной, съ однимъ провожающимъ моей команды офицеромъ, спѣшно продирался сквозь людей на крыльцо, гдѣ былъ великій шумъ и громкіе разговоры между онымъ народомъ; но я того не внимая, бѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ въ палаты, и какъ начала, такъ и окончанія, кто былъ въ такомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ начинателемъ, и кто производитель и исполнитель, не зная, не могъ себѣ въ смыслъ вообразить, куда мнѣ далѣе идти, и какъ, и къ кому пристать. Чего ради слѣдовалъ за другими, туда жъ спѣшно меня обѣгающими. Но большею частію гвардіи офицеры съ унтеръ-офицерами и солдатами, толпами смѣшиваясь, смѣло, въ веселыхъ видахъ и не уступая никому мѣста, ходили; почему я вообразить могъ, что сіи то были производители онаго дѣла.» Великой княгинѣ (*) поднесено прошеніе о принятіи регентства; духовенство отслужило благодарственный молебенъ и привело присутствующихъ къ присягѣ; за тѣмъ гвардіи офицеры и сержанты были отправлены во всѣ концы Россіи съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ.

Въ то же время происходила очень оригинальная сцена. Фельдмаршалъ, возвратясь домой изъ своей ноч-

(*) Титулъ этотъ ей былъ предложенъ еще во время регентства Бирона.

ной экспедиціи, велѣлъ немедленно звать къ себѣ своего свата, барона Менгдена, и сына, и эти три человѣка принялись рѣшать между собою: какъ и чему быть, и какъ что устроить.—Надо просить, рѣшили они, чтобъ великая княгиня приняла орденъ св. Андрея. Минихъ-сынъ, взявши листъ бумаги, записалъ это. «Во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, произнесъ, диктуя, фельдмаршалъ, пожаловать его генералиссимусомъ»... (*)

Минихъ-сынъ началъ было писать, но остановился и почтительно замѣтилъ, что почетное титло это было бы приличнѣе предоставить отцу императора, а фельдмаршалу удовольствоваться званіемъ перваго министра, по примѣру Ришельё и Мазарини. Фельдмаршалъ поморщился, однакожъ согласился, и велѣлъ написать, что онъ «предоставляетъ» достоинство генералиссимуса принцу брауншвейгскому.

Но вслѣдъ за тѣмъ родился вопросъ: захочетъ ли самолюбивый Остерманъ повиноваться новому первому министру? Чтобъ его задобрить, было рѣшено предоставить ему званіе генералъ-адмирала, вакантное послѣ смерти графа Апраксина. За тѣмъ на кого возложить званіе великаго канцлера? Это погрузило трехъ радѣтелей о благѣ Россіи въ немаловажныя затрудненія. По всѣмъ правамъ, находили они, надо бы дать это мѣсто князю

(*) Генералиссимусомъ называютъ главнаго начальника нѣсколькихъ армій. Это званіе носилъ Суворовъ во время войны России и Австріи противъ Франціи. Но какое значеніе оно могло имѣть для Миниха,—не совсѣмъ понятно, потому что онъ и безъ того былъ старшій въ Россіи военный сановникъ и имѣлъ вліяніе на всѣ войска въ качествѣ президента военной коллегіи.

Черкасскому, какъ одному изъ богатѣйшихъ вельможъ, давно уже находящемуся на виду, хотя и не отличающемуся особенными личными достоинствами; но вельможа этотъ обнаружилъ слишкомъ много преданности Бирону. Однако рѣшено было сдѣлать Черкасскаго канцлеромъ. Другіе были предназначены къ полученію чиновъ, орденовъ, имѣній, денежныхъ наградъ и т. п. Два Миниха и Менгденъ распоряжались всѣмъ этимъ, какъ своею собственностію!

Наградивши преданныхъ себѣ или нужныхъ людей, новое правительство занялось наказаніемъ своихъ враговъ. Для слѣдствія надъ шлиссельбургскими узниками наряжена была коммисія, которая и раскрыла большую часть того, что было разсказано о домогательствахъ Бирона относительно регентства; кромѣ того, онъ обвинялся въ томъ, что не радѣлъ о здоровьи покойной Императрицы, что расхищалъ казну, утѣснялъ «честныхъ людей русской націи», словомъ, тутъ припоминалось ему все (*), и,— говорилось въ манифестѣ отъ имени младенца Императора, — хотя за всѣ эти преступленія и слѣдовало бы предать его смертной казни, «однакожъ мы, по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго его признанія», повелѣваемъ, содержать Бирона со всѣмъ его семействомъ въ вѣчномъ заключеніи въ г. Пелыми, а имѣнія его отписать въ казну. Что же касается до другихъ лицъ, способствовавшихъ Бирону достигнуть званія регента, какъ-то: Бестужева, Миниха, Черкасскаго, графа Головина, Ушакова, князя Куракина, князя Трубецкаго, Левенвольда и Альбрехта, то они были прощены.

(*) Его, между прочимъ, допрашивали, почему онъ рѣдко бывалъ у обѣдни.

Это прощеніе, дарованное людямъ, дѣйствовавшимъ въ пользу побѣжденнаго врага, сопровожденное только удаленіемъ отъ дѣлъ одного Бестужева, было доказательствомъ большей мягкости новаго правительства въ сравненіи съ предшествовавшими, ибо въ прежнія времена такіе люди безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ссылались въ Березовъ, Пелымъ или Пустозерскъ. Характеръ относительной мягкости правительство это сохранило и во все время своего краткаго существованія, такъ что многіе въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ вздохнули теперь свободно.

Но положеніе этого правительства было чрезвычайно затруднительно. Малолѣтство государей обыкновенно бываетъ смутнымъ временемъ. Счастье еще, если основные законы государства укоренены въ народномъ сознаніи, если нація понимаетъ необходимость сохраненія порядка и если временная власть передана въ руки сильныя и искусныя! Но совершенно не то было въ Россіи. Этой сильной и искусной руки не было. При томъ всѣ эти безпрерывныя перемѣны лицъ, законовъ и системъ могли перепутать понятія даже самаго правдиваго человѣка и привести его въ недоумѣніе: Въ чемъ состоитъ его долгъ? Чему и кому служить? Чему и кому противиться? Когда жизнь народа и государства течетъ правильнымъ и спокойнымъ теченіемъ, то, независимо отъ закона писаннаго, слагаются твердыя понятія о гражданскомъ долгѣ; династіи дѣлаются представителями извѣстныхъ преданій и вѣковыхъ интересовъ націи; служа имъ, человѣкъ служитъ народу; сопротивленіе имъ дѣлается всякому понятнымъ преступленіемъ; но въ то время, о

которомъ мы говоримъ, всѣ преданія были нарушены, сомнѣніе представлялось на каждомъ шагу. Биронъ былъ сдѣланъ регентомъ волею Императрицы, также какъ Іоаннъ Антоновичъ Императоромъ: если низвергнуть одинъ и этому рукоплещутъ, то не станутъ ли рукоплескать низложенію другаго? Принцесса Анна считала себя вправѣ принять правленіе и это удалось ей; а если цесаревна Елисавета захочетъ тоже попробовать удачи, что̀ можно будетъ противъ этого возразить?..

При такомъ смутномъ состояніи понятій, надъ всѣми прочими соображеніями беретъ верхъ личный разсчетъ. Такъ, одинъ и тотъ же князь Черкасскій служилъ съ одинаковою преданностію, или одинаковымъ равнодушіемъ, Императрицѣ Аннѣ и Бирону, за которыхъ онъ хлопоталъ, и принцессѣ брауншвейгской, а впослѣдствіи и Елисаветѣ Петровнѣ, которыхъ его дѣйствія отстраняли отъ власти? Черкасскаго не безъ основанія мы можемъ себѣ позволить назвать бездушнымъ эгоистомъ, но лучше ли дѣлалъ и Минихъ? Его поведеніе въ отношеніи Бирона, очень похоже на измѣну. Сама правительница, въ пользу которой было произведено арестованіе регента, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, говорила о Минихѣ: «Я могла воспользоваться плодами измѣны, но не могу уважать измѣнника».

Чтобъ успокоить это всколыхавшееся море, Россію, чтобъ дать улечься страстямъ и утвердиться понятіямъ о долгѣ гражданина, о добрѣ и злѣ, явно перепутавшимся въ послѣднее время, нужно было бы долгое, спокойное, мудрое, твердое царствованіе, а такого не было. Всякому было ясно, что грудной младенецъ Императоръ и его родители скорѣе сами погибнутъ посреди этого хаоса, нежели извле-

вутъ изъ него стройность и порядокъ, и всякій долженъ былъ задавать себѣ этотъ тревожный вопросъ: кому потомъ перейдетъ престолъ? не будетъ ли при этомъ смутъ? не поставится ли мнѣ въ вину моя преданность къ нынѣшнему правительству? не поискать ли новаго свѣтила и не поклониться ли ему заблаговременно, пока еще не всѣ передъ нимъ распростерлись?

Очевидно правленіе Анны Леопольдовны не представляло никакихъ ручательствъ прочности. Съ самыхъ первыхъ дней, между людьми, составлявшими самое правительство, начались недоразумѣнія и пререканія. Минихъ неохотно уступилъ принцу Антону званіе генералиссимуса и безпрестанно давалъ ему чувствовать свое превосходство. Съ другой стороны, показанія Бирона и Бестужева передъ слѣдственною коммисіею обнаружили, какъ настойчиво хлопоталъ Минихъ объ устраненіи браунштейгской фамиліи отъ власти за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, и слѣдовательно какъ мало вѣры можно было имѣть къ его преданности. Остерманъ, наконецъ, какъ и предвидѣть было можно, не согласился добровольно подчиниться «первому министру». Этотъ необыкновенно вкрадчивый и ловкій человѣкъ уже успѣлъ, какъ говорится, войти въ душу и принца и принцессы браунштейгскихъ и сильно колебалъ кредитъ Миниха. Онъ не замедлилъ и одолѣть его,—и вотъ по какому случаю.

Еще во время регентства Бирона было получено извѣстіе о смерти императора Карла VI и о вступленіи на престолъ дочери его, Маріи-Терезіи. Почти въ тоже время вступилъ на прусскій престолъ Фридрихъ II, государь молодой и пылкій, жадный ознаменовать свое царствованіе

громкими дѣлами, и которому его скупой отецъ оставилъ въ наслѣдство отлично исправные финансы и превосходно обученную армію. Мы уже знаемъ, что смерть Карла VI должна была неминуемо послужить сигналомъ къ большимъ затрудненіямъ для его имперіи. Такъ и случилось: молодой король прусскій, безъ всякихъ положительныхъ основаній и даже безъ благовидныхъ предлоговъ, потребовалъ у новой императрицы уступки Силезіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялъ ее своими войсками.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, положеніе, въ которомъ находилась Европа,—положеніе, котораго важность для Россіи мы поймемъ, когда припомнимъ, что между нами и вѣнскимъ дворомъ продолжалъ существовать тѣсный союзъ, заключенный при Екатеринѣ, и что такой же союзъ былъ заключенъ потомъ съ Пруссіей, такъ что когда произошло занятіе Силезіи, то цесарскій и прусскій посланники, съ договорами въ рукѣ, оба стали требовать у насъ помощи. Какъ выдти изъ этого затруднительнаго положенія? При обсужденіи въ кабинетѣ этого вопроса, мнѣніе Остермана и Миниха рѣзко встрѣтились и столкнулись между собою. Послѣдній изъ нихъ хотѣлъ вовсе уклониться отъ всякаго вмѣшательства въ ссору двухъ германскихъ государствъ, но приготовиться къ войнѣ со Швеціей, которая дѣйствительно дѣлала очень для насъ подозрительныя военныя приготовленія. Остерманъ склонялся на сторону союза съ Австріей, который онъ заключилъ и въ теченіи пятнадцати лѣтъ поддерживалъ.

Можно думать, что въ дѣйствительности и Остерманъ не желалъ вовлечь Россію въ войну изъ за домашняго спора Австріи съ Пруссіей, ибо долго обнадеживая австрійскаго

посланника, маркиза Ботту, высылкою вспомогательной арміи, онъ потомъ сталъ прибавлять къ этому обѣщанію оговорку: «когда минетъ опасность со стороны Швеціи», а опасность эта не только не уменьшилась, но, напротивъ, усиливалась съ каждымъ днемъ. За чѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ не согласился съ Минихомъ? На это были у него особенныя причины. Во-первыхъ, онъ не хотѣлъ уступить сопернику и выпустить изъ своихъ рукъ исключительное вліяніе на дипломатическія дѣла, въ которыя онъ не допускалъ ничьего вмѣшательства со времени паденія Шафирова; во-вторыхъ, онъ зналъ, что поданное имъ мнѣніе понравится родителямъ Императора: принцу браупшвейгскому, какъ родственнику Маріи-Терезіи, а Аннѣ Леопольдовнѣ потому, что она горячо приняла сторону Австріи, благодаря вліянію графа Линара, поддержавшаго австрійскіе интересы.

Принцъ и принцесса брауншвейгскіе дѣйствительно нашли, что мнѣніе Остермана несравненно дѣльнѣе, чѣмъ мнѣніе Миниха, и Минихъ въ первую минуту досады потребовалъ увольненія отъ должности, вполнѣ будучи, впрочемъ, увѣренъ, что его убѣдятъ остаться; къ немалому своему удивленію онъ однакожъ былъ уволенъ; вѣковѣчный его соперникъ Остерманъ, разбитый параличемъ, страдающій подагрою и глазами, скромный, ласковый, улыбающійся и никогда не возвышающій голоса, выбилъ блестящаго Миниха изъ позиціи, которую онъ занялъ арестованіемъ Бирона и которую надѣялся навсегда удержать за собою! Объ отставкѣ его было возвѣщено столицѣ посредствомъ герольдовъ *при звукѣ трубъ*.

Отдѣлавшись отъ фельдмаршала, правительница вздох-

нула свободнѣе, потому что черезъ это устранялась причина споровъ и преній, какъ въ кабинетѣ, такъ и въ самомъ семействѣ ея: въ семействѣ потому, что принцъ Антонъ постоянно препирался съ Минихомъ о старшинствѣ и жаловался на его неуваженіе къ себѣ, въ кабинетѣ—потому, что съ удаленіемъ Миниха все дѣлалось по указаніямъ Остермана; правительницѣ же оставался единственный трудъ,—прикладывать свою подпись.

Трудъ, заботы, шумъ были ненавистны Аннѣ Леопольдовнѣ; ея міръ—были внутренніе покои Зимняго дворца, гдѣ она проводила время съ весьма немногочисленными своими друзьями: семействомъ Менгденъ, графомъ Линаромъ, маркизомъ Ботта и англійскимъ посланникомъ Финчемъ. Съ ними она была весела и откровенна, играла въ карты, а иногда занималась чтеніемъ иностранныхъ авторовъ. Но какъ скоро кто нибудь изъ нихъ начиналъ говорить о дѣлахъ, она зѣвала и ея лицо принимало утомленно-разсѣянное выраженіе. Непобѣдимая ея лѣнь была такъ сильна, что эта двадцати-двухъ-лѣтняя хорошенькая женщина не хотѣла даже заботиться о своемъ туалетѣ и проводила иногда цѣлые дни нечесанною.

Вотъ, впрочемъ, случай, отысканный недавно въ архивахъ, который лучше всякихъ описаній показываетъ, какъ правила государствомъ Анна Леопольдовна и что̀ вокругъ нея дѣлалось. Нѣкто, статскій совѣтникъ Темирязевъ, явясь однажды къ баронессѣ Юліи Менгденъ, сталъ ей объяснять, что великой княгинѣ нанесено оскорбленіе тѣмъ, что въ манифестѣ о принятіи ею правленія ей присвоены тѣ же самыя права, какъ и Би-

рону. Это была интрига противъ Остермана, который писалъ манифестъ.

Правительница позвала къ себѣ Темирязева, послала его, вовсе ей неизвѣстнаго человѣка, посовѣтоваться съ Головкинымъ и передать ей, что̀ онъ скажетъ. Тотъ велѣлъ сказать, что будетъ *завтра*. Тогда правительница начала простодушное объясненіе съ Темирязевымъ о досадахъ, причиняемыхъ ей Остерманомъ: «Поди ты, сказала она ему, какъ бы какому нибудь довѣренному лицу, *напиши такимъ манеромъ, какъ манифесты пишутъ*, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею Государя не станетъ, а братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ (наслѣдницами) по старшинству; въ другомъ напиши, что если такимъ же образомъ Государя не станетъ, то чтобъ наслѣдницею быть мнѣ».

Случай поразительный! Актъ о престолонаслѣдіи поручается правительницею государства составить человѣку, котораго она видитъ въ первый разъ, и она поручаетъ ему составить не одинъ актъ, а два—просто написать, что взбредетъ въ голову!.. Чѣмъ же кончилось? что Темирязевъ, никогда не писавшій подобныхъ документовъ и не зная, какъ приняться за дѣло, побѣжалъ къ какому-то приказному и ударился ему въ ноги, чтобъ тотъ его выручилъ, написалъ.

—«Не робѣй, отвѣчаетъ ему приказный: много нынѣ непорядковъ происходитъ». И сталъ писать!!

Между тѣмъ, Швеція объявила намъ войну; это еще болѣе прибавило затрудненій правительству и ускорило катастрофу, о которой вслѣдъ за симъ будетъ разсказано.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

Стремленія къ новизнѣ и заимствованію у иностранцевъ замѣтны еще въ XVII вѣкѣ.—Петръ былъ только проводникомъ этихъ стремленій. — При Аннѣ чужеземное вліяніе сдѣлалось чрезмѣрнымъ. — Реакція противъ Нѣмцевъ и симпатіи къ Елизаветѣ Петровнѣ. — Сила обстоятельствъ выдвигаетъ ее на политическую арену.—Шетарди, Нолькенъ и Лестокъ.—Преданность гвардіи цесаревнѣ.—Лестоку угрожаетъ арестъ.—Преображенцы вызываются помогать цесаревнѣ.—Ночь 24—25 ноября 1741 г.—Впечатлѣніе произведенное вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, выражавшееся духовными проповѣдями.—Люди, возвышенные послѣднимъ переворотомъ: Бестужевъ, Шуваловы, Лестокъ, Разумовскій и др.—Люди, низвергнутые этимъ переворотомъ: Остерманъ, Минихъ и др.—Судъ надъ ними.—Биронъ.

Цесаревна Елизавета родилась въ 1709 году, слѣдовательно въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, ей было 32 года. Красавица собою и отъ природы несклонная къ серьознымъ мыслямъ, она сдѣлала удовольствія цѣлію своей жизни. При частыхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался престолъ послѣ Петра, о ней постоянно вспоминали; но чтобъ достигнуть престола, нужно было хлопотать, трудиться, а всякій трудъ былъ ей противенъ.

Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что ей никакъ нельзя было уклониться отъ роли болѣе или менѣе исторической. Тотъ, кто прочелъ со вниманіемъ все

поръ этимъ стремленіямъ ...
съ которою связывались и понятія религіозны

Петръ рѣшилъ эти колебанія; онъ рѣшилъ
гой вопросъ: любимецъ царевны Софіи, Голиц
шая часть образованныхъ людей Россіи того
ращались за образцами, какъ въ литературѣ и
и въ отношеніи предметовъ государственныхъ,
Матвѣевъ, напротивъ, болѣе сближался съ Нѣ
ландцами и Англичанами. Петръ, какъ извѣстн
сіи движеніе въ ту же сторону.

Но при немъ, какъ и до него, обнаружи
тиводѣйствіе новизнѣ, и чѣмъ сильнѣе онъ тап
сторону, тѣмъ упорнѣе другіе тянули въ друг
борьбѣ прошла его жизнь; онъ казнилъ свои
ковъ, а они называли его антихристомъ. Т
продолжалась и послѣ его смерти.

При Петрѣ II партія, придерживавшаяся с
будто начинала брать верхъ; два главные
Петровы послѣдователи, Остерманъ и Проко
... мѣсто Голи

скихъ, желающихъ научиться у западной Европы; это была партія Нѣмцевъ, хотѣвшихъ передѣлать Россію на свой ладъ. При Петрѣ всѣ начальники армій (послѣ де-Кроа) и всѣ президенты коллегій, всѣ посланники при важнѣйшихъ дворахъ были постоянно Русскіе, а при Аннѣ наоборотъ: оба фельдмаршала (Минихъ и Ласси) были иностранцы; иностранною политикой управлялъ Нѣмецъ (Остерманъ), главный дипломатическій агентъ былъ Нѣмецъ (Левенвольдъ). Почти всѣ высшіе придворныя и административныя должности были заняты Нѣмцами (Биронъ, Левенвольдъ-старшій, Минихъ-сынъ, Менгденъ, Корфъ, Кейзерлингъ, Бревернъ) и при томъ многіе изъ всѣхъ этихъ Нѣмцевъ не скрывали своего презрѣнія къ Россіи и Русскимъ; «это русское каналье» (diese russische Canallie) говорилъ Биронъ о насъ, когда былъ недоволенъ, а когда хотѣлъ похвалить, то называлъ Римлянами.

Оскорбленное всѣмъ этимъ народное самолюбіе стало искать куда бы пріютиться; симпатіи раскольниковъ обращались, по прежнему, къ царевичу Алексѣю, подъ именемъ котораго являлисъ самозванцы, а сословія болѣе образованныя обратились къ цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ къ единственной отрасли Петра I, уваженіе къ памяти котораго усиливалось, какъ замѣчено уже, по мѣрѣ того, какъ его идеи дѣлались идеями образованной части русскаго общества.

И такъ, Елизавета Петровна мало по малу сдѣлалась, и при томъ безъ всякихъ съ ея стороны стараній, центромъ всѣхъ тѣхъ, которые, вообще одобряя Петровы преобразованія, не хотѣли однакожъ быть ни рабами чуже-

странцевъ, ни ихъ обезьянами, центромъ партіи національной; и надо признаться, что цесаревна во многихъ отношеніяхъ могла удовлетворить русскому національному чувству. Она была, во-первыхъ, чрезвычайно набожна и строго исполняла установленные церковью обряды; она была почти исключительно окружена Русскими; любя удовольствія, она и тутъ обнаруживала коренную русскую жилку: приглашала крестьянокъ водить передъ своими окнами хороводы, прислушивалась къ ихъ пѣснямъ, устраивала катанья съ горъ. Все это располагало къ цесаревнѣ русскія сердца; располагало къ ней и удаленіе, въ которомъ она находилась отъ двора во время господства нѣмцевъ, и, наконецъ, самая красота ея: «Цесаревна такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ, писалъ одинъ знатный испанецъ прежняго времени; танцуетъ она хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха; въ обращеніи ея много пріятнаго». А вотъ отзывъ о ней китайскаго посланника, записанный одною придворною дамою: «изъ числа всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ, сказалъ онъ, обводя взоромъ одно собраніе во дворцѣ, я считаю *эту* прекраснѣйшею, и еслибъ у нея *были не такъ велики глаза* (Китайцы имѣютъ глаза узкіе), то никто не могъ бы, взглянувъ на нее разъ, не умереть отъ любви.»

И вотъ, мало по малу мысль народа начинаетъ постоянно обращаться къ ней, какъ къ какой-то ожидаемой спасительницѣ. Въ мнимомъ заговорѣ Долгоруковыхъ общественное мнѣніе видѣло намѣреніе возвести на престолъ Елизавету; князь Черкасскій (смоленскій губернаторъ) и его единомышленники положительно о ней думали. Есть извѣстіе, не важное само по себѣ, но очень выразительное, что цесаревна

хотѣла разъ купить какую-то вазу, но не рѣшилась, потому что находила ее слишкомъ дорогою: купецъ, узнавъ для кого эту вазу торгуютъ, отдалъ ее даромъ. Въ самый день присяги младенцу-Императору, одинъ солдатъ, проходя мимо дворца цесаревны и указывая на него, говорилъ своему товарищу: «вотъ Императоръ Петръ первый въ россійской имперіи заслужилъ, и того осталось! Вотъ коронованнаго отца дочь, Государыня цесаревна, оставлена!» Въ народѣ ходили слухи, что покойный Петръ Алексѣевичъ встаетъ изъ гроба, тревожимый тѣмъ, что его дочь обойдена... Не *партія* русская, какъ пишутъ иностранцы, а вообще нація была за Елизавету, и баронъ Менгденъ былъ правъ, говоря, что если Биронъ не будетъ регентомъ, то нѣмцы пропадутъ.

Соображая это, становится понятнымъ, почему Императрица Анна, а потомъ и правительница, такъ настойчиво хлопотали о томъ, чтобъ выдать цесаревну замужъ за какого нибудь иностраннаго принца; становится яснымъ и то, что Биронъ, сдѣлавшись регентомъ, заискивалъ въ цесаревнѣ и угождалъ ей; онъ въ этомъ случаѣ обнаруживалъ гораздо болѣе дальновидности, нежели Минихъ, поддерживавшій принцессу Анну.

Положеніе брауншвейгской фамиліи въ Россіи обратило на себя вниманіе и другихъ дворовъ. Австрійскій усердно поддерживалъ ее посредствомъ своего посланника, маркиза Ботты; но французскій прислалъ маркиза Шетарди съ порученіемъ произвести переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны. Шведское правительство, объявляя намъ войну, провозгласило, что оно беретъ оружіе не противъ Россіи, «а противъ чужеземцевъ, составляющихъ русское правитель-

ство». Шетарди, въ качествѣ повѣреннаго отъ двора, тѣсно связаннаго съ шведскимъ, а за нимъ шведскій посланникъ, Нолькенъ, внушали Елизаветѣ Петровнѣ, что эта война предпринята въ ея пользу, что она можетъ и должна воспользоваться этимъ новымъ затрудненіемъ правительницы, чтобъ овладѣть престоломъ; что оба они лично готовы употребить все свое вліяніе къ ея услугамъ и что они, взамѣнъ этого, надѣются на уступку со стороны Россіи части завоеваній, сдѣланныхъ у Швеціи въ послѣднюю войну... Всѣ эти переговоры велись черезъ Лестока, доктора цесаревны; онъ былъ французъ и по этому скоро сблизился съ Шетарди; у цесаревны же онъ имѣлъ большой вѣсъ, такъ какъ она очень дорожила своимъ здоровьемъ, румянцемъ лица и свѣжестію кожи, а это давало ему возможность каждое утро, щупая ея пульсъ, ввернуть словцо и о политикѣ. Къ чести Елизаветы Петровны должно сказать, что не уклоняясь отъ сладкихъ рѣчей Шетарди и Лестока, она никогда не хотѣла согласиться уступить вершка земли завоеванной ея отцомъ и войти въ сдѣлки съ тѣми, которые теперь воевали противъ Россіи.

Сила ея заключалась не въ содѣйствіи иностранныхъ дворовъ, а въ симпатіи къ ней націи и не за чѣмъ ей было искать помощи шведской арміи: между гвардейскими полками нашими она была и больше популярна и больше имѣла вліянія, нежели ихъ нѣмецкіе шефы и командиры; изъ слѣдствія надъ Минихомъ обнаруживается, напримѣръ, что онъ говорилъ преображенскому караулу, бывшему при Биронѣ въ ночь на 7-е ноября, что регентъ арестовывается по распоряженію цесаревны. Этими словами онъ открылъ свободный доступъ Манштейну въ

покои регента. Позднѣе, когда стали ходить слухи, что Елизавету Петровну хотятъ запереть въ монастырь, преображенскіе гренадеры прихаживали къ ней и говаривали: «матушка, мы всѣ готовы за тебя, и ждемъ только вашихъ приказаній».

Сношенія Лестока съ французскимъ и шведскимъ посланниками и расположеніе къ цесаревнѣ гвардейскихъ полковъ, не могли укрыться отъ бдительности какъ Остермана, управлявшаго всѣмъ при Аннѣ Леопольдовнѣ, такъ и графа Линара, который собирался всѣмъ управлять. Они, и самъ принцъ Антонъ, напрямикъ сказали правительницѣ, что необходимо посадить Елизавету Петровну въ монастырь. Но добродушная Анна Леопольдовна не согласилась на это, обѣщавшись, однако, переговорить съ нею. Разговоръ объ этомъ происходилъ 23 ноября (1741) въ Зимнемъ дворцѣ; правительница отдѣлилась отъ другихъ, бывшихъ здѣсь же гостей, вмѣстѣ съ цесаревною, и сказала, что до нея доходятъ слухи о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ Лестока съ Шетарди и Нолькенымъ. «Предупредите его, заключила она, что если это не прекратится, я прикажу его арестовать.»

Возвратясь домой, сильно встревоженная, цесаревна позвала своего доктора, и сообщила ему объ угрожающей ему опасности. Была уже полночь; вдругъ ей докладываютъ, что семь преображенскихъ гренадеръ желаютъ ее видѣть.

— «Мы завтра выступаемъ въ походъ, (противъ Шведовъ) сказали они. Матушка! ты остаешься въ рукахъ своихъ лиходѣевъ: нельзя ждать ни минуты».

Одно присоединилось къ другому! Смущенная и взвол-

все еще ко.........

картъ, взялъ одну изъ нихъ, и карандашом
рисунокъ: на одной сторонѣ онъ изобразилъ
**коронòю на головѣ, а на другой — въ
одеждѣ, окруженную висѣлицами и колесами.**

**— «Выбирайте, Государыня, сказалъ он
Императрицею, или видѣть преданныхъ вам
рукахъ палачей...»**

**Она рѣшилась. Положено было дѣйствов
дующую ночь (съ 24 на 25 ноября).**

**Наступила эта достопамятная для цеса
Явился Лестокъ и объявилъ, что все готово. Т
впала въ нерѣшительность, плакала и, нак
на колѣни передъ образомъ, дала торжествен
что если Богъ благословитъ ея намѣреніе,
человѣкъ не будетъ въ ея царствованіе нак
ною казнію.**

**Двое саней стояли у ея подъѣзда. Она
съ Лестокомъ, двумя ея камеръ-юнкерами, I**

... въ другихъ по

Тихо, по пустыннымъ въ то время улицамъ и пустырямъ, остававшимся еще среди Петербурга, приближался маленькій отрядъ къ Зимнему дворцу и — точно также какъ за годъ передъ тѣмъ Биронъ — была арестована Анна Леопольдовна принцъ Антонъ и младенецъ Іоаннъ Антоновичъ. Между тѣмъ явились гонцы съ донесеніями, что, по распоряженію расторопнаго Лестока, захвачены Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ, Менгденъ, неудачный составитель государственныхъ актовъ — Темирязевъ, и Головкинъ, — этотъ послѣдній только-что выпроводившій гостей, веселившихся на имянинахъ его жены.

25-го ноября Петербургъ проснулся и узналъ, что у него новый Государь. Тотъ же самый Шаховской, бывшій теперь сенаторомъ, который описалъ намъ заутріе арестованіе Бирона, опишетъ намъ только - что разсказанное происшествіе. Онъ провелъ вечеръ на имянинахъ графини Головкиной. «Я только-что уснулъ, какъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни, и громкій голосъ сенатскаго экзекутора, Дурново, меня разбудилъ. Онъ громко кричалъ, чтобъ я, какъ наискорѣе, ѣхалъ въ цесаревнинскій дворецъ: ибо - де она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я-де съ тѣмъ объявленіемъ теперь бѣгу къ прочимъ сенаторамъ. Я, вскоча съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобъ его нѣсколько о томъ для свѣдѣнія моего спросить, но онъ уже удалился». —«Нимало о такихъ предпріятіяхъ не только свѣдѣнія, но ниже видовъ къ примѣчаніямъ не имѣя, я сперва подумалъ, не сошелъ ли господинъ экзекуторъ съ ума, что такъ меня встревожилъ и вмигъ удалился; но вскорѣ потомъ увидѣлъ

наполнены людьми, идущими къ цесаревнинск
гвардіи полки съ ружьемъ шеренгами стояли
онаго въ ближнихъ улицахъ, и для облегченія
во многихъ мѣстахъ раскладывали огни; а
нося другъ другу, пили вино, чтобъ отъ ст
ваться. При чемъ шумъ разговоровъ и громі
цаніе многихъ голосовъ: здравствуй наша иі
ператрица Елизавета Петровна! воздухъ нап

Ни малѣйшаго сопротивленія воцаренію
не было и быть не могло: она, дѣйствительн
ведена на престолъ голосомъ, волею наро
любилъ въ ней единственную вѣтвь царству
и надѣялся увидѣть при ней конецъ госпс
цевъ.

Впечатлѣніе, произведенное ея вступленіе
столъ, очень вѣрно изображаютъ намъ совре
повѣди. Духовенство вообще было очень с
положено ко временамъ Анны Іоанновны и
правленіи, и тѣмъ болѣе радовалось произш

нову воспріятію престола тебѣ, всемилостивѣйшая Государыня!» — «А какими врагами были всѣ тѣ, которые подъ видомъ вѣрности, наше отечество раззоряли! и, смотрите, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость: во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу поступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ; и какое многое множество подъ этимъ предлогомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили!.. Разговора другаго у нихъ не было, какъ только о ученыхъ людяхъ: «о Боже, какъ несчастна Россія, «что людей ученыхъ не имѣетъ, и ученія завесть не может!» А между тѣмъ былъ ли кто изъ Русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ, солдатъ старый, наипаче жъ, если онъ былъ ученикъ Петра, — тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить и тѣмъ либо голову ему отсѣчь, либо послать въ такое мѣсто, гдѣ нельзя не умереть съ голоду»...

Амвросій говорилъ въ присутствіи Государыни, а потому къ похваламъ ей примѣшивалъ похвалы и Петру; но другіе проповѣдники были откровеннѣе и не щадили его памяти за призывъ иностранцевъ. Одинъ изъ московскихъ духовныхъ уподоблялъ Россію полю евангельской притчи, Петра сѣятелю, доброе сѣмя Елизаветѣ, а плевелы суть «подъ видомъ только сыновъ отечества, вещію же порожденія ехиднина, изгрызающіе утробу матери своея, Россіи, — говорилъ онъ, — чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, расхитители, правовѣрія ругатели», между которыми онъ и называетъ безъ всякихъ обиняковъ Остермана и Миниха. «Воскресни, Златоусте, восклицаетъ проповѣдникъ,

возгреми на пролившаго многую кровь русскую, Остермана, загради Миниху челюсти!..» — «Остерманъ, говорилъ другой проповѣдникъ, хромъ душою, хромъ совѣстью, хромъ и ногами — сова смрадная, въ сокола или орла притворившаяся!»

Разумѣется, за избавленіе отъ такихъ ненавистныхъ людей возсылались Елизаветѣ благодаренія и благословенія: «Пріиде, о Россіе, воскликнулъ Амвросій при торжествѣ коронаціи, твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія!» — «Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстановила ты, Государыня; лишь вступила на престолъ, немедля объявила синоду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога.» — «Такимъ же образомъ, книгу «Камень вѣры», въ тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому искусному мастеру инструментъ, такъ и она намъ потребна.» — Упомянувъ о нѣкоторыхъ другихъ распоряженіяхъ новой Императрицы, обнаруживавшихъ ея набожность и привязанность къ русскому, проповѣдникъ заключалъ: «Нынѣ радуется Христосъ, возрадовались ангели, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поютъ, Россіяне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога и область Христа, яко низложенъ бысть сатана и всѣ ангелы его съ нимъ. Самъ Христосъ ударилъ въ нихъ *камнемъ вѣры*, и яко дымъ вѣтромъ разсѣялъ.»

Разумѣется, во всѣхъ этихъ похвалахъ Императрицѣ, расточаемыхъ въ ея присутствіи, есть ласкательство и преувеличеніе, но въ нихъ видно и искреннее увлеченіе и глубокая радость объ избавленіи отъ чужеземнаго преобла-

данія; по этому голосъ духовенства въ это время былъ дѣйствительно голосомъ народа.

Нѣмецкая партія, сильно пораженная паденіемъ Бирона, была окончательно уничтожена паденіемъ Остермана и Миниха. Кромѣ этихъ двухъ людей, въ ней не было ни одного, который бы силою своихъ способностей и заслугъ былъ въ состояніи поднять кредитъ нѣмецкой партіи. Напротивъ того, между чистыми Русскими явились люди, способные занять важныя правительственныя должности, не обращаясь, какъ люди предшествующей эпохи, за разрѣшеніемъ каждаго недоразумѣнія къ Остерману.

Первымъ изъ такихъ людей былъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, сдѣланный, какъ мы видѣли, послѣ смерти Волынскаго кабинетъ-министромъ. Онъ долго находился при разныхъ русскихъ заграничныхъ миссіяхъ, отлично зналъ состояніе европейской политики, тайныя желанія и слабости различныхъ дворовъ и свойства вліятельнѣйшихъ при нихъ лицъ, которыми и умѣлъ искусно пользоваться. Биронъ вызвалъ его въ Россію и далъ ему мѣсто въ кабинетѣ, надѣясь воспользоваться его свѣдѣніями и способностями и поддержать имъ свое вліяніе. И Бестужевъ дѣйствительно былъ ему полезенъ, не шелъ противъ него, какъ Волынскій... пока онъ былъ въ силѣ. Но во время слѣдствія надъ нимъ, понимая, что дѣло его и его партіи проиграно, началъ давать показанія противъ него. Съ характеромъ этого человѣка, игравшаго большую роль въ царствованіе Елизаветы, мы познакомимся изъ его дѣйствій, а теперь скажемъ только, что, еще будучи молодымъ человѣкомъ и находясь при гановерскомъ курфирстѣ, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ царевичемъ Алексѣемъ

и писалъ ему въ Вѣну, предлагая себя «будущему Царю и Государю, въ услуженіе». Противъ этого ничего нельзя было бы сказать, еслибъ Бестужевъ былъ противникомъ Петровой реформы; напротивъ, сдѣлавшись министромъ Елизаветы, онъ убѣдилъ ее возстановить учрежденія этого Государя, измѣненныя первыми его преемниками, заискивалъ же въ царевичѣ, очевидно, изъ личнаго разсчета, чтобъ подняться въ случаѣ его успѣха.

Страннымъ можетъ показаться, что такой ненадежный человѣкъ, да при томъ еще приверженецъ Бирона, могъ возвыситься и, какъ увидимъ, пользоваться огромнымъ значеніемъ? Онъ былъ *необходимъ*. Двѣ такія первоклассныя головы, какъ Остерманова и Миниховa, оставляли слишкомъ обширную пустоту, которую не легко было наполнить; на это казался способнымъ одинъ только Бестужевъ; это признавали самые враги его, Лестокъ и князь Трубецкой, указавшіе на него Елизаветѣ.

Другое лицо, скоро получившее большое значеніе—былъ Петръ Шуваловъ, бывшій камеръ-юнкеръ при цесаревнѣ и вмѣстѣ съ нею возвысившійся,—«человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный», по словамъ князя Щербатова, не щадившій никакихъ, даже самыхъ презрѣнныхъ, какъ увидимъ, средствъ, чтобъ удержать за собою милость Государыни, власть и средства къ обогащенію, но имѣвшій хорошій государственный умъ.

Это были два главные государственные человѣка въ царствованіе Елизаветы; дворъ наполнился множествомъ и другихъ лицъ или связанныхъ родствомъ съ новою Императрицею, какъ Нарышкины (потомки Натальи Кирилловны), Воронцовы, Ефимовскіе, Гендриковы

(женатые на Скавронскихъ, племянницахъ Екатерины I), или бывшими въ болѣе или менѣе близкихъ съ цесаревною отношеніяхъ до вступленія ея на престолъ,— какъ Шуваловы, Апраксины, Чернышевы и особенно Разумовскій. Вызванъ былъ изъ своего заточенія и старый фельдмаршалъ Долгоруковъ, переживпій истребленіе почти всей его родни, съ ласкою принятъ Императрицею, его крестницею и сдѣланъ президентомъ военной коллегіи. Не забыты были Лестокъ и преображенская рота, введшая Елисавету въ Зимній дворецъ. Лестокъ былъ сдѣланъ лейбъ - медикомъ, директоромъ всей медицинской части въ Россіи, получилъ множество подарковъ и пріобрѣлъ огромное значеніе. Одинъ иностранный посланникъ, пишетъ, что счастливымъ себя почиталъ тотъ, кому удавалось на придворномъ балѣ протанцовать съ его женою; министры, посланники, искали его дружбы. Что касается до преображенцевъ, то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, имъ розданы были, хотя и не вдругъ, помѣстья съ населеніемъ до 14,000 крестьянъ.

Вотъ люди, которыхъ колесо фортуны подняло наверхъ; — посмотримъ теперь на людей, которые были имъ опрокинуты.

Надъ лицами, арестованными въ ночь 24—25 ноября, было наряжено слѣдствіе. — «Въ чемъ? спрашивалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій князь Щербатовъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда Государямъ были привязаны и что не почитая ее (Елизавету) наслѣдницею престола, но опасаясь имени ея родителя и рожденія ея, давали съ пользою тѣхъ Государей, предосудительные ей совѣты?.. Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣр-

было происковъ. интригъ, своекорыстія, бе
нравственности со стороны какъ этихъ дву
другихъ лицъ; между прочимъ Остерманъ бы
въ томъ, что весь процессъ Волынскаго напр
посредствомъ имъ же назначенныхъ судей. Ко
спросили, признаетъ ли онъ это обвиненіе спра
«Виновенъ и согрѣшилъ», отвѣчалъ онъ, опу
Минихъ былъ, между прочимъ, обвиняемъ въ то
безъ нужды потерялъ множество народа подъ
Выслушавъ это обвиненіе, старый фельдмаршал
къ одному изъ своихъ судей, князю Трубец
дывавшему у него въ то время разными сна
сказалъ: «Въ одномъ только виноватъ я и до
кать себя, — именно въ томъ, что не пов
когда, въ бытность твою кригсъ-комисаром
уличенъ въ плутовствѣ!»

Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Голов
денъ и Темирязевъ были осуждены на смерт
гихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ

рядъ и сѣдая борода, отросшая во время заключенія, дѣлали его почти неузнаваемымъ; также какъ и онъ, пораженный подагрою, больной и дряхлый, тащился Головкинъ. Красавецъ и любезникъ двора Екатерины I и Анны, Левенвольдъ, — разбитый первымъ приключившимся въ его жизни несчастіемъ, былъ полумертвъ отъ страха: въ нѣсколько недѣль онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, глаза и щеки его ввалились. Одинъ только Минихъ сохранялъ свой «соколиный видъ» и теперь также, какъ подъ Очаковымъ и Ставучанами, смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти.

Посреди густой толпы недружелюбно къ нимъ расположеннаго народа имъ было прочтено рѣшеніе суда; Остермана взнесли на эшафотъ; онъ опустилъ голову на плаху, но казнь не совершилась: ему сказана вѣчная ссылка въ Березовъ, Миниху — въ Пелымь; остальныхъ велѣно было разослать въ другія, не менѣе отдаленныя и глухія мѣста изгнанія. Кромѣ ихъ, сослано было еще нѣсколько менѣе извѣстныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Минихъ-сынъ (скоро возвращенный), оставившій довольно любопытныя записки о своемъ времени.

Замѣчательно, что Остерманъ нѣсколько лѣтъ не владѣвшій ногами, выздоровѣлъ въ Березовѣ; но о жизни его тамъ почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что онъ прожилъ тамъ еще шесть лѣтъ. Что касается до Миниха, то онъ восьмидесятилѣтнимъ, но еще бодрымъ и даже честолюбивымъ старцемъ явился ко двору Петра III и умеръ въ 1766 году. Въ Пелыми, не находя занятія, но мучимый потребностію дѣятельности, онъ занимался воздѣлываніемъ своего огорода, училъ грамотѣ дѣтей у пелымскихъ жителей, и тайкомъ доставая бумагу

нѣмецкой партіи, скажемъ два слова о вир
мыслы, которыхъ онъ надѣялся достигнуть
сближенія съ Елизаветою Петровною, послу
перь въ пользу. Новая Императрица велѣ
его изъ Пелыми въ Ярославъ, гдѣ онъ жилъ
ея царствованія, пользуясь почти полною
не пользуясь никакимъ значеніемъ ни п
въ своемъ герцогствѣ.

II.

Манифестъ Елизаветы.—Ея старанія предать забвен
щее царствованіе.—Петръ Принцъ голштинскій. —
ии.—Взятіе Фридрихсгама.—Отступленіе Левенгауп
оружіе.—Абосскій трактатъ (1743) —Судьба брауп
ліи.—Бестужевъ усиливается.—Происки маркиза Б
Лопухиныхъ.—Избраніе невѣсты великому князю.–
лѣваетъ Шетарди.—Торжество такъ называемой р
Алексѣй Разумовскій. — Малороссія. — Стѣсненіе

совершившемся переворотѣ. Императрица объявляла, что вѣрные подданные и особенно гвардія, страшась безпорядковъ, неразлучныхъ съ малолѣтствомъ Государей, умоляли ее, чтобъ она, «яко по крови ближняя», приняла отеческій престолъ. Черезъ три дня подробнѣе объяснились причины возведенія Государыни на тронъ. Въ этомъ новомъ манифестѣ говорилось о духовномъ завѣщаніи Екатерины I, нарушенномъ избраніемъ Анны Іоанновны и которое будто бы сокрыто было въ то время Остерманомъ. Вліянію Остермана же приписывалось и назначеніе наслѣдникомъ Іоанна Антоновича; наконецъ,—сказано въ манифестѣ,—Остерманъ, Минихъ и Головкинъ и эту данную имъ младенцу-Императору присягу нарушили «и правительство нашей имперіи въ свои руки подъ именемъ той меклембургской принцессы, насильствомъ взяли», замышляли о возведеніи на престолъ этой принцессы, о совершенномъ отрѣшеніи отъ престола законной по крови наслѣдницы, и о стѣсненіи ея свободы.

И такъ, назначеніе Іоанна Антоновича признавалось совершенно незаконнымъ, а слѣдовательно и регенство какъ его матери, такъ и Бирона. Новое правительство какъ будто хотѣло вычеркнуть его изъ исторіи, признать вовсе не бывшимъ; всѣ сдѣланныя въ это время повышенія объявлены несостоявшимися (что, впрочемъ, скоро отмѣнено), всѣ неисполненныя еще рѣшенія тогдашняго правительства велѣно не приводить въ исполненіе; монету съ чеканомъ Іоанна Антоновича велѣно представлять для переплавки, указы съ его титуломъ, богослужебныя книги въ которыя вписана брауншвейгская фамилія, наконецъ, вообще всѣ книги, въ которыхъ упоминаются «бывшія въ

ная шепотомъ.

Къ царствованію Анны Іоанновны маниф
бря хотя и не относился такъ уничтожительн
признавалъ и его нарушившимъ прямой порядо
наслѣдія. Елизавета Петровна связывала се
ственно съ отцомъ своимъ, а потому и пожо
новить по возможности въ управленіи тѣ фо
существовали при немъ, отмѣнивъ всѣ сдѣл
него нововведенія. «Кабинетъ» былъ уничтож
возвращено его правительственное значеніе; к
шія при Петрѣ отдѣльно, а послѣ него слиз
были теперь снова раздѣлены, управленія же
созданныя, уничтожены. Впрочемъ, всѣ эти
имѣли въ себѣ ничего существеннаго. Ес
кабинета, то учреждена была подобная ему
ному совѣту *конференція.* Сенату было зап
шиваться въ расходы по придворному вѣдомс
ему случалось дѣлать распоряженія, непріят
трицѣ и по другимъ предметамъ, то она их

порядковъ предъ послѣдующими, сколько желаніе новагѡ правительства уронить въ общественномъ мнѣніи эпоху, — дѣйствительно, впрочемъ, непривлекательную,—съ 1725 по 1742 годъ.

Однимъ изъ первыхъ попеченій Елизаветы Петровны было вызвать въ Россію своего племянника, сына Анны Петровны. Императрица не хотѣла выходить замужъ, а потому всѣ были увѣрены, что молодой принцъ голштинскій будетъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Онъ прибылъ въ началѣ 1742 года; ему было тогда около 14 лѣтъ. Лишившись въ дѣтствѣ своей матери, самой умной и дѣльной изъ всѣхъ дѣтей великаго Императора, молодой принцъ не зналъ той нѣжной и разумной заботливости, которая развиваетъ и сердце и умъ человѣка; по этому онъ пріѣхалъ въ Россію весьма мало подготовленный для того, чтобъ привлечь къ себѣ симпатіи и возбудить надежды своего новаго отечества; напротивъ, онъ съ самаго пріѣзда обнаружилъ непріязнь ко всему, что льстило народному чувству и исключительное пристрастіе ко всему нѣмецкому, особенно голштинскому и прусскому. Впрочемъ, къ нему были приставлены учители, наставники, законоучитель; осенью 1742 года онъ принялъ православіе и признанъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ русскаго престола. Мы скоро возвратимся къ нему и поговоримъ подробнѣе о немъ и о его окружающихъ, а теперь возвратимся къ первымъ днямъ, послѣдовавшимъ за воцареніемъ Елизаветы.

Елизавета наслѣдовала отъ предшествовавшаго правленія войну со Швеціей. Не трудно понять, что не рыцарское желаніе — «освободить Россію отъ чужеземцевъ» —

было истиннымъ побужденіемъ нашихъ сосѣдей. Они не могли забыть Ништатскаго мира и имъ казалось, что малолѣтство Императора, неудовольствіе Русскихъ противъ тогдашняго правительства и слабость этого послѣдняго представляютъ всѣ вѣроятности, чтобъ возвратить все потерянное ими 20 лѣтъ тому назадъ.

Война открылась въ Финляндіи 1740. Нашимъ главнокомандующимъ былъ старикъ Ласси, а подъ нимъ генералъ Кейтъ. Къ удивленію, нація, въ теченіе многихъ лѣтъ жаждавшая войны, не перестававшая о ней твердить, оказалась менѣе къ ней приготовленною, нежели та, которая ее не ждала и не желала, и при томъ домашнія дѣла которой, казались и дѣйствительно были очень запутаны. Небольшая наша армія вступила въ Финляндію прежде, нежели шведскій главнокомандующій Левенгауптъ (старый товарищъ Карла XII) успѣлъ прибыть къ ней на помощь. Пользуясь этимъ, Ласси быстро подступилъ къ Вильманстранду, на голову разбилъ небольшой шведскій отрядъ и занялъ эту крѣпостцу. Когда же Левенгауптъ, наконецъ, вступилъ на финляндскій берегъ, то наступившая осень не дозволила ему дѣйствовать, и обѣ арміи, по тогдашнему обычаю, расположились «на зимнихъ квартирахъ».

Независимо отъ собственнаго непріязненнаго чувства шведской націи къ Россіи послѣ послѣдней войны, оно было подстрекаемо Франціей, которая, какъ мы знаемъ, преслѣдуя вѣковѣчную свою вражду противъ Австріи, старалась низвергнуть правительницу и ея министровъ, расположенныхъ къ австрійскому союзу. Помогая Елизаветѣ и даже возбуждая ее овладѣть престоломъ, Шетарди имѣлъ въ виду ту же политику, противную Австріи, и обма-

деживалъ Швецію, что новая Императрица охотно согласится на нѣкоторыя уступки. Но надежды эти оказались химерами: ни Елизавета, ни Бестужевъ не хотѣли и слышать объ уступкѣ даже малѣйшей части петровыхъ завоеваній. Одно, на что они соглашались было,—нѣкоторое денежное вознагражденіе Швеціи. Этого казалось недостаточнымъ Швеціи, и война, съ наступленіемъ весны, возобновилась. Лучше было бы для Швеціи, еслибъ ея правительство было уступчивѣе! Ей пришлось испытать на себѣ справедливость пословицы: свои собаки грызутся. а чужая не суйся.

Ласси повелъ свою армію впередъ; страна, которую онъ долженъ былъ проходить, изрѣзана была горами и покрыта лѣсами; на каждомъ шагу встрѣчались позиціи, которыя могли остановить наше наступленіе, еслибъ Шведы приняли мѣры къ ихъ оборонѣ. Но Левенгауптъ стоялъ въ Фридрихсгамѣ и не только не озаботился преградить намъ пути, но даже не укрѣпилъ города. въ которомъ находились всѣ его запасы. Когда Ласси приблизился, шведскій генералъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ взорвать свои пороховые погреба, сжечь хлѣбные магазины и покинуть городъ со множествомъ пушекъ и другихъ предметовъ. которые истребить было нельзя такъ скоро, и началъ поспѣшно отступать. Нейшлотъ, Тавастгусъ и Кексгольмъ, поочередно оставляемые имъ, были занимаемы Русскими. Левенгауптъ отступилъ и далѣе, къ Гельсингфорсу. и неизвѣстно, чѣмъ и гдѣ могло бы кончиться это ничѣмъ необъяснимое отступленіе, еслибъ Ласси не сдѣлалъ его болѣе невозможнымъ: онъ обошелъ

шведскую армію и поставилъ ее въ необходимость или пробиваться силою, или положить оружіе (1742).

Какъ ни деморализирована была шведская армія своимъ долгимъ, постояннымъ отступленіемъ, но она была готова на самыя отчаянныя усилія, чтобъ избѣгнуть рѣдкаго въ военной исторіи безчестія. Однако, главнокомандующій разсудилъ иначе, и подписалъ капитуляцію тѣмъ болѣе постыдную, что армія наша не превышала шведской.

Въ силу заключенной капитуляціи вся шведская пѣхота должна была сѣсть на корабли и возвратиться въ Швецію, кавалерія возвратиться туда же черезъ Торнео, а полкамъ, выставленнымъ Финляндцами, было предоставлено разойтись по домамъ, чѣмъ они и поспѣшили воспользоваться, потому что Финляндцы не очень были довольны поселившимися между ними шведскими дворянами. Но несчастія Шведовъ и этимъ не кончились; буря потопила часть кораблей, перевозившихъ возвращавшуюся шведскую пѣхоту, а дальній путь, болѣзни и вскорѣ наступившая осень истребили кавалерію, слѣдовавшую сухимъ путемъ. Ласси же, напротивъ, готовился сѣсть на корабли, чтобъ внесть войну въ самое сердце Швеціи.

Національное чувство Шведовъ было всѣмъ этимъ глубоко оскорблено; вся нація требовала суда надъ Левенгауптомъ, который и былъ преданъ суду и казненъ смертію,—а между тѣмъ правительство шведское принуждено было вступить съ нами въ переговоры. Они продолжались долго, но, наконецъ, лѣтомъ 1743 года былъ подписанъ съ нашей стороны Румянцевымъ (отцомъ Задунайскаго) въ Або трактатъ, которымъ граница наша была подвинута къ сѣверу до Нейшлота со включеніемъ этого

города, а къ западу, по берегу Финскаго залива, до р. Кюмени и Фридрихсгама включительно.

Это завоеваніе отдаляло Швецію отъ Петербурга на 300 слишкомъ верстъ, слѣдовательно обезопасивало нашу столицу и отдавало намъ часть морскаго берега, безъ овладѣнія которымъ плаваніе по Финскому заливу не могло быть вполнѣ для насъ безопаснымъ. Выгоды эти были, слѣдовательно, довольно существенны. Кромѣ того, еще ранѣе окончательнаго заключенія мира, именно когда неудачи слѣдовали въ шведской арміи за неудачами, политика шведская прибѣгла къ средству, по видимому, довольно вѣрному, чтобъ заискать расположеніе Императрицы: наслѣдство шведскаго престола было формально предложено молодому принцу голштинскому. Но вызванный въ Россію, для наслѣдованія послѣ Елизаветы Петровны, онъ, разумѣется, не пожелалъ ѣхать въ Швецію, но однимъ изъ условій абоскаго договора было назначеніе шведскимъ кронпринцемъ родственника молодаго великаго князя, тоже голштинскаго принца, который, какъ у насъ надѣялись, будетъ намъ добрымъ сосѣдомъ и союзникомъ. По приглашенію короля и сената, наша эскадра высадила небольшой дессантъ на шведскій берегъ и появленіемъ своимъ доставила въ дѣлѣ избранія кронпринца перевѣсъ преданной намъ въ Швеціи партіи.

Всѣ эти успѣхи, немаловажные сами по себѣ и льстившіе народному самолюбію, были особенно важны тѣмъ, что они упрочивали положеніе правительства, а послѣ всѣхъ бывшихъ переворотовъ спокойствіе было намъ необходимо тѣмъ болѣе, что, не взирая на единодушное сочувствіе, которымъ было встрѣчено воцареніе Елизаветы,

существовало много обрывковъ старыхъ партій, которыя глухо волновались, много личныхъ интересовъ и интригъ, которыя при неблагопріятныхъ условіяхъ могли нарушить едва утвердившееся спокойствіе.

Первою подобнаго рода опасностію казалась браун-швейгская фамилія. Въ первыя минуты своего торжества, Елизавета хотѣла отпустить Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми въ Германію, и она уже отправилась въ путь черезъ Нарву и Ригу. По несчастію, которое было только началомъ цѣлаго для нихъ ряда бѣдствій, одна изъ принцессъ заболѣла дорогою, что̀ пріостановило путешествіе браунпшвейгской фамиліи; когда же она прибыла, наконецъ, въ Ригу, ее тамъ задержали и заключили въ Дюнаминдскую крѣпость.

Что̀ могло быть причиною такой перемѣны? Понять не трудно. Императрицѣ было представлено, что Іоаннъ Антоновичъ, хотя короткое время, но былъ Государемъ; что онъ младенецъ, правда, но будетъ и юношею, и что̀ мудренаго, если онъ тогда явится претендентомъ на русскій престолъ! Если не самъ, не по собственному побужденію, то въ рукахъ политическихъ противниковъ Россіи, въ случаѣ какой нибудь войны, напримѣръ, онъ можетъ, представляли Императрицѣ, сдѣлаться опаснымъ орудіемъ. Всѣ эти соображенія были очень важны и вотъ почему браунпшвейгская фамилія была задержана въ Ригѣ.

Лестокъ сильнѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобъ она не была выпущена за границу; онъ представлялъ необходимость заключить ее и при томъ заключить такъ, чтобъ и слѣда ея не было, чтобъ и память о ней затихла. Это дѣйствительно казалось безопаснѣе; это же совѣтовалъ

Елизаветѣ Петровнѣ и Фридрихъ прусскій, составившій уже себѣ большую репутацію политической мудрости, — и вотъ несчастныхъ узниковъ тайно и подъ конвоемъ препроводили въ Ораніенбургъ, а черезъ годъ (1744) тайно же, въ закрытомъ экипажѣ, на другой конецъ Россіи, въ Холмогоры, гдѣ они были помѣщены въ отдѣльномъ домѣ, огороженномъ высокою стѣною.

Кромѣ нѣсколькихъ приставленныхъ къ нимъ служителей да военной команды, никто не могъ проникнуть въ это таинственное обиталище. Всякое сношеніе съ живымъ міромъ было прекращено, потому что и самая прислуга и солдаты оставались тамъ безъ перемѣны и не должны были никуда отлучаться, такъ что только развѣ смерть могла развязать эти страшныя узы.

Слишкомъ 20 лѣтъ продолжалось это безвыходное заключеніе. Елизавета скончалась, а холмогорскіе узники могли развѣ случайно узнать объ этомъ; прошло царствованіе Петра III, и оно не принесло перемѣнъ въ судьбѣ брауншвейгской фамиліи; наконецъ, въ 1780 году, Екатерина II рѣшилась дать имъ свободу. Ни принца Антона, ни его супруги уже не находилось въ живыхъ; Іоаннъ Антоновичъ же былъ изъ Холмогоръ переведенъ въ Шлиссельбургъ. Архангельскій губернаторъ пріѣхалъ къ холмогорскимъ узникамъ съ вѣстію о свободѣ. Онъ нашелъ ихъ въ жалкомъ состояніи. Старшая дочь Анны Леопольдовны была косноязычна и слабоумна, два ея сына тоже имѣли слабыя умственныя способности, вторая дочь была нѣкоторое время въ помѣшательствѣ и всѣ они лишены были самаго даже начальнаго образованія, такъ что едва умѣли писать. Въ такомъ положеніи эти четыре несча-

стаивца препровождены наконецъ были изъ Архангельска въ Данію.

Но возвратимся къ царствованію Елизаветы Петровны. Бестужевъ былъ, какъ сказано, приближенъ по необходимости, какъ лучшая государственная голова своего времени, но, какъ бывшій кабинетъ-министръ Анны Леопольдовны, онъ, конечно, не могъ быть любимъ при новомъ дворѣ, при которомъ вначалѣ господствовали Лестокъ и Шетарди. Несогласіе правительства нашего на уступки, обѣщанныя французскимъ посланникомъ и самонадѣянность этого послѣдняго въ обѣщаніи этихъ уступокъ, сильно поколебало его положеніе. Бестужевъ же утвердился. Онъ утвердился еще болѣе, когда, наконецъ, умеръ послѣ долгой безполезной жизни старый канцлеръ князь Черкасскій,— человѣкъ до того медленный, вялый и нерѣшительный, что про него говорили, будто онъ во всю жизнь, имѣя страсть къ постройкамъ, ни одной не довелъ до конца; будучи первымъ богачемъ въ Россіи, не успѣлъ заплатить долговъ своего отца и постоянно заботясь о партіи своей дочери, не могъ пріискать ей жениха... Бестужевъ занялъ его мѣсто и по крайней мѣрѣ въ нерѣшительности и медленности никто не могъ его упрекнуть. Почти въ одно время со смертію Черкасскаго оставилъ Петербургъ и Шетарди, осыпанный подарками и ласками, но далеко не столько вліятельный какъ прежде. Съ его отъѣздомъ ослабѣло французское вліяніе и уменьшилось значеніе Лестока.

Но было при новомъ дворѣ еще другое вліяніе, гораздо болѣе значительное, потому что оно опиралось на нѣкоторыя мѣстныя наши условія: это было вліяніе австрійскаго посланника Ботты. Ботта былъ приверженецъ

Анны Леопольдовны, или правильнѣе, онъ былъ изъ числа иностранныхъ резидентовъ сильнѣйшій союзникъ и главная поддержка нашей нѣмецкой партіи. Вступленіе на престолъ Елизаветы было ему, какъ и его двору, крайне непріятно, и вотъ, избалованный, можно сказать, частыми нашими переворотами, онъ началъ интриговать противъ новаго правительства.

Всякое новое, особенно неожиданно возникшее правительство, имѣетъ противниковъ и всякое старое—приверженцевъ. Были и у Анны Леопольдовны привязанные къ ней люди, преимущественно между придворными. Таковы были Лопухины и графиня Бестужева; Ботта, непріятный новому двору, перебрался въ Берлинъ, но, уѣзжая, онъ пускался въ не совсѣмъ дипломатическія объясненія съ Лопухиными и Бестужевою, какъ это не замедлилось открыться, и вотъ по какому случаю. Нѣкто поручикъ Бергеръ долженъ былъ отправиться въ Сибирь для содержанія караула при бывшемъ гофмаршалѣ Левенвольдѣ; жена кригсъ-коммисара Лопухина, уволеннаго со вступленіемъ Елизаветы отъ должности, сердечно привязанная къ Левенвольду, пригласила къ себѣ этого Бергера и поручила ему сказать Левенвольду, что она его помнитъ и совѣтуетъ ему переносить терпѣливо свое несчастіе, надѣясь на перемѣну къ лучшему.

Бергеру не было охоты раздѣлять заключеніе бывшаго оберъ-гофмаршала и онъ придумалъ передать слова Лопухиной Лестоку, надѣясь, что изъ этого начнется дѣло, впродолженіе котораго ему можно будетъ оставаться въ Петербургѣ. Лестокъ, дѣйствительно, не пропустилъ мимо ушей показанія Бергера, которое давало ему случай об-

наружить свою преданность Императрицѣ и возстановить свой кредитъ, а можетъ быть и запутать канцлера въ это дѣло, потому что Лопухина, на которую послѣдовалъ доносъ, была весьма коротка съ женою канцлерова брата. Это былъ одинъ кружокъ, который теперь сдвинулся еще тѣснѣе прежняго: Лопухина пріѣзжала къ Бестужевой сѣтовать объ удаленіи Левенвольда, а Бестужева, о ссылкѣ своего брата, Головкина.

Лестокъ поручилъ Бергеру заставить проговориться при свидѣтеляхъ кого нибудь изъ лицъ, близкихъ къ Лопухиной; это было нетрудно; у нея былъ сынъ, довольно пустой человѣкъ и гуляка. Бергеръ зазвалъ его въ трактиръ, подпоилъ и заставилъ провраться. Пьяный Лопухинъ говорилъ, что нынѣ времена дурныя, что Императрица права на престолъ не имѣетъ и что весьма легко можетъ произойти перемѣна, которая опять возстановитъ брауншвейгскую фамилію.

— «Ботта говорилъ матери моей, продолжалъ распространяться Лопухинъ, что онъ не успокоится, пока принцессѣ Аннѣ не поможетъ».

Тоже самое говорилъ австрійскій дипломатъ Бестужевой и нѣкоторымъ другимъ дамамъ, связаннымъ съ брауншвейгскою фамиліею. Этихъ несчастныхъ женщинъ, принадлежавшихъ нѣкогда ко двору, а также Лопухиныхъ, отца и сына, пытали, но болѣе ничего не вывѣдали, кромѣ того, что Ботта заявлялъ предъ ними какія-то темныя надежды на возстановленіе правительницы и что они выражали къ этимъ надеждамъ сочувствіе. Какъ бы то ни было, всей этой болтовнѣ придано значеніе заговора, и судъ приговорилъ Лопухиныхъ, мужа, жену и сына, а также

Бестужеву колесовать, а другимъ четверымъ, въ томъ числѣ одной женщинѣ, отсѣчь головы. Рѣшеніе это, впрочемъ, было отмѣнено: первымъ четыремъ было велѣно урѣзать языки и, бивъ кнутомъ, сослать; остальныхъ, по наказаніи кнутомъ или плетьми, тоже отправить въ ссылку; наконецъ, трехъ наименѣе виновныхъ, выключа изъ службы, послать на житье въ ихъ деревни.

Таковъ былъ еще одинъ изъ длинннаго ряда такъ называемыхъ политическихъ процессовъ, наполнявшихъ нашу исторію XVIII вѣка. Не только мы, имѣющіе на своей сторонѣ цѣлое лишнее столѣтіе цивилизаціи, но и просвѣщеннѣйшіе изъ современниковъ Екатерины II, какъ напримѣръ князь Щербатовъ, горько порицаютъ эти жестокія наказанія за мнѣнія, желанія, сожалѣнія, не переходившія въ дѣло. Но сомнительно, чтобъ современники, люди Елизаветинской эпохи, были такого же мнѣнія; борьба партій и интересовъ была слишкомъ сильна и торжествующіе безъ жалости примѣняли къ побѣжденнымъ дохристіанское правило: vae victis (горе побѣжденнымъ). Правительство считало своею обязанностію прибѣгать ко всякимъ средствамъ для сохраненія спокойствія, и едва ли было тогда много людей, которые осудили бы его за это.

По счастію, оно не къ однѣмъ мѣрамъ строгости прибѣгало. Сохранилось преданіе, что Елизавета возвратила до 20,000 человѣкъ сосланныхъ въ Сибирь и другія мѣста во время бироновщины; многихъ находили случайно въ глухихъ сибирскихъ деревенькахъ, другихъ вовсе не могли отыскать: они были привезены, брошены и забыты!

Утвержденіе престолонаслѣдія также было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ сильнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ къ обу-

зданію волненій. Но это порождало волненія при дворѣ. Въ свитѣ принца голштинскаго пріѣхали Брюммеръ, бывшій при немъ оберъ-маршаломъ и извѣстный намъ Берхгольцъ, описавшій свое пребываніе въ Россіи съ покойнымъ герцогомъ. Первому изъ нихъ захотѣлось играть роль въ Россіи; онъ сблизился съ Лестокомъ и началъ ему помогать противъ Бестужева. Къ нимъ примкнулъ Шетарди, снова пріѣхавшій въ Россію, хотя и не въ качествѣ посланника, но съ полною увѣренностію и съ тайнымъ порученіемъ низвергнуть Бестужева. И вотъ, снова является кучка иностранцевъ, очень расположенныхъ захватить правленіе въ свои руки и дѣлать надъ Россіею эксперименты. Однимъ изъ важныхъ средствъ, на которые оно разсчитывало, былъ выборъ невѣсты для молодаго великаго князя. Елизавета, Русская во всѣхъ своихъ привычкахъ, хотѣла, по старинному, женить племянника какъ можно ранѣе, и дѣло это взялся вести, и велъ въ величайшемъ секретѣ Лестокъ, при помощи Брюммера.

Оба эти человѣка были въ связяхъ съ прусскимъ дворомъ и желали усиленія его вліянія въ Петербургѣ; по этому, тайну, которую заботливо хранили въ Россіи, они открыли въ Берлинѣ и выборъ невѣсты для великаго князя былъ сдѣланъ Фридрихомъ великимъ; онъ указалъ на Софію-Августу, принцессу ангальтъ-цербстскую, отецъ которой былъ генераломъ прусской службы «Великая княгиня, воспитанная и вскормленная въ Пруссіи и обязанная королю всѣмъ своимъ счастіемъ, не можетъ безъ всякой неблагодарности дѣйствовать противъ него», разсуждалъ Фридрихъ.

Выборъ Лестока очень понравился Императрицѣ; но

Бестужевъ былъ въ отчаяніи, когда узналъ что дѣло такое важное для его судьбы, устроено помимо его, его противниками. Дѣйствительно, партія Лестока, Брюммера и Шетарди, партія прусско-французская сильно поднялась послѣ этого, и самонадѣянный французскій дипломатъ явно сталъ говорить, что приближается конецъ господству Бестужева. Но въ рукахъ канцлера были большія средства опрокинуть своихъ враговъ, и онъ употребилъ одно изъ нихъ, средство вѣрное, хотя конечно, и непочтенное, а именно онъ сталъ распечатывать письма Шетарди, при чемъ не пропускалъ случая показывать Государынѣ тѣ изъ нихъ, гдѣ о ней говорилось безъ уваженія, съ порицаніемъ или насмѣшкою. Это не новое, но надежное средство мгновенно поколебало кредитъ нѣкогда очень вліятельнаго француза и кончилось тѣмъ, что онъ былъ высланъ за границу. Вмѣстѣ съ Шетарди, сильно поколебался кредитъ и двухъ его союзниковъ, Лестока и Брюммера. Бестужевъ восторжествовалъ и хоть средства, которыя онъ для того употребилъ, кажутся теперь весьма гнусными, но сто лѣтъ тому назадъ на нихъ смотрѣли гораздо снисходительнѣе и въ дипломаціи нерѣдко къ нимъ прибѣгали; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ не признать, что торжество Бестужева избавило Россію отъ новаго, угрожавшаго намъ чужеземнаго господства въ видѣ очень оригинальнаго тріумвирата: лекаря-Ганноверца (*), французскаго маркиза и нѣмецкаго оберъ-маршала...

Принцесса Цербстская съ матерью своею прибыла въ Россію; ей было только 14 лѣтъ. Къ ней немедленно

(*) Лестокъ, французъ по происхожденію, былъ ганноверскимъ уроженцемъ.

приставили учителей русскаго языка и закона Божія по православному вѣроисповѣданію; черезъ нѣсколько времени потомъ она приняла православіе, наречена Екатериною Алексѣевною и, наконецъ, въ 1745 году вступила въ бракъ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ. Замѣчательно, что, вслѣдъ за этимъ бракосочетаніемъ, бывшій главнымъ въ этомъ дѣлѣ двигателемъ, Брюммеръ, былъ уволенъ отъ должности оберъ-маршала великаго князя. Это было еще торжество русской партіи.

Говоря: *русская партія* мы повторяемъ выраженіе иностранныхъ писателей; собственно говоря, очень странно подумать, что въ Россіи русскіе люди могли составлять только партію, то есть кружокъ людей, а не всю массу. Это было однакожъ такъ, и *русская партія*, какъ мы видѣли, въ царствованіе Анны Іоанновны и Іоанна III составляла партію далеко не господствующую. Этой партіи иностранцы приписывали и приписываютъ еще до сихъ поръ желаніе возвратить Россію къ до-петровской старинѣ. Дѣйствительно, Долгоруковы, Голицыны, равно какъ сама Елизавета Петровна не чуждались старинныхъ обычаевъ и даже отчасти дѣдовскихъ понятій; но ни старый Голицынъ, ни Елизавета, ни большая часть изъ тѣхъ, которыхъ называютъ людьми русской партіи, не чуждались и многихъ понятій новыхъ, занятыхъ отъ иностранцевъ. Еслибъ они истребляли школы, регулярное войско, торговлю, фабрики, потому что все это болѣе или менѣе занято отъ иностранцевъ, вотъ это было бы худо; но развѣ они это дѣлали? Голицынъ былъ одинъ изъ лучшихъ государственныхъ умовъ при Петрѣ первомъ и есть много основаній думать, что онъ только не желалъ преобладанія иностранцевъ въ Россіи.

Подобно этому, и по вступленіи на престолъ Елизаветы резиденты разныхъ дворовъ писали, что Россія быстро пошла назадъ къ временамъ до-петровскимъ. Эти почтенные господа считали себя поклонниками великаго Императора, а между тѣмъ очевидно не понимали великости совершенныхъ имъ дѣлъ: тò, что онъ сдѣлалъ, былъ не карточный домикъ, на который стоило подуть, чтобъ онъ развалился; Петръ далъ такой толчекъ Россіи, котораго онъ и самъ, еслибъ хотѣлъ, не могъ бы удержать; понятія, которыми онъ руководствовался, уже проникали, какъ мы видѣли, въ кругъ образованныхъ людей, и подъ вліяніемъ этихъ понятій уже поднялось цѣлое новое поколѣніе! Сама Елизавета Петровна, не принадлежавшая къ числу особенно сильныхъ умовъ своего времени, и она все-таки принадлежала къ этому молодому поколѣнію и выражаетъ это въ своемъ правленіи. Не забѣгая впередъ, къ эпохѣ, когда у ея престола явились вполнѣ просвѣщенные молодые люди, замѣтимъ теперь, что иностранцы могли бы съ удовольствіемъ найти между ея распоряженіями, распоряженія противъ бородъ и долгополыхъ кафтановъ; мы же съ неменьшимъ удовольствіемъ укажемъ на нѣкоторыя смягченія въ уголовныхъ законахъ, на рѣдкое употребленіе смертной казни, и если мы видѣли и еще увидимъ и ссылки и пытки, то надо не забывать, что это было время едва наступившаго затишья послѣ долгихъ потрясеній и происходило въ половинѣ XVIII вѣка.

Скажемъ здѣсь объ одномъ важномъ дѣлѣ, придавшемъ въ то время много популярности новому правительству,—о возстановленіи достоинства малороссійскихъ гетмановъ.

Въ числѣ лицъ, возвысившихся вслѣдствіе переворота 1741 года, названъ Разумовскій. Онъ былъ сыномъ одного бѣднаго казака нынѣшней Черниговской губерніи; будучи ребенкомъ онъ пасъ стада, но имѣя прекрасную наружность и пріятный голосъ, былъ взятъ въ пѣвчіе къ Елизаветѣ Петровнѣ, попалъ къ ней въ милость, получилъ придворный чинъ, сначала небольшой, потомъ, при воцареніи ея, сдѣланъ каммергеромъ, а вскорѣ за тѣмъ германской имперіи графомъ, владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, словомъ, открытымъ фаворитомъ,— все это съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду. Разумовскій, будучи человѣкомъ безъ всякаго образованія, да, по счастію, и безъ честолюбія, держался вдали отъ государственныхъ дѣлъ и помогалъ, сколько могъ, кредиту Бестужева, не потому, чтобъ находилъ австрійскій союзъ выгоднѣе французскаго, а потому, что у Разумовскаго не лежала душа къ Лестоку и вообще къ иностранцамъ. По этому, будучи безвреденъ и въ то же время очень хлѣбосоленъ, онъ былъ вообще любимъ при дворѣ; опасались его только пьянаго (что̀ бывало нерѣдко); Императрица Екатерина впослѣдствіи разсказывала, что графиня Шувалова служила молебны за своего мужа, когда онъ попадалъ на попойки къ Разумовскому.

Но были однакожъ предметы, въ которые Разумовскій позволялъ себѣ вмѣшиваться. Это были дѣла духовныя и дѣла, касавшіяся Малороссіи. О томъ, какое значеніе имѣло духовенство при Елизаветѣ, мы поговоримъ впослѣдствіи, а теперь займемся Малороссіею. Мы видѣли, что она была сильно обременена во время послѣдней турецкой войны; но не объ этомъ болѣе всего горевали Малороссы: это были бѣдствія временныя, преходящія; они горевали о томъ, что,

со времени Мазепы, ихъ старинныя права и вольности были все болѣе и болѣе стѣсняемы; Скоропадскій былъ гетманомъ скорѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Когда онъ былъ избранъ въ это званіе, онъ представилъ, по обыкновенію, *статьи*, на основаніи которыхъ Богданъ Хмельницкій присягнулъ царю Алексѣю; Петръ утвердилъ ихъ, но въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царь обѣщаетъ, писалъ онъ, ненарушимо содержать ихъ *по милости своей*». Это можно было понимать такъ, что Царь можетъ, когда признаетъ нужнымъ, и нарушить эти права. И точно, они были нарушены. Послѣ смерти Скоропадскаго не было новаго избранія и все управленіе Малороссіи было сосредоточено, какъ мы уже знаемъ, въ рукахъ малороссійской коллегіи.

При Петрѣ II опять было дозволено избрать гетмана, но когда, въ 1734 году, умеръ избранный въ это званіе Даніилъ Апостолъ, то новое избраніе снова не было разрѣшено. Высшее управленіе Малороссіею было ввѣрено коллегіи, да и та поставлена была въ зависимость отъ главнаго, назначавшагося дворомъ, начальника. Начальники эти были при томъ по большой части нѣмцы, какъ Вейсбахъ, Кейтъ, наконецъ Минихъ; и хоть Кейтъ и бывшій передъ нимъ Румянцевъ (отецъ Задунайскаго) оставили по себѣ добрую память, но подобное правленіе было въ краѣ не популярно. При томъ и въ Малороссіи была своя тайная канцелярія, не менѣе ненавистная чѣмъ петербургская. «Преданіе общее и достовѣрное (!) повѣствуетъ о томъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія,—писалъ съ полвѣка спустя епископъ Георгій Конисскій,—что ежели бы перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣ-

стѣономъ, то ударила бъ изъ нея фонтаномъ кровь человѣческая!»

Извѣстіе Кониискаго преувеличено; нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ была тайная канцелярія, тамъ не безъ крови было; что турецкая война легла на страну тяжелымъ бременемъ; но все это, конечно, было несравненно легче, нежели страшная война, которую Малороссія вела противъ Польши при Хмельницкомъ и страданія, которыя вызвали ее къ этой войнѣ. Религія, которой были такъ преданы Малороссы, не была поругана какъ прежде, храмы не отдавались въ аренду Евреямъ, какъ при Полякахъ, народу не запрещалось говорить на своемъ языкѣ, правленіе было жесткое, но все же оно было лучше, нежели совершенное безправіе прежнихъ временъ. Напротивъ, со времени Петра правительство начало ограничивать самоуправство полковниковъ, которые передъ тѣмъ управляли своими полками, также какъ польскіе паны своими помѣстьями.

Но именно этимъ-то и были недовольны полковники и вся казачья старшина; они, дѣйствительно, много потеряли; еще болѣе потерялъ гетманъ, который прежде былъ почти самодержавный государь, только зависимый отъ Государя русскаго или польскаго короля. Вотъ эти-то чиновные, болѣе или менѣе родовитые люди жаловались на настоящее, сожалѣли о прошедшемъ и твердили о правахъ своихъ, которыя сохранять въ нерушимости обязался Царь Алексѣй.

Отчего же права эти были нарушены? Остзейскія провинціи тоже поступили къ намъ съ особыми своими старинными правами, но они и до сихъ поръ ни въ чемъ не нарушены: если мѣстные жители ими довольны, слава

Богу; пусть и остаются при нихъ. Но Малороссія была совершенно особымъ государствомъ и притомъ, государствомъ чисто военнымъ: неужели же ему было вѣкъ вѣковать въ такомъ видѣ? Неужели вѣчно его войску было оставаться ордою храбрыхъ, положимъ, но безпорядочныхъ всадниковъ посреди всеобщаго совершенствованія военнаго искусства? Неужели было возможно, когда уже начали понимать, что гражданское управленіе требуетъ отъ управляющихъ особыхъ знаній и приготовленія, неужели можно было оставлять, чтобъ полковники, то есть болѣе другихъ хорошіе воины, были въ тоже время и гражданскими властями? Неужели было бы справедливо, какъ желало малороссійское шляхетство, чтобъ великорусскіе помѣщики не могли владѣть имѣніями въ Малороссіи, также какъ и малороссійскіе въ великорусскихъ губерніяхъ? Малороссійское шляхетство было во многихъ отношеніяхъ проникнуто польскими понятіями, а до чего эти понятія довели Польшу—мы видѣли.

Но прежнее полупольское шляхетское управленіе имѣло, какъ сказано, своихъ приверженцевъ. Возвышеніе Разумовскаго открывало недовольнымъ средство дѣйствовать при дворѣ. Депутаты, присланные изъ Малороссіи съ поздравленіемъ по поводу вступленія Государыни на престолъ, поспѣшили поклониться Разумовскому; «были, пишетъ извѣстный намъ Марковичъ, въ своемъ дневникѣ,—у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, каммергера, нашего Малороссіянина». — «Бокаловъ по 10 венгерскаго выпили, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и *подпіяхомъ*». Разумовскій былъ человѣкъ не гордый, и не старался заставить забыть свое происхожденіе; онъ отъ своей души ла-

сказъ своихъ земляковъ и фраза *«подніяхомъ* у Алексѣя Григорьевича» очень часто встрѣчалась въ дневникѣ Марковича. Попивая и калякая, малороссійскіе депутаты обдѣлывали свое дѣло, такъ что, наконецъ, получили дозволеніе на возстановленіе гетманскаго достоинства. Дозволеніе это произвело восторгъ между Малороссами и особенно между старшиною. Увидимъ однакожъ, что гетманщиной болѣе воспользовались Разумовскіе, нежели Малороссы.

У фаворита, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, былъ меньшой братъ, Кириллъ. Еще ребенкомъ онъ былъ выписанъ въ Петербургъ, окруженъ учителями и гувернерами и отправленъ за границу, чтобъ довершить свое образованіе. Онъ, наконецъ, возвратился въ Россію семнадцатилѣтнимъ юношею, довольно образованнымъ, весьма остроумнымъ и получившимъ въ особенности тотъ лоскъ и то изящество манеръ, которые въ прошедшемъ столѣтіи составляли едва ли не первое условіе для успѣховъ при дворѣ.

Онъ возвратился изъ за границы въ то самое время, когда черезъ его брата шли переговоры о возстановленіи гетманства; когда же эти переговоры пришли къ желаемому для старшины концу, ей былъ предложенъ и совершенно готовый уже гетманъ, Кириллъ Разумовскій.

Въ 1750 году было формально объявлено соизволеніе Государыни на возстановленіе гетманскаго достоинства и на избраніе гетмана по стародавнимъ обычаямъ «вольными голосами». Всѣ знали однакожъ, что гетманъ уже назначенъ, а чтобъ еще болѣе поддержать это мнѣ-

ніе, то за нѣсколько времени до открытія *рады* (сходки), молодой Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ, гдѣ должно было происходить избраніе, съ величайшею пышностію, со множествомъ экипажей, верховыхъ лошадей, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами и открылъ двери для званыхъ и незваныхъ. По этому, когда въ слѣдующемъ году собралась рада и у нея было спрошено, кому быть гетманомъ, не было ни шума, ни споровъ, ни одушевленія: казаки или молчали, или произносили фамилію Разумовскаго.

И сталъ гетманомъ 22-хъ лѣтній юноша, Разумовскій. Императрица прислала ему, вмѣсто поздравленія, андреевскую ленту, велѣла отдать весь гетманскій доходъ, накопившійся со времени смерти Апостола, значительно увеличила противъ прежняго «ранговыя» гетманскія имѣнія, то есть пожизненно принадлежавшія гетману, его званію, и, наконецъ, подарила ихъ ему въ собственность, такъ что вмѣсто перваго сановника Малороссіи, Разумовскій сталъ первымъ, богатѣйшимъ ея помѣщикомъ!

Вотъ что выиграли Разумовскіе отъ возстановленія гетманства; а что выигрыла Молороссія? русскія войска, сильно обременявшія страну квартирною повинностію, были оттуда выведены; нѣкоторыя улучшенія были сдѣланы во внутреннемъ управленіи: Малороссія была раздѣлена на повѣты и въ каждомъ изъ нихъ были учреждены суды, настоящіе, болѣе или менѣе правильные суды; не только управленіе военныхъ начальниковъ, но и названіе ихъ было уничтожено: судьи и писаря назывались не полковыми, а городскими. Все это было, безъ сомнѣнія, улучшеніемъ, но и уничтоженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

старинныхъ правъ. Украинскіе поэты любятъ выражать сожалѣніе объ этихъ потерянныхъ правахъ, но казачество отжило свое время: чѣмъ же могла замѣнить его Россія? Разумѣется только тѣмъ устройствомъ, какое сама имѣла. Ничего лучшаго она дать была не въ состояніи; можетъ быть, это было не весьма много, но сомнительно, чтобъ Польша или Турція, — единственныя страны, къ которымъ Малороссія могла присоединиться при Хмельницкомъ, — дали бы ей что нибудь лучше. Будемъ, слѣдовательно, читать украинскихъ поэтовъ и ихъ воздыханія о гетманщинѣ, о казачьей славѣ, о казачьей волѣ; но будемъ смотрѣть на это только какъ на поэзію, какъ на сѣтованіе о золотомъ вѣкѣ, о вѣкѣ Сатурна.

III.

Россія вовлечена въ общеевропейскую политику. — Сторонники австрійскаго и прусско-французскаго союза.—Паденіе Лестока и судъ надъ нимъ.—Положеніе Европы передъ семилѣтнею войною.—Фридрихъ II.—Личная непріязнь къ нему Императрицы.—Онъ вторгается въ Саксонію безъ объявленія войны. — Различныя вліянія, дѣйствовавшія при нашемъ дворѣ.—Шуваловы.—Великая княгиня.—Версальскій договоръ.—Апраксинъ.—Походъ 1757 года; сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Отступленіе Апраксина.—Судъ надъ нимъ.—Судъ надъ Бестужевымъ.—Щекотливое положеніе великой княгини.—Снисходительный приговоръ надъ Бестужевымъ.—Походы Фермора, Солтыкова и Бутурлина: сраженіе при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ; занятіе Кенигсберга и Берлина.

Со времени Петра I Россія вступила въ кругъ европейскихъ державъ и ей уже невозможно сдѣлалось не принимать участія въ томъ, что занимало или тревожило европейскую политику, что заставляло государства заключать между собою союзы или начинать войны. Задача нашей дипломаціи должна была только состоять въ томъ, чтобъ во всемъ этомъ принимать участіе именно на столько и такъ, чтобъ это было выгодно для Россіи. Къ сожалѣнію, задача эта не всегда строго выполнялась; желаніе играть роль увлекало насъ при Аннѣ Іоанновнѣ, фамильныя привязанности при Екатеринѣ; мы гонялись за тѣмъ, чтобъ за нами признанъ былъ титулъ Имперіи, какъ будто Россія могла сдѣлаться счастливѣе, а Государь ея могущественнѣе отъ того, что Испанія или Швеція будетъ титуловать насъ такъ или иначе!

Но и помимо желанія вмѣшиваться безъ надобности

Франція и часть Германіи, съ другой Австрія,
другая часть Германіи: независимо отъ этихъ
дѣйствующихъ актеровъ такъ называемой войны :
ское наслѣдство, другія государства также и
роли; такъ прусская коалиція, зная тѣсную (
скаго правительства съ австрійскимъ и чтобъ не
нашу армію придти на помощь австрійской, по;
тивъ насъ Швецію, возбуждала Польшу и Т
тоже время, какъ Пруссія и Франція, такъ и /
Англіей щедро сыпали золото, по обыкновенію
дипломаціи, людямъ, имѣвшимъ при дворѣ нашег
Бестужевъ и Лестокъ получали пенсіи отъ той
стороны.

Это не помѣшало однакожъ Россіи доволь
получно провести свои дѣла сквозь вихорь и
дашней политики. Мы дѣлали военныя приготов
не принимали непосредственнаго участія въ
между тѣмъ союза нашего искали обѣ стороны:
тоже, что мы видѣли при царевнѣ Софіи, когда

принять участіе въ мирномъ договорѣ, что, по мнѣнію дипломатовъ, есть нѣкотораго рода почетъ, доказательство большаго значенія той державы, которой такой почетъ предлагается.

И такъ соперничество Лестока и Бестужева принесло въ настоящемъ случаѣ можетъ быть пользу; не будь этого соперничества, вѣроятно Россія была бы вовлечена въ войну и врядъ ли отъ этого она что нибудь выиграла бы. Но какъ два медвѣдя не могутъ ужиться въ одной берлогѣ, такъ и два честолюбца, желающіе играть первую роль; Бестужеву удалось, наконецъ, сломить Лестока. По какому поводу это произошло, какою оплошностію своего противника воспользовался Бестужевъ, — еще неизвѣстно хорошенько. Извѣстно только, что переписка Шетарди, перехваченная и рѣшившая его удаленіе изъ Петербурга, много повредила Лестоку въ глазахъ Императрицы; переписка эта не только обнаружила его денежные счеты съ разными иностранными правительствами,—что, впрочемъ, не почиталось большимъ преступленіемъ, — но открыло, что онъ непочтительно отзывался объ Императрицѣ, — а это было важно. Втайнѣ недовольная уже своимъ лейбъ-медикомъ, Государыня съ неудовольствіемъ слышала отъ него безпрестанные язвительные отзывы о Русскихъ и Россіи: «Еслибъ Лестокъ могъ отравить всѣхъ моихъ Русскихъ одною ложкою яда, сказала однажды Елизавета, я увѣрена, что онъ это сдѣлалъ бы!»

Какъ бы то ни было, только за Лестокомъ и за близкими къ нему людьми начали тайно, но неотступно слѣдить. Онъ это замѣтилъ, имѣлъ съ Государыней объясненіе, по видимому, успокоившее его, но вслѣдъ за тѣмъ

онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость (1748). Наряжена была надъ нимъ слѣдственная коммисія, членами которой были, по обыкновенію, его враги. Слѣдствіе тянулось два года, и что̀ оно открыло, неизвѣстно: но Лестокъ, — блестящій и еще недавно столь могущественный,—пытанный и битый кнутомъ, былъ сосланъ въ Устюгъ, гдѣ и пробылъ до вступленія на престолъ Петра III.

Паденіе Лестока совпадало съ заключеніемъ ахенскаго мира. Миръ этотъ не надолго успокоилъ Европу, или правильнѣе, онъ ее не успокоилъ вовсе, и люди даже не самые проницательные, политики не очень дальновидные могли предсказать новую въ непродолжительномъ времени войну между Фридрихомъ и Маріею-Терезіей. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено было этого не замѣтить. Еще во второй половинѣ XVII вѣка маленькое герцогство Бранденбургское обнаружило большое честолюбіе и большія претензіи; оно получило названіе королевства, и хотя при современникѣ Петра I. королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, уклонялось отъ всякихъ войнъ и даже денежныхъ расходовъ, но старый король, скупой и осторожный, какъ будто приготовлялъ своему честолюбивому и предпріимчивому сыну средства дать новое, сильнѣйшее развитіе наслѣдственному честолюбію бранденбургскаго дома. — Прежніе короли прусскіе признавали надъ собою первенство германскаго императора, они видѣли въ немъ главу имперіи, которой были членами, — Фридрихъ II словомъ и дѣломъ показывалъ, что онъ себя считаетъ независимымъ государемъ, такимъ же какъ императоръ. Въ Австріи смотрѣли на только что оконченную войну почти какъ на возмущеніе Пруссіи. Фридрихъ держался того мнѣнія, что

онъ точно также въ правѣ воевать или мириться съ императоромъ, какъ король французскій или англійскій. По этому австрійское правительство искало случая вновь наложить свое вліяніе на Пруссію, прусское, — новыми успѣхами, новыми ударами Австріи, уничтожить навсегда подобныя ея претензіи.

По этому какъ съ той, такъ и съ другой стороны спѣшили воспользоваться миромъ, чтобъ приготовиться къ новой войнѣ: устроить свои финансы, увеличить свою армію, обставить себя новыми союзниками. Дѣятельный, проницательный Фридрихъ очень хорошо понималъ свое положеніе, и какъ казна его, такъ и войско были въ отличномъ состояніи; но онъ слишкомъ надѣялся на свои средства и не прилагалъ довольно стараній, чтобъ обезпечить себѣ помощь другихъ государствъ, или, лучше сказать, его личное поведеніе очень часто противорѣчило дѣйствіямъ его политики.

Рѣдко бываютъ люди такъ щедро одаренныя природою, какъ Фридрихъ; дальновидный политикъ, геніальный полководецъ, отличный администраторъ, онъ былъ въ то же время однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени; писалъ стихи, занимался музыкою и первенствовалъ какъ въ средѣ своихъ министровъ и дипломатовъ, такъ и въ кругу литераторовъ и художниковъ, которыми любилъ себя окружить.

Но если его эпиграммы облетали всю Европу, возбуждая зависть Вольтера и повторяясь тысячами устъ, то онѣ же дѣлали ему и множество враговъ. Фридрихъ не всегда могъ обуздать свое остроуміе, и ѣдкость его остротъ, болѣе нежели задирчивость его политики, возбудили лично

противъ него непріязнь при русскомъ и французскомъ дворахъ. Тогдашніе дипломаты очень много занимались мелочами и наполняли депеши свои столько же политическими извѣстіями, сколько болтовнею и придворными анекдотами и сплетнями, платя за сообщеніе ихъ большія деньги. Такимъ образомъ, шутки и насмѣшки прусскаго короля надъ извѣстною маркизою Помпадуръ, имѣвшею громадное вліяніе при Людовикѣ XV, были ей передаваемы и сдѣлали ее смертельнымъ врагомъ прусскаго короля; точно также всякія сплетни доходили до Маріи-Терезіи и до Елизаветы Петровны. Эту послѣднюю, между прочимъ, возмущалъ недостатокъ въ Фридрихѣ религіознаго чувства. «Онъ въ Бога не вѣруетъ, говаривала набожная Государыня, въ церковь никогда не ходитъ; для него нѣтъ ничего святаго.»

Бестужевъ поддерживалъ такое расположеніе нашей Государыни, а Лестока,—вѣрнаго представителя прусско-французскаго союза,—уже не было. Все это кончилось тѣмъ, что въ 1750 году посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ былъ отозванъ и дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены,—что̀ считается признакомъ явной непріязни. Франція, съ своей стороны, не только отстала отъ союза съ Пруссіей, но совершила вещь *чудовищную*, по словамъ французскихъ историковъ: вступила въ тѣсную дружбу съ Австріей и постановила имѣть съ нею общихъ друзей и враговъ.

Такимъ образомъ, Европа снова раздѣлилась на два лагеря, хотя и въ совершенно новомъ порядкѣ: съ одной стороны были Австрія, Франція и Швеція, увлеченная въ новую войну надеждою возвратить Померанію (потерянную

при Карлѣ XII); съ другой—Пруссія и Англія; Германія какъ и прежде, раздѣлилась, и часть ея пристала къ одной, а часть (весьма небольшая) къ другой сторонѣ. Что касается Россіи, то она колебалась, склоняясь однакожъ гораздо болѣе на сторону Австріи.

Впрочемъ, и безъ участія Россіи сторона, державшаяся Австріи, была очевидно сильнѣе противной. Единственная союзница Пруссіи, —Англія, имѣя весьма небольшую сухопутную армію, не могла оказать ей сильной помощи. По этому Фридрихъ рѣшился предупредить соединеніе всѣхъ непріятельскихъ армій противъ себя и кинуться на ту изъ нихъ, которая была ближе всѣхъ, хотя война еще не была формальнымъ образомъ объявлена. Неожиданно вторгнулся онъ въ 1756 году въ Саксонію и овладѣлъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Курфирстъ саксонскій (онъ же и король польскій) отступилъ въ Богемію, но былъ тамъ окруженъ и вынужденъ положить оружіе.

Такимъ образомъ, Фридрихъ обезоружилъ одного изъ своихъ враговъ; но за то онъ усилилъ противъ себя негодованіе тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли оружіемъ. Франція и Австрія ускорили свои военные сборы и удвоили настоянія при нашемъ дворѣ. Старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но чтобъ понять, почему мы легче дали вовлечь себя въ войну теперь, чѣмъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, надо обратить вниманіе на вліянія, которымъ въ это время подчинилась Императрица.

Съ самаго начала ея царствованія замѣчается вокругъ нея кружекъ людей, преданныхъ союзу съ Франціей. Лестокъ,—первый въ этомъ кружкѣ,—былъ низвергнутъ, но послѣ него оставался еще графъ Воронцовъ

сильному канцлеру едва ли прошла бы да[
другому. но Воронцовъ былъ женатъ на
сестрѣ Императрицы (племянницѣ Екатерины
Скавронской, пользовался лично большою е[
стію и, наконецъ, опирался на весьма силы[
Шуваловыхъ.

Шуваловыхъ было два брата, Алексан[
Ивановичи; оба они, подобно Воронцову, изд[
при дворѣ Елизаветы Петровны. Старшій Ш[
чался безусловною преданностію Государынѣ
ею за это, былъ преемникомъ Ушакова в[
тайною канцеляріей. Другой братъ, Петръ, и[
тельный государственный умъ и пользовался
большимъ значеніемъ; въ чемъ ему много по[
его, искренняя пріятельница Императрицы.

У этихъ Шуваловыхъ былъ еще двоюр[
извѣстный Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи
Ломоносова и учредитель московскаго ун[
вначалѣ своей карьеры, подобно Кириллу][

сколько лѣтъ пріобрѣлъ такое значеніе, что, въ свою очередь, сталъ покровительствовать своимъ двоюроднымъ братьямъ. Не управляя никакою особенною частію, не имѣя никакого особенно виднаго положенія въ управленіи, онъ оказывалъ однакожъ вліяніе на все. «Всѣ дѣла большія и малыя проходятъ чрезъ руки фаворита», писалъ въ 1755 году англійскій посланникъ, жалуясь на то, что французское вліяніе начинаетъ брать верхъ въ Петербургѣ надъ прочими. Самъ старый канцлеръ сказалъ однажды съ досадою: «Бѣда наша въ томъ, что у насъ есть молодой фаворитъ, который говоритъ по французски, любитъ французскій языкъ и французскія моды и желаетъ, чтобы къ намъ присланъ былъ французскій посланникъ.»

Какъ желалъ Шуваловъ, такъ и случилось; большое торжественное посольство было прислано отъ французскаго двора въ Петербургъ.

Но рядомъ съ новымъ и сильнымъ вліяніемъ Ивана Шувалова поднималось другое, не столько, можетъ быть, явное, за то болѣе глубокое: вліяніе великой княгини Екатерины Алексѣевны. Пріѣхавши въ Россію 14-тилѣтнею дѣвочкою, она очень скоро выучилась говорить по русски, обнаруживала большое уваженіе къ нашимъ церковнымъ обрядамъ, охотно принимала русскіе обычаи и любила вводить въ свои разговоры народныя поговорки и пословицы. Все это со стороны нѣмецкой принцессы, было совершенною новостію для людей, помнившихъ нѣмецкую обстановку принцессы Шарлотты брауншвейгской (супруги царевича Алексѣя) и Анны Леопольдовны.

Это уваженіе, оказываемое иностранкою по происхожденію, русскому языку и русскимъ обычаямъ, издавна уже

цировалъ нѣсколько сотъ солдатъ, данныхъ в
распоряженіе, а вечеромъ курилъ съ ними та
шалъ ихъ тяжеловѣсные *вицы* (остроты).

Совершенно иначе держала себя великая
лучивъ въ родительскомъ домѣ весьма несоверш
зованіе, она, войдя въ сознаніе, съ жаромъ п
тать и учиться. Не только современныя
французской литературы, Вольтеръ, Руссо и
прочтены и изучены, но изучены были и пис
серьозные, какъ Монтескье и Беккарія (писавші
государственныхъ соображеніяхъ), Платонъ
писатели весьма немногимъ, конечно, близко
насъ въ то время между самыми образован
нами.

Подчиненная строгому этикету и пользуя
благосклоннымъ расположеніемъ Императрицы
нившей подобныя познанія, держась въ сторо
особенно политическихъ, великая княгиня, о

Симпатіи Екатерины Алексѣевны были на сторонѣ Англіи: слишкомъ большаго сближенія какъ съ Австріей, такъ и съ Франціей она не одобряла, но громко высказывать этого не осмѣливалась, потому что шуваловская партія постоянно возбуждала противъ нея подозрѣніе Императрицы, которая часто повторяла про нея: «она слишкомъ умна; она воображаетъ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ».

За то Бестужевъ, хотя и тайно и осторожно, начиналъ заискивать у молодаго двора и засылалъ вѣрныхъ людей въ великой княгинѣ увѣрять ее въ своей полной къ ней преданности, а великому князю подъ секретомъ сообщалъ, что онъ душевно желалъ бы не доводить дѣлъ до разрыва съ Пруссіей... Много австрійскаго, прусскаго, англійскаго и французскаго золота было въ это время разсыпано въ Петербургѣ! Бестужевъ бралъ деньги и подарки отъ всѣхъ. Воронцовъ выстроилъ свой великолѣпный домъ (нынѣ пажескій корпусъ) на гинеи, полученныя отъ Англіи, сближенію съ которой однакожъ онъ тайно противодѣйствовалъ... Вотъ почему война уже началась, а у насъ еще не было рѣшено окончательно, къ которой сторонѣ мы пристанемъ. Только въ самый послѣдній день 1756 г. былъ подписанъ «актъ о присоединеніи къ заключенному въ Версаліи оборонительному трактату». Шуваловы восторжествовали надъ «молодымъ дворомъ» и надъ Бестужевымъ.

Въ ожиданіи войны, за кого или противъ кого бы она ни открылась, въ Лифляндіи было собрано до 80,000 войска, которое только ожидало приказанія выступить. Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Бестужева, впрочемъ, человѣкъ безъ военныхъ способностей и познаній, «одинъ

тивъ рижскихъ дамъ... Дѣйствительно, пока п
вались къ Ригѣ, онъ ослѣплялъ нѣмокъ своим
великолѣпіемъ; когда же эти передвиженія
армія выступила въ походъ, онъ изумилъ и е
свита военныхъ людей всякаго рода окружа
шетъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ
одинъ изъ бывшихъ въ арміи офицеровъ, Бол
лище сіе представлялось намъ тогда еще
было для насъ поразительно, ибо пышность
была такъ велика, что иной государь не в
войну съ таковою».—«Всѣ спокойствія, всѣ
какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торг
пишетъ князь Щербатовъ, съ самою роскошь
оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдов
его величиною городъ составляли; обозъ его
500 лошадей отягчалъ.»

Впрочемъ, начало кампаніи Апраксина
(1757). Этому, конечно, много помогли о
... вступали въ Пр

силами? Кинуться на ту армію, которая была ближе, потомъ на другую и, если возможно, разбить ихъ по одиночкѣ. Такъ велитъ военное искусство; такъ Фридрихъ и сдѣлалъ. Онъ быстро налетѣлъ на австрійцевъ, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. А между тѣмъ непріятели наступали со всѣхъ сторонъ. Французы заставили положить оружіе почти 50-ти тысячную армію Фридриховыхъ союзниковъ и грабили и раззоряли союзныя прусско-германскія земли. Австрійцы, послѣ своей побѣды, смѣло двинулись впередъ и проникли до Берлина, который былъ принужденъ заплатить имъ контрибуцію (окупъ), Шведы сдѣлали высадку въ Померанію и въ тоже время Апраксинъ вступилъ съ востока въ прусскія земли.

Онъ взялъ безъ сопротивленія Мемель и съ огнемъ и мечемъ подвигался къ Кенигсбергу. Фридрихъ не могъ отдѣлить противъ него больше 30-ти тысячъ войска, которому было велѣно сколь возможно задерживать Русскихъ, но не вступать въ рѣшительное сраженіе. Защищаясь и отступая, Пруссаки приблизились къ Кенигсбергу: сдать его казалось жаль, и они рѣшились испытать счастія въ сраженіи. Близъ деревни Гроссъ-Егерсдорфъ произошло кровопролитное сраженіе; Пруссаки были жестоко разбиты и Кенигсбергъ былъ имъ открытъ. Минута была отчаянная! ввиду обѣихъ столицъ королевства стояли непріятели; четыре арміи, съ четырехъ сторонъ, топтали прусскую землю; въ распоряженіи короля оставалось не болѣе 20,000 человѣкъ. Все казалось потеряннымъ; Фридрихъ готовился къ смерти въ сраженіи или посредствомъ самоубійства... Вдругъ онъ получилъ извѣстіе, что русская армія начинаетъ поспѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой пришла.

вленія Императрицѣ. Она и сама ничего н
этомъ нѣкоторое время, потому что была он
когда же оправилась, то сдѣлала распоряж
ченіи другаго главнокомандующаго, а надъ
наряжено было слѣдствіе; но онъ умеръ п
допроса.

Такимъ образомъ, причины, побудившія е
ному возвращенію въ Россію, остались нег
жетъ быть, онѣ и есть гдѣ нибудь въ наш
архивахъ, но еще не обнародованы; а
можно повторить только то, что говорил
обществѣ.

Эту загадку объясняли двумя предполож
говорили, что Бестужевъ, видя болѣзнь I
опасаясь ея смерти, хотѣлъ угодить наслѣд
великому князю, прекращеніемъ военныхъ
тивъ его героя, короля прусскаго. Другі
Бестужевъ замышлялъ устранить отъ прес
князя и возвести на оный младенца его сы

такъ или иначе приблизить Екатерину Алексѣевну къ правленію.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но всеобщій голосъ возлагалъ на Бестужева отвѣтственность за внезапное отступленіе нашей арміи, начальникъ которой былъ, какъ всѣ знали, однимъ изъ преданнѣйшихъ его друзей. Шуваловы, французскій и австрійскій посланники громко обвиняли его въ преступныхъ замыслахъ.

Мало по малу они достигли того, что Бестужевъ сдѣлался подозрителенъ Императрицѣ и она дала приказаніе арестовать его, объявивъ его въ тоже время манифестомъ виновнымъ въ «безбожныхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ» и въ «оскорбленіи величества». Вмѣстѣ съ нимъ было арестовано нѣсколько другихъ лицъ, при чемъ не осталось незамѣченнымъ, что нѣкоторые изъ нихъ были въ сношеніяхъ съ великою княгинею: одинъ былъ ея брилліантщикомъ, другой — ея учителемъ русскаго языка (секретарь великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, преданный Екатеринѣ Алексѣевнѣ, былъ высланъ за границу). Говорили также, — и это совершенно справедливо, — что Бестужеву удалось, во время самаго слѣдствія, уничтожить какія-то важныя бумаги... Все это подало при дворѣ поводъ къ самымъ злорѣчивымъ слухамъ. Чтобъ прекратить ихъ, великая княгиня формально просила Императрицу отпустить ее въ Германію, потому что всѣ эти сплетни, говорила она, истощаютъ ея терпѣніе и дѣлаютъ ея положеніе невыносимымъ. Императрица не согласилась на это, и придворные толки замолкли. Что же касается до Бестужева, то надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Что̀ именно открыло оно, — неизвѣстно; извѣстно только

что онъ былъ устраненъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и сосланъ на житье въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній.

Процессъ Бестужева долженъ остановить наше вниманіе. Онъ еще не извлеченъ изъ глубины нашихъ архивовъ, но различныя современныя извѣстія даютъ вѣрное понятіе о его содержаніи: канцлеръ, какъ сказано, замышлялъ сдѣлать въ пользу великой княгини какое-то измѣненіе въ порядкѣ престолонаслѣдія. Мы видѣли, какая судьба постигла за подобные же замыслы Девіера съ товарищами, Долгоруковыхъ и н. др. Приговоръ надъ Бестужевымъ, сравнительно съ ними, весьма снисходителенъ: этого нельзя не замѣтить. Еще болѣе замѣчательно то, что, во время слѣдствія и суда, Бестужевъ не только не былъ пытанъ, но даже содержался арестованнымъ въ собственномъ домѣ: это тоже обстоятельство, заслуживающее особаго вниманія; наконецъ, необыкновенно замѣчательны слѣдующія слова манифеста, объясняющія характеръ наряженной надъ нимъ слѣдственной комисіи: «Комисія эта должна была выслушивать больше добровольныя его показанія и признанія, нежели обыкновенною строгостію, которой съ нимъ ни мало употреблено не было, вынудить оныя.» Еслибъ это было только *слова*, то это были бы *золотыя слова*, но они оправдывались и самымъ дѣломъ. Болѣе гуманнымъ, болѣе человѣколюбивымъ образомъ на уголовное, а тѣмъ болѣе политическое преступленіе (по тогдашнимъ законамъ всего болѣе строго судимое) нельзя смотрѣть и теперь. Такъ, ходъ времени и вліяніе цивилизаціи измѣняли понятія, такъ одно поколѣніе смѣ-

няя другое, дѣлалось болѣе и болѣе достойнымъ названія христіанскаго общества!

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Петербургѣ, у двора, война продолжалась. Отступленіе Русскихъ дало немножко вздохнуть Фридриху; онъ кинулся на Французовъ и на голову разбилъ ихъ въ знаменитомъ сраженіи при Розбахѣ; потомъ точно также разбилъ онъ Австрійцевъ. Это дало ему возможность приготовиться къ слѣдующему году. Генералъ Ферморъ, назначенный нашимъ главнокомандующимъ, вступилъ въ 1758 году въ восточную Пруссію, занялъ Кенигсбергъ, но былъ разбитъ при Цорндорфѣ; сраженіе было страшно упорное; пишутъ, что Фридрихъ, замѣтивъ огромный уронъ, происшедшій въ его арміи отъ этого сраженія, сказалъ что легче перебить, чѣмъ побѣдить Русскихъ... Какъ бы то ни было, наше правительство Ферморомъ было недовольно и поручило на слѣдующій годъ командованіе Солтыкову, тому самому, который сильно способствовалъ въ 1730 г. возстановленію самодержавія. Солтыковъ, получивъ повелѣніе дѣйствовать въ связи съ Австрійцами, перешелъ за Одеръ и угрожалъ Бреславлю. Король прусскій, стѣсняемый Шведами, Французами и германскими арміями, собралъ до 50,000 солдатъ и кинулся на встрѣчу Русскимъ, которыхъ было 70,000. Разница въ числѣ была не очень велика и Пруссаки были увѣрены въ побѣдѣ, но всѣ ихъ усилія сломились о стойкость русской арміи. Они дѣлали чудеса храбрости; король самъ бросался въ огонь съ своими баталіонами; подъ нимъ убито двѣ лошади: ничто не помогло. Поражаемые нашею артиллеріею, отбиваемые штыками, гонимые конницею, Пруссаки

о ней: «если я еще выиграю такую побѣду,
цію о ней долженъ буду привезти въ Петербу]
Но мы не воспользовались своимъ успѣхомъ
слѣдовали Фридриха; вмѣсто того, между наш
стрійскимъ главнокомандующимъ начались прер
торыя избавили Фридриха отъ окончательной

Въ кампанію 1760 года мы проникли до
но удержать его не могли, да и вообще д
безъ плана и цѣли; на слѣдующій годъ Солты
замѣщенъ Бутурлинымъ, нѣкогда любимымъ го
ромъ цесаревны, человѣкомъ добрымъ, но н
заявившимъ военныхъ способностей. Генералъ
марщировалъ все это лѣто въ восточной Прус
лезіи, спорилъ и ссорился съ австрійскими г
и ровно ничѣмъ не ознаменовалъ своего поход
по счастію, былъ послѣднимъ. Смерть Императ
слѣдовавшая въ концѣ 1761 года, разорвала со
съ Австріей и Франціей, а вступленіе на прес
терины II и вовсе прекратило наше участіе

IV.

Полезна ли была Россiи война съ Пруссiей?—Что она намъ стоила?—Число жителей въ Россiи по 2-й ревизiи.—Бродяжничество, разбои.—Раскольники. — Новыя секты. — Обращенiе иновѣрцевъ.— Изданiе библiи. — Духовенство. — Жизнь въ провинцiи небогатыхъ дворянъ.—Пробужденiе охоты къ ученiю въ дворянскомъ сословiи.— Первоначальное воспитанiе юношества.

Какую пользу принесла Россiи война противъ Пруссiи? Какую полезную для Россiи цѣль могла имѣть эта война? На это затруднились бы отвѣтить сами тѣ, которые рѣшили, чтобъ ей быть. Ивану Шувалову пришло однажды въ голову удержать за Россiею сѣверо-восточную часть Пруссiи съ Данцигомъ; онъ заикнулся объ этомъ одному изъ иностранныхъ посланниковъ въ Петербургѣ, но тотъ принялъ это за шутку и далъ ему почувствовать, что подобная претензiя обратила бы противъ Россiи самихъ союзниковъ ея. А между тѣмъ война стоила намъ до 300,000 человѣкъ и до 30 мил. рублей. Жертвы страшныя! Бываютъ случаи, когда народъ долженъ приносить еще большiя жертвы, приносить ихъ съ твердостiю и безропотно, но чѣмъ, какою необходимостiю въ настоящемъ или какими выгодами въ будущемъ онѣ могли быть оправданы въ настоящемъ случаѣ? Какая польза была бы Россiи отъ того, что Пруссiя потеряла бы часть своихъ владѣнiй, а Австрiя увеличилась бы?

Просто мы увлеклись, мы стали въ положенiе человѣка, который руководится правиломъ: «куда люди, туда и мы!» Замѣчательно, что немедленно послѣ смерти Елиза-

пользы, сдѣлать много дѣла внутри ...

Въ 1742 году была назначена новая, втора
Она опредѣлила количество податнаго сословія (
но подвергшагося переписи) въ 6 мил. чел. (*).
ское народонаселеніе Россіи Ломоносовъ полагал
зительно въ 12 мил. человѣкъ, или около 25 м
пола: приращеніе огромное, если его сравниват
которое обнаружила первая ревизія за 35 лѣ
тѣмъ. Но дѣло въ томъ, что ни той, ни другой
нельзя довѣрять: народъ и теперь, какъ при Пе
должалъ укрываться отъ переписи, разбѣгался,
тилъ переписчикамъ, чтобъ не попадать въ ревизс
очевидно, слѣдовательно, что онѣ не могли быт
и Ломоносовъ полагалъ, что у насъ народонасел
стаетъ медленно, что смертность, особенно мел
чрезвычайно велика.

Едва ли есть болѣе вѣрное и удобное мѣр
состоянія страны, какъ возрастаніе его народ
Если оно увеличивается медленно или вовсе

[redacted]

дурныхъ помѣщеніяхъ съ вреднымъ воздухомъ; что ему не довольно оказывается медицинской помощи, что народонаселеніе это бездомничаетъ, бродяжничаетъ... Многія изъ этихъ заключеній, если не всѣ, можно было приложить къ тогдашней Россіи.

Бродяжничество,—одна изъ самыхъ старинныхъ нашихъ язвъ,—не прекращалось. Цари наши выдумали противъ этого зла прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, но прежнее зло едва ли уменьшилось, а явилось новое, крѣпостное право. Петръ ввелъ паспорты и ревизіи, но это казалось и было дѣйствительно, новою тягостію и въ тоже время новымъ поводомъ къ побѣгамъ и шатанію. Въ дремучихъ лѣсахъ заволжскихъ, по теченію Ветлуги, гдѣ на 700 верстахъ не было ни одного города и гдѣ было разсѣяно лишь нѣсколько глухихъ деревень и раскольничьихъ скитовъ, скрывались тысячи безпаспортныхъ людей, волжскихъ бурлаковъ по большей части; въ польскія владѣнія, въ Остзейскія провинціи уходили цѣлыя толпы; въ Малороссію, въ степи, пограничныя съ Кавказомъ, въ сибирскія пустыни тоже.

Многіе изъ такихъ людей натыкались на раскольничьи скиты и оставались въ нихъ, находя не только пріютъ и безопасность, но одобреніе и похвалу, ибо жизнь внѣ гражданскихъ обязанностей составляла, по понятію нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, заслугу; другіе принуждены были промышлять воровствомъ и разбоемъ. Мы видимъ множество указовъ, имѣющихъ цѣлію поимку разбойничьихъ шаекъ; военныя команды съ офицерами безпрестанно отправляемы бывали для ихъ преслѣдованія. Правительство назначало награды тѣмъ, которые изловятъ и пред-

ровъ и разбойниковъ, получая за это часть награ
добычи и дѣлясь ею съ тѣми, которымъ поручалось
леніе воровства и разбоя.

Съ своей стороны раскольники, какъ уже
считали священною обязанностію, вопросомъ религ
не подчиняться переписи и паспортамъ: было нѣскол
чаевъ въ царствованіе Елизаветы, какъ и до нея, ч
переписчики проникали до ихъ отдаленныхъ ски
они затворялись, обкладывались соломою и сож
Много времени должно было еще пройти, прежде
одной стороны, согласились подчиниться необходи
гражданскомъ обществѣ ограниченіямъ личной во
другой—уменьшенію этихъ стѣсненій до возможной
Такъ, напримѣръ, одно изъ первыхъ условій
ственности состоитъ въ томъ, чтобъ народонаселе
и усѣлось, чтобъ прекратилось бродяжничество;
страны, гдѣ паспорты не считаются необходимост
ловѣкъ нигдѣ уже не привязывается насильно к
мѣсту, какъ этого требовало наше крѣпостное п

народѣ еще много признаковъ дикости, много сопротивленія общественному порядку, а со стороны правительства много еще неумѣнія дать хорошее направленіе этимъ дикимъ и упорствующимъ силамъ. Напримѣръ, царствованіе Елизаветы, какъ мы видѣли, было гораздо мягче предшествующихъ: между тѣмъ раскольники считаютъ его однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Почему же такъ? Потому что Елизавета была очень набожна, очень радѣла о православіи, а радѣть о православіи въ ея понятіи, какъ и въ понятіи духовенства, да едва ли и не всѣхъ набожныхъ людей того времени, казалось нераздѣльнымъ съ преслѣдованіемъ тѣхъ, кто его не признаетъ. Такъ, Императрица однимъ изъ своихъ указовъ повелѣла выслать за границу всѣхъ Евреевъ. Евреи проживали въ Малороссіи еще во время польскаго владычества и вмѣстѣ съ нею поступили подъ русскую державу; точно также, хотя и не въ большомъ количествѣ, они жили въ нѣкоторыхъ остзейскихъ городахъ, и если сельское населеніе вообще тяготилось ими, то они оживляли торговлю городовъ. По этому Нѣжинъ и Рига ходатайствовали о дозволеніи Евреямъ оставаться по прежнему, представляя ихъ людьми полезными для Россіи: «никакого интереса не желаю отъ враговъ вѣры Христовой», отвѣчала на это Государыня, вполнѣ увѣренная, что совершаетъ великій христіанскій и государственный подвигъ. Къ чему же, однако, привела эта мѣра? Евреи, подъ разными предлогами и различными тайными средствами, умѣли найти возможность остаться въ Малороссіи; указъ о ихъ высылкѣ за границу послужилъ только къ незаконному обогащенію тѣхъ, которымъ было поручено его исполненіе.

секта *духоборцевъ*, имѣющая сходство съ нѣкотор
ранскими сектами. Секта эта не признаетъ священст
няетъ весьма строгую нравственность, гнушаетс
всякимъ пролитіемъ крови и вообще всякимъ на
богослуженіе ея состоитъ главнѣйше въ пропов

Религіозная ревность Государыни имѣла
кругъ дѣйствія въ отношеніи многочисленныхъ ин
населяющихъ Россію. Въ Свіяжскѣ, на границѣ
татарскаго царства, была учреждена особая
имѣвшая цѣлію распространить христіанство въ
къ Калмыкамъ, къ сибирскимъ племенамъ, —Вогул
камъ, Бурятамъ, Тунгузамъ, въ отдаленную Камч
посылаемы миссіонеры; къ нѣкоторымъ кавказск
дамъ—тоже. Тамъ, гдѣ миссіи искусно и насто
дѣло проповѣди, гдѣ мѣстное духовенство при
немъ искреннее участіе, какъ напримѣръ въ И
въ Камчаткѣ, тамъ дѣло шло успѣшно; но о
успѣхъ былъ только видимый; между Татарами
губерніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ крестилос

слѣдствіи велѣно было разрушать мечети въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ мусульманами, жили новообращенные христіане. Многія тысячи между Калмыками приняли крещеніе (между прочимъ, предки нынѣшнихъ князей Дондуковыхъ); но нѣсколько лѣтъ спустя, будучи недовольны своими приставами, уложили свои кибитки и откочевали въ степи Средней Азіи. Точно также было и между Осетинами, кавказскимъ племенемъ, нѣкогда исповѣдывавшимъ христіянство и потомъ мало по малу обратившимся въ язычество; да и не удивительно: въ царствованіе Елизаветы три миссіонера проникли въ осетинскія горы, но послѣ нихъ тридцать лѣтъ никто не продолжалъ начатаго дѣла: тѣ изъ Осетинъ, которые приняли крещеніе, никѣмъ не поддерживаемые и не руководимые, скоро стали такими же язычниками, какъ были передъ тѣмъ.

Не станемъ, впрочемъ, удивляться, что христіанская пропаганда не вездѣ производилась съ желаемымъ искусствомъ, прибѣгала къ средствамъ прельщенія, если не къ угрозѣ и рѣдко дѣйствовала съ необходимымъ терпѣніемъ и настойчивостію; пропаганда можетъ производиться съ успѣхомъ только тогда, когда она является въ видѣ какого-то избытка внутреннихъ силъ, которыя неудержимо рвутся внаружу. Духовенство же наше было, не взирая на свою многочисленность, слабо, — слабо уже потому, что было не развито. Довольно сказать, что въ концѣ царствованія Елизаветы считалось не болѣе 26 духовныхъ училищъ! По этому, если гдѣ христіянская проповѣдь шла успѣшно, то это должно отнести къ искусству и усердію отдѣльныхъ лицъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, проповѣдь производилась съ успѣхомъ и соединялась съ распростра-

и пущена въ продажу по весьма дешевой
Странное дѣло: Русскій народъ не безъ основа
набожнымъ; для грамотныхъ людей прежняго
шимъ, а для многихъ и единственнымъ чтеніе
щенныя книги, а между тѣмъ съ 1663 по
было ни одного изданія библіи!

Среди людей глубоко-религіозныхъ, каким
предки, духовенство имѣло большее значені
и умалилось въ сравненіи съ предшествую
нами. Еще въ XVII вѣкѣ свѣтскіе люди хор
лій поступали въ священники, но въ XVIII
только въ Малороссіи. Произошло это отъ
чинъ. Петръ I открылъ дворянству, и
простолюдству, широкую дорогу къ чинамъ
посредствомъ государственной службы; по
ніе священника уже сдѣлалось менѣе прив
При томъ, съ учрежденіемъ отдѣльныхъ свѣ
люди, поступивши въ нихъ съ самаго дѣтс
... которая естественно не могла

немногихъ изъ себя выпускало для государственной службы или иной свѣтской дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе однакожъ въ описываемое время сельскій священникъ былъ лицомъ близкимъ и крестьянину и помѣщику, особенно небогатому; въ рѣдкой дворянской усадебкѣ мы не встрѣтили бы частымъ и почетнымъ гостемъ приходскаго священника. «Весьма важную особу, пишетъ извѣстный уже намъ Болотовъ, составлялъ въ нашемъ домѣ нашъ приходскій попъ, а ея (матери автора) отецъ духовный». Онъ былъ ея ежедневнымъ гостемъ, совѣтникомъ и наставникомъ не только въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, но давалъ ей совѣты даже когда у нея случались тяжбы и споры съ сосѣдями.

Священники же и церковники бывали обыкновенно первыми учителями дѣтей небогатыхъ дворянъ. Тотъ же Болотовъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Первую радость родителямъ моимъ доставилъ я выученіемъ почти наизусть одного апостола изъ посланія къ Коринѳянамъ, начинающагося сими словами: «облецытеся убо яко избраннiи Божiи». Кто же научилъ этому ребенка? безъ сомнѣнія кто нибудь изъ духовныхъ лицъ. Другой современникъ, Даниловъ, разсказываетъ съ большою подробностію обученіе свое и еще нѣсколькихъ мальчиковъ у дьячка. Вообще можно сказать, что сто лѣтъ назадъ каждый небогатый дворянинъ начиналъ свое образованіе по букварю Ѳеофана Прокоповича и то подъ руководствомъ какого нибудь церковнослужителя.

Эти же два современника, Болотовъ и Даниловъ, знакомятъ насъ съ образомъ жизни тогдашняго провинціаль-

особенно по случаю безпрестанныхъ войнъ въ
ловинѣ XVIII вѣка, почти все дворянство нах
стоянно въ походахъ; даже и тѣ изъ дворян
за ранами или по другимъ причинамъ уволь
изъ военной службы, и тѣ рѣдко могли возвр
свои дома, потому что число гражданских
стей увеличилось и дворянство же должно был
нимать.

При Екатеринѣ I уже было обращено в
неудобства, связанныя съ такимъ порядкомъ
разстройство хозяйства, на дурное управленіе и
происходящія отъ постоянныхъ отлучекъ с
чтобъ помочь этому, старались уменьшать ч
данскихъ должностей, давали продолжительн
военнымъ офицерамъ, а эти послѣдніе разн
ками успѣвали длить свое пребываніе въ дер
гіе мѣсяцы и даже годы. Тѣмъ не менѣе од
людскія усадьбы были вообще пусты еще пр
по словамъ Болотова «все дворянство нахо

съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ и вели уединенную жизнь».

Домъ родителей Болотова былъ деревянный, безъ фундамента, съ огромною тесовою крышей. Объ изяществѣ архитектуры нечего и говорить; даже простыя удобства не были соблюдены; такъ, изъ семи покоевъ, заключавшихся въ этомъ домѣ, только три были обитаемы; другіе были или кладовыя, или чуланы, или сѣни, или отдѣлены были отъ главныхъ комнатъ холодными сѣнями. Какъ снаружи, такъ и изнутри стѣны были просто бревенчатыя, голыя, полы и потолки голые же, деревянные, некрашенные; вся мебель состояла изъ лавокъ, по старинному, придвинутыхъ къ стѣнамъ, изъ длиннаго дубоваго стола въ переднемъ углу, подъ образами, да еще изъ небольшаго количества стульевъ или креселъ, выражавшихъ собою уже нѣкоторую претензію на удобство. Забившись, особенно зимою, въ одинъ или два маленькіе тепленькіе покойца, дворянское семейство тамъ и спало, тамъ и обѣдало, тамъ и гостей принимало. Иногда, особенно въ день храмоваго праздника, имянинъ и проч. къ матери Болотова наѣзжали и гости, сосѣдніе помѣщики. «*Первую особу*» между ними составлялъ, пишетъ Болотовъ одинъ высокорослый старичокъ, «человѣкъ недальней бойкости» и безграмотный, а жена его «была самая шлюшечка».

По этимъ двумъ образцамъ *первой особы* и его жены можно составить себѣ понятіе и объ остальныхъ. Старики того времени могли помнить первые указы противъ бородъ и длинныхъ одеждъ, могли помнить первыя сопротивленія этимъ распоряженіямъ, и хотя бородъ дворяне уже не носили, но ходили въ какихъ-то длиннополыхъ одеж-

за ними почиванье: тамъ закуска и завтракъ ... чай. а тамъ ужинали. Спали всѣ на землѣ. пока по утру, проснувшись, принимались опять за ѣду.

Такъ описываетъ Болотовъ образъ жизни дворянства: подобно этому описываетъ и Данилов родню, бѣдныхъ дворянъ, до того бѣдныхъ, ч одного изъ нихъ сама ходила въ поле жать. Б своею, одиночествомъ, а также большими разсто худыми, не безопасными отъ разбойниковъ дорога эти вообще бывали принуждены къ одинокой, п творнической жизни, дичали, загрубѣвали и черст можно подумать, за то люди болѣе зажиточные вершенно иной образъ жизни? Тотъ же Болото намъ и на это отвѣтъ.

Вотъ какъ описываетъ онъ общество людей эпохи (1750), принадлежавшихъ къ другому, в болѣе достаточному кругу и въ другой мѣсти окрестностяхъ Пскова. Болотовъ вводитъ насъ его сестры, гдѣ праздновались ея имянины. Госте

бою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ. Ежели скрипочки двѣ-три умѣли играть польскіе, менуеты и контрдансы, такъ и довольно. Не многіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ колясках, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ.»

Потребовали лакеевъ-музыкантовъ; молодежь стала танцовать: старушки играли въ карты: старички распивали наливки: «а какъ подгуляли, то начали и они танцами веселиться. Музыка должна была играть тò, что имъ было угодно, и по большей части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты, и дѣлать имъ свою компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями, а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣсни пѣть лакеи, и такъ попеременно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина.»

Таковы были наши предки *на людяхъ;* одни, дома они были похуже и этому много способствовала, кромѣ недостатка просвѣщенія, уединенность усадьбъ и отсутствіе въ нихъ всякаго сторонняго взора, всякой критики, всякаго контроля. Вполнѣ безопасный и увѣренный, что все, что ни дѣлается въ усадьбѣ, *шито и крыто*, да при томъ еще привыкшій, посреди своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и холопей, ничѣмъ не стѣснять своего произвола, помѣщикъ того времени доходилъ до такой степени самодурства, что нынче это понять трудно. Былъ, напримѣръ, на свѣтѣ нѣкто Головинъ,—не бѣдный помѣщикъ, посыланный Петромъ за границу. Возвратясь въ Россію и отпущенъ будучи на житье въ деревню, онъ зачудилъ

барина. произносить имъ слѣдующіи *стихъ*, и тотъ же: «Входите—смотрите. тихо. сми и опасно. съ чистотою и молитвою, съ до приказами къ барину нашему, къ государі низко его боярской милости и помните жъ— крѣпко.» Тогда начинались донесенія бороді никовъ, каждаго по своей части, всегда о же порядкомъ. одними и тѣми же словами; і примѣръ. докладывалъ: «Во всю ночь, госуда кругъ всего вашего боярскаго дома ходи тушки стучали. въ трещетки трещали, въ я и въ доску гремѣли; въ рожокъ, сударь, по били и всѣ четверо между собою громко го ныя птицы не летали, страннымъ голосомъ молодыхъ господъ не пугали и барской за вали: на крыши не садились и на чердакѣ і Староста такъ оканчивалъ свой рапортъ: четырехъ деревняхъ; милостію Божіею. і благополучно и здорово: крестьяне ваши. госп

и васъ, государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы, винновныхъ рабовъ своихъ, простили.» Преступленія же кота и бабы заключались въ томъ, что первый поѣлъ господскую рыбу, а вторая по неосторожности подпалила село.

Такъ юродствовалъ очутившись въ глуши, безъ сношенія съ людьми, человѣкъ, по видимому, прежде не глупый. Но чудачество Головина было довольно безвредно, одиночество, отсутствіе всякаго контроля и почти неограниченный произволъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми бывали причинами дѣлъ, возмущающихъ душу. Даниловъ разсказываетъ про одну вдову-помѣщицу, великую, впрочемъ, богомолку, ежедневно заставлявшую читать себѣ акаѳисты, пѣть молебны и т. п. «Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, пишетъ Даниловъ; только признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и стапутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе.»

Такъ жило современное дворянство; картина не привлекательная! Замѣтимъ однакожъ: это — картина уже отживавшихъ обычаевъ. Потребность просвѣщенія начинала чувствоваться владѣльцами самыхъ глухихъ и отдаленныхъ усадьбъ. Люди стараго времени не хотѣли сами

ствія, заставляя видѣть, сличать и сравниват
его не развить нѣсколько и, между прочимъ,
почувствовать пользу просвѣщенія. Онъ пок
занимался музыкою и завелъ въ полку свое
Съ самаго ранняго возраста своего сына, он
налъ думать, какъ бы его образовать. Первое
ніе ребенка уже доставляетъ радость родите
мы не замѣчаемъ въ прежнее время, по кр
между среднимъ дворянствомъ. Мало этого.
отецъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобъ н
чему нибудь: оказывается въ полку солдатъ и
онъ беретъ его къ сыну въ учителя; располаг
по квартирамъ въ Курляндіи, — маленькаго Б
даютъ въ домъ къ какому-то дворянину, у к
сына выписанъ хорошій учитель изъ нѣмцевъ;
отецъ и мать рѣшаются разстаться съ сыном
мѣстить его въ петербургскій пансіонъ, и
люди радуются мысли, что ихъ дѣтище будетъ

Онъ употреблялъ послѣднія свои копѣйки на покупку книгъ, не разставался съ ними ни въ крестьянскихъ избахъ, во время стоянки съ полкомъ на квартирахъ, ни въ походѣ и, собираясь на войну, набивалъ ими свои вьюки. Пребываніе въ Остзейскихъ провинціяхъ съ полкомъ своимъ, гдѣ небогатые дворяне охотно принимали «геръ-поручика», хорошо говорящаго по нѣмецки, время, проведенное съ полкомъ въ Пруссіи, впродолженіе семилѣтней войны, — все это осталось не безъ вліянія на развитіе молодаго человѣка, который, наконецъ, возвратился въ свое наслѣдственное имѣніе далеко уже не тѣмъ, чѣмъ были его сосѣди-ровестники. И такихъ людей, какъ Болотовъ, были тысячи. Если служба и разстраивала ихъ имѣнія, то она способствовала ихъ образованію, и, въ свою очередь, они дѣлались орудіями, посредствомъ которыхъ образованіе проникло внутрь Россіи.

Польза грамотности и образованія была скоро понята русскимъ дворянствомъ. Современникъ Болотова, у котораго мы такъ много интереснаго вычитали, Даниловъ, пишетъ, что его отецъ, крайне бѣдный дворянинъ, самъ обучалъ грамотѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей; потомъ неподалеку случился грамотный дьячекъ, — мальчишекъ стали посылать къ нему для *усовершенствованія* въ чтеніи и письмѣ. Наконецъ, нашлись родственники, болѣе или менѣе достаточные люди, которые, имѣя учителей при дѣтяхъ своихъ, приняли къ себѣ въ домъ бѣдныхъ ребятишекъ; другіе опредѣляли дѣтей въ кадетскій корпусъ или въ какую нибудь изъ военныхъ школъ, учрежденныхъ правительствомъ, — и вотъ цѣлый рой дѣтей, родившихся въ нищетѣ и грубости, мало по малу вступалъ въ число лю-

... несвойдное образованіе: розги, какъ м
считались первымъ условіемъ воспитанія.
восклицаетъ Даниловъ, мое ученіе у Брудаст
и поднесь, и по той можетъ быть причи
меня сѣкли лозою: я не могу признаться
вости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность і
а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, і
задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣрен
силѣ, который я затверживалъ скоро: но как
обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска не
дѣли на скамейкахъ безсходно и въ больш
великое мученіе претерпѣвали, то-я отъ т
дашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голо
лась безпамятна, и все, что выучилъ пре
при слушаніи урока ввечеру, и половины
могъ: за то послѣдняя резолюція: меня, какъ
сѣчь.»

Чему и какъ учили единственные дере
гоги того времени, — церковники, — мы уз

разсказываетъ и Державинъ. Даже изъ кадетскаго корпуса, который состоялъ подъ надзоромъ людей образованныхъ, воспитанники безпрестанно убѣгали: вѣроятно не легка была имъ жизнь!

V.

Понятія о шляхетствѣ или дворянствѣ въ XVIII вѣкѣ. — Графъ П. И. Шуваловъ. — Межеваніе, начертаніе уложенія, банки, таможни. — Откупа. — Жадность, надменность и расточительность Шувалова. — Роскошь Елизаветинскихъ вельможъ. — Обычаи голштинскаго двора. — Общество великой княгини. — Развитіе вкуса въ обществѣ. — Постройки и спектакли. — Сумароковъ. — Волковъ. — Начало русской труппы. — Ломоносовъ какъ поэтъ и ученый. — И. Шуваловъ. — Московскій университетъ. — Смерть Елизаветы Петровны.

Намъ необходимо замѣтить, что съ начала XVIII вѣка начинаетъ складываться новое у насъ понятіе — о дворянствѣ, или, какъ тогда часто говорили, о шляхетствѣ. Слово *дворянинъ* употреблялось изстари, но оно не имѣло очень опредѣленнаго значенія, и вообще означало *служилаго человѣка*, то есть человѣка, обязаннаго служить отечеству, и за то пользующагося правомъ владѣть деревнями. Со времени же сближенія нашего съ Европою, оно получаетъ тотъ смыслъ, какой оно тамъ имѣло, то есть начало означать *благорожденнаго* человѣка, передающаго свое благородство дѣтямъ, имѣющаго исключительное право на владѣніе населеннымъ имѣніемъ и которому преимущественно открыты всѣ пути государственной службы.

Такъ понималъ дворянство и Петръ I. Немного было въ тогдашней Россіи людей способныхъ и готовыхъ слу-

жить общему дѣлу. Петръ вездѣ ихъ отыскивалъ, отвсюду ихъ бралъ и, ставя въ обязанность каждому изъ нихъ воспитывать дѣтей своихъ приличнымъ образомъ, дѣлалъ дѣтей этихъ наслѣдниками права ихъ отцовъ.

Дмитрій Голицынъ обнаруживаетъ желаніе образовать нѣчто еще высшее, нежели дворянство,—аристократію съ политическимъ значеніемъ. Мысль Голицына не была поддержана; дворянство оскорбилось тѣмъ, что его хотятъ отодвинуть на второй планъ и выразило желаніе устроиться особымъ сословіемъ, съ преимуществами и правами *исключительными*, ему одному только принадлежащими. Въ запискѣ, поданной въ 1730 году верховному совѣту, мы читаемъ, между прочимъ, желаніе, чтобъ «шляхетство въ матросы и ремесла не писать»; далѣе написано: «чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было, того ради всему, во всѣмъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ, рейтаръ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, хотябъ и многія деревни имѣли, развѣ на шляхетство или пожалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ; однакожъ и тѣхъ всѣхъ, хотя бы изъ какого чина ни были, и деревни уже имѣютъ, написать въ особую книгу».

Здѣсь уже обнаруживается совсѣмъ не та мысль, что прежде: уже не служба отечеству и даже не владѣніе деревнями, а одно рожденіе выставляется правомъ на шляхетство, по крайней мѣрѣ на чистое, *столбовое* шляхетство. Это уже понятіе въ Россіи новое, пришедшее къ намъ съ запада. Иностранцы и остзейскіе дворяне еще болѣе усиливаютъ его въ царствованіе Анны Іоанновны: сухопутный корпусъ открытъ для одного шляхетства, при

Императрицѣ Аннѣ снята съ одного дворянства обязанность служить до смерти или до изнеможенія; въ царствованіе Елизаветы открыты были въ Москвѣ двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, такъ что и здѣсь шляхетство становилось отдѣльно отъ прочихъ сословій. Права дворянства, какъ отдѣльнаго, исключительнаго сословія получили, большее развитіе при Петрѣ III и Екатеринѣ II. о чемъ теперь не мѣсто говорить; здѣсь же будетъ кстати познакомиться съ однимъ изъ представителей шляхетскихъ понятій при Елизаветѣ, графомъ Петромъ Шуваловымъ.

Это былъ, конечно, умный и способный человѣкъ, и едва ли кто болѣе его имѣлъ вліянія на дѣла внутренняго управленія. Мысли его въ этомъ отношеніи не всегда можетъ быть вѣрны и согласны съ дѣйствительными выгодами народа, но всегда широки и заставляютъ думать, что онъ могъ быть бы замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, еслибъ образованіе его было болѣе тщательно и еслибъ онъ не былъ зараженъ слишкомъ въ то время общею гражданскою безнравственностію. Онъ сдѣлалъ предположеніе о всеобщемъ въ Россіи размежеваніи земель и началъ приводить его въ исполненіе, что̀ чрезвычайно важно для едва учреждавшагося у насъ гражданскаго порядка, потому что, при неимѣніи правильно опредѣленныхъ границъ, землевладѣльцы не знали хорошенько, что̀ принадлежитъ имъ и что̀ не принадлежитъ, а отъ этого бывали безпрестанные захваты и множество тяжебъ.

По предположенію Шувалова же, приступлено было къ составленію уложенія. Со времени Царя Алексѣя у насъ не было книги законовъ. Многочисленные указы, регла-

менты и инструкціи Петра во многомъ совершенно измѣнили прежнее уложеніе и прибавили къ нему множество новыхъ законовъ, но пользоваться ими было чрезвычайно трудно. Указы эти въ свое время бывали обнародываемы, но какая была возможность подбирать ихъ одинъ къ одному? и мудрено было не пропустить того или другаго. Въ присутственныхъ мѣстахъ они хотя и подбирались, положимъ, тщательно, но за то человѣкъ, которому нужно было, напримѣръ, отыскать законъ для огражденія своего имущества, долженъ былъ отправляться къ дѣльцу, кланяться ему, давать взятки, а тотъ всегда могъ ему отвѣтить, что такого закона нѣтъ. Слѣдовательно, было дѣломъ первой важности собрать всѣ вышедшіе послѣ уложенія законы, сличить ихъ, отбросить тѣ, которые отмѣнены, согласовать между собою тѣ, которые другъ другу противорѣчали и, наконецъ, издать ихъ для всеобщаго употребленія. Вотъ это-то и хотѣлъ сдѣлать Шуваловъ, но такой трудъ былъ не подъ силу тогдашнимъ юристамъ и ничѣмъ не кончился.

Спеціальностію Шувалова была финансовая часть. По его плану учреждены были для дворянства и купечества заемные банки, которые снабжали подъ залоги деньгами за 2 процента, тогда какъ въ частныхъ рукахъ надо было давать до 20%. Для удобствъ торговли, онъ уничтожилъ многія внутреннія таможни и усилилъ пошлины на таможняхъ заграничныхъ. Эта послѣдняя мѣра теперь считается весьма вредною для *народа* и для казны, потому что возвышаетъ цѣну на заграничные товары, увеличиваетъ дороговизну и уменьшаетъ привозъ, а слѣдовательно и таможенные сборы. Кромѣ того, покровительство оказываемое внутреннимъ фабрикамъ,

уничтожая соперничество, пріучаетъ ихъ къ безпечности и отнимаетъ охоту совершенствовать и удешевлять свои произведенія. Но понятія эти недавно восторжествовали, да и то болѣе въ наукѣ, нежели на дѣлѣ; сто лѣтъ же тому назадъ система высокихъ тарифовъ была во всеобщемъ употребленіи, слѣдовательно проэктъ Шувалова винить нельзя.

Но вотъ въ чемъ нельзя не винить Шувалова: пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, онъ выхлопоталъ себѣ откупъ сальнаго промысла у Колы и Архангельска, таковой же откупъ тюленьяго промысла на Каспійскомъ морѣ и табака по всей Имперіи. Вообще всякіе откупа вредны для промышленности и отяготительны для народа (потому что откупщикъ налагаетъ на свои произведенія такія цѣны, какія хочетъ). Когда же, при томъ, человѣкъ съ такимъ вліяніемъ, какъ Шуваловъ, вступаетъ въ промышленныя предпріятія, мудрено, чтобъ онъ не злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ и чтобъ не уничтожилъ всякаго, кто вступалъ бы съ нимъ въ состязаніе. Шуваловъ это и дѣлалъ; онъ дѣлалъ еще хуже, а именно: «испросилъ себѣ—пишетъ князь Щербатовъ,—знатные заводы, и между прочими лучшій въ государствѣ, Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ рублей, бытъ оцѣненъ въ 90,000, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу сенату, и получилъ его по новой переоцѣнкѣ не съ большимъ за 40,000 руб.,—заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20,000 душъ, заводъ, приносящій ему послѣ до 200,000 руб. и который послѣ взятъ былъ обратно за его долги за 750,000 р.»

Кромѣ ненасытнаго корыстолюбія. Шуваловъ былъ одинъ изъ самыхъ гордыхъ, надменныхъ и неприступныхъ вельможъ своего времени. О томъ, какъ онъ держалъ себя въ отношеніи тѣхъ, кто въ немъ нуждался, можетъ дать понятіе слѣдующій разсказъ. У Болотова было дѣло, которое зависѣло отъ Шувалова; не смѣя обратиться къ самому вельможѣ, онъ пошелъ къ его адъютанту и фавориту, Яковлеву. «Вошедъ въ залъ, говоритъ Болотовъ, нашелъ я его весь набитый народомъ; я видѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы и низкаго состоянія люди, всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія ожидавшіе входа въ залъ любимца графскаго.» — «Наконецъ, распахнулися двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей, и по большей части такихъ, кои чинами своими были гораздо выше его. Не успѣлъ онъ показаться, какъ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили». — «Я подступилъ съ трепещущими ногами»...

Если адъютантъ Шувалова производилъ трепетъ и вызывалъ такое подобострастіе, какое же впечатлѣніе производитъ онъ самъ? А и онъ во время *случая* Разумовскаго, гнулъ передъ нимъ спину!

Шуваловъ получалъ въ годъ до 400,000 дохода, по словамъ современниковъ, а между тѣмъ они не могли покрыть его непомѣрной расточительности; у него, какъ мы видѣли, остались большіе долги. Подобно ему, страшно сорили деньгами и другіе вельможи этого времени. Нынѣшній Аничкинъ дворецъ былъ частнымъ домомъ графа Разумовскаго. Сынъ фельдмаршала Шереметева, «таскающій, а

не носящій свое имя», по словамъ Щербатова, устроилъ свой домъ на такую широкую ногу, что онъ могъ принимать Императрицу со свитою, не будучи предупрежденъ о ея пріѣздѣ. О роскоши Апраксина мы уже знаемъ; малымъ чѣмъ развѣ уступалъ ему графъ Чернышевъ. Нѣкоторые изъ этихъ вельможъ проживали на удовлетвореніе своего тщеславія огромныя наслѣдственныя состоянія, другіе, подобно Шувалову, прибѣгали къ нечестнымъ средствамъ, чтобъ имѣть деньги, какъ напримѣръ Чернышевъ, о которомъ Щербатовъ говоритъ, что онъ черезъ разные происки купилъ въ казнѣ мѣдные заводы за 90,000 руб. и потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ обратно продалъ ихъ за 700,000.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что сама Императрица поощряла эту страшную роскошь и не обращала большаго вниманія на средства, какими ея вельможи добывали деньги. Елизавета любила блескъ, любила роскошь сама. На одномъ пожарѣ, бывшемъ въ Москвѣ и отъ котораго сгорѣлъ дворецъ, сгорѣло до 4,000 ея платьевъ.

Замѣтить однакожъ надобно, что роскошь эта, какъ ни была она чрезмѣрна, какъ ни презрѣнны средства, которыми она питалась, получаетъ болѣе изящный и благородный видъ, нежели прежде; она начинаетъ уже сопровождаться вкусомъ. О страшныхъ попойкахъ Петровскихъ временъ уже нѣтъ и помину при дворѣ; самъ Разумовскій могъ позволять ихъ себѣ только дома или на охотѣ; пиво и трубки старинныхъ ассамблей удержались лишь въ казармахъ; тяжеловѣсныя любезности франтовъ, подобныхъ Левенвольду, уступили мѣсто несравненно болѣе изящнымъ формамъ меньшаго Разумовскаго или Ивана Шувалова, бывшихъ при русскомъ дворѣ образчиками

модной версальской молодежи; наконецъ, если великій князь какъ будто старался поддерживать нѣмецкіе нравы, возстановлялъ въ Ораніенбаумѣ обычаи короля Фридриха Вильгельма и его Tabaks-Collegium, если онъ довольствовался крупнымъ остроуміемъ голштинскихъ экзерцирмейстеровъ, то рядомъ съ нимъ, на половинѣ его супруги, господствовали понятія и вкусы, далеко оставлявшіе за собою пышный, благовидный, но вообще мало развитый дворъ Императрицы.

Весьма ограниченная въ своихъ денежныхъ средствахъ и зорко преслѣдуемая нерасположенною къ ней партіею Шуваловыхъ, Екатерина Алексѣевна не давала ни баловъ, ни праздниковъ, но изъ числа лицъ, обращавшихся при дворѣ, все, что было наиболѣе серьозно образованнаго или изящнаго въ отношеніи формъ (кромѣ Ивана Шувалова), собиралось и группировалось вокругъ нея. Въ ея живописномъ Ораніенбаумѣ, какъ и въ тѣсныхъ комнаткахъ ея петербургскаго дворца (близъ Полицейскаго моста), можно было почти ежедневно встрѣтить обоихъ Паниныхъ, Бецкаго, Строгонова, людей, вскорѣ сдѣлавшихся извѣстными всей Россіи; рядомъ съ ними бывали тамъ нѣкоторые изъ дипломатовъ и молодые люди, составлявшіе ихъ свиту, между которыми въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы блисталъ Станиславъ Понятовскій, будущій король Польши; наконецъ, тамъ же можно было замѣтить и одну молодую женщину, почти столько же просвѣщенную и остроумную, какъ сама великая княгиня, — княгиню Дашкову, женщину—исключеніе между тогдашними русскими женщинами. Вообще маленькій негромкій дворъ

великой княгини былъ, можно сказать, зарею новой эпохи, новой жизни для Россіи.

Эти молодые люди различныхъ половъ, различныхъ націй и различныхъ состояній встрѣчались между собою безъ чиновъ, запросто и первымъ между ними былъ тотъ, кто приносилъ съ собою болѣе веселости и остроумія,—и едва ли такимъ не бывала обыкновенно сама хозяйка: «Я думаю, пишетъ княгиня Дашкова въ своихъ любопытныхъ запискахъ, никто въ мірѣ не обладалъ въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ его разнообразіемъ и въ особенности прелестью обхожденія и искусствомъ придавать цѣну самому обыкновенному слову».

Императрица имѣла страсть къ постройкамъ; Петровскій лѣтній дворецъ и даже Зимній дворецъ Императрицы Анны, уже казались ей тѣсными; на мѣстѣ послѣдняго она начала строить нынѣшній; при ней же построенъ огромный, великолѣпный и изящный дворецъ въ Царскомъ Селѣ, перестроенъ дворецъ Ораніенбаумскій, воздвигнуты превосходная церковь Смольнаго монастыря, Владимірская и Николы Морскаго; нѣсколько прекраснѣйшихъ частныхъ домовъ построены вельможами Елизаветы, и вообще Петербургъ, еще не задолго передъ тѣмъ пустынный, по большей части состоявшій изъ деревянныхъ построекъ, необыкновенно украсился; дворцовая набережная, какъ видно изъ современныхъ рисунковъ и гравюръ, представляла уже сплошной рядъ огромныхъ каменныхъ зданій.

Всѣ эти постройки стоили, разумѣется, огромныхъ суммъ, которыя вводили частныхъ людей въ долги, а правительство въ излишнія издержки, но нельзя не замѣтить, что въ этой роскоши проглядываетъ то, чего не бывало

прежде—художественность. Лучшія постройки этого времени образовали особый *стиль*, которому, послѣ временнаго пренебреженія, начинаютъ нынѣ подражать; творецъ этого стиля у насъ былъ Растрелли,—иностранецъ, которымъ однакожъ Россія имѣетъ право гордиться. Растреллiевскіе дворцы и церкви надо было расписывать, и хотя, вообще живопись не произвела въ это время ничего образцоваго, но нѣкоторые плафоны, расписанные, по тогдашней модѣ, букетами цвѣтовъ и миѳологическими богинями, обращаютъ и теперь вниманіе художниковъ. Вельможи покупали за дорогую цѣну картины заграничныхъ мастеровъ; дома ихъ стали отличаться не только обширностію, не только красивыми фасадами, но и удобствами въ отношеніи внутренняго расположенія; едва ли можно, напримѣръ, вообразить себѣ что нибудь болѣе благородно-изящное, какъ домъ канцлера Воронцова.

Всѣ эти прекрасныя произведенія архитектуры, а также музыки и живописи, были большею частію дѣломъ иностранныхъ художниковъ, — гостей въ Россіи; но подъ ихъ вліяніемъ формировались и художники русскіе и вкусъ распространялся въ обществѣ. Такъ церковь Николы Морскаго построена ученикомъ Растрелли, Чевакинскимъ. Такъ ежедневные почти спектакли при дворѣ подали мысль устроить подобные же спектакли въ кадетскомъ корпусѣ. Императрица живо интересовалась ими, часто на нихъ присутствовала и давала свои бриллiанты для женскихъ костюмовъ. Эти спектакли, въ свою очередь, не могли, конечно, не служить къ развитію вкуса къ сценѣ, къ драматическому искусству и литературѣ вообще: изъ числа кадетъ-актеровъ нѣкоторые

сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными писателями, какъ напримѣръ, Бекетовъ, Херасковъ и Сумароковъ.

Мы остановимся нѣсколько минутъ на Сумароковѣ, какъ человѣкѣ, который имѣлъ въ свое время огромную литературную репутацію и упрочилъ за собою названіе отца русскаго театра. Любовь въ словесности и особенно къ театру развилась въ Сумароковѣ еще въ корпусѣ; бывъ потомъ адъютантомъ при Разумовскомъ, онъ могъ почти ежедневно видѣть оперы, интермедіи и балеты. Въ тоже время онъ съ жадностію читалъ модныхъ тогда драматическихъ авторовъ: Корнель, Расинъ, Вольтеръ и Мольеръ сдѣлались его кумирами; онъ рѣшился попробовать подражать имъ на своемъ отечественномъ, очень еще невыработанномъ языкѣ и написалъ трагедію «Хоревъ» (1747).

Не достоинства этого сочиненія, которыя очень незначительны, но необыкновенность появленія оригинальной русской трагедіи, да еще при томъ въ стихахъ,—такъ удивила и восхитила современниковъ, что они провозгласили Сумарокова «россійскимъ Расиномъ»; ободренный этимъ успѣхомъ, онъ написалъ другую, третью трагедію, принялся за комедію (къ которой едва ли не болѣе имѣлъ призванія), словомъ, написалъ цѣлый репертуаръ; не было только актеровъ, потому что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ давно не существовало той труппы и тѣхъ театровъ, которыхъ начало мы видѣли при Петрѣ.

Между тѣмъ вдали отъ обѣихъ столицъ, въ Ярославлѣ образовалась сама собою, безъ всякихъ приказаній и даже поощреній, русская труппа. Вотъ какъ это было. Купеческій сынъ, Ѳедоръ Волковъ учился въ ярославской семинаріи. Тамъ, по примѣру кіевской и другихъ академій, не-

рѣдко бывали представленія духовнаго содержанія. Они произвели впечатлѣніе на молодаго купца; когда же потомъ ему удалось побывать въ Петербургѣ и увидѣть представленіе на кадетской сценѣ съ декораціями, освѣщеніемъ и машинами, то Волковъ остолбенѣлъ отъ восторга и изумленія. Будучи человѣкомъ въ высшей степени чувствительнымъ ко всякому художественному впечатлѣнію, будучи и живописцемъ, и музыкантомъ, и скульпторомъ,—и все это самоучкою, — Волковъ въ тоже время обладалъ тѣмъ постоянствомъ и терпѣніемъ, безъ которыхъ самыя даровитыя натуры ни до чего не достигаютъ. Волковъ до малѣйшей подробности изучилъ, такъ сказать, матеріальную сторону сценическаго искусства, то есть устройство машинъ, расположеніе кулисъ и проч., и возвратясь въ Ярославъ, выпросилъ у родственника, у котораго онъ жилъ, пустой кожевенный сарай, устроилъ тамъ партеръ и сцену, составилъ труппу изъ подобныхъ ему купеческихъ, мѣщанскихъ и подъяческихъ сыновей и далъ представленіе, которое привело въ восторгъ всѣхъ зрителей.

Смышленный и практическій, Волковъ, видя, какъ ярославское народонаселеніе рвется на его представленія, назначилъ за нихъ плату,—по пятаку за первыя мѣста,— и такимъ образомъ мало по малу накопилъ такую сумму, что въ 1752 году уже могъ выстроить общественный, публичный театръ для 1,000 зрителей.

Вкусъ къ театру между тѣмъ сильно распространился въ Петербургѣ; въ разныхъ частныхъ домахъ бывали вечера и балы съ спектаклями. По этому не удивительно, что тамъ скоро заговорили о ярославскомъ театрѣ. Императрица пригласила Волкова съ его труппою, пожелала

видѣть ихъ представленія на дворцовой сценѣ и была ими отмѣнно довольна, а черезъ четыре года (1756 года) издала указъ объ учрежденіи публичнаго театра. Первымъ его директоромъ и почти единственнымъ драматическимъ писателемъ былъ Сумароковъ; изъ актеровъ же Волковъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ талантливый, а его другъ и сотрудникъ Дмитревскій — великій артистъ.

Здѣсь мы должны поговорить о другомъ еще болѣе замѣчательномъ, геніальномъ русскомъ самородкѣ—Ломоносовѣ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ онъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей, тревожимый жаждою знанія, тайно оставилъ родительскій домъ и пѣшкомъ притащился изъ Холмогоръ въ Москву. Непривѣтливы должны были ему показаться на первыхъ порахъ жизнь и наука! «Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу; прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды». Такъ описывалъ онъ И. Шувалову свою жизнь въ Заиконоспасской духовной академіи и заключалъ слѣдующими словами: «Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ»!

Өеофанъ Прокоповичъ, тогда уже старикъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, посѣтивъ Московскую академію, замѣтилъ тамъ Ломоносова и благословилъ его на трудъ и на науку. Въ 1737 году посланъ онъ былъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и отданъ подъ надзоръ знаменитому Вольфу, который, не хваля безпорядочную его жизнь, съ уваженіемъ отзывался о его способностяхъ и успѣхахъ въ наукахъ.

Между тѣмъ какъ Ломоносовъ слушалъ лекціи нѣ-

мецкихъ профессоровъ и кутилъ съ нѣмецкими студентами, до него дошла вѣсть о громкой побѣдѣ Миниха подъ Ставучанами и о взятіи Хотина. Взыграло его русское сердце и отозвалось одою, которая начинается слѣдующими стихами:

2 1 4 5 3
Корабль, какъ ярыхъ волнъ среди (*),
Которыя хотятъ (его) покрыти, —
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ (не даетъ) съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ...
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, (ее) тьмы Татаръ.

Каковы бы ни казались намъ теперь эти стихи, но послѣ тяжелыхъ виршей Тредьяковскаго и Кантемира, они, будучи получены въ Петербургѣ, поразили своею благозвучностью. И точно, въ нихъ слышатся музыкально-правильное удареніе (метръ), тогда какъ до того времени всѣ русскіе стихи были ничто иное (въ отношеніи благозвучія), какъ «рубленная проза» съ риѳмами. Самъ современникъ Ломоносова, Сумароковъ, человѣкъ при томъ не безъ таланта, не умѣлъ однакожъ найти въ русской рѣчи той музыкальности, которая даетъ русскому стиху огромное преимущество передъ французскимъ, напримѣръ.

Ломоносовъ возвратился изъ Германіи въ началѣ цар-

(*) Для болѣе удобнаго пониманія этого весьма неправильнаго стиха поставлены надъ словами цифры въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ слѣдовало *бы*, по свойству языка, стоять.

ствованія Елизаветы, предшествуемый уже репутаціей перваго русскаго *піиты*, и чѣмъ болѣе писалъ онъ, тѣмъ болѣе росла его слава. Нѣкоторыя строфы его и до сего времени не потеряли своей свѣжести и замѣчательны яркостью воображенія и силою мысли, какъ напримѣръ, слѣдующія:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь;
Лучи (солнца) отъ насъ сокрылись прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна...
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

2 1
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ искра мала въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
3 4 1 2
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслью утомленъ.
Но гдѣ жъ, природа, твой законъ?

Спрашиваетъ поэтъ; скажите, говоритъ онъ, ученые,

2 1
Чтò зыблетъ яркій нощью лучъ?
Чтò тонкій пламень въ твердь разитъ?
Кàкъ молнія, безъ черныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ, —
Скажите жъ, какъ пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?..
Невидимъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, какъ великъ Творецъ?

Подъ нѣкоторыми стихами этого стихотворенія съ гордостію подписалъ бы свое имя и поэтъ настоящаго времени: сто лѣтъ же тому назадъ они приводили въ изумленіе; едва ли кто нибудь подозрѣвалъ тогда, что русскій языкъ способенъ къ такой силѣ и къ такому благозвучію.

Но поэзія не была самою сильною стороной необыкновенно богатой природы Ломоносова и стихотворенія едва ли занимаютъ четвертую часть всѣхъ его сочиненій. Его умъ работалъ еще болѣе, чѣмъ его воображеніе, и ученые труды Ломоносова поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Онъ составилъ грамматику русскаго языка, по которой выучилось нѣсколько поколѣній; онъ установилъ правила стихосложенія, которыя и теперь въ основаніяхъ своихъ всѣми признаются; писалъ о химіи, физикѣ, астрономіи, металлургіи, геологіи; составилъ русскую исторію, писалъ предположенія о большихъ ученыхъ экспедиціяхъ и записки, касающіяся государственныхъ вопросовъ (какъ напримѣръ, о мѣрахъ къ усиленію и сохраненію народонаселенія въ Россіи): словомъ, необыкновенный умъ Ломоносова касался, кажется, всѣхъ отраслей умственной дѣятельности.

Ломоносовъ былъ сдѣланъ членомъ Петербургской *академіи наукъ*; но здѣсь господствовали нѣмцы; Ломо-

носовъ же былъ изъ числа тѣхъ, которые благоговѣли передъ дѣлами Петра и указанною имъ европейскою наукой, но тяготились иностранною опекой и оскорблялись, когда Нѣмцы выдвигали своихъ земляковъ въ ущербъ достойнымъ Русскимъ. Однажды, читая предположеніе о выпискѣ изъ за границы новыхъ профессоровъ, Ломоносовъ съ горечью отмѣтилъ сбоку: «не выписать ли и учениковъ изъ за границы!» Безпрестанно возникали споры и пререканія между Ломоносовымъ и его сочленами, при чемъ, будучи очень вспыльчивъ и упрямъ, онъ не всегда бывалъ правъ. Крутой и рѣзкій нравъ доводилъ его до частыхъ ссоръ и внѣ академіи, напримѣръ съ его собратами по литературѣ,—Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Все это могло бы очень повредить Ломоносову; по счастію, у него были сильные покровители,—графъ Воронцовъ и К. Разумовскій, щеголявшіе своею благосклонностію къ первому русскому ученому и стихотворцу. Но всѣхъ сильнѣе, искреннѣе и постояннѣе покровительствовалъ ему Иванъ Шуваловъ.

Шуваловъ имѣлъ много недостатковъ; онъ былъ слабохарактеренъ, лѣнивъ и безпеченъ, но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ свое время; характеры сильные и энергическіе были не рѣдки въ первой половинѣ XVIII вѣкѣ, но крайне рѣдки были натуры мягкія, благосклонныя, снисходительныя. Не громкія дѣла плѣняли Шувалова, какъ людей петровской эпохи, но мирные успѣхи наукъ и художества. По этому, если слабость характера дѣлала его нерѣдко орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ его двоюроднаго брата, то сердечное сочувствіе сблизило его съ Ломоносовымъ, отъ

котораго онъ многому, конечно, научился, и,—что важнѣе для насъ,—съ которымъ вмѣстѣ онъ обдумывалъ средства къ распространенію въ Россіи просвѣщенія. Результатомъ этихъ совѣщаній былъ обширный планъ устройства по уѣзднымъ городамъ народныхъ школъ, по губернскимъ—гимназій и, наконецъ, въ Москвѣ—университета. Первою потребностію казалось устроить университетъ, такъ какъ онъ долженъ былъ снабжать Россію учителями, что̀ по мысли Петра, должна была сдѣлать, но не сдѣлала академія.

Въ своемъ докладѣ сенату объ этомъ предметѣ, Шуваловъ писалъ, что надо желать чтобъ было у насъ «довольно національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ»; что отъ распространенія образованности «въ отдаленномъ простомъ народѣ, суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся». Сенатъ одобрилъ предположеніе Шувалова и московскій университетъ въ 1755 году получилъ свое основаніе.

Мы, кажется, обозрѣли эпоху Императрицы Елизаветы со всѣхъ сторонъ на столько, по крайней мѣрѣ, на сколько это возможно при недостаткѣ свѣдѣній о многихъ обстоятельствахъ этой эпохи. Когда архивы наши будутъ болѣе разработаны, многое, можетъ быть, изъ сказаннаго здѣсь представится въ другомъ видѣ и кажущееся теперь достойнымъ похвалы, окажется достойнымъ порицанія, или наоборотъ. Далѣе царствованія Елизаветы Петровны намъ идти уже невозможно: тамъ господствуетъ совершенная *неизвѣстность*, такъ что намъ пришлось бы повторять

извѣстія, сообщаемыя иностранными писателями, а имъ довѣрять надо съ величайшею осторожностію.

Въ заключсніе скажемъ два слова о смерти Императрицы Елизаветы. Уже лѣтомъ 1761 года ея здоровье совершенно разстроилось; припадки падучей болѣзни, о которыхъ было упомянуто, дѣлались все чаще и чаще, и слабость, которая за ними слѣдуетъ, продолжалась все долѣе и долѣе, такъ что она по нѣскольку дней оставалась безъ сознанія. Совершенно больная она перевезена была въ концѣ лѣта изъ Петергофа въ Петербургъ и здѣсь скончалась 25 декабря, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Принцъ Антонъ-Ульрихъ. — Бракосочетаніе его. — I
Императрицы. — Назначеніе наслѣдника. — Воп
регентствѣ. — Назначеніе Бирона регентомъ. — Сме
ператрицы (1740). — Заговоръ графа Головкина. -
шенія къ Бирону родителей Государя. — Минихъ прин
сторону послѣднихъ. — Арестованіе Бирона. — Ані
польдовна принимаетъ правленіе. — Положеніе, к
Минихъ хотѣлъ принять при новомъ правительс
Судъ надъ Бирономъ. — Вражда Миниха съ Остер
и удаленіе отъ дѣлъ перваго изъ нихъ. — Пол
Россіи въ дѣлахъ европейской политики. — Хар
стическая черта правленія Анны Леопольдовны.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

I. Стремленія къ новизнѣ и заимствованію у иностр
замѣтны еще въ XVII вѣкѣ. — Петръ былъ тольк
водникомъ этихъ стремленій. — При Аннѣ чуже
вліяніе сдѣлалось чрезмѣрнымъ. — Реакція против
цевъ и симпатіи къ Елизаветѣ Петровнѣ. — Сила (

ЧТЕНІЕ

изъ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

[redacted]

ЧТЕНІЕ

изъ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.

1866.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III.

Положеніе партій при вступленіи на престолъ Петра III.—Сближеніе съ Пруссіей.—Сильное иноземное вліяніе.—Указы въ пользу старообрядцевъ, о вольности дворянской и о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ.—Общій ихъ характеръ.—Миръ съ Пруссіей.—Недовольные группируются вокругъ императрицы.—Свиданіе государя съ принцемъ Іоанномъ Брауншвейгскимъ.—Партизаны императрицы: гр. Панинъ, Орловъ, кн. Дашкова и др.—Союзный договоръ съ Пруссіей и приготовленія къ войнѣ противъ Даніи.—Переворотъ 28-го іюня.—Отреченіе императора Петра III отъ престола.

Императрица Елисавета приняла всѣ зависѣвшія мѣры къ обезпеченію престолонаслѣдія послѣ ея смерти. Ея племянникъ, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, былъ объявленъ наслѣдникомъ почти за двадцать лѣтъ до ея кончины, и этотъ наслѣдникъ имѣлъ уже сына. Поэтому воцареніе новаго Императора произошло безъ всякаго потрясенія. Но нельзя сказать, чтобъ это совершилось безъ глухой борьбы и колебаній въ группѣ людей, близкихъ къ престолу. Мы уже знаемъ, что наслѣдникъ престола не умѣлъ и не давалъ себѣ труда привлечь сердца будущихъ своихъ подданныхъ (Царств. Елис. Вып. IV, гл. V). Обожаніе, которое онъ обнаруживалъ къ королю Прусскому, не скрываемое даже въ то время, когда русскія войска

женцевъ. Опасаясь ея вліяніе и пользуясь
ея отношенія къ великому князю были не х(
милія Воронцовыхъ, пріобрѣтшая большую с
удаленія Бестужева, старалась, какъ увѣря
торые иностранные писатели, погубить вел
гиню. Напротивъ того, сильная фамилія Ш
возвратилась, если вѣрить тѣмъ же инос
свидѣтельствамъ, къ мысли своего старинна
ника Бестужева (тамъ же, гл. III.) и замыш
лить отъ престола великаго князя, достави
Павлу Петровичу, которому было 7 лѣтъ, под
ствомъ его матери. Есть достаточные поводы
что сама Императрица склонялась къ этой мысл
имѣла мало вѣроятностей успѣха; не безъ основ
но было опасаться при ея осуществленіи боль
трясеній; мудрено, казалось, устранить отъ ко
слѣдника, такъ давно признаваемаго всею Р
этомъ качествѣ. Никита Ивановичъ Панинъ, (
занимавшій посланническія должности при да
шведскомъ дворахъ, и назначенный, по возвращ
заграницы, воспитателемъ великаго князя П
рался примирить вышеприведенныя. столь п

тись безъ смутъ, и что управленіе малолѣтнихъ государей рѣдко бываетъ спокойно. Но дабы предупредить и крутые повороты въ политикѣ внѣшней и въ управленіи внутреннемъ, которыхъ не безъ основанія, какъ увидимъ, опасались отъ Петра, онъ предлагалъ усилить власть сената и сдѣлать его, такъ сказать, хранителемъ правительственныхъ преданій.

Глава фамиліи Шуваловыхъ, графъ Петръ, не могъ не оцѣнить важности дѣлаемыхъ ему возраженій и отказался отъ своей мысли; будучи уже на смертномъ одрѣ, онъ хотѣлъ, съ тѣмъ авторитетомъ, который обыкновенно имѣетъ умирающій и съ тою откровенностію, которую имѣетъ человѣкъ находящійся на порогѣ могилы, выразить великому князю, что ему необходимо сдѣлаться русскимъ, вполнѣ русскимъ императоромъ. Петръ видѣлся съ Шуваловымъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ, но то что̀ послѣдовало какъ въ первые, такъ и въ остальные немногіе дни его царствованія, доказываетъ, что завѣщаніе Шувалова немного на него подѣйствовало. Мысли Панина также не было суждено осуществиться.

При вступленіи на престолъ государей, они обыкновенно разсыпаютъ щедрыя милости. Петръ не отступилъ отъ этого древняго обычая и поспѣшилъ возвратить многихъ изъ тѣхъ, которые въ царствованіе Елисаветы, и даже ранѣе, находились въ ссылкѣ, а именно: Миниха, Менгдена, Бирона, Лестока и н. др.; но при этомъ замѣчено было, что Бестужева не коснулась милость государева; замѣчено было также, что многіе значительные прусскіе офицеры, находившіеся въ плѣну, были отпущены въ свое отечество и щедро награждены. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ самый день вступленія Государя на престолъ, военныя дѣйствія противъ Пруссіи были остановлены

ликимъ почетомъ и получили щедрыя денея
жанія, нѣсколько великолѣпныхъ домовъ въ I
нѣсколько обширныхъ имѣній въ русскихъ
и высокія положенія въ русской государстве
бѣ. Одинъ изъ новоприбывшихъ, герцогъ Г
Императора, сдѣланъ былъ генералиссим
скихъ войскъ, другой, принцъ Голштейнъ-бе
чилъ чинъ фельдмаршала, и оба они не зам
латься членами высшихъ правительственн
деній и различныхъ временныхъ совѣтовъ, (
которыхъ Государь задумывалъ совершить
его преобразованія.

На такое начало не безъ смущенія смотр
сановники Елисаветы, при которой отвы
иностранныхъ принцевъ въ качествѣ член(
торской фамиліи и въ то же время людей, в
на управленіе государствомъ. Преобра
духъ новаго царствованія коснулся прежде
ска. Въ обученіе полковъ введена была п
стема; обмундированіе ихъ было передѣла
скому образцу, причемъ усвоенный со врем
зеленый цвѣтъ мундировъ, сдѣлавшійся ка

недавно гордилось своими побѣдами надъ Пруссаками. Самъ Государь постоянно носилъ мундиръ прусскаго генерала.

Эти нововведенія глубоко оскорбляли и національное чувство и самолюбіе военныхъ. Но это было лишь началомъ тѣхъ преобразованій, которыми Петръ III думалъ затмить славу своего великаго дѣда. Мы не станемъ перечислять ихъ, но остановимся на трехъ важнѣйшихъ, которыя опредѣляютъ характеръ и направленіе тогдашняго правительства.

Одно изъ такихъ преобразованій, объявленное черезъ мѣсяцъ по вступленіи Петра на престолъ, касалось раскольниковъ. Прежде всего обращено было приглашеніе къ тѣмъ изъ нихъ, которые въ разныя времена ушли за границу, возвратиться на родину; имъ отводились отъ казны земли съ обѣщаніемъ, что имъ нечего опасаться какихъ-либо преслѣдованій. Чрезъ нѣсколько дней потомъ послѣдовалъ новый указъ о прекращеніи всѣхъ слѣдствій, производившихся по поводу самосожиганія между нѣкоторыми раскольничьими сектами, а вслѣдъ затѣмъ назначены были особые попечители къ раскольничьимъ обществамъ для защиты ихъ противъ православнаго духовенства.

Вслѣдъ за этими указами послѣдовалъ такъ-называемый указъ о *вольности дворянской.* Чтобы понять его значеніе, надо припомнить, что русское дворянство было искони служилымъ сословіемъ и обязано было, за получаемыя имъ *помѣстья*, нести всю свою жизнь государственную, а особенно военную службу. Петръ I далъ эти помѣстья дворянамъ въ собственность наслѣдственную, но за то требовалъ отъ нихъ службы болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Императрица Анна опредѣлила срокъ обязательной службы для дворянъ,

такъ что, прослужа 25 лѣтъ, каждый изъ нихъ имѣлъ право выдти въ отставку; Петръ III, наконецъ, вовсе снялъ съ дворянъ обязательность службы и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ вступать въ службу иностранныхъ государей, находящихся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіей.

Третій указъ, на который необходимо обратить вниманіе, касался духовенства и крестьянъ. Церкви и монастыри, какъ мы знаемъ, издавна владѣли населенными имѣніями, управляли ими и пользовались съ нихъ доходами. Мы знаемъ также, что Петръ I отнялъ у церквей и монастырей управленіе этими имѣніями и поручилъ оное особому приказу, который былъ обязанъ, изъ взимаемыхъ съ нихъ доходовъ отдѣлять опредѣленную сумму на содержаніе церквей, монастырей и духовенства, остальную же часть доходовъ обращать на устройство богадѣленъ и школъ. Съ образованіемъ синода это распоряженіе было отмѣнено, и правительствующему учрежденію по духовнымъ дѣламъ ввѣрено было управленія имѣніями, принадлежащими духовному вѣдомству. Петръ III пожелалъ возстановить первоначальный законъ своего дѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшить положеніе крестьянъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ. Указъ объ этомъ послѣдовалъ 21-го марта 1762 года. Онъ причислялъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ къ государственнымъ; вся земля, которую они для себя обработывали, отдавалась имъ въ собственность, съ тѣмъ чтобъ они платили за нее установленный оброкъ, изъ котораго, равно какъ изъ доходовъ съ остальныхъ земель, отобранныхъ у церквей и монастырей, учрежденная для управленія ими коллегія экономіи должна была отпускать штатную сумму на духовное вѣдомство, а остальные затѣмъ доходы

употреблять на содержаніе инвалидныхъ домовъ и семинарій.

Таковы были три дѣйствительно важные указа изданные Петромъ III въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,—указы весьма важные какъ по содержанію своему и по своимъ послѣдствіямъ, такъ и по духу, который въ нихъ обнаруживается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма важенъ также законъ, уничтожавшій тайную канцелярію. Къ учрежденію ея, сказано въ указѣ, побудила Петра I тогдашняя грубость народныхъ нравовъ; чѣмъ болѣе нравы смягчилась, тѣмъ менѣе оказывалось въ ней надобности. Тайная разыскныхъ дѣлъ канцелярія, объявлялъ Государь, уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла ея передаются въ архивъ для вѣчнаго забвенія; „ненавистное израженіе, а именно: *слово и дѣло*, не долженствуетъ отнынѣ значитъ ничего“; доносы же о дѣлахъ по умышленіямъ на особу государя или на цѣлость и спокойствіе отечества повелѣвалось подавать въ обыкновенныя судебныя мѣста. Такимъ образомъ тайный доносъ, издавна поощряемый нашимъ законодательствомъ, впервые признанъ былъ нечестнымъ и презрѣннымъ источникомъ для открытія истины. „Не надѣялись мы, сказано въ этомъ указѣ, чтобъ изъ числа дворянъ и офицеровъ нашлись такіе, которые оказались бы виновными въ умыслахъ на государя и отечество, а еще меньше ожидаемъ, чтобъ нашлись между ними толико подлые и безчестные люди, которые хотѣли бы дѣлаться клеветниками“. Вмѣстѣ съ тѣмъ произнесено, было и первое слово осужденія противъ ужаснаго средства домогаться истины среди различныхъ и противорѣчивыхъ показаній,—противъ пытки. Къ ней велѣно обращаться лишь въ крайнемъ случаѣ: „Какъ можно надлежитъ кротостію

какъ въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, на
и чрезвычайно еще слабо, обнаруживаться
ваніе Елисаветы.

Въ самомъ дѣлѣ, не пора ли было након
тить гоненіе на раскольниковъ, продолж
различной мѣрѣ болѣе ста лѣтъ и при
только къ ожесточенію? Въ указѣ, призыв
кольниковъ къ возвращенію на родину,
справедливо замѣчено, что въ Россіи закон
теленъ къ магометанамъ и идолопоклонни
умолимо строгъ къ однимъ лишь послѣдова
называемаго, стараго обряда. Вызовы о
раскольниковъ, уходившихъ за границу,
прежними правительствами, которыхъ как
щало это движеніе цѣлыхъ массъ изнутри
прежніе вызовы, дѣлаемые въ видѣ милост
жденія, не обѣщавшіе притомъ никакого
противъ гоненій на будущее время, оказ
ходцевъ очень слабое вліяніе; возвращали
многіе. Когда же Петръ III далъ почувств
мянутомъ указѣ, что на бѣгство сектатор
тритъ, какъ на послѣдствіе нестерпимыхъ

населили пустынныя, но плодоносныя мѣста между нижними частями Волги и Урала.

То же либеральное направленіе замѣтно и въ указѣ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и о *вольности дворянской*; этотъ послѣдній, впрочемъ, не дѣлалъ крутаго нововведенія, но развивалъ, какъ сказано, предшествовавшіе законы. Наконецъ того же либеральнаго начала нельзя не видѣть въ измѣненіи положенія монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, становившихся изъ крѣпостныхъ казенными, то-есть нѣкоторымъ образомъ вольными и собственниками; преобразованіе въ судьбѣ этихъ крестьянъ сдѣлано было на тѣхъ же почти главныхъ основаніяхъ, на какихъ въ наши дни оно совершено относительно всего крестьянскаго сословія: это большая похвала для тогдашнаго правительства!

Но вотъ что̀ удивительно. Мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій; они совершаются на глазахъ у насъ, — и мы замѣчаемъ, что между первою мыслію о какомъ-нибудь нововведеніи, даже между приступомъ къ составленію о томъ закона, и между его обнародованіемъ проходятъ цѣлые года, а Петръ III издалъ три весьма важныя законодательныя мѣры въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, преобразованія же по второстепеннымъ вопросамъ слѣдовали едва не всякій день. Подобной быстроты не обнаруживалъ даже самъ геніальный Петръ I. Что же изъ этого заключить должно? Не слѣдуетъ ли подозрѣвать что реформы, о которыхъ мы говоримъ, производились, нѣсколько опрометчиво? Современники были убѣждены въ этомъ и въ запискахъ людей того времени можно найдти весьма ѣдкія замѣчанія объ этой опрометчивости. Если мы внимательно всмотримся въ приведенныя нами указы, то дѣйствительно найдемъ подтвержденіе такимъ нареканіямъ. Напримѣръ, законъ

нуть, и принять противъ нихъ мѣры. Н
нѣтъ въ упоминаемомъ законѣ. Онъ осво
крѣпостной зависимости и обязательныхъ
ковыхъ и монастырскихъ крестьянъ, но
не были не единственные, надъ которы
крѣпостная неволя; видя ихъ освобожден
было ожидать, чтобы крестьяне помѣщичь
дворцовые и пр. оставались спокойными?
но, въ кратковременное царствованіе Пет
мѣщичьихъ имѣніяхъ нынѣшнихъ Тверс
ской, Смоленской и Казанской губерній,
Уральскихъ горныхъ заводахъ, между п
къ нимъ крестьянами, возникли сильные
которые пришлось укрощать при помощи
торые жестоко отозвались въ послѣдующее
И это весьма естественно. Освобожденія
крѣпостные крестьяне и освобожденію
освобожденія другихъ они не хотѣли вѣри
дены были, что ихъ помѣщики скрывам
данную имъ государемъ свободу, что и
на барщину незаконно и что обработ
земля должна быть ихъ собственностію.

ботниковъ. Между тѣмъ правительство вовсе не намѣревалось этого сдѣлать. Оно, напротивъ, имѣло въ виду возвысить дворянство и снабдить его правами, которыхъ до того у него никогда не было. Оно не только ему, и ему одному, предоставило свободу служить или не служить, ѣздить за границу и проживать тамъ, но желало, чтобы каждый помѣщикъ имѣлъ власть полицейскую въ своемъ имѣніи, и потому уничтожило команды, разосланныя въ разныя мѣстности для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ, возложивъ на самихъ помѣщиковъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ въ помѣстьяхъ. Оно сдѣлало еще болѣе: командамъ, посланнымъ для усмиренія вышепомянутыхъ крестьянскихъ безпорядковъ, было велѣно наказывать виновныхъ крестьянъ „по волѣ помѣщиковъ", которымъ, такимъ образомъ, предоставлялась власть и судебная; крѣпостнымъ же крестьянамъ было объявлено, чтобъ они отнюдь не надѣялись распространенія на нихъ закона о церковныхъ и монастырскихъ ихъ собратахъ.

Почему же эти послѣдніе были взысканы такою великою милостію, и почему изъ всѣхъ крѣпостныхъ владѣльцевъ въ Россіи, одни церкви и монастыри подверглись ограниченію въ своихъ правахъ? Это отчасти объясняется тѣмъ, что духовенство отвлекается хозяйственными заботами отъ прямаго своего назначенія, — обстоятельство, которое имѣлъ главнѣйше въ виду и Петръ I; но вообще можно сказать, что общественное мнѣніе искало закону 21 марта совершенно другихъ побужденій и что онъ произвелъ, за исключеніемъ крестьянъ, глубокое и весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Дворянству онъ казался подозрительнымъ, не взирая на увѣренія, что онъ до нихъ вовсе не касается и не коснется; въ крестьянахъ онъ возбудилъ

многихъ, было подражаніемъ начинавшейся
во Франціи и Германіи агитаціи противъ
что касается до раскольниковъ, то нѣтъ по
чтобы Государь, совершенно отчужденны
своей тетки отъ участія въ государствен
а тѣмъ болѣе, его новоприбывшіе изъ за
вѣтники, могли быть глубоко проникнуты
стію прекратить гоненія на сектаторовъ. В
лительно думать, что законы, касавшіеся
слѣднихъ, были изданы болѣе изъ подраж
вѣротерпимости, получившимъ силу на За
изъ знанія нуждъ и положенія религіозны
сектъ.

Между тѣмъ молодой Государь, окружен
многими, во всемъ угождавшими ему люд
подозрѣвалъ сколько неудовольствія скопл
него, и продолжалъ раздражать національ
своихъ подданныхъ. Въ февралѣ сдѣлан
управленія иностранными дѣлами декларац
нымъ дворамъ, въ которой говорилось, чт
желая остановить дальнѣйшее пролитіе
съ своей стороны отказаться отъ всѣх

не произвесть самого дурнаго впечатлѣнія. Если Императоръ такъ дорожитъ кровію, которая должна еще пролиться, то не слишкомъ ли онъ дешево цѣнитъ ту, которая уже пролита за пріобрѣтеніе прусскихъ областей русскими войсками, и если, конечно, нельзя было думать удержать ихъ за собою, то не слѣдовало ли уступить за приличное вознагражденіе?

Въ концѣ апрѣля заключенъ былъ гр. Воронцовымъ и прусскимъ посломъ, барономъ Гольцомъ, трактатъ, по силѣ котораго Россія и Пруссія обязывались помогать одна другой противъ каждаго сдѣланнаго на ту или другую нападенія. Это было извѣстіе поразительное! Россія была въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями и ни откуда не могла ожидать нападенія, Пруссія же была въ войнѣ съ половиною Европы: въ пользу кого же былъ заключенъ этотъ трактатъ? Не очевидно ли, что Прусскій король немедленно воспользуется имъ, потребуетъ, чтобы русскія войска оказали ему содѣйствіе противъ Маріи-Терезіи, вчерашней нашей союзницы, противъ Франціи, съ которою у насъ не было никакихъ счетовъ, противъ германскихъ владѣтелей, до которыхъ намъ не было никакого дѣла?... Дѣйствительно, это и случилось: русскія войска получили приказаніе примкнуть къ прусскимъ и поступить въ распоряженіе Фридриха II...

Трактатъ 24 апрѣля уязвилъ жестоко національное чувство Русскихъ. Самыя неблаговидныя сплетни стали ходить въ Петербургѣ и общественное мнѣніе, уже давно благопріятное Императрицѣ, обратилось къ ней съ особенною силой.

Еще будучи великою княгиней, и принужденная вести жизнь весьма уединенную, Екатерина, какъ уже было замѣчено, умѣла дать самое выгодное понятіе о своемъ умѣ и характерѣ. Весь дворъ, а за нимъ весь городъ и

престола великаго князя и возвести его буд
жевъ палъ за это слишкомъ смѣлое предп
мы видѣли также, что другіе, и между про
ловы, постоянно недоброжелательствовави
княгинѣ, возвратились было къ тому же пре
когда смерть покойной государыни сдѣлала
ною. Теперь опять въ кругу недовольныхъ
говаривать о Бестужевскомъ проэктѣ. Но
трица, поставлена будучи своимъ положені
можность и даже необходимость принима
число лицъ, имѣющихъ доступъ ко двору
ственно же людей высоко поставленныхъ, о
конецъ въ достойной себѣ сферѣ. Диплома
пусъ былъ пораженъ ея умомъ, тактомъ и
литическихъ дѣлъ. Высшее духовенство, во
служеній по покойной Императрицѣ, замѣти
ность и обратило на нее все то сочувств
ромъ оно отказывало Петру. Къ числу пре
Екатерины, между которыми могутъ быть н
манъ Разумовскій, Н. Панинъ, генералъ-ф
стеръ Вильбуа, а также Захаръ Чернышев
М. Голицынъ, пріобрѣтшіе авторитетъ меж
присоединились новые. Генералъ-прокурo

Сѣченовъ сдѣлались горячими ея приверженцами, не менѣе прежнихъ ей преданными.

Но это были далеко не единственные друзья, группировавшіеся вокругъ новой Императрицы. Ей въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ и, не будучи именно красавицею, она справедливо почиталась однакожь самою очаровательною женщиной русскаго двора. Описывать наружность Екатерины было бы кажется излишне: портреты ея слишкомъ извѣстны, и хотя они изображаютъ ее по большей части въ немолодомъ уже возрастѣ, но величавая красота ея бросается въ глаза и на этихъ изображеніяхъ. Красота, однакожь, по единогласному свидѣтельству современниковъ, далеко уступала въ ней достоинствамъ ея ума и прелести обращенія. Государственные люди удивлялись ея свѣдѣніямъ и высотѣ ея соображеній, молодые мужчины и женщины, удостоенные ея короткости, были въ восхищеніи отъ ея непринужденной, игривой веселости, остроумія и отъ свободы, которую она допускала въ своемъ обществѣ. Если при торжественныхъ пріемахъ во дворцѣ ничто не могло сравниться съ нею въ величавости (какъ это можно заключить и по ея портретамъ), то какова была Екатерина въ кругу близкихъ своихъ друзей можно заключить изъ слѣдующаго письма, принадлежащаго къ довольно большой перепискѣ, которую Императрица имѣла 11 лѣтъ спустя по вступленіи своемъ на престолъ съ однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней людей, барономъ Черкасовымъ, посланнымъ въ Ревель для встрѣчи ландграфини Дармштатской и трехъ ея дочерей, изъ коихъ одну прочили въ невѣсты великому князю Павлу Петровичу. Черкасовъ, въ довольно шуточномъ тонѣ, описывалъ ей сдѣланныя имъ приготовленія для встрѣчи и говорилъ, что всѣ въ городѣ увѣрены, что

посѣщенію принцессъ придаютъ большое значеніе, такъ какъ для ихъ встрѣчи прислано *такое значительное лицо:* „какъ они перемѣнили бы тонъ, прибавлялъ онъ, еслибы знали всѣ тѣ милыя названія, которыя вы мнѣ даете, особенно когда вамъ не везетъ въ игрѣ.“ — Императрица отвѣчала на это письмо: „Я очень рада что вашъ умъ такъ развернулся и что вы придумали достать музыку и приготовить мѣсто для завтрака; я всегда говорила, что со временемъ вы будете милымъ мальчикомъ и съ удовольствіемъ вижу, что вы блестящи и тверды какъ сталь... только пожалуста не заржавьте какъ рессоры моего фаэтона. Какъ ваше здоровье?... Итакъ вы угощаете на мой счетъ ревельскихъ дамъ шеколадомъ, кофеемъ и чаемъ: каковъ любезникъ, который раззоряетъ своихъ друзей, чтобы понравиться хорошенькимъ нѣмочкамъ!... Прощайте, будьте здоровы, а я купаться пойду за ваше здоровье. Bonjour, mon coeur... Что скажетъ исторія, если она увидитъ это письмо? Она будетъ дѣлать предположенія — и, увы,— ошибется!“

Если такова была игривость ума Екатерины когда ей было почти 45 лѣтъ, то можно вообразить какую живость онъ имѣлъ лѣтъ 10 или 15 ранѣе; если послѣ слишкомъ 10 лѣтъ царствованія и власти, она умѣла нисходить до такой фамиліарности съ приближенными, то какова была прелесть ея обращенія, когда характеръ ея имѣлъ еще всю ясность молодости!

Въ этой прелести, которая окружала молодую Императрицу, надо искать, отчасти по крайней мѣрѣ, объясненія тому большому количеству преданныхъ ей людей, готовыхъ за нее въ огонь и въ воду, которые наполняли дворъ и столицу. Вся гвардейская молодежь была отъ нея безъ ума, и нѣкоторые изъ этой молодежи

заслуживаютъ особаго упоминовенія. Первымъ изъ нихъ надо назвать Григорія Орлова, офицера гвардейской артиллеріи, красавца собой, бывшаго адъютанта покойнаго графа П. Шувалова, и которому Императрица доставила мѣсто казначея при фельдцейгмейстерѣ Вильбуа. По своимъ личнымъ достоинствамъ Гр. Орловъ не могъ бы имѣть большаго значенія; онъ былъ хорошій товарищъ, неустрашимый охотникъ, выходившій на медведя одинъ-на-одинъ, очень любимый своими сослуживцами, не зазнавшійся передъ ними и въ послѣдствіи, во время своего *случая*,—но человѣкъ ума и характера довольно обыкновеннаго. Значеніе, которое онъ имѣлъ и которымъ Екатерина, какъ увидимъ, умѣла воспользоваться, заключалось въ томъ, что онъ былъ одинъ изъ трехъ бывшихъ въ то время на виду братьевъ, служившихъ въ разныхъ частяхъ гвардіи и, подобно ему, чрезвычайно популярныхъ въ военныхъ кружкахъ. Второй его братъ Алексѣй въ этомъ отношеніи даже превосходилъ его. Это былъ человѣкъ одаренный необычайною физическою силой, всегда на все готовый, не знавшій преградъ и препятствій, отвага и удаль котораго доставляли ему большой авторитетъ какъ въ кругу офицеровъ, такъ и между солдатами.

Между другими молодыми офицерами гвардіи надо назвать Пассека, князей Вадбольскаго и Барятинскаго, Потемкина (будущаго фельдмаршала и князя Таврическаго) и многихъ другихъ, такъ что, какъ сказано, вся вообще гвардейская молодежь была беззавѣтно предана Императрицѣ, и предана ей тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе были ей ненавистны и новая экзерциція, и новое обмундированіе, и новая дисциплина по прусскому образцу, и чѣмъ болѣе эта молодежь, — русская по при-

не менѣе удобоисполнимымъ, чѣмъ во вре
Анны Леопольдовны. Неопредѣленная, но я
ная существовавшему правительству мы
Петербургѣ, и ее не замѣчали только Госуда
ближенные.

Окружённый своими голштинскими родс
голштинскими офицерами, въ кругу небо
адъютантовъ, придворныхъ кавалеровъ и
оставался совершенно чуждымъ тому, что
внѣ этого круга, а въ этомъ кругу далеко
симпатій къ Имератрицѣ, которыя раздѣл
тербургъ. Дурныя отношенія, издавна су
между царственными супругами, сдѣлали
явны; въ городѣ были слухи, будто Импе
ходилось сносить самыя жестокія оскорбл
совершенно постороннимъ случалось вид
Пошла молва, будто ее ожидаетъ та же уч
испытала царица Евдокія и будто великій
отстраненъ отъ наслѣдованія престолом
женщину, долженствующую будто бы сдѣ
ратрицею: это была племянница канцлера
женщина, которую единогласно всѣ совр

Государь пожелалъ видѣть принца Іоанна Антоновича,— этого развѣнчаннаго императора, содержавшагося въ одномъ изъ Шлюссельбургскихъ казематовъ. Весьма тайно, сопровождаемый лишь нѣсколькими приближеннѣйшими особами, онъ поѣхалъ въ Шлюссельбургъ и довольно долго бесѣдовалъ съ узникомъ. Слишкомъ двадцатилѣтнее заключеніе убило въ этомъ несчастномъ юношѣ способности, если онѣ и были у него первоначально. Онъ найденъ былъ въ состояніи чрезвычайнаго слабоумія и разговоромъ своимъ съ нимъ едва ли государь могъ остаться доволенъ. Весьма можетъ быть, что это посѣщеніе не имѣло ни какой серіозной цѣли и во всякомъ случаѣ оно должно было бы оставаться совершенно тайнымъ, но сопровождавшія Государя особы сами разболтали о свиданіи, котораго были участниками *). Какъ кажется и самъ Государь былъ не впол-

---

*) Одинъ изъ этихъ спутниковъ Петра III, баронъ Корфъ, разсказалъ о его поѣздкѣ въ Шлюссельбургъ лютеранскому пастору Бюшингу, а этотъ послѣдній поспѣшилъ записать расказъ Корфа въ число тѣхъ *Матеріаловъ*, которые, бывъ въ послѣдствіи изданы, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ сборниковъ документовъ для исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Это единственный разказъ о разговорѣ Петра съ Іоанномъ Антоновичемъ, идущій изъ прямаго источника; всѣ писавшіе о немъ руководствуются книгою Бюшинга, но, къ сожалѣнію, очень многіе позволяютъ себѣ дѣлать въ этомъ разказѣ большія измѣненія и представляютъ брауншвейгскаго принца не только въ обладаніи всѣми своими способностями, но во всѣхъ отношеніяхъ интереснымъ. Чтобы предохранить нашихъ читателей отъ заблужденій въ этомъ отношеніи, передаемъ разказъ Бюшинга, въ точномъ переводѣ. «Онъ (Государь) отправился съ своими спутниками въ казематъ Іоанна; помѣщеніе его довольно сносно, но меблировано весьма бѣдно. Платье принца было очень просто, но не разорвано и совершенно чисто, также какъ тѣло и бѣлье его. Онъ былъ крайне невѣжественъ, говорилъ безъ смысла; то называлъ себя царемъ Іоанномъ, то говорилъ, что Іоаннъ умеръ, но что духъ его перешелъ въ него. На

на Іоанна Антоновича, могутъ заговорить
вахъ на престолъ и произвести смуту въ
замѣчаніе было вполнѣ справедливо, и по
сударемъ Шлюссельбурга не осталась б
ныхъ для него послѣдствій, но только не со
какъ предсказывалъ герцогъ. Друзья Ека
дѣли въ этомъ новое доказательство угр
опасности и приписывали Государю намѣре
своимъ наслѣдникомъ принца Брауншвейг

первый вопросъ—*кто онъ?* отвѣчалъ, — *императоръ*
его спросили, отчего онъ воображаетъ себя принце
торомъ? откуда онъ это знаетъ! Тогда онъ отвѣча
родителей и отъ солдатъ. Далѣе распрашивали, что
своихъ родителяхъ? Онъ увѣрялъ, что помнитъ ихъ
что Императрица Елизавета очень дурно содержала
сказывалъ, что всѣ они года два были подъ присмотро
емъ офицера, который одинъ только оказывалъ имъ
госклонность. При этихъ словахъ сердце генерала К
былъ этотъ самый офицеръ, — сильно забилось, и
знаетъ ли онъ, принцъ, этого офицера. Нѣтъ, отвѣчал
не помню, потому что это было давно и я былъ то
но я помню его имя: его звали Корфомъ... это глубо
нерала... Принцъ слыхалъ о великомъ князѣ, и о е

положеніе это казалось тѣмъ вѣроподобнѣе, что нѣкоторые признаки давали поводъ ожидать благопріятной перемѣны въ судьбѣ принца: внутри шлюссельбургской крѣпости, по приказанію Государя, начали строить домъ, въ который, по всеобщему мнѣнію, предполагалось помѣстить Іоанна Антоновича.

Екатерина во все это время вела себя чрезвычайно осторожно. Наступившее лѣто прекратило большіе пріемы при дворѣ. Она переѣхала въ Петергофъ и вела, тамъ жизнь совершенно уединенную, но между тѣмъ, не возбуждая никакихъ толковъ, продолжала быть душою и двигателемъ преданной ей партіи. Панина, въ качествѣ воспитателя великаго князя, она могла видѣть весьма часто. Она нерѣдко видалась также, но тайно съ Гр. Орловымъ и съ молодою княгиней Дашковой, женщиною весьма ей преданною и которая, какъ увидимъ, была ей очень полезна. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Императрицею, Панинъ не скрывалъ неудовольствія, возбуждаемаго въ немъ и въ людяхъ, съ которыми имѣлъ сношенія, настоящимъ теченіемъ дѣлъ; онъ касался даже обращавшихся между ними мыслей о необходимости переворота, но выражалъ мнѣніе, что воспользоваться этимъ переворотомъ долженъ великій князь, какъ единственный законный наслѣдникъ престола, подъ регенствомъ, конечно, Императрицы, своей матери. Это не совсѣмъ согласовалось съ видами Екатерины, которая желала царствовать сама, и которая не безъ основанія замѣчала Панину, что царствованіе малолѣтнихъ государей обыкновенно поддерживаетъ разнаго рода политическія интриги, поводъ къ развитію которыхъ и безъ того слишкомъ сильно подавали всѣ предшествующія событія.

Несравненно болѣе, нежели Панинъ, приближались

Между тѣмъ дѣла продолжали идти прежні
За мирнымъ договоромъ съ Пруссіей посл
началѣ іюня, союзный договоръ, который к
ляндіи, Польши и Даніи. Въ Курляндіи, со в
тра I, вліяніе наше было очень сильно. Зна
рымъ пользовался въ Россіи Курляндецъ Би
веденіе его на курляндскій престолъ пригот
валось, полное присоединеніе этого герцогст
сіи. Но неожиданно такой ходъ дѣлъ сове
мѣнился. Послѣ паденія Бирона, Императриц
та дозволила Польскому королю сдѣлать ку
герцогомъ своего сына, принца Карла. Подо
тика заслуживаетъ тѣмъ большаго удивлені
дучи положительно противна интересамъ Р
въ то же время ни мало не удовлетворяла и Ку
которые опасались, что саксонскій принцъ,
ликъ, будетъ стѣснять господствующее въ с
тестантское исповѣданіе. Это опасеніе и во
вѣріе къ принцу были такъ сильны, что тол
небольшая часть тамошняго дворянства рѣш
нести новому своему герцогу вѣрноподда
присягу, какъ будто ожидая новыхъ перемѣ

Въ тоже время онъ повелъ переговоры съ этимъ послѣднимъ объ уступкѣ имъ своихъ правъ герцогу Георгу Голштинскому, поддерживать котораго для пріобрѣтенія имъ курляндскаго престола обязывался король Прусскій. Относительно Польши между Петромъ и Фридрихомъ было постановлено не допускать утвердиться въ ней наслѣдственной королевской власти, но поддерживать избирательную форму правленія и общими силами покровительствовать польскимъ диссидентамъ (иновѣрцамъ). Наконецъ относительно Даніи договаривающіяся стороны обязывались принудить ее къ удовлетворенію старинныхъ на нее претензій Голштинскаго герцогскаго дома. Эти претензіи заключались въ слѣдующемъ: Еще во время Сѣверной войны Данія захватила часть голштинскихъ владѣній; вѣроятно въ надеждѣ заинтересовать въ своихъ дѣлахъ Петра I, отецъ нынѣшняго Императора женился на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и едва не вовлекъ, кнакъ мы знаемъ (Царст. Екат. I, Вып. IV), Россію въ войну съ Даніей и ея союзниками. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ умеръ, не добывъ отобранныхъ у него земель, но сынъ его, сдѣлавшись Русскимъ Императоромъ, не покинулъ наслѣдственныхъ претензій голштинскаго дома. Съ цѣлію склонить короля Прусскаго въ пользу своихъ интересовъ и были сдѣланы ему тѣ обширныя уступки, о которыхъ говорилось въ трактатѣ 24 апрѣля.

Таково было содержаніе этого договора. Онъ, можно сказать, ниспровергалъ всѣ преданія русской политики. Со временъ Петра I до Елисаветы наше правительство стремилось къ утвержденію своего вліянія на Курляндіи: Петръ III поставилъ себѣ задачей образовать между Пруссіей и нашими Остзейскими, полугерманскими провинціями самостоятельное владѣніе, тоже по-

ство православнымъ въ этой странѣ было 1
торымъ не всегда пользовалась Россія, н
она ни съ кѣмъ еще не дѣлилась; наконецъ
савшіяся Даніи, вели Россію прямымъ путе
съ этой державою.

Мы увидимъ, что постановленія этого тр
торый впрочемъ Императоръ не успѣлъ ут
савшіяся Польши, послужили основаніемъ по
терины, но и они, по новизнѣ своей и по явно
данію въ нихъ видовъ короля Прусскаго, д
сильно озабочивать русскихъ государствен
что же касается до образованія рядомъ съ Р
германскаго государства и требованія отъ
покъ, которыя предвѣщали неизбѣжную вой
державой, безъ малѣйшихъ выгодъ для Ро
условія не могли не возмущать каждое русс
Правда, весьма немногіе могли ихъ знать, но
кожъ предположить, чтобъ дѣло такой пер
важности оставалась вовсе безгласнымъ. Во в
чаѣ его зналъ Панинъ, занимавшій одно и
мѣстъ въ управленіи иностранными дѣлами,-
зналъ содержаніе союзнаго трактата съ Прус

который грозилъ серіозною опасностію Россіи. Впрочемъ результаты переговоровъ нашихъ съ Пруссіей обнаруживались сами собою: для ожидаемой войны съ Даніей приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ; часть войскъ, участвовавшихъ въ Семилѣтней войнѣ, должна была двинуться противъ Даніи; въ Кронштадтѣ снаряжалась эскадра для перевозки еще другихъ войскъ изъ Россіи. Самъ Государь собирался отправиться въ армію въ концѣ іюня или началѣ іюля.

Эта новая война, долженствовавшая начаться за интересы совершенно чуждые Россіи, была въ ней чрезвычайно непопулярна; гвардія, которая тоже имѣла назначеніе отправиться въ походъ, не скрывала своего негодованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливала выраженія своей преданности къ Императрицѣ. Теперь, какъ относительно цесаревны Елисаветы при началѣ войны со Швеціей 1741 года, горячіе приверженцы Екатерины выражали опасеніе оставить ее одну въ рукахъ ея недоброжелателей и требовали только сигнала. Но Екатерина не рѣшалась. Она продолжала жить въ Петергофскомъ дворцѣ и больше нежели когда-нибудь вела жизнь, повидимому, уединенную, тихую.

Съ другой стороны въ Ораніенбаумѣ происходили шумныя пированія. Государь видѣлъ себя въ воображеніи увѣнчаннымъ славою, которая не уступала славѣ Карла XII и Петра I; онъ сіялъ радостію при мысли, что скоро увидитъ Фридриха II, и всѣ вокругъ него предавались ожиданіямъ, веселью и ликованіямъ, — а между тѣмъ Петербургъ начиналъ принимать серіозно угрожающій видъ. Если вѣрить современникамъ, никто не сомнѣвался въ существованіи какого-то заговора; не знали только лицъ, которыя въ немъ участвуютъ,

ланный. Сюда поспѣшили прибыть всѣ т
преданныхъ Екатеринѣ лицъ, которыя не
Казанскій соборъ. Площадь передъ дворц
княгиня Дашкова, въ своихъ *Запискахъ*,
жена. народомъ; на лѣстницѣ и у подъѣзда
Здѣсь же, среди суеты и толкотни был
указъ о принятіи Екатериною правительс
сти, распоряженіе о приведеніи къ присягѣ
и народа и принято рѣшеніе, не теряя време
со всѣми имѣющимися войсками къ Ораніе

Пообѣдавъ наскоро и переодѣвшись въ в
ской мундиръ, Екатерина сѣла на коня,
тысячъ пятнадцати войска, при кликахъ со
каго рода толпившихся людей, выступила
заставы, въ которую нѣсколько часовъ
въѣхала тайно, въ чужомъ экипажѣ.

Петръ III между тѣмъ собрался отправи
тергофъ для празднованія своего тезоимени
ѣзжая къ этому мѣстопребыванію, онъ узн
ператрица неизвѣстно когда и куда уд
вслѣдъ затѣмъ, что она приняла правленіе
и столица на ея сторонѣ. Тогда и самъ Го

возглашавшіе Императрицу государственною преступницею,—но эти манифесты были разрываемы, а лица уполномочиваемыя для переговоровъ, большею частію оставались въ Петербургѣ и принимали присягу, какъ напримѣръ графъ Воронцовъ, графъ А. Шуваловъ и нѣкоторые другіе. Небольшая армія Императрицы между тѣмъ приближалась. Одну минуту Петръ рѣшился было дать ей отпоръ во главѣ своихъ голштинскихъ войскъ, хотя ихъ было не болѣе 1500 человѣкъ, и Минихъ, бывшій при немъ, горячо одобрялъ это рѣшеніе; но другіе придворные, а особенно дамы, убѣдили отказаться отъ невозможнаго сопротивленія. Тогда Минихъ подалъ мысль отправиться въ Кронштадтъ и либо сѣсть на корабли, приготовленные для перевозки гвардіи къ датскимъ берегамъ, или даже оставаясь въ Кронштадтѣ, угрожать оттуда самому Петербургу. Эта мысль была принята; но когда судна, на которыхъ находились Государь и его приближенные, подплыли къ Кронштадту, войска въ немъ находившіяся приняли уже присягу Императрицѣ и не допустили этихъ судовъ до берега. Затѣмъ не оставалось уже ничего другаго, какъ возвратиться въ Ораніенбаумъ и отказаться отъ всякой мысли о сопротивленіи. Петръ написалъ письмо, въ которомъ выражалъ готовность отречься отъ престола и отправилъ его къ Императрицѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ поѣхалъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ при немъ въ Петергофъ, куда между тѣмъ вступила и Императрица, и гдѣ онъ подписалъ формальный актъ отреченія. Послѣ этого онъ былъ отправленъ въ загородный дворецъ Ропшу въ сопровожденіи А. Орлова, князя Ѳ. Барятинскаго, Пассека и Баскакова.

Въ тотъ же вечеръ Императрица выступила съ своими войсками изъ Петергофа, и на слѣдующее утро

цлера, получилъ управленіе иностранными
другимъ даны земли и пенсіи; что же кас
жайшихъ приверженцевъ Петра, то ни оди
какъ это бывало въ прежнее время, не по
слѣдованію.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

I.

Взглядъ на царствованіе Екатерины.—Положеніе принятое ею въ отношеніи иностранныхъ дворовъ. — Кончина Петра Θеодоровича. — Затрудненія, которыя окружали Императрицу.—Политическія идеи графа Панина.—Указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и волненія между крестьянами.—Слово Георгія Конискаго—Предположеніе о вторичномъ бракѣ Императрицы. — Состояніе умовъ въ духовенствѣ. — Арсеній Мацѣевичъ. — Возстановленіе Бирона въ Курляндіи. — Уничтоженіе гетманскаго достоинства. — Отношенія Остзейскаго края къ Россіи и къ Русскому правительству. — Поѣздка императрицы въ Остзейскій край. — Заговоръ Мировича и смерть принца Іоанна Брауншвейгскаго.

Человѣка, который пожелалъ бы ознакомиться съ эпохою, къ которой мы приступаемъ, и прочесть о ней нѣсколько русскихъ и иностранныхъ извѣстій, должна поразить совершенная противоположность между отзывами о Екатеринѣ иностранцевъ и мнѣніемъ, составившимся о ней въ русскомъ народѣ. Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столько дорогихъ для нея, какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые, по крайней мѣрѣ, дѣтьми застали ея время: они говорили о ней не иначе, какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣст-

ныхъ намъ мемуаровъ и воспоминаній ея современниковъ, почти безъ исключенія, дышатъ самою горячею къ ней преданностію, какимъ-то поклоненіемъ; ея портреты и бюсты можно видѣть въ каждомъ старинномъ домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о ней, за весьма малыми исключеніями, крайне неблагосклонны. Они представляютъ ее жестокою, безсердечною, въ высшей степени неразборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли. Нѣкоторые писатели, и притомъ такіе, которыхъ сочиненія очень распространены, изображаютъ ее какимъ-то чудовищемъ, сплетеніемъ всякаго зла и всякихъ преступленій.

Какъ ни странны должны показаться такія противорѣчія, но они могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Иностранцы болѣе видятъ Екатерину въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая дѣйствительно часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; говоря отъ имени раздраженныхъ противъ нея націй, эти писатели язвительно отзываются и о ея частной жизни, которая, конечно, не безупречна. Русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ предшествующихъ кротостію и которое наполнено полезными и либеральными преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными и къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: этою Государыней отечество наше было поставлено дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ намъ, потомкамъ Екатерины, знакомымъ съ отзывами о ней и Русскихъ и иностранцевъ, она представляется какъ будто двуликимъ богомъ древности: ея ликъ, обращенный къ сосѣднимъ державамъ, строгъ и непривѣтливъ; тотъ, напротивъ, который обращенъ къ Россіи,

исполненъ величія и кротости. Моралистъ долженъ, конечно, осудить эту двойственность. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко не безупречна во многихъ отношеніяхъ; самое вступленіе ея на престолъ накидываетъ густую тѣнь на ея нравственный образъ; но упрекамъ, которые должны быть ей сдѣланы съ этой стороны, нельзя не противопоставить тридцать четыре года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась и которыя народный голосъ назвалъ *Екатерининымъ вѣкомъ.* Намъ, Русскимъ невозможно забыть, что если политика Екатерины и подлежитъ упреку съ точки зрѣнія высшей нравственности, то эта политика имѣла цѣлію и послѣдствіемъ величіе и выгоды Россіи. Въ нашей душѣ могутъ и должны создаваться идеалы такихъ политическихъ дѣятелей, которые разливали бы добро на всѣ націи и на всѣ страны безъ исключенія; но дѣйствительность такихъ людей не представляетъ; притомъ интересы различныхъ народовъ нерѣдко такъ противоположны между собою, что благо одного есть зло для другаго. Что̀ долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать человѣкъ, отъ котораго зависитъ судьба народа, который призванъ быть блюстителемъ славы и благоденствія этого народа? Очевидно — заботиться о его судьбѣ болѣе, нежели о судьбѣ прочихъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ правительства для соблюденія ихъ славы и ихъ интересовъ.

Положеніе дѣлъ было очень запутано, какъ внутри государства, такъ и въ отношеніи внѣшней политики, когда Екатерина вступила на престолъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новой Императрицы было заключеніе мира со всѣми участниками Семилѣтней войны. Не видя никакой пользы для Россіи помогать королю Прусскому

въ его войнѣ противъ Германской императрицы и ея союзниковъ, Екатерина точно также не считала нужнымъ помогать и этимъ послѣднимъ. „Я довольно войнолюбива, сказала она въ первые дни по вступленіи на престолъ одному изъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, — но никогда не начну войны безъ причины; если же начну войну, то не такъ, какъ Императрица Елисавета, — изъ угожденія другимъ, а лишь тогда, когда найду это удобнымъ для себя.“ Эти слова служатъ вѣрною характеристикой всей дальнѣйшей внѣшней политики Екатерины; выслушать ихъ было весьма не безполезно иностраннымъ дворамъ, которые въ предшествующія царствованія были дѣйствительно слишкомъ избалованы нашей угодливостью.

Слѣдующее обстоятельство должно было еще болѣе разъяснить имъ, какъ мало Екатерина намѣревалась стѣсняться соображеніями, чуждыми славѣ и благоденствію своего государства. Мы знаемъ, что предшествующія правительства съ особенною настойчивостію, а иногда даже съ пожертвованіемъ достоинства, добивались признанія за ними императорскаго титула. Франція признала его лишь при Елисаветѣ, и то съ условіемъ, чтобы при всѣхъ дворахъ русскій посланникъ по прежнему уступалъ мѣсто французскому,—въ чемъ покойная Императрица дала *реверсалію* (обязательство). По вступленіи на престолъ Екатерины, ей предложили возобновить эту реверсалію: она рѣшительно отказала въ этомъ, и велѣла объявить, что прерветъ сношенія съ тѣмъ дворомъ, который не признаетъ ее въ качествѣ императрицы,—титла, прибавила она, которому, впрочемъ, ничуть не уступаетъ царскій.

Таковы были первыя дѣйствія новой Императрицы въ отношеніи иностранныхъ правительствъ; они были смѣ-

лы, тверды и опредѣлительны, и сразу развязывали ей руки. Внутри, въ самой Россіи, положеніе ея было гораздо затруднительнѣе. Черезъ недѣлю по вступленіи Екатерины на престолъ, не стало Петра Ѳеодоровича. 7 іюля, какъ сказано въ послѣдовавшемъ по этому случаю манифестѣ, съ нимъ приключился геморроидальный припадокъ съ коликою, а на слѣдующій день онъ скончался. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ, выставлено въ продолженіе трехъ дней въ Невской Лаврѣ и предано землѣ въ ней же. Уже въ послѣдствіи, по вступленіи на престолъ Императора Павла, оно было перевезено въ общую усыпальницу императорской фамиліи, въ Петропавловскій крѣпостной соборъ.

О смерти этой, послѣдовавшей такъ неожиданно, распространились самыя язвительныя для Императрицы слухи, которые нашли мѣсто во всѣхъ заграничныхъ ея біографіяхъ. Этотъ прискорбный случай далеко еще не изслѣдованъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ. Человѣкъ, уважающій истину и не имѣющій причинъ вѣрить всему, что набрасываетъ тѣнь на Екатерину, долженъ въ настоящее время воздержаться отъ окончательнаго приговора въ отношеніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали смерть бывшаго Императора. Мы можемъ только сказать, что она произвела самое тяжелое впечатлѣніе, которое очень ярко обрисовывается изъ слѣдующаго разговора княгини Дашковой съ Государыней. Узнавъ о кончинѣ Петра Ѳеодоровича, княгиня поспѣшила во дворецъ и нашла Императрицу странно разстроенною.

— Я невыразимо страдаю отъ этой смерти, сказала Императрица.

— Да, Государыня, отвѣчала княгиня, эта смерть слишкомъ неожиданна для вашей славы.

горій Орловъ могъ считать себя вполнѣ удо
нымъ, получивъ самое видное мѣсто при дв
Императрицы и не имѣя притомъ никакихъ о
цѣлей. Княгиня Дашкова, самолюбіе которой
дило ея замѣчательный умъ, оскорблялась т
была, такъ сказать, оффиціально признана *друг
ратрицы*. Вполнѣ убѣжденная, что переворо
совершился главнѣйше благодаря ея участі
дѣялась, что за ея совѣтами будутъ обраща
всѣхъ важнѣйшихъ мѣрахъ новаго царство
конецъ,— и это конечно относится къ ея чес
ство обожанія, которое она питала къ Екате
оскорблено чрезмѣрною близостію этой пос
Орлову.

Что касается до графа Панина, то, содѣйств
Екатерины, онъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ цѣ
деніе на престолъ великаго князя Павла. Собс
реворотъ 28-го іюня совершился помимо ег
Но принявъ этотъ переворотъ въ томъ видѣ,
совершился, Панинъ однакожъ желалъ доста
жество тѣмъ политическимъ идеямъ, которым
никся во время своего пребыванія въ Швеці

все государство. Могла ли, говорилъ онъ, при такихъ условіяхъ быть послѣдовательна и наша правительственная система, безъ чего однакожь невозможны ни внутреннее благоденствіе страны, ни ея вліяніе въ дѣлахъ внѣшней политики? Эта система измѣнялась съ каждымъ переворотомъ. Необходимо, заключалъ Панинъ, чтобъ она покоилась не на лицѣ, самое существованіе котораго подвергается случайностямъ, а на незыблимыхъ учрежденіяхъ, каковъ, напримѣръ, шведскій сенатъ, хранитель основныхъ законовъ государства и правительственныхъ преданій.

Мысль эта не имѣла послѣдствій, но ее нельзя оставить безъ вниманія. Она доказываетъ, что Панинъ былъ не временщикъ, болѣе или менѣе способный, но что онъ обладалъ взглядомъ и просвѣщеніемъ настоящаго государственнаго человѣка. Перевороты и потрясенія, которымъ такъ долго подвергался русскій престолъ, правда, совершались безъ пролитія крови, но они не оставались безъ вліянія ни на благосостояніе и достоинство страны, ни на общественную нравственность. Въ нихъ заключается причина того большаго числа заговоровъ и интригъ, которыми отличается наша исторія въ XVIII вѣкѣ. Если Минихъ съ нѣсколькими солдатами могъ низвергнуть одно правительство и постановить другое, то удивительно ли, что являлось много охотниковъ послѣдовать его примѣру? Маркизу Ботта вѣроятно не пришло бы въ голову замышлять переворотъ въ государствѣ, въ которомъ подобные перевороты не были бы обыкновеннымъ дѣломъ. Иностранные, а отчасти и наши писатели упоминаютъ о многихъ подобныхъ же заговорахъ и въ первые годы царствованія Екатерины; о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ о заговорѣ пяти

гвардейскихъ офицеровъ,—двухъ Хрущовыхъ и трехъ Гурьевыхъ,—бывшемъ осенью 1762 года. Въ чемъ именно состояла цѣль заговорщиковъ, не знаемъ, но несомнѣнно, что они имѣли въ виду потрясеніе престола. И это былъ далеко не единственный заговоръ. Царствованіе Екатерины, пока власть ея не упрочилась, представляло обильную пищу для людей предпріимчивыхъ и не считавшихъ себя связанными присягою. Многимъ могли казаться права на престолъ великаго князя Павла болѣе важными, чѣмъ права его матери; другіе могли дѣйствовать во имя Іоанна Антоновича.

Нельзя не замѣтить, что политическіе интриганы, подобные Хрущовымъ и Гурьевымъ, были далеко не единственные люди, которые тревожили первые годы царствованія Екатерины. Можно сказать, что въ началѣ она имѣла противъ себя ту силу, которая отъ времени до времени обнаруживалась, если и не господствовала въ Россіи, силу грозную — общественное мнѣніе. По единогласнымъ свидѣтельствамъ иностранныхъ писателей, извѣстіе о вступленіи на престолъ Екатерины было встрѣчено въ Москвѣ недоумѣніемъ и неодобрительнымъ молчаніемъ. И это очень естественно. Причины, привлекшія на сторону Императрицы весь Петербургъ, были мало извѣстны въ Москвѣ, а еще менѣе въ остальныхъ частяхъ имперіи; съ нравственной же точки зрѣнія переворотъ 28 іюня не могъ, конечно, возбуждать сочувствія. Мы увидимъ, что Екатеринѣ удалось восторжествовать надъ этимъ невыгоднымъ для нея впечатлѣніемъ, и, какъ сказано, сдѣлать свое имя однимъ изъ самыхъ дорогихъ для Россіи; но это совершалось не вдругъ.

Прежде всего казалось необходимымъ успокоить страсти, взволнованныя указомъ о монастырскихъ и церко-

вныхъ имѣніяхъ, который дѣйствительно угрожалъ самыми серіозными опасностями. Крестьяне помѣщичьи были увѣрены; они что онъ касается и до нихъ, волновались и не слушали своихъ помѣщиковъ; дворянство требовало, чтобъ правительство привело ихъ въ повиновеніе и роптало на него за опрометчивую мѣру; духовенство было раздражено въ высшей степени. Всѣ эти сословія надо было успокоить; надо было, по возможности, примирить эти совершенно противоположные другъ другу интересы; во всякомъ случаѣ, необходимо было выиграть время, чтобъ хотя нѣсколько осмотрѣться. По этому рѣшено было пріостановить исполненіе злосчастнаго закона о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Указъ объ этомъ послѣдовалъ черезъ шесть недѣль по вступленіи на престолъ Императрицы. Эти имѣнія повелѣно было возвратить монастырямъ и церквамъ по прежнему въ ихъ управленіе, а между тѣмъ учреждена была особая коммиссія изъ лицъ свѣтскаго и духовнаго званія, подъ собственнымъ предсѣдательствомъ Императрицы, для опредѣленія духовныхъ штатовъ и окончательнаго разрѣшенія вопроса о названныхъ имѣніяхъ.

За тѣмъ Императрица пожелала поспѣшить торжественнымъ коронованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому ее побуждало между прочимъ желаніе упрочить свое положеніе, поставить себя, такъ сказать, подъ защиту церковнаго благословенія. Въ исходѣ лѣта она прибыла со всѣмъ своимъ дворомъ, со всѣми своими сановниками въ Москву, гдѣ, какъ сказано, пріемъ, оказанный ей, былъ довольно холоденъ. Московская знать, привыкшая уже къ временьщикамъ Елисаветина царствованія и вовсе не видавшая фаворитовъ Петра III, смотрѣла надменно и съ непріязнію на новыхъ людей, возвышенныхъ Екатериною, и особенно на Орловыхъ. Княгиня Дашкова, огорченная,

вою торжественностью. Мы не станемъ
няться ни о тогдашнихъ торжествахъ, ни
ніяхъ, но отмѣтимъ одно важное, бывшее п
стоятельство. Между лицами, съѣхавшимис
ву для торжества коронаціи, былъ еписко
скій Георгій Конискій, — замѣчательнѣйш
ховными лицами Западной Россіи. Цѣль его
ключалась въ томъ, чтобъ обратить вниман
ператрицы на несчастное положеніе провос
рода въ этихъ древнихъ русскихъ областя
датайствовать для нихъ дѣйствительную за
кровительство Россіи. Эта защита и это п
ство были единственною надеждою нашихъ у
братій, и вотъ какъ краснорѣчивый могиле
тель выражалъ ихъ положеніе въ привѣтствен
сказанномъ нѣсколько дней послѣ коронаціи.
изнесъ онъ, какъ далече отстоитъ благосл
гомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египт
ніе людей, предѣлами россійскими огражде
состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но
области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ
дней Владиміровыхъ зажженный, блистает

дящихся гласы издаютъ. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ студъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ.... Однако и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступити имъ въ разсужденіи настоящей радости.... Смѣемся, и сквозь слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ, надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая. Тобою, — продолжалъ проповѣдникъ обращаясь къ Государынѣ,— Тобою храмы Господни и красоты гусли своя съ псалтырію удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные твои въ честь и достоинство приведены. Сіи тобою въ едино лѣто принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобные принесеши въ грядущее время.... Или бо не можеши сего намъ сотворити, или не соблаговолиши?... Могла въ немощи: можешь въ силѣ; ибо Богомъ на престолѣ посажденна. Отираемъ убо слезы очей нашихъ, или паче обращаемъ оныя къ умоленію благъ нашихъ источника, Бога. Молимъ и Ваше Императорское Величество, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твоею, и мышцею твоею покрый насъ!“

Мы увидимъ, что мольбы бѣлорусскаго народа были на этотъ разъ не напрасны, а между тѣмъ старая Москва продолжала быть ареною весьма глубокихъ придворныхъ интригъ. Графъ Бестужевъ, нѣкогда всемогущій министръ Елисаветы, вызванъ былъ изъ ссылки Екатериною. Но возвратясь въ Петербургъ, онъ увидѣлъ, что вокругъ

престола толпятся все новые люди и что новые же люди составляютъ правительство, тогда какъ ему, старому канцлеру, оказывался только безплодный почетъ. Чтобъ получить какое нибудь значеніе, — а можетъ быть и въ надеждѣ взять всю эту молодежь въ руки, — Бестужевъ сдѣлался короткимъ другомъ Григорія Орлова, который съ своей стороны былъ очень радъ пользоваться совѣтами умнаго и опытнаго старика.

— Твое положеніе завидно, сказалъ ему однажды Бестужевъ, но крайне непрочно. Государыня отмѣнно милостива къ тебѣ, но милость перемѣнчива.

— Это правда; но какъ же пособить этому?

— Также, какъ Разумовскій. Если покойная Императрица могла вступить съ нимъ въ бракъ, хоть бы и тайный, но законный: почему бы не сдѣлать того же и нынѣшней Государынѣ?

Послѣдствія этого разговора не замедлили обнаружиться. Бестужевъ сообщилъ мысль, высказанную имъ Орлову, нѣкоторымъ изъ своихъ друзей и началъ собирать подписи для представленія Императрицѣ формальнаго прошенія, чтобъ она избрала себѣ супруга. Это, разумѣется, не могло уже остаться тайною и всколыхало весь сановный и вельможный міръ. Канцлеръ Воронцовъ, гетманъ Разумовскій и Панинъ горячо возстали противъ этого предположенія, которое, кажется, не противно было Императрицѣ. Графъ Воронцовъ взялъ на себя лично представить ей, что ея вступленіе въ бракъ съ Орловымъ огорчитъ народъ. Императрица отвѣчала ему, что опасенія его напрасны и что она не думаетъ о вторичномъ бракѣ. Дѣло этимъ кончилось и не имѣло дальнѣйшаго хода, но не осталось однакожъ безъ слѣда. Общественное мнѣніе было глубоко имъ потрясено; иностранные писатели говорятъ о покушені-

яхъ на жизнь Гр. Орлова; изъ современныхъ указовъ мы видимъ, что по Москвѣ разсѣяны были ядовитые пасквили. (*) Графъ Воронцовъ, не имѣвшій впрочемъ и до того большаго вліянія на дѣла, потерялъ его окончательно и черезъ нѣсколько времени оставилъ свою должность; къ его племянницѣ, Дашковой, Императрица обнаружила явную холодность. Панинъ, правда, удержался, и даже съ удаленіемъ Воронцова сдѣлался главнымъ двигателемъ по иностраннымъ сношеніямъ, но между нимъ и Орловыми установились самыя непріязненныя отношенія, такъ что дворъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ коихъ одна держалась Панина, а другая Орловыхъ. Правда, соперничество между приближенными Екатерины не имѣло замѣтнаго вліянія на теченіе дѣлъ, потому что она сама давала имъ главное направленіе; но при разсказѣ о дальнѣйшихъ событіяхъ не надо терять изъ вида этого соперничества двухъ вліятельнѣйшихъ людей того времени.

Екатерина пробыла въ Москвѣ всю осень и зиму, и лишь весною слѣдующаго 1763 года возвратилась въ Петербургъ. Пребываніе ея въ древней столицѣ ознаменовалось дѣломъ, которое вызвало благодарность современникомъ и уваженіе потомства,—основаніемъ Воспитательнаго Дома, т. е. такого учрежденія, въ которомъ находили пріютъ и получали воспитаніе дѣти, непризнаваемыя своими родителями, такъ называемые подкидыши. Эти несчастные, погибавшіе въ прежнее время тысячами, были не только избавлены отъ смерти, но получали въ учрежденномъ для нихъ заведеніи свѣдѣнія, которыя давали имъ средство зарабатывать себѣ въ послѣдствіи кусокъ хлѣба и сдѣлаться полез-

(*) П. С. З. № 12313.

окончательно вопросъ о монастырскихъ
имуществахъ. Пріостановленіе указа Петра
весьма серіозные безпорядки. Принадлежа
имѣніямъ крестьяне ни за что не хотѣли
подъ управленіе духовенства. Въ вотчи
свято Даніилова монастыря, въ Рязанской
берніяхъ, на границахъ Сибири, въ имѣн
въ тѣхъ мѣстахъ Долматова монастыря,
волненія; ихъ приходилось смирять силою
же положеніе поставить монастырскихъ и
крестьянъ окончательно? Обращеніе ихъ в
состояніе изъ вольнаго было бы дѣломъ жест
можетъ быть, не совсѣмъ безопаснымъ, по
считалось около милліона. Во всякомъ с
тельству приходилось выбирать одно и
раздражить противъ себя или крестьянъ
венство. Екатерина рѣшилась но втор
положено было возстановить законъ Пет
большими лишь измѣненіями, и съ отчис
ти доходовъ на содержаніе школъ и богадѣ
и было опубликовано въ маѣ 1763 года.

другіе, и громче всѣхъ митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, несчастная судьба котораго сильно поразила современниковъ и подаетъ поводъ къ большимъ толкамъ еще въ настоящее время. Этотъ человѣкъ отличался самою искреннею набожностью; онъ понималъ Церковь не иначе, какъ вполнѣ независимою и надъ всѣмъ господствующею, и принадлежалъ къ числу тѣхъ духовныхъ, которые горько оплакивали уничтоженіе патріаршаго сана; когда, при Елисаветѣ, онъ сдѣланъ былъ членомъ синода, то отказался присутствовать въ немъ и дать установленную присягу. Смѣлость его во всемъ, что касалось до религіи, правъ Церкви и духовенства, была удивительна. Во времена Бирона, не взирая на несчастную участь Ѳеофилакта Лапатинскаго (Царст. Анны, гл. II), онъ смѣло шелъ по его слѣдамъ, а въ послѣдствіи дѣйствовалъ еще смѣлѣе. Будучи ростовскимъ митрополитомъ во время Петра III, онъ написалъ и отправилъ къ самому Государю протестъ противъ указа объ отобраніи церковныхъ имѣній,—протестъ, который впрочемъ не повлекъ за собою непріятностей для мужественнаго пастыря. Онъ сдѣлалъ тоже самое и теперь, при Екатеринѣ. Въ доношеніи, присланномъ въ синодъ, онъ писалъ, что отъ временъ апостольскихъ, церквамъ и монастырямъ принадлежали имѣнія, ими управляемыя, и что подъ страхомъ отлученія отъ Церкви никто не имѣетъ права располагать ими. „А что дѣлается у насъ?“ писалъ онъ; „узникъ и послѣдній богадѣльный лучшій и счастливѣйшій (есть), понеже, что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣніи.“ Отъ духовенства требуютъ, продолжалъ онъ, чтобъ оно учреждало школы, академіи? Но вотъ что говоритъ пастырямъ слово Божіе: *Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Вотъ наша обязанность; другой мы не знаемъ.

За это рѣзкое доношеніе онъ былъ преданъ суду самого синода, который приговорилъ его къ лишенію архипастырскаго сана и къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Представленъ будучи въ синодъ въ качествѣ подсудимаго, онъ не только ничего не сдѣлалъ, чтобъ склонить къ себѣ расположеніе своихъ судей, но какъ будто нарочно раздражалъ ихъ рѣзкостію своихъ отвѣтовъ; а когда ему прочли приговоръ, то подписавшихъ его осыпалъ проклятіями. Находясь подъ началомъ, онъ безъ труда подчинялъ себѣ всю братію столько же силою характера, сколько и самымъ своимъ страданіемъ за дѣло, которому духовенство вообще сочувствовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произносилъ поученія, въ которыхъ не щадилъ не только указа, бывшаго виною его заточенія, но и самой Императрицы. Въ бесѣдахъ съ братіей, Онъ отрицалъ ея права на престолъ, выставляя права принца Іоанна, отрицалъ ея православіе, указывалъ читать во время богослуженія: „О гонящихъ Церковь“ и сопротивлялся поминовенію на эктеніяхъ особъ царской фамиліи. Всѣ эти безразсудства дошли до Императрицы, и долго щадившая его рука наконецъ тяжело опустилась: онъ былъ растриженъ и подъ именемъ *Андрея Враля* отправленъ въ Ревель на вѣчное заточеніе.

Приговоръ, постигшій Мацѣевича, былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ, произнесенныхъ Екатериною, и если онъ пресѣкъ соблазнъ, производимый неукротимымъ монахомъ, то не прекратилъ неудовольствія, возбужденнаго отнятіемъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній. Имя Мацѣевича и до сего времени есть одно изъ самыхъ дорогихъ именъ для нашего духовенства.

Вскорѣ по разрѣшеніи вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ разрѣшенъ былъ и дру-

гой, нѣкогда весьма важный, но утратившій уже много изъ своей важности, — вопросъ объ особенностяхъ управленія Малороссіей. Достоинство гетмана, сильно подупавшее со времени Петра I, возстановленное Елисаветою, было окончательно уничтожено въ 1764 году. Въ Малороссіи были сохранены нѣкоторыя особенности, издавна утвердившіяся тамъ въ отношеніи управленія, суда, владѣнія имуществами и т. п.; но въ главныхъ чертахъ Малороссія была приравнена къ остальнымъ губерніямъ; генералъ-губернаторомъ ея былъ сдѣланъ славный впослѣдствіи Румянцевъ, при которомъ Малороссія вступила въ послѣдній періодъ своего сліянія съ остальною частію имперіи.

Таковы были главныя правительственныя мѣры Екатерины по дѣламъ внутреннимъ. Теперь обратимся къ ея внѣшней политикѣ. Выше было сказано, что со всѣми дворами, участвовавшими въ Семилѣтней войнѣ, Екатерина заключила миръ; но этимъ еще не развязывались всѣ вопросы, возбужденные политикой Петра III. Императрица вовсе не находила согласнымъ съ выгодами своего государства, чтобъ возлѣ него, рядомъ съ полугерманскими Остзейскими его провинціями и въ сосѣдствѣ Пруссіи, Курляндія превратилась въ самостоятельное герцогство подъ управленіемъ принца германскаго происхожденія и горячаго приверженца Прусскаго короля. Она предоставила герцогу Георгу управлять Голштинскимъ герцогствомъ, которымъ отнюдь не дорожила, подобно покойному своему супругу, и прямо выставила Бирона соперникомъ принцу Карлу, очень хорошо зная, что огромные начеты, предъявляемые на перваго изъ нихъ русскимъ правительствомъ, постоянно будутъ держать его въ уѣздѣ и, можетъ быть, принудятъ его, или его наслѣдника, уступить свое герцогство не сак-

нымъ образомъ содѣйствовать политикѣ Е
Онъ прибылъ въ Ригу, на границу Ку
употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ со
дино людей, которые, по той или другой пр
поддерживали. Съ другой стороны русскія во
вращаясь домой, по заключеніи мира съ Ф
и его врагами, вступили въ Курляндію. Корол
горячо протестовалъ противъ такого насил
Польша, ни сосѣднія государства не поддерж
напротивъ, весьма сильная партія Чарторыйск
гически противодѣйствовала видамъ короля
ляндію.

Принцъ Карлъ въ своемъ герцогскомъ дво
какъ бы въ плѣну. Запрещеніе, налож
Петрѣ III на герцогскія имѣнія за долги
правительству, пало даже на потребности
наго герцогскаго двора. По иностранным
ямъ, принцъ нуждался въ пропитаніи. Т
ронъ вступилъ въ Митаву и потребовалъ, ч
учинена была присяга. Противиться этому
нію многіе во все не хотѣли, другіе не смѣли,
Карлъ могъ видѣть изъ оконъ своего замка

II.

Смерть Августа III. — Положеніе партій въ Польшѣ. — Чарторыйскіе. — Политика Екатерины. — Станиславъ Понятовскій. — Его избраніе въ короли (7 авг. 1764 г.). — Посѣщеніе Екатериною герцога курляндскаго. — Поѣздка ея въ прибалтійскія провинціи. — Отношеніе этого края къ русскому правительству и къ русскому народу. — Заговоръ Мировича. — Смерть принца Іоанна Брауншвейгскаго.

Въ исходѣ 1763 года скончался король Польскій и курфирстъ Саксонскій Августъ III. Онъ былъ еще не старый человѣкъ и смерть его случилась совершенно неожиданно. „Не смѣйтесь, писала Екатерина Панину, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля Польскаго: король Прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ".

Дѣйствительно, смерть Августа III была обстоятельствомъ чрезвычайно важнымъ и для Россіи и для Пруссіи. Мы видѣли, что въ послѣдніе дни царствованія Петра III, между нимъ и Фридрихомъ II былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго оба государя взаимно обязывались не допускать утвердиться въ Польшѣ наслѣдственной королевской власти. Это намѣреніе клонилось конечно не къ благу речи-посполитой, но, къ удивленію, согласовалось съ желаніемъ большинства Поляковъ и требовалось выгодами обоихъ сосѣднихъ государствъ. Устраненіе поводовъ къ столкновенію внутреннихъ партій и внѣшняго вліянія, которыя болѣе всего обнаруживались на избирательныхъ сеймахъ, утвержденіе сильнаго правительства и сліяніе Польскаго государства съ Саксонскимъ могли сдѣлать изъ него сильную державу, опасную для сосѣд-

нихъ странъ. Потому-то и было замѣчено въ своемъ мѣстѣ (Царст. Анны, гл, III), что правительство Императрицы Анны сдѣлало ошибку, поддерживая кандидатуру на польскій престолъ Саксонскаго курфирста. Эта ошибка не должна была повториться, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, и избѣгнуть ея было тѣмъ легче, что между самими Поляками весьма сильно было желаніе устранить отъ польскаго престола Саксонскихъ принцевъ и доставить корону *пясту*, то-есть, коренному, природному Поляку.

Въ это время въ Польшѣ были три главныя партіи: одна—преданная саксонской династіи, вообще не популярная, другая—такъ-называемая патріотическая, находившаяся подъ вліяніемъ Франціи, и третья — русская. Обѣ послѣднія партіи желали видѣть на польскомъ престолѣ пяста; но французская партія, имѣвшая во главѣ гетмана графа Браницкаго, князя Радзивилла, богатѣйшаго изъ литовскихъ магнатовъ, и нѣсколькихъ Потоцкихъ, хотѣла удержать во всей неприкосновенности старинное устройство и республиканское правленіе Польши, тогда какъ, напротивъ того, такъ-называемая русская партія желала обратить речь-посполитую въ наслѣдственную монархію и совершить многія преобразованія, которыя бы ограничивали своеволіе магнатовъ и сейма, улучшили бы государственное хозяйство и даровали бы странѣ регулярное войско, котораго на всемъ европейскомъ материкѣ не имѣла одна Польша. Предводителями этой партіи были два князя Чарторыйскіе, братья, связанные между собою тѣсною дружбой и которые, благодаря замѣчательнымъ своимъ способностямъ и огромному богатству одного изъ нихъ, пользовались въ странѣ обширнымъ вліяніемъ.

Не взирая однакожь на эти преимущества, во время

царствованія Августа III, они никакъ не могли достигнуть власти. Король лично не любилъ ихъ и преданная ему партія, за одно съ партіей французской, стремилась ограничить ихъ значеніе. Будучи честолюбивы, какъ всѣ способные люди, и понимая, что дальнѣйшія неурядицы сеймовъ, своеволіе магнатовъ и слабость правительства приведутъ къ гибели ихъ отечество, они стали искать, по всегдашнему примѣру политическихъ партій въ Польшѣ, поддержки у одного изъ иностранныхъ дворовъ, и обратились къ Императрицѣ Елисаветѣ, съ правительствомъ которой они и дѣйствительно вступили въ близкія сношенія. Чарторыйскіе очевидно желали сдѣлать русское правительство орудіемъ собственнаго возвышенія и усиленія своего отечества. Это имъ удавалось сначала, но послѣдствія доказали, что если ихъ намѣренія не были разгаданы министрами Елисаветы, которые впрочемъ не обращали большаго вниманія на Польшу, то польскіе патріоты, задумавъ, какъ говорится, загребать жаръ чужими руками, рискнули на очень опасную игру.

Первыя дѣйствія новой Императрицы русской могли ввести въ заблужденіе Чарторыйскихъ. Она оказала имъ сильное содѣйствіе. Узнавъ, что саксонская партія угрожаетъ насиліями и заточеніями членамъ русской партіи, или партіи Чарторыйскихъ, она написала своему посланнику въ Варшавѣ, Кейзерлингу: „Разгласите, что я населю Сибирь моими врагами, спущу на нихъ запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отмстить за оскорбленія, которыя наноситъ имъ король Польскій.“ Именно чего нибудь подобнаго, какой нибудь энергической выходки противъ своихъ враговъ, Чарторыйскіе и добивались отъ Елисаветы. Екатерина сдѣлала совершенно

то, чего они желали. Но они не знали конца депеши, изъ которой взяты вышеприведенныя слова; въ ней было написано: „Епископъ Георгій бѣлорусскій, подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на дѣйствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ. Поручаю ихъ вашему покровительству. Сообщите мнѣ, что̀ нужно для усиленія значенія тамъ *моей* партіи; я не пренебрегу ни чѣмъ для этого“.

Екатерина говорила о *своей* партіи; она слѣдовательно вступалась въ польскія дѣла не какъ покровительница Чарторыйскихъ, не какъ орудіе ихъ видовъ, а какъ защитница православныхъ подданныхъ Польскаго короля, какъ преемница политики Петра I, какъ вѣрная блюстительница правъ, предоставленныхъ русскому правительству Московскимъ договоромъ 1686 года (Вып. I, гл. III). Между Екатериною и Чарторыйскими завязывалась такимъ образомъ великая политическая игра; кто останется побѣдителемъ? они ли сдѣлаютъ русскую политику средствомъ для усиленія Польши, или русская политика принудитъ Чарторыйскихъ послужить для утвержденія своего вліянія въ Польшѣ?

Когда Екатерина предложила своимъ совѣтникамъ обсудить, какъ дѣйствовать по случаю упраздненія польскаго престола, то Бестужевъ, вѣрный старымъ преданіямъ, подалъ голосъ за Саксонскаго принца. Но молодые совѣтники Екатерины выразились въ томъ смыслѣ, какой указанъ былъ относительно политики въ Польшѣ договоромъ Петра III съ Фридрихомъ. Императрица вполнѣ приняла это мнѣніе и вслѣдствіе того, какъ русскій, такъ и прусскій посланники въ Варшавѣ, дали знать кому надлежитъ, что ихъ правительства не допустятъ до польскаго престола никого, кромѣ пяста.

Это объявленіе согласовалось съ видами Чарторый-

скихъ. Если было рѣшено доставить корону не иначе какъ пясту, то ихъ партія надѣялась возложить ее на голову одного изъ членовъ ихъ фамиліи. Екатерина, по соглашенію съ Фридрихомъ, предназначила для этого племянника князей Чарторыйскихъ, молодаго Поньятовскаго, съ которымъ она лично познакомилась во время его пребыванія въ Петербургѣ. Многіе приписываютъ этотъ выборъ пристрастію Екатерины къ Поньятовскому: это несправедливо; она нашла въ немъ всѣ тѣ качества, какихъ могла желать для короля Польскаго, а именно, представительность и привлекательныя формы, соединенныя съ слабостью характера. Такое соединеніе качествъ въ будущемъ государѣ давало поводъ надѣяться, что, сохраняя все внѣшнее достоинство своего положенія, онъ однакожъ дозволитъ собою управлять рукѣ, возведшей его на престолъ.

Предпочтеніе оказанное Поньятовскому, не совсѣмъ понравилось его дядямъ, но такъ какъ онъ былъ все-таки свой человѣкъ и какъ они также съ своей стороны надѣялись подчинить его своему вліянію, то и рѣшились употребить всѣ силы своей партіи для поддержанія его кандидатуры.

Между тѣмъ другая партія выставляла своихъ кандидатовъ. Старый гетманъ Браницкій самъ выступилъ на состязаніе и, надо признаться, не безъ вѣроятностей успѣха. На многихъ предварительныхъ, повѣтовыхъ сеймикахъ, гдѣ избираются депутаты, или послы, для отправленія на общій сеймъ, партизаны Браницкаго и Радзивилла одержали верхъ надъ партизанами Чарторыйскихъ; а какъ при этомъ ими совершены были различныя безчинства, то Чарторыйскіе прибѣгли къ обыкновенному въ такихъ случаяхъ средству: потребовали войска у покровительствующаго имъ двора.

остались полными распорядителями суде
чества и безъ всякаго сопротивленія дости
наго (какъ требовалъ законъ) избранія въ
товскаго, который и былъ провозглашенъ
Станислава (7 августа и ст. 1764 г.).

Избраніе Станислава было огромнымъ
для Чарторыйскихъ, и они поспѣшили и
ваться: не давая, такъ сказать, опомнить
провели тѣ преобразованія, о которыхъ п
тали, а именно: уничтожили liberum veto
званіе гетмановъ, крайне стѣснявшее вл
т. п. Но если избраніе Поньятовскаго было
для Чарторыйскихъ, то оно было торжес
ской политики. Оно близко совпадало п
водвореніемъ Бирона въ Курляндіи. Оба
открывали всякому, хотя нѣсколько прони
ловѣку, что русское вліяніе сдѣлалось
ствующимъ въ Польшѣ, что въ этомъ отно
шли тѣмъ путемъ, которымъ они шли при I
III, гл. I). Екатерина, какъ кажется, жела
этомъ отношеніи не было никакого сомнѣні
валась предпринятою ею въ 1764 году

ству, согласилась навѣстить его герцогскую столицу, Митаву, то онъ, не взирая на свои 80 лѣтъ и на свою корону, сопровождалъ ея карету верхомъ во всю дорогу; за столомъ его семейство служило Императрицѣ, а когда она, поднявъ бокалъ, провозгласила здоровье новаго герцога и его фамиліи, то всѣ члены этой фамиліи преклонили колѣна.

Поѣздка въ Остзейскія губерніи была первою, которую предприняла Екатерина по своимъ владѣніямъ; впослѣдствіи она совершила ихъ нѣсколько въ разныхъ направленіяхъ, и, со временъ Петра I, никто изъ русскихъ государей, до Екатерины, не посѣтилъ столько мѣстностей. Правда, поѣздки Екатерины ни мало не походили на поѣздки Петра; она совершала ихъ съ большою пышностію; каждый городъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ о ея прибытіи, и потому вездѣ приготовлены были ей торжественныя встрѣчи. Остзейскій край подалъ этому примѣръ. Мы впрочемъ не будемъ вдаваться въ описаніе этихъ встрѣчъ, но постараемся лучше выяснить себѣ то положеніе, въ которомъ Остзейскій край находился относительно какъ русскаго правительства, такъ и относительно русскаго народа,—а для этого припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ его исторію.

Эта исторія начинается съ того времени, какъ германскіе рыцари ордена Меченосцевъ прибыли въ нынѣшнія Прибалтійскія губерніи съ цѣлію просвѣтить ихъ христіанствомъ и утвердиться въ немъ на вѣчныя времена. Гросмейстеръ, или предводитель рыцарей, сдѣлался главою края, а рыцари—владѣльцами различныхъ въ немъ участковъ, вмѣстѣ съ поселенными на этихъ участкахъ туземцами. Такимъ образомъ составились два совершенно отдѣльные класса: классъ рыцарей, или дворянъ, и классъ крестьянъ Между рыцарствомъ гер-

Но этотъ маленькій край съ разноплен
населеніемъ былъ слишкомъ ничтоженъ.
вать изъ себя самостоятельное государст
тивъ Іоанна Грознаго принудила одну ч
скаго края признать надъ собою власть I
ролей, а другую—королей Шведскихъ. Но
какъ Кама, вливаясь въ Волгу, долго не
съ ея водами своихъ водъ и течетъ отдѣл
такъ и остзейское рыцарство избѣгало см
дворянствомъ Польши и Швеціи; вообщ
край старался жить особнякомъ отъ гос
которыми обстоятельства его соединили.
роны правительства Польши и Швеціи
вершенно противоположной политики, тя
быми правами подчиненныхъ имъ провин
лись къ уничтоженію этихъ правъ.

Этою противоположностію стремленій
городовъ Остзейскаго края и, съ другой
правительствъ, воспользовалась русская по
припомнить, что когда заключался между
Августомъ II договоръ о совокупной во
Швеціи, которой въ это время принадлеж

Петромъ. Между тѣмъ, пока Карлъ XII геройствовалъ въ Польшѣ и Германіи, русскія войска заняли большую часть Лифляндіи и Эстляндіи. Неужели пришлось бы уступать Августу это дорого стоившее завоеваніе, этотъ театръ первыхъ нашихъ успѣховъ надъ Шведами, съ его морскими берегами, съ Ревельскою крѣпостію и съ Рижскимъ портомъ? Не достачно ли вознаградилъ царь Августа, возвративъ ему польскій престолъ?

Между тѣмъ въ средѣ остзейскаго дворянства начала образовываться партія, которая, тяготясь владычествомъ Швеціи и не желая возвратиться подъ власть Польши, предпочитала подчиниться Россіи, если царь обяжется оставить за краемъ все его прежнее управленіе и старинные его законы. Оградившись такимъ обязательствомъ, Остзейскій край становился дѣйствительно въ очень выгодное положеніе: онъ составилъ бы какъ бы особое государство, защита и покровительство котораго возлагались на Россію. Виды этой партіи были доведены до свѣдѣнія Петра и онъ ихъ одобрилъ. При капитуляціи Риги, торжественнымъ актомъ оставлены были ея уставы и ея управленіе. Тогда остзейскіе города начали сдаваться русскимъ генераламъ одни за другими и весь край присягнулъ Петру.

Пріобрѣтеніе сдѣлано было весьма важное, но въ условіяхъ этого пріобрѣтенія заключались источники многихъ неудобствъ. Это былъ первый случай, что русскій государь вступалъ въ обязательство съ своими подданными. Прибалтійскій край становился въ положеніе привилегированное относительно прочихъ частей имперіи; въ немъ утверждены были права и управленіе совершенно иные, чѣмъ въ остальномъ государствѣ; оффиціальнымъ языкомъ признанъ не русскій языкъ... Согласно ли все это было съ интересами государства? Не

оказывать последнимъ явное предпочтеніе, ми возбуждалось глубокое раздраженіе. Т царствованія Анны, Іоанна III и наконецъ II тія *нѣмецкая и партія русская*, (какъ ни с названіе партіи въ Русскомъ государствѣ раздѣляютъ дворъ и правительство со вто XVIII вѣка, и непріязнь къ первой изъ ни распространяться на всѣ классы народа. П непріязнь имѣла характеръ вражды нев тивъ просвѣщенія; Нѣмцевъ представляли бусурманами; противъ нихъ вооружилис староверы. Во второй половинѣ вѣка бо Нѣмцевъ начинаетъ быть результатомъ в веннаго раздраженія національнаго самол наруживается не въ какомъ нибудь ра скитѣ, а, напримѣръ, въ академіи наукъ; ратовали не во имя грубости и суевѣрі быть просвѣщенными людьми, но остават Русскими. У знаменитаго Ломоносова вы дующіе горькіе, жолчные четыре стиха:

О стыдъ! О странный поворотъ!
Видалъ ли, кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,

ми классами Западной Европы и даже Прибалтійскаго края. Въ драгоцѣнныхъ запискахъ Болотова отмѣчено то впечатлѣніе, которое произвело на него пребываніе съ полкомъ (при началѣ Семилѣтней войны) въ Лифляндіи; крестьяне тамъ, говоритъ онъ, живутъ хуже и бѣднѣе нашихъ; положеніе ихъ жалкое; но порядокъ, домовитость, образованность небогатаго помѣщика, у котораго Болотовъ квартировалъ, сдѣлали на него сильное впечатлѣніе. Такое впечатлѣніе вынесено было, вѣроятно, не однимъ Болотовымъ; многіе, конечно, изъ его сослуживцевъ стали думать, возвратясь на родину, что намъ далеко до Нѣмцевъ.

Но если остзейское дворянство во многихъ отношеніяхъ было выше русскаго, то какія могли быть этому причины? Ихъ было много. Вопервыхъ, оно вообще имѣло гораздо болѣе средствъ образоваться дома. нежели коренное русское, и сверхъ того сыновья зажиточныхъ тамошнихъ дворянъ ѣздили въ германскіе университеты для довершенія своего образованія. Далѣе, остзейское дворянство имѣло большое участіе въ управленіи своимъ краемъ; оно издавна съѣзжалось на ландтаги, или сеймы, гдѣ общественныя дѣла обсуживались сообща, публично; управленіе городское было въ рукахъ гражданъ, которые, слѣдовательно, также имѣли случай практиковаться въ изученіи общественныхъ дѣлъ и въ управленіи ими, что чрезвычайно развиваетъ людей. Ни то, ни другое не было предоставлено ни русскому дворянству, ни русскому гражданству; въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ всѣмъ управляли, все рѣшали, всѣмъ двигали воеводы и подъячіе. Вотъ почему, при равныхъ способностяхъ, Русскіе были позади Нѣмцевъ и въ просвѣщеніи и въ кругѣ публичной дѣятельности; и чѣмъ далѣе продолжалось бы подобное поло-

ныхъ дѣлахъ. Мы увидимъ, что Екатерин
лала въ этомъ отношеніи.

Поѣздка ея въ Прибалтійскія губерн
дила лѣтомъ 1764 года. Вездѣ ей были
пышныя встрѣчи; дворянство цѣлымъ сосл
чало ее на границѣ своей губерніи; въѣз
рода совершался сквозь тріумфальныя а
гихъ мѣстахъ, дѣвицы, одѣтыя въ бѣлыя
сали цвѣты на пути, по которому она
пѣли сочиненныя на этотъ случай куп
тѣмъ, во время этихъ торжествъ, Екатер
извѣстіе, которое глубоко ее встревожил
о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію освободит
анна Брауншвейгскаго и о его трагичес

Этотъ несчастный молодой человѣкъ на
мы знаемъ, (Царст. Ели ., гл. II) въ Шлюс
крѣпости, остальное же его семейство,—от
братья (мать, бывшая правительница, уже у
время)—содержалось въ Холмогорахъ, въ
архіерейскомъ домѣ. Вскорѣ, по вступлен
престолъ, Екатерина обратила на нихъ свое
ноябрѣ 1762 года она поручила генералу I

Антона, такъ и его дѣтей. Затѣмъ онъ долженъ былъ предложить принцу полную свободу съ правомъ возвратиться на родину,—но одному, оставивъ на нѣкоторое время своихъ дѣтей въ Холмогорахъ; по важнымъ „статскимъ (государственнымъ) резонамъ“ еще не казалось возможнымъ освободить ихъ; но,—сказано было въ инструкціи, данной Бибикову, — „какъ скоро поводъ къ свободѣ ихъ усмотримъ, выпустимъ (ихъ) и къ нему пришлемъ“.

Бибиковъ нашелъ Брауншвейгскую фамилію въ крайне печальномъ положеніи. Принцъ, никогда не отличавшійся силою духа, былъ совершенно сломленъ своимъ несчастіемъ; старшая дочь его была глуха и косноязычна, старшій сынъ горбатъ, косолапъ и идіотъ; меньшой не многимъ лучше. Единственнымъ исключеніемъ, перломъ этой несчастной семьи была вторая дочь принца, Елисавета, имѣвшая шестнадцать лѣтъ во время пріѣзда Бибикова, не лишенная ни миловидности, ни природнаго ума, но болѣзненная и, конечно, вовсе не развитая. Такіе люди, очевидно, не могли быть опасны русскому правительству, и Бибиковъ въ такомъ смыслѣ и сдѣлалъ о нихъ представленіе, возвратясь изъ Холмогоръ. Къ несчастію, этотъ молодой генералъ, чрезвычайно пылкій и стремительный, глубоко тронутый притомъ судьбой этого несчастнаго семейства, сдѣлался слишкомъ горячимъ его адвокатомъ, и думая, вѣроятно, возбудить болѣе участія къ нему, сильно превозносилъ принцессу Елисавету. Расчетъ его былъ совершенно не вѣренъ: женщина съ умомъ и характеромъ, какою Бибиковъ представлялъ принцессу, могла возбудить недовѣріе Императрицы, — и оно дѣйствительно возбудилось; а какъ добродушный принцъ Антонъ выразилъ рѣшительное желаніе не разставаться

вѣстно весьма немногимъ, можно думать, чт
ходили совершенно инаго рода о немъ слух
иностранные писатели, бывшіе въ Россіи, п
его и способнымъ и красивымъ юношею: вѣр
изображали его тѣ изъ Русскихъ, у котор
страицы о немъ разспрашивали. Во всякомъ
таинственный узникъ, такъ высоко рожде
сильно пораженный судьбою, былъ очень с
ворить воображенію и сдѣлаться знаменемъ
ныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Мы
такимъ знаменемъ бывали даже люди, со
въ могилу,—царевичъ Алексѣй Петровичъ
ихъ имя принимали на себя смѣлые обм
такъ сказать, вытаскивали изъ могилы, ч
умы,—а шлюссельбургскіе казематы все ж
гила. Случилось, что во время лѣта 1864 го
сельбургѣ занималъ караулъ Смоленскій
полкъ, въ которомъ служилъ подпоручикъ
ровичъ. Онъ былъ родомъ изъ Малороссія
за участіе въ измѣнѣ Мазепы, было конфи
ніе, такъ что внукъ зажиточныхъ предк
бѣднякомъ. Онъ много хлопоталъ о возвра
скаго имѣнія по божескій

нія шлюссельбургскаго узника, весь порядокъ установленнаго за нимъ надзора и основалъ на нихъ свой планъ дѣйствія. Онъ открылся одному молодому офицеру Ушакову, и оба они дали взаимную клятву дѣйствовать за одно; но это не удалось, потому что Ушаковъ вскорѣ утонулъ. Тогда Мировичъ рѣшился добиться своей цѣли одинъ. Вступивъ въ крѣпостной караулъ съ командою солдатъ, онъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ нихъ и успѣлъ привлечь ихъ къ своему замыслу. Выждавъ, чтобы все въ крѣпости уснуло, въ два часа ночи съ 4-го на 5-е іюня, онъ вдругъ вызвалъ въ ружье свой караулъ, и устремился на стражу, охранявшую плѣнника. Но эта стража встрѣтила его ружейнымъ огнемъ, такъ что караулъ Мировича отступилъ въ безпорядкѣ и между солдатами обнаружилось колебаніе. Мировичъ былъ къ этому приготовленъ; онъ развернулъ составленный имъ отъ имени Императрицы манифестъ, повелѣвавшій будто бы освободить принца, возстановилъ повиновеніе между своими подчиненными, и добывъ между тѣмъ пушку, снова повелъ ихъ въ атаку. Противъ подобнаго натиска стража, находившаяся при Іоаннѣ Антоновичѣ, не могла устоять. Мировичъ съ нѣсколькими солдатами кинулся къ двери, за которою находился принцъ; но одинъ изъ двухъ офицеровъ, охранявшихъ узника, видя себя въ послѣдней крайности и повинуясь данной ему еще, какъ кажется, въ прежнія времена, инструкціи, закололъ несчастнаго. Мировичъ ворвался въ казематъ, и нашелъ вмѣсто принца его трупъ.

Мировичъ былъ арестованъ и преданъ суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Императрица не взяла на себя смягчить этотъ приговоръ и казнь была совершена.

торая, чтобы скрыть концы, приказала отру
Мировичу. Такому сплетенію злодѣйствъ во
вѣрится, да притомъ это извѣстіе не выдер
тики. Принцъ Іоаннъ былъ, говорятъ, вѣчнок
Императрицы; это правда; но со времени
нія въ Шлюссельбургѣ и до настоящаго сл
знаемъ ни одного покушенія къ его освобо
же вдругъ могло въ такой степени встрево
ратрицу? И не гораздо ли проще было ве
чить съ нимъ самимъ его стражамъ, (есл
что Императрица была способна на такое
приплетать къ тому постороннихъ людей
дить огласку? Какія же притомъ основанія н
бы предполагать, будто Императрица входил
сношенія съ Мировичемъ? Совершенно ни
ровичъ былъ незамѣтный, бѣдный офицер
шійся бѣднымъ и незамѣтнымъ до послѣдн
чего, вѣроятно, не было бы, еслибъ ему б
кое порученіе, какъ предполагаютъ. Это по
ворятъ, было тайною, которую онъ сохранял
смерти своей, потому что ему будто бы об
прощеніе, когда онъ будетъ взведенъ на эш

зательство, что Императрица его щадила, или боялась его признаній. Дѣйствительно, Мировича не пытали и Государыня сама устранила пытку, которую требовали нѣкоторые изъ слѣдователей; но она точно также настояла, чтобы не было пытки при допросахъ Пугачева, и вообще, этотъ варварскій обычай нашего стариннаго судопроизводства она вездѣ и всегда старалась устранять. Основывать обвиненіе противъ Екатерины на томъ, что она не велѣла поднимать Мировича на дыбу, можетъ только совершенно ослѣпленное предубѣжденіе, или злонамѣренная клевета: покушеніе Мировича было дѣломъ его личнаго сумазбродства, и болѣе ничего.

III.

Положеніе православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ — Король Прусскій выступаетъ въ качествѣ покровителя диссидентовъ.— Өеофанъ Леонтовичъ.—Георгій Конисскій. — Князь Репнинъ.— Диссидентскій вопросъ на польскихъ сеймахъ.—Неистовства на Украйнѣ.—Радомская конфедерація.—Арестованіе четырехъ сенаторовъ.—Рѣшеніе диссидентскаго вопроса.—Трактатъ 1768 года.—Барская конфедерація.—Угрожающее положеніе Турціи.— Коліевщина.—Ложный манифестъ.

Мы видѣли, что Императрица въ одной изъ депешъ Кейзерлингу говорила о жалобѣ, поданной ей Георгіемъ Конисскимъ, на притѣсненія, претерпѣваемыя православными подданными Рѣчи посполитой. Это обстоятельство можетъ показаться страннымъ. Руское правительство пользовалось правомъ, даннымъ ему Москов-

скимъ трактатомъ 1686 года, весьма не рѣдко дѣлало представленія польскому, когда до Петербурга доходили подобныя жалобы, и никогда не получало отказа въ своихъ ходатайствахъ. По указанію русскаго двора назначалось тотчасъ же слѣдствіе. Канцлеръ Литовскій, а нерѣдко и самъ король писалъ, приглашая католическое и уніятское духовенство не нарушать свободы совѣсти диссидентовъ, утвержденной основными законами республики и многочисленными сеймовыми конституціями (постановленіями), и тѣмъ не менѣе жалобы православныхъ возобновлялись постоянно. Какъ же объяснить это?

Это объясняется внутреннимъ устройствомъ Польскаго государства. Верховная власть въ немъ была ничтожна и не имѣла никакихъ средствъ заставить подданныхъ повиноваться законамъ, которые имъ почему-либо не нравились,—а всякое снисхожденіе къ схизматикамъ было представляемо Полякамъ католическимъ духовенствомъ какъ преступленіе и грѣхъ. Поэтому на универсалы, присылаемые изъ Варшавы, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, слѣдствія никогда не открывали виновныхъ по жалобамъ иновѣрцевъ, суды никогда не признавали католиковъ виновными противъ иновѣрцевъ. „Когда волкъ съ череды похититъ овцу,—писалъ въ петербургскій синодъ одинъ изъ православныхъ епископовъ бѣлорусскихъ,—куда оному бѣдному пастуху представить жалобы свои? Буде онъ пойдетъ на судъ до товарищевъ ихъ (волковъ), а тамъ не получа сатисфакціи, пойдетъ послѣ до большихъ судовъ, или до самаго трибунала звѣриною сдѣлаетъ апелляцію,—могутъ ли и они дать правосудіе?“ Совершенно въ такомъ же смыслѣ отзывался и архіепископъ Георгій. Польскіе суды, писалъ онъ „разбоя горшіе суть.“

„Въ судахъ ихъ криво судить на нашу сторону не за грѣхъ, но за отпущеніе грѣховъ почитается, понеже, какъ они сами не закрыто твердятъ, искореняется вѣра греко-россійская.“

Петръ I, при своемъ огромномъ вліяніи на польское правительство, при силѣ партіи, которою онъ располагалъ, при правѣ медіаціи, которое онъ пріобрѣлъ, могъ до нѣкоторой степени ограждать нашихъ единовѣрцевъ; но со смертію его значительно ослабѣло и наконецъ почти совершенно прекратилось это покровительство. Нѣмецкое министерство Императрицы Анны мало интересовалось положеніемъ русскихъ и православныхъ польскихъ подданныхъ; правительство Елисаветы, особенно во время Семилѣтней войны, слишкомъ дорожило дружбою Польши, чтобъ настаивать на томъ, что̀ этой последней было непріятно; но какъ между тѣмъ проницательнѣйшимъ между Поляками, и особенно тамошнему духовенству было ясно, что въ данную минуту Россія можетъ воспользоваться вліяніемъ, которое она имѣетъ на русское Заднѣпровье, то со второй четверти XVIII вѣка, именно въ то самое время, когда во всей Европѣ распространилось понятіе о вѣротерпимости, въ польской республикѣ стали усиливаться гоненія противъ *диссидентовъ* (иновѣрцевъ): въ странѣ, гдѣ каждый шляхтичъ пользовался такими правами, какихъ не имѣли граждане самыхъ свободныхъ странъ, диссиденты мало-по-малу лишены были права занимать какія-либо должности и принимать малѣйшее участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Великимъ представителемъ въ Европѣ принципа вѣротерпимости былъ Фридрихъ II. Онъ доставилъ полное торжество этому принципу въ своихъ владѣніяхъ и покровительствовалъ угнетеннымъ за свои религіозныя вѣрованія

во всѣхъ странахъ. Протестанты, проживавшіе въ католическихъ государствахъ, видѣли въ немъ своего покровителя. Ему удалось въ Германіи и даже во владѣніяхъ русской Императрицы оказать защиту лютеранамъ противъ католическаго изувѣрства. Эти случаи сдѣлались извѣстны въ Польшѣ. Тамошніе протестанты попробовали просить его заступленія, и оно оказалось дѣйствительнымъ. Это сдѣлало его между ними чрезвычайно популярнымъ. Они пріободрились и рѣшились дать отпоръ притѣснителямъ. Но понимая, что при этомъ борьба должна быть жестокая, и желая подкрѣпить себя новыми союзниками, они обратились къ православнымъ и стали приглашать ихъ, соединясь, стать подъ покровительство могущественнаго Прусскаго короля.

Еслибъ это предложеніе было принято и русскія воеводства обратились за помощію къ Фридриху, едва ли Россіи удалось бы когда-нибудь возсоединить ихъ съ собою, и историческая роль нашего отечества, обреченнаго на вѣкъ укрываться за Днѣпромъ, была бы ничтожна. Мы можетъ быть навсегда сдѣлались бы полуазіятскимъ государствомъ. Преобладающее вліяніе на сѣверовостокѣ Европы получила бы Пруссія; начало, положенное Петромъ, осталось бы безъ послѣдствій. Эту опасность, которую съ такою удивительною слѣпотой не видѣли министры Императрицы Елисаветы, понялъ простой и мало извѣстный монахъ, игуменъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря Ѳеофанъ Леонтовичъ. Въ донесеніи, поданномъ Синоду, онъ писалъ, что бѣлорусскіе и литовскіе протестанты зазываютъ православныхъ, соединясь съ ними, просить покровительства Прусскаго короля. Что подобное приглашеніе сдѣлано было между прочими ему, Леонтовичу, но что онъ не

рѣшается искать иной защиты, кромѣ прирожденныхъ своихъ государей и единовѣрной страны; что въ тѣхъ же чувствахъ онъ надѣется удержать свою виленскую паству, но что между тѣмъ считаетъ долгомъ предупредить синодъ и русское правительство. „Если сему не спокойному и хитрому государю, писалъ онъ про Фридриха, удастся въ польской области, по намѣренію его, не только протестантскаго, но и греческаго закона людей защитить и ихъ въ первобытное всѣхъ чиновъ и преимуществъ состояніе привесть, то отсюда легко можно заключить, какія онъ, король, по извѣстнымъ Польскаго самовольнаго, непостояннаго, непримирительнаго и неклятвохранительнаго народа правамъ всегда себѣ авантажа, а сосѣднимъ государствамъ пакости, безъ всякихъ искуповъ и трудовъ причинить можетъ.“ Онъ писалъ кромѣ того, что коренное народонаселеніе жаждетъ полнаго присоединенія къ Русской Имперіи, и что „тако Россійскому нашему государству можно будетъ на 600 верстъ самой лучшей и плодоноснѣйшей земли съ безчисленнымъ православнымъ народомъ предъ всѣмъ свѣтомъ праведно и правильно у Поляковъ отобрать.“

Это была, сколько извѣстно, первая мысль о возсоединеніи Западнаго края. Она не обратила однакожь на себя ни малѣйшаго вниманія. Иностранная коллегія, которою тогда управлялъ графъ Воронцовъ и которой донесеніе Леонтовича было сообщено, нашла, что опасенія его насчетъ Пруссіи суть химеры, и что подобныя внушенія могутъ только посоорить Россію съ Польшей, почему и настояла, чтобъ Леонтовичъ былъ отозванъ изъ Вильны.

Обстоятельства измѣнились, когда на престолъ вступила Екатерина. Первая послѣ Петра великаго она поняла, какое важное орудіе въ рукахъ русской полити-

ки были польскіе диссиденты. Прибывшій на ея коронацію Георгій Конискій подалъ ей обширную записку, въ которой изображалъ невыносимыя притѣсненія, испытываемыя его паствой, (*) и убѣдительно просилъ о

(*) Въ то самое время, какъ Георгій Конискій находился въ Москвѣ, пользуясь его отсутствіемъ, въ Могилевъ — его мѣстопребываніе — явилась католическая миссія для обращенія тамошнихъ православныхъ. Разсказъ о ея дѣйствіяхъ такъ оригиналенъ и интересенъ, что не неумѣстно, кажется, будетъ передать здѣсь его съ нѣкоторою подробностію. По требованію миссіонеровъ, мѣстныя власти распорядились согнать въ назначенный день крестьянъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень на городскую площадь, посреди которой были приготовлены амвоны для проповѣдниковъ. Явилось нѣсколько ксендзовъ, и проповѣдь началась. Доказывали, что католическая вѣра есть лучшая вѣра и даже одна, угодная Богу; «не буду я говорить, воскликнулъ одинъ изъ монаховъ: апостолъ Павелъ сказуетъ»...

«И читалъ апостола Павла, сказуя: *что ни до кого не писалъ Посланій апостолъ Павелъ, какъ только къ Римлянамъ*. Хотя (хотѣлъ бы я) съ вами веселитися и радоватися, что вѣра ваша слышится на всемъ свѣтѣ, но нѣтъ! и не сыщете, чтобъ гдѣ было написано до благочестивыхъ (православныхъ) отъ Павла или отъ другаго апостола: то уже явно, что наша вѣра римская—истинная и святая, а благочестивая есть забтуждающая, которую Могилевцы держать. Прочтитежъ всѣ правовѣрные католики за сихъ благочестивыхъ три раза *Богородице дѣво*, чтобъ даръ Духа Святаго приняли и вѣру римскую истинную познали.!

«Слушайтежъ, благочестивые! Которую вѣру Господь Богъ любитъ, ту и распространяетъ. Вотъ вѣра наша римская гдѣ есть, изъясню вамъ: во Франціи, въ Гишпаніи, въ Португаліи, въ Цесаріи, въ Италіи, въ Римѣ, въ Индіи *подземной*. Се есть вѣра истинная—въ небесѣ, на землѣ *и подъ землею*. А благочестивая вѣра только въ семъ *окаменномъ* городѣ Могилевѣ, гдѣ быть сей всѣ права и привиллегіи польскія возбраняютъ; да еще обрѣтается въ Москвѣ сія же заблуждающая вѣра; а посмотритежь, что и тамъ прежде ста и нѣсколько-на-десять лѣтъ какая была вѣра, ежели не унія святая, понеже и *Филипповцы* (раскольники) не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ (москвичей) заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются

скорѣйшей и энергической защитѣ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ письма, которыя онъ получалъ отъ представителей польскихъ протестантовъ, не перестававшихъ прельщать православныхъ надеждами на могущественную за-

---

въ Польшѣ!»... «А къ тому жь читалъ я въ книгахъ русскихъ, въ Москвѣ напечатанныхъ, что Петръ святый *крестилъ Пресвятую Дѣву* Марію... О какоежь то заблужденіе, которое заблужденіе какъ небеса терпятъ! ..

«Вспомните, продолжалъ проповѣдникъ, какъ въ то время былъ счастливъ городъ, когда въ уніи пребывалъ! Но какъ отобрано, заразъ явно сказнилъ Богъ цѣлый городъ и церкви. Вотъ то явная была месть Божія на васъ! Однакожь вы не разсуждаете и того отступничества и заблужденія держитесь.»

Затѣмъ проповѣдникъ сталъ указывать на то, что все что̀ есть наилучшаго между жителями Бѣлоруссіи, придерживается католичества, тогда какъ, напротивъ, православія держится лишь чернь и голь.

«Пойдемъ къ чернецкимъ попамъ (монахамъ?); какая ихъ фамилія? Всѣ суть нищуки! А у насъ въ истинной вѣрѣ, сенаторы, королевичи въ монашествѣ суть! Не лучшая ль наша вѣра, что въ нашей вѣрѣ всѣ сенаторы, господа, а въ вашей вѣрѣ ни единаго нѣтъ теперь? Хотя нѣкоторые и были вашей вѣры, но просвѣщеніемъ Духа Святаго всѣ оставили сію злую вѣру и на истинную римскую превратились. О подай и вамъ Боже даръ сей Духа Святаго въ сердца ваши! Сами можете знать, благочестивые, что ни единаго нынѣ господина не найдете такъ въ Польшѣ, яко и въ Коронѣ, въ сей заблужденной вѣрѣ пребывающаго; только единъ сей городъ окаменный пребываетъ въ своемъ упрямствѣ. Не лучшая ль наша вѣра, что у насъ разные суть законы и ксендзы, и всякій имѣетъ свою власть и провинцію, а у васъ только едины чернцы да попы? Пойдеите до святыхъ: Что и исчислить нельзя, всѣ у насъ суть, ибо якъ вы отступили отъ вѣры святыя уніи, то, бросивши Грецію пришли къ намъ и по разнымъ городамъ опочиваютъ. Знаете Николая Святаго? въ Барѣ лежитъ, отъ благочестивыхъ вышедши. Такожъ Іоаннъ Златоустый, Василій Великій почиваютъ въ Римѣ; а у васъ которые суть, то еще за унію стали святыми!... По отступничествѣ отъ вѣры святой, якъ много померло въ городѣ Могилевѣ поповъ, чернецовъ,—а ни единаго святаго не имѣете. А у насъ во многихъ обще-

ва: гдѣ больше чудесъ творитъ, ежели не въ на
церквахъ? какъ-то; Пресвятая Богородица Бялни
Ченстоховская, Журовицкая,—которыхъ и исчислит
святая Богородица знаетъ, которая вѣра есть свя
и въ той чудеса творитъ. Слышите, возлюбленніи (
вамъ представлялъ, якъ то Господь Богъ нашу і
ней чудеса творитъ. Еще вамъ изъясню, любезн
заблужденіе вѣры вашей, которой Господь Богъ і

Подобное кощунство продолжалось долго; здѣсь
нѣсколько выдержекъ изъ донесенія, полученнаго а
оргіемъ о томъ, что̀ совершалось безъ него въ М
ные, запуганные крестьяне, разумѣется, лишь мол
на всѣ вопросы и на всѣ безстыдныя лжи пропов
миссіонеры, сойдя съ своихъ амвоновъ, велѣли и
собою въ костелъ и повторять слѣдующій гимнъ.

Былись мы въ косціелѣ, а вшистко (все) то
Штобъ мы были въ ніебѣ,
Боже, Боже нашъ, Боже Боже нашъ.
Слыхались мы ніешпору, а вшистко-то для П
А жебысь мы были въ ніебѣ,
Боже, Боже нашъ, Боже Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Христа щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Бо
Дзятки, ча любиця вы Пречыстую щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Бо
Дзятки, ци любиця вы Іосипа щира?

ператрицѣ. Надо думать, что она подала имъ большія надежды; иначе Георгій Конисскій не могъ бы сдѣлать такого торжественнаго заявленія, какое онъ сдѣлалъ въ своей знаменитой проповѣди при коронаціи. Во всякомъ случаѣ, онъ прямо изъ Москвы былъ отправленъ въ Варшаву, гдѣ, въ совѣщаніяхъ съ новымъ посланникомъ русскимъ, княземъ Репнинымъ, разработалъ такъ-называемый *диссидентскій вопросъ*, долженствовавшій рѣшить паденіе Польши.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, которому досталось играть такую видную роль въ судьбахъ Польши и Россіи, котораго польскіе историки представляютъ какимъ-то изступленнымъ дикаремъ, былъ молодой человѣкъ, не имѣвшій полныхъ 30 лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Варшаву. Будучи коротко знакомъ съ королемъ Станиславомъ еще во время пребыванія этого послѣдняго въ Петербургѣ, онъ съ самаго своего прибытія къ новому своему назначенію занялъ при польскомъ дворѣ чрезвычайно видное мѣсто, а изящная его внѣшность и жажда къ удовольствіямъ сдѣлали его кумиромъ польской молодежи обоего пола. Но эти свѣтскія преимущества не исключали въ Репнинѣ весьма серіознаго ума, способнаго къ усидчивому труду, и чрезвычайно настойчивой воли, — качествъ, которымъ диссидентскій вопросъ не замедлилъ открыть самое широкое поприще.

Весьма сильное ходатайство за диссидентовъ, какъ православныхъ, такъ и лютеранъ, представлено было Репнинымъ сейму польскому въ 1765 году. Король, по чувству справедливости и человѣколюбія, расположенъ былъ къ представленію Репнина; примасъ королевства также. Но чтеніе этого предложенія вызвало со стороны пословъ (депутатовъ), заранѣе настроенныхъ духовен-

Такимъ образомъ единственные сою:
рыхъ онъ надѣялся, его оставили. Ч
лать? Оставить диссидентовъ на жер
усилившемуся противъ нихъ раздраже
вить королю Прусскому овладѣть дисс
просомъ? Показать слабость русскаго п
можетъ быть, навсегда лишить его влія
заднѣпровье? Никогда подобная мысль
ставиться Екатеринѣ и никто не осм
лать ей подобное предложеніе. — да пр
воздвигнутыя на нашихъ единовѣрцевъ,
время усилились до нестерпимой степен
ліоновъ требовали отъ русской Императ
сильной защиты.

Мы выше видѣли, какъ производилось
вославныхъ въ унію, въ Бѣлоруссіи; тут
тутъ было кощунство, но не было явнаг
силія и жестокости, потому что запуганн
не были способны къ сопротивленію. Со
гой характеръ имѣла пропаганда на Укр
ческій народъ малороссійскій можно б
отступиться отъ отцовской вѣры ...

актовъ, ѣхали инструкторы и инстигаторы; за ними козаки отъ губернаторовъ и коммиссаровъ; позади—отрядъ жолнеровъ полковника Воронича. Мокрицкій (викарій уніятскаго митрополита) указывалъ путь, давалъ ординансы и производилъ судъ; Вороничъ казнилъ непокорныхъ (т. е. не хотѣвшихъ принимать унію). Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ было изгнано изъ приходовъ, домы ихъ разорены, имущества разграблены, жены и дѣти преданы поруганію или скитались въ ужасной нищетѣ; а тѣхъ изъ нихъ, которыя попадались въ руки Мокрицкаго, тиранили всячески, остригали имъ волосы, забивали въ колодки и отправляли въ Радомыслъ; тамъ ихъ били немилосердо, давали по 600 и по 800 ударовъ и въ тяжелыхъ оковахъ заставляли тачками возить землю на валъ, или же отправляли въ тягчайшую работу въ Кадню и Львовъ." Народъ съ ужасомъ разбѣгался при появленіи миссій, взывалъ о защитѣ къ королю и къ русской Императрицѣ,—но это-то пуще и раздражало монаховъ. Предавая истязаніямъ тѣхъ, которымъ не удавалось скрыться, они, какъ записано въ старыхъ актахъ, приговаривали при каждомъ ударѣ: „сѐ за императрицу, се за короля, за̀ святѣйшій Синодъ, за архиреи и за вся православные христіаны!"

О всѣхъ этихъ ужасахъ Императрица знала и изъ донесеній мѣстнаго духовенства синоду и изъ челобитій нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ, чтобы молить ее о заступленіи. Видя въ то же время упорство польскихъ сеймовъ, она рѣшилась сломить это упорство и предписала князю Репнину возобновить свое предложеніе на слѣдующемъ сеймѣ, къ которому вызвать какъ можно болѣе диссидентовъ въ Варшаву, съ тѣмъ чтобъ, если предложеніе снова

не пройдетъ, то возбудить между диссидентами конфедерацію, при пособіи русскихъ войскъ. Сеймъ 1766 года, подобно предшествующему, отвергъ предложеніе о диссидентахъ. Тогда диссиденты сконфедеровались,—православные въ Слуцкѣ, а протестанты въ Торнѣ, — и объявили въ обнародованныхъ ими универсалахъ, что, не въ состояніи будучи достигнуть признанія законныхъ своихъ правъ иначе, какъ силою, они рѣшаются добиваться ихъ вооруженною рукой.

Диссиденты, особенно православные, принадлежа большею частію къ нисшимъ классамъ, нуждались въ вождяхъ и представляли въ дѣйствительности довольно незначительную конфедерацію. Но конфедерація, чѣмъ бы она ни была вызвана и противъ кого бы ни была направлена, всегда имѣла силу электризовать Поляковъ. Вслѣдъ за Слуцкою и Торнскою конфедераціями возникло множество другихъ въ различныхъ мѣстахъ и съ совершенно различными цѣлями: однѣ провозглашали низверженіе Чарторыйскихъ, другія требовали низложенія короля; многія объявляли, что онѣ вооружились для возстановленія liberum veto и древнихъ законовъ республики,—но всѣ эти конфедераціи одинаково были нерасположены къ дарованію правъ диссидентамъ. Не взирая однакожь на всю очевидную разрозненность этихъ мелкихъ возставшихъ группъ и на ихъ непріязнь къ видамъ русской политики, Репнину удалось, пользуясь общимъ имъ всѣмъ желаніемъ шума и движенія, овладѣть ими всѣми, стать, такъ сказать, въ центрѣ ихъ и, наконецъ, связать ихъ въ одну общую конфедерацію, извѣстную подъ именемъ Радомской и направленную противъ новыхъ порядковъ, установленныхъ Чарторыйскими. Ему удалось даже больше: онъ достигъ того, что король примкнулъ къ этой конфеде-

раціи, направленной противъ его правительства и что она потребовала покровительства и помощи Россіи.

Но главная цѣль русскаго правительства, возстановленіе правъ диссидентовъ, далеко не была достигнута. Католическое духовенство, благословляя своихъ согражданъ на междоусобіе, не переставало между тѣмъ возбуждать ихъ противъ малѣйшихъ уступокъ диссидентамъ; Репнинъ могъ достигнуть того, что одна часть націи вооружилась противъ другой, призвала иностранное войско и провозгласила своею защитницей ту, которую единогласно почитала опаснѣйшимъ врагомъ Польши; но стоило Репнину заикнуться о вѣротерпимости, — и все отъ него отшатывалось. Можно было ожидать, что съ нимъ повторится то, что было съ Чарторыйскими, такъ не осторожно призвавшими участіе Россіи въ польскихъ междоусобіяхъ: и онъ, казалось, вызвалъ силу, съ которою не будетъ въ состояніи совладать. Главное мѣстопребываніе конфедераціи было между тѣмъ переведено въ Варшаву, гдѣ открытъ былъ сеймъ. Думая устрашить оппозицію, Репнинъ выпросилъ у короля повелѣніе арестовать одного изъ шляхтичей, Кожуховскаго, наиболѣе шумѣвшаго,—что̀ и было исполнено русскою военною командой. Это случилось наканунѣ открытія сейма 1767 года. Извѣстіе объ арестованіи одного изъ пословъ, составлявшемъ прямое нарушеніе закона о неприкосновенности членовъ сейма, мгновенно разнеслось по городу и послы, съѣхавшіеся къ своему маршалу, князю Радзивиллу, шумѣли и гремѣли саблями, требуя удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное имъ всѣмъ въ лицѣ одного изъ своихъ собратовъ. Многочисленное собраніе находилось въ неописанномъ волненіи, когда къ крыльцу подъѣхала карета, — карета Репнина. Нѣкоторые изъ при-

появленіе произвело новый взрывъ і
клятвъ умереть за вѣру.

— „Перестаньте кричать, загремѣлъ Репнинъ, или я такой шумъ заведу, сильнѣе вашего."

Крики на минуту смолкли. Тогда Ре что никто не думаетъ истреблять като но соблюдая свои права и свой законъ дѣлайте беззаконія сами и не отнимайт надлежащихъ имъ правъ.

Новые крики прервали его слова; ра нія объ освобожденіи арестованнаго п

— „Если станете кричать, ничего н чалъ Репнинъ; крикомъ ничего не во тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ обра жетъ быть сдѣлаю вамъ удовольствіе."

Радзивиллъ подошелъ къ Репнину і желаніе собранія объ освобожденіи К ланіе это было исполнено.

Любопытная эта сцена, извлеченна Соловьевымъ изъ нашихъ архивовъ, жаетъ, въ какихъ [illegible]

противниками всякихъ сдѣлокъ съ диссидентами; они заранѣе протестовали противъ могущихъ послѣдовать. въ этомъ смыслѣ рѣшеній сейма; двое графовъ Ржевускихъ возбуждали къ вооруженному сопротивленію настояніемъ Репнина, и провозглашали измѣнникомъ самого короля, поддерживавшаго, больше впрочемъ для вида, русскую политику. О миролюбивомъ разрѣшеніи диссидентскаго вопроса нечего было слѣдовательно и думать. Видя это, Репнинъ рѣшился, какъ говорилъ онъ „завести такой шумъ,“ который принудилъ бы сеймъ смолкнуть. Онъ настоялъ, чтобъ король сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Солтыка, Залусскаго и двухъ Ржевускихъ,—распоряженіе, которое было немедленно исполнено русскими офицерами

Эта мѣра была дѣломъ неслыханнымъ въ Польшѣ. Она произвела сильнѣйшее негодованіе, но и вмѣстѣ навела и величайшій страхъ. Всѣ увидѣли, что Репнинъ имѣетъ намѣреніе и рѣшимость довести диссидентскій вопросъ до конца во что бы то ни стало. Сеймъ мгновенно притихъ и, безъ всякихъ возраженій, принялъ все, что было ему предложено Репнинымъ. Всѣмъ диссидентамъ, какъ православнымъ, такъ и лютеранамъ, предоставлены были тѣ же самыя права, какими пользовались католики; liberom veto, дорогое для Поляковъ, было возстановлено (хотя и не вполнѣ); во внутреннемъ управленіи республикою допущены были нѣкоторыя изъ мыслей Чарторыйскихъ, доставлявшія правительству болѣе силы. А чтобы всѣ эти постановленія оставались не на бумагѣ только, но обратились въ дѣйствительность, республика заключила съ русскимъ правительствомъ дружественный трактатъ, по которому Россія принимала на себя наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленій послѣдняго сейма. Этотъ

упрекалъ Екатерину, что она допустил вительственной власти въ Польшѣ и уст торыхъ случаяхъ liberum veto, что дѣ онъ, Польшу болѣе сильною, чѣмъ этог годы Пруссіи и Россіи; тѣмъ не менѣе что успѣхъ русской политики былъ г получила совершенное господство въ П ство несравненно большее, чѣмъ оно Петрѣ I; правительство польское поста полную зависимость отъ русскаго и, ч важнѣе, половина народонаселенія рес была видѣть въ русской Императрицѣ тельницу. Такъ представляется дѣло ст зрѣнія. Но ставши на точку зрѣнія Пол ставится совершенно въ иномъ видѣ. С зать, лишились своей политической нез негодованію ихъ какъ противъ русской и противъ короля и сейма не было мѣ

Къ чести Поляковъ XVIII вѣка надо с въ настоящемъ случаѣ не ограничились ми. Едва сеймъ утвердилъ законодатель рантію Императрицы, едва лишь сдѣ

сильный протестъ противъ слабости сейма, противъ малодушія короля, притивъ покровительства Россіи и призывалъ Поляковъ къ оружію во имя религіи и свободы отечества. Всѣ окрестные помѣщики кинулись въ Баръ, клялись умереть за вѣру и отечество и обязывались склонять къ тому же и другихъ. Въ нѣсколько дней воззваніе Пулавскаго и Красинскаго облетѣло всю Польшу, вездѣ возбуждая энтузіазмъ и надежду. Со всѣхъ сторонъ въ Варшаву, одно за другимъ, приносились извѣстія о конфедераціяхъ: изъ краковскаго воеводства, съ границъ Пруссіи, изъ Литвы, съ Волыни. Близь Новоконстантинова, отрядъ конфедератовъ напалъ на казачій отрядъ, слѣдовавшій къ нашимъ границамъ и между ними произошла стычка, окончившаяся смертію нѣсколькихъ человѣкъ, съ той и другой стороны.

Какое положеніе при этомъ приметъ польское правительство? Не вздумаетъ ли оно опереться на народное движеніе, чтобъ сбросить съ себя зависимость отъ Россіи? Чарторыйскіе были не прочь отъ этого способа дѣйствій, но другіе приближенные короля успѣли убѣдить его, что конфедерація угрожаетъ его престолу и что единственное средство спасенія заключается въ тѣснѣйшемъ еще сближеніи съ Россіей. Эти внушенія превозмогли; совѣтъ королевскій обратился къ Репнину съ просьбою оказать содѣйствіе къ подавленію безпорядковъ, такъ какъ Императрица только-что гарантировала новое законодательство и новое внутреннее устройство Польши. Такимъ образомъ Россія была втянута въ польское междоусобіе; польское правительство приглашало ее принять вооруженное участіе во внутреннихъ дѣлахъ страны и какъ бы складывало на націю отвѣтственность за пролитую кровь Русскихъ. Многіе

иностранные писатели приписываютъ вмѣшательство Императрицы въ польское междоусобіе ея честолюбію, или по крайней мѣрѣ увѣряютъ, что она обрадовалась случаю снова ввести свои войска въ польскія владѣнія. Это несправедливо. Она желала, чтобъ русское вліяніе въ этой странѣ было преобладающимъ, и трактатъ 1768 года видимо соотвѣтствовалъ этому желанію; но о завладѣніи частію польской территоріи она еще не думала въ то время, а вести войну безъ положительныхъ выгодъ для Россіи не могло входить въ ея разсчеты. Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ вело рѣчьпосполитую къ погибели. Раздоры ея внутреннихъ партій вызывали вмѣшательство сосѣднихъ правительствъ; эти партіи сами приглашали то русское, то прусское правительство придти къ нимъ на помощь; королевская власть не въ состояніи была ихъ уравновѣсить и подчинить себѣ; нація не обнаружила ни довольно благоразумія, чтобъ управиться съ собственными дѣлами, ни довольно энергіи и патріотизма, чтобы, по крайнрй мѣрѣ въ минуту опасности, позабыть свои распри и дружно стать противъ внѣшняго врага. Мы увидимъ, что барскіе конфедераты выказали гораздо болѣе патріотизма въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ, нежели въ дѣйствіяхъ, и что точно также, какъ и ихъ противники, они не въ самихъ себѣ, а все-таки въ чужой помощи искали спасенія противъ Россіи.

Въ возбужденіи Барской конфедераціи болѣе всего участвовали Римъ и Франція. Но папа не имѣлъ средствъ оказать Польшѣ дѣйствительную помощь, а Франція была слишкомъ отдалена и желала, по крайней мѣрѣ до времени, не принимать непосредственнаго участія въ борьбѣ между Россіей и конфедератами. Она совѣтовала этимъ послѣднимъ искать содѣйствія Тур-

ціи и весьма настойчиво убѣждала Порту поддержать Польшу противъ Россіи. Если вы дадите Россіи, твердилъ французскій посолъ совѣтникамъ султана, утвердиться въ Польшѣ, или овладѣть нѣкоторыми ея областями, то за тѣмъ очередь дойдетъ и до васъ. *Московитское* честолюбіе не насытно!... Эти внушенія, сопровождаемыя подарками и ласкательствами, не остались безъ послѣдствій. Турецкое правительство, нѣсколько разъ еще до заключенія трактата 1768 года, требовало, и притомъ довольно непріязненнымъ тономъ, чтобъ русскія войска были выведены изъ Польши, а между тѣмъ предводители партіи недовольныхъ, или французской партіи, вели въ Константинополѣ переговоры весьма подозрительнаго свойства. Когда же вспыхнула Барская конфедерація, то ея предводители получили и деньги и оружіе частію отъ Турціи, частію отъ Франціи. Турецкое правительство дѣлало еще видъ, что устраняется отъ прямаго участія въ польскія дѣла, но пограничные паши явно покровительствовали конфедератамъ, въ рядахъ которыхъ наконецъ не замѣдлили явиться цѣлыя толпы татаръ,—турецкихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вмѣшательство наше въ польскія дѣла угрожало намъ не малыми затрудненіями въ самой Польшѣ и разрывомъ съ Турціей. Но въ то же время на встрѣчу этимъ опасностямъ поднималась сила еще болѣе грозная, — народное возстаніе на Украйнѣ, и страшный набѣгъ *гайдамаковъ*, или запорожскихъ удальцовъ.

Въ Смѣломъ, одномъ изъ кіевскихъ имѣній князя Любомирскаго, обнаружилось волненіе. Оно было усмирено и не имѣло прямыхъ послѣдствій; но тайное волненіе продолжалось. Народъ цѣлыми толпами уходилъ въ Запорожье, откуда, въ свою очередь, чаще прежняго

стали появляться мелкія шайки гайдамаковъ, и, два года спустя, въ томъ же м. Смѣломъ неожиданно явилось человѣкъ двѣсти Запорожцевъ, которые, собравъ около себя толпу народа, кликнули ихъ вмѣстѣ съ собою истреблять пановъ, ксендзовъ и жидовъ.

Предводителемъ Запорожцевъ, появившихся въ Смѣлянщинѣ, былъ Максимъ Желѣзнякъ,— казакъ зажиточный и который имѣлъ въ Запорожьѣ свой хуторъ; но бывалъ въ немъ рѣдко; онъ чаще куда-то исчезалъ, пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, не рѣдко возвращался съ добычею и деньгами, а иногда и съ лишнимъ рубцомъ на лбу. Гдѣ онъ скитался, гдѣ гайдамачилъ — никто не могъ сказать: безъ сомнѣнія въ польскихъ владѣніяхъ, вѣроятно въ турецкихъ, а можетъ быть и въ русскихъ.

На кличъ Желѣзняка мгновенно собралось нѣсколько тысячъ окрестныхъ крестьянъ, и замокъ князя Любомирскаго въ Смѣломъ былъ разграбленъ, экономы и управляющіе перебиты, евреи, арендовавшіе его корчмы и мельницы, перевѣшаны, костелы обобраны. Порѣшивъ здѣсь, Желѣзнякъ двинулся далѣе; вездѣ къ нему прибывали новыя толпы вооруженныхъ крестьянъ, вездѣ дворяне, ксендзы, евреи, мелкая шляхта разбѣгались съ ужасомъ. Многіе спѣшили укрыться за стѣнами крѣпостцы, принадлежавшей графу Потоцкому, воеводѣ кіевскому,— Умани. Въ Умани было 32 пушки; въ распоряженіи ея *губернатора* (т. е. управляющаго) было нѣсколько ротъ собственныхъ войскъ, воеводы и нѣсколько тысячъ казаковъ. Но эти казаки были не надежными защитниками: одинъ изъ ихъ сотниковъ, Гонта, вступилъ въ сношенія съ Желѣзнякомъ и безъ труда склонилъ на свою сторону все уманьское казачество.

Расчитывая на эту помощь, Желѣзнякъ смѣло двинулся къ Умани. Ни *губернаторъ*, ни пришельцы, сбѣ-

жавшіеся въ эту крѣпость передъ грозою, надвигавшеюся отъ Смѣлаго, не полагали, чтобы сбродъ казаковъ и крестьянъ рѣшился сдѣлать покушеніе противъ Умани; скорѣе съ любопытствомъ, нежели со страхомъ, они поспѣшили на крѣпостныя стѣны, когда дано было знать о приближеніи Желѣзняка. Но когда они увидѣли, что Уманьскіе казаки, и Гонта во главѣ ихъ, тихо выѣзжаютъ на встрѣчу гайдамакамъ, слѣзаютъ съ коней и начинаютъ съ ними обниматься,—ужасъ объялъ ихъ. Никто болѣе не думалъ о защитѣ и единственною надеждою казалось отворить ворота крѣпости въ надеждѣ на великодушіе казаковъ. Такъ и было сдѣлано. Желѣзнякъ и Гонта въѣхали въ Умань; за ними въѣхала толпа казаковъ,—и въ одну минуту городъ взятъ былъ на копье. Ни старикамъ, ни дѣтямъ, ни женщинамъ не было пощады.... Это страшное народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ *Коліевщины*, обхватило часть нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерній и едва не распространилось на Волынскую.

Такимъ образомъ, несчастное правительство короля Станислава было поставлено между двухъ огней. Съ одной стороны, барскіе конфедераты возжигали междуусобіе во имя независимости польской націи, съ другой, украинскіе крестьяне поднимались противъ шляхты и ксендзовъ. Какъ противъ первыхъ, такъ и противъ вторыхъ у польскаго правительства не было силъ, и оно обратилось за помощію къ русскому. Гетманъ Браницкій (*) написалъ убѣдительное письмо къ русскому генералу Кречетникову, прося, чтобъ онъ направилъ свои войска противъ Желѣзняка и Гонты,—„кое его требованіе,—записалъ Кречетниковъ въ веденныхъ имъ по-

(*) Не тотъ, который былъ во главѣ французской партіи.

денныхъ запискахъ,—не весьма прилично, ибо сіе возмущеніе есть партикулярное, то и надлежало бы ему самому землю успокоивать“. Но трактатъ, заключенный нашимъ правительствомъ съ польскимъ, обязывалъ первое къ охраненію спокойствія въ Польшѣ, а потому Репнинъ принужденъ былъ принять мѣры, чтобы остановить разливъ крестьянскаго возстанія, и по его приказанію Кречетниковъ послалъ противъ Умани отрядъ, который безъ труда заставилъ казаковъ и крестьянъ положить оружіе. Запорожцы, какъ русскіе подданные, были отправлены въ Кіевъ для наказанія (Желѣзнякъ былъ сосланъ въ Сибирь), а польскіе казаки и крестьяне выданы были Браницкому. Относительно ихъ наказанія польское правительство оказалось столь же жестокимъ, сколько оно было слабо, когда дѣло шло о ихъ усмиреніи. По самому умѣренному счету болѣе 400 человѣкъ было казнено разными мучительными смертями, а съ Гонты содрали кожу и истязанія его продолжались, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, сряду двѣ недѣли.

Страшная Коліевщина была усмирена. Польское дворянство и духовенство было спасено русскими войсками: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; въ нашихъ архивахъ сохранились донесенія Репнина въ Петербургъ, въ которыхъ онъ выражаетъ крайнюю досаду, что къ шляхетскому возстанію присоединилось еще крестьянское и сообщаетъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ его подавленію; изъ напечатанныхъ поденныхъ записокъ генерала Кречетникова и изъ переписки съ Императрицею графа Румянцева, начальствовавшаго въ Кіевѣ, видны, какія именно мѣры были принимаемы противъ гайдамаковъ, поименованы войска, которыя противъ нихъ дѣйствовали—и между тѣмъ есть

писатели, которые утверждають, что Колiевщина была дѣломъ русскихъ интригъ, что русское правительство, будучи не въ состоянiи справиться съ барскими конфедератами, выслало Запорожцевъ и возмутило крестьянъ.

Поводомъ къ этой клеветѣ былъ *манифестъ*, подписанный отъ имени Императрицы и которымъ украинскiе крестьяне призывались къ истребленiю польскаго дворянства и католическаго духовенства, въ отмщенье будто бы за какiя-то нанесенныя ей оскорбленiя... Но достаточно взглянуть на этотъ манифестъ, чтобъ убѣдиться въ его подложности; ни по формѣ, ни по тону онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ манифестами и указами, дѣйствительно исходившими отъ русскаго правительства, да и число, которое на немъ выставлено, относится къ тому времени, когда возмущенiе было уже въ полномъ разгарѣ. Вотъ впрочемъ этотъ оригинальный документъ.

„Ясно видя, съ какимъ презрѣнiемъ къ намъ и къ нашей православной Церкви относятся Поляки и Евреи, защитники же нашей греческой вѣры преслѣдуемы, утѣсняемы и наказываемы смертью; по симъ причинамъ не въ состоянiи будучи болѣе сносить таковыя оскорбленiя, таковыя преслѣдованiя, таковыя безчестiя и таковое преслѣдованiе, единственно изъ за нашей святой вѣры преслѣдуемы и презираемы будучи, мы повелѣваемъ и даемъ настоящее приказанiе Максиму Желѣзняку, изъ Тимошева, полковнику и начальствующему въ нашихъ земляхъ нижняго Запорожья, вступить въ польскiя владѣнiя, взявши съ собой еще нѣсколько войска изъ нашихъ донскихъ казаковъ, чтобъ истребить и сокрушить, съ Божiею помощiю, всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, хулителей нашей святой вѣры. Симъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя престолу на-

шему противъ этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, этихъ нарушителей закона, этихъ Поляковъ, которые, покровительствуя зловѣрію безбожныхъ Жидовъ, кощунствуютъ и презираютъ нашу вѣру и утѣсняютъ вѣрный и безвинный народъ. По сему мы повелѣваемъ, чтобы проходя черезъ Польшу, истреблять ихъ имя и чтобъ память ихъ исчезла въ потомствѣ.“

Помѣщенный здѣсь этотъ странный манифестъ буквально переведенъ съ французскаго, потому что русскихъ подлинниковъ не извѣстно, хотя они и должны существовать въ какихъ нибудь архивахъ. Что этотъ манифестъ вышелъ не изъ правительственныхъ канцелярій—это очевидно. Современники-Поляки приписывали его перу украинскихъ православныхъ монаховъ; во всякомъ случаѣ не видать, чтобъ они полагали, будто въ самомъ дѣлѣ его подписала Екатерина. Но впослѣдствіи многіе иностранные писатели увѣряли, что онъ дѣйствительно изданъ Императрицею и даже включали и его въ разные сборники офиціальныхъ документовъ. Это одно изъ многочисленныхъ заблужденій, распространенныхъ за границею относительно нашей исторіи XVIII вѣка,—если только это не преднамѣренная клевета: а это очень вѣроятно. Всего болѣе вѣроятнымъ кажется, что пресловутый манифестъ Екатерины сочиненъ и пущенъ въ ходъ кѣмъ либо изъ той группы Поляковъ, которые употребляли противъ Россіи сознательную клевету, какъ оружіе, и которые во время недавнихъ волненій въ Польшѣ и Западномъ краѣ сочинили манифестъ отъ имени Императора Александра II, повелѣвающаго будто бы произвести надъ Поляками *рѣзь*.

IV.

Коммиссія уложенія.—Прежнія попытки собрать законы.—Какія могли быть тому причины?—Различные способы производить законодательныя работы.—Манифестъ о созваніи выборныхъ (14 дек. 1766 г.).—Путешествія Императрицы по Волгѣ.—Открытіе коммиссіи уложенія (31-го іюня 1767).—Избирательные съѣзды—Наказы депутатамъ.—Прибалтійскія провинціи и Малороссія.

Въ то самое время, какъ вліяніемъ Екатерины и настойчивостью ея посла въ Варшавѣ, въ Польскомъ королевствѣ проводилась мѣра, превосходившая, по своему значенію, все совершенное польскими королями и сеймами въ послѣдніе два вѣка,—дарованіе гражданскихъ правъ иновѣрцамъ,—въ Россіи приступлено было къ дѣлу, превосходящему всѣ прочія дѣла этого обильнаго славными дѣлами царствованія: говоримъ о коммиссіи уложенія.

Чтобъ оцѣнить всю важность его, необходимы нѣкоторыя объясненія.

Весьма распространено мнѣніе о томъ, что законы должны быть незыблемы, неизмѣнны. Нѣкоторые, весьма не многіе, такъ-называемые, основные законы дѣйствительно должны имѣть всю прочность, которая доступна человѣческому дѣлу; но совершенно иное должно сказать относительно прочихъ законовъ; они должны дополняться и измѣняться сообразно постоянно совершающемуся развитію общества, и неподвижность постановленій доказываетъ либо неподвижность народа, для котораго они составлены, и отсутствіе въ немъ развитія, либо нечувствительность законодателя къ нуждамъ народа. Можно ли себѣ вообразить, напримѣръ,

чтобъ жители Лакедемоніи до сего времени сохранили законы Ликурга? Возможно ли, чтобы въ Италіи дѣйствовали въ настоящее время древне-римскіе законы, постановлявшіе рабство, или чтобы Россія управлялась до сего дня уложеніемъ царя Алексѣя?

Необъятное количество указовъ и регламентовъ, изданныхъ Петромъ Великимъ, или такъ-называемыя новоуказныя статьи отодвинули уложеніе на задній планъ и совершенно его заслонили.

Собрать воедино всѣ постановленія, изданныя послѣ уложенія царя Алексѣя, задумалъ еще Петръ I. Онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе: именно, составить не только сборникъ изданныхъ имъ законовъ, но нѣчто въ родѣ уложенія, или кодекса, то-есть книгу законовъ, расположенную по извѣстной системѣ съ опредѣленнымъ характеромъ, и для этого велѣлъ принять въ основаніе предположеннаго кодекса уложеніе своего отца, новоуказныя статьи и шведское законодательство. Такая задача была не подъ силу тогдашнимъ юристамъ, и мысль Петра осталась не осуществленною. Не болѣе успѣха имѣли и попытки его преемниковъ, предполагавшихъ задачу болѣе скромную, то-есть собрать воедино законы, изданные послѣ уложенія и пополнить ими, а мѣстами измѣнить, законодательный памятникъ Алексѣя Михайловича.

Между тѣмъ новоуказныя статьи накоплялись съ каждымъ годомъ; въ ихъ необъятномъ множествѣ запутывались самые искусные дѣльцы, а дѣльцы злонамѣренные находили въ обиліи законовъ удобства давать каждому дѣлу направленіе сообразное съ своими видами: если согласно было съ ихъ интересами сослаться на уложеніе, — они ссылались на него; если законъ, изданный Петромъ или Анной болѣе под-

ходилъ къ ихъ видамъ, — они основывали приговоръ на немъ.

Такое положеніе нашей юстиціи не ускользнуло отъ вниманія Екатерины. Но законодательство касается не одной только судебной сферы; всѣ вѣтви управленія, вся администрація и всѣ ея дѣйствія опредѣляются законами. Порядокъ взысканія податей, правила отчетности, отношенія однихъ управленій къ другимъ,—все было въ свое время установлено закономъ и только вслѣдствіе другаго закона могло измѣниться. Для того, чтобъ устранить многія злоупотребленія необходимо было совершенно исключить законы старые, отмѣненные и привести въ ясность законы новые, дѣйствующіе, пересмотрѣвъ ихъ, чтобы не было мѣста недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ. Далѣе, законы опредѣляютъ права и обязанности частныхъ лицъ и сословій; въ этой части законодательства произошли со времени уложенія большія перемѣны. Наконецъ, современи царя Алексѣя къ Россіи присоединено было нѣсколько областей, частные законы и самое управленіе которыхъ имѣли многія отличія отъ тѣхъ, которые дѣйствовали въ остальной части имперіи. Все это требовало общаго пересмотра и соглашенія, а слѣдовательно и огромныхъ законодательныхъ работъ.

Какъ уже было замѣчено, Екатерина читала много сочиненій, касавшихся такъ-называемаго публичнаго права, или науки о государственномъ устройствѣ, и, между прочимъ, творенія знаменитаго французскаго публициста Монтескьё. Изучая ихъ, она встрѣтила множество мыслей и стремленій, которымъ были совершенно чужды наши законы. Болѣе всего хотѣлось ей внести въ самый духъ русскаго законодательства нѣкоторую мягкость и уваженіе къ человѣческому достоинству,

истребить пытки, уничтожить, или хотя смягчить крѣпостное право, дать сословіямъ нѣкоторую самостоятельность и самоуправленіе.

Вотъ мысли, которыя ее занимали въ первые годы ея царствованія. „Два года я читала и писала, находимъ мы въ одной оставшейся послѣ нея запискѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: Ce sont des axiômes à renverser des murailles (*). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать.“ Но далеко не всѣ раздѣляли увлеченіе молодой Императрицы и молодыхъ ея придворныхъ. Ученый Болтинъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи въ то время, назидательно говорилъ: „Исправляя обычаи и нравы, надо быть весьма осторожну; надобно на добрыхъ вѣсахъ вѣсить неудобности обычая съ пользой, чаемою отъ уничтоженія его, и когда вѣсъ будетъ ровенъ, то лучше оставить вещи такъ, какъ онѣ были“. Уничтоженіе пытки казалось многимъ ниспроверженіемъ всей юриспруденціи; никто изъ насъ не будетъ увѣренъ въ своей жизни, если уничтожатъ пытку, говорили нѣкоторые, основывая это предположеніе на воображаемой свирѣпстви русскаго простолюдина. Другіе съ жаромъ воз-

(*) Это такъ ясно, что бьетъ въ глаза.

ставали за сохраненіе крѣпостнаго права. Однимъ изъ тѣхъ, которые съ наибольшею горячностію порицали мысли Императрицы, былъ извѣстный уже намъ современникъ и порицатель Ломоносова, Сумароковъ. Онъ выражалъ, и выражалъ съ обыкновенной своей запальчивостью, опасеніе, что предположенія Государыни распространятъ въ народѣ своевольство, что народъ нашъ не готовъ для подобныхъ законовъ; онъ говорилъ, повторяя мысль постоянно руководившую польскимъ шляхетствомъ, что между помѣщикомъ и крѣпостнымъ его человѣкомъ не должно быть никакого иного суда, какъ собственный судъ его самого, помѣщика; удивлялся, что Екатерина желала бы запретить продавать крестьянъ „какъ скотину", разлучая отца съ сыномъ, мать съ дочерьми (что̀ было запрещено еще Петромъ, но не исполнялось). „Продавать людей какъ скотину, писалъ онъ, не должно; но гдѣ же брать (деньги), когда крестьяне будутъ вольны?" Не видѣлъ онъ никакой надобности и въ томъ, чтобъ учить „подлый народъ", а находилъ болѣе полезнымъ поощрять знаменитыхъ писателей (подобдобныхъ Монтескьё, говорилъ онъ, и очевидно думалъ: подобныхъ Сумароковымъ).—„Многіе критиковали Монтескьё, написала Екатерина,—прочитавъ замѣчанія своего критика,—не разумѣя его; вижу, что я жребій сей съ онымъ раздѣляю!"

Были и другія возраженія, заслуживавшія большаго вниманія. Они шли изъ среды людей съ болѣе развитыми понятіями. Такъ, княгиня Дашкова, въ разговорѣ съ извѣстнымъ французскимъ философомъ Дидро, выражала опасеніе, чтобъ власть надъ крестьянами, если ее отнять у помѣщиковъ, не перешла къ мелкимъ чиновникамъ, „которые подъ маской службы, станутъ разорять и грабить ихъ". Надо признаться, что при тог-

дашнемъ весьма жалкомъ состоянiи чиновничества въ Россiи, замѣчанiе княгини Дашковой имѣло очень серьозное значенiе.

Всѣ эти возраженiя, раздѣляемыя весьма многими, убѣждали Екатерину, что ея мысли, еслибъ онѣ и нашли мѣсто въ законодательствѣ, едва ли получатъ полное приложенiе на практикѣ, а благоразумный законодатель долженъ умѣть согласовать свои личныя убѣжденiя съ понятiями и обычаями страны, для которой онъ трудится. Но какъ узнать эти понятiя? Какъ сдѣлать, чтобъ выраженiе этихъ понятiй было голосомъ не одного кружка, не одного сословiя, не одной мѣстности, а дѣйствительно всей страны? Кто укажетъ ея многообразныя, серiозныя, дѣйствительныя нужды и желанiя? Исторiя предшествующихъ вѣковъ даетъ на это отвѣтъ. Прежнiе цари, начиная съ Iоанна IV до Петра, нерѣдко созывали соборы для рѣшенiя важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; само уложенiе было составлено, или, по крайней мѣрѣ, утверждено соборомъ; уничтоженiе мѣстничества было тоже „соборнымъ дѣянiемъ.“ Петръ пересталъ созывать соборы, потому что совершаемое имъ дѣло не находило сочувствiя въ большинствѣ массы. Онъ принужденъ былъ принять на себя всю отвѣтсвенность, какъ и все бремя своихъ правительственныхъ дѣлъ; а при ближайшихъ его преемникахъ уже порвалось и преданiе о земскихъ соборахъ; оно, притомъ, не согласовалось съ тѣми правительственными понятiями, которыя въ то время утвердились на Западѣ, а оттуда перешли и къ намъ. По мнѣнiю государственныхъ людей Запада, совѣщанiе государя съ людьми, не составляющими его непосредственный, имъ самимъ избранный совѣтъ, не совмѣстно съ царскимъ величiемъ, съ независимостiю самодержавнаго монарха. Но Екатерина думала иначе.

Она не находила въ исторіи Россіи, чтобы соборы стѣсняли свободную волю нашихъ государей и чтобъ цари Алексѣй или Өедоръ были менѣе самодержавны, чѣмъ Анна или Елисавета; только существовало то различіе, что избраніе Михаила, напримѣръ, совершенное выборными отъ всей земли, представляло болѣе ручательствъ прочности, нежели избраніе Анны, произведенное нѣсколькими сановниками, и что тягости Ливонской войны, рѣшенной соборомъ при Іоаннѣ Грозномъ, могли казаться не столь обременительными для народа, какъ тягости Шведской войны при Петрѣ.

Но кого, какія сословія пригласить къ совѣщанію о замышляемыхъ преобразованіяхъ? Наша исторія представляла примѣры только всесословныхъ или земскихъ соборовъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ,—напримѣръ во Франціи, къ которой любили въ то время обращаться за примѣрами,—преобладали собранія, гдѣ имѣли мѣсто лишь дворянство и духовенство. Такой же составъ имѣли и польскіе сеймы. Къ собраніямъ такого рода склонялась большая часть совѣтниковъ государыни, образовавшихся подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ западной Европѣ понятій; они находили естественнымъ пригласить къ совѣщанію лишь тѣ сословія, среди которыхъ можно было встрѣтить болѣе или менѣе просвѣщенныя понятія. Можно думать, что Н. Панинъ, почитавшій шведскую конституцію образцовою, совѣтовалъ устранить нижнія сословія; Бибиковъ полагалъ, что если и допустить въ собраніе всѣ сословія, то „чтобы не они составители законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ самихъ, *или изъ постороннихъ особъ*, а не столь въ многомъ числѣ состоящее собраніе, и (чтобъ) большое общество депутатовъ тому законоположительному собра-

нію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало“.

Нельзя не сознаться, что слишкомъ многочисленное собраніе неудобно для серіознаго обсужденія дѣлъ; не менѣе справедливо и то, что тамъ, гдѣ большинство имѣетъ недостаточныя понятія о предлагаемыхъ вопросахъ, но гдѣ рѣшеніе зависитъ однакожь отъ числа голосовъ, легко можетъ восторжествовать надъ здравымъ смысломъ и желаніемъ общаго блага интрига, или грубая поблажка страстямъ. Но, вопервыхъ, Императрица вовсе не намѣрена была предоставить собранію окончательное рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ. Главное ея желаніе было изучить изъ живаго источника нужды и потребности всѣхъ частей своего государства, всѣхъ сословій своего народа; она желала, чтобы ни единый интересъ, ни одна потребность не были лишены возможности заявить себя, ходатайствовать за себя; произнести же послѣднее слово она представляла себѣ. Она желала, чтобы люди свѣдущіе и заинтересованные разработали вопросы, указали на различные способы ихъ рѣшенія; дать же преимущество тому или другому рѣшенію долженствовала верховная власть. Поэтому лучше казалось ей снести неудобство слишкомъ многолюднаго собранія, но за то доставить возможность высказаться всякой дѣйствительной потребности. Затѣмъ мысль Бибикова о разсмотрѣніи законодательныхъ вопросовъ небольшимъ числомъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей естественно должна была осуществиться, потому что вездѣ, въ каждомъ законодательномъ собраніи, всѣ важнѣйшіе вопросы предварительно и во всей подробности разсматриваются составленными изъ среды этихъ собраній коммиссіями; общее же собраніе только обсуждаетъ ихъ доклады. Для по-

добныхъ коммиссій можно было и у насъ набрать достаточное число людей свѣдущихъ; но сверхъ того необходимы были указанія на мѣстныя потребности, понятія и обычаи; необходимо было, слѣдовательно, присутствіе большаго числа коренныхъ обывателей различныхъ частей имперіи, которые сверхъ того могли бы судить, удовлетворяютъ ли этимъ потребностямъ, понятіямъ и обычаямъ вновь начертываемые законы.

Руководствуясь этими соображеніями, Императрица издала манифестъ (14-го декаб. 1766 г.), коимъ приглашала дворянство—по уѣздамъ, купечество—по городамъ, однодворцевъ—по провинціямъ, пахотныхъ солдатъ и государственныхъ крестьянъ—также по провинціямъ, казачьи войска и, наконецъ, осѣдлыхъ инородцевъ избрать изъ своей среды депутатовъ и, снабдивъ ихъ полномочіями, прислать въ Москву. „Мы созываемъ ихъ, писано въ этомъ достопамятномъ манифестѣ, не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго, но и допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проэкта новаго уложенія.“ Что же касается до депутатовъ, то они, кромѣ опредѣленнаго за нахожденіе въ коммиссіи жалованья, освобождались на всю жизнь, и каково бы ни было ихъ преступленіе, отъ смертной казни, пытки и тѣлеснаго наказанія, а имѣнія ихъ отъ конфискаціи. За оскорбленіе депутата опредѣлено было двойное противъ общаго закона наказаніе и каждому изъ нихъ предполагалось раздать особыя медали, съ правомъ (по окончаніи дѣла) внести ихъ въ свои гербы, „дабы потомки узнать могли, къ какому великому дѣлу они участниками были“.

Коммиссію уложенія предположено было открыть лѣтомъ 1767 года, а весною повелѣно было произвести

выборы депутатовъ въ эту коммиссію. Для этого къ назначенному губернаторомъ дню, въ указанное имъ мѣсто, должны были съѣхаться мѣстные дворяне и избрать изъ среды себя предводителя, который, тотчасъ по своемъ избраніи, дѣлался предсѣдателемъ собранія. Подъ его предсѣдательствомъ должны были производиться выборъ депутата и сочиненіе наказа, которымъ послѣднему надлежало руководствоваться при объясненіи нуждъ и желаній своихъ вѣрителей. Точно такимъ же образомъ производились выборы по городамъ, только предсѣдатель избирательнаго собранія назывался головой. Какъ предводитель, такъ и голова избирались на два года (эти должности съ того времени существуютъ и по нынѣ). Однодворцы и казенные крестьяне должны были собираться по погостамъ и тамъ избирать повѣренныхъ, которые уже, съѣхавшись въ одно назначенное для всей провинціи мѣсто, составляли избирательное собраніе для назначенія депутата въ коммиссію. Что касается до инородцевъ, то начальствующимъ лицамъ было велѣно, не придерживаясь буквально изданнаго „Обряда“ избранію, приноровлять порядокъ избранія къ мѣстнымъ обычаямъ.

Весною 1767 года, какъ сказано, по уѣздамъ и провинціямъ начались выборы въ депутаты коммиссіи объ уложеніи. Никогда еще, по крайней мѣрѣ съ весьма отдаленныхъ временъ, не было въ Россіи такого движенія; никогда лицамъ различныхъ сословій не было открыто возможности сходиться и совѣщаться о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Съ какими же чувствами и предположеніями съѣзжались избиратели въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества? Объ этомъ сохранилось мало извѣстій, или по крайней мѣрѣ, мало извѣстій объ этомъ обнародовано. Вообще, какъ кажется, избранія были

произведены въ порядкѣ, и народонаселенія отнеслись къ предстоявшему имъ дѣлу серіозно, не скрывая отъ правительства существующихъ несовершенствъ суда и администраціи, въ надеждѣ, что то же правительство постарается и исправить эти несовершенства. Изъ многихъ мѣстъ присланы были Государынѣ выраженія глубокой признательности; въ другихъ думали воздвигать ей памятники. Эти заявленія доказываютъ, что народонаселеніе Россіи не безучастно относилось къ дѣлу, задуманному Императрицей и что, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ, были люди, понимавшіе великое значеніе этого дѣла и руководившіе общественнымъ мнѣніемъ. Что же касается до того, какъ смотрѣли сословія на свои собственныя обязанности, въ чемъ заключались ихъ нужды и желанія, то это ясно видно изъ наказовъ, данныхъ депутатамъ ихъ избирателями. Улучшеніе быта духовенства, и особенно сельскаго, и доставленіе ему способовъ къ образованію составляло предметъ почти всеобщихъ желаній; какъ дворянство, такъ и всѣ прочія сословія единодушно просили о заведеніи школъ и училищъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и университетовъ или академій; весьма общи были ходатайства о мѣрахъ къ охраненію народнаго здравія; было нѣсколько заявленій относительно необходимости ограничить власть помѣщиковъ; костромское дворянство, руководимое А. И. Бибиковымъ, предлагало принять мѣры къ устройству сословія свободныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Купечество и мѣщанство просили защиты противъ своеволія воеводъ и военныхъ начальниковъ. Города просили также о расширеніи ихъ самоуправленія, объ учрежденіи банковъ и о принятіи мѣръ къ развитію промышленности и улучшенію судебной части, введеніемъ сокращеннаго и словеснаго дѣлопроизвод-

ства. Изъ весьма многихъ мѣстностей поступили ходатайства, чтобъ обязанности предводителей и головъ изъ временныхъ сдѣланы были постоянными; между дворянствомъ довольно обще было ходатайство о недопущеніи въ его среду лицъ, не имѣющихъ на то правъ по происхожденію и о недозволеніи покупать имѣній лицамъ другихъ сословій, чего, напротивъ, эти послѣднія домогались; изъ среды же дворянства было представлено нѣсколько заявленій противъ стремленія двухъ послѣднихъ правительствъ исключить пытку изъ уголовнаго процесса.

Таковы были наиболѣе общія и наиболѣе замѣчательныя заявленія, внесенныя въ наказы депутатамъ. Но говоря объ этихъ наказахъ, необходимо сдѣлать особую оговорку относительно двухъ мѣстностей,—Остзейскаго края и Малороссіи. Законодательство обѣихъ этихъ провинцій болѣе или менѣе отличалось отъ великороссійскаго; обѣ онѣ имѣли свои особыя права, утвержденныя при ихъ присоединеніи къ Россіи и, главное, обѣ онѣ имѣли свои особливыя историческія преданія. Названныя провиніи, или по крайней мѣрѣ многіе въ нихъ, желали сохранить всѣ эти особенности. Намъ извѣстно лишь весьма немного подробностей относительно Остзейцевъ, но наказы, данные малороссійскимъ депутатамъ, достаточно изслѣдованы. Въ нихъ выразились очень характеристическія особенности этой страны и послѣдствія вліяній, которыя она испытала. Такъ напримѣръ, въ то время какъ въ Великороссіи вовсе не обнаруживалось непріязни между сословіями, мысль, что въ общемъ собраніи депутатовъ представителямъ дворянства придется сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами и даже крестьянами, возмущала внуковъ тѣхъ пановъ, которые, можетъ быть, засѣдали

на польскихъ сеймахъ Не нужны намъ новые законы, кричали нѣкоторые, и не зачѣмъ ѣхать въ Москву, какъ развѣ за тѣмъ, чтобы просить подтвержденія старинныхъ правъ и вольностей.—Всѣ поборы снять и войско вывести изъ Малороссіи,—вотъ что намъ нужно, поддерживали ихъ другіе, какъ во времена Скоропадскаго. Дворянство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ требовало, чтобъ его депутаты просили о возстановленіи избранія гетмановъ вольными голосами всей Малороссіи, вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Во многихъ мѣстахъ просили, чтобъ никому не было дозволено покупать имѣній въ Малороссіи, иначе какъ съ дозволенія мѣстнаго дворянства, (по примѣру Остзейскихъ губерній). Когда же Безбородко, отецъ будущаго канцлера, заикнулся, что слѣдовало бы просить объ ограниченіи произвола помѣщиковъ надъ крестьянами, то противъ него воздвиглась всеобщая буря.

Все это раздражало Румянцева, который проникнутъ будучи чувствомъ строгой дисциплины, не понималъ, чтобъ такое своеволіе было допускаемо въ благоустроенномъ государствѣ. Онъ горько жаловался Императрицѣ на большую часть малороссійскаго дворянства, присовокупляя, что только отчасти города и крестьяне приняли манифестъ 1766 года какъ великую милость. Но Екатерина смотрѣла шире на вещи, нежели ея генералъ-губернаторъ и нисколько не смущалась отъ этихъ притязаній. „Я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они излагаютъ умоначертанія прежнихъ временъ", отвѣчала она Румянцову. И точно: что могли значить голоса нѣсколькихъ повѣтовъ, обнаруживавшихъ какое-то стремленіе къ обособленію, когда на нихъ голосъ всей Россіи, въ лицѣ ея представителей отвѣчалъ бы veto (не дозволяю)! Общее представительство страны есть колос-

съ остальнымъ дворянствомъ. Въ наказѣ ч
дворянъ прямо выражалось желаніе „об
между ними и прочимъ россійскимъ народ
ной дружбы и единодушія". Почти вездѣ в
ланіе, чтобы малороссійскому дворянству д
тѣ же льготы, какъ и великороссійскому,
ставлены были средства къ образованію,
дены были банки, чтобъ заведены были
книги. Такимъ образомъ, не взирая на д
ное стремленіе къ сохраненію своей ос
средѣ малороссійскаго дворянства являло
о необходимости и пользѣ полнаго слитія
Что касается до городскихъ и казачьихъ
это было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

Довольная общимъ ходомъ выборовъ
Екатерина, въ ожиданіи ихъ сбора въ Мо
ла сама лично познакомиться съ нѣкот
ми имперіи и предприняла поѣздку по Во
1767 года она сѣла на особо приготовле
изящно отдѣланное рѣчное судно, и нач
тешествіе съ Твери. Императрицу сопро
стящая свита: двое Орловыхъ, оба Чер

вояжировать безъ устали цѣлымъ домомъ," писала Государыня къ Н. Панину, оставшемуся при великомъ князѣ. Вездѣ, мимо какого селенія ни проѣзжала царская барка, народъ высыпалъ толпами и провожалъ ее берегомъ отъ селенія до селенія. Купечество и дворянство приготовляли въ городахъ Императрицѣ встрѣчи, въ которыхъ выражалась горячая преданность русскаго народа царю, какъ верховному своему представителю, и преданность самой особѣ Императрицы, которая успѣла уже пріобрѣсть огромную популярность. Съ своей стороны Императрица, пользуясь близостью отъ Волги усадьбъ нѣкоторыхъ лично ей извѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщала ихъ, останавливалась передъ нѣкоторыми церквами и заходила въ нихъ, помолиться. Легко понять, что все это увеличивало популярность Императрицы. Дряхлые старцы приказывали выводить себя, чтобъ передъ смертію взглянуть на ту, царствованіе которой открывало новую эру; въ Казани одинъ древній старикъ выведенъ былъ подобнымъ образомъ, „итакъ мнѣ обрадовался, писала Императрица, что почти говорить не могъ; я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ онъ головою все подвигался чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ."

Но если Екатеринѣ были пріятны эти иногда простодушныя, и тѣмъ болѣе искреннія выраженія народной къ ней преданности, если въ ея разсчеты могло входить желаніе возбуждать своимъ присутствіемъ это чувство, то все-таки главною ея цѣлію было изучать обозрѣваемый ею край. И она не упускала этого изъ вида. Она знала Россію доселѣ лишь по бумагамъ и разсказамъ; теперь вся ширь и глубь ея раскрывалась передъ нею.

шире передъ нею раскрывалось неистощи
Приволжскаго края. Привыкши къ тощим
приземистымъ лачужкамъ, окружающимъ
Ораніенбаумъ, Императрица дивилась эт
слою чернозема, который покрываетъ поля
крестьянъ, этимъ садамъ, которые окаймля
селенія. Чѣмъ далѣе спускалась она по
плодоноснѣе становилась страна, но тѣмъ
въ то же время обнаруживалось и не
Симбирска уже вѣяло пустыней, степью;
показался Императрицѣ „скареднымъ"; не
мошней провинціи были огромныя, не в
естественныя условія къ благосостоянію
ству.

Здѣсь Государыня оставила Волгу, к
показалась бы ей еще пустыннѣе; богатая
десять лѣтъ" она поѣхала въ Москву сухоп
открыть депутатскую коммиссію и, еще
тельно просмотрѣть свой наказъ. Для э
она въ одной недавно найденной замѣтк

дня депутаты, имѣя во главѣ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, отправились прежде всего въ Успенскій соборъ, послѣ чего приняты были Императрицею. Каждый изъ нихъ имѣлъ медаль съ надписью: *блаженство каждаго и всѣхъ*, съ обозначеніемъ года и числа манифеста о созваніи депутатовъ. Затѣмъ 31 числа послѣдовало и самое открытіе коммиссіи. Собралось 567 (*) представителей администраціи и народонаселенія Россіи,—людей принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, мѣстностямъ и племенамъ нашего отечества. Князь Вяземскій предложилъ собранію приступить прежде всего къ избранію своего предводителя. По большинству голосовъ избраны: старшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ (вяземскій депутатъ), графъ З. Г. Чернышевъ (волоколамскій депутатъ) и А. И. Бибиковъ (костромской депутатъ). Императрица утвердила послѣдняго. Затѣмъ въ средѣ собранія образованы были 19 комитетовъ для разсмотрѣнія различныхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ занятій собранія. Такимъ образомъ, одинъ изъ этихъ комитетовъ разсматривалъ различные предметы относительно преобразованій, которыя предлагались по разнымъ частямъ управленія, другой занимался улучшеніемъ судопроизводства, третій обсуждалъ мѣры къ умноженію народнаго благосостоянія, другіе, наконецъ, устройствомъ духовенства, развитіемъ промышленности и торговли и т. п. Каждый изъ этихъ комитетовъ, занимаясь своимъ спеціяльнымъ предметомъ, по мѣрѣ изготовленія имъ работъ своихъ, вносилъ ихъ на обсужденіе общаго собранія; сущность дѣла, практически-полезная сторона его, разработывалась спеціяльными

(*) Полное число было 652; не всѣ, повидимому, воспользовались своимъ правомъ.

миссіи уложенія еще не извлечены изъ
вовъ, и мы весьма мало о нихъ знаем
стно, что бумаги, относящіеся до работ
хранились и безъ сомнѣнія будутъ откр
рическихъ изслѣдованій. Коммиссія суще
года и не довела до конца своихъ зан
распущена осенью 1768 года по причи
Турціей. Начинавшаяся война требуетъ,
въ указѣ 18 ноября, чтобы какъ правите
граждане обратили все свое вниманіе
свои усилія для защиты отечества.

Это, конечно, совершенно справедлив
на объявляла, что распускаетъ коммисс
указа,"— а между тѣмъ этого новаго ук
леніи коммиссіи не послѣдовало во все
ніе, равно какъ и при ея преемникахъ:
быть тому причины? Иные думаютъ, что
залась ниже предложенной ей задачи, д
ней обнаружились поползновенія къ ог
ховной власти. Послѣднее изъ этихъ

сознаніе, что все благое ожидается народомъ отъ верховной власти, къ которой онъ поэтому и обращался съ полною откровенностію и надеждою.

Что же касается до того, будто коммиссія оказалась неспособною исполнить задачу, для которой она была собрана, то и это обвиненіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Мысли, выраженныя въ наказахъ депутатамъ, вообще серіозны и не даютъ повода заключать, чтобы лица, ихъ писавшія, были тупы; тѣмъ менѣе это можно думать о тѣхъ, которые были избраны для объясненія этихъ мыслей передъ лицомъ правительства. Можно замѣтить между этими мыслями нѣсколько такихъ, которыхъ нельзя назвать либеральными; но странно было бы и ожидать, чтобы вся масса народонаселенія въ какой-нибудь странѣ состояла изъ либераловъ! Императрица желала слышать голоса своихъ подданныхъ не столько для того, чтобы составить изъ нихъ теорію публичнаго права, сколько для того, чтобъ узнать ихъ дѣйствительныя нужды и желанія, а въ этомъ отношеніи полезно заявленіе желаній даже странныхъ и явно противорѣчащихъ здравымъ началамъ. Изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами, Императрица могла убѣдиться, что еслибъ и издать формальный законъ, напримѣръ, о всеобщемъ уничтоженіи пытки, то онъ едва ли на самомъ дѣлѣ исполнялся бы привыкшими къ старинной практикѣ судьями; съ другой стороны она должна была заключить, что при этомъ единодушно заявляемомъ стремленіи къ образованію, скоро должно наступить время, когда общественное мнѣніе само признаетъ этотъ варварскій обычай безполезнымъ и безнравственнымъ. Точно также она должна была убѣдиться, что не наступило еще время разрушить основанія крѣпостнаго права; отъ малороссійскихъ помѣщиковъ, напротивъ того, сдѣланы были заявленія о

распространенiи этого законоположенiя. Въ самой коммиссiи нѣсколько словъ, сказанныхъ объ уничтоженiи крѣпостныхъ отношенiй, возбудило сильнѣйшее негодованiе. Однако эти слова были сказаны, и богатѣйшiй между русскими помѣщиками, графъ Шереметевъ, выразилъ готовность дать свободу всѣмъ своимъ крестьянамъ. Не менѣе важно было для правительства узнать, что въ той же Малороссiи довольно сильны еще преданiя о гетманскомъ управленiи; что тамъ довольно сильна еще партiя, которая желала бы установить между Великою и Малою Россiей отношенiя, подобныя тѣмъ, которыя существовали между нею и королевствомъ Польскимъ, то-есть образовать въ ней, подъ гетманскою булавой особое управленiе, связанное съ имперiей лишь нѣкоторыми условiями; что дворянство Прибалтiйскаго края лучше хочетъ не вносить въ свое провинцiальное управленiе никакихъ преобразованiй, нежели допустить тѣ, которыя замышлялись для остальныхъ частей Россiи. Стремленiе эстляндскихъ и лифляндскихъ депутатовъ уклониться отъ общаго для всей Россiи законодательства, заставило Императрицу однажды съ гнѣвомъ воскликнуть: „Они подданные Россiйской Имперiи! Я не лифляндская Императрица, но Всероссiйская!“ Обо всѣхъ этихъ стремленiяхъ, несогласныхъ съ благомъ имперiи, правительство могло узнать, и узнать съ достовѣрностiю, лишь изъ наказовъ депутатамъ и изъ ихъ заявленiй, а потому и принять соотвѣтствующiя мѣры. Итакъ, вотъ уже одна чрезвычайно важная и полезная сторона дѣятельности коммиссiи уложенiя. Но можетъ быть самыя ея работы оказались очень слабыми? Можетъ быть, въ числѣ этихъ 567 депутатовъ едва нашлось нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ въ уровень съ своимъ призванi-

емъ? Весьма вѣроятно, что очень многіе изъ нихъ дѣйствительно не могли быть серіозными законодателями, какъ это впрочемъ бываетъ въ выборныхъ собраніяхъ и другихъ, болѣе просвѣщенныхъ странъ; важно было уже то, что депутаты были люди практически знавшіе страну и что ихъ интересы связаны съ ея интересами. Мы знаемъ притомъ, что Москва имѣла своимъ представителемъ графа П. Панина, Ярославъ — князя М. Щербатова, человѣка, котораго наблюденія надъ современнымъ ему состояніемъ Россіи весьма замѣчательны; графъ З. Чернышевъ, князь М. Н. Волконскій, генералъ-прокуроръ Вяземскій, фельдцейгмейстеръ Вильбуа, Бибиковъ, Мельгуновъ, бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ въ Архангельскѣ, графъ Брюсъ, начальствовавшій потомъ въ Москвѣ, князь А. Голицынъ бывшій главнокомандующій — люди постоянно занимавшіе видныя мѣста въ царствованіе Екатерины, Кутузовъ — будущій князь Смоленскій — ученый Миллеръ, князья Трубецкіе и Оболенскіе, Орловы, Нарышкины, — однимъ словомъ, лучшіе люди тогдашней Россіи находились въ числѣ депутатовъ, — а въ каждомъ собраніи, подобномъ коммиссіи, достаточно нѣсколькихъ десятковъ даровитыхъ и дѣльныхъ людей, чтобъ сообщить всему собранію серіозное направленіе. Впрочемъ, вотъ что писала сама Императрица объ этой коммиссіи нѣсколько лѣтъ послѣ ея закрытія: „коммисія уложенія, бывъ съ собраніи, подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, — съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Они всѣ части закона собрали и разобрали по матеріямъ и *болѣе того бы сдѣлали*, еслибъ Турецкая война не началась“. Къ этому можно прибавить еще, что работы коммиссіи послужили главнѣйшимъ основаніемъ для важныхъ и полезныхъ преобра-

года.

Но въ такомъ случаѣ еще больше не
по окончаніи Турецкой войны и ни
Екатерининская коммиссія, ни какое-н
добное ей собраніе не были призваны?
ложительный отвѣтъ мудрено. Можно д
лицами, окружавшими Императрицу, б
чувствовавшихъ законодательнымъ ра
щію выборныхъ людей, которые если
совѣты правительству и доставили ем
дѣнія, то вскрыли и много безпорядк
которыхъ не могло быть пріятно нача
цамъ. Затѣмъ, вскорѣ по окончаніи Ту
восьмидесятыхъ годахъ, обнаружилис
вые признаки революціи, которая име
бою между правительствомъ и выбо
Это обстоятельство имѣло весьма су
на образъ мыслей не только совѣтни
но и ея самой, относительно пользы
ній. Сила, которая въ нихъ заключе
... возбуждать опасенія

дили ихъ къ концу, и затѣмъ упразднялись. Послѣдній изъ нихъ закрытъ въ 1774 году.

Должно признаться, что упраздненіе коммиссіи, которое въ настоящее время кажется дѣломъ весьма достойнымъ сожалѣнія, не произвела на современниковъ большаго впечатлѣнія. Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что большинство даже образованныхъ классовъ, не видя прямыхъ послѣдствій работъ коммиссіи, было къ нимъ равнодушно. Но прошло не много времени, и сыновья тѣхъ, которые засѣдали въ коммиссіи, уложенія, говорили о ней, какъ о дѣлѣ превосходящемъ всѣ прочія громкія и славныя дѣла Екатерины. „Память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, — восклицаетъ сынъ А. И. Бибикова въ „Запискахъ" о жизни своего отца,—временемъ исчезаютъ; геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми и неимовѣрными нашего вѣка побѣдами затмятся: но дѣла благотворительницы и законодательницы Россіянъ пребудутъ въ сердцахъ ихъ въ роды родовъ неизгладимыми и тверже запечатленными, нежели бы начертаны на величественныхъ памятникахъ, смиреніемъ твоимъ отринутыхъ"!

V.

Содержаніе наказа Императрицы Екатерины.—Первыя мысли объ освобожденіи крестьянъ.—Оспопрививаніе.—Воспитательные дома.—Бецкій.—Мѣры къ распространенію просвѣщенія. — Шлецеръ.—Комедіи Екатерины.—Фонъ-Визинъ.—Журналы.—Сатирическое направленіе литературы.—Хорошая и худая сторона этого направленія.

„Наказъ", составленный Императрицей Екатериною есть явленіе слишкомъ значительное, чтобъ мы, вос-

торое она преподавала Россіи. Вотъ ва
ты. „Государь есть самодержавный, н(
какъ только соединенная въ его особѣ
дѣйствовать сходно съ пространство
государства". Ласкатели, говоритъ дал
бятъ увѣрять монарховъ, что народы для
„однакожъ мы думаемъ, и за славу се
зать, что мы сотворены для нашего н
хотя и самодержавный, управляетъ по
новъ, которые до изданія ихъ разсматр
учрежденіемъ, и если оно замѣчаетъ
вершенства, то представляетъ о томъ
учрежденіе въ Россіи—сенатъ, которо
редь другія правительственныя учреж
ютъ о несовершенствахъ дѣйствую
Цѣль законовъ—„предохранять безоп
особо гражданина". Они должны быть
граждань безъ исключенія; въ этомъ с
ство всѣхъ граждань".—„Вольность е
дѣлать, что законы дозволяютъ, и еже

щее отъ мнѣнія, что всякій изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ“. Законы должны какъ можно менѣе стѣснять личную свободу человѣка и воспрещать лишь то, что̀ вредно всему обществу, или отдѣльнымъ его членамъ. Они должны примѣняться къ понятіямъ народа, для котораго издаются. Слѣдуетъ избѣгать излишества законоположеній; народные нравы слѣдуетъ исправлять не столько законодательными мѣрами, сколько вліяніемъ примѣра, дѣйствіемъ на обычаи и понятія народа.

Нарушеніе закона есть преступленіе; но преступленіе имѣетъ множество степеней, которымъ должны соотвѣтствовать и различныя степени наказаній. Вообще надо имѣть въ виду, что цѣль наказаній заключается не въ томъ, чтобы мучить „тварь чувствами одаренную: они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій“. Вообще же „гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать“,—а предупреждать ихъ можно всего надежнѣе посредствомъ приведенія въ совершенство воспитанія Самое тяжкое преступленіе есть то, которое нарушаетъ спокойствіе и безопасность общественную, каковы умыселъ и заговоръ противъ государя или государства; но при этомъ надлежитъ весьма внимательно наблюдать, чтобы не придать слишкомъ важнаго значенія дѣламъ въ дѣйствительности незначительнымъ, напримѣръ: не смѣшивать разговоровъ, оскорбительныхъ для чести государя, съ дѣйствіями, составляющими настоящую из-

ленъ въ странѣ какой-нибудь родъ злод
рокъ въ общенародіи остается отъ жесто
исходящій; умы народа испортились: он
насильству. Послѣдуемъ природѣ, дав
стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая бол
казанія будетъ безчестіе, въ претерпѣні
ключающееся". Обвиняемому должны бь
всѣ средства къ оправданію; ему должн
ставлено право отводить тѣхъ изъ числ
рыхъ онъ подозрѣваетъ въ пристрастіи
„Употребленіе пытки противно здравому
разсужденію; само человѣчество вопіетъ
и требуетъ, чтобъ она была вовсе унич
есть надежное средство осудить невинн
слабое сложеніе и оправдать беззакон
крѣпость свою уповающаго". Предварит
свободы обвиняемаго должно дѣлаться с
борчивостью. Тайные доносы составляю
ніе должно производиться гласно; но съ
весьма важно, чтобы преступленіе, сдѣл
нымъ, не осталось безъ наказанія. От
ній въ казну у преступниковъ не долж

быть народу вѣдомы, такъ и доказательства преступленій, чтобы всякій изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ“.

Главы наказа, касающіяся преступленій и наказаній, суть самыя обработанныя и заключаютъ наиболѣе новыхъ для тогдашняго нашего общества взглядовъ. Въ другихъ главахъ Императрица касалась различныхъ важнѣйшихъ вопросовъ законодательства, между прочимъ положенія крѣпостныхъ людей. Она осуждала крѣпостное право прежде всего съ той точки зрѣнія, что оно задерживаетъ увеличеніе народонаселенія. У крестьянъ, пишетъ она, едва ли и четвертая часть рождающихся дѣтей достигаетъ совершеннолѣтія. Обремененные непомѣрными оброками, они принуждены покидать свои семейства и уходить вдаль, на заработки, отчего и земледѣліе и нравственность страдаютъ. Не увѣренные въ своей имущественной безопасности, они скрываютъ свое богатство, когда случайно успѣли его пріобрѣсть, зарываютъ свои деньги и, къ общему ущербу, не пускаютъ ихъ въ оборотъ. „Не должно вдругъ, и чрезъ узаконеніе общее, дѣлать великаго числа освобожденныхъ; но законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Не худо было бы давать въ собственность земледѣльцамъ, особенно рачительнымъ и трудолюбивымъ, ихъ поля. Въ странѣ, гдѣ большая часть народонаселенія не имѣетъ никакой собственности, не можетъ быть ни трудолюбія, ни богатства. Далѣе Императрица рекомендуетъ поддержаніе земледѣлія и торговли, устройство банковъ, возбужденіе довѣренности и кредита посредствомъ строгаго и быстраго взысканія долговъ, установленіе прочной монетной системы, учрежденіе правильно организованной полиціи; убѣждаетъ обра-

новные законы, отдѣльно—законы време
но же указы, издаваемые на извѣстные

Таково въ главныхъ чертахъ содержа
справедливо было бы полагать, что вс
женныя въ немъ, родились въ умѣ сам
она многое заимствовала у писателей,
ракулами своего времени,—у Монтескьё,
не разъ упоминалось, у Беккарія, знам
перваго усомнившагося въ пользѣ пыт
ныхъ казней. Теперь всѣ эти мысли не
новизною; но это происходитъ имен
мысли, пущенныя въ ходъ этими пис
вели свое вліяніе на современное имъ
мы родились и воспитались среди поколѣ
приняло и усвоило. Чтобъ оцѣнить на
ству и по справедливости, надо припом
законодательства, ему предше твующаг
дѣлалъ уже невозможными эти много
называемые политическіе процессы п
XVIII вѣка, напримѣръ, Девіера, Волы
ныхъ. До слуха Екатерины II нерѣдко
ма язвительные о ней отзывы, но она

въ законодательство, потому что встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны общественнаго мнѣнія: такъ напримѣръ, пытка не была отмѣнена при ней; но судьямъ было вмѣнено въ обязанность употреблять ее съ крайней осторожностію, и въ нѣкоторыхъ процессахъ, имѣвшихъ особенное значеніе, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Мировича, а потомъ Пугачева, Екатерина настоятельно требовала, чтобы пытокъ не было употребляемо. Не взирая на сильныя замѣчанія, находящіяся въ наказѣ о крѣпостномъ правѣ, оно долго пережило Екатерину и даже,—должно сказать съ сожалѣніемъ,—было при ней распространено на Малороссію и Западный край (*); это опять результатъ встрѣченнаго въ общественномъ мнѣніи сопротивленія. Но если какъ выше приведенныя, такъ и многія другія мысли, заключающіяся въ наказѣ, не получали полнаго приложенія въ законодательствѣ, то духъ, которымъ онъ проникнутъ, не могъ не оказать большаго вліянія на все управленіе. Всѣ лица, составлявшія администрацію, знали, что въ немъ заключаются виды и мнѣнія Императрицы, и, разумѣется, должны были прилаживать къ нему собственныя мнѣнія; онъ былъ, при томъ, разосланъ для руководства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не разрѣшалъ прямо представлявшихся вопросовъ. Такимъ образомъ мысль, господствующая въ наказѣ:—„лучше простить десять виноватыхъ, нежели осудить одного невиннаго“, облетѣла всю Россію и въ настоящее время нѣтъ обрзованнаго Русскаго, который не зналъ бы этихъ

(*) Въ законодательствѣ Польши крѣпостнаго права въ строгомъ смыслѣ не было, хотя тамошніе крестьяне находились въ зависимости несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ въ Россіи, и помѣщики ихъ наказывались только легкимъ денежнымъ штрафомъ за убійство крестьянина.

зависимо отъ того, что ... —
шеніяхъ между помѣщиками и крестья
она употребила для этого, между прочимъ
собъ. Нѣсколько лицъ изъ ея приближен
ко академиковъ возымѣли мысль учреди
ство для распространенія здравыхъ поня
и хозяйствѣ вообще. Это общество,— од
въ которыхъ частные люди имѣли возмо
ся между собою, не опасаясь обвиненія
говорѣ", — возникло въ 1765 г., подъ н
но-экономическаго, и было употреблен
для того, между прочимъ, чтобъ проводит
мысли о крѣпостномъ правѣ. Вскорѣ по е
прислала въ это общество чрезъ Гр. О
вонцевъ съ предложеніемъ, назначить
тому, кто наиболѣе удовлетворительно
дующій вопросъ: „нужно ли крестьян
для общенародной пользы, имѣть поз
жимую собственность, или одну тольк
сператрица ставила передъ обществом
вопросъ о собственности; но всякому
ственность можетъ имѣть значеніе л
... свободы ра

товъ на нее, изъ коихъ одно, написанное во Франціи, признанное лучшимъ, и разумѣется, доказывавшее, что только къ своей собственности человѣкъ способенъ приложить полное попеченіе, было переведено на русскій языкъ и напечатано. Но несравненно для насъ важнѣе другое подобное же сочиненіе, написанное Русскимъ, именно Полѣновымъ, небогатымъ костромскимъ дворяниномъ, нѣсколько лѣтъ посѣщавшимъ иностранные университеты на счетъ нашей академіи. Его сочиненіе не удостоилось преміи только потому, что въ немъ найдены были „многія надъ мѣру сильныя и, по здѣшнему состоянію, неприличныя выраженія“. Разрѣшая вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ положительномъ смыслѣ, онъ признавалъ за ними безусловное право на всю движимую ихъ собственность; что же касается до земли, то онъ находилъ справедливымъ, чтобъ имъ дана была въ наслѣдственное пользованіе часть помѣщичьихъ угодій, конечно за нѣкоторую, опредѣленную повинность: мысль, какъ видно, весьма близко подходящая къ той, которая легла въ основаніе Положеній 19 февраля 1861 года.

Мысль, пущенная такимъ образомъ Екатериною, не имѣла, какъ сказано, практическаго приложенія. Это неудивительно; она затрогивала слишкомъ существенные интересы; дворянство понимало, что потеря права на обязательный трудъ была бы для него убыточна, а ожидать, чтобы нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ по первому слову вызвались пожертвовать своимъ благосостояніемъ, было бы безуміемъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и нѣкто Радищевъ, бывшій въ описываемое время безвѣстнымъ юношей, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины уже прямо и положительно высказывался противъ рабства, и молодое поколѣніе со-

чувствовало его словамъ,—то поколѣніе, которое менѣе нежели черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Государыни, рукоплескало попыткамъ Императора Александра I образовать сословіе крестьянъ-собственниковъ.

Виды Екатерины относительно освобожденія крестьянъ не были оцѣнены ея современниками; но они оцѣнены потомствомъ; наоборотъ, одно ея дѣйствіе, о которомъ мы должны тутъ же упомянуть, и которое не кажется особенно важнымъ въ настоящее время, возбудило горячій энтузіазмъ сто лѣтъ тому назадъ. Это было введеніе прививанія оспы. Оспа была въ описываемое время жестокою язвою, отъ которой умирали милліоны людей, а другіе милліоны обезображивались. По этому, истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества былъ бы тотъ, кто изобрѣлъ бы средство отвратить это зло. Такой человѣкъ нашелся; это былъ англичанинъ Женнеръ, изобрѣтатель оспопрививанія. Но способъ, который онъ предлагалъ, приводилъ въ смущеніе: онъ *прививалъ* оспу, то-есть, казалось, вводилъ эту язву въ кровь и плоть человѣка... Что же сдѣлала Екатерина? Прежде нежели предписывать своимъ подданнымъ это опасное, по видимому, лѣченіе, она рѣшилась испытать его на себѣ, а потомъ на своемъ наслѣдникѣ.

Если мы поставимъ себя на мѣсто нашихъ предковъ и представимъ себѣ съ одной стороны страхъ, внушаемый прививаніемъ оспы, а съ другой—благодѣяніе имъ оказанное, то въ состояніи будемъ понять и впечатлѣніе, произведенное поступкомъ Екатерины. Сенатъ, отъ имени всего народа, выразилъ ей признательность и установилъ ежегодно праздновать это событіе. Строитель зданія московскаго сената помѣстилъ привитіе оспы Екатериною въ числѣ барельефовъ, украшающихъ

круглую залу этого зданія, наряду съ изображеніемъ ея побѣдъ и законодательства, и подписалъ подъ нимъ: „Своею опасностью другихъ спасаетъ".

Не лишнее будетъ замѣтить здѣсь, что еще нѣсколько ранѣе, именно въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы, Ломоносовъ составилъ предположеніе о весьма широкой системѣ народнаго просвѣщенія,—объ учрежденіи гимназій въ разныхъ городахъ и университетовъ въ Петербургѣ и Кіевѣ. Сомнительно, чтобъ въ то время можно было набрать профессоровъ и даже учителей для всѣхъ этихъ заведеній; но всѣ эти различныя заявленія о потребности образованія въ Россіи, дѣлаемые и учеными, и дворянствомъ, и городами, служатъ любопытнымъ указаніемъ на успѣхъ, совершенный нашимъ отечествомъ со времени Петра, когда ученіе казалось самою тяжелою изъ службъ, требуемыхъ царемъ. Должно замѣтить, что Ломоносовъ точно такъ же, какъ въ послѣдствіи Екатерина и Бецкій, не одобрялъ прежней системы, заключавшейся въ постоянномъ вызовѣ изъ за-границы профессоровъ и академиковъ, а желалъ создать цѣлое поколѣніе образованныхъ русскихъ людей, при помощи которыхъ просвѣщеніе распространилось бы повсемѣстно.

Нельзя не согласиться однакожъ съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ иностранцевъ оказали истинную пользу русскому просвѣщенію. О ихъ поѣздкахъ съ ученою цѣлію въ Россію, въ предшествующія царствованія, уже было говорено (Царст. Имп. Ан., гл. II). Подобная же экспедиція была снаряжена и при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1768 году. Въ ней приняли участіе: Гмелинъ, племянникъ прежняго академика, Палласъ, Гильденштедтъ и Лепехинъ. Они обозрѣли Кавказъ и Закавказье, Астраханскій край,

Уральскій хребетъ, Сибирь, Бѣлое и Ледовитое моря, изслѣдуя, какъ физическую природу этихъ странъ, такъ и населенія, въ отношеніи ихъ происхожденія, языка, образа жизни, промысловъ и т. п.

Въ то же время началась серіозная, истинная разработка русской исторіи. Выше говорено было о первыхъ опытахъ по этому предмету. Татищевъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много; Миллеръ собралъ и обнародовалъ множество любопытнѣйшихъ извѣстій, касательно исторіи и современнаго положенія Россіи; но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ положить такого прочнаго основанія русской исторической науки, какъ Шлёцеръ, молодой филологъ, прибывшій изъ Германіи въ 1761 году. Онъ явился въ Петербургъ, не зная ни одного слова по-русски,— и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже въ состояніи былъ читать и переводить даже старинныя рукописи. Занявшись чтеніемъ древнихъ лѣтописей, онъ увидѣлъ необходимость сличить между собою различные ихъ списки, исправить одинъ другимъ и опредѣлить наиболѣе вѣрные тексты. Далѣе, онъ пожелалъ не ограничиваться лишь тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаютъ эти лѣтописи, но извлечь изъ иностранныхъ источниковъ все, что относится до Россіи, — а для этого, изучить сказанія византійскихъ, шведскихъ, арабскихъ и славянскихъ лѣтописцевъ, причемъ ему пришлось учиться всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Весь этотъ громадный трудъ предпринялъ и совершилъ неутомимый Шлёцеръ. Различныя причины, и между прочимъ неуживчивый его характеръ, были причиной, что онъ не долго оставался въ Россіи и успѣлъ изслѣдовать лишь первые вѣка русской исторіи; но за то все, что было имъ изслѣдовано, постановлено на незыблемомъ основаніи; фантастическіе разсказы о началѣ Россіи,

подобные тѣмъ, которыми начинается *Ядро русской Исторіи*, (Вып. III, гл. XXIII.) сдѣлались уже невозможны послѣ Шлёцера.

Изученіе русской исторіи начинало входить въ честь. Императрица сама довольно внимательно занималась ею. Она — позднѣе, правда, — заимствовала изъ временъ Рюрика и Олега сюжеты для драматическихъ сочиненій. Впрочемъ, коснувшись драматическихъ сочиненій Екатерины II, мы должны сказать, что современность играетъ въ нихъ гораздо большую роль, нежели древности. Императрица, въ часы досуга, написала нѣсколько комедій, и другихъ піэсъ въ драматической формѣ, которыя были разыгрываемы на придворномъ театрѣ, а нѣкоторыя и на публичномъ. Всѣ эти піэсы, изображаютъ странности и господствующіе пороки современнаго ей общества, преимущественно суевѣріе ханжество, невѣжество, свѣтское вертопрашество, мотовство, взяточничество. Екатерина не была замѣчательнымъ драматическимъ писателемъ, но въ ея комедіяхъ много остроумія, веселости, и, что особенно важно для насъ, вѣрныхъ чертъ современнаго общества. Вотъ, напримѣръ, изъ комедіи *О время!*, имѣвшей большой успѣхъ на петербургской сценѣ, разсказъ одной старой ханжи, г-жи Ханжихиной. о томъ, какъ она молится и какъ обходится съ своей прислугою.

„Я обѣщалась, говоритъ она, чтобы до вечерни положить 50 поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила мою покойную матушку, (помяни ихъ Господи!) И лишь только начала, анъ —гляжу, вошелъ маминъ—сынъ (лакей), и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ! не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться“,—а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ“,—а онъ ничего

не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да сáмъ и ушелъ. Какъ вы думаете?... Что въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О демонское наважденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла; обшить, обмыть некому,—и для того женится... Я велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ... Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобы оно вмѣсто насъ людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печись должно; да только что-то нынѣ ни чего не смотрятъ!"

Екатерина, какъ сказано, не имѣла замѣчательнаго драматическаго и вообще литературнаго таланта; литература была для нея отдохновеніемъ, забавою, или средствомъ дѣйствовать на общество. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ человѣкъ, комедіи котораго и теперь еще не потеряли своихъ достоинствъ: это фонъ-Визинъ, секретарь графа Н. Панина. Его *Бригадиръ* и особенно *Недоросль* должны быть извѣстны каждому образованному русскому человѣку. Эта послѣдняя была поставлена на сцену въ 1772 году. Говорятъ, что знаменитый Потемкинъ послѣ перваго представленія *Недоросля* сказалъ ея автору: „Умри теперь, Денисъ (Ивановичъ), или хотя больше ничего не пиши. Имя твое безсмертно будетъ по одной этой піесѣ".

Театръ и литература хотя и не имѣли, конечно, того значенія въ общественной жизни какъ теперь, начинали однако серіозно интересовать общество. Императрица, наслышавшись о *Бригадирѣ* фонъ-Визина еще прежде чѣмъ онъ былъ данъ на сценѣ, пригласила автора прочесть ей свою піесу, а про *Недоросля* разсказываютъ,

что когда Фонъ-Визинъ началъ его читать въ одномъ частномъ домѣ, — тоже прежде постановки его на сцену, — то все общество такъ заслушилось, что позабыло объ обѣдѣ, за который предполагалось сѣсть въ промежуткахъ между дѣйствiями.

Этому живому сочувствiю, возбужденному молодою русскою литературой, много способствовало то, что она съ перваго же своего шага коснулась живой дѣйствительности, между тѣмъ какъ на Западѣ преобладали еще сюжеты, заимствованнные изъ древней исторiи, либо описывались идеальные пастушки и пастушки. Очень, — и можетъ быть даже слишкомъ расположенный къ сатирѣ и критикѣ русскiй умъ, уже въ первыхъ своихъ литературныхъ опытахъ, такъ-сказать, задѣлъ общество за-живое, и оно, естественно, не могло не заинтересоваться тѣмъ, что говорится о немъ. Этотъ же критическiй складъ русскаго ума выразился и въ другой формѣ,— въ журналахъ, которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ появилось множество. Назовемъ изъ нихъ лишь наиболѣе замѣчательные: *Трутень*, *Адская Почта*, *Живописецъ* и *Кошелекъ*, изъ коихъ послѣднiе издавалъ человѣкъ во многихъ отношенiяхъ замѣчательный — Новиковъ, о которомъ въ послѣдствiи мы будемъ говорить подробнѣе. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, слѣдующимъ образомъ излагалась его цѣль: „Я хотѣлъ, говоритъ издатель, показать: первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, которые умнѣе меня, давать людямъ наставленiя, забавляя ихъ, и, третье—говорить Русскимъ о Русскихъ.“ Эта программа была, можно сказать, общею для всѣхъ прочихъ тогдашнихъ журналовъ. Уже одно большое количество появившихся въ то время изданiй доказываетъ, что они имѣли успѣхъ.

Нѣкоторыя изданія Новикова расходились въ числѣ 4000 экземпляровъ, — цифра весьма значительная и для настоящаго времени; *Живописецъ* имѣлъ (въ продолженіи 20 лѣтъ) пять изданій. Кромѣ самихъ издателей и, такъ сказать, присяжныхъ ихъ сотрудниковъ, писателей по ремеслу (которыхъ было чрезвычайно мало), въ это изданіе присылали свои статьи люди свѣтскіе и даже сановные и высоко-поставленные, какъ напримѣръ секретарь Императрицы, Елагинъ, канцлеръ графъ Воронцовъ и княгиня Дашкова: доказательство, какъ распространено уже было сочувствіе къ литературѣ. Казицкій, также одинъ изъ статсъ-секретарей Екатерины, издавалъ журналъ, да и она сама помѣстила въ одномъ изъ современныхъ журналовъ письмо (конечно безъ подписи), по поводу отзывовъ о ея комедіи: *О время*! Въ этихъ журналахъ Екатерининской эпохи печаталъ свои остроумныя мелкія статьи Фонъ-Визинъ и дѣлали свои первые литературные шаги Богдановичъ и Державинъ, о которыхъ сказано будетъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Тѣ изъ стихотвореній этого послѣдняго, которые относятся къ эпохѣ, обнимаемой настоящимъ Выпускомъ, вообще довольно незначительны; мы можемъ только замѣтить, что и въ эту пору, когда *муза* Державина (какъ въ то время выражались) была болѣе шаловлива, чѣмъ поэтична, будущій „пѣвецъ Екатерины" уже находилъ въ своей душѣ отзывы на важныя, совершавшіяся вокругъ него событія: онъ „пѣлъ" по случаю побѣдъ нашихъ на Дунаѣ, онъ оплакивалъ безвременную смерть А. И. Бибикова. Подобно ему, на разные случаи обращавшіе на себя вниманіе общества, отзывались Херасковъ и Майковъ тяжелыми, безвкусными, но усердными стихотвореніями.

Это „бряцаніе лиръ" по поводу различиыхъ современныхъ происшествій, эти стихи на извѣстные случаи, составляютъ одну изъ особенностей описываемой эпохи. Это было нѣкотораго рода обязанностію, налагаемою на поэтовъ обычаемъ и даже, отчасти, необходимостію, потому что въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ были только начальники и подчиненные, патроны и кліенты, поэты принадлежали ко второй категоріи. Къ нимъ не относились уже конечно, какъ, относился Волынскій къ Тредіаковскому; (Царст. Ан., гл. VI); но если стихотворецъ былъ вхожъ въ домъ какого нибудь вельможи, или если онъ служилъ подъ его начальствомъ, то неприличнымъ почлось бы, еслибъ онъ не попривѣтствовалъ стихами какой-нибудь семейный его праздникъ, или служебное его повышеніе.

Изъ этихъ двухъ рѣзко различавшихся родовъ литературы,—сатирическаго и торжественно-хвалебнаго, — первое брало явный перевѣсъ. На его сторонѣ были и живость интереса и таланты. На его же сторонѣ былъ и складъ нашего національнаго ума, а можетъ быть, также самая историческая необходимость. Образованные люди второй половины XVIII вѣка ясно сознавали, какъ далеко отстала Россія отъ другихъ странъ, наслѣдовавшихъ просвѣщеніе Греціи и Рима; это сознаніе возбуждало недовольство, порицаніе,—источникъ сатиры. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, уже не нужно было тяжелой руки Петра I, чтобы разбивать уваженіе къ старинѣ: ее казнило перо комика или публициста; приговоръ ей слышался въ хохотѣ слушателей и читателей. Какой-то внутренній голосъ, выходившій изъ нѣдръ самого общества, кричалъ: *впередъ, впередъ!...*

Впередъ,—да. Но всегда ли движеніе совершается впередъ, то-есть прямо, а не вкривь? Мы имѣли и еще будемъ

имѣть случай указать на многія уклоненія нашего общества отъ прямаго пути, здѣсь же замѣтимъ только, что сами сатирики описываемаго времени уже указывали на лживую внѣшность, на обманчивый „прогрессъ“ тогдашняго общества. Они выводили на сцену и предавали осмѣянію рядомъ съ представителями старинныхъ предразсудковъ, косности и невѣжества, тѣхъ, которые безъ оглядки кидались въ подражаніе иноземному. Вотъ для примѣра сцена отца съ сыномъ въ *Бригадирѣ*.

„*Бриг.* Слушай, Иванъ! Я рѣдко съ молоду красенъ бывалъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. Mon cher père, или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бриг. Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.“

А вотъ и нравственная характеристика этого сына.

„*Сынъ.* Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voila mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бриг. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бриг. Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте; ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бриг. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣкъ до скота, — такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же!

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?"

Въ вышепреведенномъ отрывкѣ изъ комедіи Екатерины мы видѣли изображеніе одной изъ тѣхъ печальныхъ сторонъ нашего общества въ XVIII вѣкѣ, которыя передала ему по наслѣдству собственная наша старина, фонъ-Визинъ, въ только-что приведенной сценѣ открываетъ то зло, которое, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, приливало къ намъ изъ-за границы. Такъ, вслѣдъ за политическими, устанавливались и другія связи между Россіей и западною Европой, связи имѣвшія, какъ и все на свѣтѣ, свою долю добра и зла.

VI.

Различіе между политикой Россіи и Пруссіи относительно Польши. — Раззореніе Балты. — Арестованіе русскаго посла въ Константинополѣ. —Объявленіе войны.—Кн. Голицынъ, гр. Панинъ и гр. Румянцовъ.—Очеркъ русско-турецкой границы. — Неудачное начало военныхъ дѣйствій; занятіе Хотина. — Кампанія 1770 года. Сраженія при Ларгѣ и при Кагулѣ. Взятіе Бендеръ. — Результаты кампаніи 1770 года.

Выше (стр. 86) было замѣчено, что Фридрихъ II упрекалъ свою союзницу за то, что она допускала польское правительство усиливаться. Это даетъ важное указаніе на различіе, существовавшее между политикой русскою и прусскою въ отношеніи Польши. Въ этомъ случаѣ не должно смѣшивать вопроса диссидентскаго съ вопро-

сомъ чисто политическимъ. Что касается до покровительства своимъ единовѣрцамъ, Екатерина рѣшилась вполнѣ воспользоваться правами, присвоенными Россіи Московскимъ договоромъ и вывести ихъ изъ униженнаго положенія. Страшный фанатизмъ, который католическое духовенство, вдохнуло въ польское дворянство, вызвалъ противъ представленій Репнина жестокую непріязнь, кончившуюся, какъ мы видѣли, Барскою конфедераціей. Что касается до стороны чисто политической, то мы продолжали дѣйствовать за одно съ партіей Чарторыйскихъ, искренно и разумно стремившихся ко благу своего отечества. Ученый историкъ Лелевель, столько же извѣстный своими историческими трудами сколько и польскимъ патріотизмомъ, самъ сознаетъ, что преобразованія, совершенныя въ первыя годы новаго царствованія, были благодѣтельны.

Но это именно и ненравилось Фридриху; онъ настойчиво представлялъ Императрицѣ, что усиленіе королевской власти и устраненіе liberum veto,—главной причины анархіи,—поведетъ къ усиленію Польши, а это не согласно съ интересами сосѣднихъ государствъ. Различіе во взглядахъ на польскія дѣла названныхъ государей лучше всего выразилось въ разговорѣ, который король Прусскій имѣлъ съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ иностранной коллегіи, Сальдерномъ, въ 1766 году. Сальдернъ говорилъ, что Россіи нужно имѣть близь себя государство достаточно сильное, чтобъ служить преградою между нею и султаномъ и цесаремъ, а для этого необходимо, чтобъ въ этой странѣ существовалъ нѣкоторый порядокъ и чтобъ она имѣла нѣкоторую силу. — „Надо ее оставить въ ея летаргіи“, отвѣчалъ на это Фридрихъ.

Нельзя не сознаться, что мысль короля Прусскаго

была строго логична и что Россіи было бы мудрено удержать свое вліяніе въ Польшѣ, какъ скоро эта страна завела бы у себя порядокъ и почувствовала бы свою силу. Но съ другой стороны очевидно также и то, что изъ двухъ своихъ сосѣдей, Польша, еслибъ она руководилась благоразуміемъ, должна была бы склониться на сторону Россіи. Она сдѣлала совершенно напротивъ. Отуманенное религіозною нетерпимостію, польское шляхтство было увѣрено, что его отечество не имѣетъ врага болѣе ожесточеннаго, какъ Екатерина, и въ этомъ его поддерживали, какъ сказано, больше всего Римъ, со всѣмъ католическимъ духовенствомъ западной Европы, и Франціи, политическая система которой относительно Россіи состояла въ томъ, чтобъ совершенно устранить участіе наше въ дѣлахъ Европы. Франція и Римъ воспользовались распрею, возникшею между Россіей и Польшей, и горячо протестовали при всѣхъ дворахъ противъ честолюбія и завоевательной политики Екатерины.

Подстрекаемое французскою политикою, турецкое правительство, еще съ начала 1767 года, стало обнаруживать недружелюбіе къ Россіи, по поводу дѣлъ въ Польшѣ. Оно настоятельно требовало, чтобъ русскія войска были выведены изъ Польши; въ перепискѣ, производившейся по этому поводу, оно выказывало раздраженіе; объясненіямъ русскаго двора не давало вѣры. Партизаны Россіи были одинъ за другимъ удаляемы изъ дивана, или правительственнаго совѣта, и замѣняемы людьми, которыхъ указывалъ французскій посланникъ, — словомъ, обнаруживались признаки вѣроятнаго разрыва, котораго тщательно, но тщетно старалась избѣгнуть Россія. Французскій дворъ ассигновалъ 3 мил. ливровъ для того, чтобы произвести разрывъ между

... половина мѣстечка
шѣ, а другая Турціи. Запорожецъ
тельствовавшій этимъ отрядомъ, на
учинилъ обыкновенную расправу с
дами; а какъ ему подвернулись подъ
и имъ не дано было пощады. Истр
Балту, Шило возвратился во свояс
не подозрѣвая, что его наѣздъ был
турецкія владѣнія.

Этимъ обстоятельствомъ, въ сущ
незначительнымъ, не преминула вос
пріязненная намъ политика. „Турецк
восклицалъ въ Константинополѣ фра
никъ. Неужели блистательная Порта
корбленіе безъ примѣрнаго отмщенія?
вызовъ со стороны Россіи. Это посяг
рецкую территорію, это посягательст
власть султана!"

Все это было бы справедливо, если
былъ совершенъ съ вѣдома русскаго н
ни французскій пос...

ные Турками. Это поспѣшилъ предложить гр. Панинъ; но Портѣ и ея союзникамъ вовсе не того было нужно. Французскія деньги возбудили константинопольскую чернь, которая схватилась за оружіе и требовала смерти гяурамъ (невѣрнымъ, т.-е. христіанамъ). Обресковъ, нашъ посланникъ въ Константинополѣ, испросилъ аудіенцію у верховнаго визиря; но вмѣсто того, чтобы, по обычаю всѣхъ народовъ, принять его объясненія, и затѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію, визирь велѣлъ въ своемъ домѣ схватить его и отправить въ Семибашенный замокъ. Это было 25 сентября 1768 года. Обычай сажать въ тюрьму посланниковъ тѣхъ дворовъ, съ которыми происходилъ разрывъ, существовалъ въ Турціи издавна; но изъ этого не слѣдовало, чтобы Россія была обязана подчиняться этому дикому обычаю. Если турецкое правительство считало себя въ правѣ горячо принять къ сердцу пролитую кровь своихъ подданныхъ, то и Русская Императрица не могла, не должна была оставаться равнодушною къ публично нанесенному оскорбленію представителю ея и ея народа. На представленія, сдѣланныя Панинымъ по поводу раззоренія Балты, данъ былъ высокомѣрный отвѣтъ черезъ очаковскаго пашу, получивъ который Екатерина отвѣчала своему министру слѣдующею запискою: „Дайте знать этому *вралю*, очаковскому пашѣ, если еще время не ушло, что если Обрескова освободятъ, а на его мѣсто посадятъ французскаго посланника; если накажутъ визиря, который арестовалъ Обрескова и éсли представятъ мнѣ извиненія,—война можетъ еще не быть, и миръ сохраниться.“

На этихъ условіяхъ, разумѣется, сойдтись было невозможно. Война была объявлена, и хоть время этой войны, извѣстной подъ именемъ *Первой Турецкой*, было для Россіи однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, мы не имѣемъ

права упрекнуть Екатерину за ея рѣшеніе. Оскорбленіе, нанесенное русскому гражданину, а тѣмъ болѣе представителю русскаго правительства, есть оскорбленіе, нанесенное цѣлой націи; ни Римъ во время своего величія, ни Англія, ни вообще какая либо страна, уважающая себя, не могла бы въ подобномъ случаѣ отвѣтить на вызовъ Турціи иначе, какъ объявленіемъ войны.

Военныя дѣйствія не могли начаться ранѣе слѣдующаго, 1769 года, потому что между тѣмъ наступила глубокая осень. Это обстоятельство было для насъ выгодно; оно давало намъ время изготовиться. Надо было усилить и стянуть армію, надо было начертать планъ военныхъ дѣйствій и назначить главнокомандующихъ. Мы познакомимся поближе съ тѣми, которые были призваны поддержать славу русскаго оружія. Ихъ было на виду трое: князь Голицынъ, графъ П. Панинъ и графъ Румянцовъ.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, сынъ героя Петровскихъ войнъ, получилъ практическое образованіе въ арміи знаменитаго въ свое время полководца, Евгенія Савойскаго; послѣ этого онъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, служилъ въ дипломатическомъ корпусѣ и жилъ за границею, пока участіе наше въ Семилѣтней войнѣ снова не призвало его подъ знамена. Онъ явился въ армію уже въ чинѣ генералъ-поручика, съ преданіями старинной тактики, несостоятельность которой такъ блистательно доказывалъ своими побѣдами Фридрихъ II. Будущій нашъ главнокомандующій былъ, слѣдовательно, уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда уроки приносятъ пользу и когда новыя понятія легко усвоиваются; да притомъ онъ, весьма естественно, отвыкъ отъ военнаго ремесла во время своей дипломатической карьеры; онъ не зналъ солдатъ и солдаты его не знали. Вообще права его на

высокое военное положеніе заключались болѣе въ его старшинствѣ и въ имени, которое онъ носилъ, нежели въ личныхъ военныхъ его качествахъ.

Графъ Петръ Панинъ, братъ канцлера, былъ моложе князя Голицына и обладалъ передъ нимъ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что, не имѣя устарѣлыхъ уже преданій и явясь въ Семилѣтнюю войну свѣжимъ человѣкомъ, онъ болѣе воспользовался уроками Фридриха II, горячимъ поклонникомъ котораго онъ сдѣлался на всю жизнь. Другое большое преимущество его предъ княземъ Голицинымъ состояло въ томъ, что онъ постоянно находился въ дѣйствительной военной службѣ и практически прошелъ всю школу военнаго искусства, отъ низшихъ и до высшихъ чиновъ. И хотя онъ, какъ и почти всѣ подражатели Фридриха, увлекся преимущественно регулярностію прусскаго строя и точностію эволюцій, не вполнѣ понявъ глубокія военныя соображенія своего образца, хотя не имѣлъ его быстроты и рѣшительности, но природа не отказала ему въ нѣкоторыхъ качествахъ, необходимыхъ для военнаго человѣка.

Младшій лѣтами изъ названныхъ трехъ генераловъ, и въ то же время самый замѣчательный изъ нихъ, былъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, сынъ Петрова денщика, заслужившаго и генералъ-аншефскій чинъ, и графское достоинство. Во время Семилѣтней войны Румянцевъ,—генералъ съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду,—обнаружилъ чрезвычайную настойчивость при исполненіи своихъ предположеній, самостоятельность и умъ способный организовать. Такимъ онъ и остался во всю свою жизнь. Холодный и несообщительный по своей природѣ, чуждый интригъ и врагъ ласкательствъ, онъ постоянно оставался вдали двора и не любилъ туда показываться. Точный до педантизма

въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ одинъ не соглашался присягнуть Екатеринѣ, по вступленіи ея на престолъ, пока не получилъ извѣстія о кончинѣ Петра III. Полагая, что послѣ этого ему уже нечего ждать хорошаго отъ новой Государыни, онъ просилъ отставки; но Императрица отвѣчала на эту просьбу письмомъ, въ которомъ увѣряла его, что онъ ни мало не потерялъ въ ея мнѣніи и что онъ ошибается, если судитъ ее „по стариннымъ поведеніямъ“ (обычаямъ); пріѣзжайте лучше сюда, чтобы „мы другъ друга разумѣли,“ заключала Императрица. Такимъ образомъ она сохранила Румянцова для пользы и славы Россіи. Его холодный умъ и холодныя манеры не могли, конечно, расположить къ нему новую Императрицу, но не помѣшали ей оцѣнить его достоинствъ. По уничтоженіи гетманскаго достоинства, она ввѣрила ему управленіе Малороссіей, и здѣсь его административныя способности имѣли случай вполнѣ развернуться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно пріобрѣсть ему уваженіе Государыни. Въ многочисленныхъ письмахъ своихъ къ нему она никогда не допускала той шутливой непринужденности, которою обворожала приближенныхъ, сочувственныхъ себѣ людей, но постоянно относилась къ нему съ уваженіемъ и довѣріемъ. Такія же чувства возбуждалъ къ себѣ Румянцевъ и въ своихъ подчиненныхъ; едва ли онъ имѣлъ страстныхъ приверженцевъ, какъ Суворовъ или Потемкинъ; но жители управляемыхъ имъ областей знали, что онъ нигдѣ не допуститъ несправедливости и пристрастія, а войска — что они будутъ сбережены, и если вступятъ въ бой, то выдутъ изъ боя не иначе какъ побѣдителями.

Изъ этихъ трехъ генераловъ, — Румянцова, Панина и Голицына, — для командованія въ предстоящей войнѣ избраны были первый и послѣдній.

Но прежде чѣмъ разсказывать ходъ военныхъ событій, познакомимся съ мѣстностію, на которой они должны были происходить.

Въ первые годы царствованія Екатерины II граница наша съ Турціей оставалась вообще въ томъ же видѣ, какою была установлена при царѣ Ѳеодорѣ. Азовъ, потерянный Петромъ, былъ возвращенъ при Аннѣ, а Кабарда,—земля, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказа и чрезъ которую проходитъ дорога въ Грузію, — признана была, тоже при Аннѣ Іоанновнѣ (Царст. Ан., гл. V.) вольною, то-есть не принадлежащею Турціи. Далѣе, за Кабардой слѣдуютъ горскіе кавказскіе народы и Грузія, признававшіе надъ собою власть султана. Въ другую сторону отъ Азова, къ западу, граница наша шла степями нынѣшняго Новороссійскаго края, именно по р. Міусу до р. Самары, впадающей въ Днѣпръ. Нѣсколько выше впаденія этой рѣки (считая по Днѣпру) упиралась въ Днѣпръ и граница Польскаго государства, именно близь нынѣшняго Кременчуга. На югъ отъ польской и турецкой, или правильнѣе, татарской (крымской) границы, шла, по обѣ стороны Днѣпра, земля Запорожскаго войска, которая на картахъ XVIII вѣка изображалась внѣ русскихъ владѣній. Дѣйствительно, до самаго XVIII вѣка Запорожье находилось болѣе въ номинальной, нежели въ дѣйствительной зависимости отъ Россіи, да и гораздо позднѣе, даже при Екатеринѣ, какъ мы видѣли, запорожская вольница не почитала себя связанною ни русскою политикой, ни русскими законами. Чтобы положить начало болѣе правильному устройству этого края, въ царствованіе Императрицы Елисаветы вызваны были изъ владѣній цесарскихъ наши единовѣрцы, Славяне, преимущественно Сербы, терпѣвшіе утѣсненія со стороны католическаго духовенства, и

приглашены водвориться на привольныхъ степяхъ, оставляемыхъ впустѣ Запорожцами. Это приглашеніе было охотно принято, и мало-по-малу нѣсколько десятковъ тысячъ Сербовъ-выходцевъ было водворено на этой мѣстности, которая поэтому и была названа *Новою Сербіей*, а потомъ переименована въ Новороссійскую губернію. Переселенцы были росписаны на полки, получили военное устройство, соотвѣтствующее ихъ пограничному положенію, и въ центрѣ ихъ поселеній, за Днѣпромъ, воздвигнута крѣпость Св. Елисаветы (Елисаветградъ).

Этотъ выдвинутый постъ между польскими и турецкими владѣніями имѣлъ большую важность въ военномъ отношеніи: это было превосходное сборное мѣсто для нашихъ войскъ, которыя, стянувшись къ Елисаветинской крѣпости, могли отсюда быстро перенестись въ глубину польскихъ владѣній и брали ихъ, такъ сказать, въ тылъ; оттуда же они могли, въ случаѣ войны съ Турціей, устремиться на Дунай или къ Перекопу, препятствуя соединенію турецкихъ и татарскихъ силъ. Но это же самое выдвинутое положеніе Новороссійской губерніи дѣлало ее открытою для непріятельскихъ вторженій, какъ это именно и случилось при началѣ Турецкой войны. Зимою 1768—69 года толпы Буджакскихъ Татаръ (жившихъ между низовьями Днѣстра и Буга), вторгнулись въ нее и произвели страшное опустошеніе. Далѣе, хотя положеніе Елисаветинской крѣпости и приближало насъ къ Дунаю, но чтобы проникнуть въ глубину турецкихъ владѣній, надо было проходить широкими степями, обитаемыми разными татарскими племенами, и переправляться чрезъ двѣ значительныя рѣки, Бугъ и Днѣстръ, изъ коихъ послѣдняя была прикрыта двумя крѣпостями, Бендерами

и Хотиномъ. За Днѣстромъ обитали племена христіанскія, намъ единовѣрныя: Молдаване, Волохи и Болгары; угнетаемые Турками, они обнаруживали къ намъ сочувствіе всякій разъ, когда возбуждалась война между Россіей и Турціей: при Аннѣ, при Петрѣ и даже ещё ранѣе. Можно было надѣяться, что и теперь они будутъ нашими союзниками; но для этого нужно было явиться на Дунаѣ, а онъ отстоитъ отъ Елисаветграда не ближе 400 верстъ по прямому пути, изъ коего половина пролегаетъ пустыми степями, обитаемыми воинственными и враждебными племенами. Таковъ былъ театръ открывавшейся войны и таковы препятствія, которыя наша армія должна была преодолѣть.

Планъ предстоящей кампаніи былъ слѣдующій: Румянцеву, со второю арміей поручено было охранять всю огромную линію нашей границы отъ западнаго угла Новороссіи до Азова; первая армія собиралась въ польской Украйнѣ,—нынѣшнихъ Подольской и Кіевской губерніяхъ,—съ тѣмъ, чтобъ оттуда начать наступленіе. Князь Голицынъ, который командовалъ этою арміей, долженъ былъ овладѣть Хотиномъ и утвердиться на Днѣстрѣ, прикрывая такимъ образомъ и Польшу, и Россію, а затѣмъ, по обстоятельствамъ, дѣйствовать наступательно и далѣе. Въ то же время небольшіе отряды должны были двинуться на Кубань и даже въ Грузію, населеніе которой, единовѣрное намъ, готово было возстать противъ Турціи. Наконецъ, въ глубочайшей тайнѣ, въ Кронштадтѣ и Архангельскѣ снаряжались эскадры, которыя предполагалось послать въ Средиземное море, чтобы поднять Грековъ. Планъ былъ, слѣдовательно, обширный: посмотримъ, какъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Весною 1769 года князь Голицынъ, съ первою арміей,

открылъ кампанію движеніемъ къ Хотину; но тутъ съ первыхъ же шаговъ оказалась его нераспорядительность и неспособность; онъ не запасся ни осадною артиллеріей, ни достаточнымъ количествомъ провіанта для осады этой крѣпости, простоявъ нѣсколько времени передъ которою, долженъ былъ снова возвратиться на Украйну. Запасшись на этотъ разъ продовольствіемъ, князь Голицынъ вторично подступилъ къ Хотину; но благопріятное время было упущено. Турецкая армія, переправясь между тѣмъ черезъ Дунай, была уже недалеко отъ Днѣстра и выслала отрядъ на усиленіе Хотинскаго гарнизона. Голицынъ находился между сильною непріятельскою крѣпостію и цѣлою непріятельскою арміей: положеніе довольно сходное съ тѣмъ, какое занималъ царь Петръ передъ Нарвскимъ сраженіемъ. По счастію, противъ Голицына былъ не Карлъ XII и не Шведы, а визирь безъ военныхъ дарованій и армія безъ дисциплины. Простоявъ нѣсколько дней въ бездѣйствіи въ своемъ лагерѣ, нашъ главнокомандующій началъ обратное движеніе къ Подоліи; визирь кинулся-было за нимъ, но потерпѣлъ сильное пораженіе и побѣжалъ въ глубину Молдавіи. Тогда и хотинскій гарнизонъ, видя себя оставленнымъ, покинулъ крѣпость, и нашимъ войскамъ оставался трудъ лишь занять ее.

Такимъ образомъ задача, возложенная на князя Голицына, была, собственно говоря, выполнена; тѣмъ не менѣе главнокомандующій обнаружилъ такъ мало способностей, что его рѣшились отозвать. Первую армію поручили Румянцеву, а на его мѣсто призванъ былъ графъ П. Панинъ.

Между тѣмъ, по занятіи Хотина, небольшіе отряды русскихъ войскъ вступили въ Молдавію, народонаселеніе которой встрѣтило ихъ съ большимъ сочувствіемъ.

Яссы были заняты и летучіе наши отряды проникли до Дуная. Румянцеву предстояло утвердиться на Дунаѣ занятіемъ расположенныхъ на этой рѣкѣ крѣпостей, а задача Панина состояла въ томъ, чтобъ овладѣть сильною турецкою крѣпостью, Бендерами, и такимъ образомъ очистить отъ турецкаго господства все пространство впереди тогдашней русской границы, прервавъ въ то же время всякую связь между Крымомъ и Турціей.

Графъ Румянцевъ, прибывъ въ армію, нашелъ дѣла въ весьма худомъ положеніи. На отряды, расположенные въ занятомъ краѣ, были сильныя жалобы; они грабили жителей, которые встрѣтили русскія войска дружелюбно. Дурныя распоряженія и проливные дожди затрудняли подвозку провіанта изъ Россіи; къ довершенію же бѣдствій въ арміи показалась чума. Чрезвычайная распорядительность, дѣятельность и настойчивость новаго главнокомандующаго восторжествовали однакожь надъ всѣми этими неблагопріятными условіями, и войска начали мало-по-малу подвигаться со своихъ зимнихъ квартиръ въ Молдавіи, слѣдуя вдоль Прута. Они не встрѣчали нигдѣ серіознаго сопротивленія, потому что дожди замедлили переправу визиря черезъ Дунай; только крымскій ханъ стоялъ у Кишинева съ своими Татарами, не рѣшаясь одинъ, безъ поддержки Турокъ, вступить въ бой ни съ Румянцевымъ, ни съ Панинымъ. Визирь, все еще задерживаемый у Дуная, прислалъ ему подкрѣпленіе тысячъ въ десять съ приказаніемъ задерживать Румянцева. Тогда ханъ подвинулся къ Пруту, переправился на правый берегъ этой рѣки, по которому слѣдовала наша первая армія, но былъ прогнанъ, перешелъ обратно на ея лѣвый берегъ и окопался на высотахъ за рѣчкою Ларгой, впадающею въ Прутъ. Румянцевъ рѣшился атаковать его въ этой

позиціи, хотя и мѣстоположеніе и число войскъ давали ему большія преимущества надъ Русскими: у хана было 60—80 т. войска, а Румянцевъ, хотя и выступилъ съ мѣста съ 50.000, но болѣзни, особенно чума, и необходимость отдѣлять отряды для прикрытія сообщеній уменьшили его армію, въ которой не было и 30.000 чел. 7 іюля произошелъ бой при р. Ларгѣ,—первый въ ряду знаменитыхъ военныхъ подвиговъ, прославившихъ 1770 годъ. Онъ начался въ 4 часа утра, а въ двѣнадцать позиціи непріятеля, болѣе 30 орудій и весь его обозъ былъ въ нашихъ рукахъ. Татары и Турки пустились въ разсыпную по широкой степи.

Между тѣмъ получены были извѣстія, что визирь переправляется черезъ Дунай съ 150.000 Турокъ. Эта огромная армія, соединясь съ Татарамя, хотя и разсѣянными, но многочисленными, представляла бы такую массу, которая неминуемо подавила бы русскую армію, значительно уменьшившуюся и отъ сраженій и, еще болѣе, отъ чумы. Обыкновенный полководецъ поспѣшилъ бы отступить при такихъ условіяхъ, и имѣлъ бы тѣмъ болѣе право это сдѣлать, что могъ опасаться за продовольствіе своей арміи въ этомъ отдаленномъ и пустынномъ краѣ. Но чрезъ это онъ потерялъ бы плоды недавней побѣды и едвали въ состояніи былъ бы совершить свое отступленіе благополучно въ виду непріятеля, богатаго кавалеріей. Румянцевъ, столько же отважный и рѣшительный, сколько хладнокровный, предположилъ разбить отдѣльно визиря, также какъ онъ отдѣльно разбилъ хана. Мѣстность благопріятствовала этому плану. Страна, прилегающая къ нижнему Дунаю, низменна и перерѣзана множествомъ рѣчекъ, вливающихся въ него съ лѣвой стороны, при чемъ онѣ образують широкіе лиманы, или озера. За однимъ изъ такихъ лимановъ, об-

разуемомъ рѣчкою Ялпухъ, укрылся ханъ, послѣ своего пораженія, а визирь, переправясь черезъ Дунай, расположился по другую, правую сторону того же лимана, упираясь лѣвымъ плечомъ въ лиманъ рѣчки Кагула. Румянцевъ могъ слѣдовательно перевѣдываться съ нимъ отдѣльно отъ хана и, въ случаѣ побѣды, втоптать Турокъ въ Дунай, протекавшій позади ихъ позиціи. Но у визиря было, какъ сказано, до 150.000 войска, а у Румянцева, послѣ Ларга, и за отдѣленіемъ отряда для удержанія Татаръ, оставалось не болѣе 17.000 человѣкъ: можно ли было рѣшиться на сраженіе при такой несоразмѣрности силъ! Нашей арміи надлежало въ полномъ смыслѣ слова побѣдить или умереть. Но въ такихъ-то случаяхъ и совершаются самые блистательные подвиги.

21 іюля, до разсвѣта, войска Румянцева двинулись впередъ пятью большими карреями. Какъ только восходящее солнце открыло это движеніе, изъ визирскаго лагеря хлынула масса кавалеріи и, точно прорвавшая плотину рѣка, залила всю равнину. Но эти стройные, плотные пять карревъ, охваченные со всѣхъ сторонъ волнами пестрыхъ всадниковъ, продолжали подвигаться, останавливаясь изрѣдка, чтобъ очистить себѣ путь картечью. Лагерь турецкій былъ близко; но по мѣрѣ приближенія къ нему, стали въ эти несокрушимые карреи долетать ядра и выхватывать цѣлые ряды. Былъ уже девятый часъ утра: достанетъ ли силъ у людей, утомленныхъ долгимъ боемъ, одолѣть турецкую пѣхоту и овладѣть непріятельскими пушками? Удержитъ ли хана слабый отрядъ выставленный противъ него, или же и съ тыла хлынетъ новое море всадниковъ? Въ случаѣ неуспѣха, гибель была неминуема; но тѣмъ сильнѣе могучая воля Румянцева напирала на покорные карреи, кото-

рые все шли и шли впередъ подъ ея неотразимымъ напоромъ... Вотъ уже и самыя укрѣпленія, установленныя пушками. Вдругъ масса скрытыхъ въ лощинѣ янычаръ (лучшіе пѣхотинцы турецкой арміи) кидается на правое наше карре (генерала Племянникова) съ такимъ пыломъ и съ такою неожиданностію, что оно въ одно мгновеніе приведено въ разстройство. Все погибло бы, еслибы минутное колебаніе продлилось! Румянцевъ несется къ этому каррею—и порядокъ въ немъ установляется. Тогда, писалъ Румянцевъ Императрицѣ „ударили мы во всю мочь на мечъ и огонь турецкій". Янычары опрокинуты и Племянниковъ на ихъ плечахъ врывается внутрь укрѣпленій. Между тѣмъ Репнинъ (отозванный изъ Варшавы) съ лѣвымъ карреемъ, обойдя непріятельскій лагерь, начинаетъ осыпать его ядрами и угрожаеть пресѣчь сообщеніе Турокъ съ Дунаемъ. Ужасъ овладѣваетъ ими. Вся несмѣтная ихъ толпа кидается къ этой рѣкѣ и, преслѣдуемая однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Румянцева, Бауеромъ, гибнетъ въ ней массами. Лагерь и 130 орудій въ рукахъ побѣдителей.

Оба извѣстія,—о побѣдахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ,—одно за другимъ примчалась въ Петербургъ и потрясли радостію столицу. Императрица была въ восхищеніи. „Несравненной арміи моей успѣхи и побѣды, писала она Румянцеву, кто съ толикимъ удовольствіемъ видѣть можетъ, какъ я? Но какъ велика радость моя, сіе легче чувствовать можно, нежели описать! Однимъ словомъ,—отъ малаго до великаго могутъ быть увѣрены о моей къ нимъ милости". И точно, побѣдители при Ларгѣ и Кагулѣ были щедро награждены. Что касается до самаго Румянцева, то онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, получилъ Георгіевскую ленту и большія имѣнія въ Малороссіи.

Послѣдствіемъ побѣды при Кагулѣ было очищеніе Турками всего лѣваго берега Дуная. Многочисленныя, но вообще незначительныя ихъ крѣпости здѣсь находившіяся, сдавались одна за другою, видя, что некому подать имъ помощи. Отдѣльные наши отряды переправились на правый берегъ Дуная, вступили въ Валахію и безъ сопротивленія заняли Букарештъ. Между тѣмъ графъ Панинъ, послѣ долгой осады, взялъ приступомъ Бендеры, послѣ чего не осталось болѣе слѣдовъ турецкаго владычества на всемъ обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и нашею границей. Турція лишена была возможности высылать массы Татаръ во флангъ нашимъ арміямъ, и крымскій ханъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ Россіей. Къ этому надо еще присоединить, что небольшой отрядъ, посланный въ Грузію, былъ тамъ встрѣченъ съ радостію и надеждой: измученные долговременною зависимостью отъ Турціи, Грузины соединились съ русскими войсками и обратили оружіе на своихъ притѣснителей.

Таковы были результаты кампаніи 1770 года, одной изъ самыхъ блистательныхъ во всей нашей военной исторіи. Но это было не все: въ то самое время, когда совершались описанные подвиги на сушѣ, нашъ флотъ приводилъ въ трепетъ Константинополь и открывалъ новую будущность христіанскимъ племенамъ юго-западной части Турецкой Имперіи.

VII.

Русскій флотъ послѣ Петра I.—Цѣль отправленія его въ Средиземное море.—Положеніе Грековъ и Славянъ въ Турціи.—Сношенія гр. А. Орлова съ греческими патріотами. — Стефанъ Малый.—Экспедиція кн. Долгорукова въ Черногорію —Морейская экспедиція.—Сраженіе при Чесмѣ. —Результаты Морейской экспедиціи.

Флотъ, созданный Петромъ I, послѣ его смерти сталъ приходить въ забвеніе и упадокъ. Онъ былъ совершенно ничтоженъ во все время царствованія Императрицъ Анны и Елисаветы; Петръ III, задумавъ вести войну съ Даніей, обратилъ на него вниманіе, но, разумѣется, въ кратковременное свое царствованіе ничего сдѣлать не могъ, такъ что Екатерина, вступивъ на престолъ, нашла его въ весьма жалкомъ положеніи. Въ 1765 году, послѣ смотра сдѣланнаго флоту, она писала Н. Панину: „мы имѣемъ много кораблей и людей на нихъ, но не имѣемъ ни флота, ни матросовъ“. На этомъ смотру корабли затруднялись въ производствѣ самыхъ простыхъ движеній, сталкивались между собою, сцѣплялись снастями, а стрѣльба производилась весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Екатерина рѣшилась извлечь нашъ флотъ изъ этаго жалкаго положенія. Но такое дѣло не можетъ совершиться скоро. Постройка кораблей стоитъ дорого, для нея требуется заблаговременно заготовленный лѣсъ, а главное дѣло, хорошіе моряки образуются лишь временемъ и практикой. Чтò возможно, то было сдѣлано. На кронштадтской и архангельской верфяхъ работы кипѣли; морскія команды упражнялись на уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени судахъ, изъ Даніи и Англіи вызываемы были въ нашу службу офице-

ры,—и къ началу 1769 года у насъ уже были двѣ эскадры, которыя рѣшено было ввести въ Средиземное море, чтобъ дѣйствовать противъ Турокъ съ той стороны, съ которой они никакъ не могли ожидать нападенія. Эти приготовленія очень озабочивали иностранныхъ дипломатовъ, которые не могли понять, съ какою цѣлію они производятся. Отправка русскихъ эскадръ въ Средиземное море казалась дѣломъ совершенно невѣроятнымъ, или, по крайней мѣрѣ, безразсуднымъ. Французское правительство, въ перепискѣ съ своими дипломатическими агентами, называло эту мысль несчастною и романическою и предсказывало, что ни одного русскаго корабля не возвратится изъ Средиземнаго моря.

Тѣмъ не менѣе, лѣтомъ 1769 года наши эскадры выступили изъ Кронштадта и Архангельска и, какъ увидимъ, мрачныя предсказанія французскихъ политиковъ не оправдались.

Между тѣмъ еще до разрыва съ Турціей графъ А. Орловъ проживалъ въ Италіи для лѣченія, или подъ предлогомъ лѣченія, и завязывалъ тамъ узелъ чрезвычайно важнаго дѣла. Извѣстно, что въ Турецкой Имперіи наименьшая часть жителей состоитъ изъ Турокъ, что полуостровъ Морея и прилегающія къ ней части материка, равно какъ и острова Іонійскіе и Архипелажскіе, населены потомками нѣкогда великихъ и славныхъ Грековъ, а во всей сѣверной части Балканскаго полуострова, да отчасти и въ древней Македоніи, народонаселеніе состоитъ изъ Славянъ. Какъ Греки, такъ и Славяне суть наши единовѣрцы и единство религіи установило издавна нѣкоторыя связи между Россіей и этими племенами. Еще цари наши постоянно высылали щедрыя приношенія Константинопольскому (греческому) патріарху; Аѳонскій монастырь главнѣйше существовалъ ми-

лостынями, присылаемыми изъ Россіи. Что касается до Славянъ, то ихъ знали, особенно до XVIII вѣка, гораздо меньше, но симпатія къ намъ этихъ народовъ оказалась при первомъ появленіи нашемъ среди нихъ, близь Дуная. Не взирая на неудачу Петра подъ Прутомъ, его имя сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ между различными племенами турецкихъ Славянъ; среди нихъ распространилась вѣра, что рано или поздно великій сѣверный славянскій народъ придетъ на помощь своимъ братіямъ, и вѣра эта, казалось, готова была оправдаться, когда Минихъ сталъ громить Турокъ. Бѣлградскій миръ не оправдалъ этой вѣры, но она продолжала существовать, и все, что совершалось важнаго въ Россіи, находило отзвучіе между турецкими Славянами.

Положеніе какъ Славянъ такъ и Грековъ было тяжкое,—такое, каково можетъ быть положеніе людей порабощенныхъ полудикими побѣдителями; а потому отъ времени до времени, какъ между Греками, такъ и между Славянами ненависть къ Туркамъ оказывалась возмущеніями. Но между Греками сохранились слѣды древней цивилизаціи; Греки вели обширную торговлю, преимущественно съ Италіей, и были отличными моряками; нѣкоторыя греческія фамиліи, жившія въ Константинополѣ, не взирая на тяжелое, лежавшее на нихъ ярмо, искусствомъ и хитростію успѣвали пріобрѣсть большое вліяніе на управленіе государствомъ и занимать важныя должности; другія, уставъ терпѣть насилія на родинѣ, покидали ее и переселялись въ Италію, преимущественно въ Венецію, и открывали тамъ богатые торговые или банкирскіе дома. Наконецъ, на Іонійскихъ островахъ сгруппировалось густое греческое народонаселеніе, которое чувствовало себя довольно свободнымъ отъ турецкаго гнета,— и въ средѣ

этихъ-то Іонійскихъ Грековъ и переселенцевъ въ Италію, начинала уже въ то время, о которомъ мы говоримъ, созрѣвать мысль объ освобожденіи Греціи изъ-подъ турецкаго ига,—мысль осуществившаяся полъвѣка спустя.

Орловъ, по собственному ли побужденію, или вслѣдствіе полученныхъ инструкцій, во время своего пребыванія въ Италіи, сошелся съ людьми, мечтавшими объ освобожденіи Греціи и старался узнать, есть ли какія-нибудь основанія для того, чтобъ эти мечты обратились въ дѣйствительность. Желаніе освободить Грецію существовало въ Европѣ съ самаго появленія въ ней Турокъ. Папы, императоры германскіе, короли французскіе стремились къ ея осуществленію и приглашали московскихъ царей оказать имъ содѣйствіе; союзъ, въ который вступила царевна Софія съ Польшей и Императоромъ, имѣлъ ту же цѣль. Пылкій Минихъ надѣялся осуществить ее во время своихъ походовъ противъ Турокъ и составлялъ проекты объ изгнаніи Турокъ въ своемъ заточеніи. Естественно, что эта мысль была не чужда и Екатеринѣ. Есть извѣстіе, что вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, она отправила греческаго уроженца, находившагося въ русской службѣ и пріятеля Орловыхъ, Папандопула, въ Грецію, чтобъ развѣдать о расположеніи умовъ въ той странѣ. Но оставляя въ сторонѣ извѣстія, не вполнѣ достовѣрныя, обратимся къ тѣмъ, которыя не подлежатъ сомнѣнію. По словамъ лицъ, съ которыми Орловъ сносился, вѣроятности произвесть общее возстаніе между Греками были очень сильны. Въ послѣдніе годы передъ тѣмъ временемъ, о которомъ говорится, насилія причиняемыя христіанамъ Турками достигли крайнихъ предѣловъ. Изъ одной Албаніи,—страны прилегающей къ Адріатическому морю,—

двору. Долгорукову было поручено разоблачить самозванца (*).

На маленькомъ греческомъ суденышкѣ, съ нѣсколькими русскими офицерами и провожатыми изъ туземцевъ, Долгоруковъ переправился чрезъ Адріатическое море, присталъ къ турецкому берегу и сталъ взбираться на скалы черногорской земли. Въ нѣсколько часовъ вся Черногорія узнала о прибытіи русскаго генерала и собралась въ Цитинью,—главное селеніе страны, гдѣ проживало первенствующее духовное лицо и правитель (владыка). Передъ собравшеюся всенародною сходкой былъ прочтенъ манифестъ Императрицы, на подданство и послушаніе которой Черногорцы тутъ же присягнули. Затѣмъ надо было расправиться съ самозванцемъ. Уже одно прибытіе князя Долгорукова могло поколебать авторитетъ Стефана; онъ это понялъ, и потому сталъ возбуждать Черногорцевъ противъ русскаго эмиссара. Но обаяніе Долгоруково было сильно; на новой сходкѣ онъ потребовалъ, чтобы Стефанъ явился вмѣстѣ съ другими, для того, чтобы публично обличить его самозванство. Это было не трудно сдѣлать. Смутивъ его нѣсколькими вопросами о Россіи, въ которой онъ никогда не бывалъ, Долгоруковъ заставилъ Стефана признаться въ своемъ самозванствѣ. Простодушные Черногорцы также легко разувѣрилась въ немъ, какъ и повѣрили ему. „Мы его посѣчемъ!“ закричала сходка; но Долго-

(*) Къ удивленію, самозванство Стефана Малаго, весьма непріятное Екатеринѣ и, безъ сомнѣнія, отклонившее ее отъ поддержки движенія Славянъ, нѣкоторыми черезъ-чуръ глубокомысленными политиками было приписано ей же, Екатеринѣ! Не вѣроятнѣе ли предположить, что если въ появленіи этого страннаго самозванца дѣйствовала какая-нибудь интрига, что эта интрига была направлена людьми враждебно расположенными къ Русской Императрицѣ?

руковъ объявилъ имъ, что находясь здѣсь отъ имени Императрицы, которой они повиноваться присягали, онъ одинъ имѣетъ право суда надъ преступникомъ, и велѣлъ арестовать Стефана, не столько въ намѣреніи подвергнуть его наказанію, сколько для того, чтобы спасти его жизнь. Дѣйствительно онъ былъ черезъ нѣсколько времени выпущенъ на волю, но вскорѣ за тѣмъ погибъ, умерщвленный, какъ полагаютъ, убійцей, подкупленнымъ Турками.

Что же касается до князя Долгорукова, то онъ, кажется, не воспользовался тѣмъ авторитетомъ, который давалъ ему званіе уполномоченнаго Русской Императрицы. Дикіе, бѣдные Черногорцы ему надоѣли; онъ не въ состояніи былъ, да и не имѣлъ приказанія подготовить возстаніе всѣхъ славянскихъ племенъ, и съ наступленіемъ зимы 1769 года возвратился въ Италію, къ графу Орлову, чтобы принять участіе въ *Морейской экспедиціи.* Наши эскадры пришли между тѣмъ (въ исходѣ 1769 года) въ Средиземное море. Одною изъ нихъ командовалъ морякъ не очень искусный, но храбрый, адмиралъ Спиридовъ, другою — англійскій офицеръ, поступившій въ нашу службу, Эльфинстонъ. Спиридовъ пришелъ въ Средиземное море первымъ, и бросилъ якорь у острова Минорки, гдѣ его уже встрѣтило нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ Грековъ, которые подготовляли своихъ земляковъ къ возстанію. Они убѣждали Спиридова спѣшить къ берегамъ Турціи, предлагали ему лоцмановъ, обѣщали снабжать его провіантомъ и увѣряли, что при появленіи его все православное населеніе Турецкой имперіи возстанетъ какъ одинъ человѣкъ. Но Спиридову было не благоразумно одному рисковать — встрѣтить весь турецкій флотъ; онъ выждалъ прибытія Эльфинстона, и тогда обѣ эскадры направились къ бере-

гамъ древней Греціи. Весь флотъ нашъ состоялъ изъ 9 линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ, съ 5000 десантнаго войска. Къ несчастію, наши адмиралы перессорились между собою, и успѣхъ всего предпріятія могъ бы отъ этого сильно потерпѣть, еслибы вскорѣ не прибылъ Орловъ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ со всего флота, ему было предложено принять главное начальство не столько для того, конечно, чтобъ управлять морскими эволюціями, (такъ онъ былъ не морякъ) сколько для того, чтобы давать общее направленіе дѣйствіямъ флота.

Въ началѣ 1770 года наши эскадры успѣли выгрузить на различныхъ мѣстахъ турецкаго берега оружіе, порохъ и маленькія команды прибывшаго съ нимъ десанта, около которыхъ немедленно образовались значительныя толпы Грековъ, провозглашавшихъ истребленіе Турокъ и освобожденіе отечества. Греческое ополченіе было раздѣлено на два отряда, изъ коихъ одинъ назывался Спартанскимъ, а другой Восточнымъ. Возстаніе не замедлило обхватить всю Морею (древній Пелопонезъ) и, не ограничиваясь одними прибрежьями, проникло внутрь полуострова. Русскій флотъ между тѣмъ подвигался вдоль морейскаго берега и овладѣвалъ одной за другою крѣпостями и портами Навариномъ, Модономъ, Корономъ, Наполи-ди-Романіа. Эльфинстонъ имѣлъ удачную встрѣчу съ нѣсколькими турецкими кораблями.

Успѣхи были быстры, но должно признаться, что они не обѣщали большой прочности. Мѣстныя народонаселенія охотно принимались за оружіе, но не охотно переносили военные труды и съ такою же легкостію оставляли знамена, съ какою собирались вокругъ нихъ. „Подъ Модономъ,—пишетъ князь Долгоруковъ, прибывшій на эскадру вмѣстѣ съ Орловымъ,—узнавъ о приближеніи турецкаго отряда, я послалъ сказать Грекамъ,

коихъ человѣкъ 700 было, чтобъ они перешли налѣво, прикрывать мой лѣвый флангъ, но получилъ рапортъ, что ни одного Грека не осталось, а всѣ ушли ночью.“ Можетъ быть, болѣе серіозное содѣйствіе можно было ожидать отъ славянскихъ племенъ, вообще воинственныхъ и стойкихъ,—Черногорцевъ, Босняковъ и Албанцевъ, возстаніе которыхъ вѣроятно не замедлило бы сообщиться Сербамъ, живущимъ на Дунаѣ, гдѣ оно могло быть поддержано арміей Румянцова; но петербургскій дворъ не принялъ этого въ соображеніе и обратилъ главное вниманіе на Грековъ, увлеченный блестящею мыслію воззвать къ новой жизни страну классическихъ воспоминаній.

Графъ Орловъ между тѣмъ получилъ извѣстіе что, въ Архипелагѣ собрался весь турецкій флотъ. На бывшимъ по поводу этого извѣстія военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ нему на встрѣчу и дать сраженіе. Поднявъ паруса, наши корабли поплыли отыскивать Турокъ, и 24 іюня увидѣли весь ихъ флотъ, въ числѣ 16 линейныхъ кораблей, кромѣ другихъ судовъ, стоящій на якорѣ въ проливѣ между азійскимъ берегомъ и островомъ Хіо. Положено было аттаковать его немедленно. Передовыми кораблями командовалъ Спиридовъ. Послѣ горячей перестрѣлки корабль *Евстафій*, на которомъ находился этотъ адмиралъ, потерпѣвъ повреждение въ парусахъ, былъ нанесенъ на капитанъ-пашинскій (адмиральскій) турецкій корабль, который уже былъ объятъ огнемъ. Пылающая мачта упала съ него на *Евстафій* и искры съ нея посыпались на приготовленный для боя порохъ. Оба адмиральскіе корабля взлетѣли на воздухъ. Этотъ страшный взрывъ привелъ въ ужасъ Турокъ. Обрубивъ якоря, они поспѣшно отступили и стали въ тѣсной бухтѣ подъ выстрѣлами крѣпостцы Чесмы.

Этимъ кончился первый актъ кровавой драмы, извѣстный подъ названіемъ Чесменскаго боя. Второй актъ долженъ былъ разыграться 26 числа. На бывшемъ послѣ сраженія совѣтѣ, капитанъ Грейгъ, пріобрѣтшій почетную извѣстность въ русскомъ флотѣ, подалъ мысль воспользоваться скученнымъ положеніемъ турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ и сжечь его посредствомъ брандеровъ, или судовъ, наполненныхъ зажигательными веществами. Это предложеніе было одобрено, и четыре корабля положено было обратить въ брандеры. 25 число прошло въ этихъ приготовленіяхъ, а на слѣдующую ночь капитанъ Клокачевъ подвелъ ихъ къ турецкому флоту. Нѣсколько выстрѣловъ зажигательными снарядами произвели въ немъ пожаръ, послѣ чего были спущены брандеры. Объятые огнемъ, наполненные бомбами и гранатами, которыя лопались одна за другой, они врѣзались въ среду непріятельскихъ кораблей. „Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ, пишетъ Долгоруковъ. Вода, смѣшанная съ кровію и золою, получила прескверный видъ. Трупы людей, обгорѣлые, плавали по волнамъ, и такъ ими портъ наполнился, что съ трудомъ можно было въ шлюбкѣ разъѣзжать.“ Отъ всего турецкаго флота остался одинъ корабль, который былъ взятъ въ плѣнъ.

Извѣстіе объ этомъ громкомъ дѣлѣ дошло въ Петербургъ, когда тамъ едва успокоивалось радостное волненіе, возбужденное побѣдами Румянцова. Чесменскій бой сдѣлалъ при дворѣ и въ публикѣ едва ли еще не болѣе впечатлѣнія, чѣмъ Кагульскій. Современные стихотворцы, теперь мало извѣстные, Херасковъ и В. Майковъ, *воспѣли* его въ высокопарныхъ стихахъ, въ которыхъ Нептунъ и Спиридовъ съ Орловымъ, тритоны и сирены заодно съ Грейгомъ состязались за честь русскаго флага. Екате-

рина была въ восхищеніи. „Дивенъ Богъ въ чудесѣхъ Своихъ!“ поспѣшила она написать Румянцову. „Дѣла мои, какъ видите, идутъ довольно успѣшно,“ писала она къ Вольтеру, съ которымъ въ это время находилась въ дѣятельной перепискѣ. Торжественная паннихида была отслужена надъ могилой Петра, создателя русскаго флота. Что касается до главнаго предводителя русскаго флота, графа Орлова, то кромѣ другихъ наградъ, къ его фамиліи было присоединено наименованіе *Чесменскаго*.

Справедливость обязываетъ насъ сказать однакожь, что въ отношеніи военнаго искусства, побѣда графа Орлова не представляетъ ничего особенно поучительнаго. Со стороны русскаго флота обнаружено было несравненно болѣе отваги, нежели искусства, что впрочемъ ни чуть не умаляетъ славы этой побѣды. Русскіе моряки были новичками въ своемъ ремеслѣ; самъ адмиралъ Спиридовъ, хотя и старый морякъ, едва ли когда нибудь имѣлъ случай участвовать въ морскихъ сраженіяхъ; кораблями командовали нѣкоторые сухопутные офицеры, напримѣръ, упомянутый выше князь Долгоруковъ; графъ Орловъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ. Эти случайные адмиралы и капитаны сдѣлали что могли; они были въ бою настоящими героями,—и большаго отъ нихъ требовать нельзя.

Но невозможно не пожалѣть, что дѣло, которое могло принять огромные размѣры и повести за собою необъятныя послѣдствія, ничѣмъ не кончилось. Движеніемъ, обнаружившимся между Славянами, вовсе не воспользовались, а обратили все вниманіе на Грековъ, которые, будучи менѣе воинственны чѣмъ Славяне, не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя были ими же возбуждены. Можно думать, что еслибы послѣ Чесменскаго боя Орловъ сдѣ-

далъ новую высадку въ Мореѣ, то возстаніе приняло бы гораздо значительнѣйшіе размѣры. Несомнѣнно также, что еслибъ онъ со всѣмъ своимъ флотомъ, прямо изъ-подъ Чесмы, явился передъ Константинополемъ, то дѣла приняли бы не только совершенно иной оборотъ, но и самое существованіе Турецкой имперіи подверглось бы вопросу.

Этого не случилось. Мусульманское владычество и до сего времени тяготѣетъ вадъ юго-востокомъ Европы; но съ увѣренностію можно сказать, что Морейская экспедиція, хотя далеко не соотвѣтствовавшая своему назначенію, дала однакожъ сильный толчекъ пробуждающемуся стремленію къ независимости христіанскихъ племенъ, особенно Грековъ. Въ числѣ сподвижниковъ графа Орлова были отцы многихъ изъ тѣхъ, которые, лѣтъ пятьдесятъ спустя, сдѣлались вождями новаго возстанія, освободившаго Грецію. Примѣръ Россіи не остался безъ вліянія и на западную Европу: если соперничество нѣкоторыхъ дворовъ, а особенно французскаго, постоянно противодѣйствовавшаго видамъ Императрицы, стремилось въ описываемое время поддержать Турцію, то въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка тѣ же самые дворы, и между прочимъ французскій, уже дѣйствовали съ нами заодно. Руководствовались ли они чистымъ желаніемъ возстановить Грецію, или желаніемъ не допустить Россію одну совершить это дѣло, — все равно. Греція была возведена ихъ общими усиліями на степень независимаго государства, и несомнѣнно, что очередь дойдетъ и до Славянъ сдѣлаться политическими народами. Сербы, при помощи Россіи, уже пріобрѣли значительную долю независимости.

VIII.

Появленіе чумы въ арміи и потомъ внутри Россіи.—Чума въ Москвѣ.—Еропкинъ.—Умерщвленіе архіепископа Амвросія.—Прибытіе въ Москву князя Орлова.—Политическое положеніе Европы.—Кампанія 1771 года.—Занятіе Крыма княземъ Долгоруковымъ.—Виды Екатерины въ отношеніи восточной Европы.—Противодѣйствіе этимъ видамъ.—Фокшанскій конгрессъ. — Паденіе Орлова.—Конгрессъ въ Букарештѣ.—Провозглашеніе независимости Крыма.—Приготовленія Швеціи къ войнѣ.—Прекращеніе переговоровъ.

Выше было уже сказано, что въ Дунайской арміи обнаружилась чума. Первыя ея признаки были замѣчены еще въ 1769 году, въ летучемъ отрядѣ генерала Штофельна, который и самъ умеръ отъ этой болѣзни. За тѣмъ, эпидемія появилась и въ другихъ частяхъ арміи, распространилась по всей Молдавіи и Бессарабіи, а оттуда проникла въ Подолію и на Украйну. Когда развитіе ея сдѣлалось уже довольно сильно, приняты были мѣры, чтобъ она не распространялась далѣе внутрь имперіи, и съ этой цѣлію близь Кіева учреждены были заставы. Но, при безпрестанномъ движеніи между Кіевомъ и арміей, не легко было удержать заразу. Чума появилась въ Кіевѣ, Черниговѣ, Брянскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,—словомъ въ 1770 году, когда на Дунаѣ и въ Архипелагѣ торжествовало наше оружіе, на Россію надвигалось страшное бѣдствіе.

Дабы предохранить не зараженныя мѣста, въ Калугѣ, Серпуховѣ, Коломнѣ устроены были карантины; но всѣ эти мѣры, предписываемыя благоразуміемъ, вводимыя у насъ еще впервые, казались стѣснительными

носительно охраненія общественнаго
лицъ. Москва была оцѣплена, то-ест
ходящимся изъ нея дорогамъ выстав
улы, чтобъ никого не пропускать въ
дозволять выѣздъ лишь по выдерж
Учреждены были больницы; пожитки и
которыхъ чума показывалась, сожигал
нія умирающихъ отведены были за г
ща, такъ какъ старинный обычай, хор
приходскихъ церквахъ, среди города,
усиленію заразы.

Всѣ эти мѣры, вызываемыя необходи
не только тяжелыми,—чѣмъ онѣ и дѣйст
но и безполезными. Не привыкшіе къ
дя, что въ нихъ умираетъ много на
естественно), жители утаивали больных
ваясь безъ помощи, не только умирал
ражали свои семейства; одежду бол
велѣно было сожигать, ихъ родств
или носили сами — и заражались.

же увеличивался; не рѣдко бывало, что заболѣвшихъ покидали всѣ, даже ихъ ближніе; трупы ихъ оставались безъ погребенія, и отъ гніенія ихъ чума получала новую пищу; другіе выносили больныхъ на улицу и оставляли ихъ умирать безъ призрѣнія, боясь около нихъ заразиться. Еропкинъ организовалъ изъ преступниковъ, осужденныхъ на тяжкія наказанія, команду погребальщиковъ; но одинъ видъ этихъ несчастныхъ, въ особомъ, данномъ имъ одѣяніи, съ телѣгами, нагруженными мертвыми тѣлами, внушалъ ужасъ. Въ августѣ 1771 года число умирающихъ доходило до 400 и даже до 500 въ день. Вмѣстѣ съ усиленіемъ эпидеміи возрастало въ народѣ раздраженіе. Докторамъ, которыхъ, какъ это нерѣдко бываетъ во время эпидемій, народъ почиталъ виновниками всему злу, начинали угрожать; одного едва не убили. Еропкинъ убѣждалъ, успокоивалъ, являлся на улицахъ и въ больницахъ; но довѣрія къ своимъ распоряженіямъ внушить не успѣлъ. Что касается до главнокомандующаго, то онъ самъ раздѣлялъ всеобщій ужасъ и, оставивъ Москву, скрылся въ одномъ изъ подмосковныхъ имѣній. Тогда страхъ обуялъ все народонаселеніе. Дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ пріостановились; народъ повалилъ изъ бѣдствующаго города, не обращая вниманія на карантины и заставы, разнося съ собою заразу въ смежные уѣзды. Эти побѣги, равно какъ и самая смертность, значительно уменьшили населеніе Москвы; но болѣзнь такъ развилась, что въ сентябрѣ, не взирая на малолюдство, умирало отъ 700 до 800 человѣкъ въ день. Можно сказать что вся Москва считала себя обреченною на жертву. Многіе, будучи еще совершенно здоровыми, исповѣдывались и пріобщались, какъ будто приговоренные къ смерти. Другіе спѣшили въ церкви, думая что эта молитва ихъ будетъ, можетъ-быть, послѣднею.

воротамъ. Но между богомольцами случа
торыхъ зараза уже коснулась: они ее
гимъ, такъ что столпленіе народа у Бо
раза угрожало новымъ развитіемъ болѣз
это время архіепископомъ московскимъ, п
нимая, какую пищу заразѣ подаютъ эти с
казалъ убрать образъ. Это распоряже
народъ, безъ того уже раздраженный.
какъ ему казалось, отнимаютъ послѣдне
сенія. 15 сентября, лишь только посланн
начали дѣлать свое дѣло, раздался, пи
временникъ „нелѣпой вопль"; народъ б
полнителей архирейскаго приказанія и и
гіе кинулись къ колокольнямъ и ударил
этотъ звукъ отвсюду сбѣжался народ
чемъ дѣло, устремился въ Кремль. гдѣ
монастырѣ) проживалъ архипастырь.
образа, взволнованная толпа угрожала
случаѣ не оставить камня на камнѣ. А
спастись, но келіи его были разграбле

на помощь, чернь ворвалась въ монастырскую ограду и умертвила архипастыря.

Эти плачевные безпорядки могли повести къ новымъ. Императрица увидѣла необходимость предупредить ихъ и успокоить народъ присылкою въ Москву какого-нибудь очень значительнаго лица, которое могло бы говорить народу и дѣйствовать ея именемъ. Она выбрала для этого князя Гр. Орлова. Князь Орловъ пріѣхалъ въ концѣ сентября. Будучи снабженъ всевозможными полномочіями и имѣя по своему положенію огромный вѣсъ, онъ оказалъ однимъ появленіемъ своимъ благотворное вліяніе; умы нѣсколько успокоились; мѣры, принятыя Еропкинымъ, были усилены, и болѣзнь начала мало-по малу уступать; къ началу зимы она почти совершенно прекратилась въ Москвѣ. Но она обошла едва ли не всю Россію и похитила много жертвъ, хотя нигдѣ не свирѣпствовала такъ сильно, какъ въ Москвѣ.

Это былъ первый случай, когда князю Орлову довелось испытать труды и опасности, сопряженныя съ высокимъ положеніемъ; до сего времени онъ пользовался только его выгодами. Произведя строгое слѣдствіе о сентябрскихъ безпорядкахъ и наказовъ наиболѣе виновныхъ, онъ возвратился въ Петербургъ. Императрица рада была случаю выставить заслуги своего любимца. Она приказала выстроить въ честь его тріумфальныя врата въ Царскомъ Селѣ съ надписью: *Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва*, и вычеканить медаль съ изображеніемъ Курція, кидающагося въ пропасть для спасенія Рима... Говоря по справедливости, Еропкинъ гораздо болѣе Орлова заслужилъ названіе спасителя Москвы, а идти на опасность для спасенія отечества обязанъ всякій солдатъ.

Бѣдствія, разразившіяся надъ Россіей, сильно помра-

кихъ соглашеніи. ...
комъ велики; они встревожили всю Евр
селѣ взиравшая довольно равнодушно
ной Европы, послѣ истребленія нашим
каго, отозвала всѣхъ своихъ подданны
на нашихъ корабляхъ. Франція, не огра
ными пособіями, вела съ Турціей перего
ствованіи ей вооруженною рукой и вы
ресовать въ ея пользу и другія госу
образомъ весь Западъ принималъ въ о
угрожающее, или по крайней мѣрѣ, я
ное положеніе. Въ Швеціи умеръ въ
король Адольфъ—Фридрихъ, обязанны
ператрицѣ Елисаветѣ и постоянно бы
рожелателемъ; но преемникъ его, Густ
ловѣкъ честолюбивый и предпріимчивы
какъ горячій приверженецъ Франціи,
ея политики. Постоянный союзникъ н
дѣламъ, Фридрихъ II, давалъ чувство
готится платить намъ субсидіи, как
...оромъ 1764 года, и нахо

Такимъ образомъ наши военные успѣхи были причиною новыхъ для насъ затрудненій. Но они же обязывали русское правительство удерживать свою политику на высотѣ своихъ военныхъ успѣховъ. Императрица, въ одномъ изъ писемъ Румянцеву, упоминая о неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ въ Швеціи, выражалась такъ: „Еслибъ же они (Шведы) дерзнули на злостное предпріятіе, то я персонально готова оборонять и умереть въ оборонѣ той части границы нашей, коей никому уже не уступлю.“

Военныя дѣйствія должны были возобновиться. Въ предшествующемъ году занято было Румянцевымъ все пространство между Днѣстромъ и Дунаемъ. Чтò же предстояло дѣлать далѣе? Наступать въ глубину Турецкой имперіи? Но такое движеніе могло быть не безопасно, пока Польша не была успокоена и пока, съ другой стороны, крымское ханство съ его воинственнымъ народонаселеніемъ оставалось въ тылу арміи. Въ эту послѣднюю сторону и рѣшено было направить сильнѣйшіе удары. Обстоятельства этому благопріатствовали. Румянцевъ могъ удерживать Турокъ на Дунаѣ и не допустить ихъ подать помощь Крыму, съ которымъ затѣмъ намъ пришлось бы перевѣдываться одинъ-на-одинъ. Итакъ, планъ кампаніи 1771 года состоялъ въ томъ, чтобъ овладѣть Крымомъ. Это важное порученіе возложено было на вторую армію. Графъ Панинъ уже не командовалъ ею; онъ просилъ объ увольненіи, находя себя недостаточно вознагражденнымъ за взятіе Бендеръ. Преемникомъ его былъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, родной племянникъ того Долгорукова, который отличался подъ Полтавой и участвовалъ въ составленіи „кондицій“ посланныхъ Императрицѣ Аннѣ при ея избраніи. Дорога въ Крымъ была знакома

новому главнокомандующему: еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ подъ Перекопомъ въ арміи Миниха.

Въ концѣ апрѣля онъ собралъ двѣ дивизіи своей арміи и потянулся внизъ по Днѣпру, гдѣ примкнула къ нему и третья дивизія, отдѣливъ отъ себя лишь небольшой отрядъ для дѣйствія по Арабатской косѣ. Не далеко отъ Кременчуга Долгоруковъ оставилъ Днѣпръ и по той дорогѣ, по которой нѣкогда слѣдовали нестройные полки князя В. В. Голицына, (Вып. I, царств. Петра, гл. IV и VI) степью, направился къ Перекопу. Тамъ его ожидало отъ 60 до 70 тысячъ Турокъ и Татаръ предводительствуемыхъ самимъ ханомъ,—армія многочисленная, но, какъ увидимъ, не достаточная для обороны Крыма.

Оборонительныя работы, возведенныя на Перекопскомъ перешейкѣ, намъ уже извѣстны (цар. Ан., гл. V); онѣ состояли изъ вала со рвомъ, перерѣзывавшихъ перешеекъ и обороняемыхъ зàмкомъ,—главнымъ пунктомъ обороны. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ зàмокъ, и главныя силы непріятеля находились ближе къ Сивашу, чѣмъ къ Черному морю, Долгоруковъ предположилъ аттаковать лѣвую оконечность линіи, занявъ непріятеля фальшивыми движеніями противъ зàмка, а небольшому отряду приказалъ, воспользовавшись ночною темнотой и отливомъ, пробраться по дну Сиваша и отрѣзать Туркамъ отступленіе. Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполеніе ночью съ 13 на 14 іюня. Гарнизонъ зàмка былъ развлеченъ фальшивыми аттаками, и главная колонна безъ большаго затрудненія овладѣла невысокимъ валомъ, составляющимъ линію. Между тѣмъ обходная колонна пробралась моремъ, къ немалому удивленію непріятеля, но нѣсколько опоздала, такъ что онъ, по большей части, имѣлъ возможность отступить. Въ то же время отдѣльный отрядъ вступалъ въ Крымъ чрезъ Арабатскую косу.

Затѣмъ начались дѣйствія на самомъ полуостровѣ. Три главные тогдашніе приморскіе города, Евпаторія, Ѳеодосія и Еникале были заняты Долгоруковымъ, равно какъ и часть горнаго хребта, который тянется вдоль южнаго берега Крыма. Овладѣвъ этими четырьмя пунктами, Русскіе пріобрѣли господство надъ всею страной. Татары пришли въ уныніе; вознегодовали на султана, не оказавшаго имъ помощи, взбунтовались противъ своего хана, весьма непріязненно расположеннаго къ Россіи и, слегка руководимые княземъ Долгоруковымъ, возвели на его мѣсто Сагибъ-Гирея, почитавшагося нашимъ доброжелателемъ.

Это были очень важные успѣхи. Крымскій полуостровъ, съ его полудикимъ населеніемъ, былъ самъ по себѣ не опасенъ Россіи; но онъ былъ всегда готовымъ орудіемъ противъ нея въ рукахъ Порты. Поэтому чрезвычайно важно было утвердить въ немъ наше вліяніе и устранить турецкое. Но виды, которые при этомъ открывались, состояли не въ одномъ только устраненіи опасности крымскихъ набѣговъ для сосѣдственныхъ областей Россіи: передъ нами открывалось наконецъ обладаніе Чернымъ моремъ, къ которому первоначально стремилась мысль Петра I. Екатерина, желая выразить, какое значеніе она придаетъ занятію Крыма, присоединила къ фамиліи его покорителя наименованіе *Крымскаго*, а между тѣмъ поспѣшила воспользоваться своимъ завоеваніемъ. Едва были заняты нашими войсками устья Дуная и Дона, какъ она уже приступила къ построенію въ нихъ судовъ, выписавъ для этого англійскихъ офицеровъ.

Но война продолжалась уже четыре года, и притомъ, какъ мы видѣли, сопровождалась бѣдствіями внутри Имперіи; прекращеніе ея было дѣломъ весьма желательнымъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

тивно было благу народовъ, чтобъ сосѣдственныя съ крымскими владѣніями русскія области, дотолѣ постоянно подвергавшіяся набѣгамъ и раззореніямъ, заселились, процвѣли и посылали свои произведенія по Дону и Днѣпру, въ южную Европу; чтобъ эти области, изъ пустынь, обратились въ жилище образованныхъ гражданскихъ обществъ? Европейскіе дворы опасались, что Крымъ и Дунайскія княжества подпадутъ подъ власть Россіи? Относительно княжествъ это опасеніе не имѣло основаній: Екатерина думала образовать изъ нихъ независимое государство, на которое она, конечно, имѣла бы большое вліяніе; что же касается до Крыма, то поглощеніе его Россіей должно было неизбѣжно случиться потому что онъ составляетъ не что иное, какъ продолженіе русскаго материка и, ни по географическому своему положенію, ни по свойствамъ своего населенія, не представляетъ условій для самостоятельнаго государства. При томъ, всякая пядь земли, извлеченная изъ-подъ турецкой власти, есть завоеваніе Европы у Азіи, успѣхъ христіанства надъ исламизмомъ, цивилизаціи надъ варварствомъ. Какъ нѣкогда римскія завоеванія раздвигали границы цивилизованнаго міра, такъ и въ наши дни завоеванія европейскими державами турецкихъ областей вносятъ жизнь туда, гдѣ ее не было.

Такъ слѣдовало бы, кажется, смотрѣть на предположенія Екатерины съ точки зрѣнія интересовъ Европы и человѣчества вообще; что касается въ частности до Россіи, то они открывали необъятный горизонтъ величія и благоденствія. Призванныя ею къ самостоятельной жизни христіанскія племена естественнымъ образомъ должны были бы войдти, такъ сказать, въ политическую орбиту Россіи, сдѣлаться ея опорою и союзниками. Такимъ образомъ, еслибъ эти предположенія осуществились, на

востокѣ Европы образовалась бы могущественная группа народовъ, связанныхъ единствомъ происхожденія или вѣроисповѣданія; Россія не осталась бы одинокою представительницею славянскаго элемента и восточнаго православія, а турецкіе христіане не томились бы до настоящаго дня подъ чуждымъ игомъ, теряя мало-по-малу и свой языкъ и свою религію.

Но могущество, которое пріобрѣла бы Россія, устрашало, и дѣйствительно могло устрашить Европу. Доля вліянія, обнаруженнаго Россіей въ дѣлахъ европейской политики, казалась нѣкоторымъ старымъ державамъ захватомъ; еще прежде чѣмъ нашъ перевѣсъ надъ Польшею и Турціей обнаружился такимъ несомнѣннымъ образомъ, политическая система Франціи состояла въ томъ, чтобъ вовсе устранить Россію отъ обще-европейскихъ дѣлъ (*). Естественно, что въ настоящихъ обстоятельствахъ подобныя побужденія должны были обнаружиться болѣе чѣмъ когда-нибудь. Нашъ союзникъ Король Прусскій нашелъ, какъ и можно было ожидать, условія мира, сообщенныя ему Императрицею, чрезмѣрными. Никогда, писалъ онъ ей, Турція не согласится на уступку Дунайскихъ княжествъ и острова въ Архипелагѣ; ограничьте нѣсколько ваши требованія, и тогда я употреблю все мое вліяніе въ Константинополѣ, чтобъ доставить вамъ миръ, который нуженъ и Россіи, истощенной войною. Если вы не умѣрите вашихъ требованій, продолжалъ онъ, Турція привлечетъ на свою сторону вѣнскій дворъ. Лучше для Рос-

(*) Въ инструкціи, данной Французскимъ королемъ своему посланнику при вступленіи на престолъ Екатерины, сказано: «цѣль моей политики относительно Россіи заключается въ томъ, чтобъ устранять ее сколь возможно отъ участія въ дѣлахъ Европы».

сіи оказать нѣкоторое снисхожденіе Портѣ: а если выгоды, которыя вы отъ нея получите, покажутся вамъ недостаточными, вознаградите себя на счетъ Польши. Подобныя же убѣжденія о снисходительности къ Портѣ слышались и со стороны вѣнскаго двора, который, дѣлая исподоволь вооруженія для оказанія ей дѣйствительной помощи, склонилъ между тѣмъ султана къ освобожденію Обрескова.

Это послѣднее обстоятельство, заодно съ необходимостью подчиниться обстоятельствамъ, побудили Екатерину начать переговоры при посредствѣ берлинскаго и вѣнскаго дворовъ. Въ 1772 году уполномоченные воюющихъ державъ съѣхались въ Фокшанахъ, въ Молдавіи. Однимъ уполномоченнымъ съ русской стороны былъ Обресковъ, проведшій около трехъ лѣтъ въ плѣну и, частію, въ тяжкомъ заключеніи. Другимъ, и притомъ первымъ уполномоченнымъ, назначенъ былъ Григорій Орловъ, пріобрѣвшій поѣздкою въ Москву, въ минувшемъ, году репутацію, которую онъ надѣялся значительно увеличить доставленіемъ Россіи желаннаго мира. Вмѣстѣ съ дипломатами воюющихъ державъ прибыли въ Фокшаны и повѣренные отъ дворовъ прусскаго и вѣнскаго. Турецкіе полномочные никакъ не соглашались признать независимость Крыма, ниже уступить турецкія крѣпости Керчь и Еникале, безъ чего, очевидно, входъ въ Черное море оставался бы для насъ закрытымъ. Съ своей стороны, посредники, имѣвшіе причины не желать чрезмѣрнаго усиленія Россіи, не оказывали поддержки нашимъ требованіямъ. Положеніе наше въ Фокшанахъ было невыгодно; но можетъ быть, при помощи настойчивости и терпѣнія, оно могло бы улучшиться. Къ несчастію, первый уполномоченный, Орловъ, былъ болѣе въ состояніи поражать собраніе бле-

скомъ своего, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайнаго великолѣпія и пышности, нежели руководить переговорами; они вскорѣ, и безъ достаточныхъ основаній, были прекращены Орловымъ, который съ необыкновенною поспѣшностію, удивившею всѣхъ, ускакалъ въ Петербургъ.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ иностранными писателями, причиною этого быстраго отъѣзда и прекращенія переговоровъ было обстоятельство, совершенно чуждое политикѣ. Графъ Панинъ, постоянно препиравшійся съ Орловымъ, и графъ Чернышевъ воспользовались, по этимъ извѣстіямъ, его отсутствіемъ, чтобъ поколебать расположеніе къ нему Императрицы. При дворѣ заговорили о новомъ фаворитѣ, Васильчиковѣ,—и эти слухи, дойдя до Орлова, побудили его прервать порученное ему дѣло и поспѣшить въ Петербургъ, чтобъ личнымъ появленіемъ возстановить свой кредитъ. Но разсчетъ его оказался не вѣренъ: ему было запрещено являться ко двору. Впрочемъ Екатерина, какъ говорила сама, не любила удалять людей огорченными: Орлову даны были имѣнія, дома и деньги, съ приглашеніемъ съѣздить за границу, гдѣ онъ и дѣйствительно провелъ нѣсколько времени, удивляя богачей, и даже принцевъ крови, блескомъ своихъ бриліантовъ. Впослѣдствіи онъ возвратился ко двору, но прежнее расположеніе къ нему Императрицы не возвратилось.

Все лѣто 1772 года прошло въ приготовленіяхъ къ переговорамъ и въ переговорахъ; войска отдыхали и оправлялись послѣ болѣзней, сильно между ними свирѣпствовавшихъ. Разрывъ переговоровъ, послѣдовавшій въ сентябрѣ, засталъ ихъ въ крайне разстроенномъ положеніи, да и самого главнокомандующаго—больнымъ. По счастію, дѣло не дошло до возобновленія военныхъ дѣйствій. Обресковъ, а равно и турецкіе уполномочен-

ные, пожелали возобновить переговоры и, съ разрѣшенія своихъ правительствъ, съѣхались осенью того же 1772 года въ Букарештѣ. Дѣла пошли здѣсь лучше. Обресковъ. привыкшій къ дипломатическимъ формамъ и къ турецкимъ нравамъ, легко расположилъ къ себѣ турецкихъ дипломатовъ, миролюбіе которыхъ усилилось еще вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ изъ Крыма.

Благодаря недавнимъ побѣдамъ и дѣйствію искуснаго агента, генерала Щербинина, вліяніе наше въ Крыму сдѣлалось весьма сильно. Щербининъ, безъ большаго труда, успѣлъ возбудить между татарскими мирзами желаніе полной независимости и провести, такъ сказать, мысль Екатерины объ образованіи подъ властію Сагибъ-Гирея независимое государство изъ всѣхъ татарскихъ племенъ, живущихъ по Черному морю. Прельщеные этою мыслію, Татары провозгласили независимость Крыма и отпаденіе отъ завимости султана.

Это просишествіе сильно подѣйствовало на ходъ переговоровъ въ Букарештѣ. Турецкіе уполномоченные согласились на нѣкоторыя изъ условій, которыхъ требовала Екатерина, и между прочимъ ни одно изъ важнѣйшихъ: на признаніе независимости Крыма; въ Петербургѣ уже предвидѣли близкое заключеніе славнаго мира,— но этимъ надеждамъ еще не суждено было осуществиться. Главнѣйшею причиной внезапнаго измѣненія въ политикѣ турецкаго правительства было, по прежнему, вліяніе Франціи. Для достиженія этой цѣли, версальскій дворъ, не взирая на свои разстроенныя финансы, тратилъ огромныя суммы въ Константинополѣ и Варшавѣ. Онъ точно также сыпалъ деньгами и въ Швеціи. Король французскій издавна дѣлавшій значительныя расходы для поддержки въ Швеціи партіи, враждебной Россіи, пріостановился было ихъ выдачею, видя невозможность

ветою; онъ началъ готовиться къ во:
посольство въ Константинополѣ, ук
готовленія, еще разъ не допустило
нія мира. Весною 1773 года уполно:
рештскомъ конгрессѣ получили пр
уступокъ и извѣщеніе, что диванъ
тѣ, которыя они уже сдѣлали. Перего
и послѣ продолжительнаго перемирі
приняться за оружіе.

IX.

Польскія дѣла.—Кн. Репнинъ отозванъ.—К
дернъ.—Суворовъ.—Виды Фридриха II на По
Генриха въ Петербургѣ.—Переговоры межд
о Польшѣ.—Положеніе вѣнскаго двора по
дѣлахъ.—Трактаты трехъ союзныхъ прави

сидентскій вопросъ. Между тѣмъ диссидентскій вопросъ и договоръ съ Россіей 1768 года произвели Барскую конфедерацію, которая вызвала коліевщину, а коліевщина втянула насъ въ войну съ Турціей. Едва ли можно обвинить Репнина въ этихъ послѣдствіяхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ результатомъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ былъ главнымъ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе виднымъ лицомъ, оказались новыя затрудненія для Россіи, то онъ подвергся въ Петербургѣ нареканіямъ; его упрекали въ чрезмѣрной рѣзкости, раздражавшей Поляковъ. Противъ самой политики, которой Екатерина слѣдовала въ Польшѣ, обнаружилось неодобреніе. Права, дарованныя диссидентамъ по договору 1768 года, нѣкоторые находили чрезмѣрными и, главное, не оправдываемыми дѣйствительною потребностію. Диссиденты допущены теперь, говорили эти порицатели, ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и къ участію въ сеймахъ; но между православнымъ населеніемъ польскаго государства почти нѣтъ шляхтичей, нѣтъ вліятельныхъ людей: какія же должности они будутъ занимать? Кто изъ нихъ будетъ засѣдать въ сенатѣ? Даже на сеймахъ они явятся въ ничтожномъ меньшинствѣ и будутъ играть по необходимости, жалкую роль. Стоило ли дѣлать такъ много шума изъ-за такихъ убогихъ результатовъ?... Эти возраженія были довольно справедливы; но тѣ, которые ихъ дѣлали, забывали, что эта именно слабость православныхъ на сеймахъ и въ правительствѣ подавала Россіи поводъ и ставила ее въ обязанность употреблять собственное свое вліяніе для ихъ поддержанія, и что на этомъ-то и основывалось то господствующее положеніе, которое она пріобрѣла трактатомъ 1768 года. Умалить права диссидентовъ значило отказаться отъ вліянія въ Польшѣ и, можетъ быть, уступить его Пруссіи.

Къ сожалѣнію, затрудненія, въ которыя вовлекло Россію покровительство диссидентамъ, были весьма сильнымъ аргументомъ противъ этихъ соображеній. Тѣ, которые выставляли эти аргументы, совѣтовали сдѣлать уступку Полякамъ и увѣряли, что она послужитъ къ ихъ успокоенію, а тѣмъ самымъ развяжетъ намъ руки въ отношеніи Турціи. Эти внушенія превозмогли; рѣшено было, сохраняя по возможности достоинство Россіи, сдѣлать нѣкоторыя уступки въ отношеніи гарантіи, которую приняла на себя Россія, а также и по вопросу о диссидентахъ. Это щекотливое дѣло поручено было исполнить князю М. Н. Волконскому, бывшему уже посломъ въ Варшавѣ во время управленія дѣлами Бестужева. Пріѣхавъ въ Варшаву въ 1769 году, новый посолъ нашелъ, что надежды Поляковъ сильно возбуждены помощію Турціи, тайными интригами Франціи и благосклонностію вѣнскаго двора. Смѣщеніе Репнина они почитали побѣдою, а малоуспѣшная кампанія на Днѣстрѣ князя Голицына вселяла въ нихъ увѣренность въ могущество Турціи. Король Станиславъ прямо объявилъ Волконскому, что просьба о гарантированіи Екатериною новой конституціи Польши, уступки диссидентамъ и вообще весь трактатъ 1768 года были вынуждены силою. Чарторыйскіе съ неменьшею безцеремонностію говорили, что пока не опредѣлится, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ въ войнѣ Россіи съ Турціей, они ничего не предпримутъ рѣшительнаго. Другіе громко заявляли увѣренность, что вся Европа подниметъ оружіе за Польшу, и эта увѣренность была такъ сильна, что даже побѣды Румянцева и Орлова-Чесменскаго не могли ее поколебать. Подстрекаемые этой надеждою, которую подъ рукою поддерживали многочисленные французскіе агенты, Поляки составляли конфедерацію за конфедераціей; отряд-

цы въ нѣсколько сотъ человѣкъ появлялись то здѣсь, то тамъ, страшно утомляя наши войска. Впрочемъ ничего общаго и серіознаго изъ этого не выходило; самъ великій покровитель Польши, французскій министръ Шуазёль, приходилъ въ отчаяніе отъ этого безсвязнаго и безцѣльнаго образа дѣйствій, и рѣшился наконецъ послать въ Польшу, подъ видомъ искателей приключеній, нѣсколько отборныхъ офицеровъ съ деньгами и полномочіями, въ надеждѣ, что они успѣютъ придать какое нибудь единство дѣйствіямъ польскихъ конфедератовъ. Эти офицеры, между которыми былъ весьма прославившійся впослѣдствіи Дюмурье, дѣйствительно успѣли сообщить нѣкоторую опредѣленность отдѣльнымъ конфедераціямъ. Литовское и бѣлорусское шляхетство составило (1771 г.) отрядъ тысячь въ шесть и избрало своимъ маршаломъ князя Огинскаго; одинъ изъ первыхъ барскихъ конфедератовъ, Пулавскій, цѣлымъ рядомъ отважныхъ и успѣшныхъ дѣйствій на Украйнѣ и близъ Карпатскихъ горъ пріобрѣлъ значеніе и могъ, казалось, собрать вокругъ себя большое количество вольныхъ дружинъ, рыскавшихъ по краю безъ всякой между собою связи.

Дѣло, по видимому, начинало быть серіозно. Новый посолъ въ Варшавѣ, смѣнившій Волконскаго, Сальдернъ, человѣкъ весьма умный, но больной и раздражительный, еще болѣе преувеличивалъ затруднительность нашихъ дѣлъ въ Польшѣ. Онъ представлялъ, что во всей Польшѣ есть одинъ только человѣкъ, на котораго Россія можетъ положиться, хотя сотни людей получаютъ отъ нея пенсіи или подарки,—это Браницкій, о которомъ упоминалось по поводу усмиренія гайдамаковъ. Желчный Сальдернъ не болѣе благосклонно отзывался и о русскихъ войскахъ, бывшихъ въ Польшѣ; потребовалъ

смѣщенія ихъ начальника, Веймарна, и изъ общаго осужденія исключилъ одного лишь Суворова.

Этотъ человѣкъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи такую громкую славу и почитающійся до сего времени первымъ полководцемъ русскимъ, теперь является передъ нами въ первый разъ. Можно сказать, не опасаясь впасть въ ошибку, что Суворовъ переданъ потомству въ крайне одностороннемъ и каррикатурномъ видѣ; большая часть обращающихся о немъ анекдотовъ и разсказовъ представляютъ его оригиналомъ, чудакомъ, почти шутомъ, такъ что съ этимъ представленіемъ какъ-то не вяжется понятіе о высокихъ дарованіяхъ. Дѣйствительно, Суворовъ кричалъ пѣтухомъ, странно одѣвался и говорилъ иногда еще страннѣе; но упоминая объ этомъ, надо не забывать, что между его современниками въ Ро сіи было не много людей такъ солидно образованныхъ, какъ онъ, и едва ли хоть одинъ, такъ глубоко изучившій военныя науки. Прибавимъ къ этому, что лучшіе наши генералы, —Румянцевъ, Панинъ, Чернышевъ, —усвоили съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ военную систему Фридриха Великаго и гордились названіемъ его подражателей; Суворовъ же, изучивъ ее не менѣе своихъ сотоварищей, остался самостоятельнымъ. Гораздо ранѣе Наполеона I изумлялъ онъ военныхъ людей безпримѣрною до того времени быстротою. Его пѣхота дѣлала переходы до 70 верстъ въ сутки и вступала прямо въ бой послѣ такихъ переходовъ, —за которыми и осталось названіе *суворовскихъ*.

Этой своеобразности Суворова, какъ полководца, кромѣ природныхъ его свойствъ, вѣроятно не мало способствовало и то обстоятельство, что во время Семилѣтней войны онъ, будучи еще въ малыхъ чинахъ, командовалъ партизанскими отрядами, гдѣ пріучался къ быстротѣ, неожи-

даннымъ ударамъ, находчивости и рѣшительности. Когда война кончилась, онъ получилъ полкъ. Многіе баричи того времени, командуя полками, проживали большую часть времени въ столицѣ, у двора: Суворовъ весь предался своему полку, пекся о его благосостояніи, устроилъ для солдатскихъ дѣтей школу, самъ училъ въ ней и составлялъ учебники. Обучая солдатъ военной экзерциціи, онъ изъ этого, по видимому, чисто механическаго упражненія, выработалъ ту тактику, которую съ такою славой примѣнялъ потомъ на боевомъ полѣ и которая состояла въ силѣ натиска и въ дѣйствіи штыкомъ. „Пуля дура—штыкъ молодецъ“, говорилъ Суворовъ на своемъ неподражаемомъ нарѣчіи. Никто не умѣлъ такъ пріучить солдатъ къ перенесенію трудовъ и лишеній какъ Суворовъ; но эти труды и лишенія онъ самъ съ ними раздѣлялъ; онъ былъ строгъ, но и попечителенъ и всегда имѣлъ въ запасѣ одну изъ тѣхъ шутокъ, которыя его прославили почти столько же, какъ его побѣды. Поверхностные люди долго считали Суворова только чудакомъ; Екатерина одна изъ первыхъ оцѣнила его по достоинству. Мы видѣли, что и Сальдернъ отдавалъ ему справедливость.

Дѣйствительно, гдѣ только оказывалось скопленіе конфедератовъ,—Суворовъ налеталъ на нихъ неожиданно и разсѣевалъ однимъ ударомъ. Его кругъ дѣйствій былъ у подошвы Карпатовъ; но когда усилилась конфедерація Огинскаго, онъ какъ будто однимъ прыжкомъ перескочилъ отъ Красностава и Люблина въ Литву и подъ Становичами (въ сентябрѣ 1771 г.) нанесъ ей одинъ, но окончательный ударъ, послѣ чего безъ отдыха и устали опять перенесся къ подошвѣ Карпатовъ.

Въ началѣ 1772 года конфедераты, предводимые французскими офицерами, овладѣли Краковымъ, благодаря

оплошности русскаго коммендаита: они провели свою партію чрезъ отверстіе, оставленное въ стѣнѣ, для стока нечистотъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Суворовъ кидается къ Кракову и штурмуетъ его. Приступъ не удался. Но Суворовъ былъ одинъ изъ тѣхъ военныхъ людей, которые никогда не покидали разъ задуманнаго предпріятія; онъ повелъ противъ зàмка правильную осаду, простоялъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и принудилъ непріятеля къ сдачѣ. Тогда онъ предложилъ гарнизону, и французскимъ офицерамъ во главѣ его, выйдти изъ крѣпости *тѣмъ же путемъ, которымъ они вошли.*

Такимъ образомъ ни на сѣверѣ республики, ни на югѣ не удалось, какъ желалъ бы французскій дворъ, организовать серіознаго возстанія. Да оно и не могло никогда произойдти, потому что масса народа какъ въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, такъ и въ самой Польшѣ оставалось совершенно равнодушною къ оборонѣ своего отечества. Законами и обычаемъ это почетное дѣло возлагалась на одну шляхту, а шляхетское сословіе было слишкомъ малочисленно и непривычно къ трудамъ, чтобы вести упорную войну противъ регулярныхъ войскъ. По этому, опасенія, которыя внушалъ своему двору старикъ Сальдернъ, были въ значительной долѣ преувеличены, и Бибиковъ, присланный вмѣсто Веймарна, смотрѣлъ на дѣло гораздо правильнѣе, утверждая, что въ теченіе года можно окончательно прекратить всѣ эти возстанія.

Впрочемъ не болѣе или менѣе удачнымъ преслѣдованіемъ конфедератскихъ отрядцевъ должна была разрѣшиться судьба Польскаго государства, а путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Въ глазахъ тѣхъ, которые близко знали положеніе Польши, она давно уже перестала быть чѣмъ либо серіознымъ. Цесарскія войска въ 1770

году безъ всякихъ объясненій заняли небольшой участокъ польскихъ владѣній близь Карпатъ. Густой кордонъ войскъ Фридриха II занялъ польскую границу подъ предлогомъ обнаружившейся въ ней чумы и взыскивалъ все нужное для своего продовольствія въ пограничныхъ польскихъ областяхъ, какъ въ завоеванномъ краѣ. Такимъ образомъ республика со всѣхъ сторонъ была занята войсками сосѣднихъ державъ. Чѣмъ же должно было кончиться это занятіе?.. Надъ нею совершился одинъ изъ тѣхъ грозныхъ приговоровъ исторіи, которые должны служить урокомъ для народовъ и научить ихъ, что сила и слава государствъ состоятъ въ единодушіи всѣхъ сословій, что ихъ независимость можетъ быть обезпечена только крѣпкимъ союзомъ всего народа съ своимъ правительствомъ. Польша во все продолженіе своей долгой, и не рѣдко, славной исторіи, не выработала этихъ понятій. Между политиками этой страны сложилось странное убѣжденіе, что ея независимое существованіе необходимо для блага Европы; что не ея граждане, а народы и правительства всей Европы призваны ее защищать. Событія доказали, что это было горькое заблужденіе. Наступила минута, когда интересы сосѣднихъ народовъ оказались противоположными ея интересамъ,—и она была не завоевана даже, а просто раздѣлена.

Новѣйшія изысканія доказали неоспоримо, что первая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ Фридриху II. И это весьма естественно; ни одна изъ трехъ сосѣднихъ державъ не имѣла такой дѣйствительной надобности въ части польской земли, какъ Пруссія. Древняя столица этого государства, Кенигсбергъ съ нѣсколькими другими городами, былъ отдѣленъ отъ прочихъ его частей широкой полосою польскихъ вла-

дѣній. Пруссія не представляла, слѣдовательно, цѣлаго, пока эта полоса польскихъ владѣній не была къ ней присоединена. Фридрихъ II, со свойственною ему проницательностію, замѣтилъ это еще будучи наслѣднымъ принцемъ и выразилъ сожалѣніе, что не былъ королемъ во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смертію Августа II: „я непремѣнно вмѣшался бы въ польскія дѣла", сказалъ онъ однажды по этому случаю. Сдѣлавшись королемъ и окончивши долгія войны съ сосѣдями на западѣ и югѣ, онъ не преминулъ обратить вниманіе и на востокъ. Мы видѣли (стр. 86 и 136) что его политика по польскому вопросу увлекала за собою и русскую, и что онъ сѣтовалъ на Екатерину за то, что она допускаетъ правительству Станислава-Августа усиливаться; онъ желалъ бы оставить Польшу въ ея летаргіи, какъ онъ выразился въ разговорѣ съ Сальдерномъ. Въ настоящее время если не летаргія, то анархія въ Польшѣ была полная: плодъ былъ вполнѣ зрѣлъ; оставалось его сорвать, и Фридриху хотѣлось тѣмъ болѣе сдѣлать это, что война Россіи съ Турціей не могла принести Пруссіи никакой выгоды, а стоила ей издержекъ: чѣмъ же вознаградить эту послѣднюю? Присоединеніемъ той части Польши, которая врѣзывалась въ Прусскія владѣнія и разобщала ихъ. Нужно только было на это согласіе Русской Императрицы,—и Фридрихъ принялъ мѣры, чтобъ склонить ее къ своимъ видамъ (*).

Еще въ 1769 году онъ сообщилъ петербургскому двору сообщенный будто бы ему проектъ раздѣленія Поль-

(*) Сношенія по этому поводу превосходно изложены, на основаніи подлинныхъ документовъ, Шмидтомъ, въ его сочиненіи: Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne.

ши; но у насъ не обратили на это вниманія. Между тѣмъ, какъ сказано, лѣтомъ 1770 года имперскія войска заняли небольшую польскую область, на которую вѣнскій дворъ заявилъ старинныя претензіи. При безденежьи польской казны, при слабости Польскаго государства, это занятіе могло весьма легко изъ временнаго обратиться въ постоянное; вѣнскій дворъ, который менѣе всѣхъ, по видимому, обнаруживалъ честолюбія въ польскихъ дѣлахъ, въ дѣйствительности отрѣзывалъ у Польши область, не обнажая меча. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ рѣшился позаботиться и о себѣ, связавъ свои интересы съ русскими. У него былъ братъ Генрихъ, пріобрѣтшій громкую извѣстность участіемъ въ войнахъ брата своего и обширнымъ, просвѣщеннымъ умомъ. Рѣшено было устроить свиданіе между нимъ и Екатериной и поручить ему вывѣдать ея мнѣніе относительно раздѣленія Польши, — но очень осторожно, чтобы не возбудить заранѣе никакихъ толковъ. Принцъ Генрихъ посѣтилъ сначала сестру свою, Королеву Шведскую, и уже изъ Стокгольма, какъ бы по сосѣдству, пріѣхалъ въ Петербургъ, замаскировывая такимъ образомъ истинную цѣль своей поѣздки.

Никогда можетъ-быть Петербургъ не былъ въ такомъ одушевленіи какъ въ это время, когда съ Дуная и изъ Архипелага приходили одна за другою радостныя вѣсти. Пріѣздъ принца Генриха, — одной изъ первыхъ знаменитостей въ Европѣ, — былъ еще новымъ удовлетвореніемъ національной гордости. Празднества въ его честь чередовались съ празднествами въ честь Чесмы, Кагула, Бендеръ. Графъ Чернышевъ, между прочимъ, далъ ужинъ, на которомъ десертъ изображалъ разныя крѣпости, взятыя Русскими у Туровъ. Принцъ Генрихъ и нѣкоторые генералы, прибывшіе изъ арміи (меж-

ду прочимъ, Потемкинъ), были героями этихъ праздниковъ. Принцъ былъ не красивъ собою и довольно молчаливъ; его занимали не балы и не праздники; онъ искалъ не свѣтскихъ успѣховъ. Ему нужно было сблизиться съ вліятельными людьми русскаго двора и найдти случай затронуть передъ самой Императрицей занимавшій его вопросъ. Случай къ этому наконецъ представился; это произошло, по словамъ современниковъ, слѣдующимъ образомъ. Однажды будучи у Императрицы, принцъ замѣтилъ, что военные успѣхи въ Польшѣ не дорого обходятся. „Стоитъ лишь протянуть руку и подбирать, замѣтила Императрица". Затѣмъ она стала жаловаться на императрицу-королеву, которая ввела свои войска въ Польшу и овладѣла нѣкоторыми землями республики: „это легко могли бы, прибавила она, сдѣлать и другіе". — „Да, живо подхватилъ принцъ; стоило бы только *всунуть три головы въ одинъ колпакъ*, — и тѣмъ хуже для того, кому этотъ колпакъ принадлежитъ".

Намеки на раздѣленіе между русскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ дворами нѣсколькихъ областей возобновляемы были принцомъ Генрихомъ и при другихъ случаяхъ, но дѣло однакожъ не пошло далѣе намековъ; и если, какъ можно полагать, что Императрица не пропустила ихъ безъ вниманія, то несомнѣнно, что эти намеки встрѣчены были сильнымъ разногласіемъ въ ея совѣтѣ. З. Чернышевъ горячо ухватился за мысль, выраженную принцемъ Генрихомъ; но Панинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возставалъ противъ нея. Мы не знаемъ, какія именно возраженія онъ представлялъ, но извѣстно, что когда, въ проѣздъ черезъ Варшаву, принцъ Генрихъ закинулъ было слово Сальдерну о желаніи брата своего получить земельное вознагражденіе, то этотъ

старикъ, всегда крутой и рѣзкій, сказалъ ему напрямикъ: „прекрасно, лишь бы это было не на счетъ Польши“,— а Сальдернъ не могъ бы выразиться подобнымъ образомъ, еслибъ не зналъ мнѣнія объ этомъ предметѣ своего министра.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и мысль, мелькнувшая въ разговорахъ Императрицы съ принцемъ не имѣла видимыхъ результатовъ, когда вдругъ, въ мартѣ 1771 г., прусскій посолъ въ Петербургѣ графъ Сольмсъ получилъ отъ своего государя депешу, въ которой она была довольно ясно высказана. „Вѣнскій дворъ, писалъ Фридрихъ, занялъ польскія земли очевидно съ цѣлію не возвращать ихъ; это наводитъ меня на мысль, что и мы съ Россіей должны воспользоваться настоящими обстоятельствами и, подражая примѣру вѣнскаго двора, позаботиться также о собственныхъ своихъ интересахъ“. Вмѣсто того чтобы Россіи дѣлать такія усилія для завоеваній надъ Турціей, не гораздо ли проще, заключалъ онъ, было бы ей получить вознагражденіе изъ пограничныхъ земель Польскаго королевства.

Графъ Сольмсъ сообщилъ эту депешу Панину. Но Панинъ, какъ уже замѣчено, держался относительно Польши прежней политики: оставлять ее неприкосновенною и даже содѣйствовать установленію въ ней порядка, съ сохраненіемъ надъ нею лишь русскаго вліянія. Но самыя событія доказали несостоятельность такой политики. При первомъ энергическомъ заявленіи этого вліянія, противъ насъ обнажено было оружіе въ Польшѣ, и другіе дворы приняли участіе въ нашей распрѣ. Это и представлялъ Чернышевъ, поддерживавшій прусскія предложенія; но поколебать авторитетъ Панина было не легко. Совѣтъ Императрицы раздѣлился на двое. Пренія и споры продолжались нѣсколько не-

получила бы сплошное
тійскому морю, непрерыв
цига, который Пруссія с
Что касается до вѣнскаг
границу слѣдующимъ обр
силезской границы до Сан
къ Бугу, внизъ по этой
близъ Хотина.

Самая обширная изъ
лась Россія, но вмѣстѣ с
ность, гдѣ находятся Нев
чана и болотиста и богата
нынѣшней Могилевской гу
большихъ естественныхъ
уголъ, который заключает
составляетъ продолженіе
обще главное достоинство
въ томъ, что къ великому
долго отъ нея отдѣленная
дая подобныя же належы

тѣмъ, что устанавливала связь между двумя разрозненными частями государства и при томъ ставила внутреннюю торговлю Польши и сношенія ея съ Данцигомъ въ совершенную зависимость отъ Пруссіи, такъ какъ нижнее теченіе Вислы находилось въ предѣлахъ этой послѣдней державы. Самая богатая и истинно прекрасная доля доставалась Маріи-Терезіи: юго-восточный уголъ бывшаго королевства Польскаго, прилегающій къ Подоліи, съ богатѣйшими соляными копями. Но это была исконная русская земля, населенная или православными, или уніятами, говорящими малороссійскимъ нарѣчіемъ. Новое пріобрѣтеніе вѣнскаго двора еще болѣе увеличивало разноплеменность подвластнаго ему народонаселенія, — неудобство, которое обнаруживается въ настоящее время.

Договоры о раздѣлѣ Польши были подписаны 14 іюля 1772 года. Оставалось привести ихъ въ исполненіе. Подчинится ли Польша рѣшенію сосѣднихъ державъ—этого нельзя было знать. Но во владѣніяхъ этого государства находилось 42.000 русскаго войска; у Пруссіи и Австріи на-готовѣ было гораздо болѣе. Требованія, которыя должны были предъявить посланники союзныхъ дворовъ, были слѣдовательно подкрѣплены дѣйствительною силой. Со стороны Россіи предъявилъ трактатъ о раздѣлѣ баронъ Штакельбергъ, преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ. Сдѣланное имъ заявленіе поразило какъ громомъ и короля, и его министерство. Это не завоеваніе, а грабежъ, говорили Штакельбергу болѣе откровенные и болѣе раздраженные. Правда, отвѣчалъ посланникъ Екатерины, что мы не вели съ вами формальной войны; но развѣ для васъ было бы лучше, еслибъ это случилось? Откажитесь признать договоръ трехъ союзныхъ державъ — и война будетъ!... Польское правительство не

и англійскому, старался в
скаго государства, есть д
важное: вся Европа, пис
устранить отъ Польши у
же Польша, прибавлялъ
чтобы защищать себя и
придетъ къ ней на помощ

Не трудно угадать, как
званія. Англійскій король
ниславу-Августу, что одно
стояніи ему помочь. Фра
Поляковъ противъ союзни
тельную помощь и не рѣш
ніи. Сосѣднія державы ме
сейма, для того чтобы дат
Польшею трактатовъ о ра
очень сильно чувствовать,
торговлею на нижней Висл
нять предположенныя къ о
рукой. Турецкая война не

какое-то подобіе конфедераціи, которая, обратившись въ сеймъ, назначила уполномоченныхъ для подписанія договора съ тремя державами и для опредѣленія границъ. При этомъ очень замѣчательно, что правительство императрицы-королевы, которая ни прежде, ни послѣ раздѣла не могла говорить безъ слезъ о судьбѣ Польши, дѣлало наиболѣе затрудненій и предъявляло наиболѣе требованій при окончательномъ размежеваніи, которое поэтому окончилось не ранѣе, какъ въ 1774 году.

Такъ совершился первый раздѣлъ Польши, происшествіе, о которомъ исписаны тысячи книгъ, брошюръ и газетныхъ статей. Весьма замѣчательно, что въ первые годы, послѣдовавшіе за раздѣломъ, нѣкоторые изъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, гордились этимъ участіемъ. Принцъ Генрихъ, напримѣръ, любилъ приписывать себѣ первоначальную мысль раздѣла, оспаривая ее у своего брата; онъ даже почелъ нужнымъ испросить у Императрицы формальнаго засвидѣтельствованія, такъ сказать, аттестата, что мысль о раздѣлѣ принадлежитъ ему. (*) Вольтеръ, видя въ торжествѣ Россіи надъ Польшею, торжество религіозной терпимости надъ фанатизмомъ, горячо привѣтствовалъ Екатерину. Но вскорѣ въ общественномъ мнѣніи началъ совершаться поворотъ. Во Франціи явился талантливый писатель, Рюльеръ, съ которымъ сблизились нѣкоторые знатные Поляки, которому французское правительство

(*) Этотъ аттестатъ недавно нашелъ и напечаталъ профессоръ Соловьевъ; Императрица, говоритъ онъ, написала принцу: «По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можетъ считатся первымъ виновникомъ».

дозволило воспользоваться дипломатическою перепиской по польскимъ дѣламъ и который, черпая изъ этихъ двухъ источниковъ, написалъ сочиненіе, изображавшее дѣло Польши въ самыхъ сочувственныхъ чертахъ, а дѣйствія трехъ сосѣднихъ державъ, и особенно Россіи, въ самомъ отталкивающемъ видѣ. Очевидно, сочиненіе Рюльера, основанное на помянутыхъ источникахъ, не могло быть безпристрастно; но оно было написано съ талантомъ и съ одушевленіемъ, и будучи прочитано еще въ рукописи во многихъ знатныхъ домахъ въ Парижѣ, произвело глубокое впечатлѣніе. Императрицу Екатерину смутило это сочиненіе; она хлопотала, чтобъ оно не появилось въ печати по крайней мѣрѣ при ея жизни, и тѣмъ придала ему еще болѣе значенія. Съ своей стороны, соучастники ея въ раздѣлѣ Польши, удовлетворивъ интересамъ своей страны, или своему личному честолюбію, сочли не лишнимъ оказать удовлетвореніе общественному мнѣнію. Марія-Терезія продолжала проливать слезы надъ несчастіями Польши; Фридрихъ II, въ *Запискахъ*, которыя онъ оставилъ послѣ себя, старался уменьшить свое участіе въ раздѣлѣ Польши, приписывая его главнѣйше къ русской политикѣ.

Направленное въ эту сторону общественное мнѣніе пошло далѣе. За раздѣлами Польши было усвоено названіе *великаго беззаконія XVIII вѣка*, и виновницею его признана была единогласно Россія. Впослѣдствіи французскіе, саксонскіе и прусскіе архивы дали новые матеріалы новымъ сочиненіямъ, еще болѣе укрѣпившимъ это убѣжденіе, а польскіе писатели распространили его въ безчисленномъ множествѣ книгъ и брошюръ. Наконецъ уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка въ первый разъ раскрылись русскіе архивы,

и г. Шмидтъ, которому было дозволено пользоваться ими для исторіи перваго раздѣла, нашелъ въ нихъ положительныя доказательства, что дѣло происходило такъ, какъ оно выше разказано. Онъ опровергъ не только показанія тѣхъ, которые отталкивали отъ себя инціативу въ польскомъ раздѣлѣ, но и тѣхъ, которые ее себѣ приписывали: такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что мнимый проектъ графа Линара былъ сообщенъ Фридрихомъ, котораго почитаютъ его сочинителемъ, ранѣе чѣмъ принцъ Генрихъ имѣлъ объясненія съ Императрицею о *трехъ головахъ въ одномъ колпакѣ*. Подбирая свои доказательства съ неотразимою силой, почтенный историкъ съ радостью и торжествомъ возвѣстилъ міру, что первая мысль о *великомъ беззаконіи* принадлежитъ не Екатеринѣ, а Фридриху.

Нельзя не радоваться открытію, сдѣланному Шмидтомъ, какъ и всякому открытію, способствующему торжеству истины надъ вымысломъ; но современное русское общество, кажется, принимаетъ открытіе Шмидта только какъ объясненіе, а не какъ оправданіе. Оно находитъ, что Россіи не въ чемъ оправдываться. Россія нуждалась бы въ оправданіи, еслибы всякая война и всякое завоеваніе было признано преступленіемъ, и еслибы правительствамъ было вмѣнено въ обязанность пещись не о своихъ, а о чужихъ народахъ; завоеванія давно порицаютъ, войны называютъ бѣдствіемъ; но такого рода мнѣнія остаются еще и до настоящаго времени лишь въ области теорій и идеаловъ. Теперь, также какъ и сто лѣтъ тому назадъ, правительства почитаютъ первою обязанностію дѣйствовать въ виду интересовъ управляемыхъ ими народовъ и прибѣгаютъ для этого и къ войнѣ, и къ другимъ, болѣе скрытымъ, но не болѣе почтеннымъ средствамъ. Россіи было не-

обходимо придвинуться къ западу, чтобы сдѣлаться соучастницею европейской жизни,—и она придвинулась. Мы скорѣе должны были бы, можетъ-быть, сожалѣть, что это сдѣлалось не столько по собственному побужденію нашему, сколько по внушеніямъ Фридриха II, хотя при этомъ нельзя еще разъ не вспомнить записку, поданную виленскимъ игумномъ, Леонтовичемъ.

Но, говорятъ наши порицатели, раздѣлъ Польши совершенъ былъ даже безъ войны, простымъ захватомъ! Трудно допустить, можемъ мы отвѣтствовать, чтобъ человѣчество выиграло отъ новаго ряда сраженій, который послѣдовалъ бы за рядомъ ошибокъ, происходившихъ въ Польшѣ въ продолженіе пяти лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, почему Поляки не прибѣгли къ оружію, чтобы защищать свое государство, какъ сдѣлали мы въ 1812 году, Испанцы при нашествіи на нихъ Наполеона, или Французы во время своей революціи, — дѣло ихъ, а не наше.

X.

Устройство, данное присоединеннымъ отъ Польши землямъ.— Сестренцевичъ. — Іезуиты. — Экономическое положеніе Россіи.— Рекрутскіе наборы.—Монетная система.—Ассигнаціи.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Недоброжелатели Румянцова.—Компанія 1773 года.

Присоединяя, или правильнѣе, возвращая Бѣлоруссію, Императрица не хотѣла однакожь связывать частныя лица, которыя могли не желать вступить въ число русскихъ подданныхъ. Имъ данъ былъ срокъ, чтобы приве-

сти свои дѣла въ порядокъ и удалиться за границу; но за то отъ тѣхъ, которые рѣшались принять вѣрноподданническую присягу, требовалось точное ея исполненіе. Съ своей стороны, правительство принимало на себя обязательство не дѣлать никакого различія между новыми и прежними своими подданными. „Мы желаемъ, писала Екатерина въ инструкціи для губернаторовъ присоединенныхъ земель, чтобы нетокмо сіи провинціи силою оружія были намъ покорены, но чтобы всѣ сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ (вы) Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отверженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію.“

Главное управленіе Бѣлоруссіей было поручено графу Чернышеву, который, какъ сказано, принималъ самое энергическое участіе въ ея присоединеніи. Такъ какъ въ это время еще составлялись проэкты общаго для всей Россіи провинціальнаго управленія, то нѣкоторыя польскія учрежденія были пока сохранены, а чтобы законодательная власть могла ближе ознакомиться съ нуждами края, то изъ Бѣлоруссіи велѣно было прислать депутатовъ въ комитеты коммиссіи уложенія, продолжавшіе еще свои работы. (стр. 117). Впрочемъ, правительственнымъ языкомъ признанъ былъ русскій, который могъ затруднить лишь нѣкоторыхъ шляхтичей, но который былъ природнымъ относительно массы населенія. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ избѣгнута была ошибка, допущенная Петромъ относительно Прибалтійскаго края (стр. 63). Введеніе русскаго языка въ правительственныя сношенія и распространеніе на Бѣлоруссію общихъ для имперіи учрежденій не замедлили бы въ короткое

время совершенно слить ее съ остальною Россіей и совершенно истребить наложенный на эту искони русскую страну польскій отпечатокъ, еслибы Императоръ Павелъ не произвелъ радикальной перемѣны въ управленіи этою областью.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ гражданскаго управленія въ Бѣлоруссіи, предстояло устроить другое, болѣе трудное дѣло—управленіе каталической церковью въ Россіи. Для всѣхъ правительствъ католическая церковь и ея управленіе представляютъ большія затрудненія, потому что глава ея, папа, есть въ то же время независимый государь, имѣющій огромное вліяніе на все подчиненное ему духовенство, къ какой бы странѣ члены его не находились; будучи подданными того или другаго правительства, они остаются безусловно подчиненными папѣ во всемъ, касающемся не только религіи но и церковнаго управленія. Но отдѣлить сферу чисто духовную отъ дѣлъ чисто мірскихъ не легко. Извѣстно, какое грозное господство имѣлъ римскій дворъ надъ всѣми свѣтскими дѣлами и надъ всѣми правительствами въ средніе вѣка. Впослѣдствіи католическія правительства старались освободиться отъ этой зависимости и заключали съ римскимъ дворомъ договоры, называемые конкордатами, въ которыхъ съ возможною точностію опредѣлялась и разграничивалась степень подчиненія католическаго духовенства свѣтской и высшей духовной власти. Но какъ бы ни были точно сдѣланы эти разграниченія, недоразумѣнія между свѣтскою и духовною властію не могли быть устранены.

Получивъ вмѣстѣ съ провинціями, бывшими подъ властію Польши, и массу католиковъ, церкви, монастыри, цѣлое духовное управленіе, Екатерина должна была подумать, какимъ бы образомъ, не нарушая интересовъ

религіи, всегда священныхъ, остаться однакоже независимою и сохранить надъ католическими своими подданными ту власть, которая принадлежитъ правительству. Избѣгнуть сношеній съ Римомъ и устранить его вліяніе было не легко: посвященіе епископовъ зависѣло отъ папы и безъ его согласія не могло быть совершено; черное духовенство, принадлежащее ко множеству различныхъ орденовъ, подчинялось, чрезъ своихъ провинціаловъ, генераламъ этихъ орденовъ, проживающимъ въ Римѣ; а какъ римскій первосвященникъ всѣми силами поддерживалъ борьбу Польши противъ Россіи, то должно было ожидать, что всѣ вліянія, исходящія изъ Рима, будутъ враждебны Россіи.

Вотъ весьма серіозное затрудненіе, передъ которымъ очутилось русское правительство послѣ присоединенія Бѣлоруссіи. Польское духовенство было во главѣ враждебной намъ партіи всегда, а тѣмъ болѣе со времени возбужденія вопроса о диссидентахъ. Успѣетъ ли подчинить его правительство? Одолѣетъ ли оно эту силу, опирающуюся на нравственное могущество главы католическаго міра?

Все что̀ можно было съ этой цѣлію сдѣлать, Екатерина сдѣлала, и успѣхъ ея былъ возможно полный. (*) Самымъ важнымъ дѣломъ было найдти въ средѣ бѣлорусскаго духовенства человѣка, котораго можно было бы облечь довѣренностію и поставить въ главѣ духовнаго управленія. Екатерина умѣла найдти такого человѣка или правильнѣе, она умѣла дать ему надлежащее направленіе, потому что въ послѣдующія царствованія этотъ

(*) Тотъ, кто видя участіе польскаго духовенства въ послѣднихъ политическихъ безпорядкахъ, усомнился бы въ успѣшности мѣръ предпринятыхъ Екатериною, долженъ припомнить, что онѣ были отмѣнены Императоромъ Павломъ.

самый человѣкъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ при великой Государынѣ. Человѣкъ этотъ, замѣчательный по своему уму и просвѣщенію, искренній католикъ, но безъ фанатизма,—по крайней мѣрѣ въ первую половину своей карьеры,—былъ Сестренцевичъ. Екатерина, которой онъ былъ рекомендованъ, желала его видѣть сама и замѣтила, что онъ честолюбивъ: это была слабая сторона, которою она умѣла воспользоваться. Государыня объяснила ему, что стѣснять католической религіи она не желаетъ, но не желаетъ допустить, чтобы католическіе ея подданные служили оружіемъ непріязненной политики. Сестренцевичъ нашелъ, что это весьма справедливо и охотно взялся управлять католическою паствой по указаннымъ ему видамъ. Безъ согласія папы нельзя было сдѣлать его епископомъ: духовный санъ даетъ глава церкви; но никто не могъ отнять у Императрицы права ввѣрить церковную администрацію лицу духовному, хотя и безъ высокаго сана. Молодой монахъ былъ сдѣланъ главою всей католической паствы въ Россіи и, что̀ придавало ему еще большее значеніе, всѣ католическіе монастыри были подчинены ему, съ устраненіемъ генераловъ, проживавшихъ за границей: Екатерина не хотѣла, чтобъ свѣтская власть вмѣшивалась въ духовное управленіе, но желала, чтобъ это управленіе не ускользало изъ-подъ ея руки; ксендзы и монахи могли оставаться усердными католиками, но отъ нихъ требовалось, чтобъ они были вѣрноподданными и настоящими русскими гражданами. Сестренцевичу представлено было сноситься съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ посредство русскаго правительства; точно также всѣ распоряженія папы были, прежде ихъ обнародованія въ Россіи, разсматриваемы правительствомъ. Разумѣется, тѣ изъ нихъ, которыя касались исключительно

религіи и догматовъ, были обнародованы безъ малѣйшихъ затрудненій; но если они малѣйше нарушали права верховной власти, то оставались безъ оглашенія. Такимъ образомъ не было въ Россіи опубликовано бревѐ, (указъ) папы Климента XIV (въ 1774 году), уничтожившее орденъ іезуитовъ, которые въ одной только Россіи и оставались до новаго ихъ возстановленія.

За эту послѣднюю мѣру вообще порицаютъ Екатерину, такъ какъ іезуитскій орденъ возбуждаетъ противъ себя очень много и очень справедливыхъ нареканій. Но къ подобнымъ нареканіямъ Россія не имѣла основаній; іезуиты никогда не производили въ ней ни какихъ политическихъ интригъ: за что же было русскому правительству не дозволить имъ существовать у себя? Іезуитскій орденъ справедливо почитался самою просвѣщенною корпораціей въ Европѣ и не было школъ лучше устроенныхъ, чѣмъ іезуитскія: почему же было этимъ не воспользоваться? Правда, іезуиты были самыми усердными и самыми искусными распространителями католичества, что̀ впрочемъ и весьма естественно со стороны католическихъ монаховъ; но православное духовенство имѣло не менѣе ревности относительно соблюденія чистоты православія и безъ сомнѣнія было въ состояніи удержать свою паству въ вѣрности ея природной религіи. Вести борьбу противъ іезуитовъ было дѣломъ и обязанностію русской церкви, вмѣшиваться же въ нее свѣтскому правительству едвали прилично. Оно обязано смотрѣть на католическое духовенство лишь съ той точки зрѣнія и въ той мѣрѣ, въ какой это послѣднее вмѣшивалось въ свѣтскую борьбу Польши съ Россіей. Но іезуитскій орденъ вовсе не принималъ въ ней участія. Исключительно преданный служенію римскому католичеству, этотъ орденъ, можно ска-

неній, — когда еще продолжала
да вся восточная часть имперіи
нымъ мятежомъ (Гл. XI.) Но II
не единственнымъ затрудненіе
дилось бороться правительству
Россія принуждена была дѣлат
для отпора ожидаемому нападе
ставить торжество своей полит
нецъ, чтобы принудить Турцію
и почетному миру, были огром
то благосостояніе, которымъ он
передъ началомъ Турецкой вой

Это развитіе благосостоянія
ванія Екатерины изумительно.
за нѣсколько мѣсяцевъ до ея в
окончилась тяжелая война, не
малѣйшихъ выгодъ, и что тотча
приготовленія къ новой войнѣ
Петра III. Все это, вмѣстѣ съ р
которыя щедро раздавала Елис

ходъ превышалъ доходы на 5.000.000 рублей, что составляло едва не четверть всего бюджета, да кромѣ того на правительствѣ числилось много недоплатъ по различнымъ подрядамъ. Все это до такой степени поколебало за границей довѣріе къ финансамъ Россіи, что Елисавета Петровна не могла найдти въ Голландіи 2 м. р., которые она желала занять во время Семилѣтней войны. Даже жалованье войску выдавалось неисправно, за недостаткомъ наличныхъ суммъ. Но прошло три года новаго царствованія, — только три года, — и почти всѣ недоимки казны были уплачены, всѣ текущіе платежи начали производиться исправно, а въ сундукахъ штатсъ-конторы скопилась экономія въ пять съ половиною милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря прекращенію войны, прекращены были и рекрутскіе наборы.

Къ несчастію, дѣла въ Польшѣ, принимая болѣе серіозный оборотъ, сношенія съ Турціею, запутываясь все болѣе, принудили увеличить армію, и слѣдовательно сдѣлать рекрутскій наборъ. Въ продолженіе пятилѣтія, до окончанія войны, то-есть до 1774 года включительно, было восемь рекрутскихъ наборовъ, которые должны были стоить народу до 600.000 человѣкъ. Не говоримъ о томъ, сколько изъ этого числа погибло, но постараемся вообразить сколько матеріяльнаго благосостоянія на всемъ пространствѣ Россіи утратилось отъ того, что эти 600 т. человѣкъ были оторваны отъ земледѣлія и вообще отъ производительнаго труда! Сколько денегъ было потрачено на приготовленіе пороха, сожженнаго въ сраженіяхъ, снарядовъ, выпущенныхъ противъ непріятеля, пушекъ, ружей и другаго оружія, аммуниціи всякаго рода, въ короткое время приходившихъ въ негодность и которые надо было доставлять на Дунай и на Вислу! Промышленность пользовалась,

Но если правительство было
мадныя издержки, а съ другой
богатство, источникъ казенны
строено всѣми вышеозначенны
же средствами это правительст
и какъ оно выпуталось изъ
любопытный вопросъ, который
ясненія, мы захватимъ нѣсколь
связи съ дѣйствіями предшеств

Откуда брались деньги на тя
ваніе Петра I? И при немъ, а
сія имѣла мало денегъ и ея фи
кѣ; еще при Царѣ Алексѣѣ
ознаменовавшихъ его царств
финансовыя затрудненія, котор
шало безъ малѣйшаго вниманія
людей. Петръ также слишкомъ
манія на частные интересы. Од
которыми онъ доставилъ каз
творять чрезвычайнымъ тогдаш

стояло въ произвольномъ возвышеніи цѣнности денегъ. Главною и, можно сказать, единственною въ то время монетой у насъ была мѣдная. Мѣдь стоила 5 — 6 р. за пудъ; Петръ велѣлъ чеканить монеты изъ пуда мѣди гораздо болѣе чѣмъ на 5 — 6 рублей и довелъ до того, что ея чеканилось 40 р. съ пуда, то-есть въ восемь разъ болѣе, чѣмъ допускала настоящая цѣнность металла. Что же произошло? Всеобщая дороговизна, отъ которой страдала между прочимъ и казна. Вообразимъ себѣ, на примѣръ, что торговецъ металлами продаетъ частному покупщику мѣдь; если онъ возьметъ за нее рыночную цѣну, то-есть 5 — 6 р., то получая за нее плату вновь узаконенною, малоцѣнною монетою, онъ получитъ уже не на 5 — 6 р. а въ восемь разъ менѣе. Чтобъ не терпѣть такого страшнаго убытка, онъ принужденъ набавить на свой товаръ цѣну, тоже въ восемь разъ превосходящую прежнюю. А какъ надбавка цѣны на одинъ родъ товара всегда отражается и на всѣхъ другихъ, то всѣ покупщики, въ томъ числѣ и казна, должны были платить за всѣ предметы торговли дороже чѣмъ платили бы, еслибъ не произошло произвольнаго возвышенія цѣнности монеты.

Зло, которое отъ этого происходило, такъ ясно, что его скоро поняли и пожелали исправить. Съ одной стороны послѣдовали строгія запрещенія противъ обращенія денегъ въ товаръ, а съ другой приказали чеканить монету болѣе высокаго качества, то-есть такую, которая приближалась бы къ дѣйствительной цѣнности металла. Но являлись новыя чрезвычайныя потребности въ деньгахъ, — и опять начиналось чеканеніе низко-пробной монеты.

Такія измѣненія во внутренной цѣнности монеты повторялись нѣсколько разъ. Отъ этого произошло, что въ

обращеніи находилось множество денегъ, совершенно различныхъ по своему достоинству и хотя, напримѣръ на каждомъ пятакѣ вычеканена была одна цифра *пять копѣекъ*, но разумѣется всякій охотнѣе бралъ, и получивъ, припрятывалъ хорошую монету, или тайкомъ, обращалъ ее въ товаръ. Во всякомъ случаѣ она исчезала изъ обращенія и оставалась низкопробная, поддерживавшая дороговизну.

Стали говорить, что у насъ мало денегъ. Дѣйствительно ихъ было въ началѣ царствованія Екатерины въ обращеніи не болѣе 60 м. р., то-есть съ небольшимъ по 2 р. на человѣка, кругомъ; находили, что нельзя приступить ни къ какому предпріятію по невозможности достать денегъ иначе, какъ за непомѣрные проценты. Это привело къ мысли *о кредитѣ*. Кредитъ значитъ довѣріе. Кто пользуется кредитомъ, или довѣріемъ въ денежныхъ дѣлахъ, тотъ не рѣдко можетъ обходиться нѣкоторое время и безъ денегъ; онъ даетъ вмѣсто монеты, росписку, и эта росписка имѣетъ ходъ, какъ бы въ ней заключалась дѣйствительная цѣнность. Случайные недостатки въ деньгахъ и желаніе увеличить ихъ количество противъ дѣйствительно существующаго, побудили и правительства, подобно частнымъ людямъ, пускать въ ходъ свои расписки.

Графъ П. Шуваловъ первый возъимѣлъ намѣреніе примѣнить въ Россіи мысль о кредитѣ. По его предложенію 2.000.000 р. мѣдною монетой было разослано въ пятьдесятъ важнѣйшихъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы раздавать ихъ за умѣренные проценты [illegible] нымъ людямъ подъ росписки или векселя, уплата по которымъ взималась въ Петербургѣ. Это было учрежденіе хорошее, хотя, особенно по новости своей, не имѣло большаго успѣха. Затѣмъ, въ кратковременное царствованіе Петра III

предполагалось выпустить *бумажныя деньги.* Это предположеніе тогда не состоялось, а Екатерина, занявшись въ первые годы своего царствованія приведеніемъ въ порядокъ и единообразіе звонкой монеты, приступила къ выпуску въ обращеніеденежныхъ бумагъ или знаковъ не ранѣе того времени, какъ послѣдовалъ разрывъ съ Турціей. Эти бумаги, подъ именемъ *ассигнацій*, были выпущены въ декабрѣ 1768 года.

Въ Москвѣ и Петербургѣ было основано два ассигнаціонные банка, съ конторами въ 22 другихъ городахъ въ которые было положено 1.000.000 р. мѣдными деньгами. На милліонъ изготовлено было и ассигнацій, по предъявленію которыхъ банки и конторы должны были выдавать желающимъ соотвѣтствующую сумму монетой, Этотъ первый опытъ бумажныхъ денегъ удался вполнѣ. Видя, что выдача противъ нихъ монеты производится исправно, публика получила къ ассигнаціямъ величайшее довѣріе и предпочитала ихъ неудобной существовавшей у насъ монетѣ. Довольное этимъ успѣхомъ правительство сдѣлало новые выпуски ассигнацій, и постоянно увеличивая ихъ число, довело его къ концу Турецкой войны до огромной суммы 20.000.000 р., впрочемъ не поколебавъ къ нимъ довѣрія. Въ дѣйствительности однакожь финансовое положеніе страны было сильно разстроено. Огромное количество денегъ, внезапно появившееся въ Россіи, производило лишь обманчивое богатство, потому что соразмѣрно ихъ умноженію, увеличивались цѣны на всѣ товары; такъ напримѣръ, по свидѣтельству современника кн. М. М. Щербатова, всю жизнь свою собиравшаго статистическія свѣдѣнія о Россіи, четверть ржи, стоившая въ 1760 году въ московской губерніи 86 к., въ 1773 возвысилась до 2 р. 19 к. Про-

порціонально этому основному продукту должны были возвыситься цѣны и на всѣ прочіе предметы.

Причиною, по крайней мѣрѣ главнѣйшею, всѣхъ этихъ тягостей была война, и прекращенія ея нельзя было не желать народу. Но, какъ сказано, два послѣдовательные конгресса не привели къ соглашенію. Весною 1773 года военныя дѣйствія возобновились. Но дѣйствія наши на Дунаѣ были не рѣшительны. Судя по жалобамъ Румянцева, можно думать, что распоряженія военной коллегіи были весьма неудовлетворительны. Онъ писалъ Императрицѣ, что ко времени открытія кампаніи, рекруты едва лишь прибывали въ армію, что онъ можетъ располагать не болѣе какъ 13 т. человѣкъ и что съ такими ничтожными силами невозможно отважиться дѣйствовать наступательно за Дунаемъ. Онъ горько жаловался на своихъ недоброжелатей, подразумѣвая, по видимому, въ томъ числѣ графа З. Чернышева, и наконецъ положительно просилъ объ увольненіи. Дѣйствительно, нельзя не удивиться что армія его не была усилена съ окончаніемъ волненій въ Польшѣ, съ прекращеніемъ войны противъ Крымцевъ и съ уменьшеніемъ вѣроятности разрыва со Швеціей; но фельдмаршалъ былъ всегда мнителенъ и болѣзненно самолюбивъ; въ настоящомъ же случаѣ недугъ, который не покидалъ его съ прошедшаго года, усиливалъ его мрачное настроеніе. Императрица поспѣшила успокоить и обласкать заслуженнаго воина и этимъ возвратила ему часть его энергіи. Онъ перешелъ Дунай и, послѣ успѣшнаго дѣла съ Турками, приблизился къ Силистріи, въ намѣреніи обложить эту крѣпость. Но скоро узнавъ, что главныя турецкія силы находятся въ нѣсколькихъ переходахъ отъ нея, почелъ за лучшее возвратиться на лѣвый берегъ Дуная.

Этимъ и окончилась весенняя кампанія. Она была не

блистательна и конечно не заставила примолкнуть петербургскихъ недоброжелателей фельдмаршала. Глубоко огорчаясь этимъ, онъ писалъ кн. Орлову: „Я несчастливъ въ благоволеніи къ себѣ публики. Еслибы такой былъ парламентъ, въ который бы можно было позвать общество на судъ, и еслибы теперь рѣшались дѣла примѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ ареопага, я бы счетъ повелъ съ нашею публикою, — кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ: я ли еще оной, или уже она мнѣ должна?“

Продолжая хворать и хандрить, Румянцовъ сдѣлалъ однакожь въ сентябрѣ новый поискъ за Дунаемъ, такъ какъ въ это время турецкая армія частію распускалась а частію разбредалась по домамъ. Но отправленные имъ генералы, имѣя всего 5.000 человѣкъ, вздумали еще раздѣлить свои силы; одинъ двинулся на Варну, къ Черному морю, а другой на Шумлу, въ Балканамъ— и, разумѣется, ни тотъ ни другой не имѣли успѣха.

XI.

Пугачевщина.—Мѣстность, на которой развернулась Пугачевщина; инородцы; разбойничество; раскольники; заводскіе крестьяне. — Яицкое казачье войско.—Внутренніе его раздоры и сопротивленіе властямъ.—Пугачевъ.—Его связи съ раскольниками.—Кожевниковъ.—Пугачевъ принимаетъ имя Петра III.—Многочисленность самозванцевъ въ Россіи и расположеніе, замѣчаемое въ народѣ вѣрить имъ.—Прибытіе Пугачева на Яикъ.—Его арестъ, бѣгство изъ тюрьмы и вторичное появленіе на Яикѣ.—Первые его успѣхи.—Бибиковъ.—Поворотъ, который онъ далъ дѣламъ.—Смерть его.—Новые успѣхи Пугачева.—Михельсонъ.—Взятіе Казани.—Движеніе Пугачева за Волгу.—Возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ.—Окончательное пораженіе Пугачева.—Графъ Панинъ и Суворовъ. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ.

Въ то самое время, когда всѣ наши силы были напряжены для войны съ Турціей, когда можно было еже-

[redacted]

дневно ожидать взрыва въ Польшѣ, когда едва успокоивалось волненіе въ Москвѣ и полъ-Россіи чувствовало еще послѣдствія чумы,—страшный мятежъ обхватилъ все низовье Волги, начиная съ южныхъ границъ нынѣшнихъ Нижегородской и Владимірской губерній и пронесся бурею по губерніямъ (нынѣшнимъ) Казанской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Оренбургской, Пермской, по землѣ Яицкаго (нынѣ Оренбургскаго) войска, привелъ въ волненіе Киргизовъ и Башкиръ и, наконецъ, коснулся западныхъ частей Сибири. Это была Пугачевщина.

Прежде чѣмъ разказывать самое происшествіе, называемое этимъ именемъ, познакомимся поближе съ мѣстностію, которая послужила ему театромъ, и которая заключала въ себѣ особенности, дѣлавшія ее болѣе всѣхъ прочихъ доступною подобнаго рода волненіямъ. Мы видѣли, что Екатерина, прибывъ въ Казань во время своего плаванія по Волгѣ, писала: „это совершенно особое царство", (стр. 110). Еслибъ она спустилась еще нѣсколько ниже, къ Саратову и Астрахани, или еслибъ, оставивъ Волгу, вздумала проникнуть въ нынѣшнюю Самарскую губернію и въ Оренбургскій край, она увидѣла бы міръ еще болѣе новый и оригинальный. Прежде всего, кидается въ Приволжскомъ краѣ въ глаза инородческая примѣсь въ народонаселеніи. Начиная съ Нижегородской губерніи, человѣкъ проѣзжающій по этимъ мѣстамъ, встрѣчаетъ Татаръ, потомковъ Батыевыхъ кочевниковъ. Вмѣстѣ съ ними перемѣшаны остатки первоначальныхъ здѣшнихъ туземцевъ: Мордвы, Чувашей и иныхъ финскихъ племенъ Всѣ эти инородцы и теперь еще находятся, а еще болѣе въ описываемое время находились, на весьма низкой степени развитія, такъ, что про наименѣе дикихъ изъ нихъ

можно было сказать только, что они живутъ осѣдло. Всѣ эти племена были либо магометанами (Татары), либо язычниками, и мы уже имѣли случай замѣтить, какіе слабые успѣхи дѣлало между ними христіанство. (Цар. Елис. гл. IV). Далѣе, за Камою и въ Уральскихъ горахъ, жили Башкиры, между которыми кочевой бытъ еще спорилъ съ осѣдлымъ; наконецъ Калмыки, занимавшіе приволжскія степи за Саратовомъ, и Киргизы, жившіе за Яикомъ(Ураломъ), были вполнѣ кочевники.

Кочевой бытъ не только служитъ признакомъ непросвѣщенія, но онъ заключаетъ въ себѣ условія, противящіяся гражданскому благоустройству. Кочевникъ никогда не пойметъ той свободы, огражденной законами, но и ограниченной ими, къ которой стремятся гражданскія общества: его стремленія—безграничный просторъ и воля,—и именно таковы были стремленія племенъ, обитавшихъ на окраинахъ занимающаго насъ теперь края. Не многимъ болѣе сочувствія къ гражданскому порядку обнаруживали и прочіе вышеупомянутые инородцы Само русское населеніе Поволжскаго и Закамскаго края заключало въ себѣ множество противо-общественныхъ началъ. Волжскій край, издревле извѣстенъ былъ подъ именемъ *воровскаго края*. Дѣйствительно, нигдѣ разбойничество не было такъ сильно, какъ на этой рѣкѣ и на прилегавшихъ къ ней степяхъ. Шайки удальцовъ разъѣзжали по ней на стругахъ и не только грабили торговые караваны, но и нападали на воинскія команды шайки въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ людей рыскали по саратовскимъ пустынямъ, и цѣлый рядъ разбойничьихъ атамановъ пріобрѣли въ этой мѣстности громкую извѣстность. Правительство предпринимало противъ нихъ самыя энергическія мѣры во все продолженіе XVIII вѣка, но безуспѣшно, потому что само

народонаселеніе имъ покровительствовало, частію изъ страха, частію изъ сочувствія ихъ молодечеству и изъ корысти *).

Противо-общественному характеру населенія описываемой мѣстности способствовало и большое число проживавшихъ въ ней раскольниковъ. Сюда убѣгали они частію отъ гоненій, частію по свойственному имъ расположенію къ вольницѣ и желанію укрываться отъ законовъ, издаваемыхъ правительствомъ, которое, по ихъ понятіямъ, утратило свое древнее благочестіе. Въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ было ихъ старинное гнѣздо; въ половинѣ XVIII вѣка и на р. Иргизѣ, въ нынѣшней Самарской губерніи, образовался одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ ими центровъ. Всякій бѣглый охотно былъ у нихъ принимаемъ, всякій преступникъ находилъ у нихъ пріютъ—и цѣлыя толпы людей, укрывавшихся отъ закона, стекались на Волгу, или за Волгу на Иргизъ, Бузулукъ и Медвѣдицу.

Далѣе, съ начала XVIII вѣка развилось въ Уральскихъ горахъ горнозаводское дѣло; въ землѣ Башкиръ возникло большое количество казенныхъ и частныхъ заводовъ, при чемъ работы производились приписанными для этой цѣли крестьянами; этотъ видъ крѣпостнаго права былъ едва ли не самый тягостный, и безпорядки между горнозаводскими крестьянами нѣсколько разъ возобновлялись въ царствованія Императрицы Елисаветы, Императора Петра III, и наконецъ Екатерины. Ихъ прекратилъ извѣстный уже намъ А. И. Бибиковъ, отчасти строгостію, отчасти убѣжденіемъ. Но какъ ни искусны были мѣры генерала Бибикова, онъ не могъ

*) О Волжскомъ и Заволжскомъ краѣ, см. царст. Петра, гл. IV и XVII. царст. Ан., гл. VI и царст. Елис., гл. IV.

вырвать зло съ корнемъ и заставить горнозаводскихъ крестьянъ полюбить обязательный трудъ. Сѣмена неудовольствія остались между ними, и если къ этому мы присоединимъ все, что сказано о другихъ частяхъ народонаселенія описываемаго края,—старинное озлобленіе раскольниковъ, сильно распространенное въ немъ разбойничество, наконецъ буйный духъ инородцевъ, дикая натура которыхъ не уживалась со строгимъ гражданскимъ порядкомъ, если, наконецъ, примемъ во вниманіе, что въ этомъ отдаленномъ краѣ самое управленіе подавало еще болѣе причинъ къ жалобамъ, нежели въ мѣстностяхъ, подверженныхъ ближайшему надзору, и что военная сила была въ немъ ничтожна,—то поймемъ, почему мятежъ, извѣстный подъ именемъ Пугачевщины, такъ быстро, сильно и широко здѣсь развернулся.

Этотъ мятежъ возникъ въ самой отдаленной части описываемаго края, въ землѣ нынѣшнихъ Уральскихъ, или по-тогдашнему, *Яицкихъ* козаковъ. Еще давно, со временъ Императрицы Анны, начались между собственно войскомъ и *старшиною* (казачьимъ начальствомъ) взаимныя неудовольствія. Казаки жаловались на своихъ атамановъ и старшинъ за различныя ихъ неправды, за недодачу жалованья, за стѣсненіе и присвоеніе барышей въ рыбныхъ промыслахъ, которые составляютъ главный источникъ благосостоянія всего войска. Со вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, для разбора этихъ жалобъ было послано изъ Петербурга нѣсколько коммиссій, но если онѣ иногда и дѣйствовали справедливо, то стоило имъ только удалиться, чтобы прежнее теченіе дѣлъ вступило въ свою силу.

Казалось бы, что казаки должны желать совершеннаго преобразованія своего управленія и подчиненія общимъ для всей имперіи порядкамъ. Но въ дѣйстви-

тельности было совершенно другое. Терпя отъ своего управленія, они однакоже были сильно къ нему привязаны. Оно было старинное, держалось на древнихъ преданіяхъ казачества и, въ свою очередь, поддерживало казачество. Атаманы и старшины грабили казаковъ, это правда: но за то каждый казакъ могъ расчитывать, что и самъ будетъ атаманомъ. Притомъ, во всемъ устройствѣ казачества сохранялись еще остатки старинной вольницы, которые также дороги казаку, какъ свобода гражданину благоустроеннаго общества. Поэтому, охотно прибѣгая подъ покровительство верховной власти въ своихъ домашнихъ ссорахъ, Уральцы однакожь очень опасались, чтобъ она не предприняла подчинить ихъ общимъ законамъ имперіи и особенно военной службы. Вотъ почему во всемъ казачествѣ,—Донскомъ и Запорожскомъ, какъ и Яицкомъ,—такъ тревожно ходили слухи о замышляемыхъ правительствомъ преобразованіяхъ казачества, о введеніи между ними регулярнаго строя, и объ обращеніи ихъ будто-бы въ солдатъ или крестьянъ. (Вып. II, 123.)

Передъ самымъ описываемымъ здѣсь временемъ тревожное состояніе Яицкихъ козаковъ достигло крайнихъ предѣловъ. Новая присланная для разбора домашнихъ ихъ жалобъ коммиссія, состоявшая изъ генераловъ Дурнова и Траубенберга, не успѣла ихъ успокоить. Противъ этихъ коммиссаровъ произошло даже явное, вооруженное возстаніе, причемъ Траубенбергъ и нѣсколько яицкихъ старшинъ лишились жизни, а Дурновъ былъ изувѣченъ. Когда же, по полученіи извѣстія объ этихъ безпорядкахъ, явилась военная команда для ихъ усмиренія, то казаки выступили противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ и вступили въ открытый бой. Они были разбиты, а затѣмъ учреждена была въ Оренбургѣ слѣд-

ственная коммиссія, которая приняла противъ бунтовщиковъ строгія мѣры. Оренбургскія тюрьмы были переполнены казаками, а за неимѣніемъ тамъ мѣста, ихъ запирали въ лавки гостинаго и мѣноваго дворовъ... Весь городъ обратился въ какой-то огромный застѣнокъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено было прежнее правленіе; начальство надъ войскомъ было поручено полковнику Симонову, имя котораго намъ придется не разъ упоминать.

Казаки однакожь не унимались и не думали о покорности; они мрачно молчали или подозрительно шушукались, а тѣ, которые чувствовали за собой особливые грѣхи и которыхъ не успѣли захватить въ первую минуту страха и неудомѣнія, разбѣжались по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и хуторамъ. Тамъ, встрѣчаясь между собою и не боясь быть подслушанными, они говорили: „То ли еще будетъ! Такъ ли тряхнемъ Москвою!“ И вотъ, между ними явился самозванецъ, который вознамѣрился дѣйствительно „тряхнуть Москвою.“ Этотъ человѣкъ былъ донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Пугачевъ родился въ Зимовейской станицѣ Донскаго казачьяго Войска. Смышленый и расторопный по природѣ, онъ имѣлъ случай, участвуя въ Семилѣтней и Турецкой войнахъ, пріобрѣсть практическія свѣдѣнія по военной части, которыя послужили въ пользу большимъ природнымъ его военнымъ способностямъ; можно думать, что еслибы Пугачевъ не былъ самозванцемъ и предводителемъ мятежниковъ, то онъ пріобрѣлъ бы извѣстность, какъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ партизановъ. Но бивачная жизнь, принесшая ему пользу въ одномъ отношеніи, развила въ немъ любовь къ приключеніямъ и отучила отъ мирнаго труда и осѣдлости. Возвратясь на

сочувствуя ихъ стремленію къ воль
отъ гражданскаго общества, выдава.
ника, зная что безъ этого трудно с'
Сближеніе Пугачева съ раскольни
важную роль въ его дальнѣйшей су
сношенія съ ними, онъ попалъ въ т
кое братство, въ которомъ каждому
гдѣ, слѣдовательно, человѣкъ выдви.
ными качествами, или обстоятельств
лагать огромными силами.

Между тѣмъ частыя отлучки Пугаче
вниманіе казачьяго начальства. Дозн
не только отлучается самъ, но и под
бродяжничеству и даже къ выселені
„земли вольныя", на Кубань, или е
ножью Кавказа. Онъ былъ за это ар
ленъ за карауломъ въ Черкасскъ, гд
сковое управленіе, для преданія с
онъ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ, съ
его бродячая жизнь и мнимая прин

нахъ, отдѣляющихъ Донъ отъ Днѣпра. Всѣ эти пріятели были раскольники; они охотно давали пріютъ Пугачеву и снабжали его рекомендаціями, такъ что Пугачевъ, переходя отъ одного къ другому, достигнулъ наконецъ до знаменитыхъ раскольничьихъ Вѣтковскихъ скитовъ и очутился за границей, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ.

Въ это время между заграничными раскольниками обращались указы Петра III и Екатерины, приглашавшіе ихъ возвращаться на родину. Иные изъ числа переселенцевъ не рѣшались покидать свою осѣдлость, въ другихъ желаніе возвратиться въ Россію превозмогало. Пугачевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Явясь на одинъ изъ пограничныхъ форпостовъ, онъ объявилъ себя раскольникомъ, желающимъ возвратиться на родину и получилъ пропускъ; но, по причинѣ бывшей въ Польшѣ чумы, долженъ былъ выдержать карантинъ, во время пребыванія въ которомъ имѣлъ встрѣчу, рѣшившую его судьбу. Его уговорили принять на себя имя Петра III.

Появленіе самозванцевъ въ Россіи дѣло не новое. Замѣчательно, что очень часто, когда смерть кого-либо изъ лицъ царскаго семейства сопровождалась какими-либо особыми обстоятельствами, поражавшими народное воображеніе, въ народѣ являлись самозванцы. Такъ являлись люди, принимавшіе имя царевича Дмитрія, а потомъ Алексѣя Петровича; также являлись въ описываемое время многіе, принимавшіе на себя имя Петра III. Объ одномъ изъ такихъ самозванцевъ, явившемся въ Черногоріи, было уже упомянуто; но подобныхъ ему было нѣсколько въ Россіи; только, къ счастію, имъ не удавалось произвести серіозныхъ безпорядковъ (*). Во всякомъ слу-

(*) Всѣ обстоятельства интереснаго эпизода о Пугачевѣ разсказаны подробно въ брошюрѣ: «Начало и характеръ Пугачевщины.»

чаѣ несомнѣнно, что въ народѣ ходили въ это время слухи, будто Императоръ Петръ III живъ и гдѣ-то скрывается отъ своихъ гонителей.

Человѣкъ, внушившій Пугачеву мысль сдѣлаться самозванцемъ, былъ раскольникъ, купецъ Кожевниковъ. Онъ имѣлъ случай видѣть Пугачева и изучить его; однажды, вступивъ въ разговоръ съ нимъ, Кожевниковъ сталъ распрашивать, что онъ намѣренъ дѣлать, выйдя изъ карантина и гдѣ полагаетъ поселиться. Пугачевъ сказалъ ему, что еще не знаетъ этого и самъ, но что хотѣлось бы ему пробраться на Кубань. „Слушай, мой другъ, сказалъ ему на это Кожевниковъ; бѣжать тебѣ одному на Кубань не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди, которые находятъ въ тебѣ подобіе Государя Петра Θеодоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собой.“

Этотъ разговоръ происходилъ въ августѣ 1772 года, въ то самое время, когда на Яикѣ производилась расправа за бунтъ противъ Дурнова и Траубенберга. Пугачеву понравилось сдѣланное ему предложеніе и онъ рѣшился ему послѣдовать. Выйдя изъ карантина, онъ направился, но не прямо на Яикъ, а въ новоотстроенные на Иргизѣ раскольничьи скиты, куда и прибылъ осенью. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени и объяснясь откровенно съ тамошнимъ настоятелемъ, старцемъ Филаретомъ, онъ отправился, по его совѣту, въ Яицкій-городокъ, нынѣ Уральскъ. Тамъ господствовало величайшее волненіе. Казаки не столько были устрашены производившимся надъ ними слѣдствіемъ, сколько раздражены. Это настроеніе было, какъ говорится, на руку Пугачеву, и онъ началъ заговаривать съ нѣкоторыми изъ казаковъ, чтобъ

они покинули Яикъ и выселялись на Кубань. Но рѣчи Пугачева дошли до войсковаго начальства; онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Казань, гдѣ его предали суду.

Но и здѣсь принявшая его подъ свою защиту рука, не оставила его. Одинъ богатый раскольникъ выхлопоталъ, чтобъ его заключенiе было облегчено, а ровно за три дня до полученiя въ Казани конфирмацiи по дѣлу Пугачева, этотъ послѣднiй ушелъ изъ тюрьмы. Попавъ однажды подъ покровительство раскольниковъ, онъ и теперь, вырвавшись на волю, обратился къ нимъ же и при ихъ содѣйствiи очутился (лѣтомъ 1773 года) въ окрестностяхъ Яицкаго-городка, гдѣ, на одномъ изъ тамошнихъ уметовъ, нашелъ себѣ прiютъ.

Уметъ, на которомъ прiютился Пугачевъ, стоялъ на бойкомъ мѣстѣ; казаки часто наѣзжали туда и Пугачевъ имѣлъ, слѣдовательно, случай наблюдать расположенiе ихъ умовъ. Однажды онъ попросилъ своего хозяина истопить баню и, отправившись туда съ нимъ, указывая на шрамы, находившiеся у него на груди, сказалъ, что это „знаки государевы", а на вопросъ, что такое значитъ *знаки государевы*, напрямикъ объявилъ ему: „я самъ Государь Петръ Ѳедоровичъ."

Словоохотливый и простоватый хозяинъ умета, какъ водится, разсказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, что за человѣкъ у него скрывается, не зная еще хорошенько, вѣрить или нѣтъ такому странному дѣлу; но Пугачевъ съ совершенною увѣренностiю подтверждалъ свое самозванство и поручалъ тѣмъ, съ которыми онъ вступалъ въ сношенiя, осторожно сообщать его тайну „надежнымъ людямъ." Молва о пребыванiи государя въ окрестностяхъ Яицка незамедлила распространиться въ этомъ городѣ, и нѣсколько дней спустя на уметъ прi-

что потомъ онъ находился въ заклю
офицеръ тайно выпустилъ его и что
государя похороненъ другой. Слуша
говорили: „И намъ слышно было, ч
чался; однако болѣе поговаривали,
гдѣ взять, не знали.“

Затѣмъ Пугачевъ счелъ нужнымъ
времени вступленія на престолъ Имп
государь) скитался, тайно скрываясь
тахъ; былъ въ Кіевѣ, въ Польшѣ,
Египтѣ и на Терекѣ, потомъ будто
Донъ и оттуда пробрался на Яикъ;
вилъ онъ, „что вы и вся чернь обиж
питься за васъ и удовольствовать. Н
бы мнѣ явиться, да видно Богъ при
рили, или дѣлали видъ, что вѣрятъ
казнямъ и рѣшили укрыть мнимаго
мени, а между тѣмъ распускать молв
подговаривать народъ и приготовлять

Итакъ дѣло было пущено въ ходъ! I

бѣгнувшій отъ смерти? Неужели они надѣялись, что этому повѣритъ весь народъ?... Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ весьма частое у насъ появленіе самозванцевъ. Мы мало знаемъ подробностей о всѣхъ этихъ самозванцахъ, но тѣ, о которыхъ сохранились подробныя извѣстія, точно также, какъ Пугачевъ, разсказывали легковѣрнымъ людямъ, что они спаслись отъ смерти чудеснымъ образомъ, что совершили дальнія странствія и, въ доказательство своего царскаго происхожденія, показывали у себя на тѣлѣ какіе-нибудь знаки. Все это доказываетъ, что въ простомъ народѣ есть какой-то кругъ понятій, которому соотвѣтствуетъ чудесное появленіе людей, или ихъ неумираемость: на Волгѣ, говорятъ, существуетъ преданіе, что Стенька Разинъ живъ и до сихъ поръ. Такимъ настроеніемъ массъ и ихъ готовностію поддаваться чудесному ловкіе люди пользовались и прежде и послѣ Пугачева.

Расположеніемъ вѣрить чудесному и невѣроятному отличались особенно раскольники, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить. Изъ среды ихъ выходили всѣ нелѣпые разсказы о происхожденіи Петра I, прорицанія о томъ, что Петербургъ провалится и т. п. Между ними же сложилось вѣрованіе и даже ученіе, что Петръ III не умеръ, а скитается въ Сибири и нѣкогда явится оттуда въ силѣ и славѣ и снова возсядетъ на престолъ. Это ученіе принадлежитъ сектѣ *скопцовъ*, которые и донынѣ ожидаютъ возвращенія Петра III, какъ Евреи ожидаютъ Мессію. Они за большія деньги достаютъ его портреты, зажигаютъ передъ нимъ свѣчи и лампады, сохраняютъ, подобно святынѣ, старинные рубли съ его изображеніемъ и т. п.

И такъ мы должны придти къ выводу, что въ Россіи было много людей, расположенныхъ повѣрить появленію

Петра III, увѣровать въ него и за нимъ послѣдовать. Разумѣется, при этомъ не надо упускать изъ вида и другихъ причинъ,—причинъ болѣе практическаго свойства. Выше было указано на то глухое волненіе, которое замѣчалось какъ между инородческимъ, такъ и между русскимъ народонаселеніемъ Поволожья, Закамскаго края и Яицкаго Войска. Къ этому надо присовокупить еще одно замѣчаніе: въ мѣстности, гдѣ первоначально обнаружилась Пугачевщина,—въ землѣ Яицкихъ казаковъ и Башкиръ, не было класса вліятельныхъ и, въ то же время, образованныхъ людей, какими могутъ считаться помѣщики. Мы увидимъ, что крѣпостные крестьяне сдѣлались впослѣдствіи одними изъ главныхъ союзниковъ Пугачева, и что мятежъ, коснувшись губерній, гдѣ существовало помѣстное дворянство, обнаружилъ особую свирѣпость; но все-таки можно думать, что грубому обману Пугачева было бы труднѣе найдти удобную почву въ такой мѣстности, гдѣ существовалъ классъ дворянъ и вообще людей болѣе или менѣе развитыхъ и вліятельныхъ, нежели въ такомъ, гдѣ руководили массами раскольничьи начетчики и башкирскіе старшины.

Объявивъ себя Петромъ III, Пугачевъ продолжалъ скрываться въ степныхъ уметахъ, а между тѣмъ первоначальные его сообщники распускали слухъ о появленіи будто бы Императора Петра III, прибывшаго для того, чтобъ защитить казаковъ и крестьянъ. Яицкій комендантъ Симоновъ не замедлилъ узнать объ этомъ и приказалъ отыскивать обманщика; но, разумѣется, объ этомъ распоряженіи узнали и пособники Пугачева. Боясь, чтобъ всѣ тѣ, на которыхъ они разсчитывали, не были арестованы, они рѣшились начать дѣйствовать. Для *батюшки-государя* припасена была приличная одежда,

(шапка и зеленый кафтанъ), знамена съ раскольничьимъ крестомъ были изготовлены, пріисканъ былъ писарь, который взялся написать воззваніе къ казакамъ и крестьянамъ и даже подписать его, за неграмотностію Пугачева. Казаки сѣли на коней, и въ числѣ не болѣе 40 чел. понеслись отъ одного форпоста до другаго, присоединяя къ себѣ мелкія команды, охранявшія эти форпсоты. Открытый мятежъ начался (въ половинѣ сентября 1773 г.)!

Когда Пугачевъ приблизился къ Яицкому-городку, у него было не болѣе 150 человѣкъ. Съ этою горстью людей конечно нельзя было и думать взять городокъ, защищенный валомъ и пушками. Поэтому Пугачевъ миновалъ его, но изъ тамошнихъ казаковъ весьма многіе къ нему присоединились. Съ этою ватагой удалыхъ всадниковъ онъ пустился далѣе, вдоль ряда маленькихъ укрѣпленій и казачьихъ станицъ, которыя образуютъ такъ называемую Линію, устроенную для воспрепятствованія Киргизамъ пробираться на правый берегъ Яика. Предшествуемый своими возмутительными воззваніями или *указами*, онъ однимъ своимъ приближеніемъ производилъ волненіе между казаками; они встрѣчали его съ колокольнымъ звономъ, а если случалось, что ихъ старшины пытались удержать ихъ въ повиновеніи, то ихъ убивали. Усиливая войско присоединявшимися къ нему такимъ образомъ казаками, и имѣя уже пушки, онъ принуждалъ ничтожныя крѣпостцы, разбросанныя по Линіи, сдаваться, а нѣкоторыя бралъ силою. Въ первомъ случаѣ солдатъ обстригали въ кружокъ, зачисляли ихъ въ казаки, и присоединяли къ мятежнической шайкѣ, а если команда отваживалась обороняться, то, по взятіи укрѣпленія, казаки предавались страшнымъ насиліямъ и злодѣйствамъ.

Офицерамъ, въ качествѣ *благородныхъ*, рѣдко оказывали пощаду. Всему, что въ какомъ бы то ни было отношеніи возвышалось надъ уровнемъ простонародья, объявлена была непримиримая война. Точно также безпощадно истреблялись письменныя дѣла, шнуровыя книги и архивы.

Въ первыхъ числахъ октября Пугачевъ былъ уже подъ Оренбургомъ, главнымъ городомъ края, снабженнымъ довольно сильнымъ гарнизономъ. Онъ не рѣшился брать его открытою силой, но обложилъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣзалъ всѣ сообщенія съ нимъ и заперъ такимъ образомъ въ его стѣнахъ главнаго начальника всего мѣстнаго управленія. Напротивъ того, самъ Пугачевъ имѣлъ вполнѣ развязанныя руки. Одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ, каторжникъ Хлопуша, возбуждалъ къ мятежу заводскихъ крестьянъ, другіе волновали Башкиръ, Калмыковъ, дворцовыхъ и иныхъ крестьянъ и приглашали къ союзу киргизскаго хана.

Въ такомъ положеніи край находился три мѣсяца. На всемъ пространствѣ за Камой, отъ Перми до Каспійскаго моря, мятежъ господствовалъ, не встрѣчая никакого противодѣйствія. Онъ проникъ даже въ Сибирь, въ ближайшіе уѣзды тобольскаго намѣстничества, и правительство не находило, не имѣло средствъ его подавить. Всѣ войска были либо въ Польшѣ,—гдѣ хоть не было уже войны, но было однакожъ далеко не спокойно,—либо на Дунаѣ, или наконецъ на шведской границѣ. При первомъ извѣстіи объ успѣхахъ отважнаго самозванца велѣно было разнымъ мелкимъ командамъ слѣдовать изъ Москвы, Твери, Петербурга и съ западной границы. Но скоро ли можно было, особенно при наступившемъ осеннемъ бездорожьи, собрать съ этихъ отдален-

ныхъ пунктовъ достаточное количество войска, чтобъ отважиться на бой съ Пугачевымъ, который считалъ уже десятками тысячъ свой вооруженный сбродъ и которому болѣе или менѣе сочувствовало все народонаселеніе! Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ мятежъ развился съ чрезвычайною быстротой и обхватилъ весь Закамскій край и Поволжье до Казани.

Не ранѣе, какъ въ началѣ января 1774 года начали подходить къ Казани всѣ эти команды. Около того же времени прибылъ туда и назначенный главнымъ начальникомъ ихъ, извѣстный уже намъ А. И. Бибиковъ. Пріѣхавъ въ Казань, онъ нашелъ ее почти пустою. Кто имѣлъ только возможность, спасался либо въ отдаленныхъ имѣніяхъ своихъ, либо въ Москвѣ. И дѣйствительно, было отъ чего бѣжать. Уфа была въ тѣсной осадѣ, Самара въ рукахъ Пугачевскихъ атамановъ. Еще одинъ шагъ—и мятежъ коснулся бы Казани, а здѣсь, какъ и вездѣ, конечно не было бы недостатка въ людяхъ, готовыхъ передаться тому, кто сулилъ волю и полную безнаказанность!

Прибытіе Бибикова нѣсколько ободрило казанскихъ жителей. Сосѣдніе помѣщики поспѣшили пріѣхать. Въ день Новаго Года (1774) было торжественное богослуженіе, а потомъ большое собраніе у Бибикова, на которомъ рѣшено было составить мѣстную милицію, а дворянство вызвалось вооружить ее и предводительствовать ею. Узнавъ объ этомъ, Императрица пожелала принять и сама участіе въ этой милиціи, въ качествѣ *казанской помѣщицы* (по дворцовымъ имѣніямъ, находившимся въ этой губерніи).

Въ теченіе января Бибиковъ былъ обрадованъ нѣкоторыми успѣхами; Самара была освобождена, а главное, войска собралось уже столько, что онъ могъ пред-

принять наступленіе. Генералы Мансуровъ, князь Голицынъ и полковникъ Михельсонъ двинулись за Каму тремя колоннами. Узнавъ о ихъ наступленіи, Пугачевъ съ огромною партіей кинулся на встрѣчу колоннѣ (средней) князя Голицина. Бой былъ жестокій и мятежники потерпѣли первое и сильное пораженіе. Они усилились было новыми шайками, но снова, не далеко отъ Оренбурга, были настигнуты Голицынымъ и на голову разбиты. Оренбургъ былъ освобожденъ въ концѣ марта. Въ половинѣ апрѣля Мансуровъ освободилъ Яицкій-городокъ, въ которомъ храбрый Симоновъ и его команда доведены были до послѣдней крайности, такъ что питались падалью. Михельсонъ, съ своей стороны, разбилъ одного изъ главныхъ атамановъ Пугачева, Чику, подъ Уфою. Таковъ былъ толчекъ, данный дѣлу энергическимъ, неутомимымъ Бибиковымъ.

Къ несчастію, этотъ знаменитый человѣкъ былъ похищенъ смертію при самомъ началѣ своихъ успѣховъ, едва узнавъ о побѣдахъ Голицына,—именно въ началѣ апрѣля. Кѣмъ замѣнить его? Императрица остановила свое вниманіе на Суворовѣ и потребовала его изъ Дунайской арміи. Но въ это время тамъ возобновились военныя дѣйствія, прерванныя неудавшимися переговорами въ Фокшанахъ и Букарештѣ. Румянцевъ имѣлъ въ виду нанести рѣшительные удары Туркамъ и не пустилъ Суворова, полагая вѣроятно, что послѣ пораженій, нанесенныхъ Пугачеву, дѣло на Яикѣ приходитъ къ концу. Соображеніе это оказалось, къ несчастію, совершенно ошибочнымъ. Смерть Бибикова опять дала дѣлу совершенно другой поворотъ. Голицынъ и Мансуровъ, успокоились на своихъ первыхъ успѣхахъ и слабо преслѣдовали Пугачева, который, ударившись въ горы, въ нѣсколько дней собралъ вокругъ себя новыя

толпы заводскихъ крестьянъ и Башкиръ и началъ раззорять заводы и мелкія крѣпостцы на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта. Дѣйствовавшій съ этой стороны генералъ Декалонгъ гонялся за нимъ, но нигдѣ не успѣвалъ его предупредить, и крѣпостцы одна за другою либо сдавались самозванцу, либо были имъ забираемы силою. Одинъ только Мехельсонъ не потерялъ энергіи. Узнавъ, что Пугачевъ послѣ своего двукратнаго пораженія снова ожилъ и грозитъ краю новыми бѣдствіями, Михельсонъ, освободивъ Уфу, устремился на него. Не взирая на весеннюю распутицу, не взирая на разливъ горныхъ рѣчекъ, онъ пустился поперегъ гористой полосы, которая отдѣляетъ европейскую Россію отъ Сибири, шелъ почти безъ отдыха, настигъ Пугачева и нанесъ ему жестокое пораженіе.

Ни мало не унывая, Пугачевъ въ нѣсколько дней набралъ новую шайку и круто повернулъ къ западу. Какой-то раскольникъ Иванъ Ивановъ внушилъ ему мысль кинуться не Казань. Онъ увѣрялъ, что тайно присланъ будто бы отъ великаго князя Павла Петровича, отъ котораго привезъ ему *сапоги* и *шапку*, а отъ великой княгини *) *два камня*, и что великій князь ждетъ только его появленія у Казани, чтобъ присоединиться къ нему съ своимъ войскомъ.... Такіе росказни не могли, конечно, заслужить вѣроятія со стороны самого Пугачева и тѣхъ изъ его окружающихъ, которые были поумнѣе, но внушили бодрость и надежды толпѣ. Пугачевъ пустился по направленію только-что пройденному Михельсономъ, съ быстротою, которая приводила въ отчаяніе всѣхъ высылаемыхъ противъ него генераловъ, и въ ко-

*) Великій князь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вступилъ въ бракъ.

торой не уступалъ ему одинъ только Михельсонъ. Этотъ замѣчательный военный человѣкъ кинулся вслѣдъ за нимъ, нѣсколько разъ настигалъ его, нѣсколько разъ наносилъ ему жестокіе удары, но наконецъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, потому что разстрѣлялъ всѣ свои заряды. Онъ пошелъ къ Уфѣ, чтобъ освѣжить свой отрядъ и приготовиться къ новымъ трудамъ. довольный уже тѣмъ, что предупредилъ самозванца въ этомъ городѣ, лежащемъ по дорогѣ въ Казань,—а Пугачевъ между тѣмъ повернулъ къ сѣверу, взялъ нѣсколько незначительныхъ городковъ и переправился черезъ Каму у Осы, откуда путь къ Казани былъ ему совершенно открытъ.

Въ Казани пришли въ ужасъ, когда узнали объ этомъ. Весь край по сю сторону Камы былъ обнаженъ отъ войскъ и крестьяне отвсюду сбѣгались толпами къ самозванцу. Онъ быстро подвигался къ Казани. На-скоро собранный и плохо вооруженный отрядъ выведенъ былъ изъ этого города, чтобъ заградить ему дорогу, но не устоялъ противъ натиска многочисленной толпы самозванца,—и Казань осталась безъ всякой защиты. Когда (12 іюля) Пугечевъ приблизился къ городу и толпы его направились къ предмѣстьямъ, то ихъ встрѣтили тамъ гимназисты, фабричные работники и другіе обыватели съ дубинами и даже съ голыми кулаками. Очевидно, они не были въ состояніи отстоять города. Казань была взята, разграблена и зажжена. Груды всякой добычи свозились оттуда въ таборъ мятежниковъ; плѣнники приводились тысячами.

Къ удивленію однакожь, грабежъ продолжался лишь нѣсколько часовъ. Что̀ же помѣшало сволочи, сопровождавшей Пугачева, продолжать грабить? Разъѣзды дали знать, что Михельсонъ приближается. Дѣйствительно,

онъ былъ въ пятидесяти верстахъ отъ Казани, когда Пугачевъ къ ней подступилъ. Едва давъ перевести духъ своимъ солдатамъ, онъ продолжалъ путь къ этому городу; но густой дымъ со стороны Волги издали возвѣстилъ ему, что Казани уже болѣе нѣтъ. Отважный послѣ своего успѣха болѣе нежели когда нибудь, Пугачевъ не думалъ отступать передъ грознымъ своимъ противникомъ; напротивъ, онъ кинулся къ нему на встрѣчу, далъ сраженье, былъ разбитъ, снова вступилъ въ бой, и опять потерпѣлъ неудачу, послѣ чего всѣ бывшіе при немъ Башкиры его оставили. Даже Яицкіе казаки, главная его опора, находя положеніе его отчаяннымъ, задумали было выдать его. Но самъ Пугачевъ съ нѣсколькими приближенными своими не унывалъ. Тотъ же Иванъ Ивановъ, который подалъ мысль о движеніи на Казань, разыгралъ передъ смущенною толпой новую комедію, которая придала ей бодрости.

— „Пора бы мнѣ, надёжа - государь,—сказалъ онъ самозванцу, — въ Москву, къ *твоему Павлу Петровичу* возвратиться и объявить ему, чтобъ онъ поспѣшилъ съ обѣщанною арміей. Да какъ велишь ему быть: одному или съ великою княгиней?

— „Пусть пріѣзжаютъ вмѣстѣ.“

Четыре дня спустя послѣ своего пораженія, Пугачевъ уже слѣдовалъ по дорогѣ къ Нижнему, разбрасывая воззванія, въ которыхъ сулилъ крестьянамъ волю, — и новыя толпы собрались вокругъ него. Онъ переправился на правый берегъ Волги и направился, по видимому, къ Москвѣ.

При этомъ извѣстіи Москва пришла въ ужасъ; многіе начали собираться въ путь, чтобъ искать спасенія въ Твери. Императрица, собравъ свой совѣтъ, выразила намѣреніе сама принять начальство надъ войсками, кото-

рыя дѣйствовали противъ неукротимаго мятежника. Но Панинъ всегда спокойный и осторожный, представилъ, что это подало бы поводъ недружелюбнымъ къ намъ дворамъ догадаться, какъ велики внутреннія наши смуты, и напрячь всѣ усилія, чтобъ недопустить Турцію до мира. Онъ прибавилъ, что если Государыня не имѣетъ въ виду болѣе способнаго человѣка, то пусть поручитъ главное начальство надъ войсками противъ Пугачева его брату: „мой братъ дряхлъ, сказалъ онъ, но не откажется спасать отечество, и если надо, то велитъ нести себя на носилкахъ."

Петръ Панинъ, оставивъ армію послѣ взятія Бендеръ, жилъ въ Москвѣ и примкнулъ къ кружку людей, которые по разнымъ причинамъ были устранены, или сами устранились отъ служебной дѣятельности и, не принимая участія въ дѣйствіяхъ правительства, занимались ихъ порицаніемъ. Это была своего рода оппозиція, которая существовала и существуетъ вездѣ и во всѣ времена, но которая въ прежнія царствованія, когда слова подвергались такому же преслѣдованію, какъ и поступки, не смѣла такъ громко, какъ въ описываемое время, выражать свои мнѣнія. Екатерина не преслѣдовала московскихъ *недовольныхъ*, но разумѣется и не любила ихъ и называла ихъ *вралями*. Тѣмъ болѣе не любила она Панина, который занималъ между ними самое видное мѣсто. Но принадлежать къ оппозиціи незначитъ еще быть врагомъ своего государя, который изъ ея среды не рѣдко слышитъ добрые совѣты и предостереженія, а тѣмъ менѣе это значитъ быть врагомъ отечества, которому она то же желала бы послужить, но посвоему. Все это вполнѣ прилагалось и къ московскимъ *недовольнымъ*. Тотъ же самый Панинъ, который ворчалъ и брюзжалъ по поводу всякой мѣры, исходящей изъ Петер-

бурга, подалъ примѣръ дѣятельноности и энергіи, когда въ Москвѣ, подобно тому какъ въ Казани, рѣшено было вооружить милицію. Съ своей стороны и Императрица, побѣждая личное свое нерасположеніе къ ворчливому вельможѣ, поспѣшила отдать въ его распоряженіе всѣ отряды, дѣйствовавшіе противъ мятежниковъ. А какъ между тѣмъ миръ съ Турками былъ заключенъ, то въ помощь ему не замедлилъ прилетѣть отъ подножья Балканъ Суворовъ. Наконецъ вызванъ былъ изъ арміи и Потемкинъ и сдѣланъ вицъ-президентомъ военной коллегіи.

При извѣстіи о переправѣ Пугачева за Волгу, всѣ отряды, находившіеся у Казани и за Волгою, были двинуты вслѣдъ за Пугачевымъ, который между тѣмъ, едва-ли имѣвъ серіозное намѣреніе кинуться на Москву, быстро повернулъ къ юго-востоку, на Саранскъ и Пензу. Это движеніе его было самымъ страшнымъ актомъ Пугачевщины. Слѣдуя по губерніямъ довольно густо населеннымъ, и однимъ приближеніемъ своимъ поднимая крѣпостныхъ крестьянъ, онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу толпы, которыя рады были хоть на мигъ стряхнуть свою неволю и отмстить помѣщикамъ за все зло крѣпостнаго права. Путь Пугачева означался сожженными, разграбленными усадьбами и обезображенными трупами ихъ владѣльцевъ.

Но если Пугачевъ развернулъ при этомъ всю свирѣпость, до которой можетъ дойдти порвавшій всякія сдержки дикій произволъ, то и собственное его положеніе становилось очень затруднительнымъ. Михельсонъ гнался за нимъ по пятамъ, нѣсколько другихъ отрядовъ угрожали заградить ему дорогу. Онъ мчался съ изумительной быстротою, съ быстротою, которая

..у между тамошними кочевниками

Истребляя помѣщичьи усадьбы и
Камышина, гдѣ ему удалось разбит
регулярнаго войска; но Царицынъ
пленный, далъ ему отпоръ,—а ме
мый Михельсонъ настигалъ и, нако
чева подъ Чернымъ-Яромъ, 25 авгу
ними произошелъ бой, который кон
пораженіемъ мятежнаго сборища.
разсыпались по степи; кавалерія М
довала ихъ безостановочно 40 верс
кнуться на другіе, отвсюду сближа
гачевъ съ нѣсколькими казаками, пе
Волгу—и здѣсь, посреди голой степи,
едва избѣгнувъ плѣна, этотъ неугомо
составлялъ новые замыслы: собирало
вымъ, пуститься на судахъ въ Касп
нять орды кочевыхъ киргизовъ.

Но въ это время въ отрядъ Михе
Суворовъ и вслѣдъ за Пугачевым
Во...

рѣшились выдать его, чтобъ спасти себя. 14 сентября, во время ночлега въ одномъ раскольничьемъ селеніи на Узени, они обезоружили Пугачева, связали его и въ такомъ видѣ „на худой лошади" (чтобъ онъ не могъ ускакать) привезли въ Яицкій-городокъ. Черезъ нѣсколько дней туда прибылъ Суворовъ, велѣлъ сдѣлать деревянную клѣтку и, посадивъ въ нее скованнаго самозванца, подъ сильнымъ конвоемъ повезъ его въ Симбирскъ, гдѣ находился графъ Панинъ. Когда Пугачевъ былъ привезенъ и выпущенъ изъ клѣтки, Панинъ сказалъ ему: какъ смѣлъ ты, *воръ*, назваться государемъ?—„Я не *воронъ*, отвѣтилъ Пугачевъ, а только вороненокъ: воронъ еще летаетъ".

Еще за долго до поимки самозванца, въ Оренбургѣ и Яицкѣ, а потомъ въ Симбирскѣ, учреждены были слѣдственныя коммиссіи, которыя должны были, свѣдѣніями получаемыми отъ плѣнныхъ, раскрыть правительству тайныя пружины этого страннаго и грознаго возстанія. Эти свѣдѣнія еще не обрародованы вполнѣ и безъ сомнѣнія откроютъ множество подробностей намъ неизвѣстныхъ, а между тѣмъ изъ нѣсколькихъ распросныхъ рѣчей какъ самаго Пугачева, такъ и его сторонниковъ, напечатанныхъ въ послѣднее время, сдѣлалось извѣстно то, что выше разскано; мы уже имѣемъ возможность пополнить многое, чего не зналъ первый историкъ Пугачевщины, знаменитый Пушкинъ, и опровергнуть нѣкоторые изъ толковъ, ходившихъ между современниками.

Многіе изъ современниковъ Пугачевщины думали, что самозванецъ былъ подготовленъ которымъ-либо изъ иностранныхъ, нерасположенныхъ къ намъ правительствъ. Это оказывается несправедливымъ. Отличаясь въ этомъ отъ Стефана Малаго и Таракановой, Пугачевъ былъ

... на Румянцева, на Н. I.
на его брата Петра. Но чтобъ р
подобное обвиненіе, надо имѣть оч
тельства, а ихъ нѣтъ. Румянцевъ,
Суворова, когда Императрица хот
Дунайской арміи: это было сдѣлан
помнимъ однако обстоятельства. У
Суворова былъ посланъ Румянце
1774 года,—именно въ то время, к
Бибикова подавали надежду на
внутреннихъ безпорядковъ. Извиня
трицею въ неисполненіи ея указа,
что „по извѣстіямъ публичныхъ вѣ
таетъ мятежниковъ *вовсе изчезшим*
роны на Дунаѣ шла рѣчь о томъ:
миру; между Румянцевымъ и виз
миролюбивыя сношенія, но, какъ из
чему не привели и тому же Суворо
затѣмъ пройти съ мечемъ въ рукѣ до
Удивительно ли, что Румянцевъ рѣш
ворова и неужели ...

дозрѣвать ихъ въ злоумышленіи противъ себя и государства, то конечно не ввѣрила бы одному изъ нихъ командованіе войсками и не оставила бы въ рукахъ другимъ завѣдыванія иностранными сношеніями.

Между тѣмъ, по окончаніи слѣдствій, Пугачевъ и его сообщники были привезены въ Москву и преданы суду, приговоръ котораго исполненъ былъ въ началѣ 1775 года на Болотной площади. Пугачевъ и другой казакъ, Перфильевъ, были четвертованы, но палачу дано было приказаніе отрубить сначала голову злодѣямъ, а уже потомъ руки и ноги; Чикѣ отсѣчена голова; трое было повѣшено, 26 человѣкъ наказано тѣлесно и сослано. Это наказаніе нельзя не признать умѣреннымъ, если сличить его съ существовавшими тогда у насъ законами, и, напримѣръ, съ тѣми страшными истязаніями, которымъ были подвергнуты въ Польшѣ люди, участвовавшіе въ коліевщинѣ (стр. 92). Но чтобъ сильнѣе подѣйствовать на умы, вышеописанныя казни совершены были въ различныхъ мѣстахъ; названія Яицкаго Войска, Яицкаго-городка и самаго Яика были уничтожены и замѣнены названіями: Уралъ, Уральскъ и Уральское Войско; Зимовейская столица, родина Пугачева, названа была *Потемкинскою*.

XII.

Мнимая княжна Тараканова. — Политическая цѣль ея самозванства. — Военныя дѣйствія на Дунаѣ въ 1774 году. — Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. — Празднованіе его въ Москвѣ.

Въ то время когда Россія тщетно добивалась мира съ Турціей и когда въ головахъ нѣскольких раскол-

Любопытный эпизодъ о ...
принадлежитъ къ числу далеко еще не ра
эпизодовъ XVIII вѣка; но вотъ что о нем
Послѣ перваго раздѣла Польши, довольно
сло Поляковъ, принимавшихъ участіе въ
яхъ, удалились за границу. Одинъ изъ
Карлъ Радзивиллъ избралъ мѣстомъ жител
цію и вскорѣ по прибытіи его туда, имен
1773 или началѣ 1774 года, прошелъ слу
немъ находится дочь покойной Императриц
себя за законную наслѣдницу своей матер
ляющая духовное завѣщаніе, на которомъ он
свои права. Эта таинственная женщина, изв
именемъ княжны Таракановой, пользовала
почетомъ со стороны Радзивилла и всей ег
самъ, его приближенные и нѣсколько уви
кругъ нихъ ксендзовъ не сомнѣвались, или
что не сомнѣваются, въ ея царственномъ п
и ея правахъ на русскій престолъ.

Въ это же время Алексѣй Орловъ, все
управлять дѣйствіями русскаго флота въ
морѣ и Архипелагѣ, проживалъ въ Итал
... Таракановой

покровителемъ своимъ въ Константинополь, но не доѣхала до этого города, и остановилась въ Рагузѣ, гдѣ Радзивиллъ ее оставилъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, она также внезапно оттуда исчезла, какъ и явилась туда; была въ Неаполѣ, потомъ повернула въ Римъ и здѣсь вошла въ тайныя сношенія съ однимъ изъ кардиналовъ, черезъ котораго ходатайствовала о содѣйствіи папы къ доставленію ей русскаго престола, обѣщая за то подчинить Россію главенству римскаго престола.

Кто была эта княжна Тараканова, — неизвѣстно съ достовѣрностью и донынѣ. Она, или ея руководители, кажется нарочно окружали ее таинственностью. Во всякомъ случаѣ почти несомнѣнно, что она была самозванкой и что настоящая княжна Тараканова была совершенно другое лицо (*). Ходили слухи про женщину, покровительствуемую Радзивилломъ, будто она была еще ребенкомъ похищена откуда-то и отвезена въ Персію, гдѣ и получила воспитаніе; о связяхъ своихъ съ персидскимъ и турецкимъ правительствами она любила распространяться; увѣряла, что не сомнѣвается въ содѣйствіи ея видамъ короля прусскаго, говорила, что имѣетъ обширныя владѣнія въ одномъ изъ германскихъ княжествъ. Въ Римѣ жила она довольно пышно, но выѣзжала не иначе, какъ въ каретѣ съ поднятыми стеклами и видалась съ людьми, которыхъ старалась заинтересовать собою, лишь въ тайныхъ аудіенціяхъ. Всѣ говорили о ней, но почти никто ея не видалъ. Говорили, что она красавица, что одарена большимъ умомъ, и что превосходно знаетъ состояніе современной политики.

(*) Настоящая княжна Тараканова умерла, какъ полагаютъ, въ Москвѣ, въ Старомъ Ивановскомъ монастырѣ, уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

ренность къ себѣ. Это было время, когда
находился въ удаленіи отъ двора и ко
скій могъ безъ нарушенія вѣроятія
одного изъ тайныхъ враговъ Императр
ныхъ оказать пособіе всякимъ против
Сближеніе съ такимъ могущественн
какъ онъ, могло дѣйствительно показ
для таинственной авантюристки, тѣм
ставшись съ Радзивилломъ, она ста
деньгахъ; Орловъ, черезъ своихъ аге
неограниченный кредитъ и, выдавая
глубоко оскорбленнаго правительство
наконецъ пріѣхать для свиданія съ
но, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе.
жилъ ее всевозможнымъ почетомъ,
балы и праздники, совершенно, каз
ея виды и наконецъ предложилъ ей д
а между тѣмъ выжидалъ случая, что
не дѣлая огласки. Этотъ случай пре
нова однажды выразила желаніе по

дило несчастную самозванку у Петербургской крѣпости (*).

Такова судьба женщины, называвшей себя княжною Таракановой. Весьма вѣроятно, что она была не что иное, какъ орудіе въ рукахъ католическаго духовенства и польскихъ нашихъ недруговъ: она появляется въ первый разъ въ свитѣ польскаго магната непріязненной намъ партіи и до самаго своего плѣна остается окруженною католическими монахами. Вмѣстѣ съ нею и съ княземъ Радзивилломъ пробирался и одинъ изъ предводителей враждебныхъ намъ конфедерацій, Пулавскій, въ Константинополь, гдѣ французское вліяніе не замедлило бы конечно сообщить имъ опасное для Россіи значеніе. Но, какъ сказано, и княжна Тараканова и Радзивиллъ не поѣхали далѣе Рагузы. Имъ было объявлено, что прибытіе ихъ будетъ непріятно Портѣ. Порта сдѣлала крутой поворотъ въ своеей политикѣ.

Эта перемѣна произошла вслѣдствіе кончины султана Мустафы (въ январѣ 1774 г.), руководствовавшагося совѣтами французскаго посольства и людей, преданныхъ этому посольству. Преемникъ его Абдулъ-Гамидъ обнаружилъ болѣе благоразумія. Еще до того времени, когда обыкновенно открываются военныя дѣйствія, ранней весною, Румянцеву дано было почувствовать, что расположеніе умовъ въ турецкомъ правительствѣ бла-

(*) Какъ жизнь, такъ и смерть Таракановой сдѣлались предметомъ многихъ таинственныхъ разсказовъ. Если вѣрить сочнненіямъ, писаннымъ иностранцами, и особенно Французами, то она, будучи заключена въ подземной тюрьмѣ, погибла во время бывшаго въ Петербургѣ въ 1777 году наводненія: ее залило водою. Но это не справед-ливо. Теперь достовѣрно извѣстио, что она скончалась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего заключенія; объ этомъ сохранилось свидѣтельство исповѣдовавшаго ее священника.

[redacted]

гопріятно миру. Съ своей стороны Императрица, озабоченная волненіями на Волгѣ, рѣшилась отступиться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ требованій и поручила главнокомандующему не уклоняться отъ сношеній съ Турками, если они обнаружатъ несомнѣнное расположеніе къ миру. Такимъ образомъ обѣ воюющія стороны искали примиренія; но такъ какъ двукратные переговоры не привели къ желанному концу, и какъ въ 1774 году легко могло повториться тоже, что̀ было въ предшествующіе, то съ обѣихъ сторонъ военныя приготовленія дѣлались съ удвоенною энергіей. Армія Румянцева была доведена до 46,000 человѣкъ и ей было дано повелѣніе перейдти черезъ Дунай и дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ.

Изъ числа трехъ корпусовъ, составлявшихъ армію Румянцева, два предназначены были для обложенія турецкихъ крѣпостей Рущука и Силистріи, а генералы Каменскій и Суворовъ должны были, перейдя черезъ Дунай, двинуться къ Балканамъ, гдѣ въ крѣпкой позиціи близь Шумлы расположены были главныя турецкія силы. Эта часть арміи, назначеніе которой было главное, рѣшительное, состояла всего изъ 14,000 человѣкъ. Она была, очевидно, слишкомъ слаба для того, чтобъ соотвѣтствовать своей цѣли. И Фридрихъ II и Суворовъ, безъ сомнѣнія, отдѣлили бы въ нее несравненно болѣе значительныя силы на томъ основаніи, что Рущукъ и Силистрія не могли бы долго держаться, еслибъ главныя турецкія силы потерпѣли рѣшительное пораженіе и были бы прогнаны въ Балканы. Безъ сомнѣнія также, и Наполеонъ и Суворовъ сами предводительствовали бы этою частію своей арміи. Но нашъ фельдмаршалъ не въ состояніи былъ, какъ видно, вполнѣ отрѣшиться отъ старинной военной системы, придававшей дѣйствію противъ крѣпостей особенную важность.

Переправясь черезъ Дунай, и отойдя отъ него нѣсколько переходовъ, Каменскій и Суворовъ опрокинули 25,000 непріятельскій корпусъ, который не отступилъ, а побѣжалъ къ Шумлѣ. Къ сожалѣнію, Каменскій, который, какъ старшій, принялъ командованіе и надъ корпусомъ Суворова, не поспѣшилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, а лишь нѣсколько дней спустя двинулся къ Шумлѣ, гдѣ его появленіе, вслѣдъ за толпами бѣгущихъ, могло бы имѣть рѣшительныя послѣдствія. Но верховный визирь имѣлъ время приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля. Каменскій, не видя возможности прямо аттаковать визиря, принужденъ былъ маневрировать,— и должно отдать ему справедливость, сдѣлалъ это искусно: онъ обошелъ Шумлу и занялъ дорогу, идущую изъ этого города въ Константинополь. Такимъ образомъ онъ отрѣзывалъ отступленіе верховному визирю,—но, разумѣется, и самъ становился въ точно такое же положеніе. Разчетъ его состоялъ въ томъ, чтобъ своимъ движеніемъ выманить визиря изъ его укрѣпленнаго лагеря въ поле, гдѣ онъ надѣялся, не взирая на свою малочисленность, одержать верхъ. Разчетъ его основывался также и на нравственномъ впечатлѣніи, которое должно было произвести на турецкія толпы его появленіе у нихъ въ тылу.

Дѣйствительно, появленіе Русскихъ на дорогѣ въ Константинополь сильно встревожило Турокъ, армія визиря начала быстро уменьшаться; цѣлыя массы людей, ее покидали, чтобы горными окольными тропинками пробраться за Балканы Между остававшимися обнаружились и ужасъ и голодъ. Визирь предложилъ Румянцеву перемирье, но фельдмаршалъ потребовалъ мира. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась главная турецкая армія, сопротивляться этому требованію

же жители Кабарды были признаны с
отъ кого кромѣ единаго Бога независ
одно государство подъ управленіемъ (
кимъ образомъ прекращалась возможн
ности со стороны Татаръ, за набѣги
дилось Россіи имѣть разчеты съ Порт
пости Азовъ, Керчь и Еникале облад
крывало русскимъ кораблямъ свобо
Азовскаго моря въ Черное, Россія уде
Очаковъ, расположенный при устьѣ Дн
ко не имѣвшей тогда важности, подоб
ленъ былъ Турціи, но лежащій насу
бурнъ Россія удерживала. Порта т
зывалась оказывать защиту христіан
выми были въ турецкихъ владѣніяхъ
тельно православные, то Россія прин
же положеніе, которое она пріобрѣла
лѣтіи относительно своихъ единовѣр
Русскимъ купеческимъ кораблямъ пр
свободное плаваніе по всѣмъ морямъ
Турціи, чѣмъ расторгалась вѣковѣчн
Константинопольскаго и Дарданельск

важное вдвойнѣ, потому что консулы суть торговые агенты, которые могутъ быть въ то же время и агентами политическими. Водвореніе русскихъ консуловъ въ земляхъ Грековъ и Славянъ отчасти замѣняло какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи владѣніе островомъ въ Архипелагѣ, противъ чего вооружался даже ближайшій нашъ союзникъ, король Прусскій. Затѣмъ всѣ сдѣланныя у Турціи завоеванія возвращались ей; но относительно Молдавіи и Валахіи сдѣлана была особая оговорка: русскіе резиденты въ Константинополѣ были поставлены въ положеніе защитниковъ христіанскаго закона, блюстителями неприкосновенности церковныхъ имуществъ въ этихъ областяхъ и полнаго всепрощенія, объявленнаго тамошнимъ жителямъ Портою. Очевидно, какое огромное значеніе въ нихъ пріобрѣтала Россія и какое исключительное положеніе она для нихъ установляла; можно сказать, что кайнарджійскій договоръ былъ первымъ шагомъ къ ихъ нынѣшней, почти полной независимости. Совершенно то же выговаривалось и относительно Архипелажскихъ острововъ и Грузіи. Можно пожалѣть, что подобное же покровительство не было оказано Грекамъ твердой земли и Славянамъ; но связи, которыми договоръ 10 іюля опутывалъ Турцію, были и безъ того довольно сильны. Дальнѣйшее развитіе плановъ Екатерины откладывалось, но не далеко уже было время, когда Россія должна была выступить, въ качествѣ покровительницы Сербовъ и другихъ Турецкихъ славянъ, въ качествѣ державы, призывающей къ новой жизни своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

Такъ окончилась эта продолжительная, тяжелая война. Тучи, отовсюду надвигавшіяся на Россію, къ исходу 1774 года совершенно разсѣялись. Жестокая вой-

тѣмъ ...

дарствъ такое положеніе, какого она н
время Петра I, еще не имѣла. Самая не
которую она почти повсюду встрѣча
ствіе, которое со всѣхъ сторонъ оказ
политикѣ, и смущеніе, которое произв
странныхъ правительствахъ извѣстія о
казывали, что западная Европа видитъ
силу, съ которой необходимо считаться
уже возможно будетъ, какъ желалъ кор
исключить изъ политической системы Е
полученіи донесенія отъ Румянцова о
въ Кучукъ-Кайнарджи, Императрица пр
ходившійся въ Петербургѣ дипломати
вотъ какъ она описывала этотъ пріем
письмѣ къ б. Штакельбергу, посланни
шавѣ: „Я видѣла весь дипломатическій
ніенбаумѣ и замѣтила искреннюю р
англійскомъ и датскомъ министрѣ;
прусскомъ менѣе. Вашъ другъ Брани
тябремъ. Испанія ужасалась. Франц
молвная, ходила одна, сложа руки.

... ѣсть.... Впрочемъ мы

какъ военныхъ такъ и дипломатическихъ, были награждены самымъ щедрымъ образомъ. Румянцевъ, кромѣ имѣній и денегъ, получилъ нѣсколько почетныхъ наградъ: шпагу *за храбрыя предпріятія*, лавровый вѣнецъ *за побѣды*, масличную вѣть (*) *за заключеніе мира* и, наконецъ, названіе *Задунайскаго*. Весьма щедро также награжденъ былъ Панинъ, руководившій въ это затруднительное время нашими дипломатическими сношеніями, и другіе первостепенные и второстепенные дѣятели. Очень многимъ изъ нихъ розданы были земли въ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши и гдѣ, какъ предполагала Государыня, они должны были сдѣлаться ядромъ чисто-русскаго дворянства.

Но окончаніе тяжкихъ трудовъ и усилій, слава и польза Россіи, пріобрѣтенныя кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ были дѣломъ всероссійскимъ и народнымъ, которое Императрица пожелала отпраздновать въ центрѣ русской земли, рядомъ всенародныхъ торжествъ. Лѣтомъ 1775 года она прибыла съ цесаревичемъ Павломъ, съ дворомъ своимъ и съ иностранными дипломатами въ Москву. За нѣсколько дней передъ нею, прибылъ туда и Румянцовъ. Государыня желала, чтобъ онъ вступилъ въ древнюю столицу тріумфальными вратами, которые были для этого воздвигнуты; но Задунайскій, будучи врагомъ пышности и эфектовъ, отклонилъ этотъ тріумфъ. За тѣмъ послѣдовало торжественное вшествіе въ Москву самой Императрицы. Дворянство и купечество соорудили на этотъ случай двѣ тріумфальныхъ арки, изукрашенныя различными аллегорическими изображеніями. За неимѣніемъ въ то время дворца въ Москвѣ (который

(*) Разумѣется, всѣ эти предметы были сдѣланы изъ золота и осыпаны бриліантами.

сгорѣлъ при Елисаветѣ), Государыня помѣстилась въ партикулярномъ домѣ (кн. Голицына, на Пречистенкѣ), откуда дѣлала въ промежутокъ времени, остававшійся до предположенныхъ праздниковъ, поѣздки въ окрестности, посѣщала подмосковныя своихъ вельможъ и пѣшкомъ ходила въ Троицкую Лавру.

Наконецъ наступило 10 іюля, — годавщина подписанія славнаго мира и первый день празднествъ, продолжавшихся двѣ недѣли. Императрица, окруженная истинно царскою пышностію, покрытая императорскою мантіею, подъ балдахиномъ, предшествуемая Румянцовымъ и послѣдуемая придворными, по улицамъ устланымъ краснымъ сукномъ, предприняла шествіе въ Успенскій соборъ, гдѣ совершено было торжественное богослуженіе. Оттуда тоже церемоніальное шествіе направилось въ Грановитую палату, и здѣсь-то ею объявлены виновникамъ морскихъ и сухопутныхъ побѣдъ, министрамъ и сотрудникамъ своимъ тѣ награды, о которыхъ было выше сказано. Затѣмъ у Государыни и у частныхъ лицъ начались празднества, о которыхъ мы впрочемъ не будемъ говорить, а перейдемъ прямо къ *гулянью на Ходынскомъ полѣ*, какъ къ такому празднику, который имѣлъ наиболѣе значенія. Посреди этого поля сооруженъ былъ изъ легкихъ матеріаловъ цѣлый городокъ, зданія котораго имѣли видъ турецкихъ минаретовъ, кіосковъ и т. п.; на этихъ постройкахъ сдѣланы были надписи, долженствовавшія напоминать взятые у Турокъ города и крѣпости, перейденныя рѣки или вообще достопримѣчательные случаи минувшей войны; такъ, на одномъ зданіи было написано *Азовъ*, на другомъ *Керчь*, на третьемъ *Кайнарджи* и т. п. Въ этомъ фантастическомъ городкѣ и происходило *гулянье:* накрыты были для простанародья столы, сдѣланы качели, собраны были пѣсенники, ба-

лансеры, фокусники и т. п. Неизчеслимыя толпы съ ранняго утра тѣснились здѣсь, ожидая прибытія Государыни. Она прибыла въ золотой парадной каретѣ, съ *пажами на ремняхъ*, съ гайдуками и скороходами, облаченная въ богатое платье русскаго покроя, — одежду, вполнѣ приличную національному торжеству; обозрѣвъ все приготовленное для угощенія народа и его увеселенія, она подала сигналъ къ начатію праздника и сама вступила въ *Азовскую крѣпость*, гдѣ для нея и для ея приближенныхъ накрытъ былъ столъ. Она посадила подлѣ себя Румянцева и выпила бокалъ шампанскаго за здоровье побѣдителя Турокъ.

СОДЕРЖАНІЕ.